

ISSN 0201-7539

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

XIX

1979

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А. ДОНИША

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ
Выпуск XIX (1979 г.)

Ответственные редакторы
Б. А. Литвинский,
Н. Н. Негматов, В. А. Раюв

Издательство "Дониш"
Душанбе, 1986

Археологические работы в Таджикистане, вып. XIX (1979 г.),
Душанбе: Дониш, 1986, с. 480.

Сборник посвящен итогам полевых археологических исследований на территории Таджикистана в 1979 г. В нем публикуются сведения о памятниках различных эпох: от каменного века до позднего средневековья. В статьях-отчетах содержатся фактические данные о результатах раскопочных работ, а также материалы по истории культуры, искусства, архитектуры. Сборник снабжен иллюстрациями.

Книга рассчитана на археологов, историков, краеведов, преподавателей высшей и средней школы, студентов и широкий круг читателей, интересующихся историей таджикского народа.

А 0507000000 - 026 - 30 - 85
И 502 - 86

© Издательство "Дониш", 1986

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск "Археологических работ в Таджикистане" являющийся уже 19-м, посвящен главным итогам полевого сезона 1979 г., в котором, как и ранее, исследования проводились тремя крупными экспедициями. В них участвовали следующие отряды, перечисленные ниже во временной ранжировке.

И Indo-Таджикистанская экспедиция (начальник экспедиции — член-корреспондент АН Таджикской ССР, профессор Б.А. Литвинский)

1. Отряд по изучению каменного века — начальник В.А. Жуков.
 2. Маркансуйский отряд — В.А. Жуков.
 3. Нурекский отряд — А.Х. Юсупов.
 4. Бешкентский отряд (группа каменного века) — А.Г. Амосова.
 5. Отряд по изучению памятников эпохи бронзы — Н.М. Виноградова.
 6. Тахтисангинский отряд — И.Р. Пичкиян.
 7. Бешкентский отряд (античные памятники) — А.В. Седов.
 8. Гиссарский отряд — Б.В. Зеймаль.
 9. Кобаджанский отряд — Т.И. Зеймаль.
 10. Давгаринский отряд — В.П. Денисов.
 11. Калашодмонский отряд — В.С. Соловьев.
 12. Кафьркалинский отряд — В.С. Соловьев.
 13. Каратегинский отряд — Ю.Я. Якубов.
 14. Памирский отряд — М.А. Бубнова.
 15. Хульбукский отряд — Э.Г. Гулямова.
- Пенджикентская экспедиция
16. Пенджикентский отряд — Б.И. Маршак.
 17. Саразмский отряд — А.И. Исаков.
- Северо-Таджикистанская комплексная экспедиция
18. Ходжентский отряд — Т.В. Бедряева.
 19. Шахрестанский отряд — Н.Н. Негматов.

20. Западно-Ферганский отряд — Б.Д.Салтовская.

21. Куркатский отряд — А.К.Мирбабаев.^I

В отчетном полевом сезоне получены важные археологические материалы, значительно обогатившие наши знания о древнейшем прошлом Таджикистана (рис. I).

В области каменного века наиболее интересные результаты дали раскопки нижнепалеолитической стоянки Лалуты I, расположенной вблизи пос. Ховалинг. Раскопками установлено, что концентрация каменных орудий здесь значительно выше, чем на ранее раскопанной стоянке — Каратау I и возрастает по мере удаления от обрыва, который ограничивает раскоп с востока. Индустрия стоянки Лалуты I демонстрирует более развитые черты по сравнению с индустрией Каратау I, что вполне соответствует ее стратиграфическому положению.

Продолжались раскопки пещеры "Истынская" в юго-восточной части Восточного Памира. Наиболее интересной чертой каменной индустрии, вскрытой раскопками, является то, что III и IV горизонты пещеры демонстрируют хорошо выраженную мезолитическую технику "затупленной спинки", характерную для окружающих Памир регионов (Афганистан, Таджикская депрессия, Индия), но впервые обнаруженную на Памире. Это в значительной мере меняет наши представления о характере каменной индустрии заслачной страны.

В Бешкентской долине продолжалось исследование открытых местонахождений мезо-неолитического времени. Произведены по-

Рис. I. Основные объекты раскопок сезона 1979 г.:
 1 — Лалуты I, 2 — Пещера "Истынская", 3 — Тегузак, 4 — Каменное городище, 5 — Кафир-Кала, 6 — Калаишодмон, 7 — Вранг, 8 — Хульбук, 9 — Сайед, 10 — Пенджикент, II — Саразм.

I. Не получив отражения в представленном сборнике работы отряда Малой Академии наук, производившего раскопки на Калаишодмон в Орджоникидзебадском районе. В сборнике представлен итоговый отчет по работам археографического отряда за 1974—1980 гг.

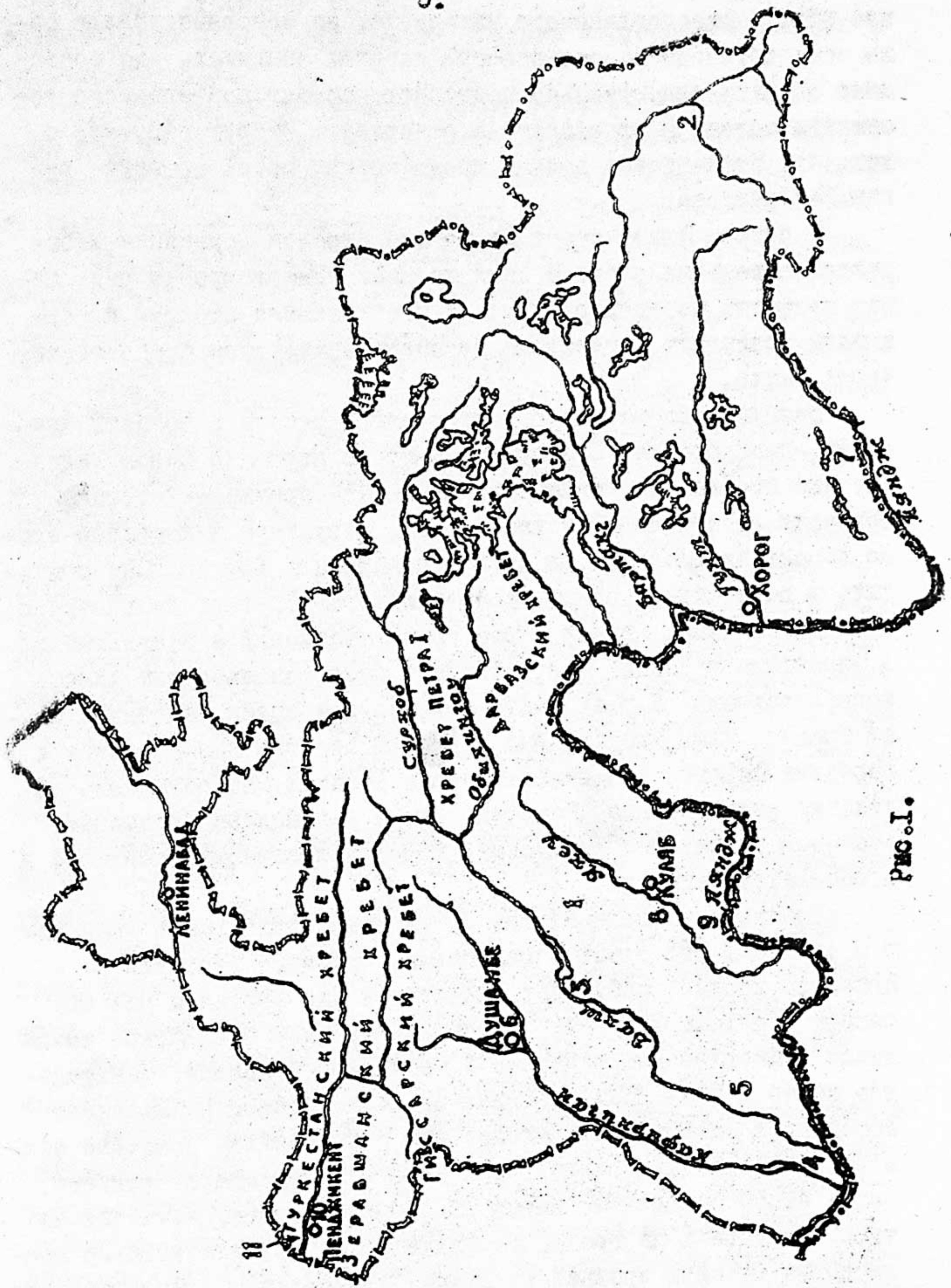

Рис. I.

ные сборы археологического материала, но основные усилия были сосредоточены на палеогеографических аспектах, что позволило создать относительно подробную картину постепенного иссушения долины и окончательно отвергнуть старую гипотезу о том, что Бешкентская долина представляла собой древний рукав Кафирнигана.

В отчете Яванского и Вахшского отрядов приведены итоги разведывательных работ в этих долинах. Зафиксирован ряд новых открытых местонахождений, в значительной степени пополнивший коллекцию памятников гиссарской культуры среднего течения Вахша.

Важными открытиями ознаменовались работы в области изучения эпохи бронзы. Раскопки одного из первых в Южном Таджикистане поселений оседлоземледельческой бронзы — Тегузак принесли интересные материалы, хотя структура и характер этого поселения остаются не совсем понятными. Трудно пока объяснить и сочетание в одном памятнике керамики земледельческого и степного типа. Другой отряд провел разведки в Дангаринском и Советском районах. При разведках были использованы данные аэрофотосъемки. В результате открыто два новых памятника эпохи бронзы. Плодотворным был и третий полевой сезон раскопок городища Саразм, где вскрыты новые участки многослойного поселения эпохи бронзы. Получены новые экземпляры бронзовых, костяных и каменных предметов, хорошая коллекция расписной и нерасписной керамики.

Результаты исследований по античной археологии изложены в 6 статьях. Это отчет о раскопках поселения Турткуль в Яванской долине, раскопках курганов в Дангаринском районе, работы в районе Шахрияву, на вновь открытом буддийском комплексе в Шаартузском районе и в Бешкентской долине. Центральное место в этих исследованиях занимает раскопки Каменного городища в Шаартузском районе, где были сделаны поистине сенсационные находки: миниатюрный портрет Александра Великого, сцены охоты на стенках ларца из слоновой кости, каменный алтарь с надписью на греческом языке и другие, значительно обогатившие историю древней культуры Таджикистана и Средней Азии в целом и продемонстрировавшие яркие свидетельства тесных

взаимосвязей этих регионов со странами зарубежного Востока и Средиземноморья.

Среди памятников раннего средневековья прежде всего следует упомянуть Калаишодмон (Орджоникидзеabadского района), памятник, частично утраченный при строительстве дороги, где открыта настенная живопись, очень редкая для Южного Таджикистана.

Среди находок на городище Кафыркала особенно интересны керамическая плита, изображающая охоту всадника на дикого барана, оттиск печати-геммы с изображением всадника, на которого нападают два хищника. Как всегда, обильную информацию дают раскопки древнего Пенджикента, где получены ценные данные по ранней истории храмов и их архитектуре, найдены гири и другие предметы с согдийскими надписями, новые фрагменты настенной живописи.

Интересный, но еще не совсем понятный культовый комплекс раскопан в кишлаке Вранг. Он расположен выше известного пещерного города и ориентировочно датируется по археологическим находкам V-VI вв. н.э. Не совсем понятен и культ, который комплексу отражает. Не исключено, что перед нами остатки буддийского сооружения, однако прямых аналогий с известными буддийскими памятниками Средней Азии вновь открытый комплекс не дает.

Хульбукский и Московский отряды продолжили работы на цитадели Хульбука и городище Сайед. Выявлены важные структурные детали обих объектов, выявлены новые элементы декора.

Новые археологические работы были проведены на мавзолее Ходжа Мамад в Шаартузском районе. Они подтвердили домонгольский возраст этого выдающегося архитектурного памятника.

Исследования Каратегинского отряда затронули широкий диапазон археологических памятников урочища Дяхи.

Обзор полевых работ Северо-Таджикстанской археологической комплексной экспедиции дан в статье Н.Н.Негматова "Полевые исследования СТАКЭ в 1979 г." В статье Т.В.Беляевой изложены результаты раскопок культурных горизонтов античного времени и позднего средневековья на Арке Ходженской цитадели. Б.Д.Салтовская и У.П.Пулатов излагают итоги раскопок второго строительного горизонта замка IV-VI вв. Тиркентца близ

поселка Табошар Ходжентского района — одного из важных памятников раннесредневековой области Илак. З.А.Малаева рассказывает о работах на объектах УП и УШ городища Калам Кахказа I, где впервые выявлены остатки внутренней оборонительной стены, дополнительно укреплявшей центральные кварталы шахристана города Бунджиката. Предварительной публикации новых сенсационных находок уникальных бронзовых скульптурных головок горных баранов и других изделий из Исфаринской долины посвящена статья А.К.Мирбабаева и Н.Н.Негматова. О новых наскальных рисунках, найденных в горах Северного Таджикистана сообщает О.В.Павфилов. Наконец, Н.Н.Негматов продолжает свою серию статей об исследовании архитектурных памятников Северного Таджикистана: в данном сборнике публикует известный, но еще мало изученный архитектурный комплекс Шейха Муслихиддина в г. Ленинабаде.

УЗБЕКО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

В.А. Ранов

РАСКОПКИ НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЛАХУТИ I
В 1979 г.

В отчетном сезоне отряд по изучению каменного века провел второй сезон раскопок нижнепалеолитической стоянки Лахути I, расположенной в Восейском районе, в 12 км от поселка Ховалинг.¹ Стоянка связана с 5-й погребенной почвой, датированной, по данным А.Б. Додонова, рисс-вюрмским возрастом (ТД дата - 130 тыс. лет). Поскольку в предыдущих публикациях уже давалось общее описание самой почвы и положения в ней каменных изделий, в отчете за 1979 г. мы остановимся лишь на некоторых чисто технических моментах раскопок, отсылая читателя, интересующегося общей стратиграфией разреза Лахути I к ранее вышедшим работам.²

Почвоведомы С.П. Ломовым и П.М. Сосиным произведен подробный почвенный анализ, который продемонстрировал сложное строение 5-й почвы и приуроченность каменных изделий к наиболее интенсивно выраженному и окрашенному в буро-красный цвет горизонту выщелачивания *vt*. Свойства этой части почвы указывают на интенсивность почвенных процессов, обусловлен-

1. Состав отряда: В.А. Жуков - начальник отряда, В.А. Ранов - ст. научный сотрудник, М. Муллокаядов - ст. лаборант (Институт истории им. А. Дониша), В.С. Волошин - ст. научный сотрудник Целиноградского областного музея, Ю.А. Мотов, А.Б. Ермолаева, археологи (Алма-Ата). Предыдущие публикации: А.Б. Д о д о н о в, В.А. Р а н о в. Новые палеолитические находки в лессах бассейна р. Кизылсу (Южный Таджикистан). Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 46, 1976, с. 98-106; В.А. Р а н о в, В.А. Ж у к о в. Раскопки стоянки Лахути I в 1976 г. Работы отряда по изучению каменного века в 1976 г. АРТ, вып. XVI (1976 г.). Душанбе, 1982, с. 9-30.
2. См. Путеводитель экскурсий Международного Симпозиума "Граница неогена и четвертичной системы". М., 1977, с. 51-59 и др.

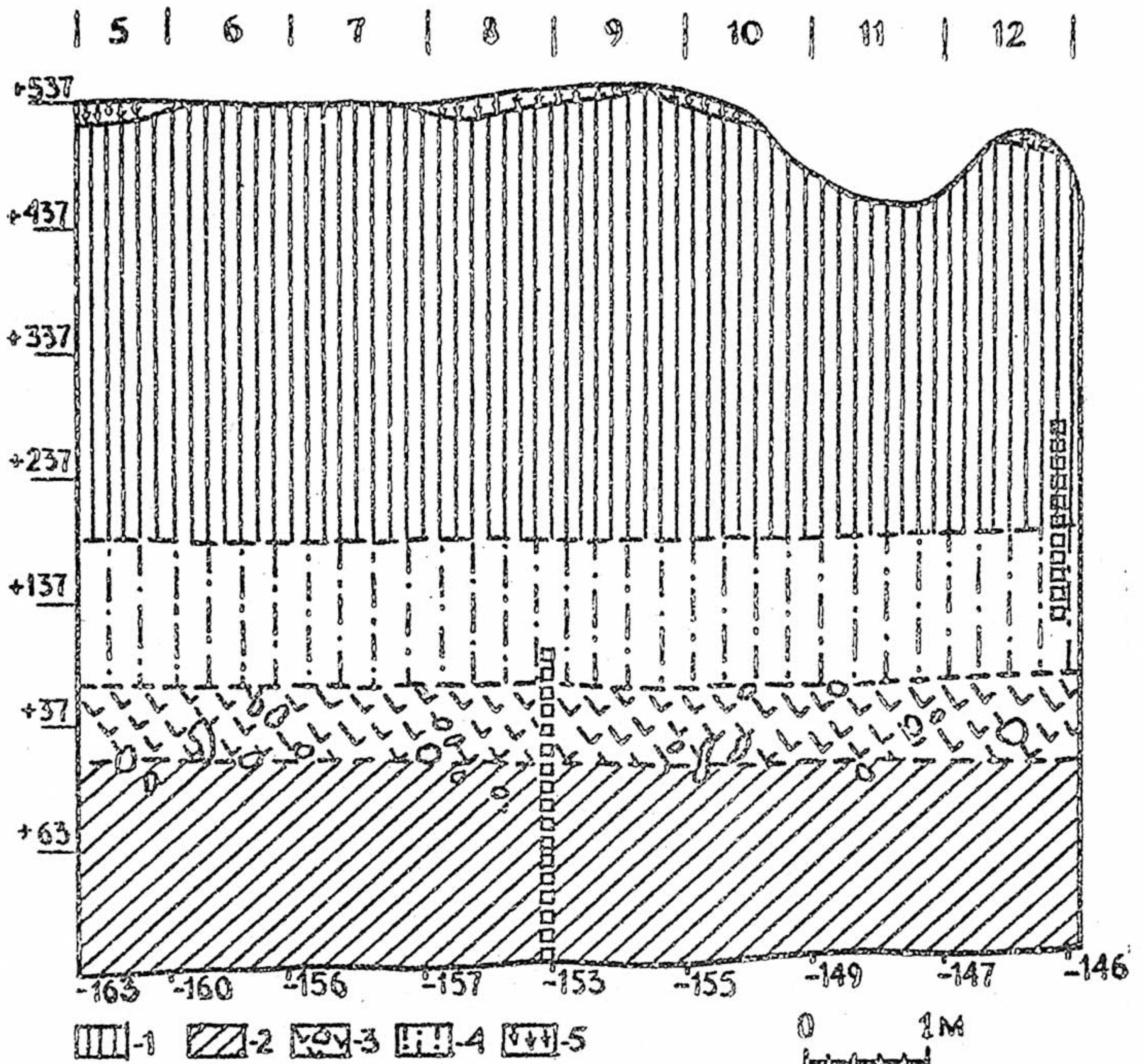

Рис. I. Разрез западной стенки раскопа 1979 г. 1 - лесс, 2 - погребенная почва с находками, опирающаяся на карбонатную корку, 3 - карбонатные стяжения, фиксирующие уровень формирования горизонта Аса - зачаточной почвы, 4 - зачаточная почва, 5 - современный гумус. Цифры обозначают отметки от репера. Квадратиками показаны места взятия образцов на пыльцу (через 15 см).

ную высокой суммой годовых осадков (7500 мм/год) и существенную термическую напряженность почвообразования, т.е. являются отражением климатического оптимума. Те же самые наблюдения были сделаны и для шестой почвы — на стоянке Каратау I.³ Интересно, что и в этом памятнике, и на Лахути I, этот климатический оптимум, в общих чертах, совпадает с распространением каменных орудий в погребенной почве. И хотя динамика накопления каменных изделий в почвах лессовых разрезов Южного Таджикистана остается не совсем ясной, похоже, что климатический оптимум действительно был наиболее благоприятен для освоения людьми водораздельных пространств Южного Таджикистана в конце среднего — начале верхнего плейстоцена.

Общая площадь раскопа 1979 г. около 60 м². Погребенную почву, содержащую каменные орудия, перекрывала толща лесса и слабо развитой почвы мощностью до 5 м. Мощность погребенной почвы без переходного слоя более или менее постоянна — 1,8—2,0 м. Как обычно для древних почв нижняя граница хорошо маркировалась карбонатной коркой. Что касается верхней границы, то она имеет более расплывчатый характер и переход к слабо развитой почве определяется менее четко. Важно подчеркнуть, что обработанный камень зафиксирован только в погребенной почве и не отмечен выше, за исключением одного осколка (рис. 1). Практически на каждом из вскрытых квадратов зафиксированы находки.⁴ Концентрация их различна, как показано на рис. 2. Согласно этим подсчетам, можно выделить два пятна наибольшей концентрации находок, где в большинстве квадратов имеется от 10 и более находок: квадраты ДВ-10-13 и КЛ-7-12. Объяснить причины такой концентрации пока еще трудно, но кажется вполне правдоподобным предположение, что основная часть стоянки должна располагаться западнее и уходит под обрез раскопа, т.е. под мощную толщу лесса.

3. С.П. Л о м о в, П.М. С о с и н. О почвах палеолитической стоянки Каратау I в Южном Таджикистане. — Изв. АН Тадж. ССР, Отд. биол. наук, № 4 (65), 1976, с. 98.

4. О методике раскопок стоянки см. В.А. Р а н о в, В.А. Ж у к о в. Работы отряда по изучению каменного века в 1976 г. АРТ, вып. XVI (1976 г.): "Дониш", Душанбе, 1982, с. 13-17.

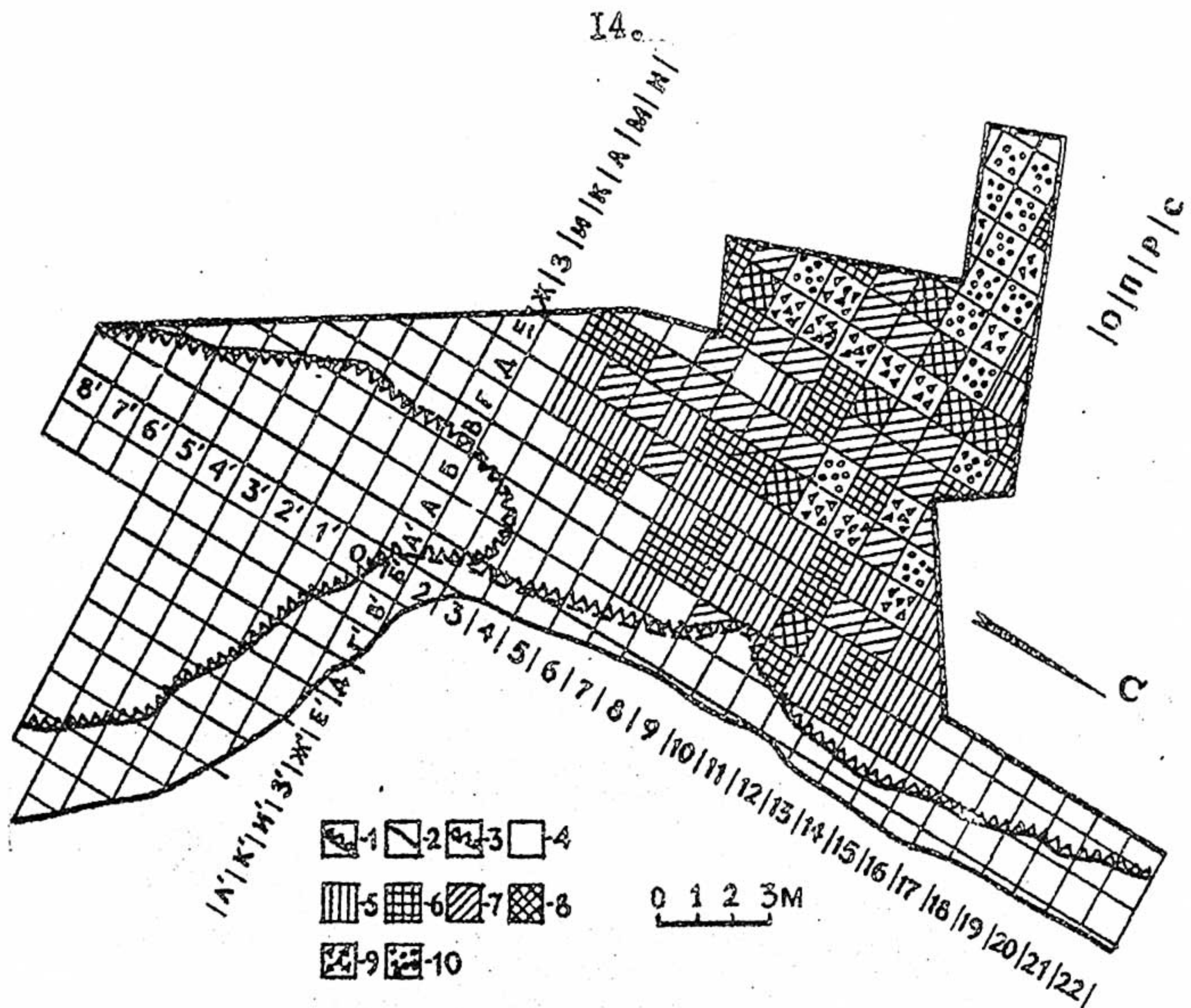

Рис. 2. Концентрация находок, взятая на всю толщу погребенной почвы по квадратам (за три сезона - 1976-1980 гг.): I - граница обрыва, 3 - участок разрушенной дороги, 4 - квадраты без находок, 5 - 1-2 - предмета на квадрат, 6-3-4, 7-5-6, 8-7-8, 9-9-10, 10 - более 10 предметов на квадрат.

Представленное на графике распределение показывает определенное сходство между подсчетами двух сезонов раскопок (рис. 3). По графику 1979 г. хорошо видно, что максимальное количество находок заключено между 80 и 220 см - 372 (82,3%). Максимальные пики графика падают на 110-49 (10,84%) и 150-32 (7,07%). От 110 до 169 имеется 229 находок (50,66%), совсем мало предметов встречено на кровле погребенной почвы - от +20 до -50, всего 52 предмета - 11,5% и от 190 до 230-15 (3,31%).

15.

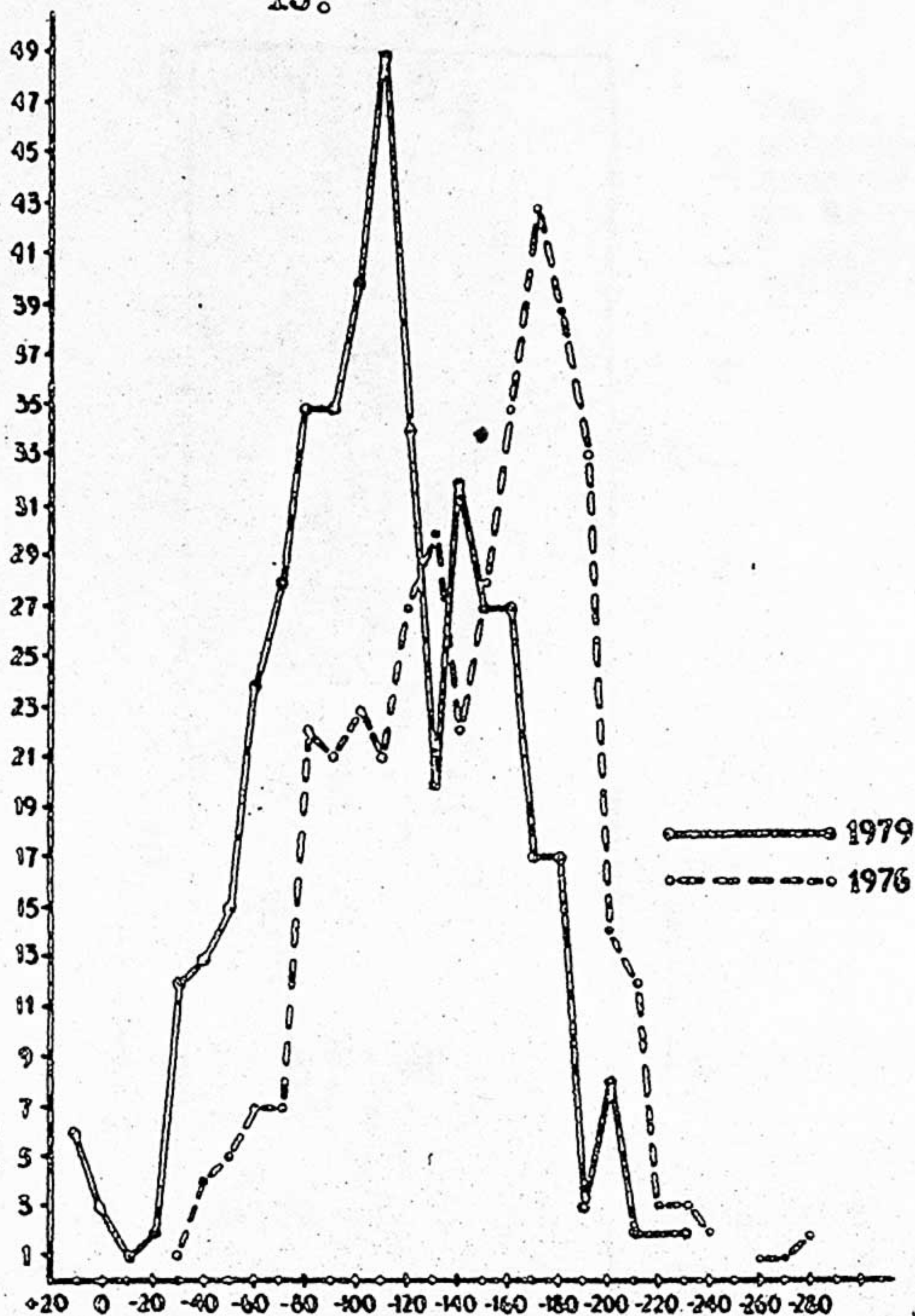

Рис.3. График распространения находок в толще погребенной почвы (раскопки 1976 и 1979 гг.). По вертикали количество находок, по горизонтали - отметка от общего репера.

Учитывая смещение отметок по корке и кровле почвы, можно считать, что два пика (отметка 80-120 и 120-160) могут в какой-то мере отражать существование двух плохо прослеживаемых горизонтов. Тот же вывод подтверждает и зафиксированное положение находок в квадратах, по линии К, спроецированное на условную стенку одной из линий квадратов (рис.4). Здесь хорошо

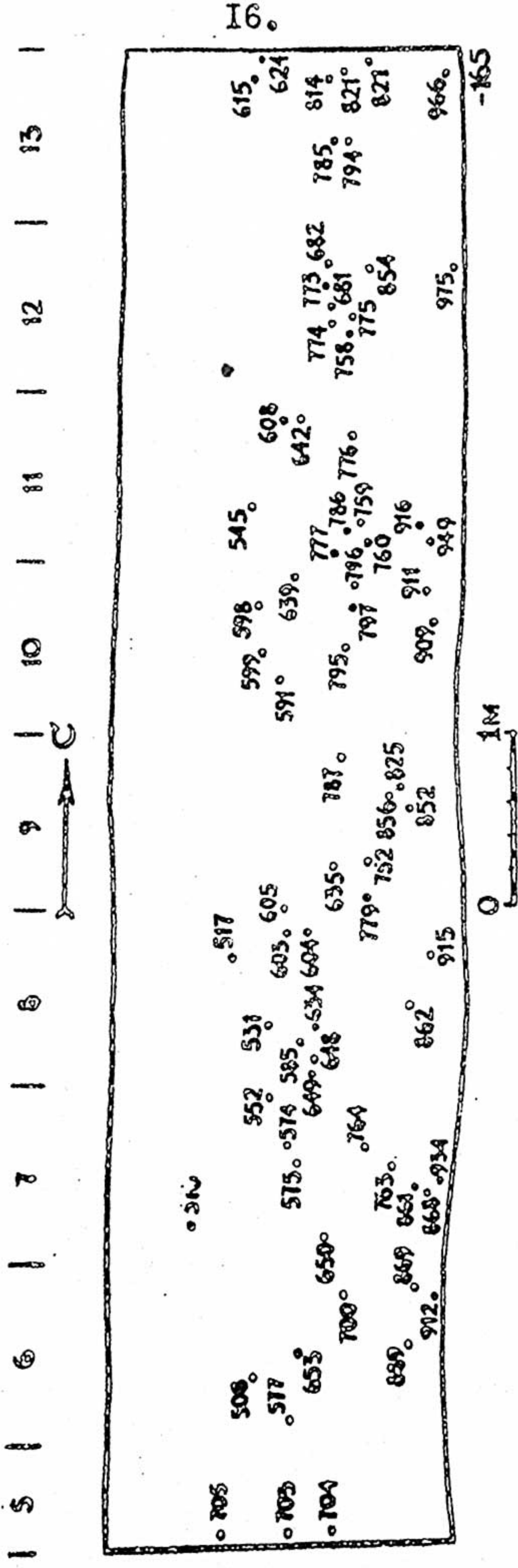

Рис. 4. Проекция находок на стенку на линии К (проецированы находки от одного квадрата). Цифры на чертеже соответствуют номеру находки. Основание почвы опирается на карбонатную корку. Цифра ниже линии — отметка от репера.

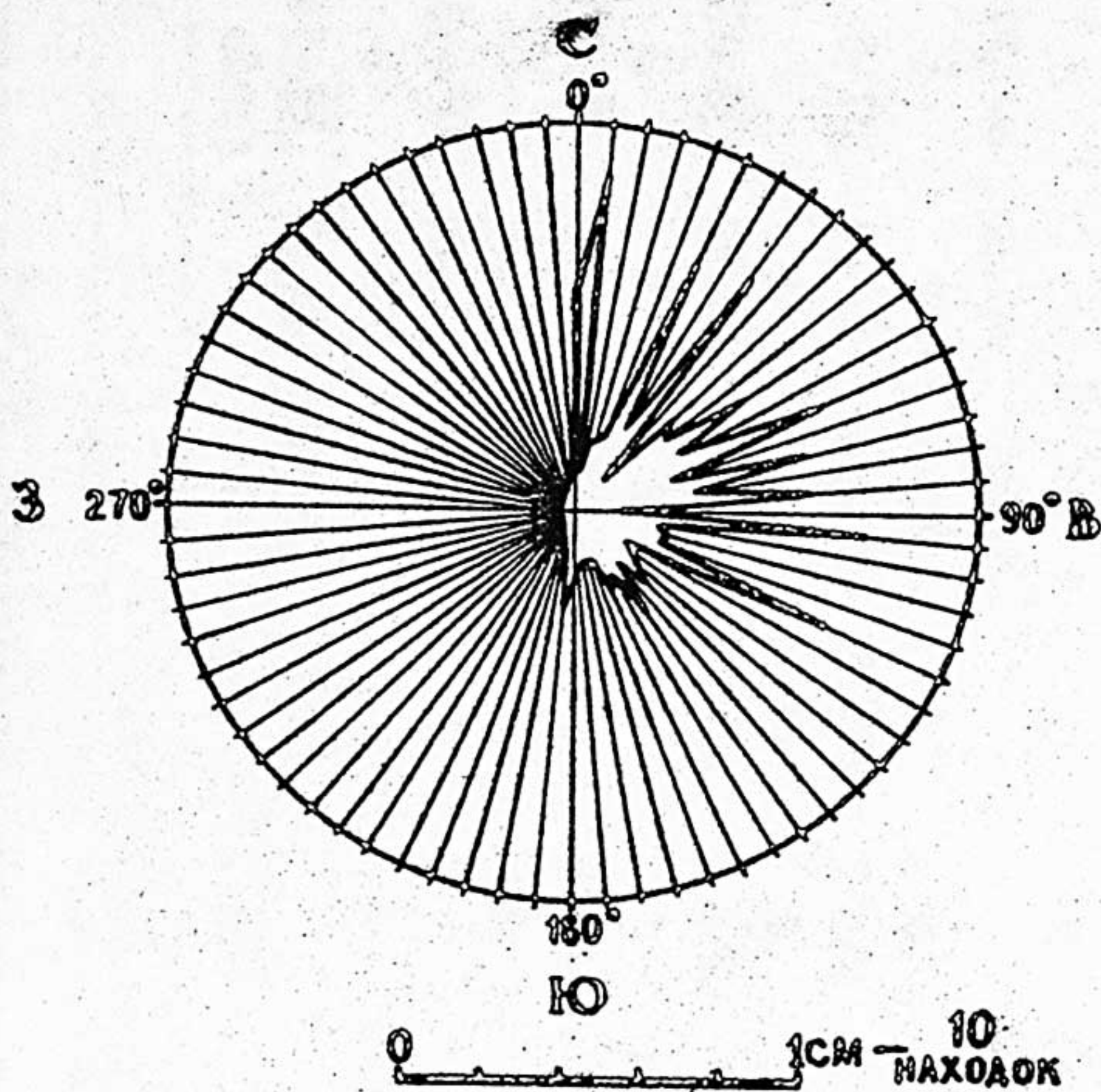

Рис. 5. Замеры направления положения длинной оси изделия по сторонам света. В пересчете с геологического компаса.

видно, что находки образуют полосу, с максимальным наполнением на отметках — 120 до 64 см.

Замеры направления положения длинной оси изделия по сторонам света показаны на рис. 5.⁵ Счет градусов — по часовой стрелке. В восточной половине лимба компаса из 300 замеров наибольшее число падает на северо-восточное направление — 180 из 300 (60%). Поскольку при измерении направления в возможных пределах учитывались углы залегания, в целом можно сказать, что ориентация длинных осей орудия совпадает с направлением в сторону ручья Хошар, т.е. в какой-то мере падению по склону.

Положение каменных изделий в толще погребенной почвы изучалось при помощи измерения углов залегания изделия в поч-

5. О сложностях, связанных с использованием этого приема, см. В.А. Р а н о в, А.Г. А м о с о в а. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г. АРТ, вып. ХУШ (1978 г.), Душанбе, 1984.

Продолжение таблицы I

Наклон на север	Углы в градусах										Итого
	39-42	42-45	45-48	48-51	:	:	:	:	:	:	
Количество	5	3	2								27
Наклон на юг		42-45	45-48	48-51							
Количество	22	22	2	I							37
Наклон на восток	30-33	33-36	36-39	39-42	42-45	45-48	48-51	57-60			
Количество	8	7	I	3	2	4	2	2			75
Наклон на запад											
Количество											18
Наклон на северо-восток	39-42	42-45	48-51	54-57	57-60						
Количество	I	3	3	2	I						35
Наклон на северо-запад	30-33	39-42									
Количество	I	2									29
Наклон на юго-восток	33-36	36-39	45-48	48-51	51-54						
Количество	3	I	3	I	I						52
Наклон на юго-запад											
Количество											16
Вертикальное положение											14
Горизонтальное положение											28

Всего измерено... 331

ве. Результаты этих измерений могут быть сведены в таблицу I.

Из таблицы можно вывести следующие группировки замеров: 0-12°-93 (28,56%), 12-30°-102 (31,0%), 30-45°-61 (18,54%), 45-60°-31 (9,42%), вертикально стоявших изделий - 14 (4,25%), лежащих в горизонтальном положении - 28 (8,51%). Таким образом, большая часть находок имеет наклон до 30°-195, или 59,56%.

Если же взять восточную половину лимба компаса, то здесь будем иметь в восточной части (с, с-в, ю-в, в) - 189 образцов (65,39%), в западной (ю, ю-з, с-з, з) - 100 (34,6%). Северо-восточная часть раскопа открыта в сторону ручья Хошар и в долину реки Оби-Мазар, противоположная часть - в сторону водораздела. Трудно сказать, могут ли приведенные цифры свидетельствовать о перемещении изделий по склону, поскольку никаких других статистических данных для памятников, связанных с погребенными почвами, неизвестно и сравнивать пока не с чем. На Дахути I концентрация орудий значительно выше, чем на Каратау I, в почве встречены и мелкие обломки костей, что указывает на вероятность наличия здесь в былом культурного слоя или, во всяком случае, незначительное перемещение находок. Никаких следов очагов и угольных пятен не обнаружено. Анализ распространения различных категорий орудий по горизонту и вертикали будет проведен при детальной публикации материалов Каратауской культуры.

Следует затронуть еще один сложный вопрос - объяснение возможной динамики накопления каменных изделий в толще почвы. Строго говоря, существует три альтернативы: 1. Орудия и другие изделия, встреченные в погребенных почвах лессовых разрезов Южного Таджикистана, находятся не *in situ* и перемещены по склону сезонными водотоками. В этом случае мы всегда вынуждены считать, что собственно стоянки должны находиться несколько выше по склону. Эти положения противоречат представлениям почвоведов (П.М.Сосина), поскольку в этом варианте надо принять вторичное образование почвы. 2. Примерный срок образования педокомплекса обычно принимается где-то в рамках 10-6 тыс. лет⁶, и если даже учесть, что каменные изделия

6. Личное сообщение И.К.Ивановой, П.М.Сосина. См. также: С.П. Л о м о в, В.А. Р а н о в. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий. Почвоведение, № 4, 1984, с.23.

распространяются в основном в I-I,5 м толщ почвы, соответствующих климатическому оптимуму, то все равно надо предположить, что именно на это место люди приходили на протяжении нескольких тысяч лет, оставляя всякий раз несколько орудий (например, в Лахути на всей площади, вскрытой в 1979 г: по 5 см горизонтальным срезам мы имеем от I до 29 изделий, а общая мощность толщи, содержащей обработанный камень равна 2,5 м). Этот вариант не очень устраивает археологов. 3. Наконец, можно предположить, но очень трудно доказать, опять-таки с точки зрения почвоведения, что указанные I,5-2,5 м, содержащие изделия каменного века, накопились как культурный слой и представляют собой отложения техногенного порядка. В этом случае, наверное, участки, на которых найдены каменные изделия, должны были бы заметно отличаться по своей структуре от основного слоя древней почвы.

По всей очевидности, только с накоплением больших статистических объемов и усовершенствованием методики раскопок можно будет окончательно решить этот вопрос. При этом нужно представить себе, что в условиях древних водораздельных пространств мы встречаем не собственно стоянки как долговременные места обитаний, а временные охотничьи пункты, местобитания, в условиях которых значительный культурный слой и не мог накопиться. Вряд ли правомочно здесь было бы проводить напрямую аналогию с гиссарской культурой, но можно себе представить в плане планиграфии россыпи битого камня такого характера, как пункты на водоразделах и в адырной полосе, где на пахоте или прямо на дневной поверхности можно собирать расщепленный гиссарцами галечный материал.⁷

Каменный инвентарь. Первичной породой для изготовления орудий служили гальки изверженных и осадочных пород: кварцитовидного песчаника, кварцевого порфира, роговика, андезита(?), кристаллического сланца, кремнистого известняка.⁸ Как

7. А.П. Окладников, В.А. Раянов. Каменный век. История таджикского народа, т. I, М., 1963, с. 84-86.

8. Приношу свою глубокую признательность научному сотруднику Института геологии АН Таджикской ССР Л.В. Стрелец, сделавшей петрографические определения.

и в прошлые годы, вместе с ними встречались гальки и обломки изделий очень рыхлого песчаника, назначение которых до сих пор непонятно и может быть объяснено лишь тем, что этот материал разрыхлился под влиянием химических процессов, происходящих в почве.

Общее количество номеров коллекции, полученной в 1979 г. — 490. Среди них можно выделить следующие категории: нуклеусы — 12 (2,45%), чоперы различной стадии обработки — 28 (5,7%), орудия — 37 (7,56%), отщепы — 73 (14,90%), пластины — 3 (0,61%), гальки со сколами — 5 (1,02%), осколки галек иногда с 1-2 сколами — 26 (5,30%), осколки — 36 (7,35%), сколы типа "цитрус" и клиновидные осколки — 33 (6,73%), обломки — 237 (48,37%). Кроме того, в 5-й почве вместе с указанным материалом было найдено 32 гальки, не имеющие никаких следов специальной обработки.

Нуклеусы. За исключением 2-3 нуклеусов, остальные выражены недостаточно четко, и традиционные типы, на которые мы их делим, в большой степени условны.

Два нуклеуса можно, в какой-то степени отнести к прото-призматическим, во всяком случае по характеру основных сколов, оставивших на поверхности нуклеуса удлиненную фасетку с грубо-параллельными краями.

В одном случае это обломок вязкой серовато-зеленой породы, сохраняющей на большей части галечную корку. Отбивная площадка имеет неправильные очертания и не выровнена. Двумя боковыми сколами выделен участок, напоминающий торец, на котором и произведен удлиненный пластинчатый скол длиной в 6 см и шириной в 1,6 см. Размеры нуклеуса 7,8x6,2x5,0 см.

Второй нуклеус имеет характер микронуклеуса, напоминая уже опубликованные экземпляры такого типа со стоянки Каратау I, которые в свое время вызвали большое сомнение.⁹ Размеры скола, снятого с нуклеуса — 3,6x1,7 см, края менее параллельны, чем в первом случае. Площадка слегка скошенная, гладкая, покрытая галечной коркой. Размеры: 4,0x2,9x1,4 см. Несмотря на

9. В.А. Раиов, В.А. Жуков. Работы отряда по изучению каменного века в 1974 г. — АРТ, вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979, с. 23-25.

малые размеры нуклеуса, характер материала скорее говорит за то, что скалывание проведено не отжимом, хотя по своему внешнему виду нуклеус очень напоминает неолитические.

Площадочные нуклеусы (их три) также выражены недостаточно четко. Во всяком случае ни с одного из них не отделены пластины или пластинчатые отщепы. В двух случаях имеется широкая прямая или скошенная площадка. Один нуклеус продольного характера, второй поперечный. Размеры первого: 6,0х6,1х3,6 см; второго - 7,4х4,9х4,2 см. Третий нуклеус скорее не площадочный, а односторонне дисковидный, с характерным расположением фасеток от краев к центру и с выпуклостью в средней части, по видимому, был переоформлен в площадочный - одним поперечным сколом, но снятий в этом направлении произведено не было. Размеры: 5,8х5,5х3,3 см.

Площадочными могли быть еще три нуклеуса, но у них фасетки снятого единственного скола (левалдуазский тип?) в двух случаях связаны с повторным скалыванием, а в одном случае имеется сомнение в характере отбивной площадки. Один обломок непонятный, нуклевидного характера.

Наконец, два нуклеуса могут быть отнесены к разряду галечных, столь ярко представленных в коллекции 1976 г. Один из них может рассматриваться так же, как и чоппинг с плоским, покрытым галечной коркой основанием. Если этот чоппинг перевернуть, то основание может рассматриваться как площадка нуклеуса, с которой, занимая $2/3$ периметра, произведены вертикально вниз сколы, оставившие фасетки неправильных очертаний. Размеры: 7,2х5,7х5,4 см.

Второй нуклеус несколько напоминает чоппинг, но это нуклеус. Об этом говорит широкая отбивная площадка, сделанная грубо, в виде ступенчатых сколов и две плоскости, на которых остались следы снятых с этой площадки и сбоку отщепов неправильной формы. Половина оставшейся площадки гальки покрыта галечной коркой. Размеры: 8,0х7,2х5,2 см.

Отщепы. Эта категория изделий очень характерна для каратауской культуры в целом. Поскольку их общее описание уже да-

24.

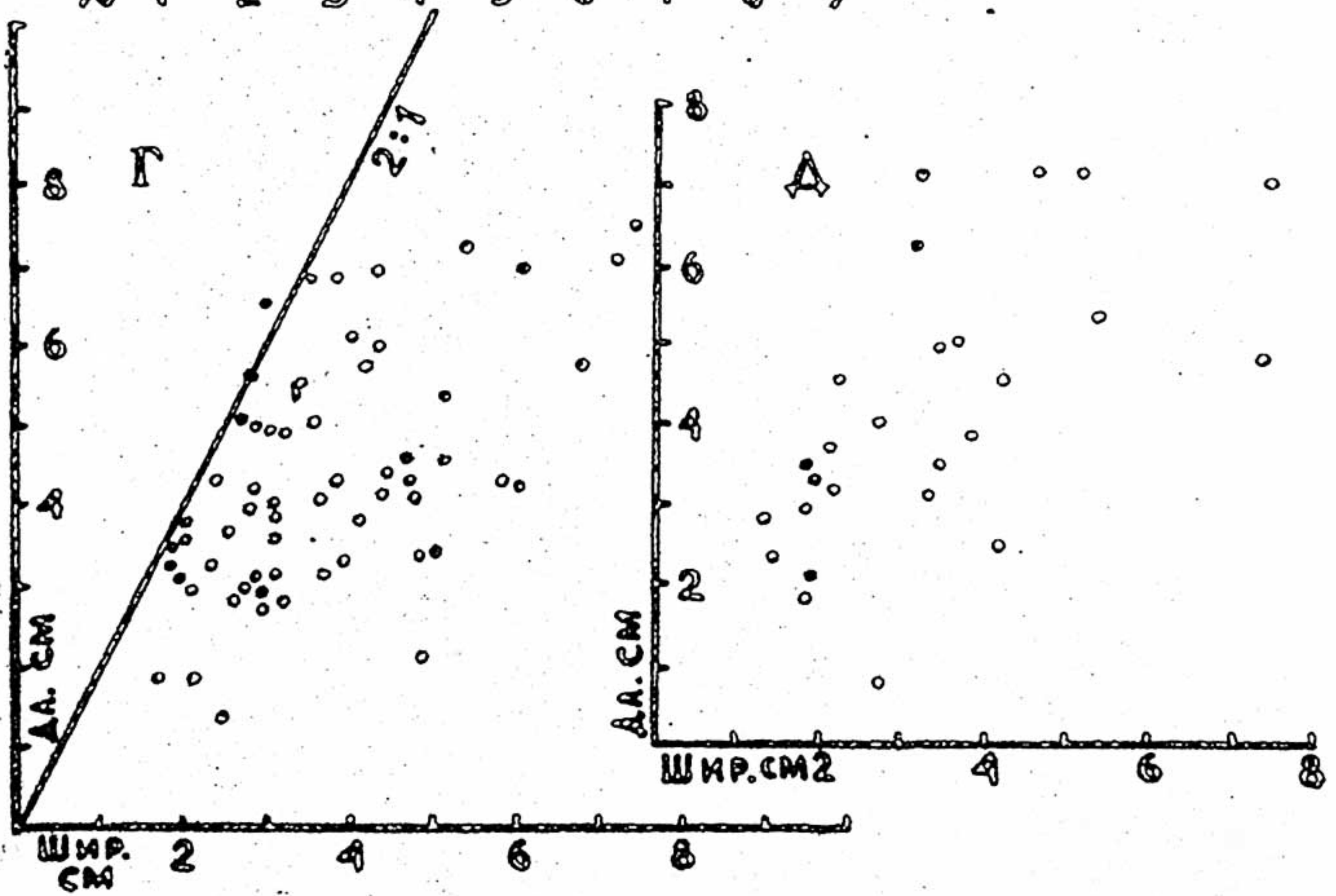
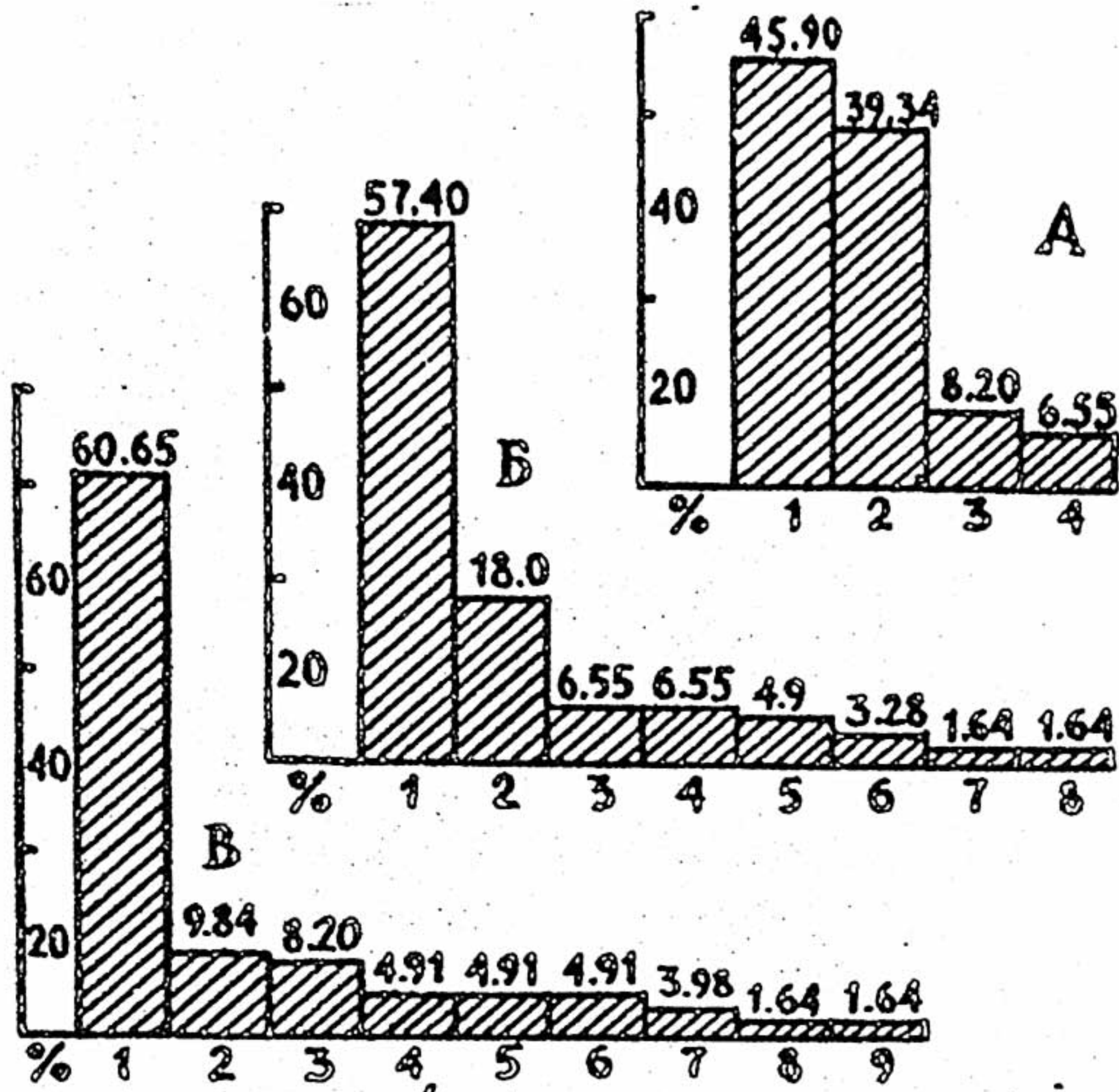

Рис. 6.

валось,¹⁰ приведем лишь технические данные и сведения о нескольких наиболее интересных предметах коллекции.

Процентное соотношение длины, ширины и толщины заготовок показано на рис.6. Интересно также корреляционное распределение соотношения длины и ширины заготовок (рис.6,А,В). Смещение точек влево достаточно четко свидетельствует о высоком проценте отщепов, у которых ширина больше длины, что очень характерно для заготовок каратауской культуры.¹¹

Распределение углов приведено на нижеследующей таблице,¹² которая показывает, что углы от 110° и далее занимают примерно 50% (табл.2).

Таблица 2

Распределение углов у отщепов со стоянки Лахути I

Углы в градусах :	Кол-во	:	Процент
90 - 95	3		7.50
96 -100	6		15.00
101 -105	8		20.00
106 -110	2		5.00
111 -115	8		20.00
116 -120	11		27.50
120	2		5.00
	40		100%

Рис.6. Размеры и соотношения заготовок стоянки Лахути I по данным раскопок 1979 г.

А - толщина: 1-1-2 см, 2-6-1 см, 3-3-4 см, 4-2-3 см, Б - ширина: 1-2, 6-5,0 см, 2-0-2,5 см, 3-5,6-6,0, 4-7,1-7,5, 5-5,1-5,5, 6-6,1-6,5, 7-6,6-7,0, 8-7,1-7,5; В - длина: 1-2, 6-5,0, 2-0-2,5, 3-5,6-6,0, 4-7,1-7,5, 5-5,1-5,5, 6-6,6-7,0, 7-6,1-6,5, 8-7,6-8,0, 9 < 8. Соотношение длины и ширины: Г - отщепы и пластинчатые отщепы, Д - клиновидные осколки.

10. В.А. Р а я о в, В.А. Ж у к о в. Работы отряда..., с.13.

11. Ср., напр., более нормальное распределение, приведенное в работе М.В. А н и к о в и ч. Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976, с.157.

12. Свыше половины отщепов имели неудобные для измерения площадки.

Ударные площадки не имеют специальной подправки, только некоторые из них можно отнести к двухгранным. Наиболее распространенными являются широкие, сильно скошенные ударные площадки, покрытые галечной коркой или образованные поверхностью одного скола.

В целом отщепы принадлежат к категории плохо оформленных сколов, преимущественно полупервичных. Единичны пластинчатые сколы. Большая часть отщепов получалась случайно, при изготовлении чопперов или первоначальном отщесывании гальки (рис. 7.2). Имеются очень крупные отщепы: 9,6x3,8x1,8 см, 7,1x7,2x2,4 см, тогда как маленькие имеют лишь 1,4x2,5x0,5 см, 2,8x2,9x1,0 см и т.д. Заслуживает внимание и отщеп с двумя ударными бугорками и с двумя ударными площадками (рис. 8.2). Такой отщеп мог получиться при неполном отделении заготовки от нуклеуса.

Пластины. Небольшое количество грубых пластин и некоторые из вышеописанных нуклеусов являются свидетельством существования и другой, более развитой техники, приближающейся к левалдуазской по своему техническому выражению. Интересно, однако, что в обоих приведенных на рисунке случаях ударные площадки не соответствуют технике леваллуа — они покрыты галечной коркой, тогда как подобная огранка спинки вполне соответствует упомянутой технике. Первая пластинка размерами 9,6x3,0x1,8 см расколота вдоль, а на дистальном конце произведен дополнительный добавочный скол, образовавший острие (рис. 7.7). Вторая крупная треугольная пластина добавочной подправки не имеет (рис. 7.11).

Сколы типа "цитрус" и клиновидные осколки. Сколы типа "цитрус"¹³ или "quartier d'orange" уже характеризовались в предыдущих публикациях по каратауской культуре. Сколов, выполненных этой техникой, значительно меньше, чем клиновидных осколков. Как и во всякой другой категории каменных изделий, здесь есть более хорошо (рис. 7.3) и менее хорошо выраженные изделия (рис. 7.8). Среди них имеются очень крупные экземпляры — максимальные: 15,3x7,9x3,8 (по обуху) см и мелкие 3,5x1,8x0,7 см.

¹³. Ранее нами применялся менее правильный термин "цитров".

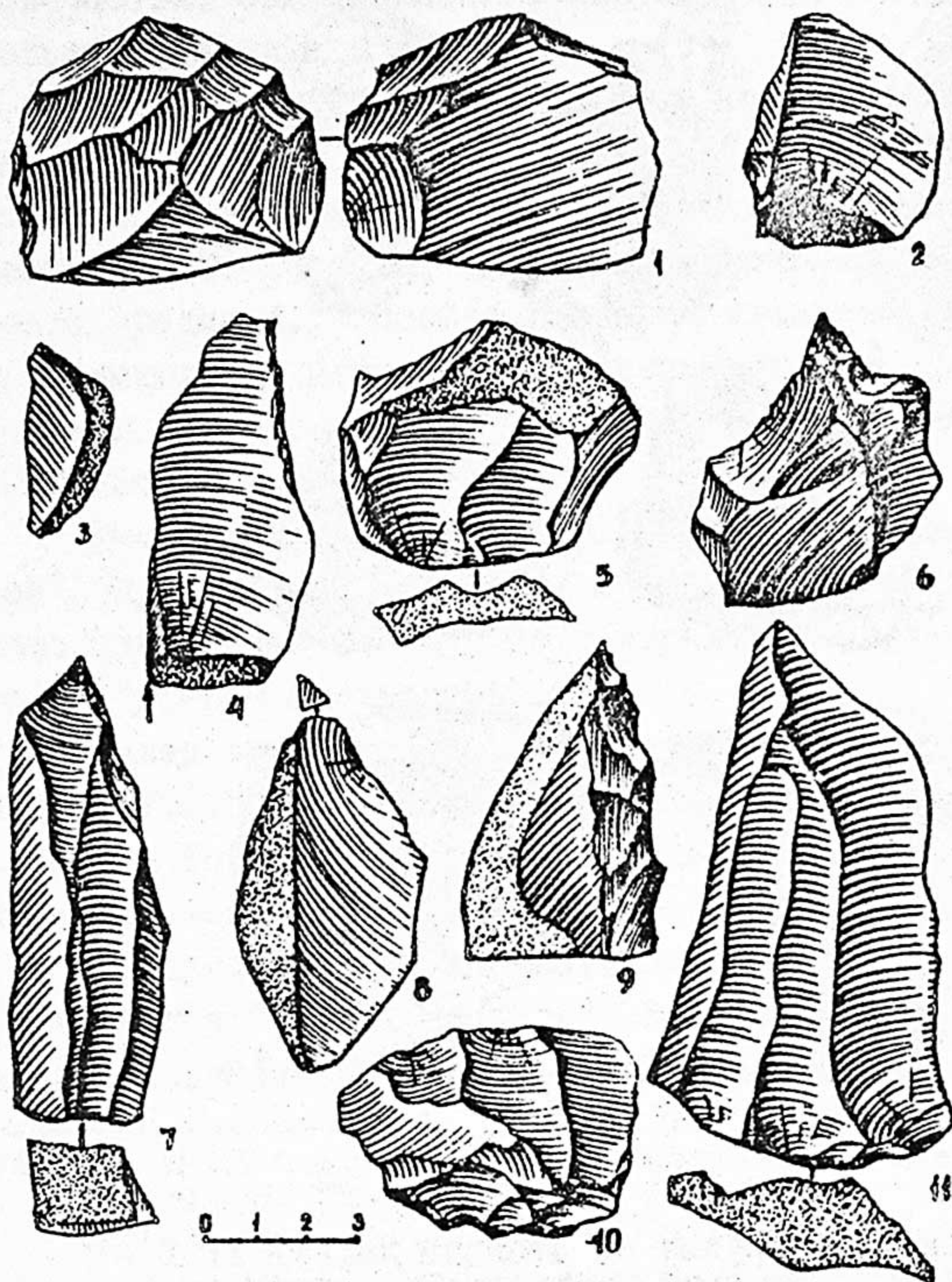

Рис. 7. Каменные орудия со стоянки Лахути I.
 I — нуклеусы, 2 — отщепы с обушком,
 3, 8 — "дольки апельсина", 4 — скребло-
 видный инструмент, 5 — отщеп, 6 —
 острие теякского типа, 7 — пластина
 с подправкой, 9 — боковое скребло,
 10 — нуклеус площадочный со скребло-
 видным краем, II — пластинка.

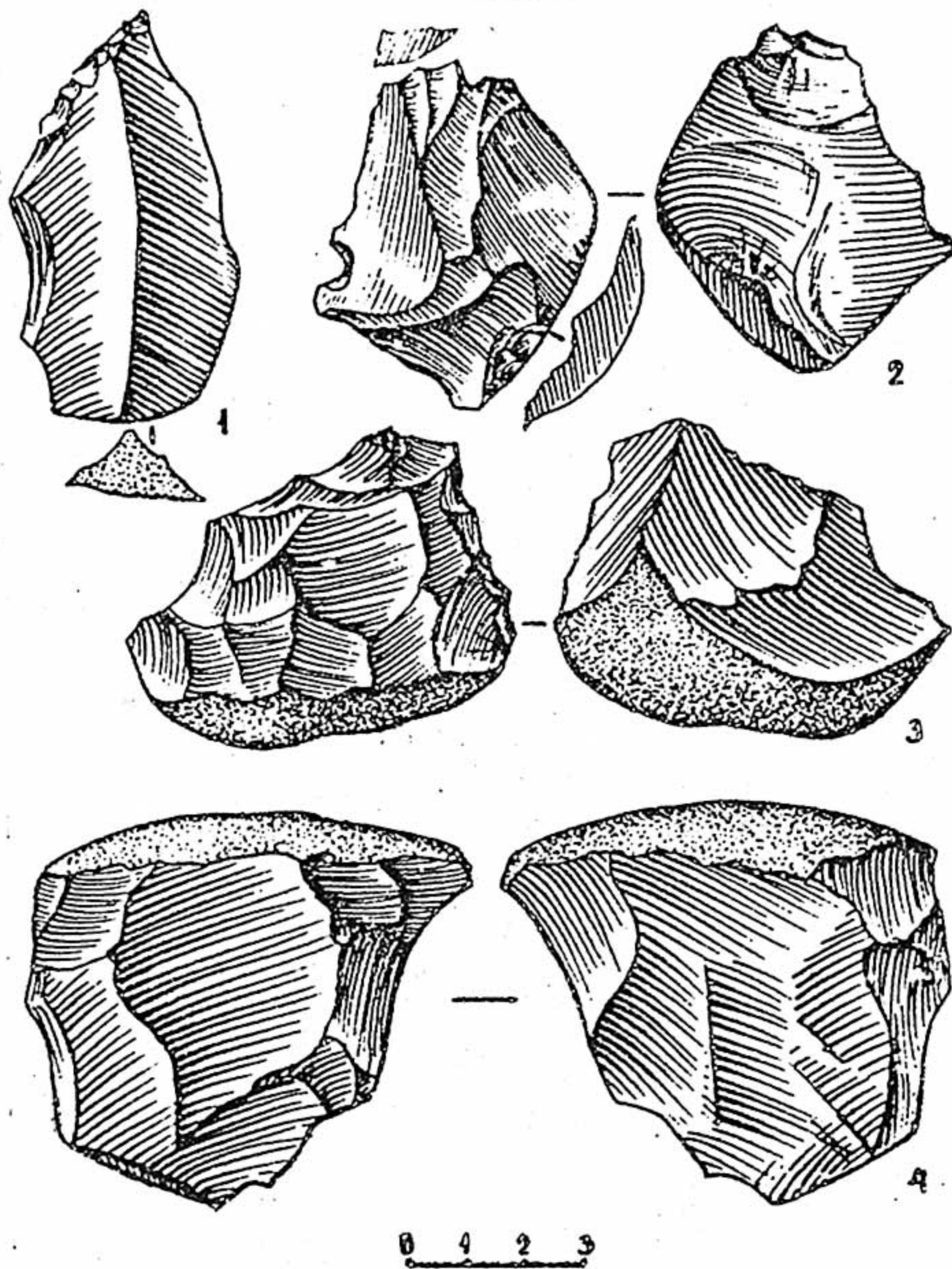

Рис. 8. Каменные орудия со стоянки Дахути I: 1 - скребло на краю пластины, 2 - отщеп с двумя ударными бугорками, 3 - комбинированное орудие: чоппер-скребло, 4 - крупный клиновидный осколок.

Следует остановиться на различии между этими двумя категориями, являющимися очень характерными изделиями каратауской индустрии и не получившими еще достаточно полного описания в советской палеолитической литературе.

Пожалуй, наиболее четкой является дефиниция, предложенная С. Ван Риет Лавом: "Галечный клин является частью гальки, ограниченной двумя сходящимися плоскостями (flake scars) и выпук-

лой частью, сохраняющей галечную корку. Изделие похоже на дольку апельсина".¹⁴

П. Биберсон несколько модифицировал эту дефиницию и назвал это изделие "долькой апельсина".¹⁵ Это совсем иное определение, чем "долька апельсина" в понимании французских исследователей 20-х годов, для которых главным было треугольное сечение предмета.¹⁶ Иной характер и техническое выражение имеют приближающиеся к "дольке апельсина", но другие по смыслу и назначению "цитрус-скребло" (Citrus-Schaber) или "vricchio" А. Бланка.¹⁷

Несколько иной характер имеют и "ножи с натуральной спинкой", приведенные в известном альбоме Ф. Борда — они имеют хорошо ограниченную спинку, но в отдельных случаях такие ножи — те же "дольки апельсинов".¹⁸

Вслед за указанными исследователями, изделия, приведенные на рис. 7.3, 8, мы называем "дольками апельсина" и считаем их выражением техники "цитрус" или одним из приемов галечной техники — сегментацией гальки.

Сравнительно редкой категорией продуктов галечной техники является "ломтик колбасы". В данном случае, как и в долке апельсина, имеется и дорсальная и вентральная сторона, а также

-
14. V a n R i e t L o w e. The Pleistocene Geology and Prehistory of Uganda. Pt. II: Prehistory. Geolog. Survey of Uganda, Mem. VI, 1952, p. 30.
 15. P. B i b e r s o n. Galets aménagés du Maghreb et du Sahara. 2-e Cahier, Fishès 33-64. Fishès typologiques Africaines. Paris, 1966, No. 58.
 16. M. N. B r é z i l l o n. La dénomination du objets de pierre taillée. Paris, 1968, p. 344. Еще более далеким по значению является наименование "долька апельсина", примененная Ж. де Хейнцелином для обозначения обычных микролитов-сегментов — J. d e H e i n z e l i n d e B r a u - s o u r t. Manuel de typologie des industries lithiques. Bruxelles, 1962, p. 25, pl. XV, pp. 13-15.
 17. L. V e r t e s u. a. T a t a. Eine Mittelpaläolithische Travertinsiedlung in Ungarn. Budapest, 1964, SS. 155-157.
 18. P. B o r d e s. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961, pl. 37.

более или менее выраженный ударный оугорок. Отличие состоит в том, что галечная корка здесь идет по всему периметру скола. Такой скол получается, когда продолговатую гальку рассекают поперек и при особо удачном ударе отделяется овальная долька, напоминающая кружок колбасы.¹⁹ Такие сколы встречаются исключительно редко, но значительно чаще — выполненные в той же технике трехчетвертные кружки (т.е. такие, у которых галечная корка охватывает $3/4$ периметра). Размеры наиболее крупного: 7,3х6,4х3,8 см.

Наиболее часто встречающейся в каратауской культуре категорией сколов является "клиновидный осколок". Рисунки клиновидных осколков со стоянки Каратау I приводились неоднократно.²⁰ Уже отмечалось, что часть из этих осколков, может быть, получалась случайно при расщеплении гальки, в результате раскалывания камня от сильного удара. Вполне допустима схема образования такого клиновидного осколка, предложенная В. Габори-Чанк (рис. 9).²¹ Как показано на другой фигуре этой монографии, формы таких осколков могут быть различны, это подтверждается на материале Лахути I (рис. 10). Особенностью этих клиновидных осколков является частое отсутствие ударного бугорка. Как правило, эта категория отличается небольшими размерами: 2,1х2,0х0,8 см; 3,2х2,1х0,5 см; 4,0х2,8х1,0 см.

Имеются и сложные формы клиновидных осколков, у которых плоскости не гладкие, а имеют дополнительные сколы (рис. 8.4). Таким образом, можно уверенно сказать, что клиновидные осколки являются важной составной частью галечных индустрий. И очень интересно, что в подавляющем большинстве случаев (поскольку исследователи работают с подъемным или переотложенным материалом) этот элемент, как и многое другое в галечных индустриях вообще не фиксируется.

19. Техника параллельных осколков или колбасных кружочков. См. М. Н. В г е ж и л о н. Op. Cit., p. 85.

20. А. А. Л а з а р е н к о, В. А. Р а я о в. Каратау I — древнейший палеолитический памятник в лессах Средней Азии. Бюлл. Комиссии по изуч. четвертичного периода, № 47, 1977, рис. 5, 6; рис. 7, 10, 11.

21. V. G a b o r i - C s a n k. La station du Paléolithique Moyen d'Érd-Hongrie. Budapest, 1968, pp. 118-121.

Рис.9. Схема раскалывания гальки (по В.Габори-Чанк).

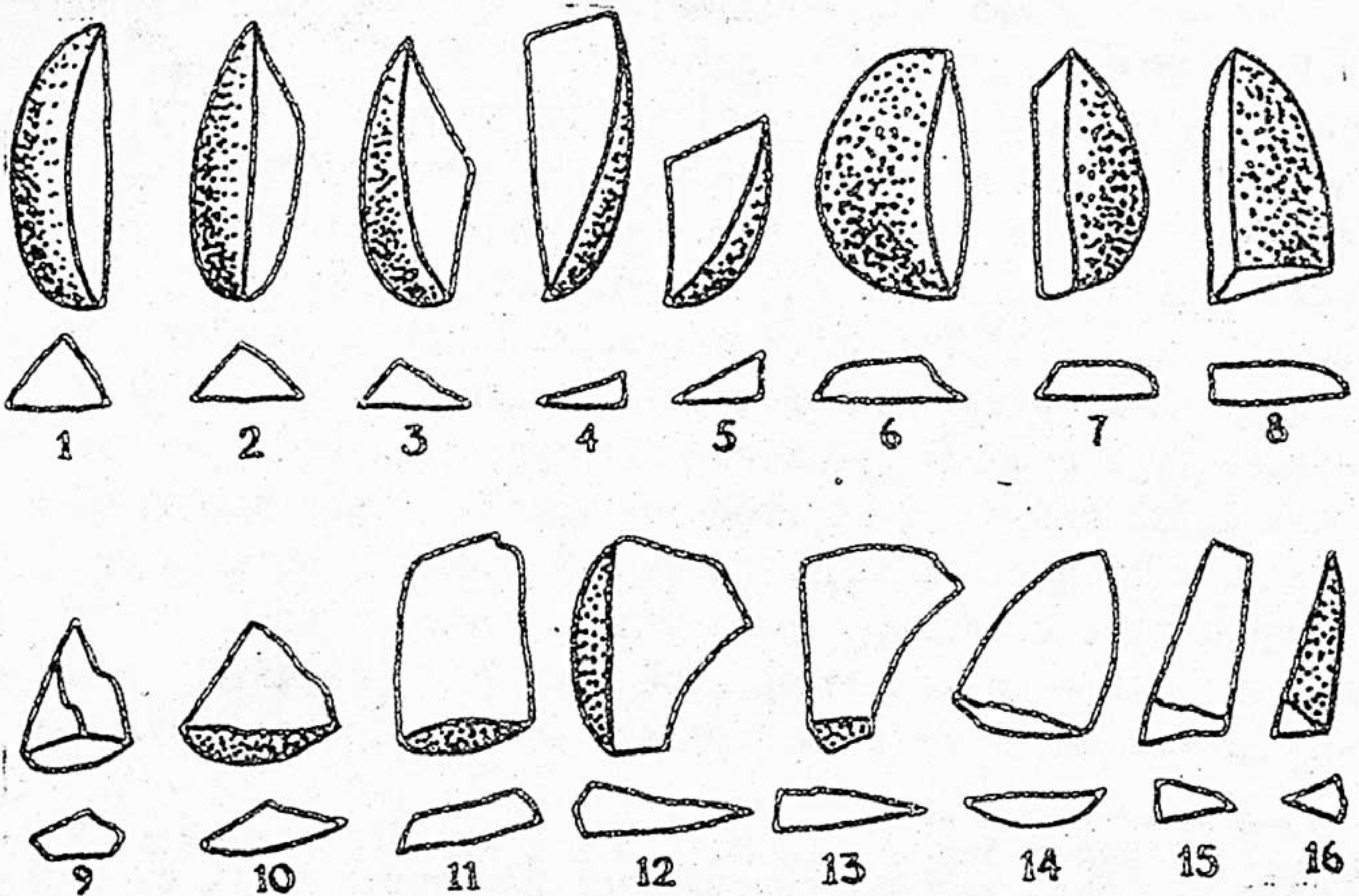
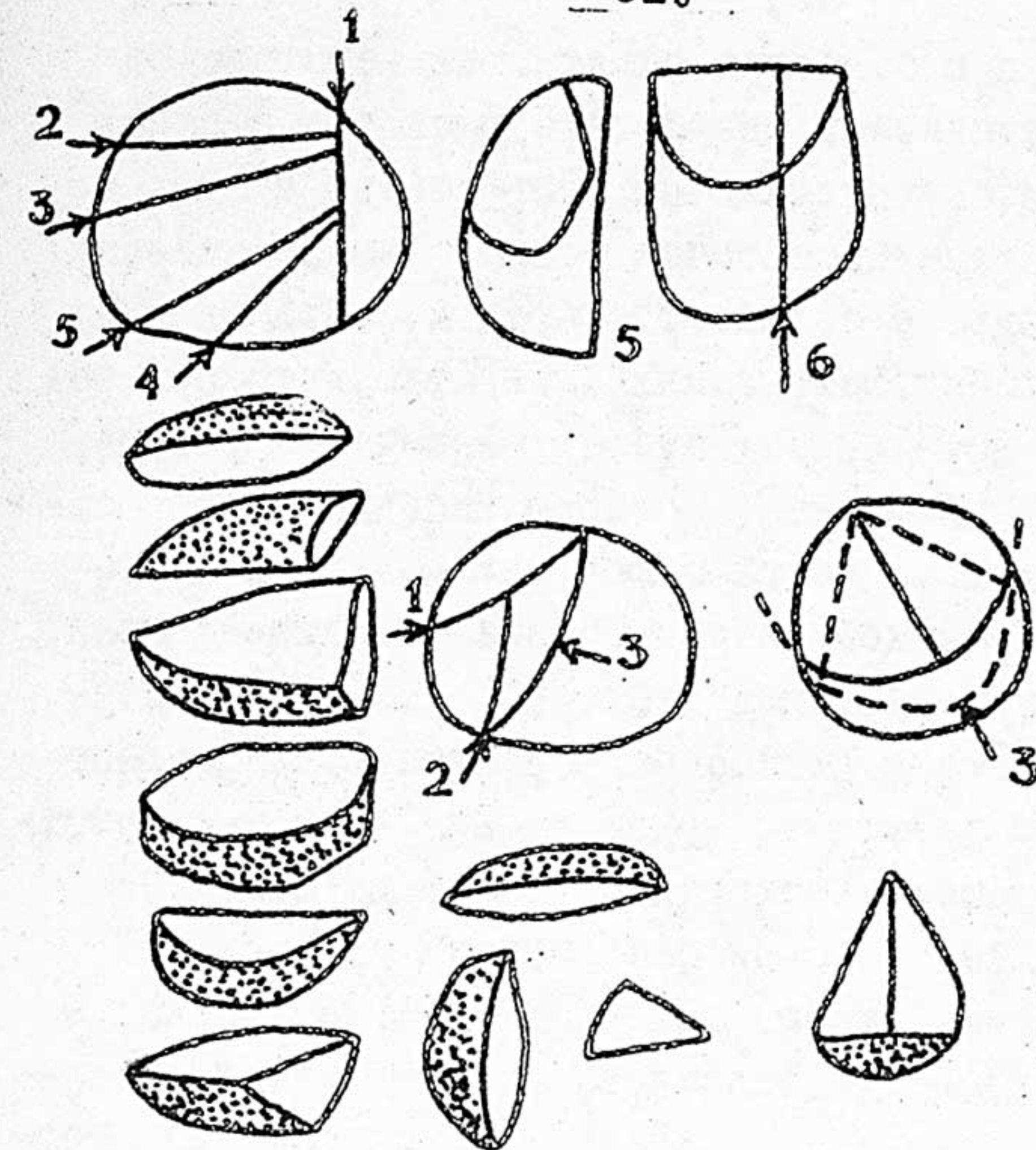

Рис.10. Различные формы отщепов и осколков (1-16), которые получаются при раскалывании гальки (по В.Габори-Чанк).

Орудия. Как обычно и бывает в памятниках каратауской культуры, орудия, полученные в результате раскопок стоянки Лахути I в отчетном сезоне отличаются аморфностью и лишь в единичных случаях выражены достаточно четко. Тем не менее эта стоянка дает наибольшее количество орудий, определение которых не вызывает особых затруднений. Отметим, что при обработке рабочего края превалирует зубчато-выемчатая ретушь, или ретушь краевая, очень мелкая, которую иногда трудно отличить от следов работы. Не встречается или почти не встречается субпараллельной мягкой ретуши, "обвалакивающей" край, равным образом как и типичной для мустьерского времени ступенчатой, с заломами ретуши. Можно подчеркнуть и преимущественно краевой характер ретуши и, практически, полное отсутствие распространенной ретуши, заходящей за спинку отщепа.

Только в 3-4 случаях основой для изготовления орудий служили хорошо выраженные отщепы или пластинчатые отщепы, в основном же орудия сделаны из обломков, долек апельсина, клиновидных осколков, обломков галек. Тенденция хорошая заготовка - хорошее орудие здесь абсолютно не проявляется, как, впрочем и в более поздних мустьерских памятниках.²² Основную группу орудий составляют скребловидные инструменты с неустойчивой, нанесенной на различные участки ретушью (рис. 7.4). Большой частью они изготовлялись на мелких заготовках: 2,5x2,2x0,9 см; 2,8x2,8x1,3 см, но немало подобных изделий сделано на крупных: 6,3x5,0x1,6 см; 9,6x3,0x1,8 см. Среди хорошо выраженных орудий приведем лучший экземпляр орудий, найденных в этом сезоне. Это хорошая треугольная пластина размерами 6,4x3,6x1,5 см, которой при помощи четкой приподнятой ретуши (которая охватывает всю ширину сечения) образовано рабочее лезвие скребла, первоначально довольно крупными сколами, а затем - мелкой подправкой (рис. 7.9). Характер выемчато-щипастого имеет скребло, верхний конец которого обработан

22. Э.Х. Гиязбург, Н.М. Горенштейн, В.А. Равнов. Статистико-математическая обработка шести мустьерских памятников Средней Азии. Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1980, с. 20-21.

более спокойной ретушью, и скребло на пластинчатом отщепе (рис. 8.1). Другие орудия представлены остриями с небрежной обработкой конца (рис. 7.6), долотовидными, но плохо выраженными орудиями (рис. 7.7), зубчатыми скребловидными рабочими краями (рис. 8.3), имеется несколько экземпляров скребел "высокого" профиля на обломках галек. В целом орудия принадлежат скорее всего к группе выемчато-зубчатых, поскольку зубчатая ретушь является наиболее распространенной.

Чопперы. Заметная группа изделий. Если считать их безусловными орудиями, то процент орудий среди инвентаря Лахути I (по данным раскопок 1979 г.) возрастет до 13,27.

Размеры чопперов сильно варьируют от очень крупных — 9,2x4,4x2,9 см; 8,6x9,8x5,5 см, до сравнительно мелких — 4,4x4,8x2,6 см, 5,3x6,2x4,3 см и т.д. Также изменчив и характер обработки края, который варьирует в рамках зубчато-выемчатого выпуклого (преимущественно), реже прямого, иногда просторенного, с выделенным носиком, иногда принимающего каринатный характер (рис. 8.3). Край, как правило, имеет несколько крупных сколов и состоит из выемок и небольших выступов-липов, дополнительной ретуши на рабочем крае почти никогда не встречается.

Разделение чопперов на типы сделать достаточно трудно. В первом приближении можно разделить все чопперы на следующие виды.

1. Чоппер с плоским основанием на обломке с зубчатым (выемчато-шипастым) рабочим краем, в отдельном случае имеются выступы — 5.

2. Чопперы с носиком, образованным двумя специальными сколами — 4.

3. Чопперы "высокой формы" с очень крутым, скошенным, высоким рабочим краем — 4.

4. Чопперы на расколотых вдоль гальках со скошенным или вертикально затесанным рабочим краем — 4.

5. Чопперы крупные с плоским основанием, покрытым галечной коркой, овальным или выпуклым краем. Рабочая часть скошенная или прямая — 3.

6. Чоппер на половине гальки, округлый с несколькими крутыми сколами по периметру — 1.

7. Чопперы с разносторонним скалыванием, напоминающие незаконченные, недоделанные круговые "пирамидальные" скребла - 2.

8. Чопперы в начальной стадии - 2.

9. Чопперы плохо выраженные - 3.

При более строгом подходе, количество чопперов, которые во всех памятниках мира имеют очень расплывчатые границы типов, может быть уменьшено наполовину.

Гальки, не имеющие следов обработки. Порода галек, которые древние люди собирали в русле реки Оби-Мазар, достаточно разнообразна (гранит, песчаник, кремнистый известняк, кварцитовидный песчаник, метоморфизованная порода). Если часть галек приносилась для изготовления орудий, то гальки гранита или рыхлого песчаника вряд ли годились для использования и их назначение пока не выяснено. Размеры галек различны: 10,0 x 8,6 x 5,6 см; 9,4 x 6,8 x 5,9 см; 3,8 x 2,8 x 1,7 см; 3,2 x 1,8 x 1,1 см. На некоторых из галек имеются небольшие заглаженные участки, напоминающие поверхности терочников. Есть небольшие галечки неправильной формы, особенно интересна одна из беловато-розовой кремневой породы, отличающаяся сильно сглаженными, словно от долгого использования, краями.

В процессе раскопок найдено около 30 мелких обломков костей. Они неопределимы, но можно достаточно уверенно сказать, что скорее всего они принадлежат мелким копытным животным.

Характеристика индустрии Лахути I нами уже давалась. В самом кратком изложении это один из этапов развития каратауской культуры Таджикской депрессии, близкой по своему техническому выражению позднесоанской культуре Индии и другим галечным культурам Юго-Восточной Азии. Лахути I представляет собой подвинутую в развитии стадию каратауской культуры, в которой наряду с галечной техникой прослеживаются элементы, сопоставимые с тейякским техническим вариантом Европы.²³

23. В.А. Р а в о в. Палеолитическая стоянка Лахути I. - В кн.: Путеводитель экскурсий..., с.59.

Осмотревший коллекции Каратау I и Лахути I И.И.Коробков (ЛОИА) считает, что тейякские черты в каратауской культуре выражены более выпукло, чем это отражено в наших публикациях.

В целом с замечанием большого знатока тейякской индустрии нельзя не согласиться. Однако, заметим, что в отличие от европейских тейякских индустрий, таких как Фонтешевад,²⁴ Бом-Бом,²⁵ Чакмаклы на Кавказе,²⁶ Табун на Ближнем Востоке,²⁷ основой которых является индустрия клетонского отщепя, в каратауской культуре индустрия связана прежде всего с галечной техникой и производными от нее отщепами, получающимися при обработке края нуклеуса, сколами типа "цитрус", клиновидными осколками, т.е. иными словами говоря, с совершенно иной технической основой. Может быть правильно ставить знак равенства между "аморфно-зубчатой" индустрией²⁸ и европейским тейяком. В последнее время принято в разряд "тейяка" относить все, что не укладывается в привычные рамки европейского нормального ашеля и мустье и поэтому термин "тейяк" давно уже перерос рамки своего первоначального значения. В данном случае очень важным является то, что элементы тейяка довольно четко прослеживаются в культуре, традиционно относимой к галечным. Представляется, что такой же факт будет зафиксирован в соане, когда там будут найдены стоянки *in situ*. С другой стороны, отсутствие развитых леваллуазских элементов указывает на то,

-
24. G. H e n r i - M a r t i n. La grotte de Fontechvade. Première partie. Archiv. de l'Inst. de Paléontologie Humaine, Mem. 28, Paris, 1957, p.90-190.
25. H. d e L u m l e y et B. B o t t e t. Sur l'évolution des climats et des industries au Riss et au Wurm d'après le remplissage de la Baum-Bonne (Quinson, Basses Alpes). Festschrift für Lotar Zotz. Bonn, 1960, Fig.5-12.
26. И.И. К о р о б к о в, М.М. М а н с у р о в. К вопросу о типологии тейякских зубчатых индустрий. Палеолит и неолит СССР, т.7, Мат. и исследований по арх. СССР, № 185.Л., 1972.
27. D.A. G a r r o d and D.M. B a t e. The Stone Age of Mount Carmel. V.I, Oxford, 1937, pl.XLVII.
28. И.И. К о р о б к о в, М.М. М а н с у р о в. Указ. соч., с.66.

что каратауская культура скорее соответствует древнему, чем позднему соану, что, в принципе указывает на необходимость пересмотра предполагаемого возраста последней культуры в сторону его омоложения (более вероятно вюрмское время). Кроме того, еще сильнее, чем с Северо-Западной Индией каратауская культура проявляет сходство с Китаем, где судя по публикациям, существовали сходные разновременные индустрии, в которых отсутствовала тенденция к изготовлению "отпрепарированного" нуклеуса и снятию с него соответствующих заготовок.²⁹

29. J. S. Aigner. Important Archaeological Remains from North China. Early Paleolithic in South and East Asia. Mouton Publ. Cambridge, 1978.

А.Г.Амосова, С.П.Ломов

О РАБОТЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ КАМЕННОГО ВЕКА
БЕШКЕНТСКОЙ ДОЛИНЫ

Осенью 1979 г. в Бешкентской долине работала группа по изучению каменного века при Шаартузском отряде Южно-Таджикистанской археологической экспедиции.¹ Основная задача группы сводилась к продолжению работ в стратиграфической траншее на останце № 7, к зачистке разреза у восточного борта долины (хр. Аруктау), поискам выхода кремня и окремненного песчаника, из которых изготовлялись каменные изделия. Были взяты пробы на споро-пыльцевой анализ и для исследования древних почв.

Останец № 7 — в 1978 г. здесь была заложена траншея для выяснения стратиграфии. Работами 1979 г. останец был прорезан в направлении С-Ю траншеей длиной 13,5 м, глубина в центральной части 2,20 м, ширина 1,0 м. Стратиграфическое описание было дано в отчете за 1978 г. А.Б.Додоновым.² К данному отчету следует добавить, что горизонт древней почвы залегает горизонтально и срезается склоном.³

Поиски выходов кремня, окремненного песчаника пока безрезультатны, хотя в материалах конусов выносов встречаются мелкие кусочки кремня и окремненного песчаника, возможно, они залегают тонкими складками, затянуты, поэтому найти их трудно.

1. Почвенный покров и почвообразующие породы. Изучение почвенного покрова Бешкентской долины имеет давнюю историю,

1. В состав группы входили А.Г.Амосова — начальник, три студента исторического факультета Таджикского госуниверситета им. В.И.Ленина.

2. А.Г.Амосова, А.Б.Додонов. — О работе по изучению каменного века в Бешкентской долине. АРТ, вып.ХУШ (1978 год), Душанбе, 1984.

3. По данным А.Б.Додонова.

так как ее земельный фонд составлял перспективу ирригационного освоения с довоенных лет.

В мелиоративных целях почвенный покров изучался специалистами Вахшской почвенно-мелиоративной станции им. И.Н.Антипова-Каратаева еще в 30-е годы (О.В.Грабовская, П.А.Керзум, А.В.Николаев). Позже, на основе фактических данных, полученных экспедицией крупномасштабного картирования, П.А.Керзумом впервые была высказана мысль об участии палеогидроморфизма в формировании почв впадины.⁴

Современное ирригационное освоение почв Бешкентской впадины обусловило новый этап исследований по оценке ее земельного фонда в мелиоративном аспекте.⁵ Вместе с тем результаты исследований не отражают развития почвенного покрова впадины и не могут служить основой для археологических привязок. В связи с этим было проведено новое исследование почвенного покрова в целях выявления его эволюции и обоснования некоторых палеогеографических условий.

Морфологическое изучение и наблюдения в основном подтверждают данные геологов, что почвообразующие породы имеют озерное и пролювиальное происхождение. Однако данные механического состава отложений некоторых повышенных участков (усадебка № I) свидетельствуют о преобладании "лессовой фракции" (0,05-0,01 мм) до 50%, иногда до 70% и на значительной глубине от I до 10 м (рис. I, а). Эти данные указывают на учас-

Рис. I. Бешкентская долина. Механический и вещественный состав почвообразующих пород Бешкентской впадины: а - субаэриального генезиса; б - озерного.

-
4. П.А. Керзум. К вопросу о генезисе солончаков Бешкентской долины в связи с перспективой их освоения. - Вестник ЛГУ, 1972, № 9.
5. К.П. Попов. Почвенно-мелиоративный отчет по орошению земель в Шаартузском районе, кн. I. - Тр. Тадж. н.-иссл. ин-та почвоведения, Душанбе, 1974; Э.Г. Ваксман, И.М. Туровец. К вопросу освоения засоленных карбонатных почв Бешкентской долины. - Тр. н.-иссл. ин-та почвоведения, т. 48. Душанбе, 1976; В.П. Сосновская, Н.Н. Чижилова. Химический и минералогический состав илистых фракций по Бешкентской долине. - Тр. Тадж. н.-ис. ин-та почвоведения, т. 19, Душанбе, 1978.

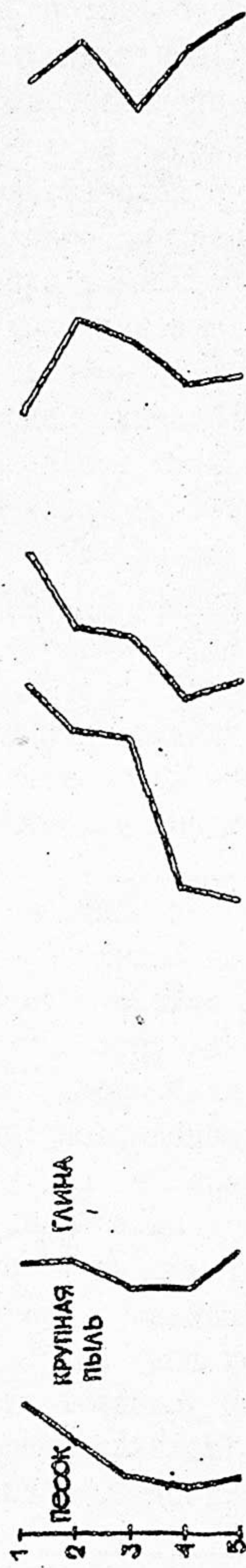
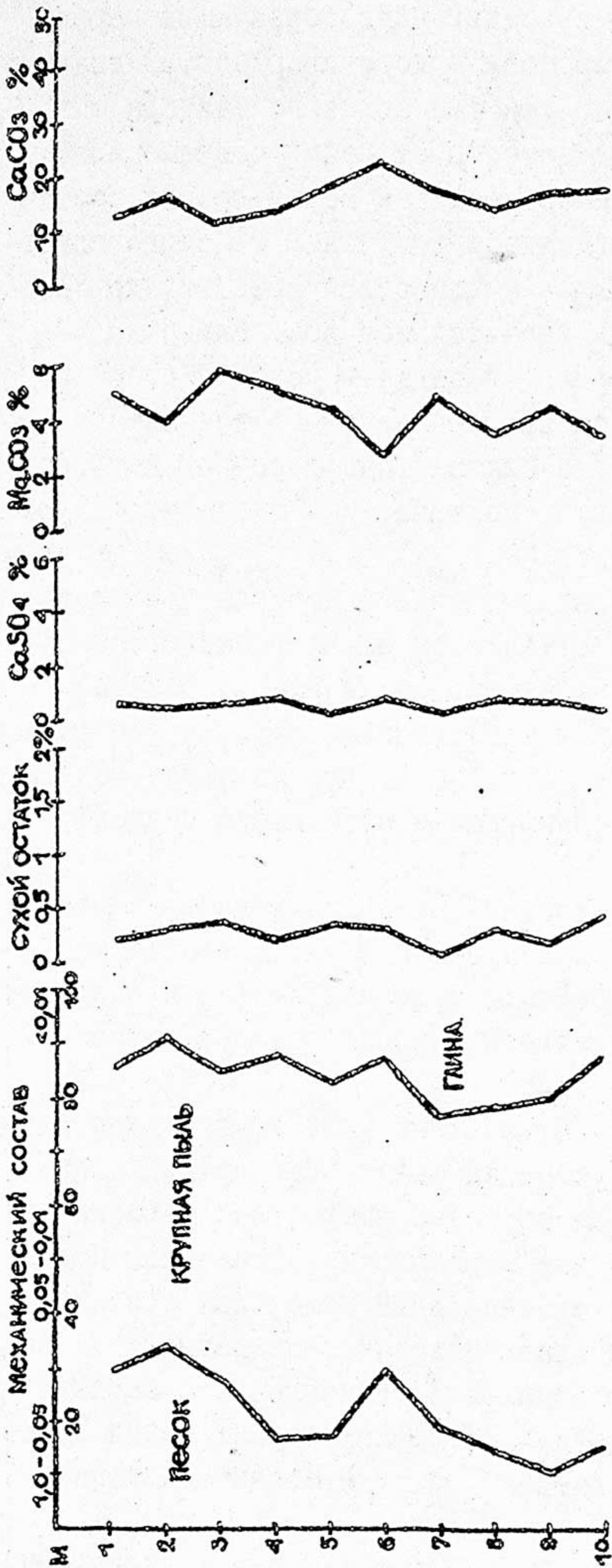

Рис. I.

тие эолового фактора в формировании почвообразующих пород на протяжении длительного времени в истории развития впадины. При этом предполагается, что участие эолового фактора было не локальное, как это наблюдается в строении современного почвенного покрова, а повсеместное. Так механический состав типично озерных отложений (усадыба совхоза № 2) свидетельствует о сокращении вдвое величины "лессовой фракции" до 30% и соответственно увеличения значительной доли глины до 50-60% (рис. I, б). Эоловый материал, попадая в условия озерного осадконакопления подвергался преобразованию в результате анаэробного разложения и сильного оглеения на фоне щелочных катионов Са, Ма, Na, в глины смектитового типа, как свидетельствуют об этом данные В.П. Сосновской.⁶

Из других компонентов вещественного состава почвообразующих пород эолового типа отмечается наличие слабого засоления, небольшого количества гипса, определяющих солевой фон на значительную глубину и относительно равномерное распределение карбонатов магния и кальция, что является результатом аридных условий лессонакопления пустынного ландшафта (рис. I, а).

Вещественный состав отложений озерного типа значительно отличается повышенным засолением верхней трехметровой толщи (до 2,0% сухого остатка), большим содержанием гипса в приповерхностных горизонтах и значительным накоплением карбонатов в нижней части разреза (рис. I, б).

Подобное распределение отмеченных выше компонентов свидетельствует о том, что в условиях аквального осадконакопления происходило выпадение слаборастворимых солей карбонатов кальция и магния и образование мергелистых отложений. При смене аквального режима на субаквальный изменился состав грунтовых вод на более минерализованный. Испарение этих вод в аридных условиях пустыни обусловило накопление в верхних толщах отложений гипса и других легкорастворимых солей сульфатов и хлоридов магния и натрия. Об этом свидетельствует

⁶ В.П. Сосновская, Н.Н. Чижикова. Указ. соч., с. 35.

связь между солями гипса и карбонатами кальция. Эти соли антагонисты, из-за разной степени растворимости они не могут выпадать из раствора одновременно. Поэтому в субэраальных и аквальных условиях формирования пород происходило накопление карбонатов при низких величинах гипса, в результате преобладания гидрокарбонатной стадии соленакопления. И лишь при смене аквального режима на субаквальный началась стадия сульфатного накопления солей (рис. 2).

Рассмотренный выше анализ условий формирования почвообразующих пород позволяет подойти к оценке возраста основных стадий соленакопления и почвообразования.

Почвы с плотными карбонатными образованиями.

Эти почвы формируются на уплотненных холмах, вытянутых в виде цепочки с севера на юг в основном вдоль пролювиальных конусов выноса хр. Туюнтау. Морфологическое строение почв иллюстрируется описанием разреза 3. Вершина холма высотой до 10 м, поверхность каменистая, с конкрециями CaCO_3 , слабо задернованная, редкие кусты полныи.

AvCav 0-4-5 см. Буроватый, слабодерновый, суглинистый, каменистый, с конкрециями CaCO_3 от мелких до средних размеров. Переход постепенный.

ABCa 4-5-36 см. Серый, суглинистый, с мелкими конкрециями CaCO_3 , тоже серого цвета корни полныи. Переход заметный.

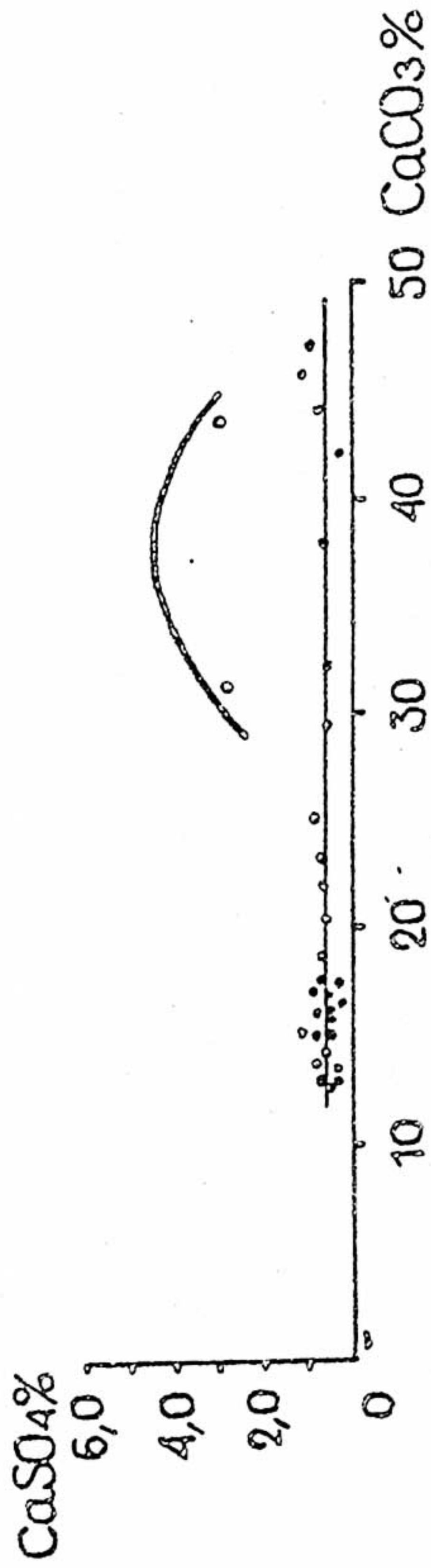
Bcap 36-41 см. Серый, суглинистый, количество конкреций увеличивается и усиливается плотность горизонта. Конкреция неровной формы, серого цвета, как и почва. Переход заметный.

Sca 61-90 см. Тоже серого цвета, очень плотный карбонатный горизонт. Нижняя граница этого горизонта не вскрыта.

На южном пологом склоне холма описанная карбонатная кора (Sca) обнажена и бронирует поверхность. На другом холме описана подобная карбонатная кора, бронирующая поверхность (разрез 5).

Sca 0-30 см. Карбонатная кора обнажена на поверхности и бронирует холмик. Плотная белесая, сверху покрыта лишайником. Переход постепенный.

S" ca 30-70 см. Серая карбонатная масса, плотная, но не сцементированная в единую монолитную толщу. Переход постепенный.

α

42°

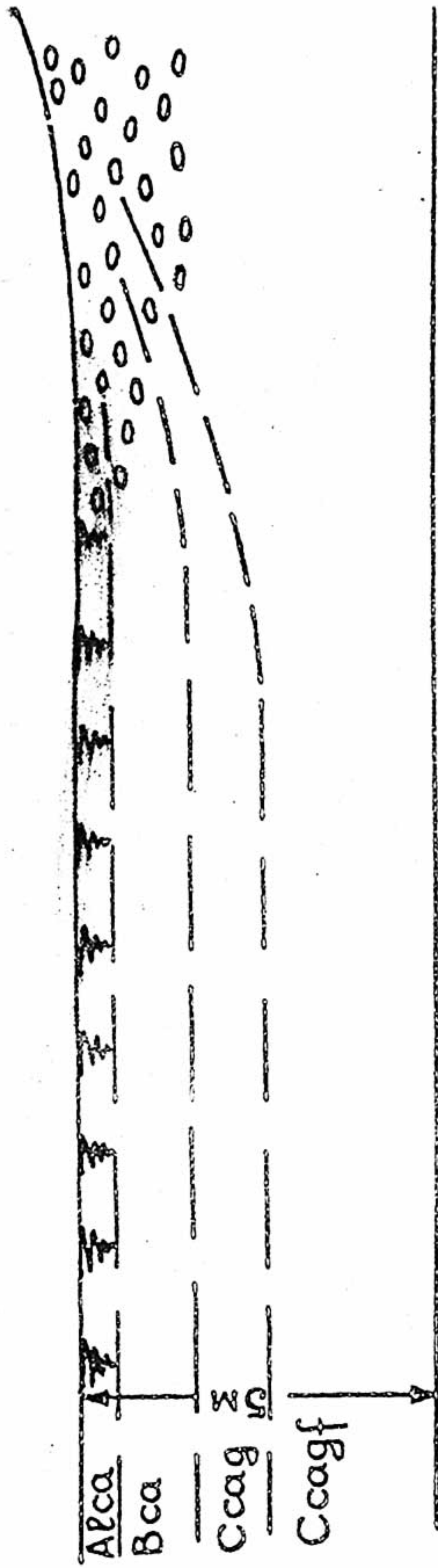

Рис. 2.

Как видно из описания, морфологическое строение почв, слагающих холмы, довольно сложное. В одном случае карбонатная кора является составной частью почвы, залегает на глубине 60–70 см, в другом – она представляет самостоятельное образование и бронирует эти холмы с поверхности от дальнейших процессов дефляции. Прямых признаков палеогидроморфизма не замечено, однако встречается много косвенных, в виде плотных обломков карбонатной коры, сохранивших отпечатки растений типа тростника. Подобные карбонатные коры широко распространены в Северной Африке. Они имеют палеогеографическое значение и указывают на длительную, сложную эволюцию этих образований.⁷

Так, датирование с помощью C^{14} карбонатных отложений почвенного, гидрогеологического и осадочного происхождения, дало возможность выделить в Афганистане шесть больших периодов (35000–25000, 23000–19000, 16000–14000, 12500–11500, 7500–6500, 2600 лет т.н) формирования карбонатных кор, травертинов, озерных известняков и доломитов.⁸ Аккумуляция карбонатов происходила в периоды колебания климата при общей тенденции к потеплению (I, III, IV и V периоды) или похолоданию (II период). Последний период соответствует кратковременной фазе похолодания после термического оптимума (6000–4000 лет т.н.).

Рис. 2. Бешкентская долина:

а – связи гипса и карбонатов в почвообразующих породах Бешкентской впадины; б – соотношение горизонтов в траншее около усадьбы совхоза 2.

7. С. П. Л о м о в. Почвы с плотными карбонатными образованиями в Средиземноморье и их аналогии в Таджикистане. – Тр. Тадж.н.-иссл.ин-та почвоведения, т.18, 1976.

8. P i a s J. Recogeneses et accumulation Cascadire successives en Afghanistan en coers des quarante derniers millenaire C.R. Acad, seit, 1971, No.2.

Изучение почв разновозрастных аллювиальных террас низовой р. Кафирниган показало, что карбонатные коры также характерны для некоторых из них. Так, почвы формирующиеся на аллювиальной террасе, датируемой окончанием Душанбинского времени ($Q_{II}^3 DS_2$), выделяются наличием карбонатной коры на глубине 1,0 м — на слабодифференцированных участках или в виде плит, бронирующих поверхность на сильно денудированных участках.⁹ В почвах более древней аллювиальной террасы ($Q_{II}^3 DS_3$) отмечаются лишь крупные дендровидные конкреции $CaCO_3$. Учитывая единство орогенического развития Афгано-Таджикской депрессии, можно сопоставить даты, полученные с помощью C^{14} , и возраст террас и почв, перекрывающих плотные карбонатные образования:

DS_2 — 35000–25000 лет. Таким образом, можно сделать вывод, что почвы с карбонатной корой (Sca) в Бешкентской впадине приурочены к древним поверхностям останцового характера, относящимся к середине или окончанию Душанбинского комплекса.¹⁰

Почвы с плотными гипсовыми образованиями.

Эти почвы также приурочены к холмам останцового типа, несколько меньшим по высоте — до 4–5 м.

Холмы географически больше тяготеют к центру впадины. Морфологическое строение его приводится на примере описания разреза 7. Холм высотой до 4 м, округлый, пологий, покрыт кустиками полыни и эфемерами. На поверхности конкреции.

Вс 0–83 см. Серая, однородная гипсированная толща, с черными пятнами обугленных корешков и друзами желтоватого гипса неясной структуры уплотнения, но не является корой. Переход постепенный.

$Sca(cs)$ 83–150 см. Пестрая по цвету толща, карбонатно-гипсовая, в целом палево-оранжевого цвета, с голубовато-зелеными пятнами, пористая, лессовидного облика, с друзами гипса. Переход заметный.

9. С.П. Л о м о в, П.М. С о с и я. О почвах пустынных ландшафтов низовой р. Кафирниган. — Изв. АН Тадж.ССР, сер. Биол., 1979, № 4.

10. Возраст и индексация террас проводились согласно проработкам А.Б. Додонова, А.В. Пенькова (1977 г.), в которых уровень террас сопоставляется с погребенными в лессах почвами.

Scaf 150-220 см. Тоже пестрой окраски, суглинок лессовидного облика, с ржавыми пятнами окислов железа, пористый с друзами гипса.

На холмах, расположенных в центре впадины, описаны более плотные гипсовые образования в виде гипсовой коры, часто бронирующей поверхность. Морфологическое строение приводится на примере описания разреза 8 (центральная часть долины). Холм высотой 4-5 м. На поверхности почвы и на гипсовой коре много карбонатных конкреций средней величины, нередко темно-серого цвета.

Scв 0-80-90 см. Серого цвета, плотная, сухая, ячеистая и трещиноватая, с включениями серых конкреций CaCO_3 . Обнажение в западной части холма. Переход заметный.

Vсвf 90-150 см. Пестрая по цвету толща, тоже гипсовая с оранжевыми палевыми пятнами, друзами гипса и ржавыми пятнами гидроокислов железа.

Как видно из описания, рассмотренные гипсовые образования генетически близки, однако в одном случае они представлены в виде аморфных гипсовых скоплений типа горизонта Всв, в другом — плотный, вторичной перекристаллизации типа коры Scа.

Серый цвет гипсовых аккумуляций говорит о том, что отложение происходило в мелководных бассейнах озерно-болотного типа, совместно с илом мергелистого характера. При этом локально выпадал в осадок карбонат кальция в виде конкреций, темный цвет которых указывает на преобладание анаэробных условий и наличие подвижных гумусовых веществ. Вместе с тем воды были насыщены преимущественно сульфатами и преобладало в целом выпадение из растворов солей гипса. Дальнейшее снижение горизонта воды способствовало обнажению гипсовых аккумуляций и их эволюции в условиях аридного климата. Значительная часть гипсовых отложений была развезена процессами дефляции или размыва последующим обводнением впадины.

По возрасту гипсовые отложения близки к карбонатным корам. Однако они, возможно, моложе их, так как представляют следующую стадию сульфатного соленакопления.

Оставшаяся часть в виде холмов сохранилась до настоящего времени, заключая в себе информацию о палеогеографических условиях формирования Бешкентской впадины.

Почвы с признаками палеогидроморфизма.

Ареал современных гидроморфных почв локально занимает самую пониженную центральную часть впадины с близкими грунтовыми водами за счет родника Чашма. На остальной территории впадины, кроме описанных выше холмов и пролювиальных конусов выноса, преобладают почвы с глубокими грунтовыми водами ($> 10,0$ м), однако с признаками палеогидроморфного почвообразования.

Просмотр и зарисовка горизонтов глубокой траншеи, прорытой поперек впадины, показал, что омергелеванные горизонты B_{ca} и C_{ca} выдерживают свои размеры на значительную длину и выклиниваются лишь при приближении к пролювиальному конусу выноса, замещаясь каменистыми отложениями голоценового возраста ($Q_{II}^4 Am$). При этом увеличивается нижняя толща, обозначенная нами индексом $C_{ca}gf$ (рис.2). Такое соотношение озерных и пролювиальных осадков может свидетельствовать о близком возрасте верхних омергелеванных горизонтов пролювиальных отложений.

Морфологическое строение толщи озерного происхождения подчеркивает, что при спаде воды и обнажении дна озера, поверхность долгое время испытывала влияние близких грунтовых вод, которые обусловили стадию гидроморфных почв. При значительном снижении уровня грунтовых вод, режим почвообразования сменился на автоморфный и началось погребение гидроморфных почв эоловым, лессовым материалом.

Траншея просмотренная и описанная около холма с археологическим раскопом № 7, длиной в несколько километров, заложенная поперек долины, вскрывает палеогидроморфные почвы, солончаковые и гипсированные, вместе с тем они также погребены 20-30 см слоем лессовидного суглинка.

Анализ вышеизложенного материала позволяет сделать следующие выводы.

I. В предголоценовое время (16000-14000 лет т.н.) Бешкентская впадина была еще достаточно обводнена. В неглубоких водоемах озерно-болотного типа аккумуляровались карбонаты мергелистого характера. Подобные отложения характерны были, по-видимому, и для начала голоцена (12500-11500 лет т.н.) - слоистые отложения больших карбонатов в разрезе 2б.

2. В раннеголоценовое время (10000-8000 лет т.н.) площадь озера значительно сократилась и открытые водные поверхности локализовались лишь в центре впадины. На обсыхаемой территории формировались луговые гидроморфные почвы с обильным травостоем.

3. В среднеголоценовое время (климатический оптимум) происходило дальнейшее сокращение площади озер, а следовательно, и снижение уровня грунтовых вод на прилегающих территориях. Повышение температуры в гипситермале обусловило ускорение испарения грунтовых вод в верхних горизонтах почв и накопление солей (гипса, сульфатов Mg и Na).

4. В субатлантическое время озера приобретали сезонное явление. Летом они пересыхали, в связи с высокой величиной испарения (почти в 10 раз больше, чем зимой), а зимой они пополнялись родниками типа Чашма.

В последующее время почвообразование приобретало все более автоморфный облик, происходило накопление лессовидных суглинков и погребение палеогидроморфных почв. В восточной части впадины у западных склонов Аруктау накопление мелкозернистого материала эолового генезиса имеет большую мощность.

За время работы была собрана небольшая коллекция изделий каменного века - 192 экз. Новых пунктов находок не обнаружено. Все найденные предметы приурочены к известным уже пунктам сбора каменных изделий. Материал этой небольшой коллекции аналогичен прежним находкам, подробно описанным в предыдущих работах, в данной статье дается лишь краткое его описание. II

Подавляющее место в коллекции занимают осколки, обломки, сколы - 66 экз. Отщепы - 45 экз., как правило, не имеют чет-

II. А.Г. Амосова, В.С. Соловьев. Стоянка каменного века в Бешкентской долине. - АРТ, вып. XII (1972 г.), 1976; А.Г. Амосова. Новый материал каменного века в Бешкентской долине. - Материалы по археологии и истории Таджикистана, 1977; А.Г. Амосова. Заготовки для нуклеусов в коллекции из Бешкентской долины. - Тез. докл. республ. конф. молодых ученых Таджикской ССР, 1977; А.Г. Амосова, А.Б. Додонов. Указ. соч.

кой формы, небольших размеров, ударные площадки прямые, изогнутые, в основном без следов дополнительной подправки.

Нуклеусы - 12 экз., форма их идентична описанным ранее (рис.3. I,2). Нуклеус, найденный на территории дома отдыха Чилучорчашма отличается от других. Он изготовлен из гальки зеленоватого цвета, по торцу сохранена галечная корка. Площадка прямая, со следами сколов. Дистальная часть приострена мелкими сколами. На теле нуклеуса негативы бессистемных снятий. Перед нами нуклеус в начальной стадии обработки, явно "гиссарского облика"¹² (рис.3. 4,3).

Микропластинки, в основном их сечение (27 экз.) с параллельными краями, правильной огранкой дорсала, в сечении треугольной или трапециевидной формы. Большая часть микропластинок употреблялась в качестве вкладышей без всякой дополнительной подработки, иногда край оформлялся пильчатой ретушью, примером может быть медиальная часть кремневой микропластинки (рис.3. 4,17). По определению Т.Г.Филимоновой, это вкладыш жатвенного ножа.¹³

Основное место в данной коллекции принадлежит скоблящим орудиям: скребкам, скобелям.

Скребки - 7 экз. изготовлены из отщепов, пластин и их сечений. Среди них имеются скребки с двойным лезвием, круговые и боковые (рис.3. 7,8,15).

Скобели - 11 экз. Сделаны из пластин, но встречаются и на отщепах. Края их обычно вогнутые, оформлены крутой затупливающей ретушью (рис.3. 4,5,6,9).

Сверла - 3 экз. Одно изготовлено из нуклеуса, который был переоформлен в сверло (рис.3. II,12,16). К этой группе относится нами и развертка, орудие, которое служило для расширения проделанных отверстий (рис.3. 10).

12. В.А. Р а н о в, Г.Ф. К о р о б к о в а. Туткаул - многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. - Советская археология, 1971, №2, с.139; А.Х. Ю с у п о в. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана. - Советская археология, 1975, № 2, с.142.

13. Трассологическое исследование всех орудий данной коллекции сделано сотрудницей сектора археологии и нумизматики Института истории им. А.Дониша АН ТаджССР Т.Г.Филимоновой.

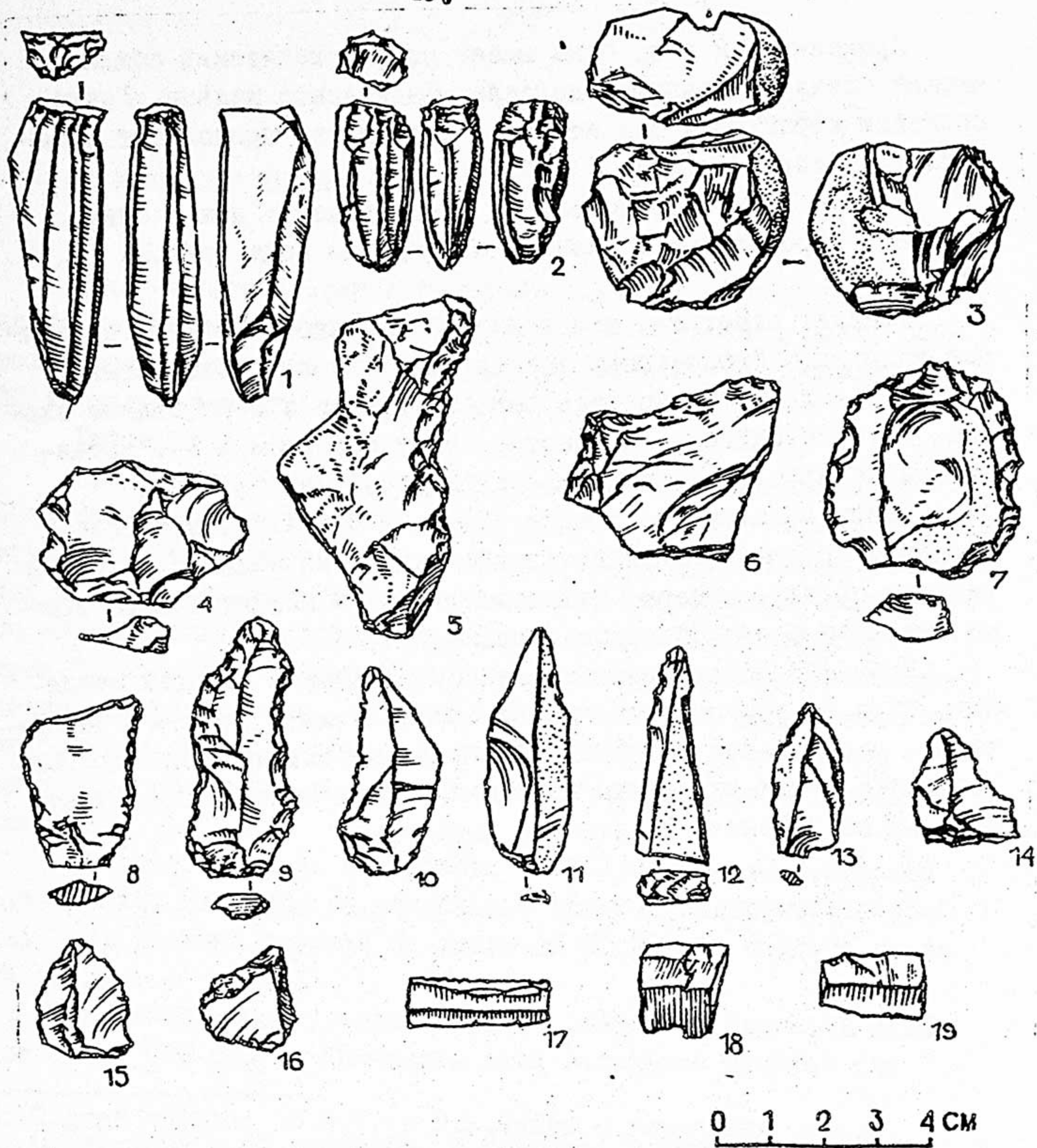

Рис. 3. Бешкентская долина. Изделия из камня:
 1, 2 — нуклеусы; 3 — галечный нуклеус;
 4, 5, 6, 9 — скребели; 7 — круговой скребок;
 8 — двойной скребок; 10 — развертка; 11,
 12, 16 — сверла; 13, 14 — проколки; 15 —
 скребок; 17 — вкладыш жатвенного ножа;
 18 — нож с одним лезвием; 19 — вкладыш
 составного ножа.

Проколки - 2 экз. Одна имеет явно архаический облик, четкие следы подправки с дорсала, выделенное жальце. Такие проколки характерны для верхнего палеолита, продолжают бытовать в мезолите (рис.3. I3, I4).

Ножи - 3 экз. Представлены тремя видами: нож с одним лезвием, строгальный и вкладыш составного ножа (рис.3. I8, I9).

Следует отметить, что в данной коллекции имеются единичные находки с "гиссарским элементом".¹⁴ Это крупный отщеп, снятый с гальки, расколота пополам галька с нуклеидным сколом, которые найдены на участке между останцом № 3 и останцом за мазаром, а также нуклеус, который описан выше.

Таким образом, коллекция каменных изделий разнородна. Наряду с орудиями, сохранившими архаический облик (проколка) имеются орудия, которые появляются лишь в неолитическое время: вкладыш серпа, боковые скребки.¹⁵

Возможно, перед нами смешанный комплекс, который отделить один от другого пока нельзя. Однако можно прийти к заключению, что в конце мезолита люди жили в этих местах, что подтверждается как изделиями из камня, так и приведенными выше данными по развитию почвенного покрова.

14. В.А. Ранов, Г.Ф. Коробкова. Ук. соч.

15. Г.Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен. - МИА, № 158. Л., 1969.

В.А. Жуков

РАСКОПКИ ПЕЩЕРЫ "ИСТЫКСКАЯ" (1978-1979 гг.)

Маркансуйский археологический отряд продолжил исследование первой на Памире пещерной стоянки каменного века, расположенной в среднем течении р. Сул-Истык на расстоянии 80 км к юго-востоку от Мургаба.¹

Разведки

Небольшие разведки открытых местонахождений каменного века проведены на террасах обоих берегов р. Сул-Истык, к юго-западу и к юго-востоку от пещеры. Благоприятные условия для поисков памятников подобного рода, связанные с изменением климатических условий, вызвавших разрушение дернового слоя,² позволяют фиксировать не только крупные скопления изделий каменного века, отражающие относительно долговременное пребывание людей в данном месте (сезон?), но и отдельные предметы, говорящие о кратковременной деятельности древних охотников.

Такие точки были обнаружены на 10-15-метровых террасах Сул-Истыка. Несмотря на тщательные поиски (поверхность террас была условно разбита на квадраты 20x20 м), найдено всего 24 предмета.

Расстояние между отдельными предметами и группами находок более 700-800 м. Комплексы этих небольших пунктов (их

1. Состав отряда: 1978 г. - В.А. Жуков - начальник отряда, Н. Турлыгин - ст. лаборант, Б. Семенов, В. Лаврик, Д. Резник, А. Клименко - маршрутные рабочие, Г. Казаков - шофер; 1979 г. - В.А. Жуков - начальник отряда, И.В. Пьянков - ст. н. сотрудник, Н. Турлыгин - ст. лабор., В. Бидос, В. Гудорзи, Б. Семенов - маршрутные рабочие, П. Окунев - шофер.

2. В.А. Р а н о в, Л.Ф. С и д о р о в. Развитие природы Памира как среды существования человека. Страны и народы Востока. Вып. 4. М., 1965.

зафиксировано 4) включают в себя, как правило, I-2 нуклеуса "палеолитического" облика и несколько снятых с них грубых пластин и отщепов. Такое сочетание, по-видимому, объясняется тем, что в своих охотничьих вылазках у древнего человека появлялась необходимость в наскоро изготовленных простейших орудиях, в виде крупных заготовок без вторичной обработки, вполне пригодных для работы.³

Раскопки пещеры "Истыкская"

Основные работы велись на площадке перед пещерой, где в 1976 г. был заложен раскоп площадью 16 м² и вскрыт I-ый археологический горизонт. Здесь в 1978 г. (квадраты КЛМН-4,5) вскрывались III-IV горизонты (рис. I.1). Общая мощность толщи отложений, пройденной в этой части, составляет 3,5 м.

В 1979 г. работы велись на участке площадью 8 м² (квадраты К, Л, М, Н - 2,3. Рис. I.2). Были пройдены II и III горизонты. По мере углубления рабочая площадка уменьшалась, так как граница раскопа, проходящая по линии I, примыкает непосредственно к стенке скалы, которая под углом падает в сторону реки.

В начале разборка горизонтов на раскопе велась условными горизонтальными уровнями, мощность которых колебалась в зависимости от конкретной ситуации (проходка археологического или геологического слоя) в пределах 8-15 см. После уточнения залегания культурных горизонтов на стенках раскопа зачистка шла под естественным углом наклона древней дневной поверхности.

Кроме работ на площадке для выяснения стратиграфической картины, внутри пещеры был заложен шурф (рис. I, шурф № I) площадью 1,8 м² и глубиной 1,82 м. Нивелировочные замеры позволяли проводить горизонтальные зачистки точно через 10 см.

Стратиграфия. Общая стратиграфическая ситуация дана нами в отчете за 1976 г.⁴ Новые данные, полученные при раскопках

3. Г.Ф. Коробкова, В.Б. Щелинский. Работы Оредежского опытного археологического отряда. - АО, 1970, с.332.

4. В.А. Жуков. Отчет о работе Маркансуйского археологического отряда в 1976 г. - АРТ, вып.ХУІ, Душанбе: Дониш, 1982.

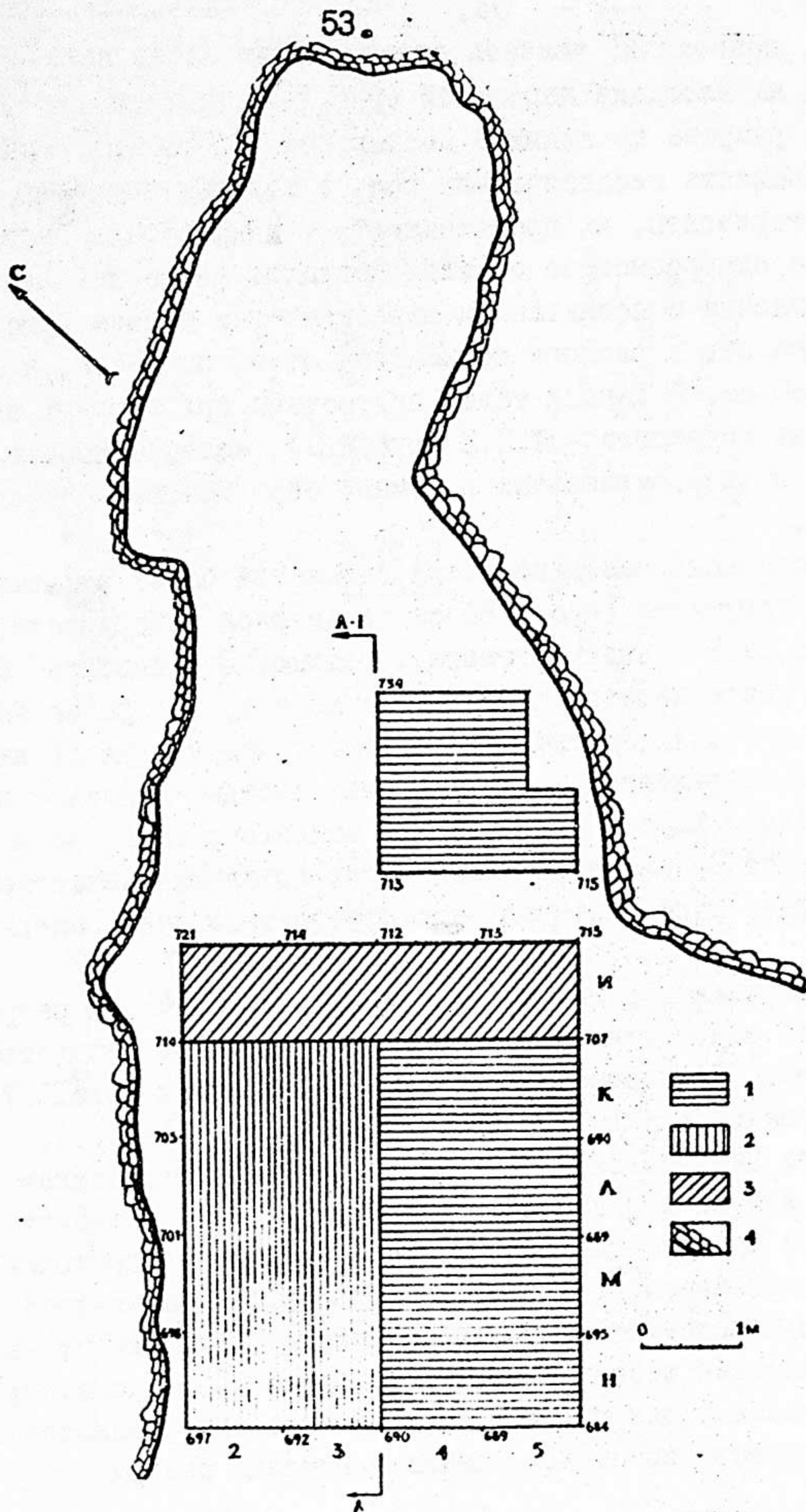

Рис. I. План пещеры "Истыкская" и раскопов:
 1 - раскоп 1978 г., 2 - раскоп
 1979 г., 3 - раскоп 1975-1978 гг.,
 4 - скала.

шурфа № I, позволили увязать стратиграфию слоев внутри пещеры и на площадке перед ней (рис. I-2, профиль А-А^I). Общая длина разреза по линии 3 составляет 690 см (кв. Б, Ж, З, И, К, Л, М, Н). Мощность геологических тел, в которых залегают культурные горизонты, их протяженность и конфигурация различны. Наиболее однородной по составу выглядит пачка довольно плотного суглинка с неокатанным известняковым щебнем (рис. 2.2). Ее мощность в раскопе колеблется от 90 до 75 см, а в шурфе — 40-50 см. К данной толще приурочены три верхних археологических горизонта — I, II, III (рис. 2.3), которые хорошо фиксируются в виде окрашенных в темный цвет прослоек на стенках разреза.

Не совсем ясно замещение этих отложений более рыхлыми до уровня III горизонта (около 80 см от дневной поверхности, отметки +633 от Р — внутри пещеры). Видимо, это связано с интенсивной деятельностью людей уже в наше время (рытье ям, сбор кизяка и т.д.). Подтверждением этому могут служить найденные здесь современные изделия (битая посуда, железные и кожаные изделия) вместе с предметами каменного века. Не исключено, что такое смещение слоев носит локальный характер, так как площадь шурфа по сравнению с размерами всей пещеры невелика.

Очень сложная картина наблюдается в нижней части разреза. Первичное залегание слоев здесь было нарушено мерзлотными процессами.⁵ Глинистые и лессовидные прослойки (рис. 2.7, 8, 9), вклиниваясь в толщу аллювиального песка (рис. 2.6), разрушили его как единое геологическое тело и потревожили связанный с ним IV культурный горизонт (рис. 2.3). Следует отметить, что процесс накопления песка, возможно, протекал в разных климатических (?) условиях (рис. 2.6). Выделяется слой мелкого, хорошо отсортированного песка, включающего в себя известняковый щебень (рис. 2.12). Кроме щебня по всему стратиграфическому разрезу встречаются отдельные известняковые глыбы, упавшие со стенок, скалы и потолка пещеры.

5. Автор выражает искреннюю благодарность В.П.Булину за ценные консультации.

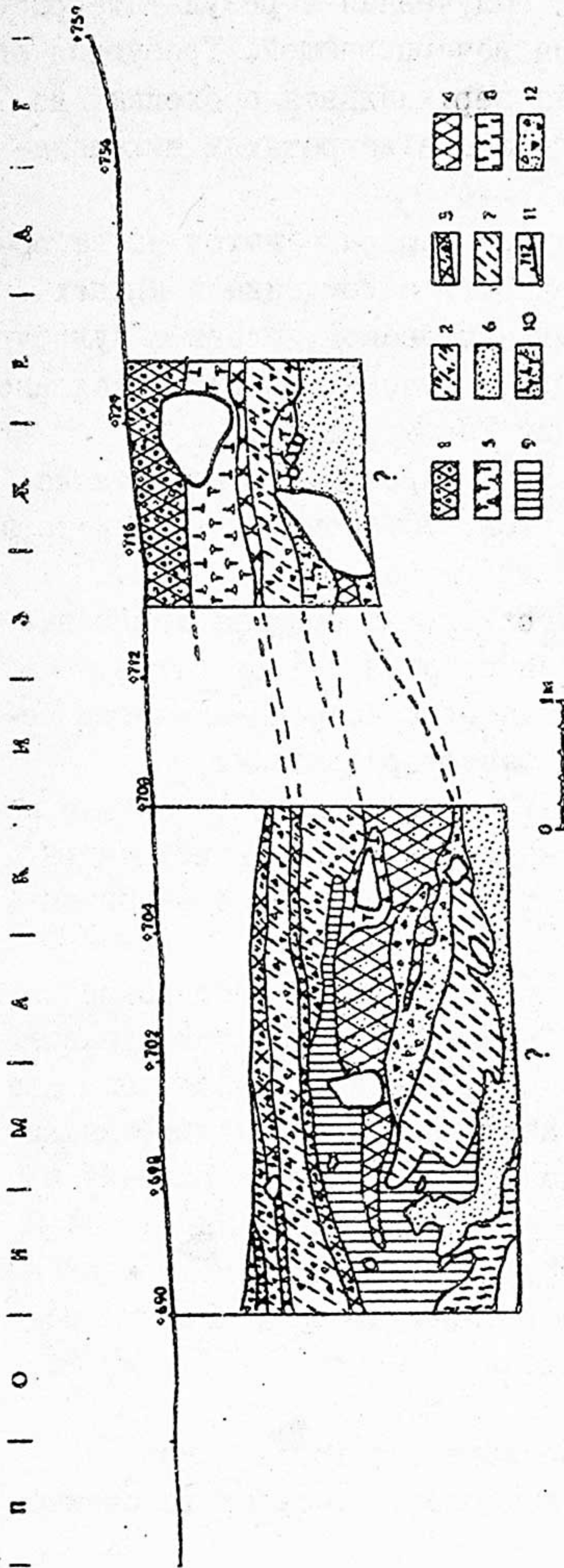

Рис. 2. Стоянка "Истыкская". Продольный разрез по линии А-А I: I - современные рыхлые отложения, 2 - суглинок с известняковым щебнем, 3 - первый, второй, третий культурные горизонты, 4 - четвертый культурный горизонт, 5 - переработанные отложения, 6 - песок, 7 - стерильный суглинок, 8 - глина желтоватого цвета, 9 - глина зеленоватого цвета, 10 - песок с включением рыхлых переработанных отложений, 11 - дневная поверхность, 12 - песок с щебнем.

Стратиграфическая колонка, полученная в результате раскопок 1978–1979 гг., не является исчерпывающей. Требуются определенные доработки. Дальнейшая вертикальная проходка на площадке позволит выяснить соотношение вскрытых и нижележащих геологических слоев.

Основная задача зондажа внутри пещеры – выход на ее основание. Нельзя исключить возможности нахождения в нижних отложениях, связанных с аллювиальным песком, слоев с культурными остатками. Подобная ситуация отмечена при раскопках многослойной стоянки Туткаул в Южном Таджикистане.⁶

Описание культурных горизонтов. Прежде чем перейти непосредственно к описанию горизонтов, остановимся на некоторых моментах, связанных с процессом их накопления.

1. Положение геологических слоев, их состав, темпы накопления влияют на сохранность антропогенных остатков.

2. Естественно, что и условия их консервации внутри пещеры и на площадке, и перед ней бывают различными.

3. Продолжительность обитания древних людей, частные моменты бытовой деятельности (каменные выкладки, конструкция очагов) также играют немаловажную роль в процессе накопления культурных горизонтов.

Обратимся к конкретному примеру – пещере "Истикской". Твердое основание (суглинок с обломочным материалом) древних дневных поверхностей, связанных с жизнедеятельностью обитателей II–III горизонтов, отсутствие каких-либо сооружений, выкладок очагов на площадке привело к интенсивному размыву и переносу культурных остатков по естественному наклону с С–В на Ю–З. Темные прослойки, фиксирующие эти горизонты на стенках раскопа, показывают падение и самих древних дневных поверхностей: II горизонт на протяжении 4 м (кв. И–Н) – 20 см, III горизонт – 7,5 м (кв. Н) – более 80 см.

Мощность антропогенных прослоек (от 18 см – гор. II, кв. Л, до 8 см – гор. III того же квадрата), отсутствие очажных

6. В.А. Р а н о в, Г.Ф. К о р о б к о в а. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. – СА № 2, 1971, с.135, рис.1.

линз, единичные находки расколотого камня в разрезе — все это говорит о недолговременности пребывания людей.

В плане II культурный горизонт, вскрытый на площади 16 м^2 , представляет собой отдельные, между глыбами известняка, разбросанные по всей поверхности изделия каменного века. Небольшая концентрация находок отмечена в квадратах М-4,5 (18 экз. на площади $1,5 \text{ м}^2$). Здесь же встречены обломки костей животных. В квадратах К, Л-3,4 расчищено слабо выраженное очажное пятно без угольков. Реконструировать первоначальную форму и мощность размытого очага довольно трудно.

Горизонт III был вскрыт на площади $17,8 \text{ м}^2$ (из них 16 м^2 в раскопе и $1,8 \text{ м}^2$ в пещере). Здесь прежде всего обращает на себя внимание единственный очаг в центре раскопа. Мы сознательно не даем размеры и точные координаты по квадратам, так как после каждой зачистки ножом его конфигурация менялась. Например, на уровне 600-591 от Р очажное пятно захватывало почти всю площадь квадратов К, Л-2,3, при отметках 589-584 от Р оно было вытянуто с С на Ю на 180 см и с З на В — около 100 см в тех же квадратах. Все это говорит о разрушении очага водными потоками. Максимальная толщина скопления углей в кв. М-3 около 7 см. Хорошая сохранность древесных остатков позволила собрать нужный объем угольков для радиоуглеродного анализа.

Изделия каменного века и органические остатки III горизонта в плане разбросаны по поверхности еще больше, чем во II горизонте.

Наибольшая концентрация находок наблюдается в самой пещере. Здесь обнаружено более 60 предметов (шурф № I). К сожалению, завал из крупных блоков известняка не позволил с достаточной тщательностью проследить расположение обработанного камня и костного материала в плане, отметить определенные скопления, очаги.

Четвертый культурный горизонт разобран на площади $9,8 \text{ м}^2$ (8 м^2 — в раскопе, $1,8 \text{ м}^2$ — в шурфе). Как уже отмечалось выше, он приурочен к наиболее переработанному и разрушенному геологическому слою — аллювиальному песку. В его толще археологический горизонт выделяется присутствием угольков, наличием

фауны и обработанного камня. По цвету он чуть темнее основного слоя. Общая протяженность по разрезу 520 см. На отдельных отрезках его мощность достигает 70 см (кв.И).

В шурфе IУ культурный горизонт расчищен на площади всего 40 см² (толщина — 20 см). По всей видимости, известняковые глыбы, упавшие с потолка пещеры, разрушили его и разбили на отдельные куски.

При горизонтальном срезе нерасчищаемой поверхности наряду с участками, где фиксировался археологический материал, прослеживались стерильные пятна глины и суглинка. Культурные остатки обнаружены по всей рабочей площадке. Наблюдаются отдельные скопления обработанного камня. Иногда они приурочены к остаткам очагов. Такая концентрация находок отмечена в кв.М,Д-4,5. Здесь вокруг очажного пятна (150х50 см) найдено 32 каменных предмета и 3 обломка кости. Отметим очень плохую сохранность кострищ, всего их найдено 5 IУ горизонта. Это скорее не очажные пятна, а участки пережженного песка, в котором отсутствует уголь.

Каменный инвентарь. Общее количество изделий из камня, включая находки, обнаруженные при вторичном вскрытии раскопа — 547 экземпляров. Преобладающее количество орудий сделано из кремневых пород. Во втором культурном горизонте использовался также феллит.

Горизонт П. Это наиболее бедный находками горизонт — 126 экземпляров. Наибольшим количеством представлена группа осколков-обломков — 45 экз. Среди заготовок значительное место занимают отщепы, в основном первичные — 38 экз. В коллекции присутствуют: многоплощадочные, "палеолитического" облика нуклеусы — 6 экз., микролитические — 7 экз. Последние, как правило, сработаны до предела. Карандашевидный (остаточный?) микронуклеус (рис.3.1). Сколь прослеживаются по всей окружности рабочей поверхности. Отжимная площадка почти полностью уничтожена. Ширина фасеток от 0,2 до 0,5 см, глубина 0,1—0,2 см. Длина нуклеуса 4,3 см, максимальное сечение 1 см. Снятые с них микропластинки (во втором горизонте найдено 14 экз.) имеют соответствующие параметры. Иногда по краю заготовки наносилась мелкая ретушь (рис.3.2-4).

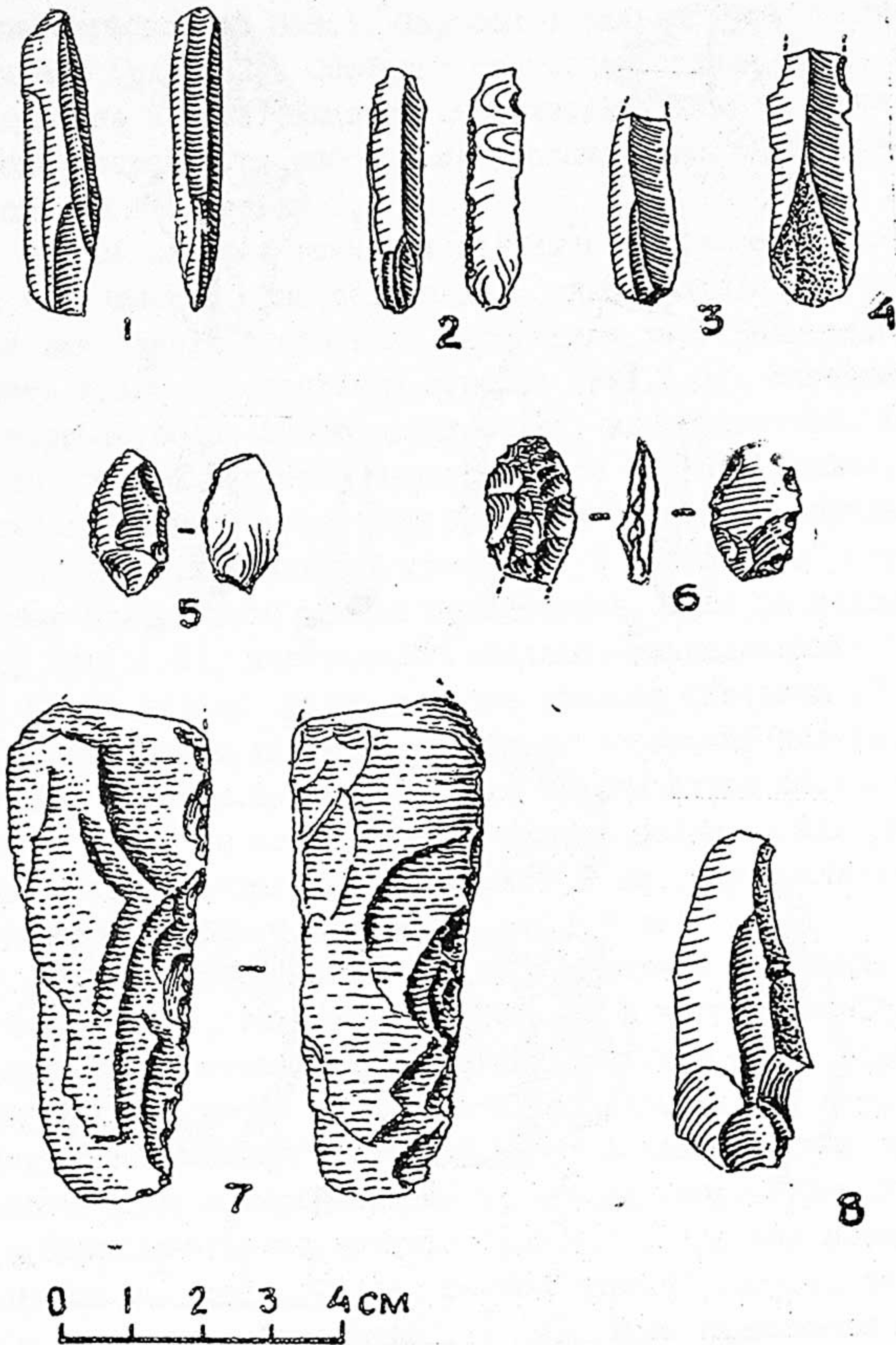

Рис.3. Стоянка "Истыкская". Каменные изделия: 1 - нуклеус, 2-4 микропластины, 5,6 - стрелки, 7 - обломок топорика, 8 - пластина.

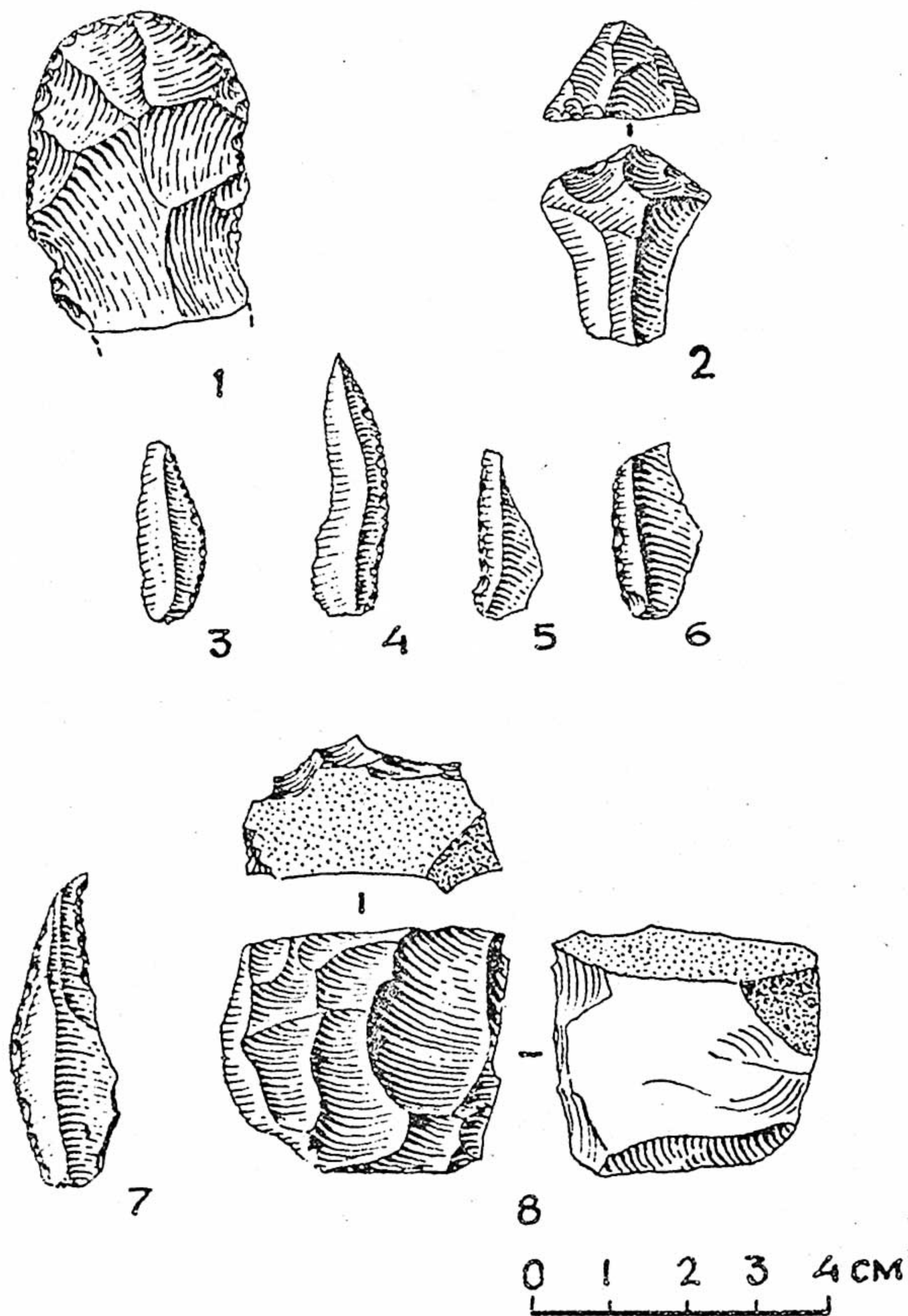

Рис. 4. Стоянка "Истыкская":
 1-2 - скребки, 3-7 - острия с затушенной
 спинкой, 8 - нуклеус.

Выделяется типичная для памятников Восточного Памира группа скребков (6 экз.). Скребок с сильно сработанным рабочим краем (рис. 4.2). Особенно сглажена средняя часть лезвия, где даже не просматривается вторичная ретушь. Боковые грани скребка подработаны небольшими сколами. Высота рабочего края 4,5 см, ширина лезвия 2,4 см.

Особый интерес вызывают найденные в шурфе стрелки. Из трех экземпляров одна поломанная, одна целая и третья — заготовка для орудий этого типа. Последняя дает возможность проследить этапы изготовления стрелок (рис. 3.5). Заготовкой служит широкая, более одного сантиметра, микропластина. Вначале мелкой круглой ретушью, нанесенной со стороны брюшка, обрабатываются боковые грани. Для придания заготовке определенной формы дистальный конец отсекается. В дальнейшем струйчатой ретушью покрывается вся ее поверхность. Судя по целому экземпляру (рис. 3.6), желательной являлась миндалевидная форма.

Среди других орудий отметим обломок топорика (?) (рис. 3.7). Заготовкой для него послужила небольшая плитка, обработанная с обоих концов крупными ступенчатыми сколами. В средней части по краям прослеживается более мелкая ретушь. Длина сохранившейся части орудия 6,9 см, максимальная ширина на участке облома 2,8 см, сечение 0,6 см.

Горизонт III—IV. Однообразие в исходном материале (окремненные породы), технике раскалывания и вторичной обработке, наборе орудий позволяют объединить находки обоих горизонтов. Общее число номеров коллекции 421. Нуклеусы (14 экз.) подразделяются на микролитические (6 экз.) и напоминающие верхнепалеолитические с параллельным принципом скалывания (8 экз.).

Одноплощадочный нуклеус (рис. 4.8). Ударная площадка не подправлена, покрыта естественной коркой. Фасетки сколов широкие (максимальная ширина 1,9 см). Углы скалывания около 90° . Высота нуклеуса 3,5 см. Таким нуклеусам соответствуют пластины и пластинчатые отщепы правильных форм (рис. 3.8) шириной 0,5—0,7 см, длиной 2,2—2,7 см. К сожалению, почти все обнаруженные микропластины III—IV горизонтов поломаны, поэтому дать их полную метрическую характеристику не представляется возможным. Средняя ширина присутствующих в коллекции экземпляров (21 шт.) 1,0—1,2 см.

Отщепы (67 экз.), как правило, небольших размеров: 6–5 см в длину, 3–4 см шириной, сечение около 1 см.

Среди скребков (12 экз.) преобладают уплощенные концевые скребки на пластинчатых отщепах. Высота рабочего края чуть меньше максимального сечения (рис.4. 1). Лезвие обработано параллельными сколами. На вторичной обработке хотелось бы остановиться особенно. Для орудий из Ш–IУ горизонтов совершенно не характерна "краевая" "несистематическая" ретушь, частично встречающаяся на памятниках маркансуйской культуры. Очень высок процент орудий с притупляющей ретушью – 41,7%. Среди них можно выделить как острия, так и пластинки. Первые имеют более удлиненную форму. Лезвие почти прямое, обработанный край имеет мягкий изгиб.

Так как данные орудия труднее всего поддаются словесному описанию, мы используем признаки, выделенные группой авторов⁷, образующие иерархические системы описания составных частей орудия. Они включают в себя: 1–первый продольный край (ППК), 2–второй продольный край (ВПК), 3–нижний конец (НКО), 4–верхний конец (ВКО). На основании анализа признаков выделяются типы, характеризующиеся их устойчивым сочетанием. Оговоримся, что весь номенклатурный набор также взят у упомянутых авторов.

1 (рис.4. 3) ППК–выпуклый, ретушированный по всему краю на спинке. Ретушь крутая, незубчатая, регулярная.

ВПК – прямой, необработанный.

НКО – линейный, необработанный.

ВКО – линейный, сформированный ретушью края.

Тип – "рыбка" (?).

2 (рис.4. 4) ППК – прямой, ретушированный на спинке. Ретушь крутая, нерегулярная.

ВПК – вогнутый, неретушированный.

НКО – линейный, необработанный.

ВКО – точечный, необработанный.

Тип – "треугольник" (?).

7. М.Д. Гвоздовер, Г.П. Григорьев, Д.В. Десопик, Н.Б. Леонова. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их сокуности на этой основе. – В сб.: Древняя история народов Юго-Восточной Сибири. Вып. I, Иркутск, 1971.

- 3 (рис.4. 5) ППК — прямой, ретушированный по всему краю на спинке.
 ВПК — выпуклый, необработанный.
 НКО — линейный, необработанный.
 ВКО — линейный, сформированный ретушью одного края.
 Тип — "рыбка" (?).
- 4 (рис.4. 6) ППК — прямой, ретушированный по всему краю на спинке. Ретушь крутая, незубчатая, регулярная.
 ВПК — выпуклый, необработанный.
 НКО — линейный, необработанный.
 ВКО — прямой, острый угол у ВПК.
 Тип — "четыреугольник косоугольный".
- 5 (рис.4. 7) ППК — выпуклый, ретушированный по всему краю. Ретушь крупная, зубчатая, регулярная со стороны спинки.
 ВПК — вогнутый, ретушь по краю.
 НКО — линейный, необработанный.
 ВКО — точечный, обработанный ретушью с двух краев, дугообразный.
 Тип — "треугольник" (?).

Среди описанного выше каменного инвентаря есть артефакты, которые отражают внутреннее различие между индустриями II и III-IV горизонтов. Для первого это — стрелки, сближающие его с маркансуйской культурой, для двух нижних горизонтов — орудия с притупляющей ретушью, требующие поиска истоков и аналогий.

Заключение

Раскопки 1978-1979 гг. позволили получить новый, очень интересный материал, дополняющий нашу коллекцию каменных изделий из пещеры "Истыкская".

В отчетной статье довольно трудно дать ее полную характеристику. Это дело будущего. Однако накопление новых данных по памятникам каменного века, где отмечена притупляющая техника, как на территории Таджикистана (Туткаул, Сай-Сайек, Да-

рай Шур), так и близлежащих областей,⁸ дает возможность говорить о широких диффузионных (миграция, диффузия идей?) связях первобытных племен. И хотя территориально пещерная стоянка "Истыкская" расположена среди памятников, тяготеющих к кругу центральноазиатских культур, связи ее с носителями других технических традиций не вызывают сомнений.

8. А.В. Виноградов. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане. — Сб.: Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979.

А.Х.Юсупов

РАЗВЕДКА КАМЕННОГО ВЕКА НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА В 1979 г.

В 1979 г. сотрудники Яванского и Вахшского отрядов работали в трех районах Яванской и Дангаринской долин и в зоне затопления Нурекского водохранилища.¹

I. Исследования в Яванской долине

Разведывательные работы в Яванской долине проходили одновременно с раскопками на стоянке Дахана 2. В первую очередь было обследовано русло Горбулакская, с целью поиска пещер в известняках хребта Рангонтау. Горбулакский сай берет начало с водораздела вышеуказанного хребта, ниже по течению соединяясь с многочисленными источниками и присоединяется к Даханасу. В 0,5 км к северу от кишла. Горбулак была обнаружена открытая стоянка. Стоянка приурочена к лессовой террасе правого берега сая. Терраса спускается с хребта Рангонтау с севера на юг, ее длина 500 м, высота от современного уровня сая 50 м. Напластования лессов на коренных породах в этом районе небольшие — до 1,5 м, но мощность их значительно увеличивается в сторону Яванской долины и достигает до 40 м и более.

Материал стоянки переотложен, смыв, каменные изделия встречаются на скатах, примерная площадь находок 50x50 м. Всего найден 71 предмет, все кремневые, кроме 3 галечных отщепов. Большинство отбросы — осколки 24 экз., отщепов 15 экз., пластин 5 экз., нуклеусов 12 экз., орудий 4 экз., скребловидных орудий 8 экз.

I. Состав отряда: А.Х.Юсупов — нач. отряда; Т.Г.Филимонова, Н.Турлыгин — ст. лаборанты; маршрутные рабочие.

Несколько отщепов было найдено в северной части кишлака, в дувалах, что говорит о неоднократном разрушении стоянки при строительстве современных домов.

Примерно в 3–4 км к северо-западу от Горбулакская проходит Камышлисай, берущий свое начало с водораздела хребта Рангонтау и впадающий в Новобадсай, который сливаясь с Горбулакской образует Даханасай. В верховьях этого сая на левом берегу имеется пещера в рыхлом известняке.

Пещера расположена на высоте от современного уровня сая 200–250 м. Вход обращен на запад, высота входа 3 м, ширина 5,5 м, глубина 12 м. В глубине высота резко увеличивается. Пола нет. Площадка перед входом в пещеру маленькая, размером 3х6 м, завалена крупными глыбами известняка, упавшими сверху. Дальнейшее исследование нецелесообразно.

Затем провели разведку у Зардолуйского перевала, в районе кишлака Сурхтепа. Кишлак расположен на правом отроге Явансу, на одном из рукавов сая Сурхтепа, у самого начала водораздела. Район кишлака сильно эродированный, изрезан множеством глубоких саев.

На восточной окраине кишлака осмотрен могильник. В нем около 80 курганов круглой формы, выложенных камнями. Большинство их обвалилось, в центре образовались воронки. Диаметр их разный — от 6 до 1,5 м. При опросе населения никто не знал, чьи это погребения. По структуре они похожи на кушанские, но может быть относятся и к бронзе.

После разведки мы начали раскопки на стоянке Дахана 2, которая была найдена еще в 1973 г.

Она находится на втором уступе лессовой террасы правого борта Даханасая, в 500 м к северо-западу от основного русла. В 1978 г. во время строительных работ по прокладке водопровода стоянка была разрезана на две части глубокой траншеей. В разрезе траншеи виднелись 5 каменных выкладок, 3 из них были расчищены.

При расчистке одна каменная выкладка оказалась очагом с большим количеством сохранившегося угля. Среди угля было найдено несколько каменных орудий. Поэтому в этот сезон мы заложили раскоп на участке с очагом. Размеры раскопа с запада на

восток 16 м (8 квадратов), с севера на юг 6 м (3 квадрата). Расчистка проводилась ножами, условной глубиной 10 см. Находки шли только до глубины 20 см, ниже появился чистый плотный лесс без находок. Из-за того что в некоторых квадратах были встречены ямы, глубина раскопа неодинакова — от 0,36 до 0,62 м. В верхней части слой однотонного черного цвета, гумусированный.

При раскопках каменных изделий нашли мало, всего около 8 предметов. Из них две ножевидные пластинки без ретуши, остальные осколки и грубые отщепы.

В северо-западной части стоянки заложено еще несколько небольших раскопов, глубина доведена примерно до той же, что и на первом. Было расчищено 6 каменных выкладок, диаметром в среднем 3,5–4 м. Камни лежат плотно друг к другу, размеры в среднем 25х18х16 см. Все известняковые, принесены из Дахана-сая.

При расчистке было найдено несколько кремневых изделий. Полностью расчистить каменные выкладки не смогли (из-за отсутствия времени).

В северной части стоянки, для уточнения стратиграфии, заложили шурф размером 3х2 м. Глубина доведена до 1,65 м. Верхний слой темный гумусированный, мощностью 20 см, ниже до конечной глубины шурфа светлый лесс, смешанный с гипсовыми журавчиками. Культурный слой обнаружен не был. Находок нет.

Одновременно на поверхности был собран подъемный материал: 90% — это кремневые изделия, а 10% представлено галечным элементом — крупными отщепами, напоминающими гиссарские. Среди кремневых сборов имеются нуклеусы (рис. I. 1,2), пластинки (рис. I. 3–5,8), скребки (рис. I. 5–6), острие с затупленным краем (рис. I. 6), изделия с ретушью (рис. I. 7).

2. Зона Нурекского водохранилища

На Нурекском водохранилище работа велась двумя группами. Первая группа обследовала берега, вторая — занималась раскопками поселения Тегузак на перевале Шар-Шар.²

2. Результаты раскопок на поселении Тегузак даются в отчете Л.Т.Пьянковой.

В ходе разведывательных работ было обнаружено 13 точек с каменными изделиями. Поисками были охвачены оба берега от Пулисангинского ущелья до верховьев водохранилища. Общая протяженность маршрута составила около 120 км береговой кромки. Основное скопление местонахождений было отмечено для левого берега, на протяжении от сая Хукдара до Дарай Шур. Все местонахождения были обнаружены на поверхности размытых участков при спуске воды в водохранилище. Поскольку на них собрано небольшое количество находок, они не получили условных названий, а только порядковый номер (пункт 1, 2 и т.д.).

Исследование берегов было начато с района кишла. Кули Суфийен, расположенного у подножья хребта Гули Зиндон. Террасы, на которых собраны находки, находятся в 2-3 км к северо-востоку от Кули Суфийена. Во время обследования изделия каменного века находились в переотложенном состоянии, причем вода, отступая, образовала четыре уступа. Основная масса предметов как в этом районе, так и в других была найдена на 1-м (от верха) уступе, реже на 2-м. На 3-м и 4-м уступах изделия из камня практически не встречались. Шурфы, заложенные на нескольких пунктах, не дали ответа о месте их залегания.

На обоих берегах сая был обнаружен комплекс пунктов с изделиями мустьерского типа (пункты 1, 2, 3), один с гиссарскими орудиями (пункт 4) и на одном материал, по-видимому, находился в переотложенном состоянии.

На пунктах 1, 2, 3 шурфы не закладывались. Среди подъемного материала преобладали крупные отщепы, среди которых находились предметы мустьерского типа. Это крупные (до 15 см) пластины без ретуши (рис. I. 9), треугольные сколы (рис. I. 10)

Рис. I. Яванская долина. Стоянка Дахана-2. Изделия из камня:

1, 2 - нуклеусы, 3-5, 8 - пластины; 6 - острие с затупленной спинкой; 7 - острие.

Пункт 1, 2, 3 (зона Нурекского водохранилища). Изделия из камня: 9, 12 - пластины;

10 - треугольный скол; 11 - пластинчатый отщеп; 13 - сегмент; 14 - концевой скребок.

69.

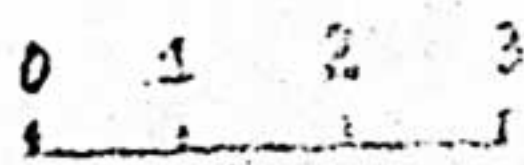
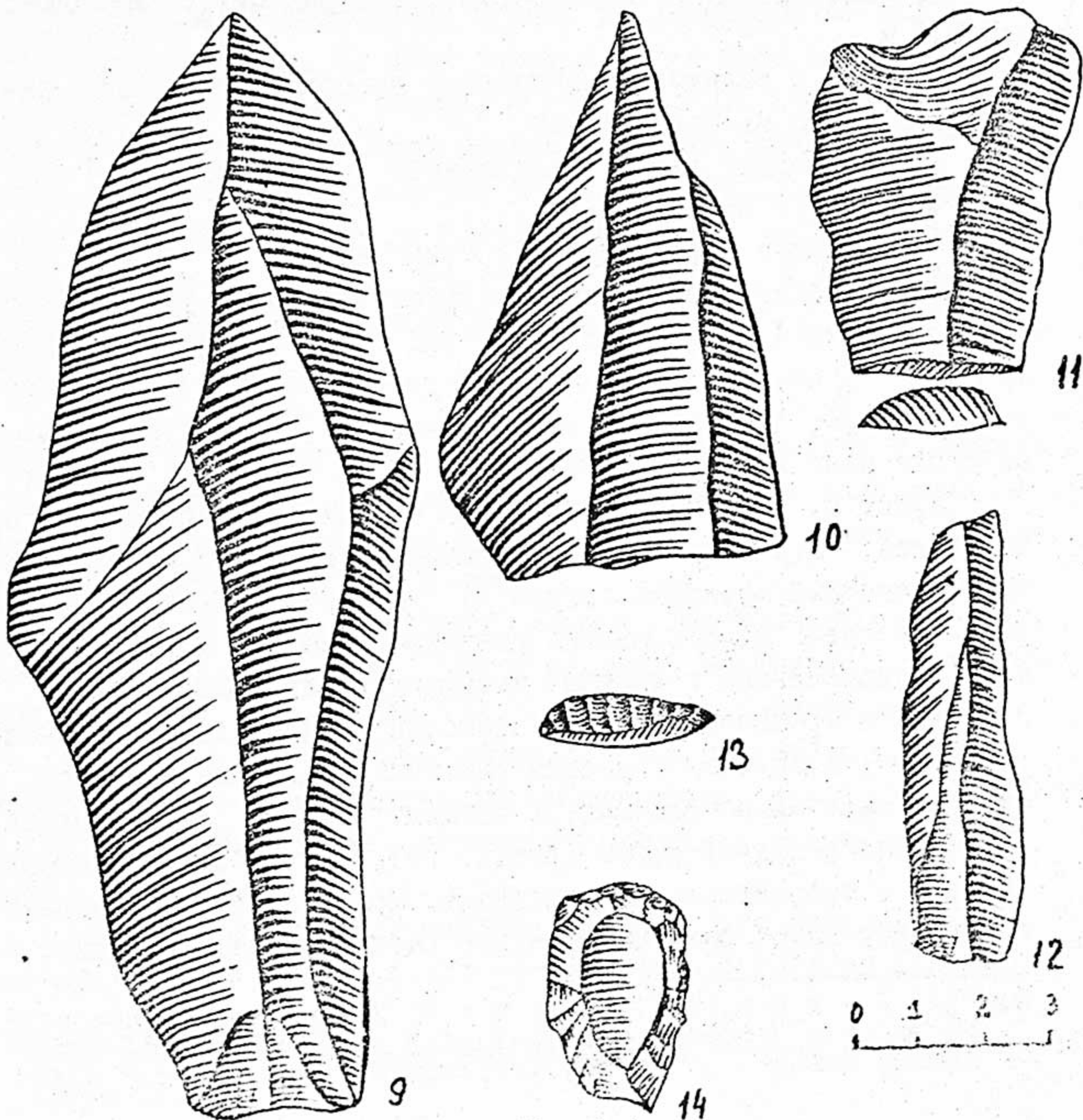
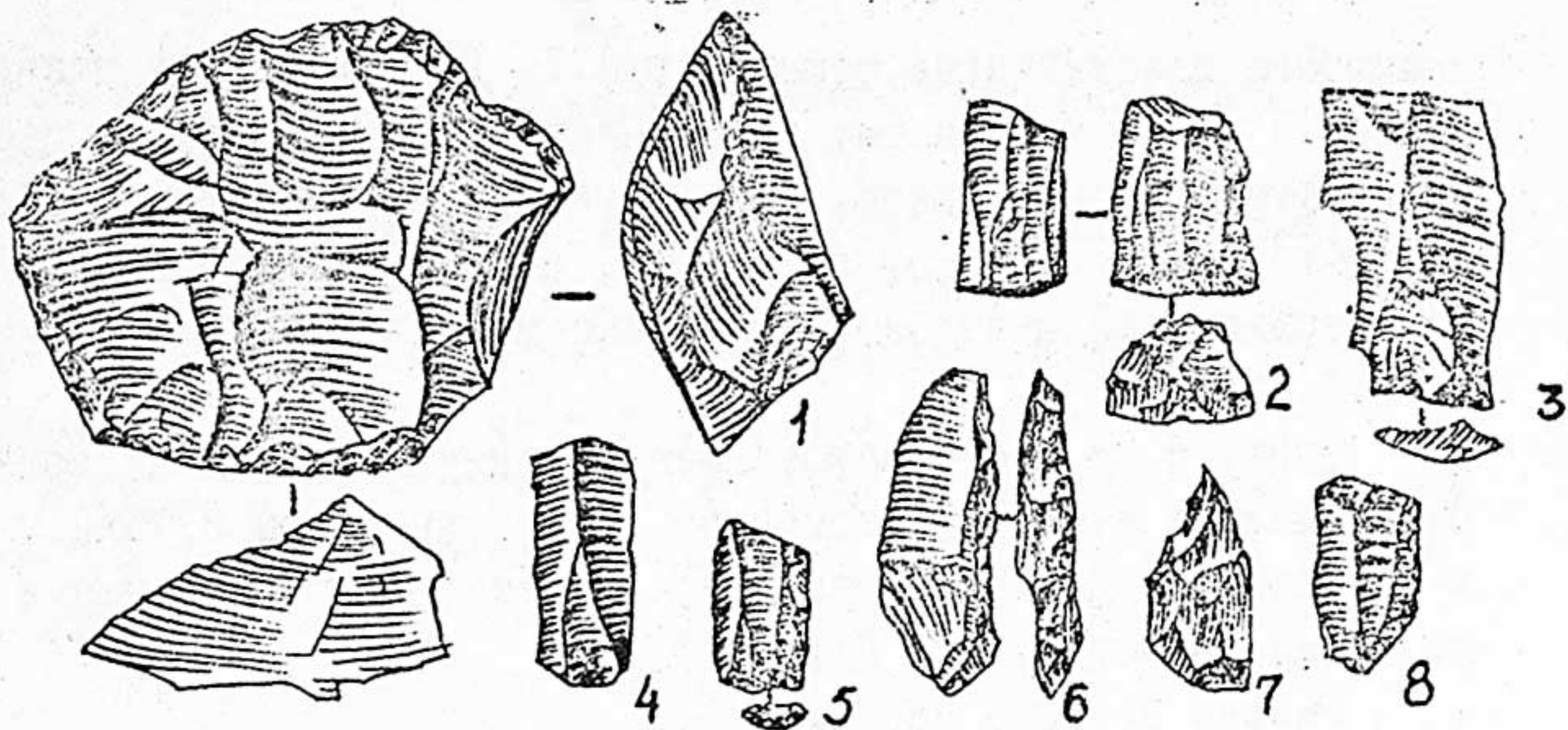

Рис. 1.

и широкие пластинчатые отщепы (рис. I. II). Материал очень близок к ранее найденному на берегах водохранилища на стоянках Кумтепинская скала, Дарай Дюзон и др.³ Интересно присутствие призматической пластинки, сильно изогнутой в профиле, верхнепалеолитического или даже мезолитического облика (рис. I. I2).

Пункт 4. В месте наибольшего скопления каменных изделий была сделана зачистка лессового склона (размеры 2,75x3,2 м) и заложена ступенчатая траншея, разрезавшая три уступа и выведенная на четвертый. Длина 20 м.

Разрез показал следующее.

1. Задернованный темно-серый слой, рыхлый, без находок; 0,5–0,6 м.

2. Лесс с редкими вкраплениями небольших окатанных камешков; 0,4–0,5 м. Находок нет.

3. Однородный лесс, находок нет.

4. Селевые наносы.

5. Коренные породы мелкого известняка.

Все находки собраны на поверхности первого уступа. Это типичная стоянка гиссарской культуры, где в сборах преобладают галечные отщепы. Дополняют материал галечные чоппинговидные нуклеусы, две круглые терки (возможно, краскотерки, из-за своих небольших размеров), скребки на первичных отщепах.

Пункт 5. Это наиболее дальний от Кули Суфиева пункт. Он находится в 3,5–4 км к северо-западу, напротив б. кишл. Талхак. Подъемный материал собран на I-м и 2-м уступах, он был рассыпан очень широко. Длина уступов около 200 м. Здесь была собрана наибольшая коллекция каменных орудий. Среди них — галечные и кремневые отщепы, несколько неправильных кремневых пластинок, I крупная галечная пластина, галечные нуклеусы, крупные скребки на отщепах, I сегмент (рис. I. I3), концевой скребок языковидной формы (рис. I. I4). Соединение гиссарских отщепов с мезолитическими орудиями, может свидетельствовать о том, что здесь были размыты две разновременных стоянки, но

3. В.А. Ранов, А.Х. Юсупов. Стоянки каменного века на высоких террасах Вахша. — Успехи среднеазиатской археологии, вып. 4. Л.: Наука, 1979. с. 78–79.

в то же время идентичную картину можно было наблюдать при раскопках пещерной стоянки Дарай Шур.

В пятом пункте была заложена серия шурфов, траншей и зачисток. Одна из траншей прошла через все четыре уступа, общая длина составила около 32 м. Культурных слоев не обнаружено. Есюду шел чистый лесс без находок.

Затем поиски перенесли к востоку от Кули Суфиена до сая Дарай Дузон. В этом районе найдено 6 точек. Из них 4 пункта с орудиями гиссарского типа. На них мы не будем останавливаться, так как гиссарская культура достаточно известна. На двух остальных встречены мустьерские изделия.

Первое местонахождение (пункт 7) находится по левому берегу сая Хукдара. На этом участке ранее было найдено несколько стоянок, в том числе и с мустьерскими орудиями.⁴ Терраса, на которой находится местонахождение, приурочена к выходам коренных пород красного песчаника. Лессовый покров здесь небольшой, лежит на глине. В северной части террасы скальные выходы красного песчаника делают изгиб, образуя небольшой навес. В этом месте был сделан разрез. Культурный слой обнаружен не был.

Каменные изделия встречались в южной и северной части террасы. Скорее всего они находились в перемешанном состоянии, так как среди чисто гиссарских отщепов (имеется даже один экземпляр утюжка), встречены крупные пластины из галек, чошеры, острия на трехугольных отщепах.

Кроме этого было найдено бронзовое тесло. При обследовании верхней, неразмытой части террасы, никаких остатков могильников или иных сооружений эпохи бронзы найдено не было.

Отдельные изделия мустьерского типа, такие, как пластинчатые отщепы, псевдолеваллуазские острия (рис. 2. I) обнаружены в пункте 8, на восточной и западной части левого берега сая Дарай Дузон.

Аналогичные палеолитические изделия были найдены и к востоку от Кули Суфиена, при обследовании берега до Дарай

4. А. Х. Юсупов. Исследования Вахшского отряда. - АО, 1976. М., 1977, с. 576.

Шур (пункты 9, 11, 12, 14). Преимущественно это небольшие скопления каменных орудий с ярко выраженными чертами мустьерской техники. Наиболее крупный из них пункт 14, на правом берегу водохранилища, напротив бывшего кишлака Дахана. Состав инвентаря везде примерно одинаков: это разнообразные крупные пластинчатые отщепы и грубые пластины (рис. 2. 2-6), скребло-видные орудия (рис. 2. 3-4), отщепы (рис. 2. 5). Орудия с законченной обработкой редки. Одно из них представляет собой острие лавролистной формы, мелкая ретушь нанесена со спинки.

На противоположном берегу сая, у затопленной стоянки Дарай Шур собрана небольшая коллекция галечных отщепов, орудий среди них нет.

Тут же в отвалах обвалившегося берега была найдена серебряная монета греко-бактрийского времени. По определению Б.Б.Зеймалю и Д.Давутова, она относится ко времени царя Евкратиды I (175-156 гг. до н.э.), что позволяет более точно датировать верхние античные слои на поселении Дарай Шур.

После максимального подъема воды была предпринята попытка обследования верховьев водохранилища. Нам удалось проехать от Кули Суфияна до верховьев около 30 км, т.е. не доезжая примерно 20 км до плотины Рогунской ГЭС. За Шахтутом долина Вахша резко сужается и имеет вид узкого глубокого каньона с отвесными берегами. Отроги Вахшского хребта поднимаются здесь до высоты 3,5 тыс. м над уровнем моря и сложены из коренных известняков и неогенового красного песчаника. Они прорезаны глубокими саями, у устья которых иногда образуются конусы выносов. На значительных площадях встречаются остатки древних аллювиальных отложений песка и галечника, которые образуют террасовидные уступы. Высота этих уступов достигает 30 м, и тянутся они вдоль реки шириной 100-120 м.

В разрезах и на поверхности уступов археологический материал не был найден. В поисках пещер прошли вверх по саям в сторону водоразделов хребта Вахш. Две пещеры были обнаружены по правому берегу Вахша, примерно в 1,5 км к северу от брошенного кишлака Дашти Ров. Пещера находится в рыхлых мергелитовых известняках, входом обращена на юг, высота 4 м, ширина у входа 12 м, глубина 4 м. Пол неровный, он падает с севера

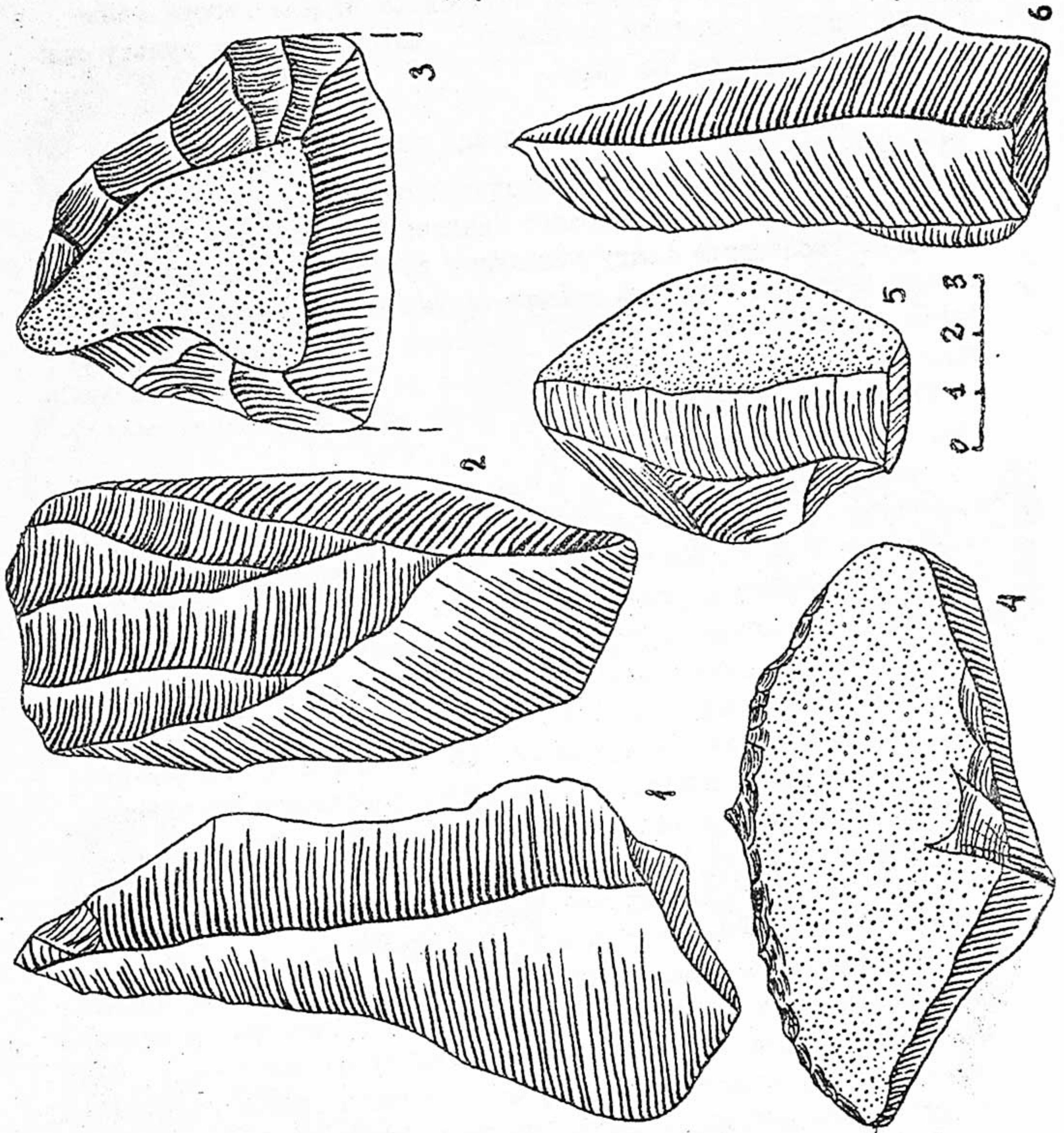

Рис. 2. Пункт 8 (зона Нурекского водохранилища).
 Каменные орудия: I - псевдолеваллуазское
 острие. Пункты 9, II, 12, 14. Каменные ору-
 дия: 2, 6 - пластины; 3, 4 - скребловидные
 орудия; 5 - пластничатый отщеп.

на кг, без гумуса, отложений нет. Рядом вторая пещера меньшая по размеру, но тоже со скальным полом. Никаких культурных остатков обнаружено не было.

3. Дангаринская долина

Третий район, где проводил свои работы отряд — это прилегающая часть и сам хребет Санглок — от кишлака Калкот до Эгизака. Расстояние между кишлаками примерно 30 км. Местность сильно изрезана глубокими саями, такими как Шар-Шар, Гумсу, Чимбулак, Саритова и др. Террасы адырного типа, тянутся узкими рукавами с хребта в сторону Гумсу. В некоторых местах выклиниваются коренные красные песчаники. На этой территории обнаружено три открытых стоянки.

Первая стоянка в 500 м к востоку от кишл. Канов, рядом с источником. Стоянка приурочена к невысокому террасовидному уступу шириной 12 м, высотой 10 м. Каменные изделия найдены в нижней части уступа, по-видимому, они смыты сверху. Материалом для изготовления орудий служили гальки разных пород и кремнь. Кроме каменных изделий встречается керамика, стенки тонкие, покрыты светлым и черным ангобом с прорезанным орнаментом. Каменных изделий найдено 32 экз. Из них 1 кремневый нуклеус, 8 галечных отщепов, 7 кремневых, 6 обломков ножовидных пластин, 1 кремневое острие и 4 скребловидных орудий.

Нуклеус грубый, одноплощадочный с односторонней рабочей поверхностью, фасетки широкие и короткие (рис. 3. 1). Отщепы гиссарского типа, без обработки. Размеры от 3х1 до 6,5 х 5,8 см. Некоторые сильно патинизированы (рис. 3. 2). Ножовидные пластинки преимущественно трехугольного сечения, с изогнутым профилем (рис. 3. 3-5). Острие на трехугольном отщепе, один край обработан заостряющей ретушью со спинки (рис. 3. 6). Скребок грубый без ретуши, с дугообразным рабочим краем (рис. 3. 7).

Рис. 3. Стоянки Дангаринской долины.
Каменные орудия: 1 — нуклеус, 2, 8 — отщепы, 3-5, 9 — пластинки; 6 — острие; 7 — скребок, 10 — скребло.

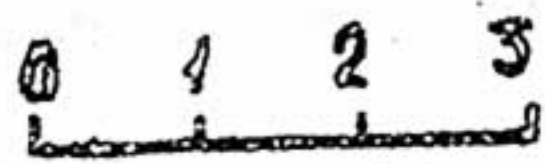
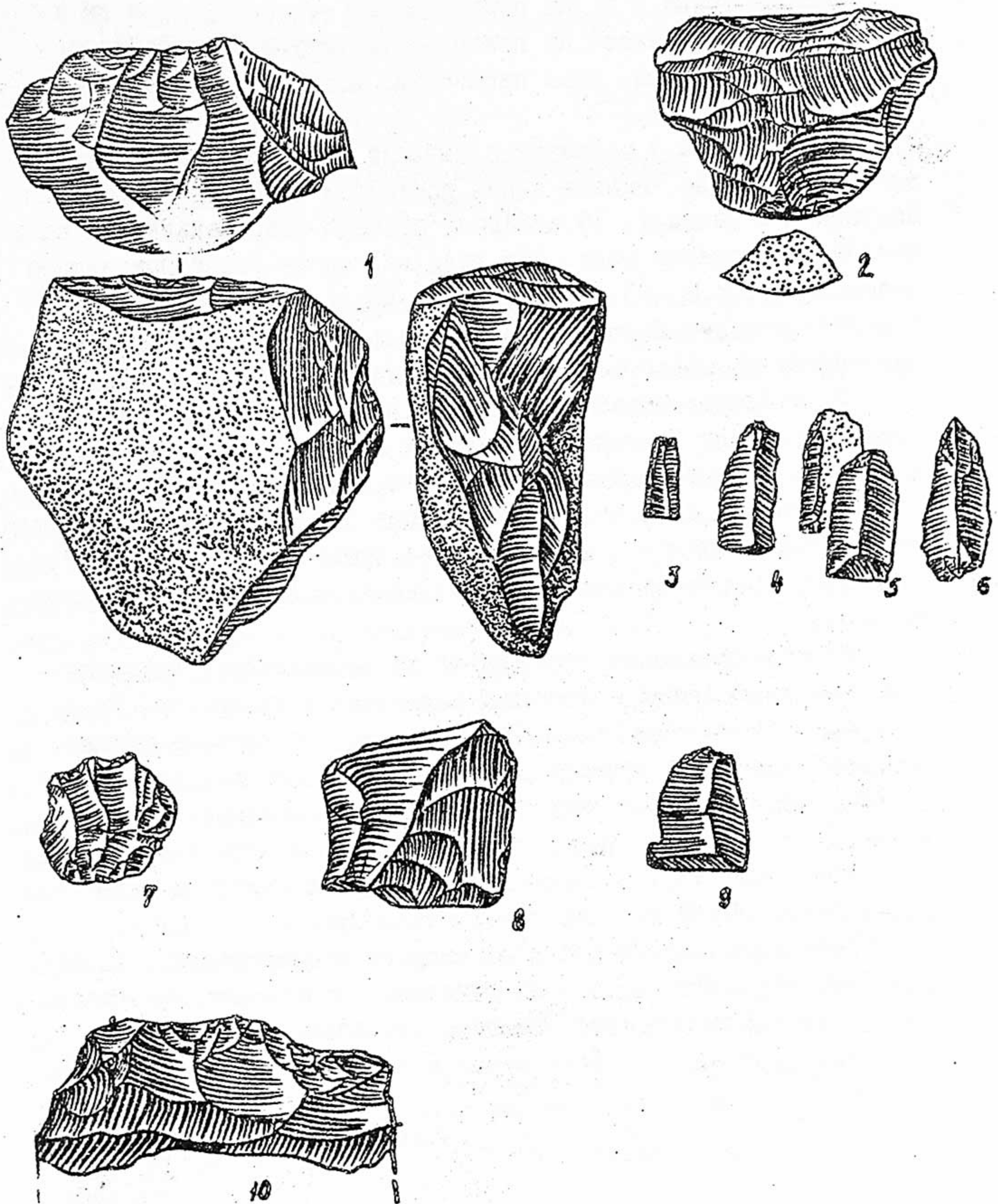

Рис. 3.

Вторая точка у кишла. Новобад, расположенного в 3 км к западу от кишла. Канов. На поверхности уступа было найдено два галечных отщепа, один первичный, второй с трехскатной спинкой (рис.3. 8).

Третья точка у брошенного кишлака Саритова, расположенного в седловине. Раньше здесь проходила пешеходная тропа из Постакана в Дангару. 10 каменных изделий было найдено на вспаханной поверхности поля. Все изделия, кроме одной ножевидной пластинки (рис.3. 9), галечные. Из них 6 предметов — необработанные отщепа. Орудие одно — обломок скребла, рабочий край дугобразный, обработан крупными фасетками (рис.3. 10).

В заключение можно сказать, что работа в отчетном сезоне прошла успешно. Раскопки на стоянке Дахана-2 выявили культурный слой, что имеет большое значение для изучения неолитических памятников Яванской долины. Кроме того, материалы стоянки дают новые сведения о периоде конца существования гиссарской культуры, т.е. о времени оседания кочевых пастушеских племен на землю.

В зоне Нурекского водохранилища собрана богатая коллекция каменных орудий — от эпохи палеолита и до бронзы. Всего за время работы отряда с 1975 г. на этой территории найдено большое число разновременных стоянок, что свидетельствует об интенсивном заселении данного района с древнекаменного века и до наших дней. Интересна находка редкой монеты Евкратиды I. По всей видимости, она составляет единый комплекс с материалами, полученными с верхних слоев Дараи Шур.

Останавливаясь в целом на вопросе исследования зоны Нурекского водохранилища, надо отметить, что в археологическом отношении район полностью себя не исчерпал. Малоизученные верховья скорее всего таят много новых открытий и сюрпризов.

Н.М.Виноградова

РАБОТЫ ОТРЯДА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ЮТАЭ ВЕСНОЙ 1979 г.

Отряд¹ ставил перед собой следующие задачи: 1) полевая фиксация археологических памятников, дешифрованных на аэрофотосъемках; 2) исследование поселений и могильников на юге Таджикистана. Сотрудником Института археологии АН СССР К.В.Шишкиным были переданы в ваше распоряжение около 30 снимков по Южному Таджикистану.² На выкопировках, дешифрованных К.В.Шишкиным, обозначены основные элементы древней топографии: следы древних русел, дорог, городищ, курганных и бескурганных могильников, видимых с различной четкостью на фоне современной почвы и растительности (рис.1. 2).

Первый маршрут проходил по левому и правому берегу р.Тарсусу на отрезке между кишлаками Джартепе и Куй Бульон в районе 1-й фермы совхоза Дангара Дангаринского района. Второй маршрут пролегал по левому и правому берегу р. Кызылсу на отрезке между кишлаками Танапчи Урта и Джайрали Советского района.

Основным демаскирующим признаком археологических объектов на снимках является их геометрически правильная конфигурация. В зависимости от характера своего фотоизображения памятники выделяются в три основные группы: 1) линейные (древние русла, дороги, каналы); 2) точечные (отдельные здания, те-

1. Отряд работал в следующем составе: мл.н.с. Института востоковедения АН СССР Н.М.Виноградова (начальник), мл.н.с. Института истории АН ТаджССР - Л.Т.Пьянкова, топограф А.Жуков, шофер автобазы АН СССР К.Ванюнин и маршрутные рабочие.

2. Приносим К.В.Шишкину глубокую благодарность.

па, курганы); 3) площадные (переданы на снимках сплошной штриховкой), обозначают по классификации К.В.Шишкина, плохо различимые поселения.

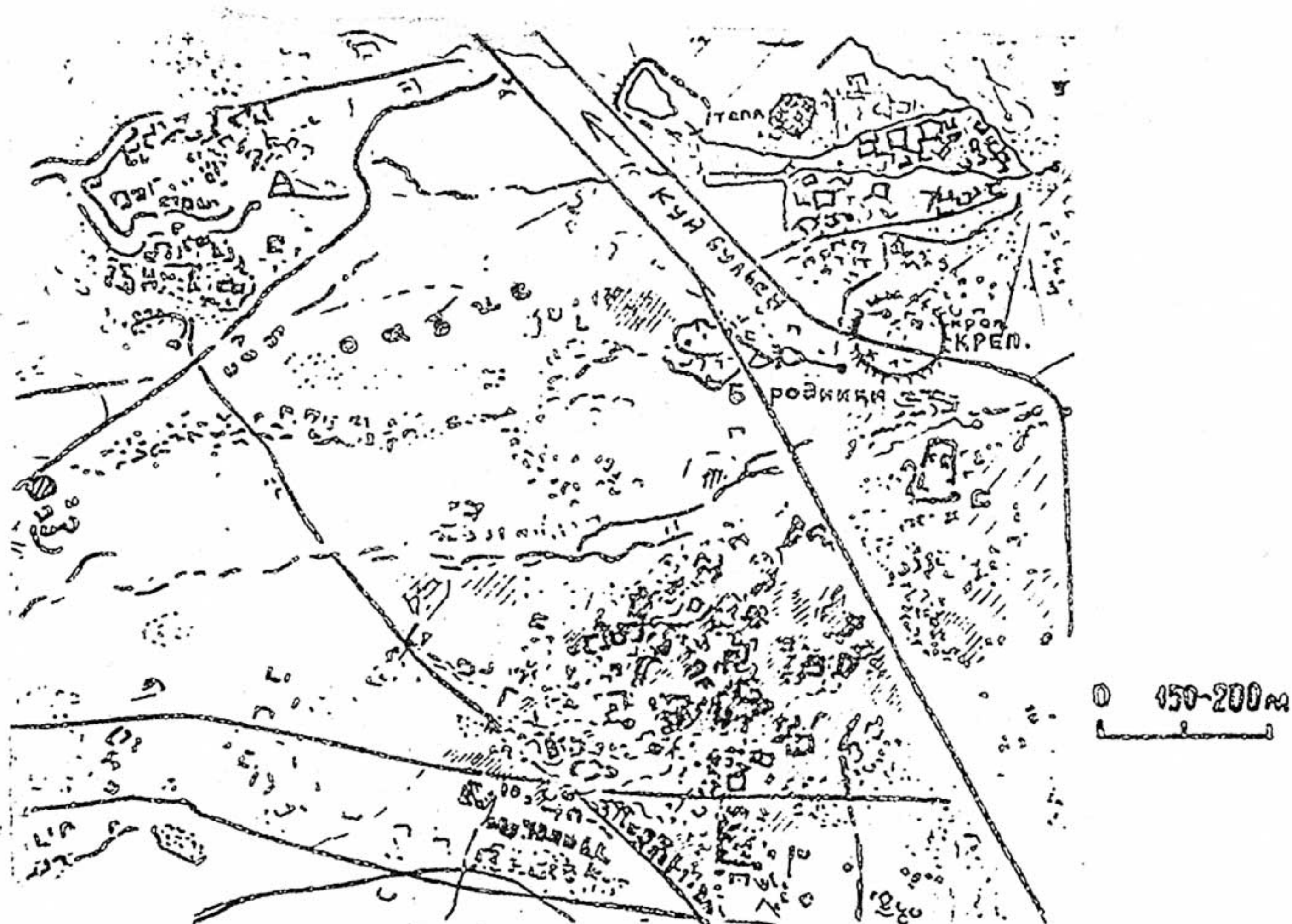

Рис. I. Дешифровка археологических памятников к западу от кишлака Куй Бульон.

В результате археологического обследования и привязки памятников на местности, а также шурфовки отдельных объектов выявляется следующая картина. Наземные визуальные наблюдения подтверждают дешифровку поселений, сохранившихся в виде возвышения — тепе (рис. I), и археологических объектов, сильно разрушенных и выраженных на местности небольшими всхолмлениями (рис. 2, объект В). Все эти памятники датируются поздним средневековьем или даже новейшим временем. Археологические объекты, скрытые под землей и демаскируемые на снимках по цвету почвы и растительности, во многих случаях не подтверждаются наземными исследованиями (рис. 2, объекты А и Б).

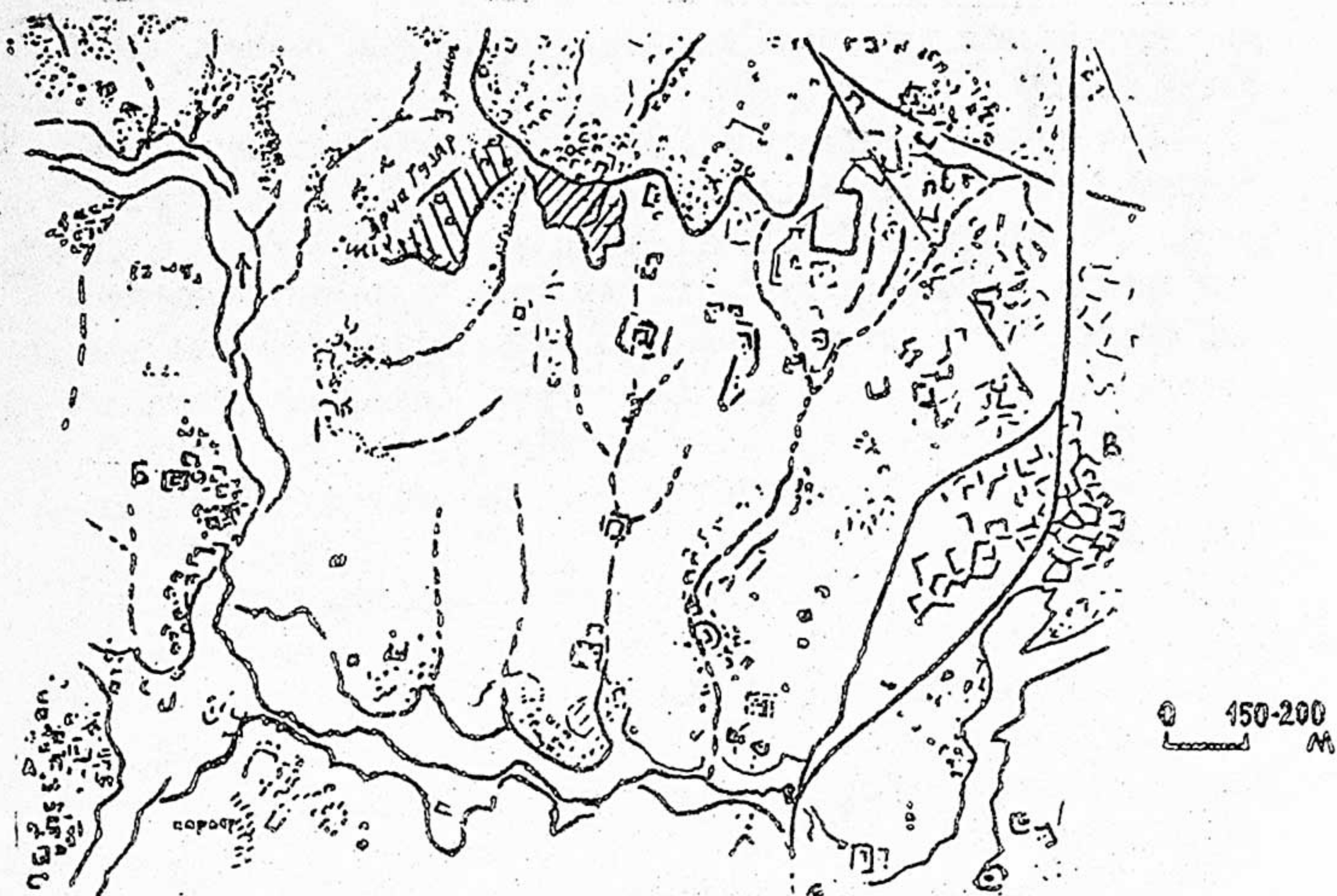

Рис. 2. Дешифровка археологических памятников к югу от кишлака Куй Бульон.

Открыто несколько новых поселений, предварительно дешифрованных на аэрофотоснимках и не выраженных на местности:

1. Куй Бульон I. В 500 м к западу от кишлака Куй Бульон, справа от шоссе дороги Дангара-Куляб, на поле зафиксирован памятник кушанского или раннесредневекового времени. Поселение находится на небольшом естественном возвышении, окруженном с трех сторон саями. Размеры памятника 400x200 м (рис. 1, объект А).

2. Куй Бульон 2. Справа от шоссе дороги Дангара-Куляб, в 100 м к ю-з от кишлака Куй Бульон в районе родников на поле, засеянном пшеницей, встречаются фрагменты кушанского или раннесредневекового времени (рис. 2, объект Б).

3. Гурулды I. В 700 м к ю-з от кишлака Гурулды на первой террасе р. Шурак (приток Кызылсу), разрезанной глубокими сая-

ми, встречается кушанская керамика. Примерные размеры поселения 800х200 м.

Как показали разведывательные работы, археологическое обследование с применением аэрофотосъемки особенно перспективно для памятников, возвышающихся на поверхности, и древней ирригации. Вопросы методики дешифрирования археологических объектов, скрытых под землей и демаскируемых на снимках по цвету почвы или растительности, требуют дальнейшей разработки и, по всей видимости, более четкого отбора признаков.

Отрядом открыто два новых памятника эпохи бронзы в Южном Таджикистане.

1. Игрони Боло. В срезе дороги, перерезающей большой холм, с западной стороны кишлака Игрони Боло Дангаринского района найдены фрагменты керамики, датируемые временем Намазга VI. На холме встречаются отдельные развалы камней древнего могильника. Вероятнее всего предположить, что дорогой разрушен древний могильник.

2. Каримберды. Памятник находится в 1-1,5 км к северу от кишлака Каримберды, средний, Восейского района на естественном холме Пелозная.³ Холм окружен с трех сторон глубокими саями, по которым текут ручьи, впадающие в Шурак, приток Кызылсу. При вспашке тепе под бахчу (площадь холма 500х300 м) на поверхности была найдена в большом количестве керамика, зернотерки и бронзовый кельт очень хорошей сохранности (рис. 4).

В западной, самой высокой части холма заложен небольшой шурф (7х1 м), выявивший следующую стратиграфию. До глубины 30 см от дневной поверхности идет пахотный слой с многочисленными фрагментами керамики. В южной части шурфа культурный слой выклинивается и начинается чистый лесс без всяких находок. В северной части под пахотным слоем на одном уровне открыты мощный зольник с сохранившимися кусками жженого дерева и яма. В заполнении ямы найден целый лепной горшочек, би-

3. Поселение открыто рабочим экспедиции Гулемом Бровым. С северной стороны памятника через сай на другом холме им же обнаружен целый сосуд вахшского типа.

пирамидальная пастовая бусина и керамические фрагменты. На глубине 1,3 м от дневной поверхности культурный слой подстилается чистым лессом, материком.

Весь материал, собранный на поверхности и в шурфе, идентичен и хронологически не расчленяется. По технологическим признакам вся керамика делится на две группы: изготовленную на гончарном круге и лепную. Черепок сосудов первой группы красновато-коричневого цвета с примесью шамота и иногда известняка. Снаружи сосуды покрыты беловато-желтоватым ангобом. Среди форм встречаются глубокие миски с цилиндроконическим венчиком (рис.3. 8), хумчи с венчиком, оформленным в виде валика (рис.3. II) или кружкообразным венчиком (рис.3. 5). Керамика с росписью представлена всего одним фрагментом горшковидного сосуда (рис.3.10), рисунок исполнен темно-красной краской по беловато-желтоватому ангобу — орнамент из "незамкнутых" треугольников, перевернутых вершинами.

Для керамики второй группы характерны кубки горшковидной формы (рис.3. I), глубокие миски типа тагары (рис.3. 3), сосуды с носиками (рис.3. 4), плоские крышки с петлеобразной ручкой. Глина этих сосудов не отличается от посуды первой группы. Они часто покрыты белым ангобом. Выделяются сосуды хозяйственного назначения, цвет черепка серый, в тесте — примеси крупнотолченого известняка. Встречается форма горшковидного сосуда со слабопрофилированным, практически круглым дном (рис.3. 2).

Ближайшие аналогии керамический материал Каримберды находит на памятниках поздней бронзы типа Яздепе I в Мургабском оазисе⁴, Кучуктепе-I⁵, Миршаде⁶ и Джаркутан (верх. гор.)⁷ в Южном Узбекистане, Тиллятепе в Северном Афганистане⁸

4. В.М. М а с с о н. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА 73. М.-Л., 1956.

5. А.А. А с к а р с в, Л.И. А л ь б а у м. Поселение Кучуктепе. Ташкент, 1979.

6. Г.А. П у г а ч е н к о в а. Новый памятник древнебактрийской культуры. Успехи среднеазиатской археологии, вып. I. Л., 1972, с.47-49.

7. А. А с к а р о в. Расписная керамика Джаркутана. — Сб. Бактрийские древности. Л., 1976, с.17-19.

8. В.И. С а р и а н и д и. Раскопки Тиллятепе в Северном Афганистане. Материалы к археологической карте в Северном Афганистане, вып. I. М., 1972.

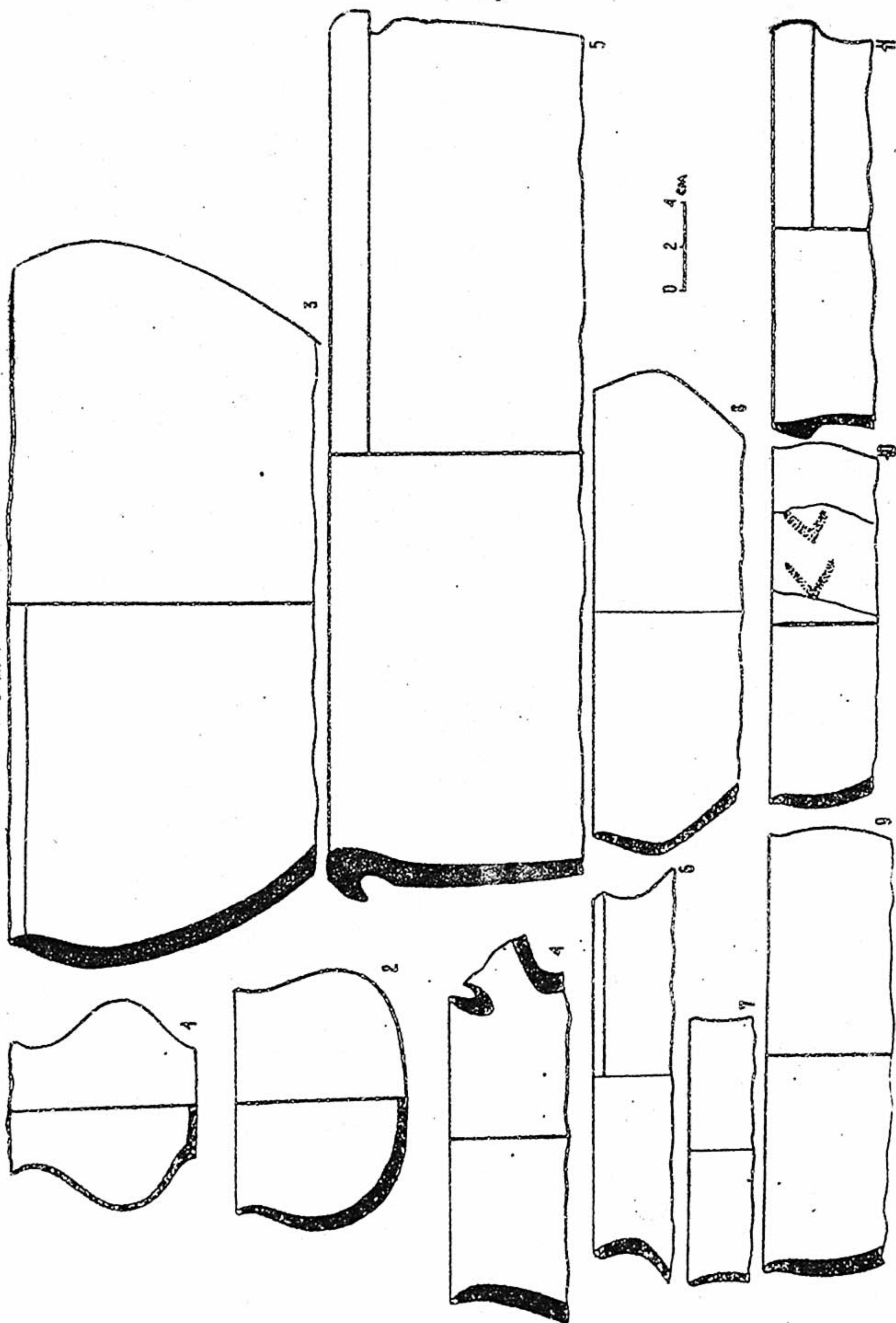

Рис.3. Поселение Каримберды. Керамика: 5-8, 10-11 -
 глазчатые сосуды; 1-4, 9 - лепные сосуды.

и Саразме в Северном Таджикистане.⁹ На Каримберды в отличие от вышеупомянутых памятников, очень редко встречается керамика с росписью, отсутствуют сосуды с ручками и так называемая чернополированная посуда, типичная для поселений Афганистана. Дальнейшие стационарные раскопки на Каримберды позволят более точно определить, имеют ли эти отличия хронологический или локальный характер.

Кельт-тесло (рис. 4), найденный на поселении, имеет удлиненно-прямоугольную форму с плавно-изогнутыми и ломающимися в плечиках узкими гранями. Лезвие слегка изогнуто, на рабочей части заметны следы ударов. По краям овальной втулки кельта идут литые бортики. Длина кельта — 13 см, ширина вместе с втулкой 3 см. Кельт отлит в двусоставной литейной форме, на задней стороне лопасти, вверху, выдавлен литой орнамент треугольника.

Кельт из Каримберды относится к типу "пещерных" кельтов со сквозной втулкой. Типологически эти орудия были выделены М.П.Грязновым как "карасукские" кельты (группа VI). Подобные кельты встречаются в карасукском погребении на р. Бее,¹⁰ на Бнисее (больше 25), на Алтае в Восточном Казахстане (13 экз.)¹¹. В кладе у Палацы в Восточном Казахстане вместе с двумя кельтами рассматриваемого типа были найдены молоток, браслет со спиральными рожками и карасукского типа княжал с шилом. В Южном Таджикистане интересная находка очень сходного кельта была сделана на Кулимтепе около Регара в погребении

9. А.И. М с я к о в. Раскопки в Саразме. — АО 1978 г. М., 1979, с. 578.

10. М.П. Г р я з н о в. Древняя бронза Минусинских степей. Бронзовые кельты. — Тр. Отдела первобытной культуры ГЭ, I. Л., 1941, табл. IV.

11. С.В. К и с е л е в. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 118, табл. I, 13; С.С. Ч е р н и к о в. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА № 88. М.-Л., 1960, с. 84, табл. 10, 3, 4; 64, 8.

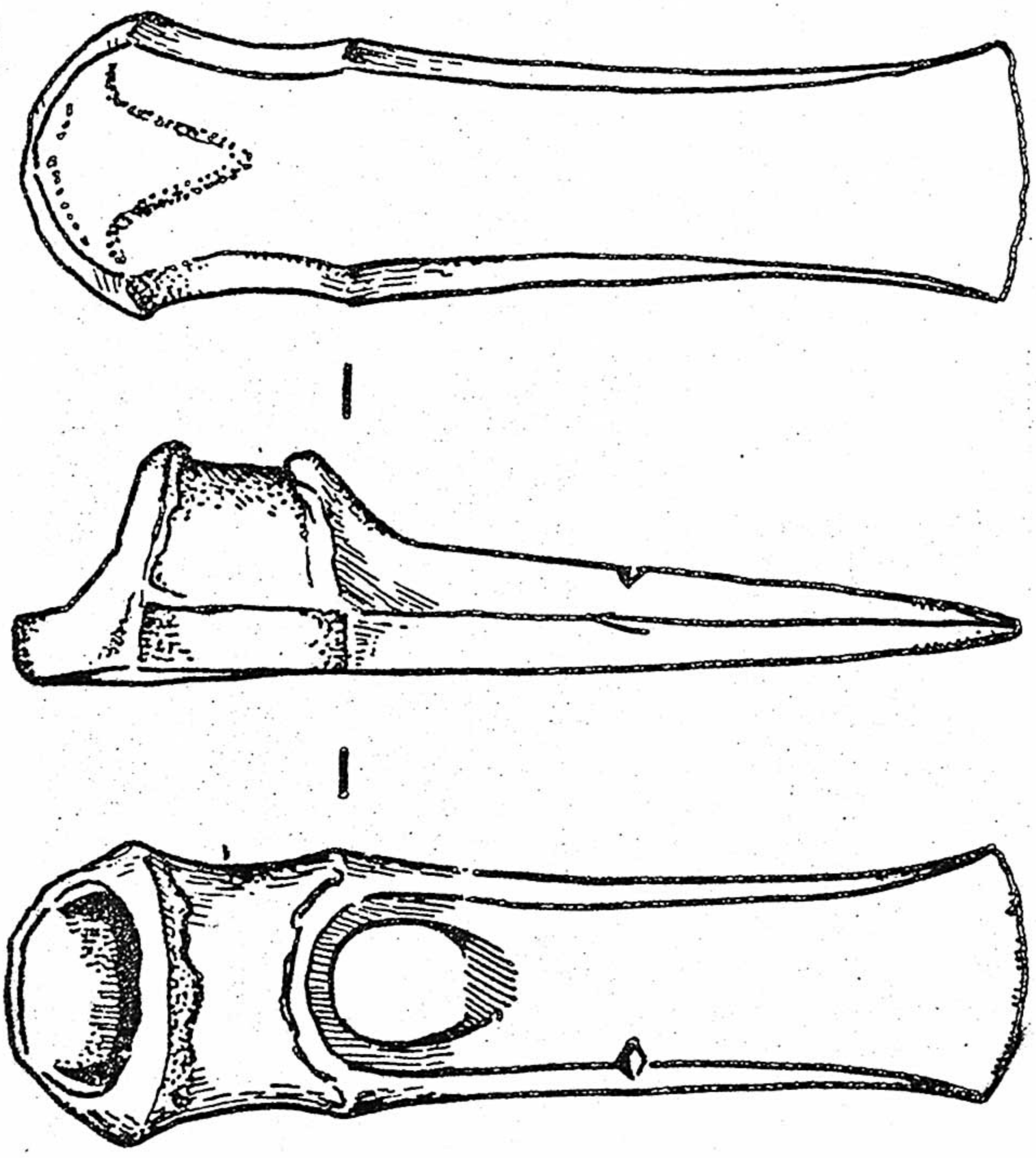

Рис. 4. Поселение Каримберды. Кельт-геслю.

нии мужчины,¹² погребение датируется Г.В. Парфеновым эпохой бронзы.

Таким образом, керамический комплекс и бронзовые вещи (кельт) позволяют уверенно датировать поселение Каримберды временем поздней бронзы, началом I тыс. н.э. Открытие новых памятников типа Каримберды в Южном Таджикистане позволит в дальнейшем внести некоторую ясность в проблему происхождения и развития культур с расписной керамикой.

12. Б.А. Литвинский, А.П. Окладников, В.А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962 (Тр. АН ТаджССР, т.ХХУШ), с.217; Б.Б. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966 (Археология СССР, САИ, 4-9), с.23.

И.Г.Равич

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕЛЬТА ИЗ КАРИМБЕРДЫ

Технологическое изготовление кельта включало металлографическое изучение его структуры, а также определение химического состава и микротвердости. Металлографическое изучение проводили на различных участках тесла (на втулке, острие, на боковой и верхней гранях). Эти участки полировали с помощью пасты ГОИ и травили раствором двуххромовокислого калия в серной кислоте. Металлографическое исследование проводили на микроскопе МИМ-8, в рассмотренных участках измеряли также микротвердость, определяя ее на приборе ПМТ-3 при нагрузке 200 г как среднее из 10 измерений. Средняя квадратичная ошибка измерения составляла 15 кг/мм^2 . Химический состав сплава определяли методом спектрального анализа. Полученные данные о составе, микротвердости и микроструктуре сопоставляли с этими же характеристиками, установленными ранее на специально приготовленных эталонных сплавах с известным составом и обработкой,¹ что позволяло более точно определить технологию изготовления кельта.

Внешний осмотр показал, что кельт не пострадал от коррозии, покрыт благородной патиной, под которой находится здоровый металл золотисто-красного цвета. Спектральный анализ показал, что он изготовлен из оловянной бронзы с довольно высоким содержанием олова — 10%, а остальные примеси составляют десятые и сотые доли процента (табл.).

Состав кельта по данным спектрального анализа.

Sn	: Pb	: Zn	: Bi	: As	: Sb	: Fe	: Co	: Ni	: Ag	: Au
10	: 0,03	: 0,018	: 0,016	: 0,14	: 0,013	: 0,12	: 0,01	: 0,13	: 0,06	: 0,005

¹ И.Г. Равич. Эталоны микроструктур оловянной бронзы. — Художественное наследие, 1982, № 8.

По литейным швам, сохранившимся на боковых гранях кельта, можно предположить, что он отлит в двухстороннюю изложницу, однако вид поверхности втулки, особенно ее неровных бортиков, не исключал возможности последующейковки изделия. Металлографическое исследование подтвердило это предположение. Сплав типично литой микроструктуры с явно выраженной дендритной ликвацией, с крупными дендритными ячейками (30–80 мкм). Между осями дендритов располагалась в небольшом количестве вторая фаза – эвтектоид, подтверждавшая, что содержание олова в бронзе не превышает 10% (сопоставление с эталонной микроструктурой). В некоторых участках эвтектоид подвергся коррозии. Окислов, посторонних включений, пор в структуре не наблюдалось. Перечисленные выше признаки – отсутствие пор и окислов, крупные дендритные ячейки – свидетельствуют, что литье было высококачественным, проходило под защитным от окисления слоем древесного угля, а кристаллизация сплава была замедленной (вероятно, в малотеплопроводной изложнице).

Отверстие втулки формировалось с помощью стержня, особенности формы которого отпечатались на поверхности втулки.

Дальнейшее интенсивное травление выявило следыковки: наличие мелких (диаметром 15 мкм зерен), одинаковых по величине зерен с двойниками в светлых и темных осях дендритов. Такая микроструктура свидетельствовала о том, что после литья кельт подвергали деформации и обжигу. Представляется наиболее вероятным, что имела место горячаяковка, т.е. совмещение нагрева и деформации, происходившее при невысокой (ниже 600°C) температуре со степенью деформации, не превышавшей 40%.

Подтверждением этого предположения являются следующие факты: согласно эталонным образцам, заметное искажение дендритной структуры, образование волокнистых структур происходит при не менее 60%. Структура кельта не содержит никаких следов волокнистой структуры, следовательно, значительной деформации кельт не подвергался; кратковременный обжиг (15 мин.) при температуре 600°C и выше приводит к рассасыванию эвтектоида. Его присутствие в структуре кельта свидетельствует, что кельт не нагревался выше 600°C. О горячей деформации говорит тот факт, что в сплавах с 10% олова даже невысокие степени обжигания при-

водят к весьма значительным упрочнениям (220 кг/мм^2), что делает чрезвычайно трудоемкой ковку в холодном состоянии. Исходя из вышеизложенного, можно следующим образом представить процесс изготовления кельта. Сначала в близкую по форме двустороннюю изложницу заливали металл, а затем кельт доковывали в горячую, для уничтожения дефектов литья, уплотнения поверхности и формирования бортиков втулки. Окончательная микротвердость изделия — 130 кг/мм^2 показывает, что сплав не содержит остаточной деформации, которая могла бы возникнуть при больших обжатиях, и его твердость такая же, как в исходном литом состоянии в сплавах с 10% олова.

Могут ли описанные выше состав и структура сплава подтвердить его происхождение из Казахстана? В работе С.С.Черникова о составе древних бронз Казахстана² говорится, что содержание олова в них не было произвольным, а подбиралось в зависимости от того, какое назначение имело изделие, т.е. какими прочностными свойствами оно должно было обладать. В сельскохозяйственных инструментах (кирки, мотыги и т.п.) содержание олова колебалось от 0,85 до 6,28% (в среднем 4% олова). В кельтах и топорах олова было значительно больше — в среднем 9,8%, причем разброс значений колебался в узких пределах (7,7–11%), и такое количество олова придавало подобным изделиям необходимую им прочность и твердость. Как можно видеть, содержание олова в кельте из Каримберды такое же, как в кельтах из Казахстана. С.С.Черников³ упоминает также о том, что судя по внешнему виду, кельты из Казахстана были литыми и коваными, обладали хорошей сохранностью и были покрыты темной патиной, т.е. внешний вид и технология кельта из Каримберды похожи на казахстанские.

2. С.С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. — СА, 1951, вып.ХУ, с.157.

3. С.С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, № 88, 1961, с.84.

Л.Т.Пьянкова

РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ТЕГУЗАК
В 1979 г.^I

Поселение Тегузак расположено в 6 км севернее поселка Себистон Дангаринского района, в 1 км к востоку — вниз от шоссейной дороги, идущей по перевалу Шар-Шар. Оно находится на мысу, спускающемся в виде отрога от хребта Санглок к Нурекскому водохранилищу. Склон отрога очень крутой, имеет характер невысоких террас — уступов. С северной стороны поселение примыкает к глубокому ущелью, ведущему к водохранилищу. С юга оно ограничено древним саем, впадавшим в Вахш. Вода стекала в сай из источника, расположенного в горах выше современной шоссейной дороги.

Поселение открыто А. Юсуповым. В 1978 г. здесь были заложены пробные шурфы и траншеи, охватившие всю площадь памятника. В результате раскопок установлено, что верхние уступы склона обживались в период развитого средневековья, а в шурфах на второй нижней террасе был обнаружен материал, относящийся к эпохе бронзы и гиссарской неолитической культуре.

В отчетном сезоне раскопки производились на поселении эпохи бронзы. Было заложено 4 шурфа: № 17 — в восточной части памятника, № 18А, 18Б и 19 — в центральной, возле шурфа № 14, в котором в 1978 г. был обнаружен наиболее мощный для поселения слой эпохи бронзы (толщиной в 2 м).

I. Раскопками на поселении Тегузак руководила Л.Т.Пьянкова. Графические работы выполнены художниками И. Михальской, Т. Хворых и Н. Талбаковой. Группа работала в составе Нурекского археологического отряда.

Шурф № 17 ($2 \times 2 \text{ м}^2$, максимальная глубина 1,8 м). В шурфе прослежено два культурных горизонта. Верхний, толщиной от 0,5 до 0,9 м, располагается непосредственно под слоем дерна (10–15 см). Он заканчивается зольной прослойкой, над которой расчищена каменная выкладка неправильной формы. Нижний горизонт имеет толщину от 0,45 до 0,8 м; в нем никаких строительных остатков не обнаружено. Материк – плотный светлый лесс.

Шурфы 18А ($5 \times 5 \text{ м}^2$) и 18Б ($4 \times 5 \text{ м}^2$) докопаны также до материка (глубина около 2 м). Это соседние шурфы, разделенные бровкой. Строительных остатков не обнаружено, но четко прослеживаются два горизонта, различающиеся характером лесса: сверху, под дерном, лежит слой рыхлого серого лесса толщиной от 1 до 1,4 м; под ним – более светлый, сравнительно плотный лесс со щебенкой (толщина слоя от 0,6 до 1 м).

Шурф 19 ($5 \times 5 \text{ м}^2$) докопан до материка (глубина 2 м). Стратиграфия этого шурфа несколько отлична от вышеописанной, здесь были обнаружены строительные остатки. В целом в шурфе фиксируются те же два горизонта: рыхлый серый лесс (толщина слоя 0,8–1,3 м) и более плотный лесс со щебенкой (толщина слоя 0,7–1,2 м). В верхнем горизонте в юго-западной части шурфа вскрыта часть какой-то загородки или помещения в виде каменной кладки, внешне напоминающей фундамент стены. Кладка располагается на глубине 0,5–0,7 м от современной поверхности. Она имеет ширину 0,7–0,9 м (2–3 ряда камней), толщину – 0,2–0,3 м (один слой камней). Длина вскрытого в шурфе участка "стены" 2,4 м; ориентация СЗ–ЮВ. Северо-западный край "стены" является ее торцом, на юго-востоке она уходит в стенку шурфа. С целью выяснения дальнейшего направления кладки была сделана прирезка к юго-западной части шурфа ($2 \times 1,5 \text{ м}^2$). Здесь обнаружен юго-восточный угол помещения или загородки. Общая длина восточной стены такого "помещения" 3,9 м; южная его стена раскопана частично (длина вскрытого участка 1,8 м; дальше эта стена уходит в западный край раскопа).

Назначение и характер загородки пока не выяснены. Это будет возможно лишь после ее полного вскрытия. Здесь уместно вспомнить, что остатки аналогичных сооружений раскопаны в

верхнем слое территориально и хронологически близкого Тегузаку поселения Кангурттут.²

Непосредственно под каменной кладкой в шурфе I9 располагается слой очень плотного серого лесса толщиной 0,2 м. По характеру он аналогичен лессу верхнего горизонта, в котором располагается каменная кладка, но отличается большей плотностью (утрамбован?).

Следующий горизонт (лесс со щебенкой) также делится на два слоя, различающиеся разной плотностью. Верхний слой очень плотный, непосредственно подстилает горизонт с серым лессом, в котором вскрыты строительные остатки (кладка), как бы образуя для него жилую площадь ("пол"). Эта площадка располагается на глубине I-I,4 м от современной поверхности, толщина утрамбованного (?) слоя от 0,25 до 0,7 м. Ниже идет слой более рыхлого лесса (также со щебенкой) толщиной в среднем 0,5 м. Материк начинается на глубине 2 м от современной поверхности.

Общая площадь вскрытых в 1979 г. на поселении Тегузак шурфов составляет 77 м².

Находки представлены в основном фрагментами керамики. Они фиксировались по слоям, с учетом стратиграфии памятника и дополнительно через 10 см внутри каждого слоя. Для всего периода жизни поселения отмечено сосуществование в его культурном облике двух различных керамических традиций: оседлоземледельческой и племен степного круга.

Во всех шурфах был произведен статистический подсчет фрагментов керамики по слоям и горизонтам соответственно четырем основным, выделенным по технологическим признакам, категориям посуды: I - гончарная керамика, 2 - лепная красноглиняная керамика, 3 - керамика степного типа без орнамента, 4 - керамика степного типа с орнаментом.

Ниже приводятся данные по шурфу I9, который дал наибольшее количество фрагментов посуды и более подробную стратиграфию в связи со строительными остатками.

2. Раскопками поселения Кангурттут руководила Н.М.Виноградова. Отчет о них опубликован в сборнике: АРТ, вып. ХУШ (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1984.

Всего при раскопках шурфа найден 1001 фрагмент керамики. Из них в нижнем горизонте (лесс со щебенкой) — 757 фрагментов (75,6%), в верхнем — 244 фрагмента (24,4%). Подсчет количества фрагментов по стратиграфическим слоям (снизу вверх) дает следующие результаты: I (рыхлый лесс со щебенкой) — 165 фрагментов (16,4%), II (плотный лесс со щебенкой) — 592 фрагмента (59,1%), III (утрамбованный серый лесс) — 163 фрагмента (16,3%), IV (уровень каменной кладки) — 40 фрагментов (4%), V (серый лесс над каменной кладкой) — 40 фрагментов (4,2%). Приведенные подсчеты позволяют заключить, что периоду наиболее интенсивного обживания поселения соответствует слой плотного лесса со щебенкой в верхней части нижнего горизонта.

Данные о распределении основных категорий посуды по стратиграфическим слоям представлены в таблице.

Графически изменение процента основных категорий керамики по слоям представлено на рис. I. В начале существования па-

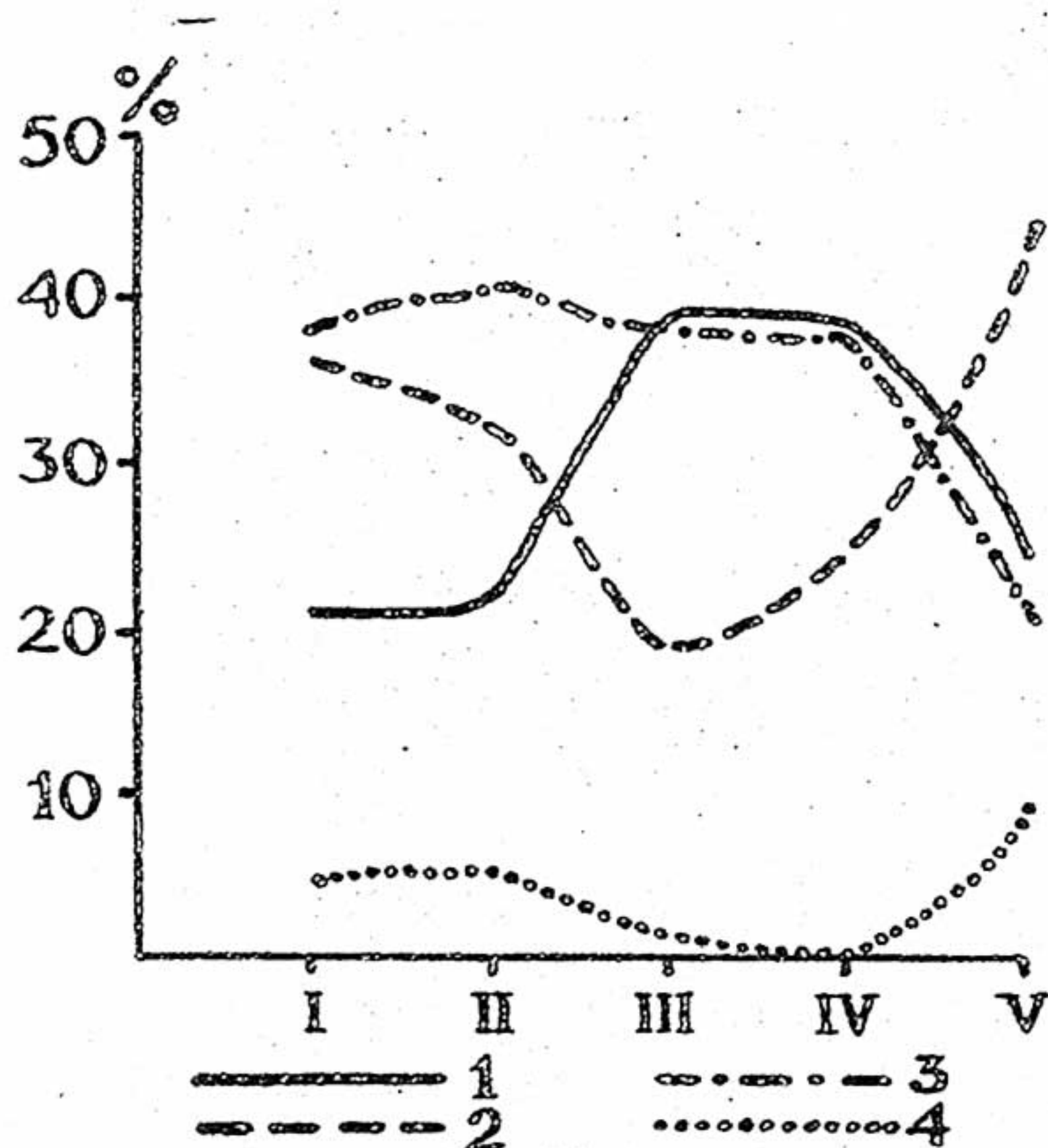

Рис. I. Тегузак. График изменения процента основных категорий керамики по слоям:

1 — гончарная керамика; 2 — лепная красноглиняная керамика; 3 — керамика степного типа без орнамента; 4 — керамика степного типа с орнаментом.

мятника здесь преобладает лепная красноглиняная и посуда степного типа без орнамента. Во II, наиболее насыщенном керамикой, слое, посуда степного типа без орнамента остается пре-

Горизонт	Категории керамики				
	Слой	1	2	3	4
Нижний	И. Рыхлый лесс со щебенкой	: 35 фр-тов (21,2%)	: 61 фр-т (37%)	: 62 фр-та (37,6%)	: 7 фр-тов (4,2%)
	П. Плотный лесс со щебенкой	: 133 фр-та (22,5%)	: 190 фр-тов (32,1%)	: 240 фр-тов (40,5%)	: 29 фр-тов (7,9%)
	Всего	: 168 фр-тов (22,2%)	: 251 фр-т (33,1%)	: 302 фр-та (39,9%)	: 36 фр-тов (4,8%)
	Ш. Плотный серый лесс под каменной кладкой	: 65 фр-тов (39,9%)	: 32 фр-та (19,6%)	: 64 фр-та (39,3%)	: 2 фр-та (1,2%)
	Итого	: 15 фр-тов (37,5%)	: 10 фр-тов (25%)	: 15 фр-тов (37,5%)	: -
Верхний	У. Рыхлый серый лесс над каменной кладкой	: 10 фр-тов (24,3%)	: 18 фр-тов (43,9%)	: 9 фр-тов (22%)	: 4 фр-та (9,8%)
	Всего	: 90 фр-тов (25,8%)	: 60 фр-тов (31,1%)	: 88 фр-тов (38,9%)	: 6 фр-тов (4,2%)
	Общий итог по двум горизонтам	: 258 фр-тов (25,8%)	: 311 фр-тов (31,1%)	: 390 фр-тов (38,9%)	: 42 фр-та (4,2%)

обладающей, а процент лепной красноглиняной уменьшается. Проценты гончарной керамики и орнаментированной посуды степного типа в нижнем горизонте изменяются мало. Первая составляет чуть более 1/5 общего количества фрагментов в каждом из слоев. Процент второй очень низок в целом для поселения (в слоях нижнего горизонта 4-5%). В небольшом по толщине слое Ш, подстилающем каменную кладку, резко увеличивается процент гончарной посуды (около 40%). Наряду с ней преобладающее положение продолжает сохранять и за неорнаментированной керамикой степного типа. Резко падает в этом слое процент лепной красноглиняной посуды; уменьшается (почти до 1%) и количество керамики степного типа с орнаментом. Выше, в IV слое, ведущими продолжают оставаться гончарная посуда земледельческого облика и неорнаментированная степного типа. Чуть увеличивается процент лепной красноглиняной керамики и совершенно отсутствуют фрагменты степного типа с орнаментом. В самом верхнем слое памятника наблюдается резкое преобладание в процентном отношении фрагментов лепной красноглиняной посуды (до 44%). Этот слой дает и наиболее высокий процент орнаментированной керамики степного облика (около 10%). Напротив, здесь наблюдается значительное уменьшение процента как гончарной посуды, так и неорнаментированной степного типа, преобладающих в нижней половине верхнего горизонта. Таковы предварительные наблюдения за соотношением различных керамических традиций в материальной культуре поселения Тегузак.

Типологически керамика по слоям изменяется мало (рис. 2-5).

Определение культурной принадлежности гончарной посуды не вызывает сомнений. Основные ее типы представлены толстостенными вазами и мисками с различной профилировкой венчика (полностью форма не всегда устанавливается ввиду фрагментарности

Рис. 2. Тегузак. Гончарная керамика, шурф I9:
из слоя I - II, 15, 16, 19, 20; из слоя II - I-3,
7, 12, 13; из слоя III - 5, 14, 21, 22; из слоя IV -
10, 17, 18; из слоя V - 9, 23. Шурф I8A: из ниж-
него горизонта - 4, 6; из верхнего горизонта -
8.

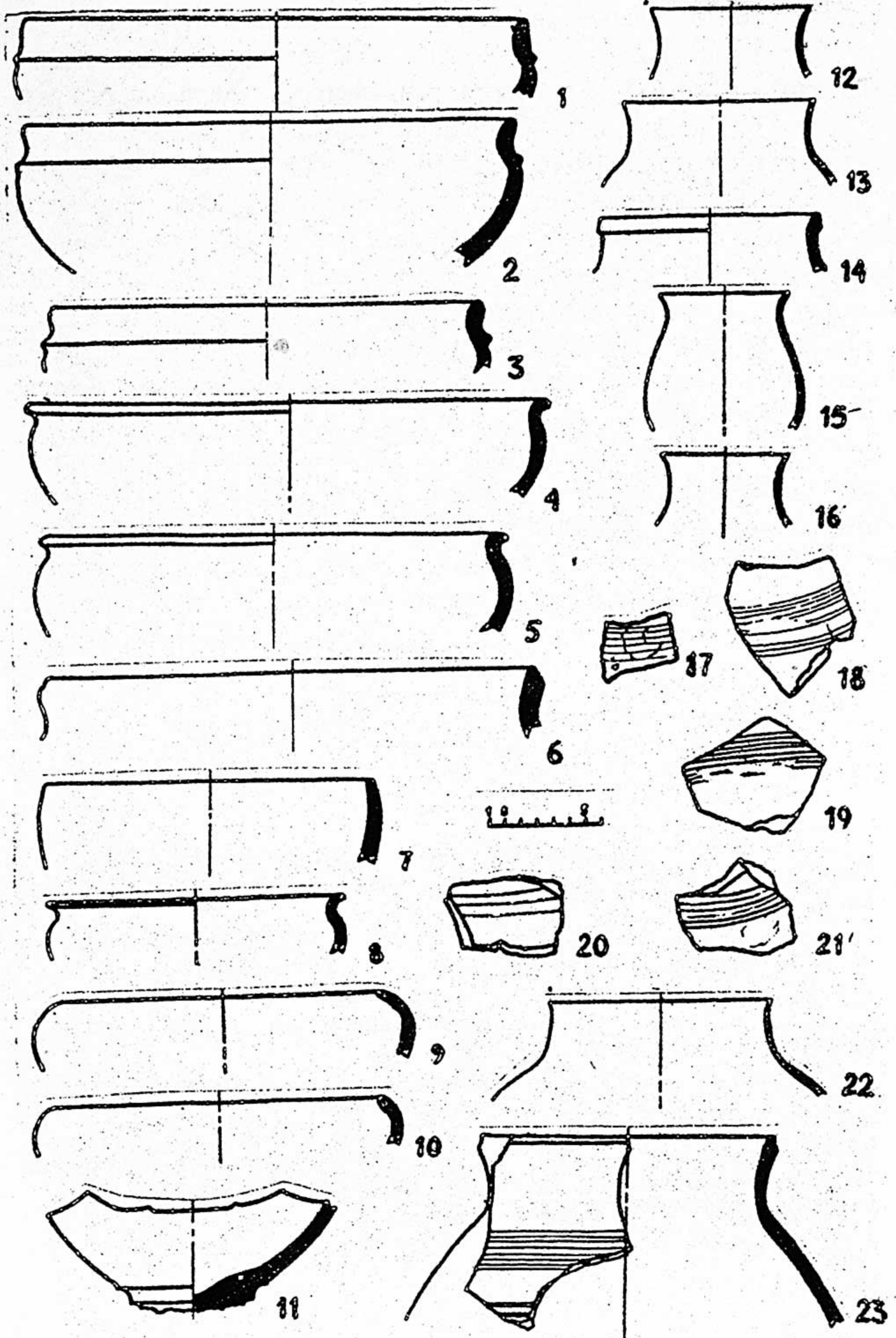

Рис. 2.

сосудов), тонкостенными небольшими горшочками и кувшинами, часто украшенными по плечикам одним или несколькими поясками орнамента в виде 6-8 концентрических линий, прочерченных гребнем (рис.2). Все эти формы керамики типичны для памятников молалинского периода культуры Сапалли.³ Они широко представлены в посуде располагавшихся по соседству с Тегузакон Нурекских могильников,⁴ за исключением кувшинов с прочерченным орнаментом. В последнее время такие кувшины отнесены узбекистанскими археологами к раннему этапу молалинского периода.⁵ В эпоху финальной бронзы прочерченный гребнем орнамент широко встречается на гончарных сосудах памятников оседлоземледельческого региона.⁶ Не является ли его возникновение следствием контактов с племенами степного круга, следы появления которых в это время засвидетельствованы на обширной территории, исконно обживаемой земледельцами? Во всяком случае, в Тегузакон большая часть фрагментов гончарных кувшинов украшена таким орнаментом.

Формы лепной красноглиняной посуды однообразны, преобладают горшки и крупные блюда (рис.3). Последние широко извест-

Рис.3. Тегузакон. Лепная красноглиняная керамика: I-10 - из нижнего горизонта; II - из верхнего горизонта.

-
3. А. А. Аскаров. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, рис.32, Молали, I; III; У, I, 2а; УI.
 4. Д.Т. Пьянкова. Отчет о работе Нурекского археологического отряда. - АРГ, вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979, рис.2.
 5. Б. Абдуллаев. Могильник Джаркутан. - ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979, рис.2, 2, 4.
 6. В.М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргманы. - МИА, № 73. М.-Л., 1959, табл. УI, I-3, 5-7, 9, II; Н.-Р. Франсфорт et М.-Н. Поттиер. Sondage préliminaire sur l'établissement protohistorique Harappéen et post-Harappéen de Shortugai (Afghanistan du N.-E.). - "Arts Asiatiques", t. XXXIV, Paris, 1978, pl. II, 3; VI, 9, 11, 15, 17 и др.

97.

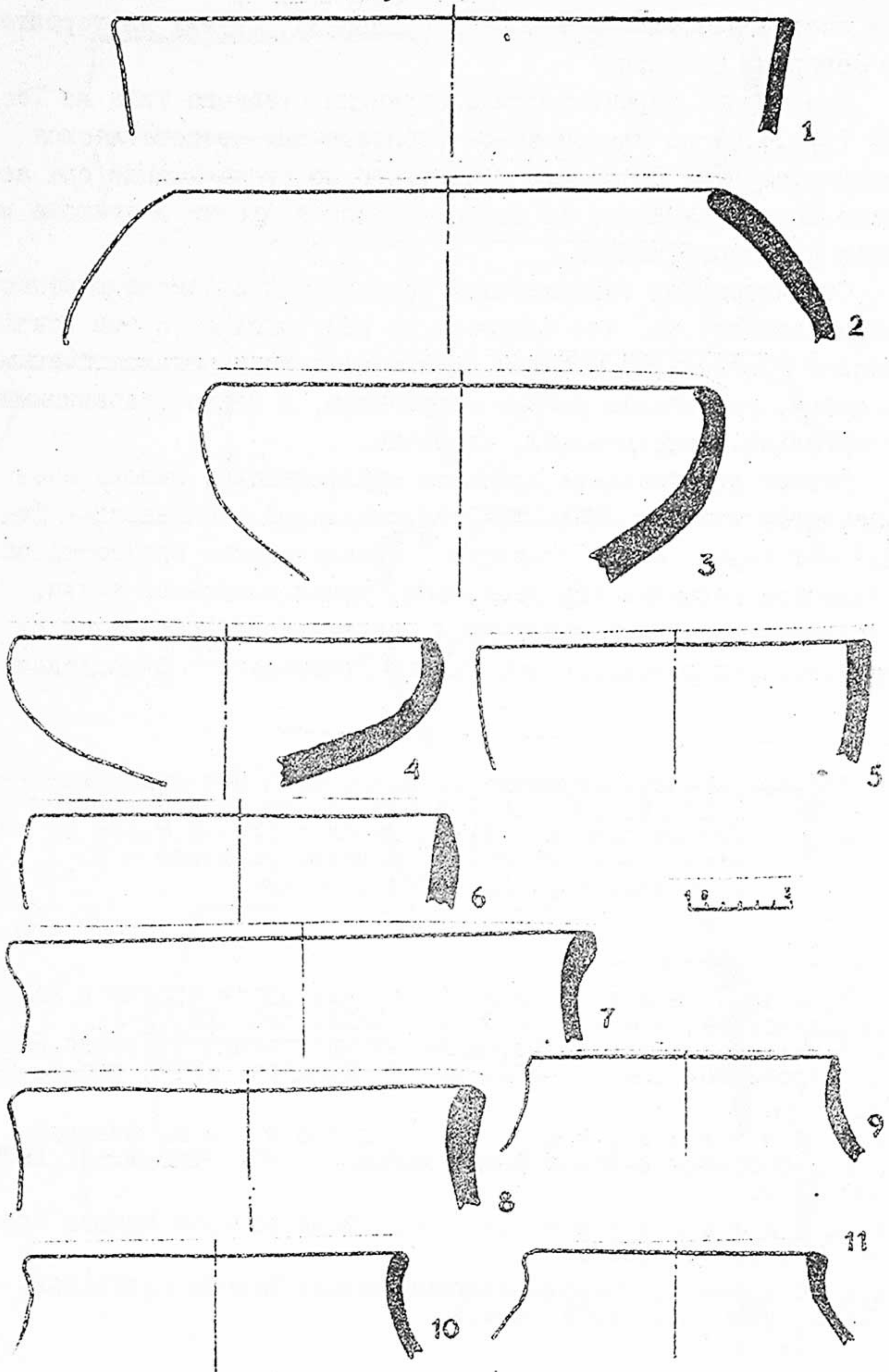

Рис. 3.

ны у скотоводческих племен поздней бронзы, живших на территории Северной Бактрии.⁷

Культурная характеристика керамики степного типа из Тегузак (рис. 4, 5) на данном этапе исследований представляется затруднительной. По формам и частично по орнаментации она несколько близка керамике со стоянки степной бронзы в совхозе им. Кирова Вахшского района.⁸

Отличительной особенностью тегузакской орнаментированной посуды является то, что орнамент на ней выполнен почти исключительно гребенчатым штампом (преимущественно крупнозубчатым). Фрагменты, украшенные резным орнаментом, а также угловидными и треугольными вдавлениями, единичны.

Резкое преобладание процента орнаментации, выполненной гребенчатым штампом, является отличительной особенностью федоровской керамической традиции.⁹ Многие мотивы орнамента на тегузакской керамике (треугольники, пучки наклонных линий, каплевидные насечки, ямки и др.) имеют близкие параллели в комплексах федоровского типа Южного Приаралья.¹⁰ В последних

Рис. 4. Тегузак. Керамика степного типа без орнамента. Шурф I9: из слоя I - 6, 9, 13; из слоя II - 1, 3, 10; из слоя III - 4, 11; из слоя IV - 5, 8, 14; из слоя V - 2. Шурф I8A, верхний горизонт - 7. Шурф I8B, верхний горизонт - 12.

7. А.М. М а н д е л ь ш т а м. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. - МИА, № I45. Л., 1968, табл. XII, 2-3; Л.Т. П ь я н к о в а. Керамика из могильника Тигровая Балка (бронзовый век). - МКТ, вып. 3. Душанбе, 1978, рис. 6, 6-10.
8. Б.А. Л и т в и н с к и й, В.С. С о л о в ь е в. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. - УСА, вып. I. Л., 1979, рис. 19, 20.
9. К.В. С а л ь н и к о в. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 284.
10. М.А. И т и я н а. История степных племен Южного Приаралья. - ТХАЭЭ, т. 10. М., 1977, рис. 3.

99.

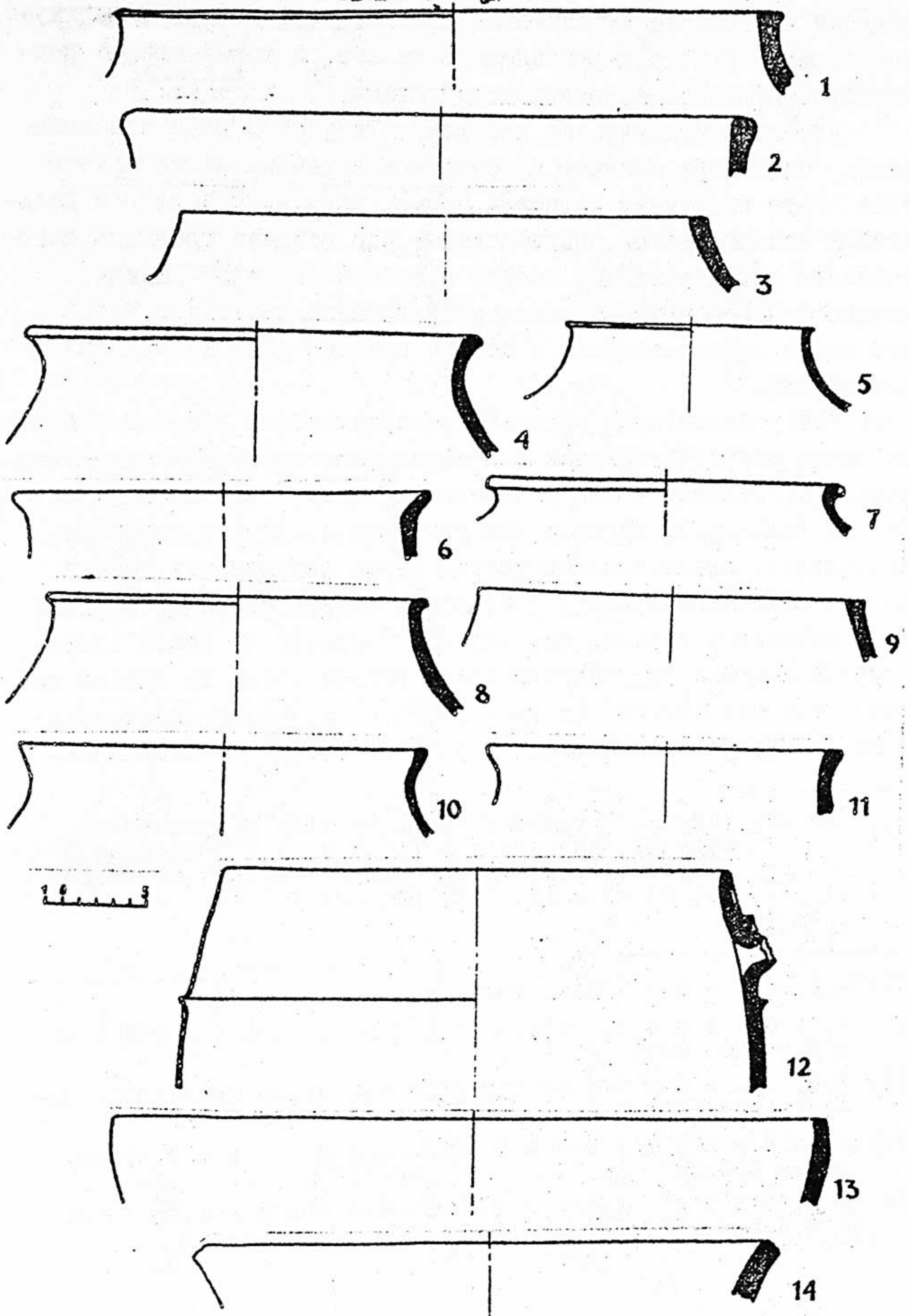

Рис. 4.

имеются и наиболее характерные для Тегузак горшки с вытянутым горлом, плавно переходящим в тулово, а также широко распространены именно крупнозубчатый штамп.¹¹

Абсолютная датировка поселения Тегузак хорошо обосновывается благодаря наличию в комплексе керамики молалинского типа — это последняя четверть II тыс. до н.э.¹² Если при дальнейших исследованиях подтвердится, что степная традиция изготовления и орнаментации посуды принесена в Южный Таджикистан именно федоровскими андроновскими племенами, то это будет еще одним свидетельством в пользу поздней даты федоровских комплексов.¹³

Для установления верхней хронологической границы Тегузак имеет значение находка в позднем слое шурфа 18Б фрагментированного лепного котла с широким носиком — сливом и пристроенным валиком на корпусе под ним (рис. 4. 2). На горловине сохранились следы красной краски (ниже поверхность сосуда сильно закопчена). Сосуд с подобным сливом найден в верхнем слое стоянки в совхозе им. Кирова.¹⁴ Однако по общей конфигурации корпуса тегузакский котел больше похож на другой сосуд с той же стоянки, но из нижнего слоя. На тулове последнего имеются и два валика.¹⁵ Фрагмент сосуда со сливом най-

Рис. 5. Тегузак. Керамика степного типа с орнаментом. Шурф 19: из слоя I — 1, 3, 5, 6, 15, 17; из слоя II — 2, 8, 9, 14, 20, 21; из слоя III — 4, 7, 10, 11, 13, 18, 19; из слоя IV — 12; из слоя V — 16.

11. М. А. И т и н а. Указ. соч., с. 41.

12. А. А с к я р о в. Указ. соч., с. 105; Б. А б д у л л а е в. Указ. соч., с. 34.

13. В. С. С т о к о л о с. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 122-124.

14. Б. А. Д и т в и н с к и й, В. С. С о л о в ь е в. Указ. соч., рис. 19А, 1.

15. Б. А. Д и т в и н с к и й, В. С. С о л о в ь е в. Указ. соч., рис. 19Б, 3.

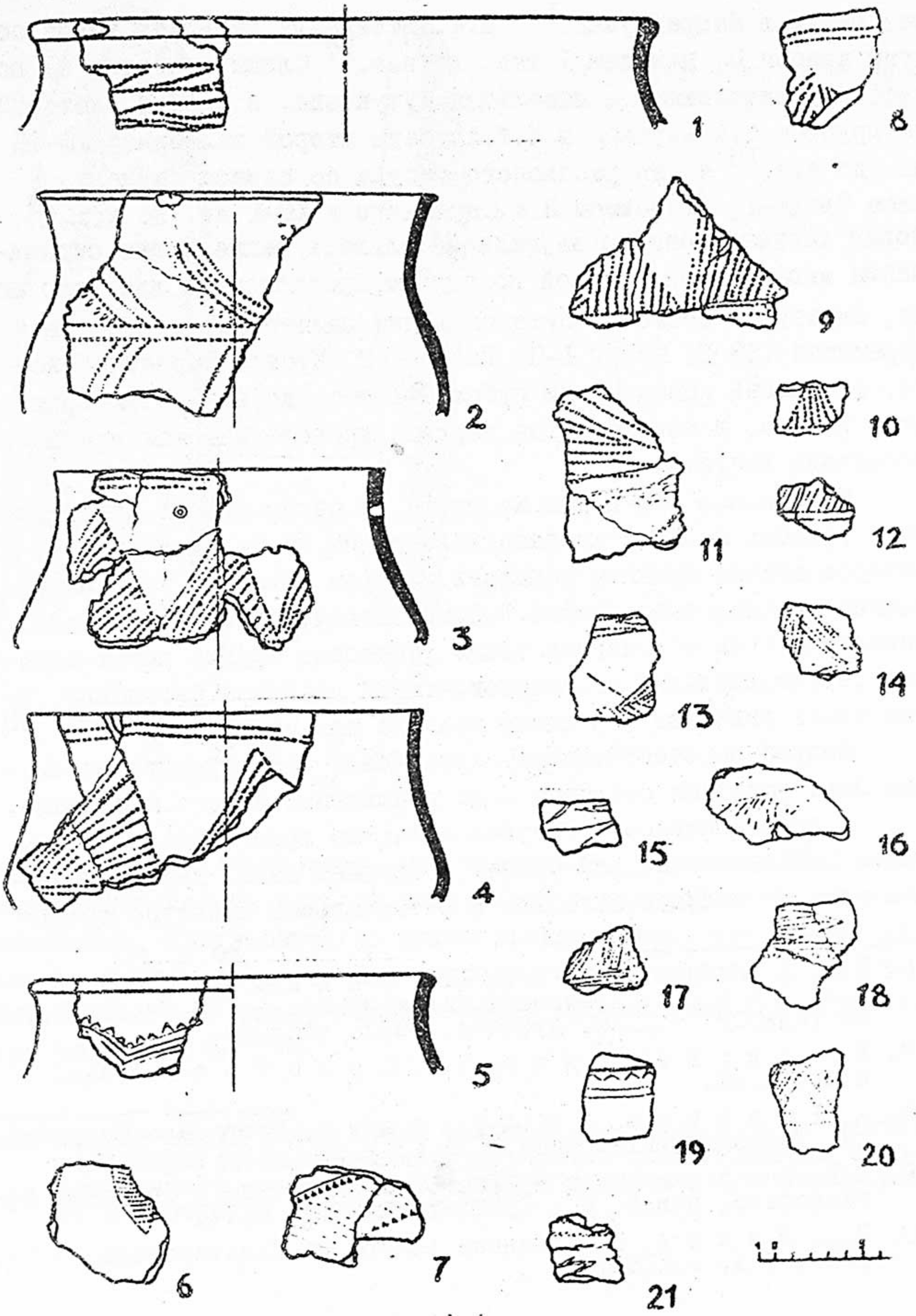

Рис.5.

ден также в Кайраккумах.¹⁶ Б.А. Литвинский датирует такие сосуды концом II — началом I тыс. до н.э.¹⁷ Сливы известны на полусферических чашах с поселения Кучуктепа, в слое II, который датируется А. Аскарковым и Л.И. Альбаум второй половиной III—IV вв. до н.э.¹⁸ Часть расписного сосуда со сливом найдена в слое Тилля-I, относимом В.И. Сарияниди к XIII—X вв. до н.э.¹⁹ Форма тегузакского котла, наличие слива, а также следы окрашивания его красной краской позволяют предположить для него дату, близкую к времени существования памятников с расписной керамикой (ЯЗ I, Кучук I-II, Тилля-I-2, Чуст). Вероятнее всего, это самый конец II или рубеж II—I тыс. до н.э. Этим временем, видимо, и определяется верхняя хронологическая граница поселения Тегузак.

Интересно, что в том же шурфе, в одном слое с описанным выше котлом, найдено шлифованное орудие из зеленого камня, которое обычно принято называть топором (рис. 6). Трассологический анализ, выполненный Т. Филимоновой, показал, что оно использовалось в качестве тесла. Подобные орудия имеют широкий территориальный и хронологический диапазон бытования, в том числе известны и в эпоху металла для территории Индии.²⁰

Вопрос об относительной хронологии исследуемого поселения пока оставлен открытым — до накопления нового материала.

В целом поселение Тегузак является принципиально новым типом памятника поздней бронзы в Средней Азии, характеризующимся широким сосуществованием в материальной культуре тради-

16. Б.А. Литвинский, А.П. Окладников, В.А. Раянов. Древности Кайраккумов. — ТИИ им. А.Дониша АН ТаджССР, т. XXXIII, Душанбе, 1962, табл. 63, 9.

17. Б.А. Литвинский, В.С. Соловьев. Указ. соч., с. 46.

18. А. Аскарков, Л.И. Альбаум. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979, табл. 8, 5, 6; с. 67.

19. В.И. Сарияниди. Раскопки Тиллятепе в Северном Афганистане, вып. I. М., 1972, рис. 36, 3; с. 24.

20. В.А. Раянов. Шлифованные топоры из Таджикистана. — СА, 1966, № 4, с. 168—172.

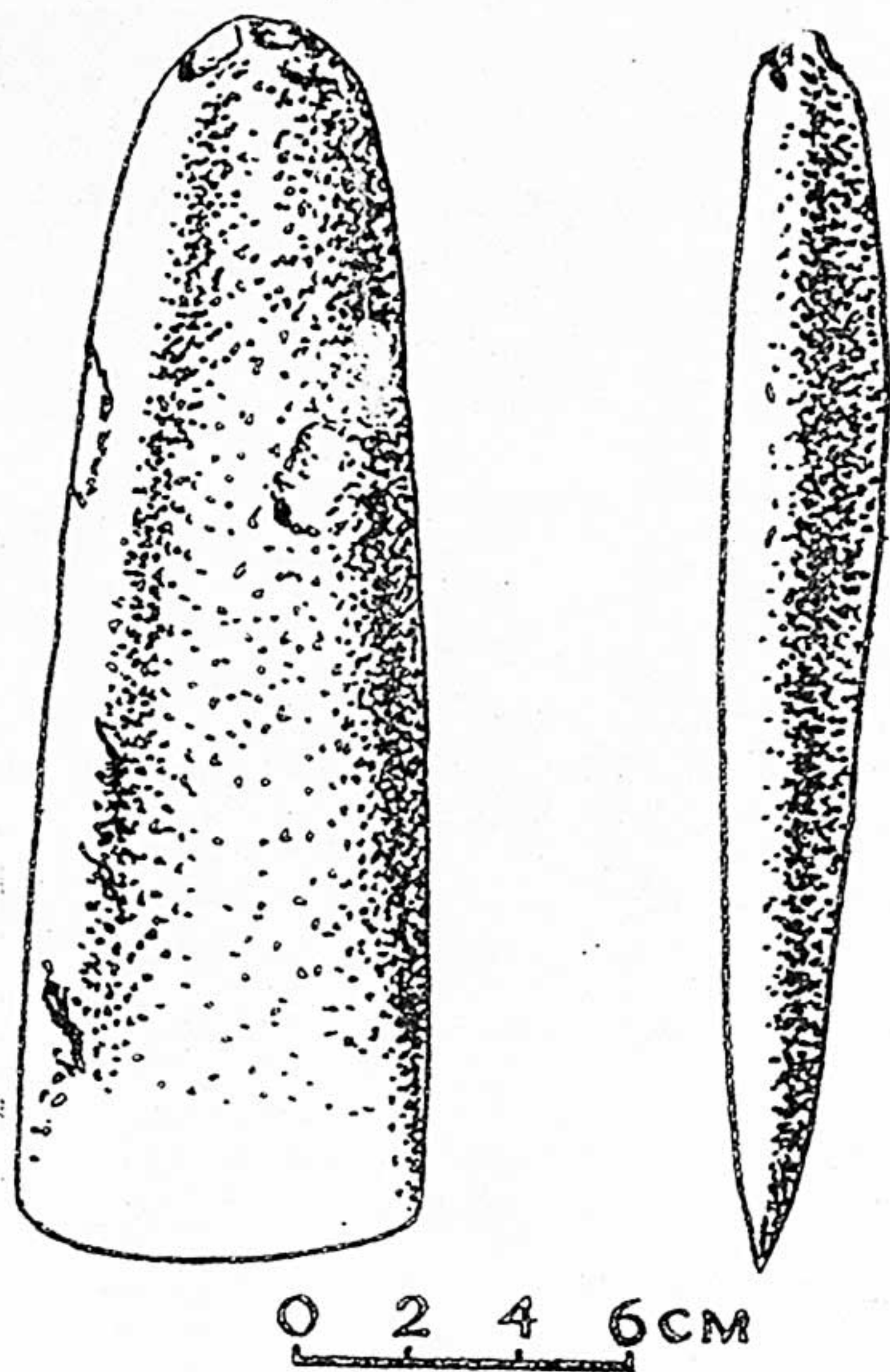

Рис. 6. Тегузак. Шлифованный каменный топор-тесло.

ций как земледельческого, так и степного населения.²¹ Учитывая экологические условия местности, в которой расположено поселение, предварительно можно предположить, что основу экономики живших здесь племен составляло скотоводство. При общей гористости рельефа посевы могли играть лишь вспомогательную роль в хозяйстве.

²¹. Данный вывод можно будет принять лишь после более четких стратиграфических и планиграфических подтверждений одновременности существования земледельческой и степной бронзы в поселении Тегузак (ред.).

Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян

ТАХТИ САНГИН — КАМЕННОЕ ГОРОДИЩЕ (1979 г.)

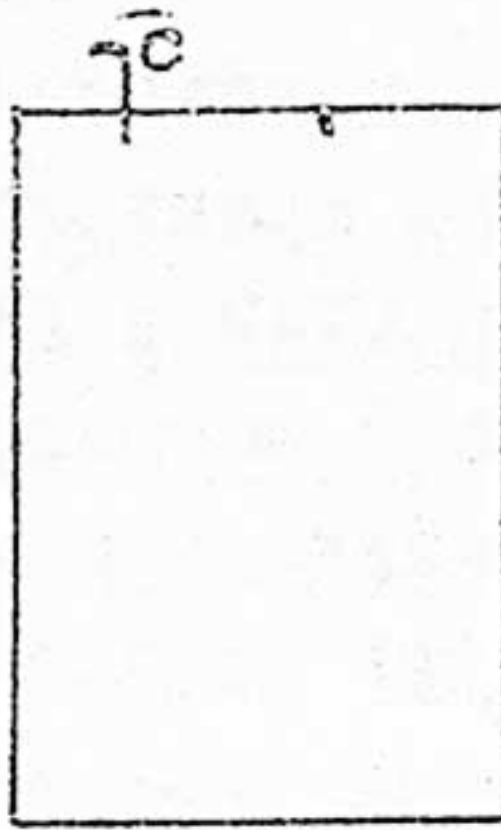
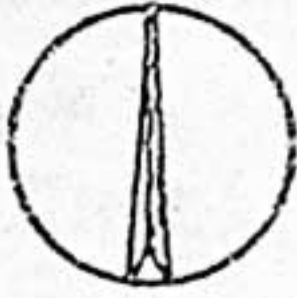
Четвертый полевой сезон раскопок ЮТАЭ на Каменном городище оказался решающим в исследовании Тахти Сангина. Результаты раскопок 1979 г. показали, что это городище — наиболее перспективное из известных ныне античных памятников Северной Бактрии на территории Таджикистана. В этом году была подтверждена правильность нашего первоначального определения открываемого сооружения как храма,¹ а также верность предварительной графической реконструкции планировочного решения: центрального зала и трех обводных коридоров (северный коридор, нераскрытый, удалось проследить поверху) (рис. I).

Уникальность сохранности строительных остатков и культурных захоронений, требующая самой тщательной научной фиксации и подробнейшего описания, связаны со сложностью объяснения

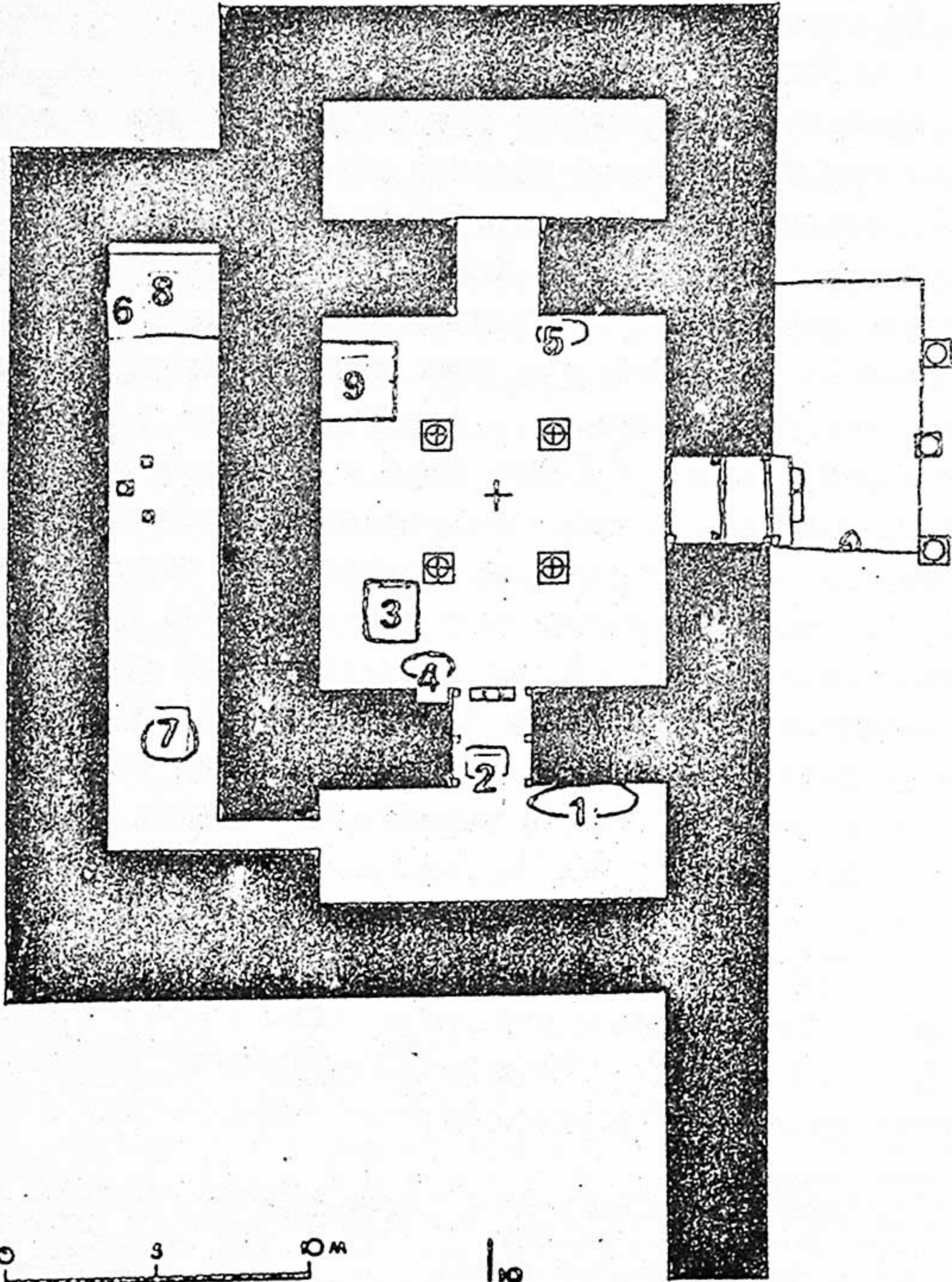
Рис. I. Тахти Сангин. План храма Окса. В центре Белый зал. На юге, внизу — коридор I, на западе, слева — коридор 2, на севере, сверху — нераскрытый коридор 3. К востоку от Белого зала, справа — центральный выход из зала на большую площадь. Прямоугольник на севере, над храмом — раскоп А.М.Мандельштама 1956 г. 1-5 — бофросы № 1-5; 6-8 — культовые захоронения 2, 3, 4. 9 — монументальный каменный алтарь.

1. И.Р. П и ч и к я н. Культурный комплекс на Каменном городище (обоснование, характеристика). — Всесоюзное научное совещание "Античная культура Средней Азии и Казахстана". (Тез. докл.). Ташкент, 1979, с. 88-90.

105.

70

81

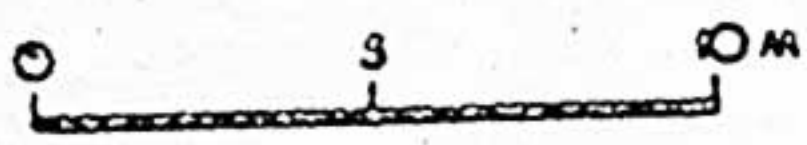

Рис. I.

большого хронологического диапазона в единовременных комплексах — культовых закладах в хранилищах — коридорах храма.

Тахтикубадский отряд ЮТАЭ в 1979 г. поставил своей задачей выявить западное колено обводного коридора, открыть полностью Белый зал храма в его нераскрытой северной трети, а также раскрыть его парадный восточный дверной проем № 3. Задача была выполнена на всех трех участках.²

Коридор № 2. Коридор № 2 (западный), вместе с коридором № 1 (южным по отношению к Белому залу), составляет Г-образный обводной коридор центрального прямоугольного зала. Он не открывался посредством дверного проема в Белый зал и вход в него из зала шел через южный дверной проем № 1, затем через коридор № 1, соединяющийся с коридором № 2 посредством пандуса в узком дверном проеме № 2. Коридор № 2 открыт полностью от дневной поверхности до материка на глубину около 5 м, протяженностью 21, шириной 4 м. Стратиграфия засыпи близка к напластованиям в коридоре № 1, однако материк в коридоре № 2 на 0,9 м выше уровня в Белом зале и коридоре № 1. Это объясняется, очевидно, постепенным падением уровня материка от гор в сторону реки, заставившим строителей прибегнуть в ряде случаев к террасированию при помощи вырубки в материке. Таким образом, западная стена коридора № 2 была установлена выше восточной, смежной с Белым залом стены почти на 1 м, так как со стороны Белого зала уровень материка на 90 см ниже, чем в коридоре № 2. Однако переход по пандусу, устроенному в дверном проеме № 2 из первого во второй коридор, на глаз кажется менее крутым, чем при инструментальной съемке. Основание пандуса устлано сырцовыми кирпичами, снятие которых прояснит его первоначальное устройство.

Строительные остатки (этот археологический термин едва ли может относиться к строениям первого строительного перио-

2. Хочется выразить глубокую искреннюю признательность участникам этого полевого сезона, благодаря которым осуществились большие по масштабам работы, в первую очередь Г.А.Шенянову, С.А.Узянову, И.Г.Пуйдиковой (Узяновой), М.В.Астахову, С.Н.Демкину, художникам К.Г.Карамяну, В.С.Лапутину, реставратору Н.Турлыгину и водителю И.Ю.Любешкину.

да), представлены мощными, около 3 м толщиной, стенами, возвышающимися от материка до дневной поверхности на высоту 4,65–5,0 м. Стены сложены из сырцовых кирпичей крупного размера, необычного для древних памятников Северной Бактрии.³ При длине и ширине 50х50 их высота 14–15 см. Горизонтальные швы – до 3 см, вертикальные – 3–5 см. Кирпичи светло-коричневого цвета из хорошо отмученной глины с примесью соломы. Лицевая часть более темная, местами покрыта налетом. В юго-восточной части коридора дверной проем № 2 – 1 м шириной, выходящий на восток в коридор № 1 (рис. 2).

К восточной стене, сразу же от дверного проема, вплотную примыкает один из самых ранних контрфорсов, сложенный из серовато-синих сырцовых кирпичей, отличающихся по формату от кирпичей первоначальной постройки: 0,34–0,35х0,34–0,35х0,115–0,12 м. Ширина контрфорса 0,37 м, высота – 1,55 м над репером. В длину контрфорс прослежен на 4 м. Интересно, что кирпичи первого контрфорса по размерам идентичны поздним контрфорсам первого и близки контрфорсам второго строительного периодов. Основание второго, восточного контрфорса лежит на глубине 1 м, т.е. на 0,2 см над реальным материком, тогда как монументальные стены стоят непосредственно на реальном материке. Над контрфорсом на высоте 1,60 м лежат большие камни, свидетельствующие о том, что верхняя поверхность его была срублена на уровне 1,55 м или не превышала этот уровень первоначально. Общая длина второго контрфорса 12 м, высота 0,6 м. С небольшими интервалами он тянется почти до алтаря,

3. В.А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V–III вв. Ташкент, 1966, с. 204–208; Г.А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии–Тохаристана (по раскопкам в Халчаяне). – СА, 1963, № 4, с. 74; е е ж е. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 126–127; Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртвеладзе и др. Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 232; Г.А. Пугаченкова. К познанию античной и раннекушанской архитектуры Северного Афганистана. Древняя Бактрия, вып. I. М., 1976, с. 126; е е ж е. Жига-тепе (раскопки 1974 г.). – Древняя Бактрия, вып. 2. М., 1979, с. 70–72

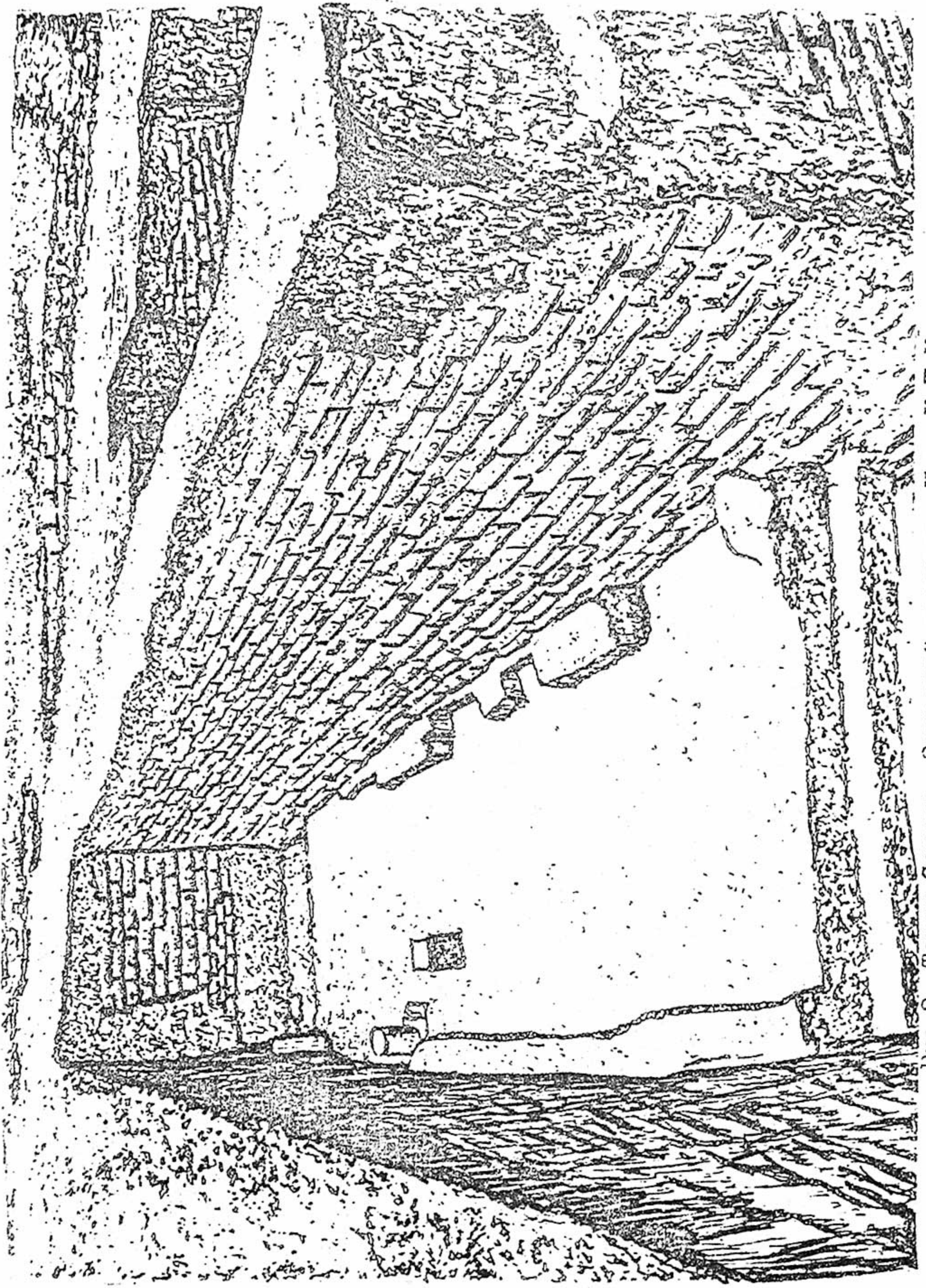

Рис. 2. Тахти Сангин, Западный коридор. Худ. К. Г. Карамян.

и сразу после него до конца коридора, примыкая вплотную к западной монументальной стене. На северо-западном участке коридора на уровне 2,1 м над материком аналогичный контрфорс из кирпичей серо-голубого цвета, шириной в один кирпич (35х35х11,5 см), укрепляет северную и западную монументальную стену на высоту до 2 м. На том же северо-западном участке коридора № 2 на уровне 4 м над репером — развал обломков из подобных серо-синих кирпичей, свидетельствующий о том, что контрфорс был разрушен в древности, а монументальная кладка укреплялась неоднократно. Надо сказать, что на всех открытых участках монументальные стены сохранились значительно лучше, чем укрепляющие их контрфорсы.

Алтарь северо-западной части коридора № 2. Вплотную к западной стене коридора на расстоянии 7,7 м от северной торцовой стены коридора ровно по западно-восточной центральной оси Белого зала расположена ось каменного алтаря (№ 2) с основанием 1,5 м над репером. Он состоял из прямоугольной плиты — постамент (длина фасадной части около 0,50 м, ширина в глубину 0,55 м, высота от 0,05 до 0,12 м), служащей основанием неканнелированного ствола колонны. Ствол колонны стоял на прямоугольной площадке плиты 37х52 см, а перед ним на верхней плоскости плиты был выбит желобок шириной 0,1 м, глубиной 5 см. Сечение его близко к полукругу. С фасада плиты желобок ограничивает прямоугольная полочка сверху шириной 8 см, 12 см по фасаду. Желобок направлен скатом к северу. Гладкий, неканнелированный ствол колонны в диаметре равнялся 32–33 см, высотой 50 см. Рядом с алтарем на том же уровне 1,5 м над репером стояло два постаменты прямоугольных в плане, трапециевидных по вертикали. На поверхности были устроены по два пазы для укрепления скульптур. Пазы первоначально прямоугольные 5х1, глубиной 8 см. В настоящее время края пазов сильно разбиты. Расстояние постаментов от фуста колонны 1 м. Постаменты стояли юго-восточнее и северо-восточнее алтаря. Их основания 0,35х0,35 м. Размеры верхней площадки 0,28х0,35 м. Левая нога скульптур, судя по пазам, была выставлена вперед. Расстояние между пазами 15 см. Расстояние между северным и южным постаментом 2 м.

Результаты исследования коридора № 2 будут описаны в соответствии с последовательностью раскопок. Сверху вниз от сов-

ременной дневной поверхности 5 м до глубины 3 м над репером шел твердый развал сырцовых кирпичей и трамбованной глины темно-коричневого цвета.

На глубине 3 м над материком развал сырца пересекала мелкая щебенка, падающая с запада на восток от 3,37 до 3,00 м. Параллельно ей шла полоса галечника на 20 см ниже. Первый натек мощностью от 0,3 до 0,47 шел с глубины на западе 3,3-2,83 на восток до 2,80-2,60 м. Этот натек свидетельствует о полном запустении этого помещения и последующем разрушении стен. Остатков перекрытий ни на этом, ни на более глубоком уровне не найдено: очевидно, они были деревянными и сняты еще до разрушения стен здания. Ширина этого помещения менее 4 м вполне могла перекрываться первоначально поперечными балками с последующим продольным настилом потолка. С 2,6 до 2 м шел твердый темно-коричневый суглинок, в нижней части которого лежал мощный развал камней с глубины 2,3 до 2 м. Камни нерегулярно лежали по всей поверхности коридора с падением с запада (со стороны гор) на восток (в сторону реки). Была отмечена трамбовка на уровне 2 м над материком (как и в коридоре № I) — открыт пол II строительного периода.

Под этим полом уже на уровне 1,8 над материком открыты остатки первого строительного периода (см. сопоставительную табл. I).

Таблица I

Полы первого и второго строительных периодов храма

Полы	Коридор № 2		Коридор № I над матери- ком и репером	Белый зал над материком и репером
	над ре- пером	над ма- териком		
Второй строительный период				
I пол	2	2	2	2
Первый строительный период				
4 пол	1,80	0,9	1,55	1,45/-/
3 пол	1,55	0,65	0,8-1,0	0,35-0,4
2 пол	1,16- 1,30	0,25- 0,2	0,3-0,4	0,25-0,3
I пол	1,0	0,1	0,1	0,05-0,1

III.

Между полами коридора № 2 натечно-надувные слои (ннс):
I-ннс - I-1,16 м; 2 ннс - I,25-I,45 м; 3 ннс - I,55-I,80 м
над репером. Под полами тонкие прослойки галечника (пг):
I пг - I,3-I,32 м; 2 пг - I,45 м над репером.

Итак, в жизни первого строительного периода отчетливо выступают два длительных перерыва, о чем свидетельствуют два мощных ннс I и 3 с горизонтальной структурой над I и 3 полами. Во II строительном периоде после кратковременных посещений без следов обживания помещение пришло в запустение.

Сопоставление разрезов показывает, что уровень второго строительного периода в коридоре № 2 на 5-10 см выше уровня синхронного пола в Белом зале и коридоре № 2, а уровни первого строительного периода в коридоре № 2 в целом на 0,9 превышают полы I-3 в зале и коридоре № 1. Связано это было с террасной подтеской материка, падающего с гор в сторону реки с запада на восток. Переход из коридора № 1 с уровнем материка 0,0 (по реперу) в коридор № 2 осуществлялся по пандусу, выложенному сырцовыми кирпичами 50x50 см, устроенному в дверном проеме № 2.

Основные находки как по численности, так и по своим высоким художественным качествам были сделаны на самой глубине на последнем нижнем метре раскапываемого храма с примыкающими к нему коридорами.

В заполнении третьего строительного периода (5-2 м над репером) коридора 2 было найдено около 20 профилированных фрагментов кушанской керамики, преимущественно венчики кувшинов, хума, кубков и чаш. В коридоре № 2 второй строительный период на уровне 2 м над репером совершенно соответствовал по материалу синхронному уровню в коридоре № 1. Было найдено около десятка рогов джейрана, баранов и коз.

В заполнении второго строительного периода были найдены до 20 венчиков и ручек кувшинов, а также донца, стенки и венчики чаш. На полу рядом с рогами находок почти не обнаружено.

На уровне 1,5 м над репером (т.е. 0,5 м над реальным материком коридора) было найдено большое количество металлических предметов вооружения и около 25 профилированных фрагментов кушанской керамики, среди которых следует отметить горшок, возможно, ритуальный с налепным изображением сцены охоты на оленя.

Близко к центральной западно-восточной оси храмового комплекса, несколько севернее ее, между алтарем у стены и выдвинутыми вперед постаментами, образующими треугольник, на глубине 1,6–1,5 м над репером пространство было заполнено отдельными железными трехлопастными черешковыми наконечниками стрел.

Среди них было найдено шесть костяных обкладок сложносоставного лука редкой сохранности,⁴ две из которых смежные, склеенные в древности, составляющие концы целого лука дошли полностью, остальные фрагментарны.

Вплотную к западной стене в северной части коридора на III полу I строительного периода в дальнем от входа северо-западном углу коридора № 2 1,4–1,55 над репером было открыто культовое захоронение № 2 (рис. I. 6). Его сброс состоял из 2 000 железных черешковых трехлопастных наконечников стрел, двух десятков железных ножей, двух копий, одного акинака, пяти трехлопастных втульчатых бронзовых наконечников стрел, большого количества бронзовых перстней и колец, надетых на железные стрелы или спаявшихся под влиянием окислов в один слиток, нескольких предметов из кости, в том числе одна втулка с изображением фазана, две миниатюрные обкладки ножен махайры — одна с изображением Искандара Зулькарнайна — Александра Македонского в облике Геракла со шкурой льва и рогами Аммона на шлеме.

Иконография Александра Македонского в истории античного искусствоведения занимает первенствующее место. Его изображали величайшие скульпторы Греции: Лисипп, Леохар, Евтикрат, Евфранор. Остановимся коротко лишь на одном иконографическом образе Александра в облике Геракла, так как литература по атрибуции портретов великого полководца невероятно обширна.⁵

4. Б. А. Литвинский. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (К проблеме эволюции лука на Востоке). — СА, 1966, № 4, с. 51–68.

5. Библиографию см. в работах: О. Ф. Вальдгауера. Портреты Александра и их значение для истории портретной скульптуры в IV в. до н. э. — О. Ф. Вальдгауер. Этюды по истории античного портрета. М.-Л., 1938, с. 150–168, 280; К. Гебауер. Alexanderbildnis und Alexandertypus. — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 63, 64, 1938–39, S. 1–106; М. Вибег. The Portraits of Alexander the Great. — Proceedings of the Prehistorical Society, 93, 1943, p. 349.

Тахтисангинский миниатюрный портрет, вырезанный на слоновой кости, склеен нами из нескольких чешуек, найденных в конгломерате, спаявшихся от окислов 2000 железных наконечников стрел. Он передает юношеский портрет Александра. Голова дана в фас, слегка повернута влево и склонена к левому плечу. Взор широко открытых глаз обращен выше зрителя. Округлый овал, с вписанным в него подбородком, стянут шлемом оскальпированного немейского льва. Верхняя челюсть и глазницы льва венчают лоб, две нижние челюсти обрамляют щеки героя в виде нащечников шлема. За спиной Александра развивающаяся грива, а на груди лапы льва, перевязанные в гераклов узел. На левом плече браслет.

Этот образ Александра в облике Геракла восходит вместе с монетами Лисимаха и многочисленными эллинистическими чеканами диадохов⁶ к недошедшей до нас скульптуре, автором которой был, вероятно, любимый придворный скульптор — Лисипп (Арриан, Поход Александра I, I 6, 4). Скульптура могла, скорее всего, возникнуть после успешного единоборства со львом, когда Александр, оттолкнув телохранителей, подобно Гераклу, вышел на поединок и пронзил льва копьем. Во всяком случае, портрет Александра в облике Геракла существовал определенно при жизни македонца, так как монетарии Лисимаха его уже копировали. Существующие различия тахтисангинского изображения от монетных, где Александр всегда передавался в профиль, делают наш портрет уникальным. Но при ближайшем рассмотрении становятся явными весьма существенные дополнения, объединяющие серию портретов на монетах Лисимаха, где Александр украшен атрибутами Геракла, с эллинистическими статуарными изображениями Александра.

Перед нами безусловный маскарад с присвоением разных атрибутов, характеризующих Александра Македонского как носителя черт непобедимого героя — Геракла и почитателя восточных обычаев и нарядов властителя, не просто захватчика, а создателя синкретического государства с обществом без наций, миром под властью македонцев.

6. K. G e b a u e r. Op. cit., S. 18-25, Taf. 1-3; E. N e w e l l. The Coinage of the Western Seleucid Mints (from Seleucus I to Antiochus III). — Numismatic Studies, No. 4, New York, 1941.

Датировка тахтисангинского рельефного портрета на слоновой кости требует специального исследования. В нем сильны идеализирующие черты, характерные для развитого эллинизма. Поскольку рельеф украшал ножны греческой миниатюрной вотивной махайры, он не может относиться к более позднему времени, чем середина II в. до н.э. Поэтому предварительно мы датировем изображение в широких рамках III в. до н.э. Значение этой находки неопределимо, потому что перед нами облаченный в победные регалии бог-герой Искандер Зулькарнайн, каким он дошел до нас в среднеазиатских преданиях.

Широкий хронологический разброс дает датировка культового захоронения № 2: раннеэллинистические бронзовые наконечники стрел и эллинистические изделия из слоновой кости лежат в одном спаянном окислами слитке с железными наконечниками стрел II до — II в. н.э. — есть и отдельные экземпляры и с более поздней датировкой. Правомерность существующей шкалы датировок железных наконечников стрел следует рассмотреть особо в силу сильного количественного прироста материала, открытого на Тахти Сангине в последние годы. Во всяком случае, в верхних слоях даже на уровне III строительного периода нет более позднего материала, чем первая половина IV в. н.э.

Разброс хронологический еще более значителен в свалках культовых закладов № 3 и № 4, устроенных на самом нижнем I полу коридора № 2.

Культовый заклад № 3 (рис. I. 7), находящийся в центре южной трети коридора № 2 диаметром 1,5 м на уровне I м (10 см над реальным материком) состоял преимущественно из рубящего и колющего оружия — 7 целых акинаков, 5 наконечников копий, обкладки ножен из слоновой кости: греческих мечей ксифоса (5 экз.) и махайры (10 экз.), 4 бутероли (одна с изображением гиппокампеса — девушки, держащей весло, с человеческим торсом, переходящим в туловище коня с крыльями и с рыбьим хвостом), бронзовый нащечник шлема, две пластины со сценами охоты II—I вв. до н.э. О них следует говорить подробно, так как эти пластины датированы культовый заклад № 3, как самые поздние.

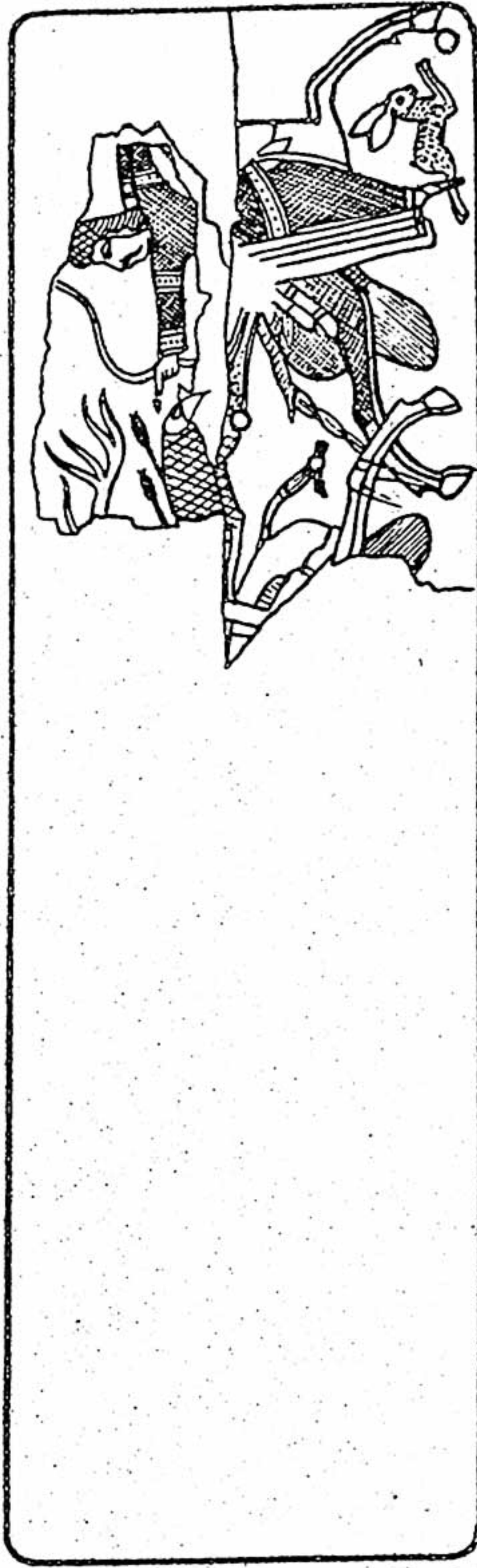
Сцены охоты на стенках ларца из слоновой кости (21,6х6,2х0,7) донесли до нас ценнейшие гравированные изображения: документальные портреты, костюмы, вооружение, конскую упряжь, породу коней, посадку наездников, безудержную удаль раннекушанских воинов-победителей (рис.3).

На полном скаку оба всадника (один обернувшись назад) стреляют из лука в зверей. Поле наполнено бегущими, ранеными и уже убитыми животными. Спасая своих детенышей, пытается прыгнуть на всадника самка барса, уже пораженная в грудь двумя стрелами, рядом с нею два маленьких детеныша. Охотники убили несколько горных баранов со спирально изогнутыми рогами, спасаются бегством зайцы и лисица. Резчик тщательно и искусно выгравировал мельчайшие детали. Композиционно сцена решена с большим мастерством: скачущие в противоположных направлениях всадники помещены по краям, но это не разрывает изображение на две части, ибо оба всадника стреляют в одном направлении, их объединяют также животные, заполняющие два регистра поля между всадниками. Следует вместе с тем отметить резкий контраст между непосредственной и живой, очень точной передачей движения зверей и животных, особенно великолепной трактовкой скачущих коней, и фигурами всадников, которые изображены так, будто они сидят не на летящих в галопе конях, а на дворцовых тронах — в этом сказалось следование канону, который впервые обнаружен на этом памятнике, а позже прослеживается на стенных росписях и других изображениях раннесредневекового центральноазиатского искусства. В целом же основной художественной доминантой этой композиции является динамизм.

Сцена охоты — один из наиболее излюбленных мотивов искусства Востока, в частности она развивалась и варьировалась в искусстве парфянского и сасанидского Ирана.

Выдающимися произведениями искусства тахтисангияские пластины (наряду с находящимися с ними портретное и этническое сходство с халчаяновскими дальверзинскими скульптурными изображениями кушанских царевичей⁷) делает уникальность изо-

7. Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Скульптура Халчаяна. М., 1971, табл. 43, 55, 65, 68, 78, 79, 112.

Ю СМ

Рис. 3. Тахти Сангин. Стенки шкатулки с изображением: "Кушане на охоте".
Худ. В.С. Дадугин.

бражений ранних кушан, документальность их портретных характеристик.

Интерес представляют два обстоятельства. На Тахти Сангине, крепости, охраняющей переправу через Амударью, которая не была ни столицей, ни большим крупным городом, найдено мечей времени Александра Македонского раз в 10 больше, чем во всем греческом мире.⁸ Во-вторых, крепость и храм не только не были разрушены с приходом кушан, но наоборот, продолжали процветать, судя по обильным богатым кушанским, индийским и парфянским приношениям и монетам.

Тахтисангинские пластины с изображением "Кушан на охоте" датируются временем после кушанского завоевания Греко-Бактрии, т.е. концом II-I веков до н.э.

Северный культовый заклад № 4 в коридоре № 2 (рис. I. 8) состоял из разноформатной ганчевой и алебастровой скульптуры, среди которой две головы молодых людей, сильно деформированные; голова кудрявого юноши в царской повязке (Антиох?), голова в шлеме восточного сатрапа, торсы в подпоясанных хитонах, бюст ганчевой скульптуры 1/2 натуральной величины, рука деревянная, с серебряной обивкой, каменный алтарь с надписью на греческом языке ("По обету посвятил Атросок Оксу"). Посвящение говорит прежде всего о несомненности атрибуции здания как храма, высказываемой нами раньше. Во-вторых, указывает божество, которому был посвящен храм. В-третьих, о восточном имени донатора - Атросока, человека этнически местного иранского происхождения или метиса с восточным именем, но пользовавшегося греческим языком. Там же были найдены ножны акинака из слоновой кости ахеменидского времени с изображением стоящего льва, держащего оленя в обрамлении пояса иоников.

Таким образом, в единовременном сборе № 4 среди находок в основном эллинистического времени наиболее ранняя находка датируется пятым веком до н.э., наиболее поздней явля-

8. Сводку известного нам материала см.: И.Р. П и ч и к я н. Ножны ксиросов и махайр в Северной Бактрии. (Античный элемент кушанобактрийского вооружения). - СА, 1980, № 4.

ется глиняный торс в гофрированном, подпоясанном хитоне, близкий по стилю гандхарской скульптуре.

Поскольку в рамках этой статьи нет возможности исследовать все находки даже этого комплекса, остановимся подробнее на наиболее ярких, отдавая особое предпочтение памятникам с полярной датировкой, т.е. наиболее ранним и наиболее поздним, а также достаточно твердо датированным.

Ножны ахеменидского акинака длиной 27,6 см выполнены из цельной слоновой кости. Верхний торец с боковой лопастью и двух полуовалов имеет круглое отверстие для крепления к поясному ремню (рис.4).

На лицевой поверхности выгравированы две "сцены терзаний". Основная — верхняя сцена очень выразительна: она заполнена крупной фигурой стоящего на задних лапах льва, держащего в передних маленького оленя. Фигура царя зверей передана в профиль, голова же в фас с небольшим поворотом к оленю. Голова льва моделирована ярко, наглядно: выступают рельефно припухлости щек, лба, высечен подбородок, тщательно проработаны глаза, нос со складками на верхней поверхности и ноздрями, широко расходящиеся в сторону усы. В сомкнуто-оскаленной пасти торчат заходящие друг за друга зубы, особенно крупными переданы косо посаженные клыки. В лапах лев держит оленя. Фигурка оленя, переданная вертикально в профиль, крайне выразительна и реалистична. Морда оленя обращена ко льву, ноги согнуты и опущены в позе покорности.

Нижнее уширение ножен — бутероль, заполнена фигуркой свернувшегося хищника и головой оленя. Туловище нападающего зверя кошачьей породы значительно стилизовано. Наибольшее внимание резчик уделил голове оленя, которая не только доминирует в размере, но и передана с тщательной проработкой многих деталей. Идентичные изображения на бутеролях известны по рельефам и находкам в Персеполе.⁹ Перед нами стилизация зверинного стиля, столь характерная для дворцового ахеменидского имперского искусства.

9. В. G o l d m a n. Achaemenian Chapes. — *Ars Orientalis*. Vol. II, 1957, Michigan, p.43, fig. I; P. B e r n a r d. A Propos des bouterolles de fourreaux Acheménides. — *Revue Archeologique*, 1976, 2, p.227.

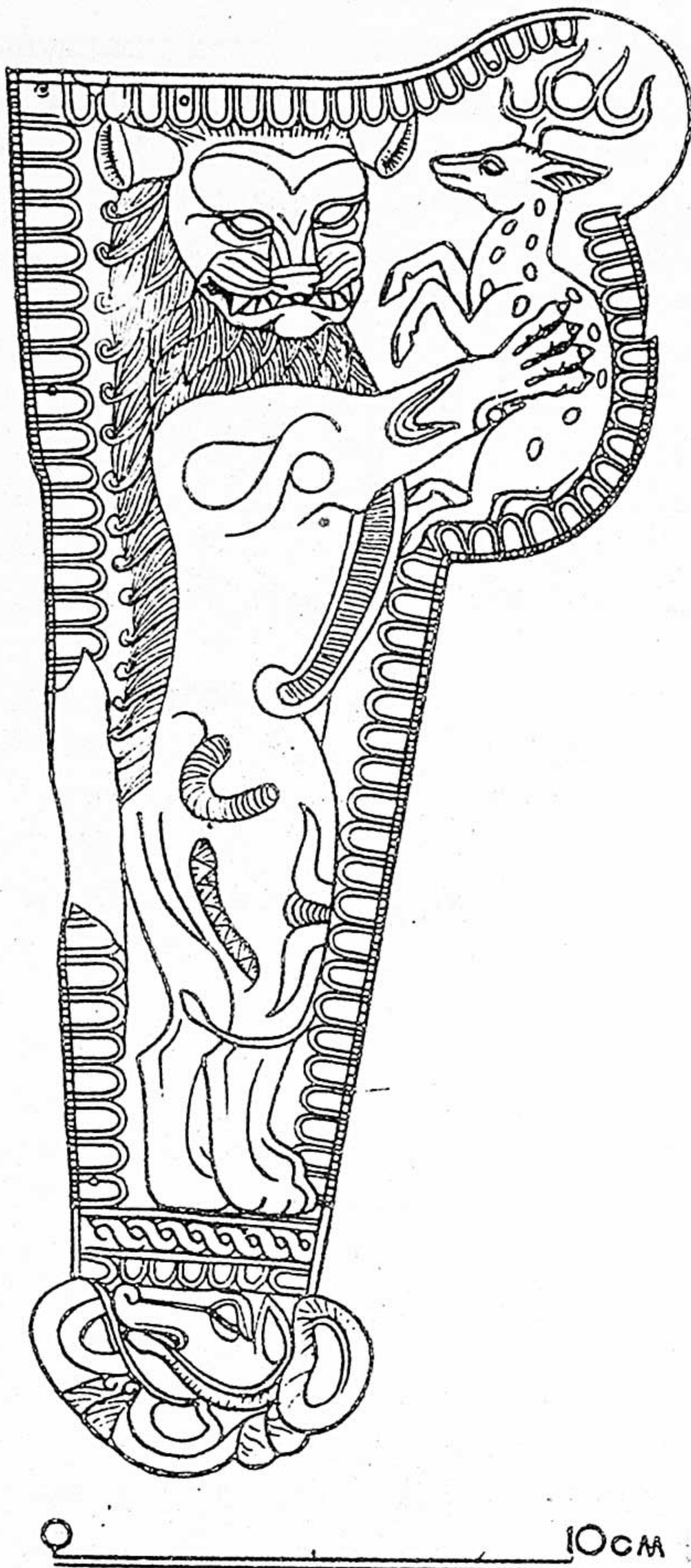

Рис. 4. Таhti Сангин. Ножны ахеменидско-го акинага. Худ. В.С.Лапутин.

Компановка обеих сцен великолепна. Фигурки хищников и их жертв прекрасно вписаны в фигурные поля, использован каждый миллиметр площади. Вместе с тем ножны, являясь высокохудожественным произведением искусства, отражают синтез составляющих компонентов ахеменидской культуры, слившей воедино достижения античной Малой Азии (ионийский орнамент, обрамляющий изображения¹⁰), древневосточную символику (несмотря на "зверинный" облик льва, он необычайно антропоморфизирован — безусловно, это мифологическая аллегория: торжествующий победитель — царь или бог и покорный подданный) и индо-иранский зверинный стиль, к которому восходит по-своему интерпретированная, дополненная орнаментальными мотивами, сцена терзания на бутероли.

Тахтисангинские ножны близки по форме золотым обкладкам ножен, происходящим из Амударьинского клада № 22, они совпадают до миллиметра и по размерам (27,6 мм) и по времени изготовления VI в., рубеж VI—V вв. до н.э. На территории Бактрии (современный Таджикистан, Узбекистан, Афганистан, Пакистан и север Индии) подобных находок, близких по времени, не найдено. Это подтверждает мнение о месте находки Амударьинского клада в верховье на правом берегу Амударьи и, возможно, говорит в пользу происхождения кладов из храмовых сокровищниц. А материал — слоновая кость, целый ряд специфических деталей формы и трактовки изображения, — свидетельства в пользу местного бактрийского изготовления этих ножен. До сих пор ножны подобного типа были известны только по золотым амударьинским обкладкам ножен,¹¹ теперь же благодаря раскопкам мировое искусство обогатилось прекрасно сохранившимся художественным подлинником из слоновой кости VI—V вв. до н.э.

Кроме ножен Амударьинского клада датировку проясняют высокохудожественные ножны близкого по форме типа из скифских

10. R. G h i r s h m a n. Tombe princière de Ziwiye et le début de l'Art Animalier Scythe. P., 1979, p. IX, 6-8.

11. O. M. D a l t o n. The treasure of the Oxus. L., 1905, 1964, No. 22; Б. В. З е й м а л ь. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979, № 22.

курганов; у скифов были и костяные ножны.¹² Ножнами подобного типа, как показывают рельефы Персеполя широко пользовались воины разных народов Ахеменидского государства,¹³ известны фрагменты, относящиеся к ахеменидским костяным обкладкам.¹⁴

Вместе с ахеменидскими ножнами в культовом закладе № 4 был найден достаточно надежно датирующийся вотивный каменный алтарь с водруженной на него бронзовой скульптурной фигурой Силенна Марсия, играющего на двустольной флейте.

Первая на территории Средней Азии древнегреческая надпись гласит: "По обету посвятил Атросок Оксу". В открытом алтаре с необычайной рельефной яркостью воплотился сам синтез греко-бактрийской культуры. Местный жрец огня — Атросок (имя его из авестийского расшифровывается как "горящий священным огнем" или "полезный божеству огня") посвящает фигуру греческого лесного божества с древнегреческой надписью местному восточному божеству реки Оксу (греческая транскрипция Вахша-Амударьи). Перед нами не поверхностное смешение или амальгация форм, а глубинный процесс, приведший к взаимопроникновению мировоззрения бактрийцев и эллинов.

Эпиграфический анализ надписи,¹⁵ сопоставление с монументальными надписями III в. до н.э.¹⁶ и финансовыми диптихи

-
12. А.И. М е л ю к о в а. Вооружения скифов. М., 1964, с. 60-62, табл. 17, 19/2/. М.И. А р т а м о н о в. Сокровища скифских курганов. Л., 1966, табл. 7/7-6/, 145.
13. R. G h i r s h m a n. Perse. Proto-iraniens. Medes. Achéménides. P., 1963, pl. 185; G. W e l s e r. Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. B., 1966, Abb. 5, 8, 18, 31, 34, 35, 56, 57. Falttafel 1.
14. 7000 Jahre Kunst in Iran. Essen-Bredeneu. 1962, No. 280-289.
15. В.А. Лившиц в беседе согласился с предложенной нами датировкой. Оставаясь при своем мнении, приводим с благодарностью мнение отечественных эпиграфистов, специализирующихся по надписям Ольвии, Херсонеса и Боспора. Б.И. Леви, Н.С. Белова, В.В. Рубан склоняются к более ранней дате — III в. — рубеж III-II вв. до н.э. Ю.Г. Виноградов сообщил, что посвящение Атросока по эпиграфическим данным должно быть датировано I в. до н.э. Однако сопоставление с надписями из Ай Ханум и исторические события второй половины II в. до н.э. нам не позволяет датировать приведенную надпись предложенной ранней и поздней датировками.
16. L. R o b e r t. Les inscriptions. — P. Bernard. Fouilles d'Aï Khanoum. MDAFA, XXI, P., 1973, p. 517-520, pl. 11.

II в. до н.э.,¹⁷ открытыми в Ай Ханум, а также сопоставление с более поздними сурхкотальскими надписями,¹⁸ позволяет довольно уверенно датировать посвящение на алтаре первой половиной II в. до н.э.

Комплекс находок культового захоронения № 4 датирует наиболее поздняя из скульптур — мужской торс в хитоне с поясом. Для иконографии этой статуэтки характерны вытянутые пропорции с узкой талией, неширокими бедрами и плечами, четкой, почти графической трактовкой объема, уверенной передачей формы.

Сопоставление с кушанской иконографией показывает некоторые точки соприкосновения с запечатленным на монетах образом Канишки. На монетах Канишки — стоящий царь в подпоясанном кафтане, резко, почти треугольником, расширяющемся в нижней половине. Линия подола — прямая или волнистая — фестончато-трехчастная, с выкружкой в центре. На нижней половине иногда показаны складки: два ряда горизонтальных дуг, смыкающихся по осевой линии.¹⁹ Сходство с этим образом рассматриваемой статуэтки незначительно.

То же самое можно сказать и о скульптуре кушанского времени, принадлежавшей к матхурской школе. Пояс на статуе Канишки из Матхуры²⁰ наборный. Он охватывает нижнее одеяние, на которое наброшен длинный распахнутый кафтан. Ниже пояса гравировкой показаны дугообразные складки, обращенные вниз. Подол прямой. Такой же подол на статуэтке кушанского принца

17. P. Bernard. Pratiques financières dans la Bactriane hellénisée. BSFN, 34, No. 5, P., mai 1979, pl. II.

18. H. Humbach. Baktrische Sprachdenkmäler. II. Wiesbaden, 1967, Taf. 17-21, 22 oben.

19. J. M. Rosenfield. The dynastic arts of the Kushans. Los Angeles, 1967, pl. 11 (30-38); P. Gardner. The Coins of the Greek and Scythic Kings in Bactria and India in the British Museum. Chicago, 1956 (reprint), pl. XXVI-XXVII.

20. J. M. Rosenfield. Op. cit., ill. 2, 94.

из Матхуры,²¹ где от широкого пояса по осевой линии спускается вниз кисточка. Перевязанный в центре ремешок с двумя опускающимися кистями в матхурском искусстве редок. (Такая перевязка пояса встречается на более ранних памятниках индийского искусства, относящихся ко II в. до н.э. — рубежу н.э. — Бхархут, Бхаджа, Питалхора, Санчи и др.²²).

Определенные параллели нам встречаются и с парфянской скульптурой. Пояс с двумя свисающими кистями обычен в парфянском искусстве. В качестве примера можно привести каменные рельефы из Бисутуна с изображением парфянского принца (I—II вв. до н.э.),²³ где линия подола состоит из двух сомкнутых в центре дуг, так что между ними образовался обращенный вниз мыс. Такой характер пояса зафиксирован в парфянском искусстве уже в I в. до н.э. (рельефы из Нимруд-Дага).²⁴

"Мода" эта распространялась и на Пальмиру, во всяком случае в I—II вв. до н.э.²⁵ Истоки ее, по-видимому, лежат еще в ахеменидском искусстве.²⁶

По своим пропорциям и, отчасти, одежде тахтисангинская статуэтка, пожалуй, близка к "статуе стоящего вельможи" из Дальверзиптепе.²⁷ Определенная переключка обнаруживается и со скульптурой "сидящего правителя" из Халчаяна.²⁸ Однако

21. J. M. R o v e n f i e l d. Op. cit., ill. 8. См. также: ill. 13, 21, 22, 62.

22. J. M. R o v e n f i e l d. Op. cit.

23. A. - M. L o t h. La vie publique et privée dans l'Inde Ancienne. IIe siècle avant J. - C. - VIIe siècle environ. Fasc. VII, Planchies. P., 1979. (Publications du Musée Guinet. Recherches et documents d'Art et d'Archéologie, VI), pl. III (1-4), IV (1, 2) VII(1).

24. R. G h i r s h m a n. Iran. Parthians and Sasanians. P., 1962, ill. 66. Такая завязка пояса встречается и в женском парфянском костюме. — Ibid., ill. 103.

25. Ibid., ill. 84, 91.

26. A. U. P o r e. A Survey of Persian Art, vol. VII. Tehran. L. - N. - Y., 1967 (reprint), pl. 108 (A-C).

27. Г. А. П у г а ч е н к о в а. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979, табл. 129-130.

28. Г. А. П у г а ч е н к о в а. Скульптура Халчаяна. М., 1971, с. 57-58, табл. 68.

и эти аналогии имеют приблизительный и частичный характер. Можно лишь с известной долей уверенности утверждать, что эта статуэтка входит в круг произведений бактрийского искусства. Датировка ее представляет значительные сложности. На данном этапе исследования мы датируем ее в широких пределах от II-I вв. до н.э. до рубежа н.э.

Таким образом, в культовом закладе № 4, помимо большого разнообразия в материале произведений искусства, богатства изобразительных источников, мы получаем наибольший хронологический диапазон сброшенных вместе предметов: с V в. до н.э. по рубеж н.э. Памятники искусства прекрасной сохранности (за исключением перенесенной в разбитом виде разноформатной ганчевой и алебастровой скульптуры) и хранились в поистине музейных условиях. Вопросы, поднимаемые этим комплексом, столь обширны, что требуют не только персонального издания отдельных памятников, каждый из которых является уникальным на этой территории, а целый ряд — и в мировой культуре, но впоследствии и специального рассмотрения этого комплекса в свете многочисленных известий античных авторов о храмовых сокровищах и находящихся в них экспонатов-мотивов, а также в сравнении с набором аналогичных посвятельных даров в общегреческих святилищах.²⁹

Коротко остановимся на результатах раскопок и расчисток в Белом зале, проведенных в 1979 г.

Белый зал. Архитектурное описание Белого зала будет дано в подробностях после его раскрытия и уточнения некоторых существенных параметров, которые могут быть выявлены при раскопках всей площади до материка. Стратиграфия Белого зала в целом соответствует напластованию слоев, открытых в коридоре № I первых двух строительных периодов, третий в Белом зале отсутствует. При раскопках северной трети зала, как и ожидалось, был выявлен северный дверной проем, напротив южного проема № I, близкий ему по устройству и менее парадный, чем

29. C. S a r a p a n o s. *Dodone et ses ruines*. P., 1878;
R. M. D a w k i n s. *The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta*. L., 1929.

обращенный на восток в сторону большой площади центральный выход (проем № 3). Северный проем № 4 в центре северной стены был выявлен, но не расчищен. С южной стороны он был фланжирован двумя пилонами для деревянных столбов. Пилоны стоят на материке и относятся к самому раннему времени I строительного периода.

Нераскрытая северная треть зала от центра северной пары колонн до северной стены была раскопана до серого пола — 0,3 м над материком. Площадь при исследовании была разделена на три части с запада на восток. В самой северо-западной части зала при раскрытии был выявлен стоящий на материке стилобат алтарной площадки с двумя основаниями для круглых алтарей диаметром около 1 м. Стилобат примыкает непосредственно к западной стене зала и отстоит от северной на 0,6 м по всей своей длине. Длина и ширина стилобата близки к квадрату: 2,65x2,5. Его высота 0,3 м. Прямоугольные квадраты, идущие по периметру стилобата, имеют кромку — риску по краям без поперечных насечек, что говорит об эллинистическом времени возведения этого памятника и о греческой традиции каменотесного дела. По своим осям эта постройка абсолютно идентична и параллельна сторонам квадрата, образованным четырьмя базами колонн в центре Белого зала (рис. I. 9). Следовательно, качество камня, характер обработки и качество исполнения, а также единство в композиционном построении колонн и стилобата монументального алтаря свидетельствуют о греко-бактрийском времени этих памятников и храма Окса в целом.

Близкой по форме было основание каменного алтаря в Дильберджине (храм в северо-восточном углу) — 2,47x2,48, высота 0,6 м, правда, там сохранилось три ряда блоков (верхний, безусловно, поздний — Авт.).³⁰ Аналогичный алтарь известен в Сурх Котале во внутренней целле храма Канишки.³¹

Выявленная планировка храма Окса восходит к иранским храмам огня. Различия наблюдаются в расположении и количест-

30. И. Т. К р у г л и к о в а. Дильберджин. Раскопки 1970 — 1972 гг. I. М., 1974, с. 29, рис. 20-22.

31. D. S c h l u m b e r g e r. Der hellenisierte Orient. — Kunst der Welt. Baden-Baden, 1969, S. 62, fig. 27.

ве дверных проемов, в соединении между собой трех обводных коридоров, обрамляющих целлу с торца и боков и других не принципиальных деталей единого по планировочному замыслу построения восточного храма. Совершенно идентичное построение в Персеполе храма огня, открытого Э.Херцфельдом,³² указывает, что тахтисангианские архитекторы ориентировались на этот или ему подобный архитектурный образец. Близкие персепольскому и тахтисангианскому планировочные решения с четырехколонными целлами храмов приводит К.Шиппманн к таблице развития форм иранских храмов огня: Кух-и Ходжа (VI-V вв.), Сузы (V-IV вв.), Сузы, храм хранитель огня - "Фратадаратемпель" (начало III в. до н.э.), Кух-и Ходжа (II-I вв.), Набатей (I в. до - I в.н.э.), Хатра (I в.н.э.), Сурх Котал (II в.н.э.).³³ Следует отметить, что к этому же архитектурному стандарту относится и храм в северо-восточном дворе Дильберджина. И.Т.Кругликова, к сожалению, ничего не говорит о внутриколонном оформлении зала (пом. I), полагая, что колонны должны стоять снаружи, а не внутри целлы.³⁴ Перекрытия пролетов в II-метровой целле, как показывают приведенные многочисленные аналогии, должны опираться на четыре довольно мощные колонны. Возможно, этот вопрос будет прояснен после исследования или удаления полов. Во всяком случае, базы колонн не могут не оставить следов в виде прямоугольных вмятин в полах и вырубок в материке.³⁵

В Белом зале на уровне третьего пола, соответствующего уровню верхней поверхности стилобата алтаря, первой ступени двуступенчатых постаментов торовидных баз 0,35-0,4 м над материком, стилобат поверху был облицован алебастром и под него был подогнан уровень белого пола, состоящего местами из камней с верхней гладкой поверхностью, испещренной насечками для скрепления с покрывающим их алебастром, и алебастровой

32. A. G o d a r d. L'Art d'Iran. P., 1962, p.161, fig.156.

33. K. S c h i p p m a n n. Die iranischen Feuerheiligtümer. B., 1971, S.496, Abb.83; S.178-180, Abb.24.

34. И.Т. К р у г л и к о в а. Ук. соч., с.16.

35. Б.А. Л и т в и н с к и й, Х. М у х и т д и н о в. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). - СА, 1969, № 2, с.166.

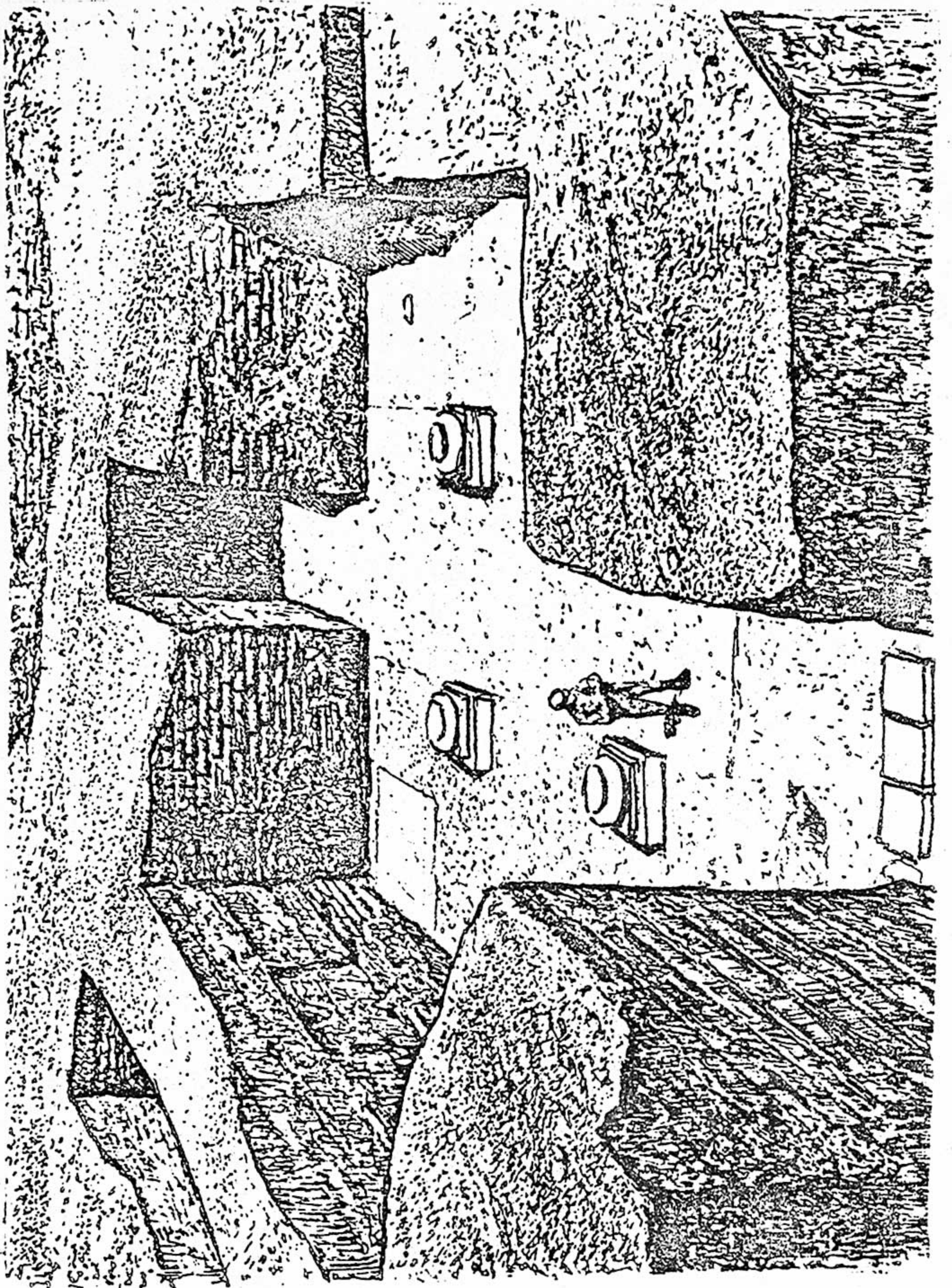

Рис. 5. Тахти Сангия. Аксонометрический рисунок Белого зала. Вид с юга. Худ. К.Г.Карамян.

заливки с верхней сглаженной плоскостью и рваными очертаниями нижней поверхности. Камни и заливка в виде крупных (около 1 м^2) и средних обломков, а местами и *in situ* были открыты в зале на уровне белого пола и немного выше него. Такая неравномерная сохранность, а также следы лома и характер расколов наводит на мысль о преднамеренной порче пола, произведенной, вероятно, древними искателями сокровищ. Во всяком случае, обилие находок в коридорах и их отсутствие в Белом зале достаточно контрастно, это и свидетельствует в пользу подобного предположения. Ту же картину являют и находки культовых закладов в ямах-ботросах № 3, 5, 6, в виде бронзовых и очень редко мелких золотых изделий, кладов монет и т.д., спущенных с уровня серого пола 0,25–0,3 м.

Следует отметить, что только с уровня серого пола удалось проследить пять ям с золистым заполнением в восточной трети Белого зала, а шестая-ботрос № 5-самая северная содержала сброс разнообразного мелкого посвященного инвентаря. В западной трети зала культовые углубления с уровня серого пола только намечены, но не раскопаны. Центральная квадратная межколонная часть открыта только по уровню белого пола (рис. 5).

Мощные культурные напластования в Белом зале разделены на 10 ярусов, сведены для наглядности в табл. 2.

Таблица 2

Глубина, м	Слой Грунт	Цвет	Твердость	Строитель- ный период
1	2	3	4	5
0,0	Материк- скала	Бело-жел- тый	Скала-мелкозер- нистый извест- няк	0-0
0,0 – 0,0.5	Суглинок	Коричневый	Твердый	I
0,05 – 0,1	I пол гли- на	Коричневый	Твердый	I
0,1 – 0,25	I натек	Серый	Твердый, мелко- зернистый с пластинчатой структурой	I

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5
0,25-0,3	II пол глина	Серовато-серый	Твердый	I
0,35-0,4	II пол, алебастр	Белый	Алебастр, щебенка, твердая трамбовка	I
0,4 -0,6	II натеж	Серый	Твердый с пластичной структурой	I
0,6 -1,45	Суглинок	Серый	Рыхлый	I
1,45-1,55	Рухнувшая штукатурка	Белый	В углах концентрируется вдоль стен на уровне 2 м	I
1,55	IV пол, глина со щебенкой	Серый	Твердый	I
1,55-1,90	III натеж	Серый	Твердый с пластичной структурой	I
1,90-2,00	I пол	Коричневый	Твердый	II
2,00-5,00	Завал, битая глина	Коричневый	Очень твердый	II
5,00	Гумус	Серый	Современная поверхность	

Ботрос № 4 (рис. I. 4) был обнаружен в центральной части южной трети Белого зала, снесен с серого пола 0,3 м над материком, в метре от южной стены, рядом с северо-западным пилоном дверного проема № I при зачистке серого пола. Он овальной формы. Максимальная длина с запада на восток 1,70 м, ширина север-юг - 0,86 м, глубина - 0,52 м. В верхней части ямы на глубину 0,20 м яма была забита материковой щебенкой, ниже в оставшихся 0,3 м заполнение составлял суглинок с неогнившими органическими остатками серо-черного цвета. В центральной части на глубине 0,20-0,45 м был найден сброс ноют вперемешку с сильно расслонившимися кусками дерева от 3 до

5 см. Сброс представлял собой не конгломерат, как в ботросах 2 и 3: монеты лежали по всей площади ямы на расстоянии 10 — 3 см друг от друга. Их было 98. В заполнении ботроса № 4 кроме сотни монет и расслоившегося дерева находок не было, если не считать трех бараньих косточек и двух мелких непрофилированных обломков керамики. Для помещения столь незначительного сброса в сотню монет не было необходимости рыть яму в полкубаметра в скальном материке. По-видимому, назначение ямы было иным, т.е. скорее всего монеты были сброшены в уже существующую яму и забиты щебенкой поверху. Ботрос 4 датируется началом правления Канишки.

Ботрос 4. Белый зал

№	: Наименование находки	: Гл. залегания ниже репера в см
1	Пластина бронзовая сферической формы	- 5
2	Деревянное изделие (коричневая труха от ларца)	-20
3	98 бронзовых монет (Кадоиз II, Сотер Мегас, Канишка I)	-20

Ботрос № 5 (рис. I. 5). Вплотную к северной стене в центральной части Белого зала у восточного пилона северного входа (0,3 м над материком) с уровня серого пола был опущен ботрос № 5. Он был открыт при расчистке серого пола. Ботрос овальной формы. Максимальная длина 1,5 м, ширина восточной части 0,70 м, а западной 0,60 м. Глубина 0,85 м. Стенки ямы сохранились хорошо, они состоят из скального грунта. Сверху заполнение состояло из камней материковой крошки, хорошо отличимых на сером полу. За слоем щебенки 0,2 м мощностью шел грунт зольного заполнения с вкраплениями щебенки. На глубине 0,6 началось чистое зольное заполнение до дна. Края ямы закругляются около ее основания, дно ровное. Над северной четвертью ямы поставлен контрфорс в один кирпич, с шга подпирающий северную стену Белого зала. Он состоит из кирпичей серого цвета с голубоватым оттенком 35x35x10 см. Основные находки сосредоточены в центре ямы и на дне. Возможно, яма была ограждена, так как единствен-

ная ценная находка, оставшаяся в яме, уцелела благодаря за-
глубленности в борт — это золотая вычеканенная сферическая
брошь на смоляной основе с горизонтальным стержнем-крепле-
ем. По форме близкая к конусу сферическая поверхность пугови-
цы-броши была украшена сценой терзания трех шествующих друг
за другом пантер, каждая из которых вонзила пасть в прогиб
хребта предыдущей. Лапы и уши зверей украшены бирюзой листо-
видной формы. Глаза заполнены красной пастой. На той же глу-
бине были найдены две круглые золотые пластины (медальон и
кнопка), железные бляшки, украшенные ажурным золотым орнамен-
том. Повсеместно наличие мелких золотых изделий, возможно,
незамеченных при изъятии, как будто бы подтверждает идею огу-
рабления ботросов. На сером полу над ямой были найдены две
бронзовые монеты. В ботросе было найдено около сорока пяти
серебряных округлых и квадратных монет индийского образца.
Предварительно находки в ботросе №5 датируются рубежом I в.
до — I в. н. э.

Зольные ямы № I-5, овальные, цилиндрические и эллипсо-
идные углубления с зольным заполнением. В 1979 г. было откры-
то в восточной трети Белого зала на уровне серого пола два
ботроса № 4 и 5 и пять больших ям. Симметричное их расположе-
ние по отношению к базам колонн предполагает одновременность
или близкую по времени работу одного и того же коллектива.
Близкая форма, размеры и заполнение: зольное и совершенно
стерильное позволило нам назвать их зольными ямами в отличие
от ботросов — ям со сбросом культового и посвятельного ин-
вентаря в заполнении. Круглые ямы в восточной трети зала бы-
ли открыты у каждого из углов прямоугольного основания плин-
та баз колонн ближнего ряда к восточному — центральному вхо-
ду. А в центре восточной трети между ними, несколько восточнее
четырёх ям открыта пятая зольная яма в плане эллипсоидная,
также с чистым зольным заполнением, т.е. нет никакого сомнения
в намеренно симметричном их расположении. Никаких следов вы-
борки материала или мелких обломков и осколков в зольных ямах
не обнаружено. Заполнение их составляла рыхлая зола пепельно-
серого цвета.

Дверной проем № 3

Восточный вход в центральной части Белого зала дал редкостный по сохранности образец устройства парадного дверного проема. Он был трехчастным. С запада состоял, как и обычно во всех проемах, из двух пилонов и трех метровых блоков, образующих непрерывную линию порога. В центре — из двух примыкающих к стенам новых плит с выемками для железных осевых стержней полотен ворот и трех блоков между ними, менее аккуратно притесанных, чем передние камни порога. Третья линия идет по восточной линии стен и состоит из непрерывной полосы широких плит. Дверной проем № 4 вскрыт на уровне белого пола. Находок в дверном проеме не было, если не считать четырех монет, лежавших на алебастровой штукатурке в северной части проема двуствольной ручки амфоры, серебряной (?) пластины, пробитой гвоздиками, и большого количества костей мелкого рогатого скота. Окончательное исследование этого проема даст хорошо сохранившийся уникальный образец устройства античных дверей и ворот.³⁶

Находки на Тахти Сангине 1979 г. единичных памятников ахеменидского периода и массовых произведений греко-бактрийского искусства позволяют в настоящее время прийти к нескольким предварительным заключениям.

1. Амударьянский клад до сих пор в Бактрия находит отдельные хронологические и стилистические параллели только на Тахти Сангине. Это подтверждает мнение ученых, считающих, что место находки клада в верховье Амударьи, на Тахти Кубаде или на Тахти Сангине.

2. Греко-бактрийская культура, точнее ее создатели, в своем творчестве опирались на широкий круг импортных и трофейных произведений греческого и ахеменидского искусства, т.е. произведения предшествующей эпохи прямо и опосредствованно влияли на сложение греко-бактрийского стиля.

36. R. N a u m a n n, Architektur Kleinasiens von Ithnen Anfangen bis zum Ende der hethitischen Zeit. Tübingen, 1971, S. 155, Abb. 174-193; P. В e r n a r d, Fouilles d'Al Khacouch... , pl. 45, 56, 61-64.

3. Основным толчком эллинизации искусства и культуры Бактрии после 329 г. до н.э. было основание новых эллинских городов и крепостей, в архитектуре которых сильны местные и восточные влияния.

4. В эллинистическое время, в период вхождения Бактрии в государство Селевкидов, а затем во время самостоятельного греко-бактрийского государства контакты с греческими городами Средиземноморья были широкими и регулярными. Не исключены последующие волны притока греческих контингентов в Среднюю Азию после греко-македонского завоевания, о чем свидетельствуют художественные школы, воспитанные под непосредственным влиянием современных им образцов селевкидского малоазийского искусства.

5. Массовость находок вооружения: греческого, сако-скифского и сармато-кушанского позволяет подойти к более научному их осмыслению, благодаря значительному количественному приросту малоизвестного ранее материала о военном деле народов СССР широкого хронологического диапазона VI в. до - II-IV вв. н.э.

6. Обилие всевозможного, в том числе парадного и высокохудожественного, вооружения греков и кочевников свидетельствует о суровой необходимости беспокойного времени, когда щиты, мечи, копья, дротики и стрелы служили не только непременными предметами быта, но и наиболее ценными приношениями.

7. Многочисленные изделия из слоновой кости, массовость предметов из этого редкого дорогостоящего материала говорит не только о тесных политических и экономических контактах с Индией. Анализ и атрибуция изобразительных произведений из слоновой кости, помимо раннегандхарского искусства, указывает на вероятность местного бактрийского изготовления основной массы вещей, соответствующих при этом чисто греческим стандартам, типам и представлениям.

8. Отдельные разновременные находки свидетельствуют о постоянных связях с сако-скифским степным миром.

9. Посредническая греко-бактрийская торговля с Алтаем, Индией, Ираном, Парфией и городами малоазийского побережья способствовала расцвету ювелирного и костерезного ремесла, о чем свидетельствуют находки на Тахти Саягине. Торговля произведе-

ниями изобразительного искусства играла в свою очередь роль культурных контактов, в которых эллинские изделия находили повсеместный широкий спрос.

10. Образование архитектурного и художественного восточно-эллинистического койне на гигантской территории способствовало развитию изобразительного искусства и расцвету местных локальных школ, где этнические, религиозные и культурные компоненты греков и бактрийцев слились в единый, неповторимый греко-бактрийский культурный феномен.

11. Функционирование греко-бактрийского храма на Оксе в кушанский период и бережное отношение к существовавшей религиозной традиции говорит не только о веротерпимости кушан, но и о симбиозе греческих, восточно-зороастрийских и кушанских представлений.³⁷

12. Составные компоненты искусства Средней Азии начала I тысячелетия после находок на Тахти Сангине представляются в симбиозе разнохарактерных по стилю направлений: восточного изначального, эллинского привнесённого, гандхарского — слитого воедино греко-индийского синтеза искусств.

13. Достижения бактрийской цивилизации стали возможны не благодаря ее замкнутости, а напротив, из-за наличия обширных и разнообразных культурных и экономических контактов. В этой обстановке развивался именно тот всеохватывающий творческий синтез, который сам по себе дал мощный импульс развитию культуры.

14. Уникальные находки на Тахти Сангине обогатили древнюю историю культуры Таджикистана и Средней Азии обширной галереей замечательных произведений искусства. Но значение этих находок намного шире: перед нами яркие и недвусмысленные свидетельства тесных взаимосвязей между Средней Азией, странами зарубежного Востока и Средиземноморьем.

15. Открытое на Тахти Сангине искусство с целым рядом выдающихся памятников мирового значения эрмо дополняет известия

37. Б.А. Дятвицкий и И.Р. Пичиляк. Кушанские Эроты (один из аспектов античного влияния на центрально-азиатскую культуру). — ВДИ, 1979, № 2, с. 89-109.

античных авторов о целом этапе культуры и искусства народов Средней Азии и Афганистана, который ранее был известен неполно и односторонне.

16. Скульптуры Тахти Сангина, изваянные из местной глины и алебаstra, в материале столь крупном и непригодном для транспортировки, указывают на местное изготовление высокохудожественных памятников искусства, на сложение местного изобразительного искусства, которое имеет последующее развитие в кушанский и раннесредневековый периоды.

17. На правобережье Окса-Амударьи так же, как и на левом берегу реки, не только писали по-гречески, но теперь это ясно звучала греческая речь, почитались греческие божества. Сила античной традиции была в кушанский период настолько велика, что гипотеза о том, что элементы этой культуры могли существовать и после падения кушанского государства, звучала очень правдоподобно. Получение дальнейших материалов в этом направлении необычайно важно, ибо выявление традиций античного искусства и культуры в средневековой Средней Азии изменило бы всю концепцию возникновения и развития науки и культуры на мусульманском Востоке.³⁸

Список сокращений в статье

ВДИ	- Вестник древней истории
СА	- Советская археология
AM	- Athenische Abteilung. Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institute
BSFN	- Bulletin de la Société Française de Numismatique
MDAFA	- Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan
PPS	- Proceedings of the Prehistoric Society.

38. См.: Г.Б. Ш а й м у х а м б е т о в а. Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция. М., 1979 (о литературе вопроса).

А.Абдуллаев

ОТЧЕТ О РАБОТЕ В ЯВАНСКОЙ ДОЛИНЕ В 1979 г.

Яванский археологический отряд работал в течение 5 месяцев: с марта по май и сентябрь - октябрь. Основная цель - проведение археологических разведочных работ и составление археологической карты долины. Вторая задача - продолжение раскопок на поселении Турткуль с целью выявления строительных остатков нижнего горизонта. Для этого был расширен раскоп № 3, общая вскрытая площадь которого составляет 288 кв.м.¹

Раскопки в Турткуле

По всей площади раскопа были зафиксированы остатки построек верхнего строительного горизонта в виде ровной полов, выложенных щебенкой, и фундаментов, состоящих из крупных камней, которые перекрывали строительные остатки нижнего горизонта. Крупные камни были зафиксированы в северной части раскопа, вытянутой по линии запад-восток. В восточной части расчищено нагромождение крупных камней, где была найдена могила Камышки I.

Под слоем камней была расчищена канавка для водостока, выложенная камнем, которая вливается в яму, вырытую на этом участке. В помещении I ширина канавки 25 см. Канавка длиной 7,20 м, шириной 10-15 см, дойдя до северо-западного угла помещения 2, поворачивает к северу и уходит за линию раскопа. Канавка выложена из хорошо подобранных плоских, скатанных извест-

1. В составе отряда работали: А.Абдуллаев - нач. отряда, сотрудники: А.Юсупов, Т.Филимонова, Н.Турлыгин; художник - И.Михальская, шофер - Ш.Набиев и 15 маршрутных рабочих.

ковых камней. Сверху канава, видимо, была прикрыта половинками труб кубуров и плоскими камнями, которые частично сохранились.

На этом уровне собрано большое количество керамического материала. Это фрагменты кумов, жумчи, кувшинов, горшков, котлов, кубуров.

Строительные остатки нижнего горизонта расчищаются с отметки 250-260 пятого яруса.

В помещении № I (улица) обнаруживалась его северная часть, общая длина которой 12 м, ширина 3,35 м. Северная стена отсутствует. Видимо, это была улица, разделяющая два жилых комплекса. На улицу также выходил поздний водосток и мусорная яма, где расчищено большое нагромождение (забутовка) камней (рис. I).

Первый жилой комплекс вскрыт к западу от улицы. Расчищены одно помещение полностью и два частично. Основным является помещение № 2. Размеры: длина 5 м, ширина 3,20 м, высота 1 м.

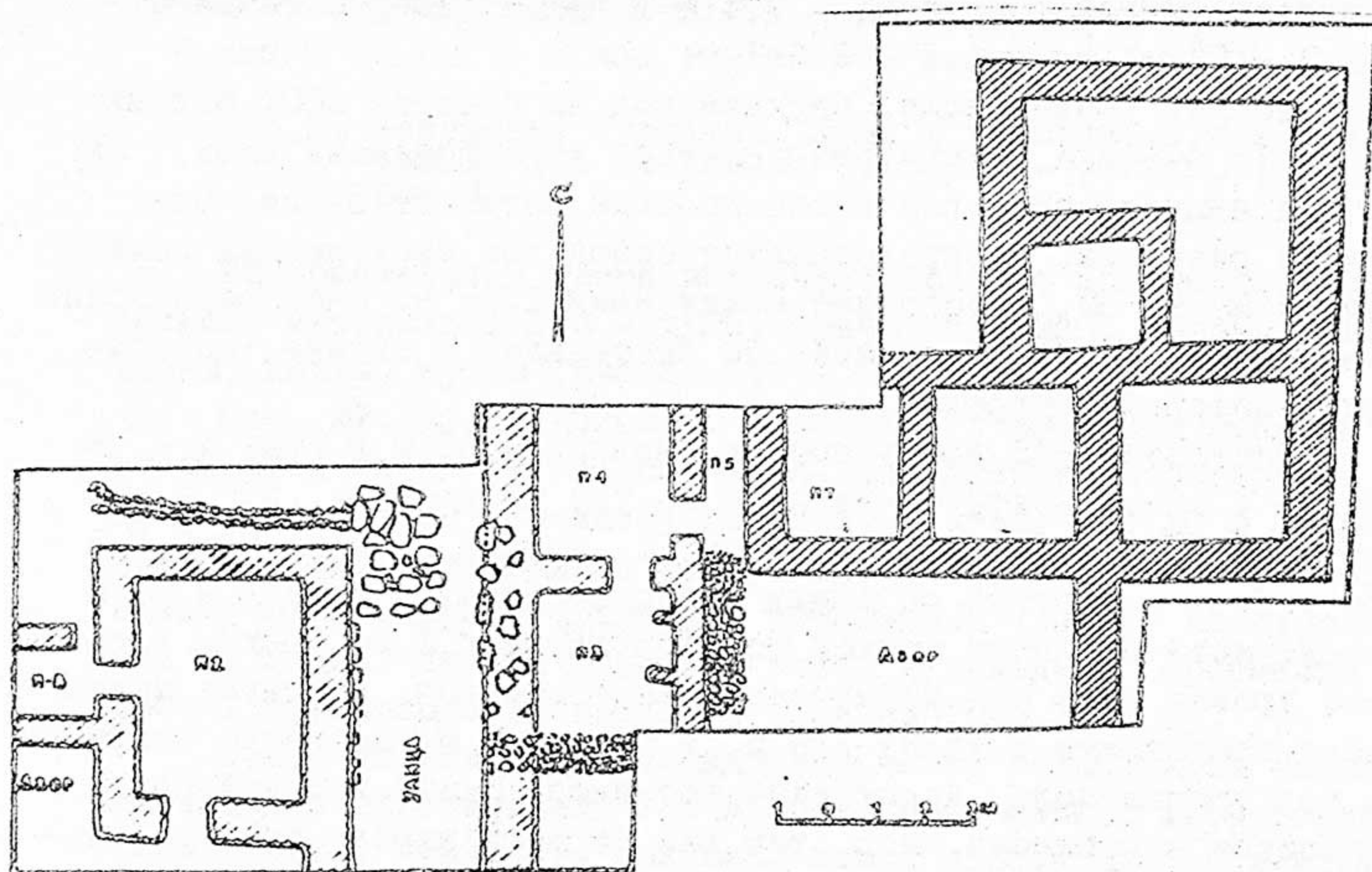

Рис. I. Поселение Турквуль. План раскопа.

Вскрыты два прохода: один в южной части, шириной 1,15 м, другой в западной, шириной 0,85 м, а также два уровня пола. Первый — на отметке 325, второй — на 300. Между ними утрамбованный слой. Видимо, во время наращивания пола южный проход был забутован. Поздний проход выходит к узкому коридору.

Помещение № 8 вскрыто частично. Это, по-видимому, часть коридора: длина раскопанного отрезка 1,70, ширина 1,53, толщина стен 0,76 м. В северной части коридора имеется проход шириной 0,55 м. Отметка пола 325. Южная стена примыкает к двору, где прослеживается уровень щебенки в три слоя толщиной 8–10 см. Между ними забутовка толщиной 20 см, свидетельствующая о степени наращивания пола двора.

В помещении № 2 и коридоре собрана керамика в основном столового назначения: кувшины, крышки, котлы и миниатюрные сосуды.

Второй жилой комплекс раскопан на восток от улицы. В комплекс входят помещения — 3, 4, 5 и пом. 6 (двор). Размеры: пом. 3 — 2,8х3 м; пом. 4 — 2,6х3 м; пом. 5 — 1х3 м. В пом. 3 вскрыты два уровня пола. Верхний пол на отметке 300, нижний на 20–30 см ниже. Между ними плотный утрамбованный слой. На уровне нижнего пола расчищены зольные пятна от очага. Очаг сильно разрушен. Он представляет собой два выступающих валика длиной 80–84 см, расстояние между ними 1,15 м. Очаг расположен в восточной части помещения. Он приставлен к стенке, поверхность которой обгорела.

Помещение № 3 имеет проход шириной 0,85 м в пом. № 4. В пом. № 4 также вскрыты два пола на тех же уровнях, что и в пом. 3. Пом. 4 имеет проход в пом. 5, ширина 0,90 м. Пом. № 5 — это узкий, вытянутый по линии север-юг коридор длиной 7 м, в южной части он имеет проход во двор шириной 1 м. Проход второго уровня пола был забутован тонкой стенкой. Вскрытая часть двора составляет в длину 7,8 м, в ширину 5 м. Во дворе вскрыты три уровня пола, выложенные щебенкой. Самый верхний пол относится к верхнему слою, так как он перекрывает стенку помещения и имеет отметку 250. Второй уровень находится на отметке 275, а третий — на отметке 300. Толщина слоя щебенки 10–15 см. Вдоль западной стенки камнями средней величины выложена дорожка шириной 1 м.

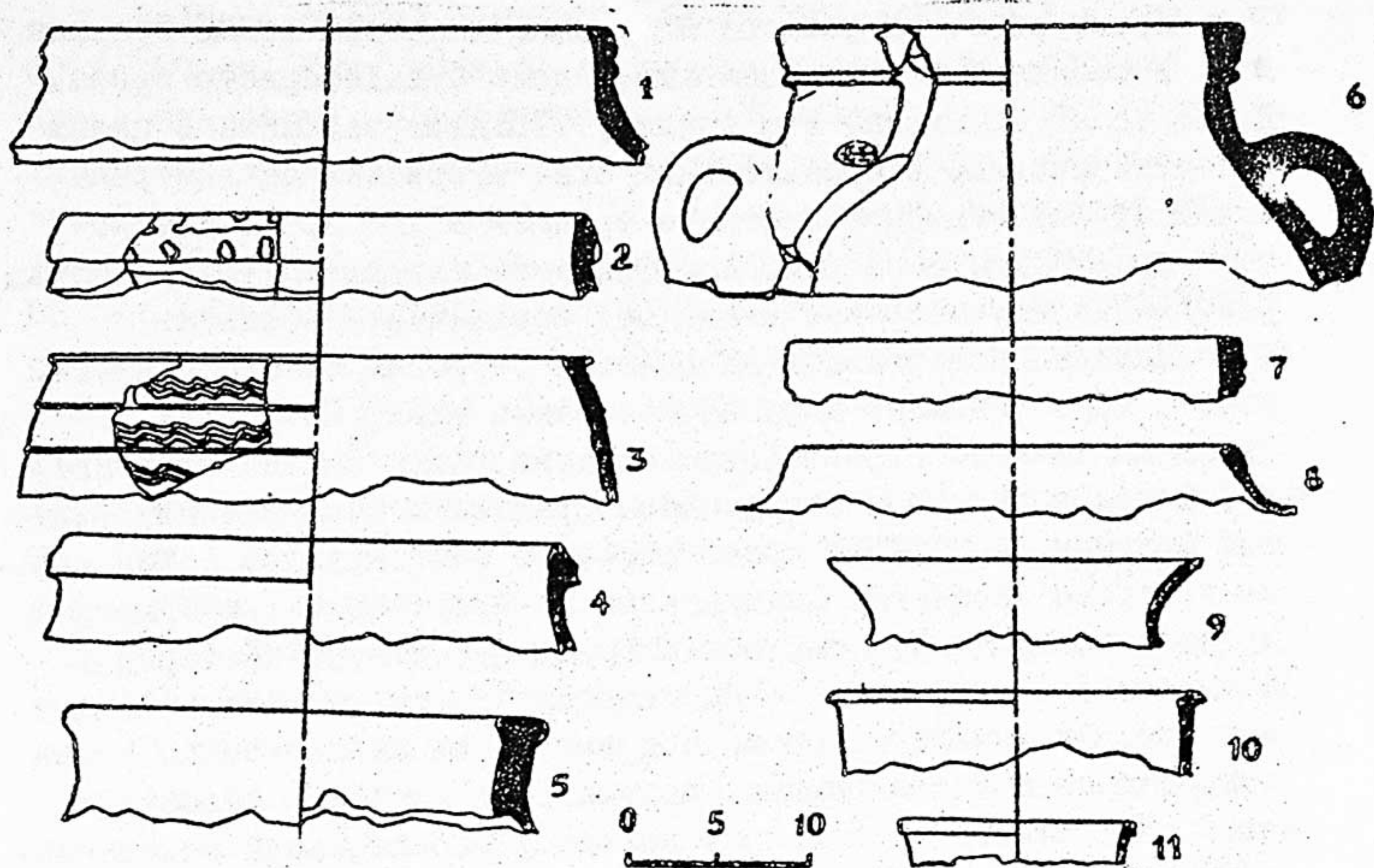

Рис.2. Поселение Турткуль. Хумы и кувшины: I, 2, 5, 9 - из пом.3; 4 - из пом.5; 6, 10, II - из пом.7; 7 - из пом.8.

Из помещения и двора извлечено большое количество керамического материала. Это - хумы, хумчи, кувшины, горшки, чашки, миски, котлы, кубки (рис.2. I, 2, 4, 5, 6, 10, II).

Пом. №7, раскопанное не полностью, в пределах раскопа не имеет прохода в другие помещения. Оно вскрыто к северу от двора, относится к нижнему горизонту, длина - 3,20 м, ширина - 2,88 м. Помещение сильно разрушено. Стены плохой сохранности. В забутовке собраны фрагменты керамики и крышки, изготовленные из гипса. Найден фрагмент ножки курильницы, фрагменты серого и красного ангобирования сосудов (рис.2. 3, 8).

Итак, на вскрытой площади два четко разделенных жилых комплекса, охватывавших 3-4 и более помещений с характерной планировкой. Каждый из них имел двор, относящийся к нижнему, второму жилому горизонту, когда все помещения подвергались ремонту и перестройке.

Кроме работ на раскопе № 3, была заложена новая траншея № 2, в западной части поселения, вдоль бульдозерного среза. Длина ее 21 м, ширина 2 м (внизу). Траншея заложена с целью выяснить наличие оборонительных стен и пристенных построек. Линии ярусов были перенесены с траншеи № 1 и привязаны ко всем предыдущим раскопам. Для фиксации материала траншея была разбита на двухметровые квадраты, обозначенные буквами.

Дневная поверхность начинается с уровня начала III яруса. Весь III ярус занимает дерново-почвенный слой. На уровне IV яруса какие-либо строительные остатки также не оконтуриваются. Здесь в основном встречаются фрагменты керамических изделий и камни. В кв. "Ж" IV яруса расчищен очаг круглой формы, стенки которого обожжены. Специальной глиной с примесью шмота и дресвы, толщиной 3-4 см, обмазано нижнее отверстие (продух отсутствует) диаметром 75 см, высотой 38 см. Основание очага находится у начала V яруса. Под ним расчищена пахсовая стена, относящаяся к более раннему периоду. По всей вероятности, этот очаг относится к самому верхнему (последнему) строительному периоду в жизни поселения. К этому периоду относятся две хозяйственные ямы (первая в кв. "В", которая начинается с уровня V яруса и доходит до материка, а вторая — в кв. "Д", "М", также доходящая до материка).

В V ярусе кв. "ЖЕ" оконтурена пахсовая стена, которая имеет ширину 1 м. На этом уровне прослеживаются начала зольных пятен-прослоек, которые начиная с кв. "В" проходят по всей длине траншеи и при толщине около 50 см доходят до середины VI яруса. Кроме того, в квадратах "Ж" и "К", "Л" расчищено еще два очага круглой формы. Очаг в кв. "К", "Л" сильно разрушен. Его основание находится в начале V яруса, а устье начинается одновременно с очагом, находящимся в кв. "Ж". Размеры: диаметр устья сохранившейся части 40-45 см, диаметр дна 35 см, сохранившаяся высота 12 см, толщина стен, также обмазанных глиной с примесью шмота и дресвы, 1,5-2 см. Третий очаг, видимо, относится к более раннему периоду. Его основание находится ниже начала VI яруса. Устье начинается с начала V яруса. Диаметр устья 47 см, диаметр дна 40 см, высота 30 см, толщина стен 2 см.

Толщина первой верхней зольной прослойки в У ярусе — от 20 до 50 см. Ниже зольной прослойки наблюдается плотная забивка-платформа, проходящая по всей длине на уровне середины VI яруса. На этом уровне прослеживаются контуры пахсовой стены. Ширина ее 1 м, высота 1 м. Ее основание находится на уровне VII яруса. На этом уровне, почти по всей длине — 70—80 см, прослеживается светлый зольник. Здесь в кв. "И", "К" проходит тонкая прослойка светлого натека, который разделяет толщу зольника на две части. При этом нижний зольник более плотный, с вкраплениями угольков. В начале VII яруса проходит светлоглиняная прослойка, видимо, уровень первоначального пола. Ниже, до IX яруса, находится плотная пахсовая забивка, которая лежит на материке.

В кв. "А" и "В", с начала У яруса, расчищается контур оборонительной стены. Ширина ее 2,60 м, внизу до 3 м. С внутренней части стены на уровне У и частично VI ярусов зольно-гумусное заполнение. На уровне VI яруса оконтуривается кирпичная кладка в три ряда высотой до 60 см. Сохранность кирпичей очень плохая: внизу положен один кирпич, во втором ряду три кирпича и в третьем ряду — два кирпича. Эти кирпичи, видимо, приставлены и, по всей вероятности, относятся к ремонтной стене, так как какого-либо уровня пола оконтурить не удалось. Основание стены лежит на материке. Общая высота ее 1,7 м.

Таким образом, траншея показала наличие трех горизонтов и два строительных периода. Самый верхний, третий строительный период, связан с уровнем очага в кв. "Ж" IX яруса и, возможно, в этом периоде оборонительная стена не выполняла свою функцию. Два ранних горизонта связаны с одним строительным периодом. Одновременно к этому периоду относится сооружение оборонительной стены, а ремонтная стена относится ко второму периоду первого строительного горизонта.

На данном участке собран керамический материал: с I горизонта — 89, со II — 63 фрагмента. Это хумы, хумчи, кувшины, горшки, миски, сосуды на трех ножках (рис. 3. I—IO).

Отдельных находок, найденных при раскопках поселения, было немного. Это бусы из стекла и пасты. Из железных изделий

найдене всего 6 предметов, относящихся, видимо, к рукояти и лезвию ножа. Все они сильно корродированы и не поддаются точному определению. Кроме того, найдены оселок и раковины каури.

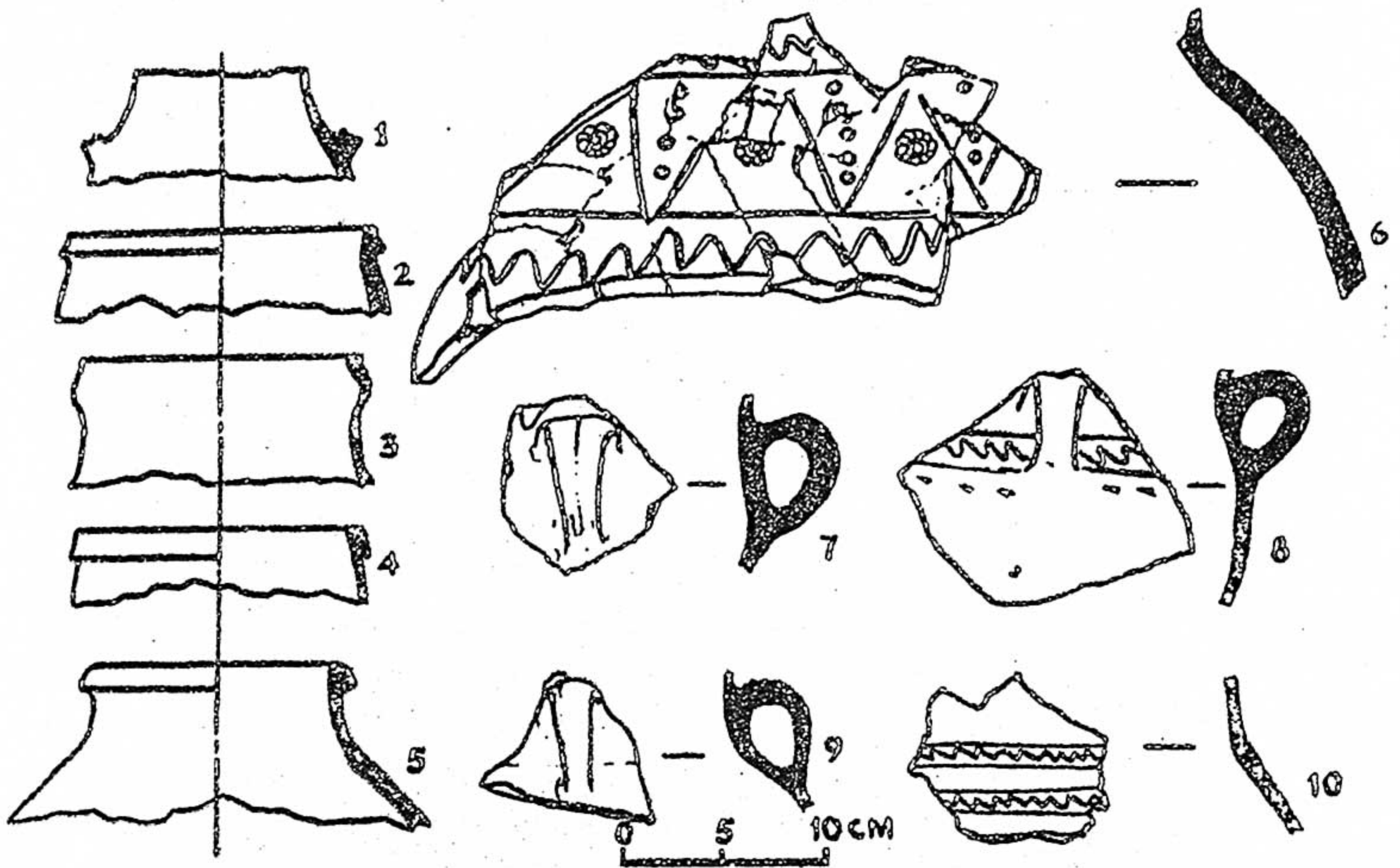

Рис. 3. Поселение Турткуль. Керамика из траншеи № 2: 1-5 - кувшины; 6 - фрагмент хума с штампованным орнаментом; 7-10 - ручки.

По керамическому материалу (сопоставляя его с керамикой Яванского городища) второй жилой горизонт можно датировать временем II-III вв. н.э.

Разведочные работы

Наряду с раскопками усадьбы Турткуль отрядом проводились разведочные работы с целью фиксации археологических памятников для составления археологической карты. В результате были выявлены новые памятники, а также дообследована окрестность Яван-

ского городища. В итоге были выявлены и описаны новые пункты: обжигательные печи, хауз и отдельные поселения усадьбы.

Печи. Во время проведения осмотра окрестностей памятника Гаравкала (Яванское городище), на вспаханном поле к северу и востоку от памятника были выявлены локальные пятна шлаков, ошлакованных фрагментов, скопление керамики. Было обращено внимание на скопление пепла. Все это позволило предположить, что в данном месте располагались обжигательные печи, действовавшие во время обживания памятника.

На одном из пятен был заложен раскоп № I. При выемке заполнения обнаружены остатки обжигательной керамической печи. Печь расположена в 60 м к северу от цитадели Гаравкала, ближе к северо-западному краю. Печь сильно разрушена — слесена подовая часть и верхняя часть топочной камеры. Сохранилась прямоугольная в плане часть топочной камеры размером 3,80х0,90 м. Длинной стороной печь ориентирована по оси восток-запад. Топочное устье размером 0,40х2 м располагалось с восточной стороны.

В заполнении топочной камеры обнаружено значительное количество керамических изделий. Всего 48 фрагментов: венчики и донца от кумов, кумчей, кувшинов, горшков, чашек, мисок, котлов, бокалов, сосудов на трех ножках и сопея. Фрагментов, покрытых серым ангобом — 22, красноангобированных — 18.

На территории городища Гаравкала, в районе погребений, был обнаружен древний водоем. Его удалось выявить благодаря проведению траншеи для укладки водопроводных труб. На срезе траншеи был обнаружен слой темного цвета илистого происхождения, толщиной 25-30 см. Сверху илистый слой более светлый. Толщина его 10-15 см. Общая толщина в середине достигает 1,60 м, местами 1,40 м. У краев (по берегам) темный слой повышается. Хауз, видимо, вырыт в лессово-щебенчатом слое селевого отложения. Хорошо видны мощные селевые наносы — крупные валуны и мелкая щебенка. Края хауза высокие. Он вытянут по линии север-юг. Длина 180 м, ширина 56 м. По середине проходит современная дорога на химзавод, которая пререзает его на две части — южную и северную. В южной части, вокруг хауза, вахук-либо холмиков не наблюдается. В северной части располо-

жены в основном курганы, обследованные в 1964 г. Концевая часть канала обеспечивающего водой хауз, видна в северо-западной части хауза. Он представляет собой узкую ложбинку шириной до 2 м, глубиной 40-60 см. Канал берет свое начало с правого берега Гулисая, против кишлака Дахана. Начало его также хорошо прослеживается. Проходит он двумя руслами, друг над другом, вдоль террасы адыра. Ширина днища нижнего русла 1,5-2 м, устья 2,60-3 м. Другое русло проходит на 1,5-2 м выше. Ширина его днища 1 м, устья 1,8 м, глубина обоих каналов доходит до 50 см. Канал проведен вдоль горного шлейфа, повторяя все его изгибы и имеет длину (на этом участке) около 400 м. Ниже эти два русла соединяются в единое, далее канал наблюдается нечетко и, видимо, доходит до хауза. Общая протяженность его 3-3,5 км.

Кроме того, было обнаружено еще 5 пунктов, где собраны россыпи керамики.

На левом берегу канала и правом берегу Гулисая находится площадка размером 170x75 м в виде небольшого тепа, вытянутого по линии север-юг. Поверхность его неровная; выделяются валы и прямоугольные впадины, видимо, остатки построек. К югу от тепа расположена ферма. На поверхности найдены обожженный кирпич размером 18,5x18,5x3,5 см, обработанный камень в виде ступы. Размеры: длина 70 см, ширина 40 см, высота 20 см. Поверхность его ровная, посередине - углубление, круглое в плане, диаметром 20 см. Здесь же собраны фрагменты керамики.

Безымянная тепа у кишлака Головной на территории колхоза им. Москвы, Калининбадского кишлачного совета, Куйбышевского района. Кала расположена на правом берегу р. Вахш, на высоких адырах, прилегающих к хребту Каратау. Высота от уровня реки 180-200 м. На данном участке адырный шлейф разветвляется на несколько узких гребней. Три из них, спускающиеся к западу от основного шлейфа, составляют единую систему подковообразной формы. Основная линия гребня вытянута по линии север-юг. Южная часть, не обрываясь у берега, поворачивает к западу, тем самым составляя одну половину подковы (южную часть). В восточной части - крутой обрыв и узкие гребни, достигающие в ширину 25-30 м, местами имеющие широкие части, где расположены прямоугольные тепа различных размеров.

Первый, самый южный холм имеет прямоугольную форму 30х40 м, высотой 5 м. Поверхность к середине понижается, по краям имеет вал, высотой до 2 м, шириной 2,5 м, вытянутый по линии север-юг.

В 120 м к северу от него расположена вторая теча подпрямоугольной формы, 13х9 м, высотой до 2 м, вытянутая по линии запад-восток. Поверхность ровная.

Третий холм, расположенный в 200 м к северу от второго, имеет также подпрямоугольную форму, размером 20х12 м, вытянут с севера на юг. На поверхности, в северной части, возвышается холмик, высотой до 0,5 м. Расстояние до основного северного холма 100 м. Поверхность повышается в южной части на 15, а в северной на 7 м.

Основной холм, условно названный цитаделью, расположен на самой высокой северной точке комплекса, возвышаясь над остальными холмами. Он имеет подпрямоугольную форму, вытянут по линии юго-запад-северо-восток. Длина 30 м, ширина 20 м. Поверхность ровная. Цитадель окружена валом шириной до 4 м, высотой до 3 м. Он хорошо виден с юга и запада. В углу имеется проход шириной в 3 м, который, видимо, являлся воротами цитадели.

На данном участке шлейф, делая крутой изгиб к западу и образуя полукруг, примыкает к южному гребню, но не соединяется с ним. Между ними остается широкая 20-метровая впадина. К середине этого круга спускается шлейф от второго холма. У третьего холма тоже имеется шлейф, но более короткий. На поверхности этих шлейфов видны следы прямоугольных и круглых впадин, которых нет только на южном шлейфе.

Весь комплекс окружен оборонительной стеной (валом). В западной части вал пересекает всю кривизну шлейфа и огибая цитадель, поворачивает к востоку. На данном участке он имеет более сложную конфигурацию. К северу от шлейфа за цитаделью расположен более короткий шлейф. Между ними образуется неглубокая седловина. За коротким шлейфом находится более глубокий обрыв. Таким образом, вал, проходя по гребню до середины второго шлейфа, поворачивает к югу и от западной части седловины поднимается к основному шлейфу, беря в систему обороны наиболее уязвимую часть городища. Поднимаясь на гребень основного шлей-

фа, стена проходит вдоль него с северной стороны до самой пониженной части. За цитаделью и оборонительной стеной горный шлейф сужается и образует 10–15-метровую полосу гребня, соединяясь с основной массой адры. С обеих сторон этого гребня находятся глубокие обрывы. Данный участок тоже окружен валом со рвом, которые проходят по северному склону впадины. Ров имеет 5-метровую ширину и глубину до 1,5 м. Проход в основном осуществлялся именно с этой стороны, так как имеющаяся впадина свидетельствует о наличии ворот. Крутые склоны шлейфа и оборонительные стены делают городище недоступным. Это свидетельствует о хорошо продуманных фортификационных сооружениях, вписывающихся в окружающую местность.

Поверхность городища почти не тронута, если не считать некоторые бульдозерные срезы, сделанные на южном шлейфе во время установления высоковольтной линии. На поверхности собрано незначительное количество керамического материала. В основном это мелкие фрагменты стенок и один фрагмент венчика кувшина. По керамике городище датируется III–VIII вв.

Б.Денисов

РАСКОПКИ В ДАНГАРИНСКОМ И КОБАДИАНСКОМ РАЙОНАХ

В Дангаринском районе продолжалось исследование могильников, расположенных на речке Ксиров, начатое в 1977 и продолженное в 1978 г.¹ Работы проводились с 7 августа по 10 сентября.²

Нумерация групп курганов ведется с севера на юг. Каждая группа состоит из 20-25 курганов, расположенных в цепочку по гряде вытянутых с севера на юг холмов. В северной и южной частях групп курганы лежат по одному в ряд, а в средней части — по 2-3 кургана. Расстояние между северной (Ксиров-I) и центральной (Ксиров-II) группами составляет 240 м, между центральной (Ксиров-II) и юго-восточной (Ксиров-III) — 750 м и между юго-восточной (Ксиров-III) и юго-западной (Ксиров-IV) — 105 м. Двумя с половиной километрами ниже по речке Ксиров нами обнаружена еще одна группа из 10 курганов — Ксиров V. И, кроме того, осмотрена группа, расположенная приблизительно в пяти километрах на запад от группы Ксиров-V, на западной окраине кишлака Эгузак, на отрогах хребта Сарсарак.

Сам факт наличия в долине речки Ксиров других одиночных групп курганов ставит под сомнение правомерность рассмотрения четырех северных групп курганов, как составляющих один могильник. Видимо, для кочевников, хоронивших здесь умерших, такая группа курганов являлась самостоятельным комплексом, т.е. меж-

1. См. наши отчеты в сб. АРТ, вып.ХУП и вып.ХУШ (за 1977 и 1978 гг.).

2. Состав отряда: Б.Денисов — начальник отряда, Г.П.Кадошников — шофер, Ю.Мотов, В.Глухов, Л.Глухова, В.Пекин и Т.Торба — маршрутные рабочие.

ду группой курганов и могильником ставился знак равенства. Подтверждением этому является и неоднородность в характере погребальных сооружений. В одном случае группы курганов представлены исключительно насыпями (Ксиров-I), в другом — только оградами (Ксиров-III) и, наконец, в третьем случае представлены оба вида погребальных сооружений (Ксиров-II и Ксиров-IV).

В 1977 г. в районе кишлака Джетырган, расположенного в юго-западной части Дангаринского района, мы осмотрели группу, состоящую из 12 курганов, и отдельные курганы встретились нам вблизи кишлака Ляур по дороге из Дангары в Сангтуда. По опросным данным, курганы, внешне подобные исследуемым нами на речке Ксиров, имеются между кишлаками Пушинг и Гаргара. По всей видимости, мы имеем право утверждать, что территория Дангаринского района, так же как и Бешкентская долина (Шаартузский район), представляет собой скопление могильников, относящихся ко времени около рубежа нашей эры, принадлежащих кочевым кушанским племенам. Это может служить указанием, что здесь располагались основные зоны обитания кочевников, являвшихся важнейшей опорой правящей верхушки Кушанского государства как в мирное время, так и в случае различных экстремальных ситуаций, таких как внутренние смуты или войны. Отметим в этой связи, что оба эти района маловодны, что вплоть до настоящего времени препятствовало развитию здесь земледелия.

-
- Рис. I. Ксиров-III (юго-восточная группа). План расположения курганов (А):
 I — курганы неисследованные; 2 — курганы, раскопанные в 1979 г.; 3 — курганы, раскопанные в 1977 и 1978 гг.
 Ксиров-III. Курган № 9. Планы и разрез (Б):
 I — лепной горшок; 2 — фр-т железного изделия; 3 — железный нож; 4 — навершие кинжала; 5, 6 — мелкие куски древесины; 7 — железный кинжал; 8 — заклепка (?) с круглой шляпкой; 9 — заклепка (?) с треугольной шляпкой; 10 — пиритовая бусина; II — фрагменты железных изделий; а — древесный тлен; б — фрагмент кожи.

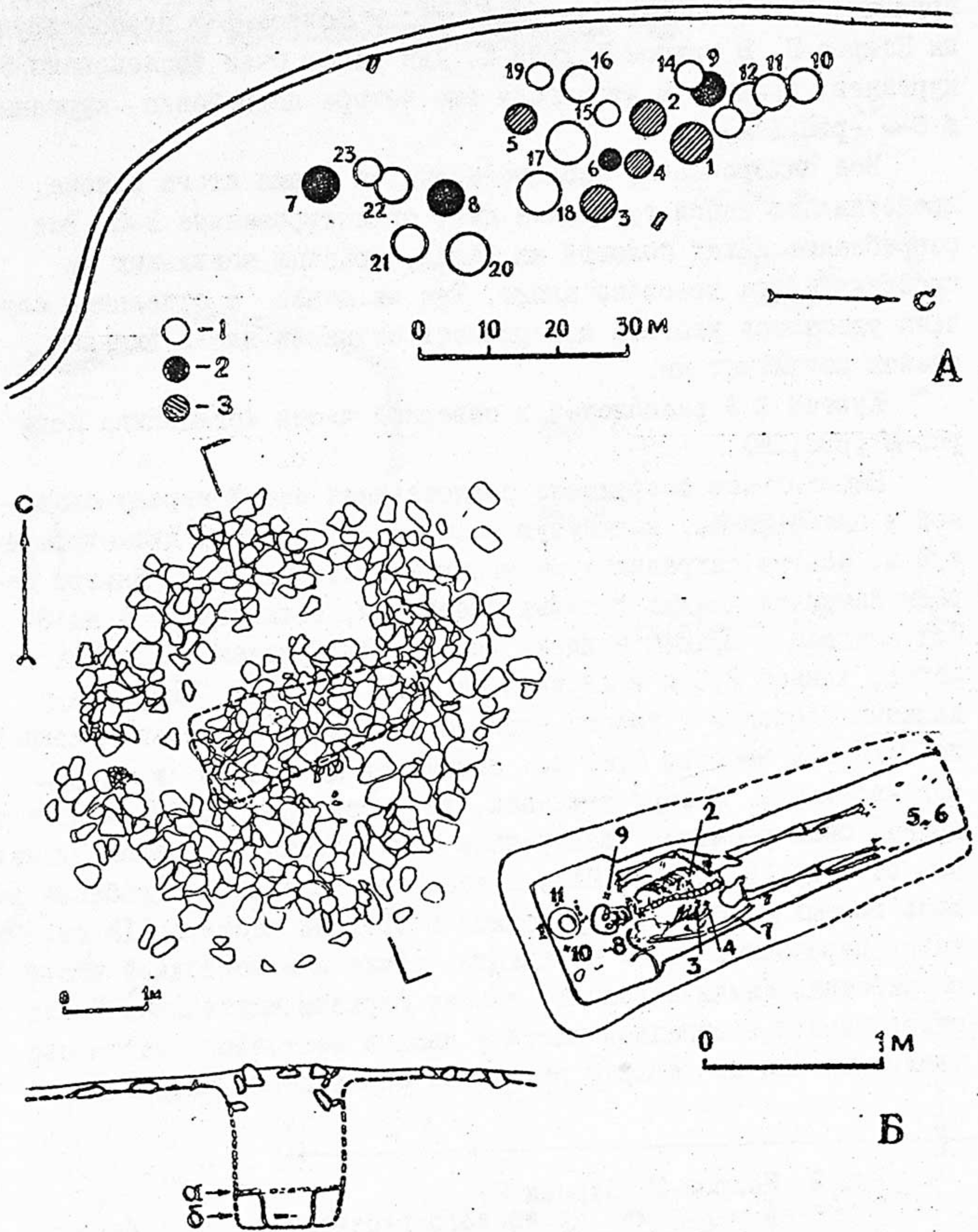

Рис. I.

В этом сезоне впервые проводились работы в северных группах. Раскопано два кургана группы Ксиров-І и курган группы Ксиров-ІІ. В группе Ксиров-ІІІ, где ранее было исследовано 5 курганов, вскрыто в этом году еще четыре погребения - курганы № 6-9 (рис. І А).

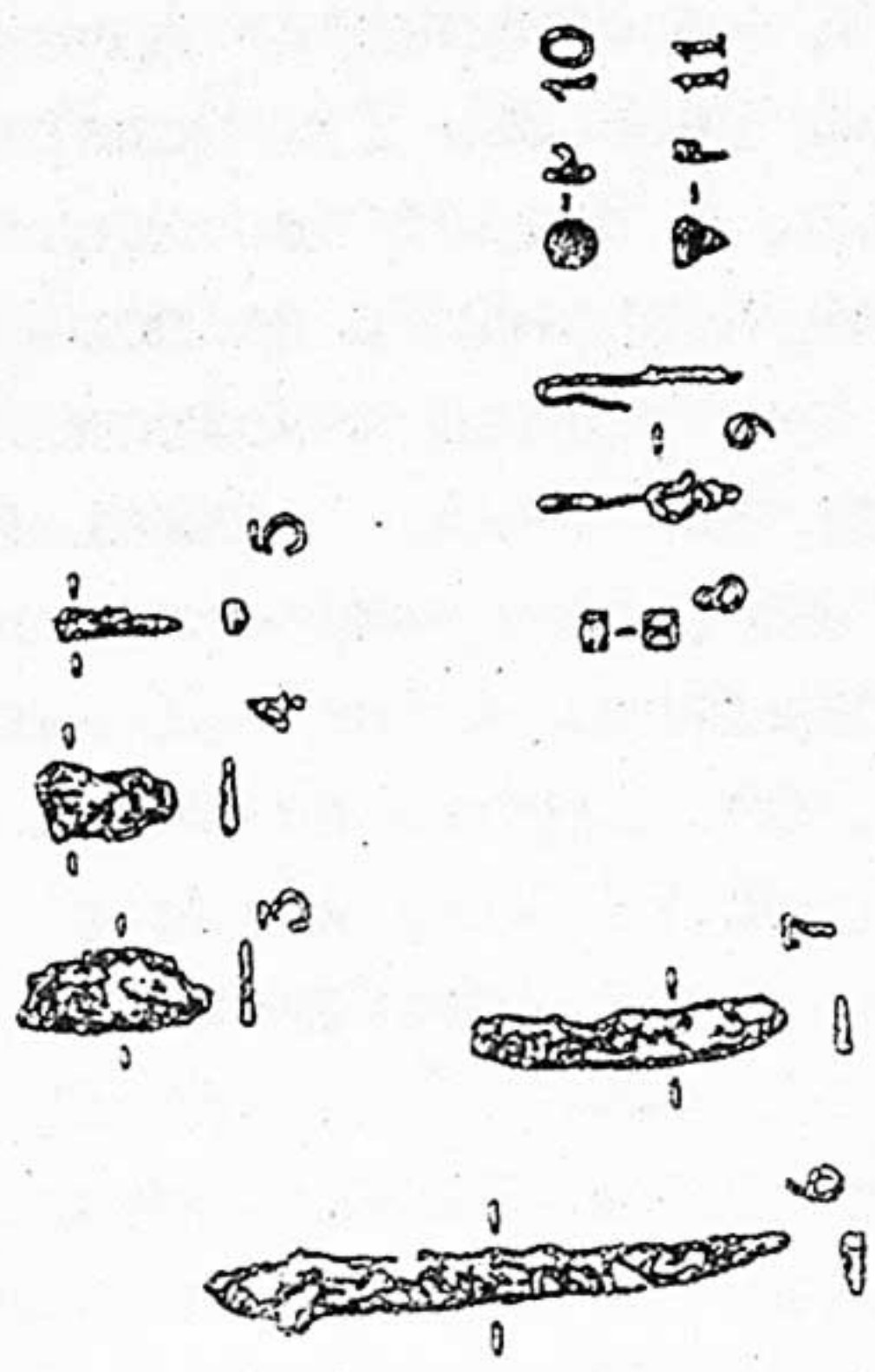
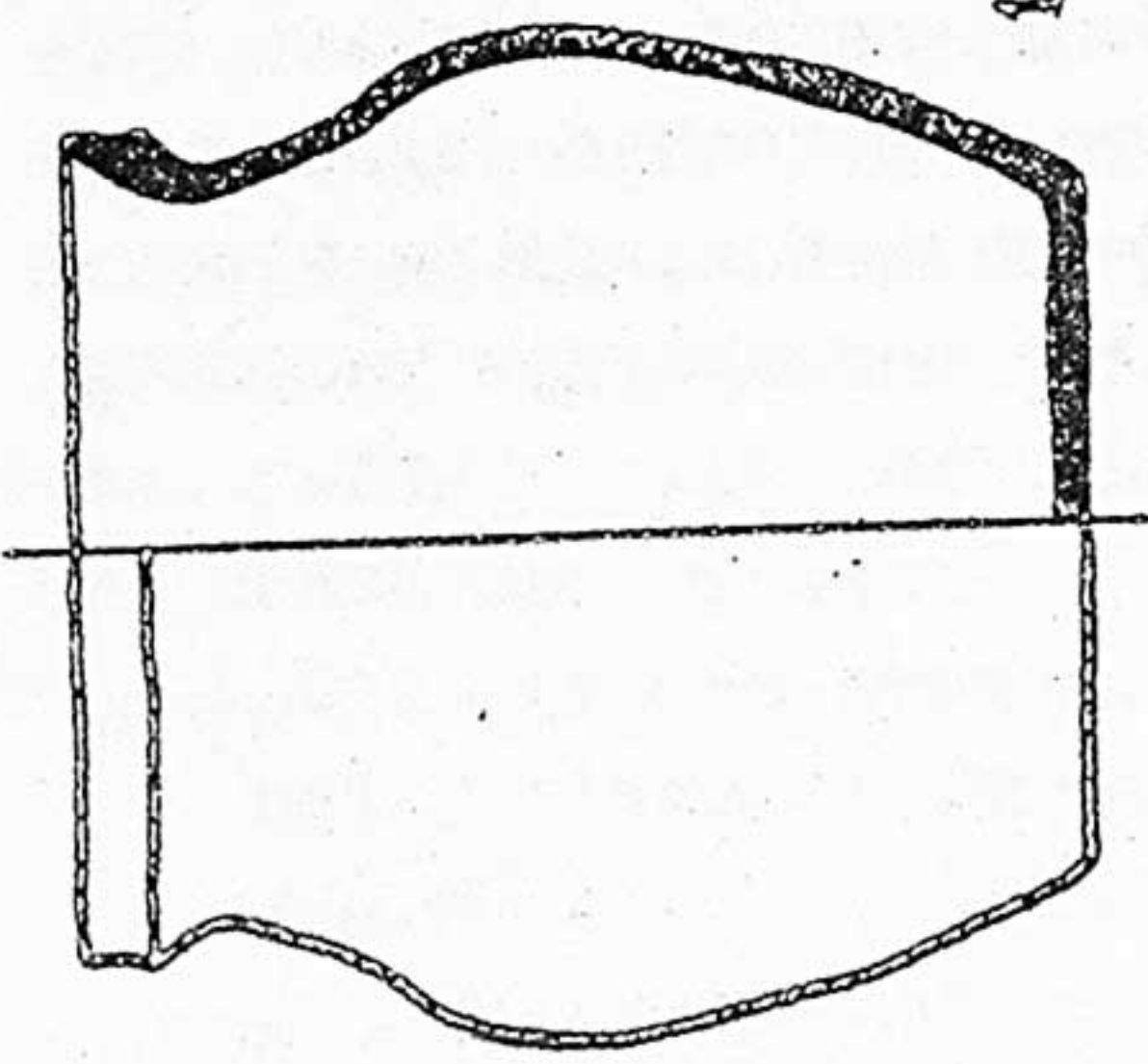
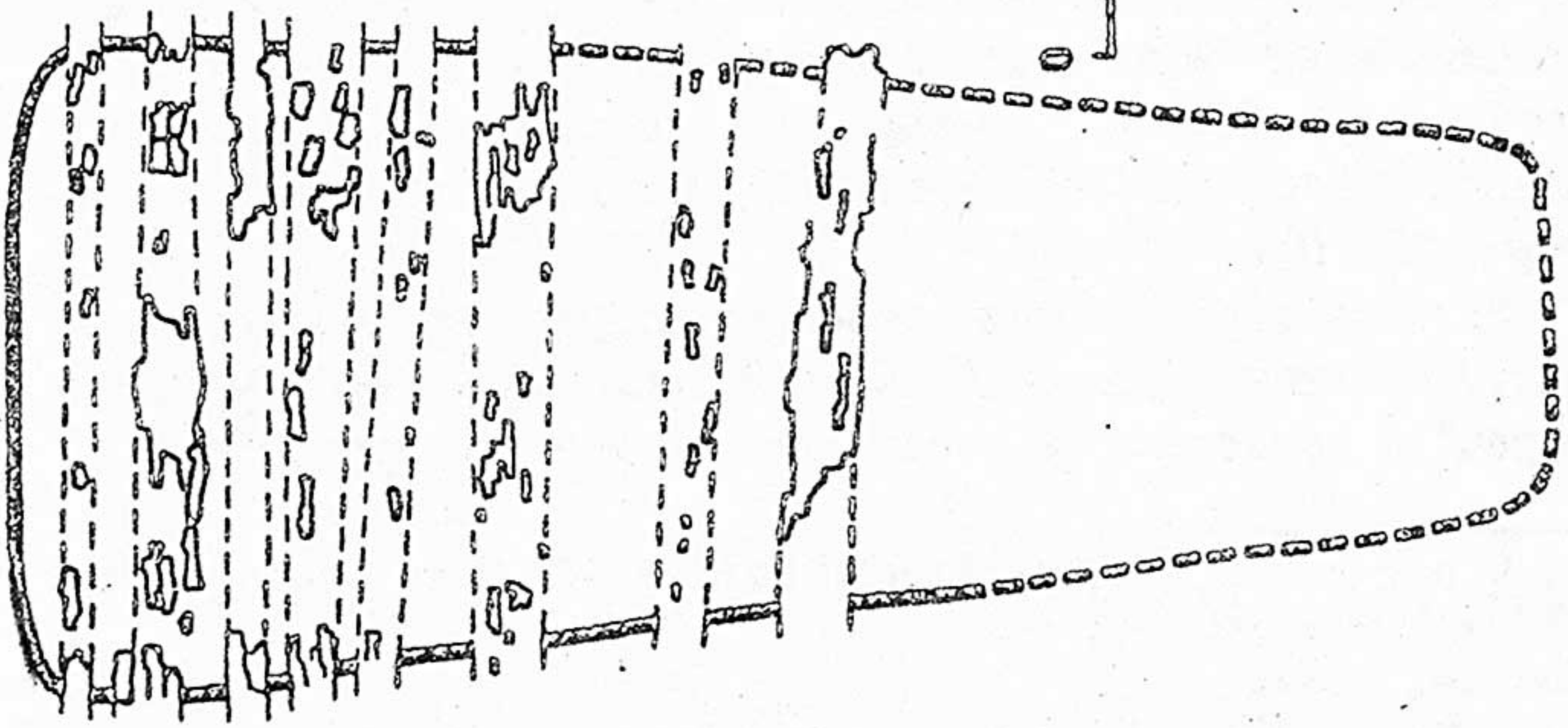
Все захоронения, исследованные за время этого сезона, представляли собой грунтовые ямы, ориентированные В-З. Все погребенные лежат головой на запад, границы могильных ям прослеживаются довольно плохо. Тем не менее в отдельных случаях удавалось уловить поверхности ступенек вдоль длинных стенок могильных ям.

Курган № 9 расположен в северной части могильника Ксиров-ІІІ (рис. ІБ).

Намогильное сооружение представляет собой ограду овальной в плане формы, вытянутую с запада на восток, диаметром 4-4,8 м. Контур сохранился на значительных участках. Внутри ограды каменная кладка неясных очертаний, вытянутая с В на З. Под кладкой - трапециевидная яма, расширяющаяся с востока на запад, длиной 2,6 м и шириной от 0,60 до 1,1 м. Вдоль двух длинных сторон и у головы вдоль стенок идут ступеньки шириной до 0,15 м и высотой 0,60 м, спускаясь до 0,40 м в средней части ямы. Поверх ступенек, на расстоянии 10-17 см друг от друга, были расчищены поперечные ряды деревянных балок диаметром от 5 до 12 см (рис. 2А). В западной половине погребения имелось восемь балок, прогибающихся в средней части до 15 см. Остатки деревянных балок попадались также и в восточной части погребения. Камни заполняют только верхнюю часть ямы. Число рядов камней в западной части - два, в восточной части оно увеличивается до четырех рядов. По определению антрополога

Рис. 2. Ксиров-ІІІ. Курган 9:

А - остатки древесного перекрытия; Б - находки:
 1 - лепной горшок; 2 - железный кинжал; 3-5 -
 фрагменты железных изделий; 6 - нож; 7 - нож,
 найденный при расчистке заклада погребения; 8 -
 пиритовая бусина; 9 - золотая сережка; 10, 11 -
 серебряные заклепки (?).

B

0 5CM

PHO. 2.

A

Т.П.Кияткиной, погребенный — мужчина. Костяк лежит на спине, в анатомическом порядке, головой на запад. Руки — вдоль туловища. Над головой, у западной стенки — лепной горшок светло-коричневой глины с округлым туловом и плоским дном без следов подсыпки, но со следами прямых полос, образованных при формовке сосуда (рис.2Б. 1). Поверхность сосуда снаружи неровная, бугристая. В нижней его части была сделана подрезка. Похоже, что затем неровности на поверхности были затерты тряпочкой. Имеются вертикальные полосы и с внутренней стороны сосуда.

У правой руки — кинжал (рис.2Б. 2) со сравнительно узким лезвием, навершие которого вместе с рукоятью найдено лежащим отдельно, в грудной клетке. Рядом — ножевидное изделие (рис.2Б. 6). Другое ножевидное изделие найдено при расчистке кладки (рис.2Б. 7), какие-то фрагменты железных изделий встречались у левой тазовой кости, у сосуда и восточнее левой стопы (рис.2Б.3-5). Ниже правой стопы имеются остатки древесного тлена, возможно, здесь лежало деревянное изделие (блюдо?).

Справа и слева от головы — сережки или заклепки (рис. 2Б 10, 11) с необычными треугольными шляпками. Они гвоздевидные, серебряные и соответствуют IY варианту первого типа по классификации серег В.Г.Петренко.³ Она отмечает, что серьги этого варианта были распространены в VI в. до н.э. и продолжали бытовать в V в. до н.э.⁴ Однако Н.В.Пятыева отмечает находку аналогичных серег, датирующихся первыми веками н.э.⁵ Была найдена пиритовая бусина, лежащая рядом с сосудом (рис.2Б. 8). При промыве земли, происходящей из западной части погребения (голова) была найдена золотая серьга (рис.2Б. 9).

Золотая сережка имеет необычную форму: две обоймочки сверху, меньшая круглой формы, диаметром 4,5 мм, и большая — "огурец" с коротким "хвостом", ниже. Причем по пропорциям

3. В. Петренко. Украшения Скифии II—III вв. до н.э. М., 1978, с.24, табл.17.

4. Там же, с.24.

5. Н.В. Пятыева. Ювелирные изделия Херсонеса. Коллекция ГИМ. М., 1956, табл. IX. Сравни. рис.13-14 на с.48.

Формы "огурца" он вместе с другими такими же должен образовывать не круг, а овал. Длина "огурца" составляет 10 мм и ширина 6 мм. Высота полосок-бортиков, составляющих границы обоймочек, 1,5 мм. Замыкание полосок, составляющих бортики, сделано там, где оно наименее заметно — у круглой обоймочки — в месте стыка с "огурцом", а у "огурца" — в заостряющейся части. С внешней стороны вокруг круга и "огурца" напаяна зернь, отсутствующая лишь в месте стыка обоймочек между собой. Пластика, на которой напаяны обоймочки, имеет размеры по зерни. С тыльной стороны к пластинке, на которой напаяны обоймочки, напаян простой замок, представляющий проволоку, заостряющуюся с обеих сторон. Эта проволока слегка расплюснута в месте припая к пластинке и образует петлю в нижней части, где к ней, видимо, крепилась подвеска. В месте, где производился припай — с тыльной стороны по пластинке — и там, где напаяна зернь, имеется красноватый налет. Возможно, его появление обусловлено химическим составом припая. Если это так, то отсутствие этого налета на пластинке, с внутренней стороны обоймочки, имеющей форму "огурца", может свидетельствовать, что зернь, кроме декоративной роли, играла и функциональную; напаявая зернь, ювелир одновременно крепил к пластинке и бортики обоймочек.

Вставка для "огурца" этой сережки, видимо, была из бирюзы, часть ее была также найдена вблизи головы погребенного.

Эта золотая серьга конструктивно подобна фибуле из погребения IV,9 Тулхарского могильника⁶ и фибуле (?) из погребения XIV,31 Бабашовского могильника⁷ и очень близкой этим двум изделиям фибуле из кургана 2 могильника БМ-УП.⁸ "Огурцы" как орнаментальный мотив в бижутерии среднеазиатских кочевых племен времени около рубежа нашей эры довольно распространены.⁹

6. А.М. М а н д е л ь ш т а м. Кочевники на пути в Индию. — Тр. ТАЗ, т.У. М.-Л., 1966, табл. LIX, 9.

7. Б г о ж е. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, с.120, табл. XI, II, I.

8. А.В. С е д о в. Раскопки курганов и поселений в Бешкентской долине. — АО 1978 г. М., 1979, илл. на с.585.

9. См. в частности там же, илл. на с.585; В.С а р и а н и д и. Золото кушанской Бактрии. — Наука и жизнь, 1979, №12, с.33-36.

Из шести обнаруженных в этом году сосудов четыре лепные. Всего в 17 погребениях, вскрытых в могильниках, на 9 гончарных сосудов приходится 6 лепных сосудов. До сих пор не вскрыто ни одного погребения с числом сосудов более одного. Но совсем не встречено в погребениях бокалов, столь характерных для инвентаря погребений Бешкентской долины. Ассортимент посуды крайне ограничен — это горшки и кувшины, в то время как в Тулхарском, например, могильнике обнаружен лишь один лепной сосуд, а преобладающими формами являются кувшины и бокалы, которые при этом составляют наиболее устойчиво повторяющиеся сочетания.¹⁰ Горшки же в Тулхарском могильнике представлены довольно редко. Вместе с двуручными кувшинами они "как бы заменяют кувшин в комплексе с бокалом".¹¹ Не было пока найдено в погребениях Ксиров также ваз и мисок.

Наиболее многочисленными видами керамики, представленными в Бабашовском могильнике, являются бокалы и миски, реже встречаются здесь горшки, кружки и кубки. Тогда как гончарная керамика бесспорно изготовлена оседлыми ремесленниками,¹² вопрос о происхождении лепной посуды в настоящее время не может быть решен однозначно. Два из обнаруженных в этом году сосудов довольно близки известным по раскопкам могильников Ферганы,¹³ напоминают круглодонные горшки Северо-Востока Средней Азии.¹⁴

10. А.М. М а н д е л ь ш т а м. Кочевники..., с.88.

11. А.М. М а н д е л ь ш т а м. Памятники кочевников..., с.111.

12. Б г о ж е. Ранние кочевники в древней истории Средней Азии. — *Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des Origines a la conquete Islamique*. Paris, 1977, p.220-221.

13. Б.А. Л и т в и н с к и й. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н.э.). (Могильники Западной Ферганы, II). М., 1973, табл.4. 4-9, 5,6.4.

14. Б.И. А г е е в а. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата, 1961, рис.5.2 на с.27;
А.Г. М а к с и м о в а. Узун-Булак и Шошкала — могильники усуньского времени. Древности Казахстана, Алма-Ата, 1975, с.157, рис.9,1,2,6; Б е ж е. Ранний железный век, III век до н.э. — VI век н.э. — Музей археологии Института истории, археологии и этнографии им.Ч.Валиханова АН КазССР. Путеводитель. Алма-Ата, 1978, илл. Керамические сосуды. Кула-Ду-рга. Восточный Казахстан — III век до н.э. между с.31 и 33.

Результаты работ этого сезона позволяют, на наш взгляд, уверенно отрицать возможность отождествления племен, хоронивших своих покойников в могильниках долины р.Ксиров, с синхронными им племенами, оставившими свои погребения в Бешкентской долине. Думается, наиболее верной остается интерпретация, согласно которой племена, избравшие зоной своих кочевий территорию современного Дангаринского района, пришли сюда из Семиречья — Северного Тянь-Шаня. В этом случае племена эти — юэчи, ибо, согласно письменным источникам, только они в эту эпоху прошли этот путь от северо-западных границ Китая и до Греко-Бактрии.

В мае 1979 г. были возобновлены раскопки городища Калаи Мир,¹⁵ впервые исследовавшегося Кафирниганским отрядом Таджикской археологической экспедиции во главе с М.М.Дьяконовым в 1950 и 1951 гг.¹⁶ Городище Калаи Мир имеет площадь 7,4 га, трехчастное деление и состоит из цитадели, внутреннего и внешнего города. В 1950 и 1951 гг. исследования проводились на территории внешнего города, в 15 м южнее восточных ворот городища. В 1979 г. работы сосредоточивались на двух участках: 1) центральный раскоп в северо-западном углу цитадели и 2) шурф в юго-восточном углу внешнего городища.

Работы в северо-западном углу городища производились раскопом площадью 55 м², имеющим Г-образную форму. Верхние строительные периоды глубиной от — 300 до — 750 см от репера представляют слой позднесредневекового времени (рис.3. I—18). Керамика из заполнения относится в основном к XIII—XIX вв. Это посуда, покрытая монохромной поливой разного цвета — бирюзового, изумрудного, голубого, черного и т.д. От этой, видимо местной, отличается керамика со сложным полихромным геометрическим и растительным орнаментом, привозная. Другой тип посуды, представленный мелкими фрагментами скорее всего попал сюда с глиной для строительства, взятой где-то вне цитадели —

15. В работах участвовали Б.Денисов, С.Морозов и школьники пос. Кобадиян.

16. М.М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.). — Тр. ТАЗ, т.П. М.—Л., 1953, с.259—260, 272—275 и 279—293.
Н.Н. Забелина. Раскопки на городище Калаи Мир. Там же, с.294—301.

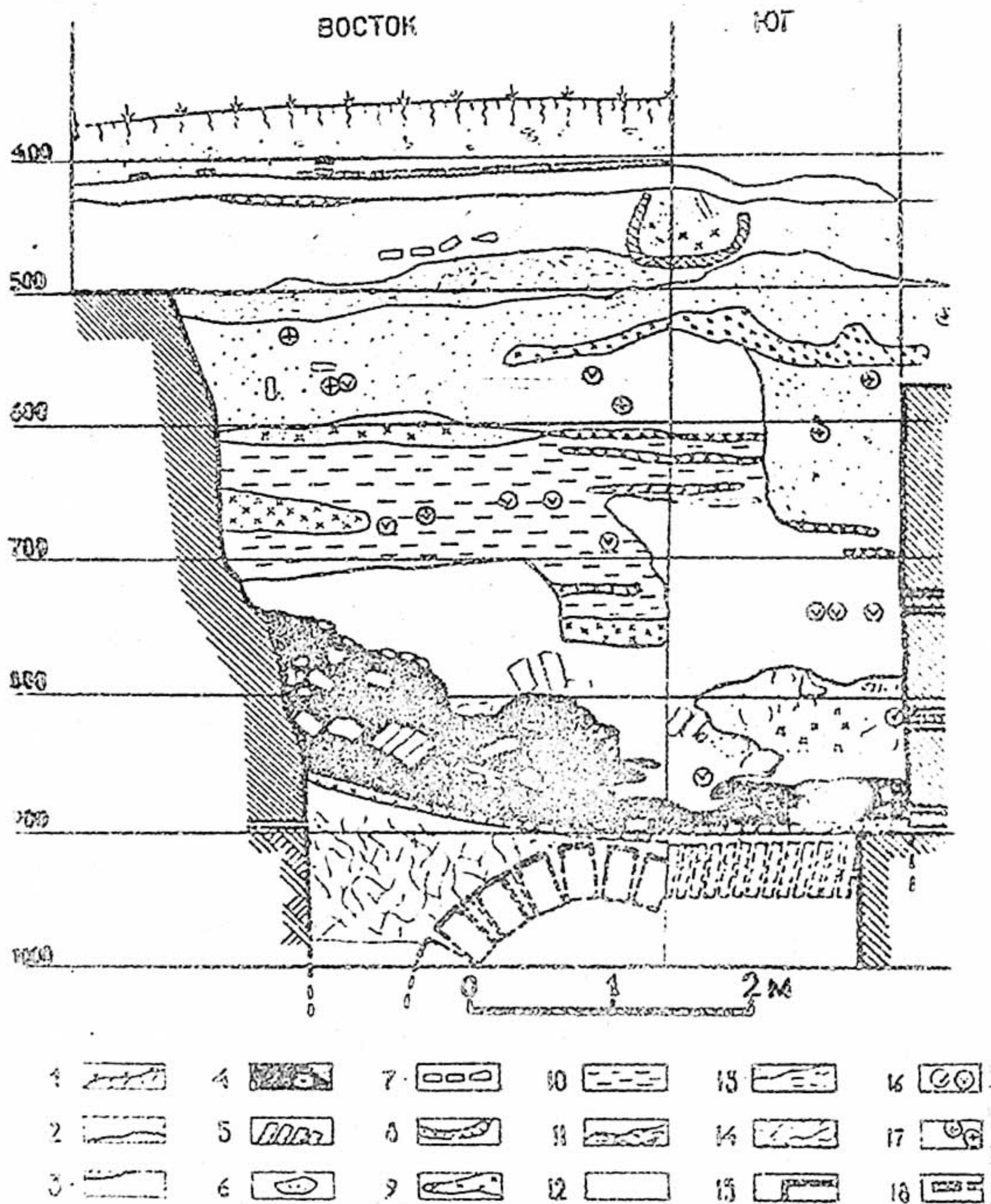

Рис. 3. Калаи Мир. Раскоп на цитадели. Разрез.
 1 — дерн; 2 — плотный светлый слой; 3 — плотный, более темный слой аморфной структуры; 4 — рыхлый слой темного цвета с включениями угля и золы; 5 — сырцовые кирпичи в кладке; 6 — камень; 7 — сырцовые кирпичи в завале; 8 — зольник; 9 — рыхлые слои с большим содержанием золы и древесного угля; 10 — рыхлый светлый слой (наиболее нижний позднесредневековый слой); 11 — куски битой пахсы; 12 — рыхлый золистый слой с плотным участком в правой части; 13 — различные строительные остатки; 14 — чрезвычайно плотная пахсовая заливка; 15 — пахсовая стена помещения; 16 — фрагменты керамики; 17 — угольки; 18 — жженые кирпичи.

это керамика с линейным орнаментом, выполненным синей или голубой, реже лиловой краской по белому фону. Керамика эта, видимо, более ранняя и, судя по описанию, именно ее М.М.Дьяконов датирует ХУ в. Сравнение этих фрагментов керамики из цитадели с материалами из такого хорошо стратифицированного памятника, как Ходжентская цитадель (раскопки Т.Беляевой), позволяет допустить возможность более поздней датировки — ХУІ в. Помимо названных типов посуды уже с первых штыков стали попадаться фрагменты характерной красноангобириванной кушанской керамики, часто довольно крупные. Так, один из фрагментов имел размеры 7х9 см.

На глубине 750 см от репера в западной части шурфа была обнаружена стена, сузившая участок, на котором мы могли продолжать углубляться дальше, до 350х150 см. Вскоре была найдена и северная стена помещения и, таким образом, размеры участка, на котором работы могли быть продолжены дальше, сузился до 270х150 см. До глубины 810 еще попадались ямы с позднесредневековой керамикой, однако ниже этой отметки она уже перестала встречаться. В заполнении помещения на глубине 750–800 было встречено несколько фрагментов типичной кушанской керамики, но керамика, найденная на поверхности пола помещения, бесспорно, раннесредневековая и может быть датирована УІ в. Среди керамического материала представлены характерные тонкостенные миски с перегибом в верхней части, у венчика,¹⁷ части небольших тонкостенных кружек¹⁸; фрагменты крышек, нижние части кувшинов, венчик котла, хумов и др. Уровень пола этого жилого горизонта неровный и падает от 860 до 900 см. На поверхности пола слой сгнившего зерна мощностью 4–5 см. Попалось также

17. И.Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (УІ–УІІ вв.). — Тр. ТАЗ, т.ІУ. М.-Л., 1964, с.279, рис.17. 4,6,7; Л.И. Алъбаум. Балалыктепе. Ташкент, 1960, с.89, рис.60.3,5; В.С. Соловьев. Керамика Кафьркалы (раскопки 1969–1970 гг.). — АРТ, вып.Х. М., 1973, с.298, табл.40, 10–12; С.К. Кабанов. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (ІІІ–УІІ вв.). Ташкент, 1977. Нашим мискам особенно близки миски из Кафьркалы.

18. И.Б. Бентович. Ук. соч., с.280, рис.21. 7,8 и 19.

несколько стенок и венчиков хумов с остатками на них сторевшего зерна. На глубине 790–820 встречались куски древесного угля диаметром 3–8 см, круглые в сечении, сильно обгорел участок посередине западной стены.

Раскопанный участок представляет собой северо-западную часть помещения. Ширина помещения с севера на юг составляет около 3,5 м, поскольку в последние дни работы нам удалось поймать в верхней части поверхность южной стены помещения. Западная и северная стена сложены комбинированной кладкой — сочетание пахсовых блоков и горизонтальных рядов кирпичей, положенных в один ряд. Стены сохранились в высоту на 2–2,2 м и всего представлено два целых и начало третьего горизонтальных слоев пахсы и три горизонтальных ряда кирпичной кладки. Кирпичи этих горизонтальных слоев имеют размеры 47,5–52х14,5–15х? см. Вертикальные швы, которые бы делили пахсу на блоки, отсутствуют. В верхней части южной стены расчищен участок кладки вперевязь сырцовым кирпичом размерами 24,5(25,5)х39,5(41,5)х11(12,5) см. Толщина стены составляет 1,5 м, ее сохранность резко ухудшается в восточной части.

Северная стена сохранилась в высоту до отметки 440 см, однако ее первоначальная поверхность сохранена лишь на глубине 850 см и ниже. Сразу под поверхностью пола, пойманного на глубине 860 см до 900 см от репера была выявлена кладка сырцовых кирпичей свода. Это сводчатое помещение, представляющее собой хронологически наиболее ранний строительный период (рис. 4А), достигнутый на раскопе, упирается с западной сторо-

Рис. 4. Калаи Мир. Свод помещения в раскопе на цитадели (А). Шурф в юго-западной части городища. Разрез (Б):

1 — дерновый слой; 2 — лом сырцовых кирпичей; 3 — рыхлый слой; 4 — плотный слой; 5 — лом обожженных кирпичей; 6 — органические остатки; 7 — зольник; 8 — кости животных; 9 — поверхность пола; 10 — натечный слой; 11 — мягкий глинистый слой; 12 — плотный участок ниже поверхности пола № 3; 13 — лом современных (XIX в.) кирпичей; 14 — фрагменты керамики; 15 — уровень выступления грунтовых вод.

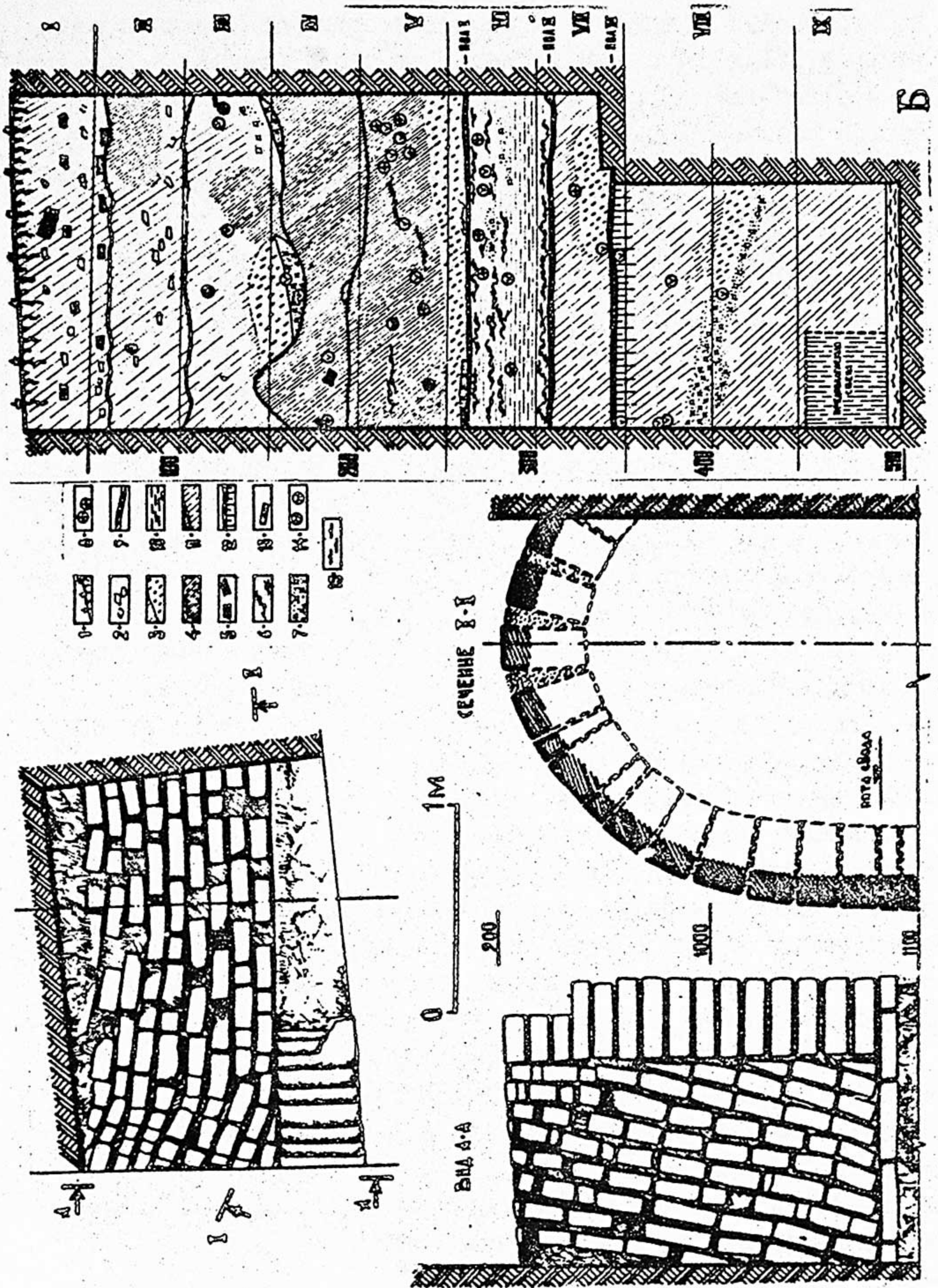

Рис. 4.

ны в сырцовую стенку из сложенных в один ряд кирпичей размерами 24,5x11x48 см. Как на север от свода, так и на запад от этой стены идет сплошная заливка пахсой, среди которой встречаются редкие фрагменты керамики кушанского времени — стенки красноангобированных бокалов, фрагмент светлоглиняного светильника, фрагменты стенок толстостенных сосудов и ручка небольшого кувшина, покрытая коричневым ангобом. Размеры кирпичей свода 26(27)x8,5(9,5)x? см. Если кирпичи эти прямоугольные, что вероятнее всего, то длина необмеренной стороны должна быть около 50–52 см. Как известно, кладка поперечными отрезками, примером которой является данный свод, является основным и общепринятым методом возведения сводов для архитектуры VI–VIII вв., хотя своды, выложенные отрезками, известны и гораздо раньше, начиная с III–II вв. до н.э.¹⁹ Ряды — отрезки образуют с вертикалью угол около 15°, что несколько меньше нормы, отмеченной В.А. Нильсеном, — 18–26°.²⁰ Уменьшение этого угла уменьшает горизонтальную силу распора, воспринимаемую щипцовой стеной. Тот факт, что западная стена помещения не перпендикулярна северной стене нижнего сводчатого помещения, служит указанием, что эти две постройки относятся к хронологически разным периодам, т.е. не могут представлять собой два этажа единовременно функционирующего комплекса.

Стена, на которую опирался свод с запада, лишь едва нами достигнута. Сырцовые кирпичи стены на 2–3 см выступают севернее линии основания свода. Один из кирпичей этой стены имеет длину 38 см. Высота свода от пяты составляет у щипцовой стены 1,80 м, но уже метром восточнее падает до 1,74 м. Ширина сводчатого помещения снаружи составляет около 2,6 м.

Помимо цитадели работы проводились также на территории нижнего горсда, где в саду, неподалеку от больницы, мы обнаружили в подьеме, наряду с многочисленной кушанской керамикой, фрагмент терракоты в виде лошадиной головы. Фрагмент этот безусловно принадлежал фигурке всадника, популярной в Средней Азии в начале нашей эры.

19. В.А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V–VIII вв.). Ташкент, 1966, с. 244.

20. Там же, с. 248.

На расстоянии 156 м до шурфа на юго-восток (азимут — 210°) от юго-восточного угла верхнего города был заложен шурф размерами 3x2 м, вытянутый с севера на юг. Целью работ являлось выяснение стратиграфии в этой части городища. Работы были закончены на глубине 5,10 м, ввиду того что на глубине 5,0 м от дневной поверхности вышел уровень грунтовых вод.

Во время работ было выделено девять слоев (рис. 4Б), из которых верхние пять — смешанные, где наряду с современной и позднесредневековой керамикой в большом количестве встречалась и керамика кушанского времени. Шестой слой (глубина 270–310 см от дневной поверхности) — кушанского времени. На глубине 310–510 см от дневной поверхности располагаются УП–IX слои, относящиеся к юэчжийскому времени. В восьмом и девятом слоях в виде единичных экземпляров встречаются фрагменты керамики с характерным для биконических сосудов периода Кобадиван–I перегибом стенки. Участки пахсовых стен были пойманы на глубине от 3,25 до 2,10 м от дневной поверхности, скорее всего также пахсовой стене принадлежал участок плотной структуры, выявленный на глубине 4,6–5 м от дневной поверхности.

М.М. Дьяконов, завершая изложение материалов раскопок на городище Калаи Мир, пишет: "под бекской усадьбой XIX в. лежит очень древнее поселение. Древнейшие слои его относятся... к УП–У вв. до н.э., наибольшей интенсивности жизнь поселения достигает во II–I вв. до н.э. и замирает в кушанское время. После этого поселение долгое время (века!) было заброшено..."²¹ Как мы видим, результаты работ 1979 г. позволяют внести некоторые коррективы. Так, мощность слоев кушанского и юэчжийского времени в шурфе, заложенном на территории внешнего городища, видимо, заставляет нас считать вывод о замирании жизни в кушанское время (в I–II вв. н.э., согласно Н.Н. Забелиной²²) несколько преждевременным, так же как и экстраполяция М.М. Дьяконовым результатов, полученных при раскопках на одном ограни-

21. М.М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана..., с. 275.

22. Н.Н. Забелина. Раскопки на городище Калаи Мир, с. 301.

ченном участке городища для выработки картины последовательности жизни на городище Калаи Мир в целом.

В этом свете важным результатом работ 1979 г. является обнаружение двух строительных периодов, которые должны датироваться УІ—УІІ вв. н.э. Думается, что не будет рискованным предположить, что именно на территории городища Калаи Мир и располагалась столица раннесредневекового Кобадиана²³. Тот факт, что как в юго-восточной, так и в юго-западной частях внешнего города слои раннесредневекового времени не были представлены, заставляет нас предположительно ограничить территорию раннесредневековой столицы области границами внутреннего города.

Несмотря на то что при работах на шурфе в юго-западной части внешнего городища Калаи Мир ахеменидские слои и тем более материк не был достигнут, обнаружение в нижних слоях шурфа фрагментов керамики ахеменидского времени, видимо, должно свидетельствовать, что поселение ахеменидского времени занимало значительную площадь, однако вряд ли в настоящее время мы правомочны сопоставлять его границы с границами всего городища.

Среди важнейших задач при дальнейшем изучении городища Калаи Мир следует назвать продолжение работ на цитадели и шурфовку территории внутреннего городища. Последние работы, видимо, желательно проводить в средней части внутреннего городища, где имеется глубокая выемка, образованная при попытках планировки городища и где, думается, сняты верхние позднесредневековые слои, представляющие наименьший интерес. Другой задачей является уточнение датировки для всех этапов жизни на городище. Так, в частности, датировка наиболее раннего этапа жизни на городище УІ—ІУ или даже УІ—ІУ вв. до н.э. кажется излишне широкой. Тот факт, что в раскопанном экспедицией М.М.Дьяконова жилым доме ахеменидского времени в помеще-

23. Цит. по кн.: Б.Г.Гафуров. Таджики. М., 1972, с.227.

щении II, продолжавшем существовать и позже, когда помещения I, III и IV были уже покинуты, наряду с "баночной" керамикой имелась и керамика тонкостенная, дающая переходные формы к керамике III-II вв. до н.э.²⁴ позволяет предполагать, что все это здание относилось к концу ахеменидского времени.

24. М.М. Дьяконов. Ук. соч., с.275.

А.В.Седов, А.П.Керзум

РАБОТЫ В БЕШКЕНТСКОЙ ДОЛИНЕ В 1979 г.

Как и в предыдущие сезоны, Шаартузский археологический отряд ЮТАЭ (начальник экспедиции — член-корреспондент АН Таджикской ССР Б.А.Литвинский) продолжал исследование объектов, попадающих в зону широкого мелиоративного освоения Бешкентской долины.¹ Основные усилия отряда помимо традиционного исследования курганных могильников² были направлены на изучение иной группы памятников — оседлоземледельческих поселений.

1. Стратиграфический шурф на поселении Актепе I. Расположенное, примерно в 1 км от подножия хр.Туюнтау, в 6 км к ЗСЗ от источника Чилучорчалма, поселение занимало, видимо, выровненный и утрамбованный естественный холм. Верхняя площадка в плане подквадратной формы размерами 40х40 м приподнята над окружающей поверхностью на 6 м в западной части, на 5 м — в восточной. Судя по рельефу, центром поселения являлся обширный двор, окруженный по периметру системой помещений. Оборонительные стены отсутствуют (что подтверждено и раскопками), на восточном склоне холма — обширная впадина (видимо, место подъема на поселение).³

1. Состав отряда: А.В.Седов — начальник; Е.П.Денисов, А.П.Керзум, С.В.Морозов, Д.М.Субханкулова, Ш.М.Шукуров — археологи; А.Урманова — архитектор; П.Окуев, С.Сулига — шоферы. В качестве рабочих в отряде работали студенты исторического факультета ТГУ им. В.И.Ленина. В составе отряда, кроме того, работала группа по изучению памятников каменного века под руководством мл. научного сотрудника А.Г.Амосовой (см. соответствующий отчет). Время работ — сентябрь-ноябрь.

2. См. отчеты за предыдущие годы.

3. Топографический план поселения см.: А.М.Маядельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, № 136. М.-Л., 1966, рис.53.

Раскоп, заложенный в 1978 г. в ЮВ углу верхней площадки, вскрыл большое Т-образное помещение размерами 5,2х2,5х2,7 м, с широкой (0,85-0,9 м) суфой вдоль стен.⁴ Стратиграфический шурф в южной части помещения (2,7х4,4 м) выявил четыре последовательных строительных периода (общая глубина - 3,5 м).

Первый период (VI-УП ярусы). В пределы шурфа попала часть помещения, ограниченная с севера и запада пахсовой стеной, поставленной на выровненную и утрамбованную поверхность естественного холма. Первоначальный пол (пол № 1), хорошо промазанный, дающий со стеной выкружку, перекрыт зольником и слоем рыхлого лесса с керамикой и угольками. В этом слое (толщиной 15-20 см) найдено большое количество крупных сырцовых грузил. В северо-восточном углу шурфа, у пахсовой стены, они лежали небольшим компактным скоплением. Поверх слоя фиксируется пол № 2, также образующий выкружку со стеной. Слой над этим полом, толщиной 20-25 см состоит из рыхлого лесса с керамикой, костями животных и некоторым количеством сырцовых грузил. Отсюда же происходит железный перстень с плоским щитком. Данный слой перекрыт горизонтальным уровнем (пол № 3), обожженным и хорошо утоптаным. С этого пола была впущена аморфная яма, расчищенная в ЮВ углу шурфа, в дне которой обнаружен врытый в материковый слой хум, закрытый каменной плитой. Рыхлое лессовидное заполнение ямы, как и все пространство помещения, вскрытое в шурфе, перекрывал мощный зольник (толщиной 25-30 см), обильно насыщенный костями животных и фрагментами керамики. Поверх зольника фиксируется слой рыхлого лесса (толщиной 15-20 см) с фрагментами керамики и единичными сырцовыми грузилами.

Второй период (У ярус). Отделен от предыдущего горизонтальной поверхностью (пол № 4), на которой была возведена пахсовая стена с примкнутой к ней кирпичной суфой (формат кирпича: 40х40х10-12 см), расчищенная в ЮВ углу шурфа. Се-

4. См.: А.В. С е д о в. Разведки в Бешкентской долине. - АРТ, вып.ХУП (1977 г.). Душанбе: Дониш, 1982; А.В. С е д о в, А.П. К е р з у м. Работы Шаартузского археологического отряда КТЭЭ в 1978 г. - АРТ, вып.ХУШ (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1983 г.

верная стена, видимо, продолжала функционировать. Над первоначальным полом помещения второго периода — два последующих (полы 5 и 6). Заполнение между ними — рыхлый лесс с мелкими обломками строительных материалов и фрагментами керамики. В конце периода небольшая яма (расчищена в СВ углу шурфа) частично нарушила стену второго периода. Более обширная яма, доходящая до материкового слоя, нарушила западную стену первого периода (прослежена в западном обрезе шурфа).

Т р е т и й п е р и о д (IY ярус). В этом периоде была произведена значительная перестройка помещения. Стены были срезаны на один уровень и использованы в качестве фундамента для новых стен, уже кирпичных (один из участков восточной стены — пахсовый). Кирпич сырцовый, форматом 35х35х10–12 см. Пол нового помещения (пол № 7) местами укреплен выкладкой из сырцового кирпича и небольшими каменными плитками (поверх рыхлого заполнения ям). В коллекции керамики выделяется красноглиняная курительница с сильно стилизованными протомами животных на дисковидном основании.

Ч е т в е р т ы й п е р и о д (I-нач. IY яруса). Соответствует помещению, вскрытому по всей площади раскопа. Помещение предыдущего периода просуществовало, видимо, недолго. Южная и западная стены были опять срезаны и обновлены новой кирпичной кладкой (формат кирпича: 35х35х10–12 см). Восточная стена продолжала функционировать без ремонта. Данному периоду соответствует пол № 8. Через какой-то промежуток времени был произведен новый ремонт: уровень пола был поднят (пол № 9), вдоль всех стен помещения пристроили кирпичную суфу.

На основании анализа керамических комплексов, полученных во всех четырех периодах, можно сделать предварительные заключения о времени функционирования поселения. Керамика из двух нижних периодов находит прямые аналогии в керамических комплексах Тулхарского⁵ и других курганных могильников Беш-

5. А.М. М а н д е л ь ш т а м. Кочевники..., табл. III-XXXIII.

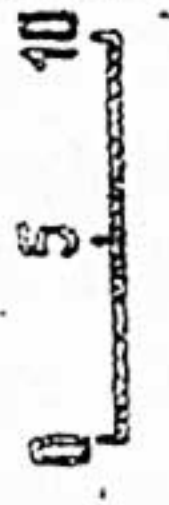
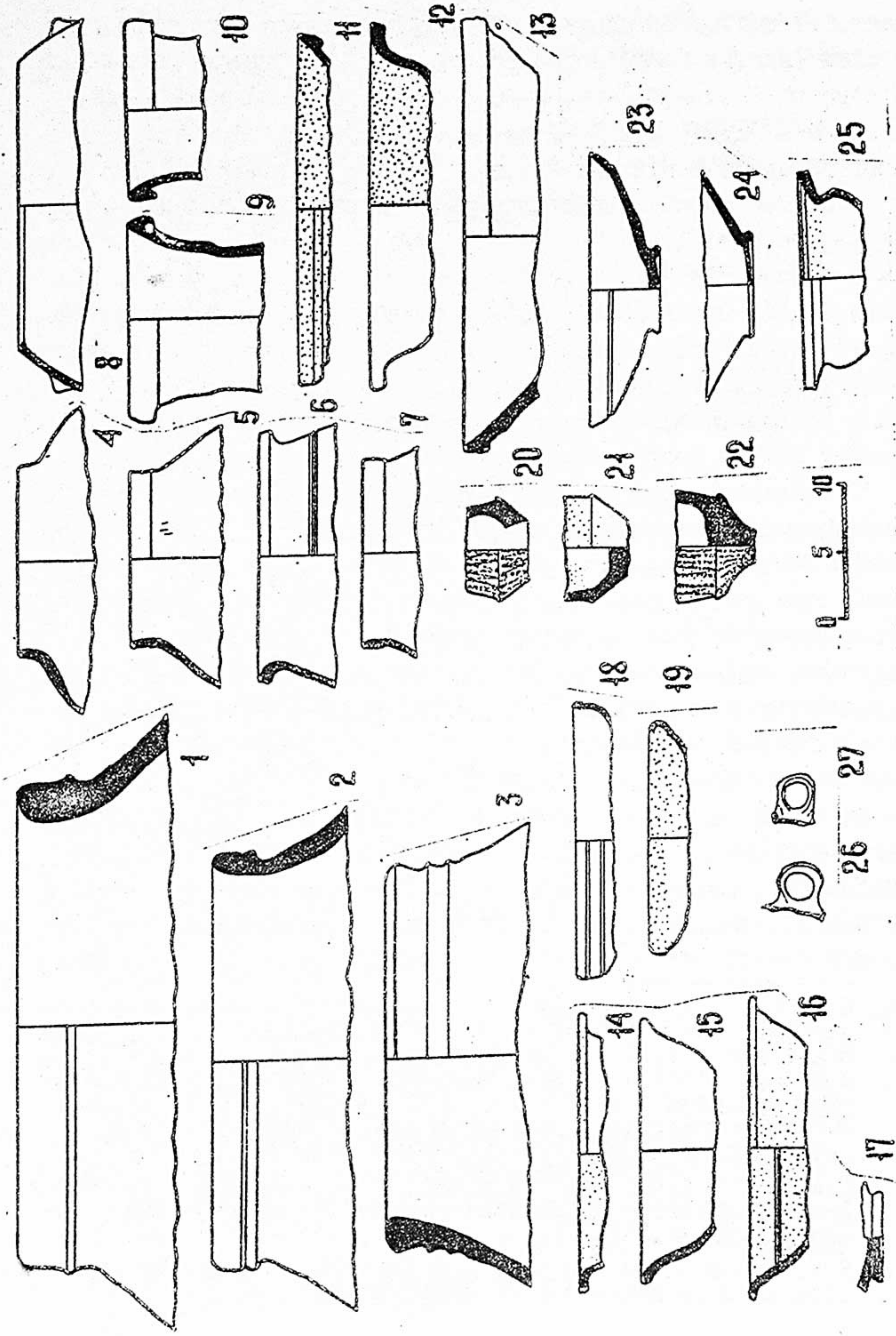

Рис. 1. Керамика бешкентских поселений: 1-22 — поселение Актеле I, II-IV перигды; 23-27 — поселение Безыманное.

кентской долины⁶. Комплексы керамики третьего и четвертого периодов (рис. I. I-22) соответствуют керамике других поселений и городищ Северной Бактрии-Тохаристана, датированных кушанскими монетами (слой ДТ-Ш на Дальверзинтепе,⁷ комплекс керамики городища Тепаишах⁸ и т.д.).

II. Второй крупный объект работ отряда - поселение Безымянное, среднее из трех, находящихся в средней части Бешкентской долины. Поселение расположено в 3 км к северу от могильника БМ-IV, примерно в I-I,5 км от подножия хр. Туюнтау. Оно представляет собой высокий холм прямоугольных в плане очертаний, сторонами строго ориентированный по странам света. С севера к поселению примыкает естественное подковообразное всхолмление, как бы составляющее с ним одно целое.

Небольшой шурф (3x6 м) в северо-восточном углу этого подковообразного всхолмления вскрыл следующую конструкцию. Склоны холма были утрамбованы и укреплены слоем битой глины, а гребень скрыт под утрамбованную площадку, около 4 м ширины. На этой площадке была возведена стена из сырцовых кирпичей. К сожалению, плохая сохранность не позволила выявить конструкцию: фрагментарно сохранился лишь нижний ряд кирпичей (формат 56-58x25-26x7-8 см). Внутренний склон подковообразного всхолмления плавно понижается к подножию основного холма, занятого поселением. При его вскрытии в пределах шурфа, сразу под дерном, в очень рыхлом надувном слое собрано довольно большое количество фрагментов керамики, попадались кости животных, угольки, зольные линзы. По некоторым характерным формам столовой посуды (рис. I. 23-27), а также учитывая размеры сырца,

6. А.М. М а н д е л ь ш т а м. Памятники кочевников кушанского времени Северной Бактрии. Л., 1975, табл. III-XIII; Б.А. Л и т в и н с к и й, Т.И. З е й м а л ь, И.Н. М е д в е д с к а я. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. - АРТ, вып. XIII (1973 г.), рис. 7; И.Н. М е д в е д с к а я. Раскопки в Шаартузе в 1974 г. - АРТ, вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979, рис. 4.

7. Г.А. П у г а ч е н к о в а, Э.В. Р т в е л а д з е и др. Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 150-155.

8. Б.А. Л и т в и н с к и й, А.В. С е д о в. Тепаишах (культура и связи кушанской Бактрии). М., 1983.

можно предположительно датировать время сооружения стены и соответственно обживания подковообразного всхолмления ранним средневековьем.

Этим временем может датироваться, видимо, и собственно поселение: на поверхности холма были подняты две медные "тохаристанские" анэпиграфные монеты с круглым отверстием.

Ш. Продолжались раскопки могильника БМ-УП (рис.2), открытого и частично исследованного в 1978 г.⁹ В отчетном сезо-

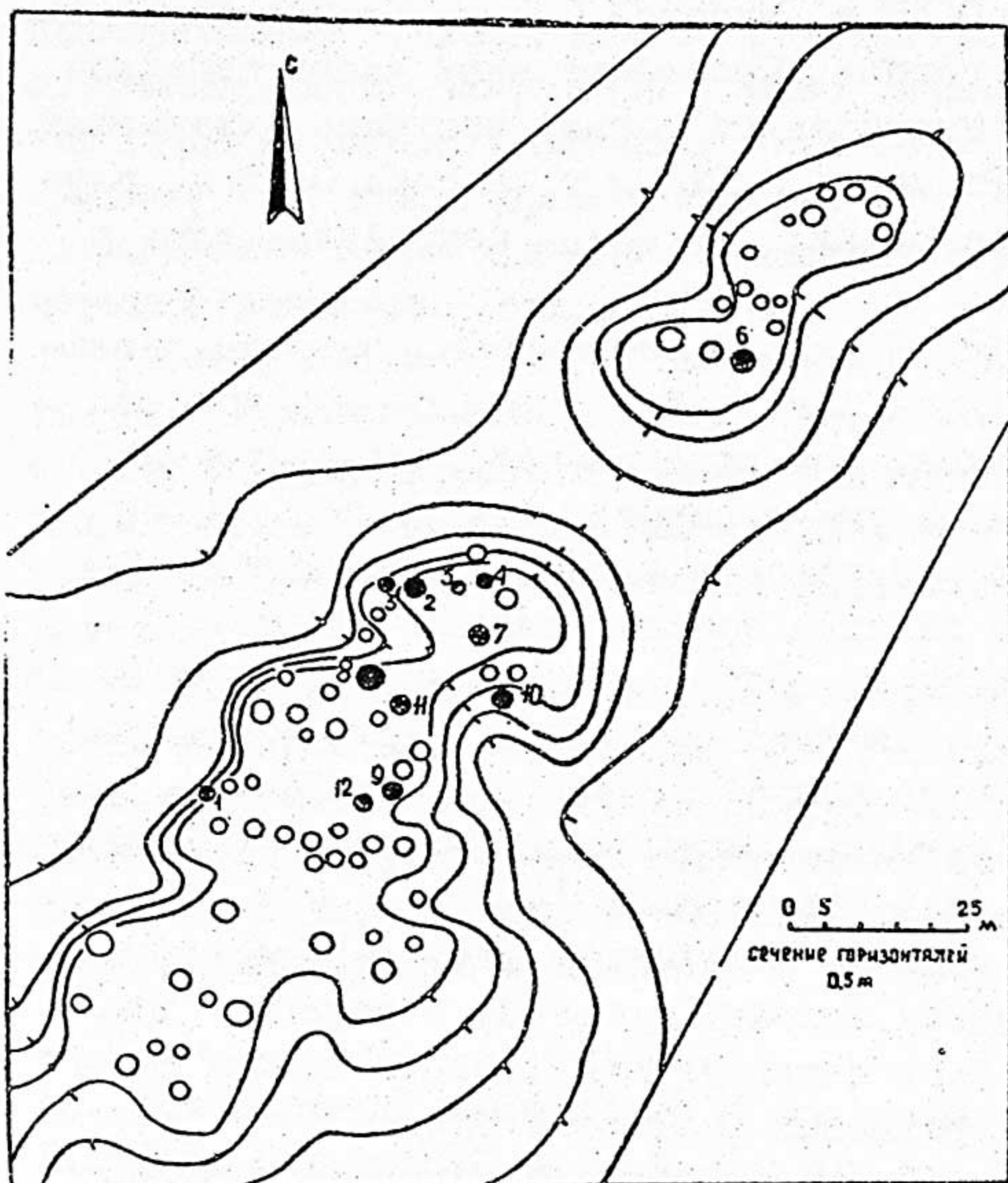

Рис.2. Могильник БМ-УП. Топографический план.

не было раскопано девять могильных сооружений. К сожалению, из-за почти полного ограбления могильника, полученный вещест-

9. См.: А.В. С е д о в, А.П. К е р з у м. Работы Шаартузского археологического отряда КТАЭ в 1978 году. АРТ, вып.ХУШ (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1984.

венный материал крайне незначителен. Ниже приводится описание одного из неограбленных захоронений.

К о л ь ц о 8. Расположено на западной окраине средней части могильника. Намогильное сооружение представляет собой каменное кольцо (развал ограды) диаметром 7,0 м, шириной 1,5 м. Могильная яма расположена в центре кольца, в плане она прямоугольной формы, ориентирована по линии С-Ю. Размеры: 2,8х1,0 м, глубина 1,6 м. Вдоль восточной стенки ямы оставлена ступенька, шириной 0,35 м, высотой 0,3 м, плавно переходящая в короткие стенки подбоя. Подбойная ниша вдоль западной стенки ямы, в плане прямоугольной формы, частично охватывает короткие стенки ямы. Размеры: 3,1х0,9 м, высота 0,55 м, глубина 0,3 м (свод подбоя рухнул, *in situ* сохранился лишь в средней части).

Заклад входа в подбой сильно потревожен, восстанавливается следующая конструкция. Вдоль ступеньки по дну подбоя друг на друга были уложены два ряда камней, причем крайний северный камень находился уже в подбое. Третий ряд камней был поставлен наклонно, упираясь в начало свода подбоя. Щели между крупными камнями заклада забиты мелкими камнями.

Погребение находилось в подбое, положение — вытянутое на спине, головой на С. Правая рука согнута в локте, кисть на тазовых костях; левая рука также согнута в локте, кисть на груди. Череп лежит на затылке, лицом чуть развернут к западу. Скелет частично потревожен грызунами.

В северной части подбоя за головой лежала П-образная бронзовая ручка, обернутая золотой фольгой; у черепа — две золотые проволочные серьги с жемчужинами. Около шейных позвонков — ожерелье из коралловых и золотых бус.

Между кольцами 8 и II была расчищена каменная стенка длиной 3,6 м, шириной 0,9 м (сохранившаяся высота 0,3 м), как будто бы сложенная вперевязку с камнями кольца 8. Стенка ориентирована по линии запад-восток, перпендикулярно длинной оси соответствующих могильных ям. Не исключено, что с помощью

этой конструкции соединялись намогильные сооружения (ограды) 8 и II.¹⁰

По результатам небольших по масштабу раскопок могильника БМ-УП можно сделать ряд предварительных заключений. Могильные сооружения представлены двумя типами, различающимися деталями конструкции. В обоих случаях погребения совершались под каменными кольцами-оградами.

П е р в ы й т и п. Наиболее многочисленный. Крупная, прямоугольная в плане яма со ступенькой (в одном случае — две ступеньки) вдоль восточной стены, плавно переходящая в короткие стенки подбоя. Подбойная ниша вдоль западной стенки могильной ямы, также прямоугольной, реже овальной в плане формы. Длина подбоя, как правило, совпадает с длиной могильной ямы, изредка незначительно превышает ее.

В т о р о й т и п. Небольшие, овальные в плане ямы с уступом и расширением в южной части. Ступенька вдоль восточной стенки подтреугольная в плане. Подбойная ниша также вдоль западной стенки могильной ямы, овальной в плане формы, по длине довольно значительно превышает яму, частично охватывая ее короткие стенки.

Новые раскопки подтвердили предварительный вывод о близости захоронений могильника БМ-УП захоронениям других курганных могильников Северной Бактрии-Тохаристана.¹¹ Отмечены общие черты в устройстве намогильных сооружений (каменные выкладки внутри оград¹²), деталях погребального обряда (угольки и зольные пятна в подбоях) с погребениями Бабошевского мо-

10. Намогильное сооружение II не сохранилось.

11. А.В. С е д о в, А.П. К е р з у м. Работы Шаартузского археологического отряда ЮТАЭ в 1978 году. АРТ, вып.ХУШ (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1984.

12. Опыт физической реконструкции позволил воссоздать облик намогильного сооружения могильника БМ-УП. Это была глухая ограда высотой 0,7-0,8 м, диаметром 2,4-2,5 м (ограда I2), очень сходная с оградями Бабошевского могильника.

гильника¹³. Время функционирования могильника БМ-УП — первые века н.э.

IV. Маршрутными разведками отряда в Бешкентской долине открыт еще один новый памятник. Это крепость Бошкала, расположенная примерно в 500 м к СВ от источника Чилучорчашма. Крепость представляет собой пятиугольник, обращенный вершиной на СЗ. Длина сторон пятиугольника: ЮВ — 30 м; СВ — 30 м; СЗ (два отрезка) — по 15 м; ЮЗ — 20 м. Судя по рельефу, явно наличие угловых башен. В центре внутреннего пространства имеется округлое возвышение (высота около 1,5 м) диаметром около 12 м. Восточный угол крепости занят мазаром.

Подъемный материал очень немногочисленный: преобладают фрагменты позднесредневековой поливной керамики, однако встречаются и фрагменты явно более древнего облика — красноглиняные с темно-коричневым и красным ангобом. На поверхности много камней — видимо, остатки каких-то построек сравнительно недавнего времени.

Разрез ЮЗ стены крепости позволил выявить ее конструкцию. Нижняя часть стены (основание) на высоту более 1,0 м представляет собой каменную кладку на глиняном растворе (ширина — 6,9 м). Внешний и внутренний фасы имеют скос. Поверх каменной кладки стена достроена квадратным сырцовым кирпичом (общая высота 2,0 м), размером 40х40х12–14 см. Сырцовая, а местами и каменная кладка стены сильно повреждены поздними мусорными ямами. У подножия внешнего фаса в непотревоженном слое лесса собрана небольшая коллекция керамики явно кушанского облика.

Местоположение крепости (на разветвлении каналов), а также наличие некоторого количества материала предположительно кушанского времени, делают раскопки данного памятника чрезвычайно перспективными. Установив время постройки крепости, мы будем иметь возможность определить и время создания всей древней оросительной системы долины, иными словами, время ее интенсивного земледельческого освоения.

¹³. А.М. М а я д е л ь ш т а м. Памятники кочевников... с.104–109.

Е.В.Зеймаль

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ШАХРИНАУ

Работы 1979 г. на Шахринауском городище и в его окрестностях явились продолжением исследований, проводившихся в 1976–1978 гг.,¹ и осуществлялись на трех основных объектах: на северном холме цитадели городища, на разрушенной зимой 1977–1978 гг. восточной стене городища и на ранее не раскапывавшемся холме Кахрамонтепе (в пределах стен городища, на берегу Каратагдарьи, в 600 м к югу от цитадели). Кроме того, небольшие дочистки были осуществлены на Чимкургане (в раскопе 1978 г.) и на городище Катта Джелаир был заложен небольшой стратиграфический раскоп.²

Северный холм цитадели Шахринауского городища. Здесь были вскрыты еще два помещения в здании, расположенном вдоль западного фаса холма, а также продолжены работы в коридоре, идущем вдоль западной внешней стены. С внутренней стороны (из коридора) были расчищены бойницы во внешней стене (узкие – до 15–18 см шириною, с горизонтальной нижней плоскостью), интервал между которыми составляет 1,2–1,3 м; бойницы были устроены начиная с шестого ряда кирпича (от основания наружной стены) и имели высоту 1 м – 1,1 м. По всей площади коридора были

1. Е.В.Зеймаль. Раскопки на Шахринауском городище. АРТ, вып.ХУІ (1976 г.). Душанбе, 1982, с.66–72; О н ж е: Раскопки в окрестностях Шахринау. АРТ, вып.ХУІІ (1977 г.). Душанбе, 1983, с.80–85.

2. Работы осуществлялись силами Гос.Эрмитажа при участии Института востоковедения АН СССР. Раскоп на восточной стене городища вел А.Б.Шигин, на Кахрамонтепе – Ю.Б.Березкин, стратиграфический раскоп на городище Катта Джелаир – А.В.Седов.

расчищены остатки основного (нижнего) пола, и на значительном участке (в южной части раскопа) удалось углубиться под него и дойти до материка (плотный светло-желтый лесс, слагающий береговые террасы Каратагдарьи). Оказалось, что восточная и западная (она же — наружная стена этого холма цитадели) стены коридора возведены с разного уровня: нижний ряд кирпичей восточной стены коридора лежит на 75–80 см выше, чем нижний ряд западной стены, хотя сложены обе стены из одинакового сырцового квадратного кирпича со стороной 32–34 см. По-видимому, несмотря на такой перепад в уровнях основания стен, возводились они практически одновременно, но наружная стена цитадели, с учетом микрорельефа холма, была сознательно заглублена.

В отчетном году здесь же, в южной части коридора, был осуществлен разрез наружной стены цитадели. Сложенная из квадратного сырцового кирпича со стороной 32–34 см, она была возведена не на материке, а на культурном слое, мощность которого (от материка до нижнего ряда кирпичей наружной стены) составляет около 2 м. Подстилающий стену культурный слой стратиграфически неоднороден: непосредственно на материке лежит очень плотный глинобитный слой коричнево-бурого цвета (мощность от 0,5 м до 1 м) с очень редкими включениями керамики, костей и угольков, над ним — рыхлый завал, состоящий из лесса, перемешанного со строительными остатками и включающий многочисленные золисто-угольные линзы, керамические фрагменты и остатки костей. Керамический комплекс из этого слоя (рис. I), на котором возведена оборонительная стена северного холма цитадели, — наиболее ранний не только для цитадели, но и для всего Шахринауского городища. Из столовой посуды необходимо отметить присутствие в нем кубков на ножке (как с фигурной,

Рис. I. Шахринауское городище. Керамика из слоя, подстилающего оборонительную стену северного холма цитадели:
 1–3, 6–8, 11, 13, 14, 16–19 — венчики сосудов; 4, 5 — ножки кубков; 9, 10 — целые сосуды; 12, 20 — стенки сосудов; 15 — нижняя часть сосуда.

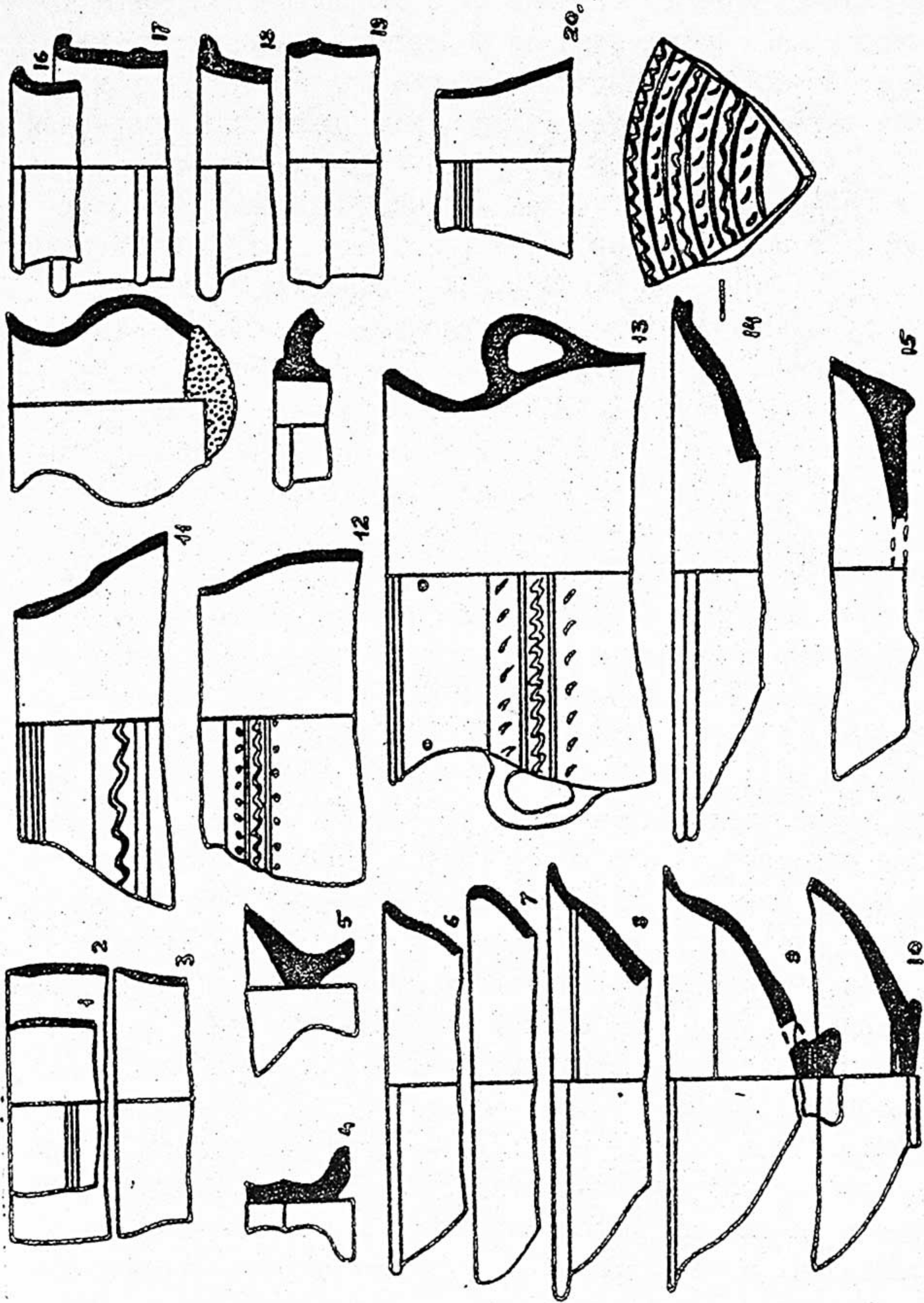

Рис. I.

4012
booked

так и с гладкой конической ножкой), с цилиндро-коническим туловом, украшенным параллельными бороздками (переход от цилиндрической части к конической иногда подчеркнут ребром), или более вытянутой и чуть расходящейся кверху рожкообразной формы. Диаметр наибольшего из кубков — 14 см (по ребру-перегибу). Ангобное покрытие кубков — разной степени плотности и разных цветовых оттенков — от ярко-красного до коричневого. Такую же широкую цветовую гамму можно отметить и для ангоба столовых кувшинов из этого слоя (плотный красный, жидкий коричнево-красный, коричневый, светлый), как правило, представленных фрагментами, не позволяющими судить, были ли они двуручными или одноручными. Ручки овальные в сечении, уплощенные; донца плоские, без поддона. Цилиндрическое горло (диаметр от 6 до 11—12 см) заканчивается несложным по профилю венчиком — утолщенной закраиной, оттянутой наружу. Среди широкогорлых сосудов, которые можно отнести к столовой посуде, преобладают экземпляры с цилиндрическим горлом (диаметр 15—16 см), которое заканчивается отогнутым наружу краем с четко профилированным венчиком; на округлых плечиках — орнаментальная полоса из чередующихся борозд, волн и рядов насечек; маленькие петлевидные ручки крепятся к округлым плечикам на уровне орнаментального пояса (ручки овальные в сечении, верхний конец шире нижнего). Особняком среди таких широкогорлых сосудов стоит один сероглиняный экземпляр (на плечике помимо орнаментального пояса оттиск штампа — лист с прожилками) и группа из пяти (или шести) экземпляров, очень близких по размерам и характеру орнаментации, с красным ангобом снаружи, заходящим полосой внутрь сосуда. Видимо, этим сосудам принадлежат донца на трех ножках; у одного экземпляра под венчиком — четыре просверленных отверстия. Миски в этом стратиграфическом комплексе представлены как сероглиняными, так и красноглиняными экземплярами. Все фрагменты сероглиняных мисок принадлежат к типу с плавно отогнутыми наружу краями (место отгиба изнутри подчеркнуто желобком) и четко выраженным поддоном; на зеркале — следы колец лощения. Красноглиняные миски — с округлым резервуаром и плавно отогнутым наружу краем (в месте перегиба с внутренней стороны — ребро), ан-

гоб (светло-красный, коричневый и жидкий бежевый) покрывает поверхность изнутри полностью или широкой полосой по краю; другие разновидности красноглиняных мисок (все — с округлым резервуаром) — с утолщенной закраиной, обращенной внутрь, и с красным или коричнево-красным ангобом; с утолщенной закраиной, оттянутой наружу, и с красным ангобом на внутренней поверхности (один экземпляр — с врезанным кольцом на зеркале); с горизонтально отогнутым краем и с коричневым ангобом снаружи и по отогнутому бортику (также, возможно, с врезанным кольцом на зеркале). Из кухонной посуды, в которой преобладают лепные котлы с шаровидным туловом и по-разному оформленной закраиной, всегда обращенной внутрь, можно отметить миску-тагора (диаметр по венчику — 38 см) с прямо расходящимися от дна стенками и уплощенным верхним краем. Этот краткий перечень наиболее характерных форм не исчерпывает всего ассортимента керамики, полученного из-под наружной стены северного холма цитадели.

В целом этот стратиграфически изолированный комплекс не обнаруживает резких отличий от керамики, встреченной на основном (нижнем) полу коридора и в завале над ним. Возможно, возведение оборонительной стены действительно не сопровождалось резкими переменами в керамическом производстве (равно как и между первоначальным обживанием холма и сооружением наружной стены не было, видимо, большого хронологического разрыва). Но следует учитывать, что керамический комплекс с нижнего пола коридора и из заполнения над ним поневоле дает смазанную общую картину, так как материал для возведения стены наверняка брали тут же (вместе с содержащимися в подстилающем стену слое керамическими фрагментами), и отделить синхронный существованию стены керамический материал от переотложенного (и более раннего) можно только имея достаточно полное представление о формах и особенностях украшения керамики, связанной с первоначальным обживанием этого холма.

Из комплекса, предшествующего возведению оборонительной стены северной части цитадели, происходят также две терракотовые статуэтки (рис. 2. 1, 2), обе без головы, изображающие персонажей мужского пола. Изображение стоящего мужчины (рис. 2. 1)

1

2

Рис. 2. Шахринауское городище. Терракоты из слоя, подстилающего оборонительную стенку северного холма цитадели:
 1 — изображение стоящего мужчины, 2 — изображение сидящего персонажа.

общей конфигурацией напоминает два сложенных вершинами треугольника (перетянутая поясом талия); одеяние — типично кушанский кафтан с отворотами, резко расширяющийся книзу (ноги не изображались), складки на котором "проработаны" грубо прочерченными бороздками. Очевидно, статуэтка эта формовалась от руки, без матрицы. Другая статуэтка (рис. 2. 2) изображает сидящий персонаж с неумело изображенными подогнутыми ногами; отсутствие головы не позволяет судить, была ли в этом случае использована матрица (с последующей очень грубой подправкой) или же и эта фигурка лепилась от руки. Принадлежность обеих терракотовых фигурок к стратиграфически изолированному ранее кушанскому (название — условное, без прямых датировочных выводов) комплексу — факт, который может оказаться полезным при разработке дробной относительной хронологии кушанских терракот.

Внешняя оборонительная стена северного холма цитадели имеет у основания толщину 315 см, на высоте 3 м от основания ее толщина — 280 см, на высоте 4,5 м (наибольшая сохранившаяся высота) — 250 см, т.е. ее сужение кверху идет постепенно. Основные конструктивные особенности (размер кирпича, характер кладки, устройство бойниц, толщина стены и т.п.) этой стены ничем не отличаются от уже известных по раскопкам восточной стены всего городища. Можно предполагать, что и стена вокруг городища, и внешняя стена цитадели возводились примерно одновременно.

Восточная стена городища (северный участок). В 1979 г. работы были продолжены к югу от раскопа 1978 г. и доведены до стены действующего кладбища, под которым сохранилось неразрушенным продолжение стены и оплывшие бугры еще четырех башен. Раскопки велись двумя траншеями шириной в 1,5 м — с внешней и с внутренней стороны стены. Под плотным верхним слоем, частично образовавшимся при разрушении стены бульдозерами зимой 1977–1978 гг., зачищались ряды сильно деформированной кирпичной кладки; внутренняя и наружная поверхность стены чрезвычайно плохой сохранности, что вынуждало для определения контура стены прибегать к горизонтальным зачисткам. Примыкающий к стене грунт состоял из разложившихся строительных остатков, прослоенных мощными отложениями натечков. Лучше других сохранился участок стены, непосредственно прилегающий к кладбищу, так как здесь бульдозеры не работали. Здесь же была вскрыта северная щека и часть лобового фасада еще одной башни (три башни были раскопаны в 1976–1978 гг.). Как и в других случаях, башня была усилена мощным ремонтным кожухом, сохранившим от разрушения ее первоначальный облик. На всем пространстве куртины, на щеке и на лобовом фасаде были прослежены остатки бойниц (в 1 м высотой при ширине 10–12 см; нижняя плоскость бойницы — в 80 см от основания стены), чередовавшихся с декоративной выкладкой из двух наклонно положенных "домиком" кирпичей (на уровне верхней точки бойницы). Всего зафиксировано три типа бойниц: 1) сквозные, с ложной стрелкой (стреловидное обрамление верха бойницы заглублялось при этом лишь на 25–30 см; ниже бойница была проведена сквозь всю тол-

щу стены (у основания 3,15–3,20 м); 2) сквозные с незаложенной стрелкой; 3) ложные бойницы, точно повторяющие контуры сквозных, но заглубленные в стену лишь на 25–30 см. На башне, раскопанной в 1979 г. (как и на раскопанных ранее башнях), устраивались только сквозные и ложные бойницы; сквозные бойницы с ложной стрелкой устраивались в межбашенном пространстве стены, так что с внутренней стороны стены бойницы в верхней части (если она сохранилась) – прямоугольные.

Перед раскапывавшимися в 1979 г. остатками башни была вскрыта с наружной стороны значительная площадь, не обнаружившая ни предстенных оборонительных сооружений, ни рва. Стена была возведена на глиняной подушке толщиной около 20 см, положенной прямо на материк и, видимо, выравнивавшей его.

При дочисте прохода с внутренней стороны стены во внутрибашенное помещение башни № 2 был обнаружен (в северной щеке прохода) узкий проем лестничного подъемного устройства (расчищены четыре ступени, выше стена не сохранилась), очевидно, выводившего на верхнюю площадку стены. О том, как был перекрыт этот лестничный ход, можно судить только предположительно. Но сам вход во внутрибашенное помещение башни № 3 был перекрыт ложным сводом, и не исключено, что ложный свод перекрывал и лестничный проход наверх.

В целом оборонительные сооружения городища, судя по результатам работ на цитадели и на восточной стене, не производят впечатления надежных и способных выдержать серьезный натиск. Даже толщина стены 3,20 м (по основанию), видимо, оказывалась не всегда достаточной: все исследованные башни восточной стены городища были усилены полутораметровым кожухом, уже лишенным декоративных особенностей (сквозь кожух были "пропущены" только сквозные бойницы). Малоэффективной была и система бойниц: при ширине 10–12 см (максимум 15 см) и при высоте в 1 м, проходя через трехметровую толщу стены, они могли служить только для поражения противника, специально заглядывавшего в бойницу. Возможно, более целесообразно были устроены бойницы второго ряда (при меньшей толщине стены в верхней части), наличие которых подтверждается пока только косвенными данными.

Кахрамонтепе расположено в западной части Шахринауского городища, занимая один из естественных останцов надпойменной террасы Каратагдарьи, частично занятый заброшенным мусульманским кладбищем. Тепе прямоугольное (150x75 м) и состоит из двух частей: северной (75x50 м), более высокой (примерно 7 м над уровнем террасы и 15 м над уровнем поймы), и южной (75x75 м), которая ниже северной на 3 м.

В микрорельефе северной части хорошо читались всхолмления по периметру площадки — остатки построек (при незастроенной средней части), среди которых выделялись три отдельные возвышенности по восточному фасаду (в центре и по углам). Здесь, в юго-восточном углу северной площадки, на наиболее отчетливо выраженном угловом всхолмлении и был заложен раскоп (общая площадь 124 м²), доведенный до глубины 5 м (от наиболее высокой точки этого холма) и обнаруживший остатки пяти строительных периодов.

Слой, связанный с пятым (наиболее поздним) строительным периодом, оказался в пределах раскопа сильно нарушенным и наиболее уверенно прослеживался в северной части раскопа, где сохранилась (на высоту 45–50 см) на небольшом участке стена пятого строительного периода, сложенная из сырцового кирпича 49–51x24x8 см.

Более полное представление удалось составить о здании, возведенном на протяжении IV строительного периода (рис. 3). Это стены, сложенные из пахсы (толщина 1,80–1,95 м) сохранились на высоту до 1,5 м, их покрывал толстый слой штукатурки (7–8 см). Центральный коридор этого здания, заканчивавшийся с восточной стороны глухой стеной (западная часть за пределами раскопа), был вскрыт на протяжении 11,5 м. В южной и северной стенах коридора, через равные интервалы (2,65 – 2,75 м), по четыре симметрично расположенных проема (ширина 0,85–0,90 м), каждый из которых ведет в небольшое (1,5–1,75x2,6–2,75 м) прямоугольное изолированное помещение. Уровень пола в проходах — на 7–8 см выше уровня пола в коридоре и в помещениях к северу от коридора; с южной стороны только в проходе в помещение № I зафиксирован порог высотой в 7 см и шириной в 25 см (в I кирпич, положенный ложком). В стенах этих проемов, начиная примерно с уровня 1 м над уровнем пола,

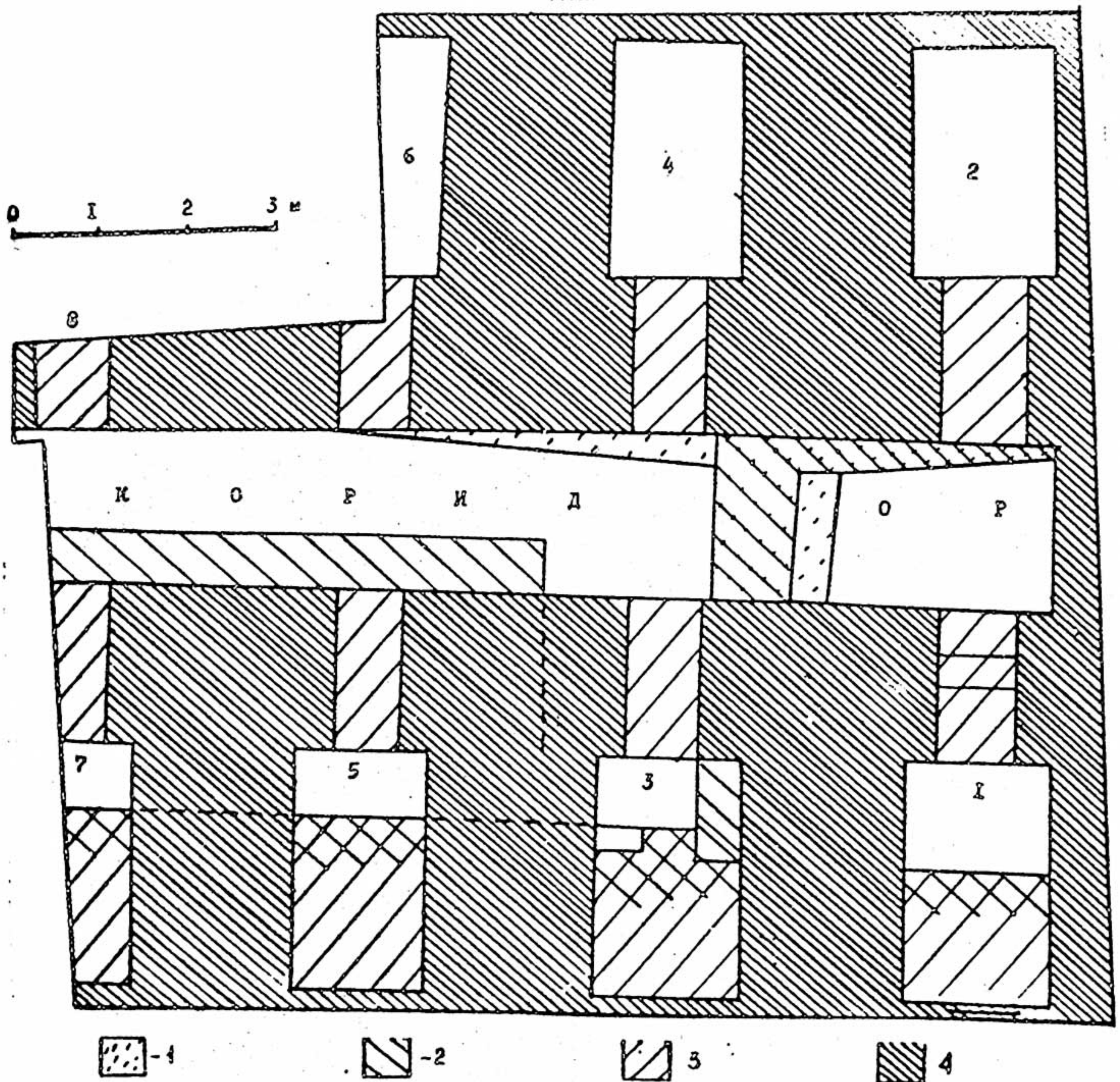

Рис.3. Кахрамонтепе. План здания IV строительного периода и остатки более ранних стен.

в кладке наряду с пахсой использованы и сырцовые кирпичи с небольшим напуском (2-3 см.), выступающие из плоскости щеки проема, но каким именно сводом были перекрыты проходы в эти помещения, установить не удалось. Перекрытие центрального коридора, судя по характеру завала, не было сводчатем.

Культурный слой на полу в коридоре и примыкающих к нему помещениях (из восьми помещений полностью раскопаны пять)

очень беден находками и не дает представления о назначении этих помещений (и здания в целом). Только в одном случае "типовое" однообразие помещений, выходящих в коридор, нарушается: в южной стене одного из помещений была устроена ниша глубиной 20 см и шириной 90 см с закругленными внутренними углами; днс ниши выше пола помещения на 10-15 см.

Возможно, здание IV строительного периода частично использовалось и на протяжении V периода: его остатки перекрыты стеной V периода только в северной части раскопа; все проходы в северной стене коридора были заложены кусками пахсы и обломками сырцовых кирпичей, в южной стене — целыми кирпичами 49-51x24x8 см, и затем заштукатурены.

Строительные остатки III, II и I строительных периодов (рис. 3) не дают полного представления о планировке зданий, к которым они относятся. Уровень пола III строительного периода в центральном коридоре на 60-70 см ниже уровня IV периода, в помещениях к северу от коридора — на 90-100 см. Центральный коридор на протяжении III периода существовал, но симметрично расположенных проходов из него на север и на юг не было (как не было и помещений, в которые вели эти проходы). Культурный слой, связанный с остатками III строительного периода, беден находками и не содержит датирующих материалов.

Уровень, с которого возведены стены II строительного периода, на 65-70 см ниже уровня пола III строительного периода. Стены II периода прослеживались в коридоре и в помещениях к югу от него. Они сложены из прямоугольного сырцового кирпича (49-51x24-25x8 см) темно-коричневого теста, слой штукатурки тонкий (1-2 см). На одном из отрезков стены II периода (в пределах пом. № 3 по уровню IV периода) была расчищена ниша глубиной 30 см, перекрытая положенными ложком кирпичами; ширина ниши неизвестна, так как западная ее часть уходит под стену IV периода. Позже (очевидно, на протяжении III периода) эта ниша была заложена пахсой и замазана.

Стены I строительного периода были исследованы только в пределах коридора, где они частично совпадают с направлением и очертаниями стен II периода. Эта особенность, когда при каждом новом строительном периоде учитывается более ранняя пла-

нировка и частично используются ее остатки, свидетельствует об отсутствии длительных периодов запустения.

Материалы основного раскопа, а также небольшого (2x2 м) шурфа в южной части тепе, позволяют лишь предположительно датировать Кахрамонтепе. Видимо, только остатки I строительного периода относятся к кушанскому времени; все остальные строительные периоды должны приходиться на раннее средневековье: для У и, вероятно, для IV строительных периодов возможна датировка вплоть до VIII-IX вв.

Таким образом, Кахрамонтепе (наряду с раскапывавшимся в 1977 г. Кулинтепе) — раннесредневековый памятник, которыми так небогата территория Шахринауского городища и его округи.

Раскоп на городище Катта Джелайр³ (12x3 м) был заложен в северо-восточной его части, непосредственно к югу от шурфа 1955 г. и доведен в средней части до глубины 3,5 м. Под тонким дерновым слоем шел слой рыхлого лесса с многочисленными фрагментами разновременной керамики и костями животных, продолжавшийся до начала или середины IV яруса. Из этого верхнего слоя происходит медная "драхма" Визы Каджиза. Ниже шел слой более плотного и однородного лесса, также насыщенный керамикой, костями и т.п. До глубины V — начала VI яруса оба слоя были по всей площади раскопа сильно нарушены многочисленными мусорными и зерновыми ямами, спущенными с уровня I яруса и содержащими как позднесредневековую, так и кушанского времени керамику.

В уже не нарушенном перекопами слое встречались обломки пахсы и квадратных сырцовых кирпичей (со стороной 33-35 см). В обильном керамическом материале преобладали фрагменты толстостенной тарной посуды. Здесь же, у границы V и VI яруса (в центральной части раскопа), была найдена терракотовая фигурка (без головы) — очень схематичное изображение женщины, левая рука которой — у левой груди (обе груди показаны рельефными

3. Расположено на территории колхоза "Москва" Гиссарского района (участок Буробойон). Описано и раскапывалось в 1955 г.: Б.А. Давидович. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. — АРТ, 1955, 1956.

выступами-точками), а правая лежит на голове ребенка, стоящего (или сидящего?) у ног женщины (его левая рука опущена к нижней части живота, отчетливо видны тестикулы).

В нижней трети УІ яруса прослеживалась плотная утрамбованная поверхность, неровная и бугристая (уровень дворища?), на которой был устроен овальный очаг-углубление (0,6-1,2 м), обложенный по окружности обломками жженого кирпича (длина 30 и 35 см при толщине 7-8 см). Уровень с очагом может быть датирован (по связанным с ним керамическим находкам) только широко — позднекушанским временем. Ниже этого уровня в 1979 г. не углублялись.

Помимо раскопочных работ в 1979 г. продолжалось и обследование территории Шахринауского городища, в ходе которого, в частности, удалось получить сведения о находке в юго-восточном углу городища, во время нивелировки в 1971 г. одного из имевшихся здесь небольших тепе (в настоящее время этот участок территории городища занят хлопковыми полями), еще одной капители из мергелистого известняка⁴ (высота 23 см, диаметр дисковидного основания 24 см), основной декор которой составляют листья аканфа, расположенные пятью ярусами (под углами верхней площадки — четыре остроконечных листа другой конфигурации). По краю нижнего диска — три валика, на нижней плоскости диска в центре квадратное углубление (6x6x7 см) для соединения капители со стволом колонны (возможно, она была деревянной). Верхняя площадка капители — квадрат со стороной 33 см, в котором (с верхней плоскости) сделано чашевидное углубление (диаметр около 22 см), облегчившее вес капители. Обследование места находки не дало никаких новых сведений о здании, существовавшем на этом месте.

4. О других находках каменных капителей на территории Шахринауского городища см.: А. М у х т а р о в. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан). — Изв. АН Тадж.ССР, ООН, 1968, № 3 (53), с.36-41.

Т.И.Зеймаль

БУДДИЙСКИЙ КОМПЛЕКС ШУТУР МУЛЛО

Осенью 1979 г. Кобадзианский отряд Южнотаджикистанской археологической экспедиции¹ приступил к раскопкам остатков архитектурного комплекса вблизи возвышенности Верблюжья Горка — на южной оконечности ее склона, обращенного к Амударье. Развалины подстилает скальный массив, с северной стороны отделенный от возвышенности довольно глубокой лощиной, а с трех других сторон заканчивающийся крутыми обрывами (рис. I).

Этот археологический памятник был впервые детально обследован сотрудниками Южнотаджикистанской археологической экспедиции осенью 1978 г., во время разведывательных поездок вдоль правого берега Амударьи. На площади примерно 80х40 м возвышались три сильно оплывших холма искусственного происхождения, резко выделявшихся своей красновато-желтой поверхностью на сером фоне скалистого останца. Южный холм, наиболее высокий (около 4 м), имел форму усеченного конуса, а в его обнажениях была хорошо видна кирпичная кладка. Два других холма, более вытянутых и расплывчатых очертаний, возвышались над современной дневной поверхностью не более чем на 1,5 м. Поверхность холмов и пространство вокруг них было усыпано обломками мергелистого известняка, многие из которых имели обработанную поверхность и являлись фрагментами деталей архитектурной декорации (обломки баз для пилястров, профилированные ступеньками; фрагменты

1. Работы велись силами Института востоковедения АН СССР, Государственного Эрмитажа и Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР при активном участии студентов исторического факультета Таджикского Госуниверситета им. В.И.Ленина с 11 октября по 5 ноября 1979 г.

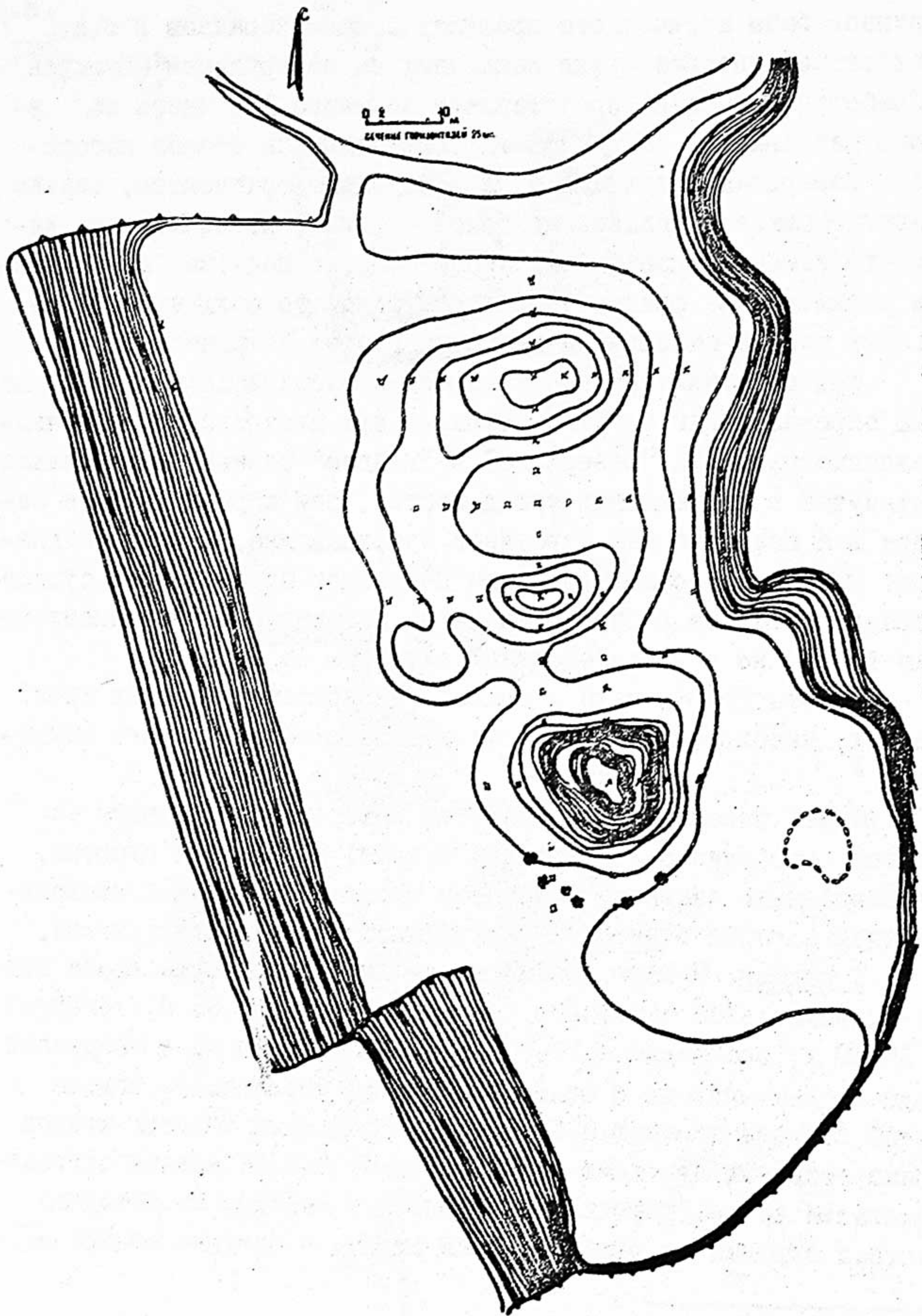

Рис. I. Штур Мулло. Полуинструментальная съемка
А.В. Седова.

крупной базы аттического профиля; детали карнизов и т.п.). Наибольший интерес среди найденных на поверхности обломков обработанного камня представляет примерно 1/4 часть небольшого реликвария, на каждой из сохранившихся сторон которого — изображения сидящих будд. Несколько фрагментов, сильно выветрившихся и сглаженных водой, видимо, принадлежали каким-то каменным изваяниям. Кроме того, в подъеме были найдены керамические фрагменты позднекушанского облика, а также медные монеты небольшого диаметра плохой сохранности.

Еще до начала раскопок наиболее высокий холм на останце был определен как остатки ступы, а два низких бугра получили условные названия "северного" и "южного" зданий; параллельно вытянутые в направлении запад-восток, они ограничивали с севера и с юга явно незастроенное пространство, названное двором. Пятна красно-желтой глины позволяли предполагать существование остатков построек также по западному и восточному фасадам двора, но в рельефе они практически не читались.

Работы были начаты и велись одновременно на всех трех холмах, выделяющихся в рельефе этого археологического памятника.²

Самый высокий холм, вскрытие которого было начато (с учетом постоянного направления ветров) с западной стороны, действительно оказался остатками большой ступы, в функционировании которой отчетливо различались два периода (рис. 2).

I период. В первоначальном своем облике ступа имела почти прямоугольное основание (западный фас — 17,35 м, северный — 16,40 м, восточный — 17,50 м, южный — 16,70 м) и пандусный (или лестничный, но с несохранившимися ступенями) подъем с южной стороны шириной 6,60 м, фланкированный с обеих сторон прямоугольными пилонами (0,90x0,90 м). Высота нижней ступени-основания 40 см, ширина 1 м. Кирпичный массив, из которого состоял видимый до раскопок холм ступы, — останец объема вто-

2. До начала раскопок археолог А.В.Седов снял план памятника (сечение горизонталей через 25 см), на вершине наиболее высокого холма был забит реперный кол (отметка — 0), а весь участок разбит на квадраты со стороной 4 м.

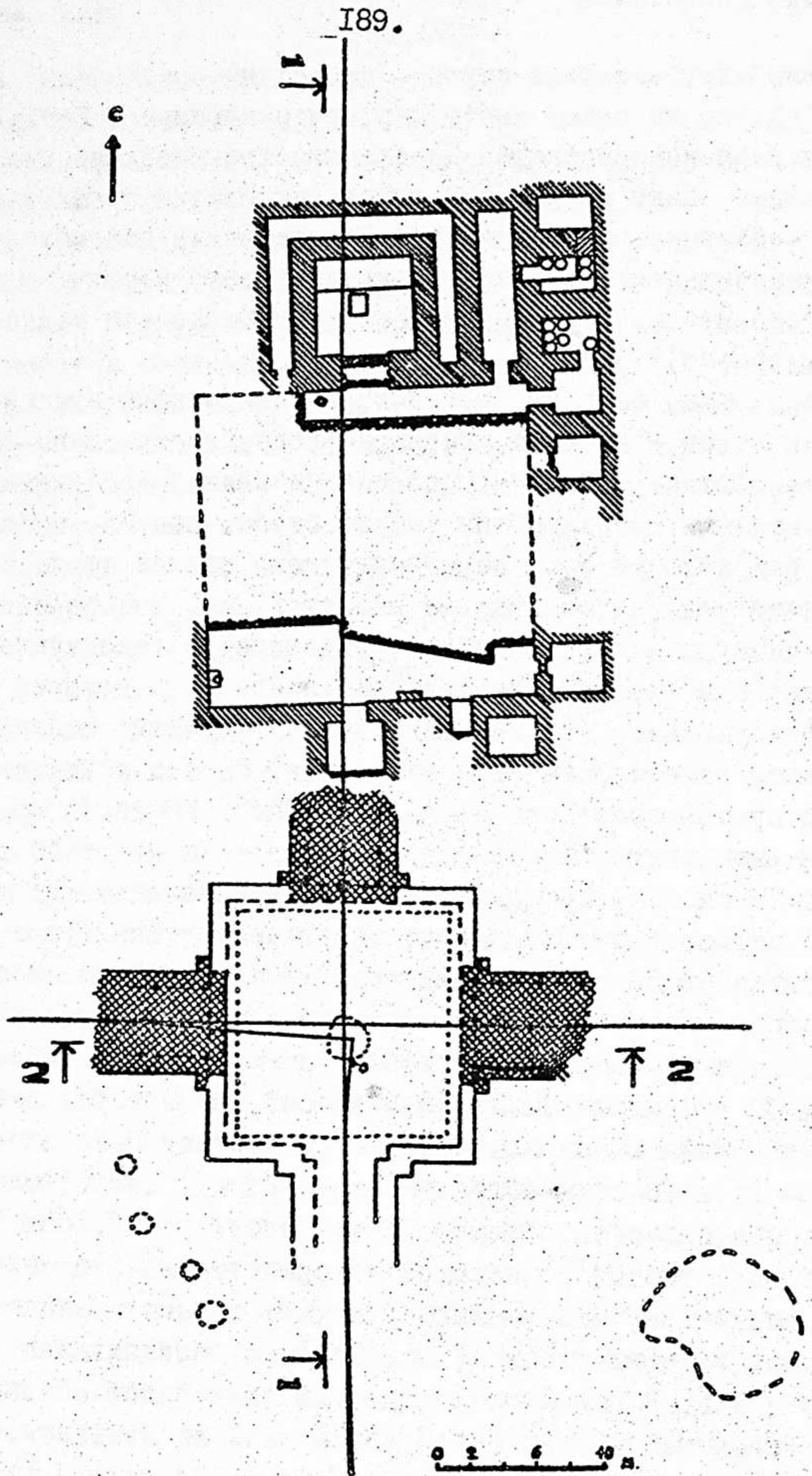

Рис.2. Шитур Мулло. План сангхарама и ступы.

рой основной ступени тела ступы. Ядро ступы составляла аккуратная кладка из квадратного сырцового кирпича (32-34x11-13 см) на глиняном растворе. На большинстве кирпичей имелись тамгаобразные знаки нескольких видов (отпечатки 5 пальцев или двух согнутых; прочерченные 1-2 поперечные полосы; дуга, пересеченная прямой; незамкнутый круг). Тесто кирпича плотное, желтого цвета, хорошего замеса, с добавлением мелко нарубленной соломы.

К ядру ступы была приложена кирпичная основа нижней ступени, пилонов и пандуса. Наружные поверхности ступы были облицованы плитами из мергелистого известняка — гладкими и профилированными. На западном фасаде ступы, под слоем более позднего ремонта, участок первоначального облика ступы сохранился в непо потревоженном виде на высоту 1,2 м. Цоколь-основание имел выступающий на 5 см каменный плинтус (его удалось проследить по всему периметру ранней ступы), на который опирались прямоугольные гладкие плитки, составляющие облицовку вертикальной поверхности нижней ступени. Высота этих плиток 20 см, их протяженность по горизонтали — от 20 до 40 см. Они были перекрыты сверху каменными плитками толщиной в 10 см, шириной в 20 см. Пять рядов горизонтальной выкладки из таких плит дают метровой ширины плоскость нижней ступени (при одинаковой ширине в 20 см их длина колеблется от 30 до 48 см).

Облицовка второй ступени, судя по сохранившемуся участку на западном фасаде, начиналась рядом гладких плит-блоков высотой в 28 см (длина 32, 35, 38 и 40 см), на которых лежали ряды профилированных блоков (сохранились непо потревоженными два ряда — 14 и 18 см — общей высотой 32 см), дающие следующую последовательность обломов (снизу вверх): вал, полочка, скоция (и одновременно — переход в горизонтальную плоскость стыка со следующим, вышележащим блоком), скоция, полочка, вал, полочка и снова скоция с переходом в горизонтальную поверхность стыка. В целом общий профиль трех рядов облицовки второй ступени напоминает собой облом базы на квадратном пьестале, состоящей из двух разных по диаметру валов, разделенных скоцией и полочками.

Какой была выше облицовка ступы, можно судить только по находимым в завале вокруг основания ступы немногочисленным каменным фрагментам, не позволяющим выполнить полную реконструкцию. Большинство из них имеет гладкую поверхность и в равной степени может относиться к облицовке первой или второй ступени. Профилированные фрагменты и целые блоки в основном повторяют обломы блоков, сохранившихся на своем первоначальном месте в средней части западного фасада ступы, или очень близки им. Один из блоков, имеющий в плане легкое скругление, видимо, принадлежал к облицовке барабана ступы. В отдалении от ступы, в северной части раскапывавшейся площади, был найден в переотложенном состоянии прямоугольный облицовочный блок длиной 41 см, высотой 15 см с изображением двух пилястров на ступенчатых прямоугольных базах. Если и этот блок принадлежал облицовке ступы, то ее убранство в целом должно быть намного сложнее, чем позволяют представить сохранившиеся в первоначальном виде небольшие участки.

Необходимо отметить тщательность обработки лицевой поверхности блоков, хорошую подгонку горизонтальных поверхностей, соприкасающихся друг с другом соседних блоков (при нарочито грубой обработке стороны, которой блоки были обращены к кирпичному ядру ступы). Пространство-пазуху между облицовкой и кирпичным телом ступы заполняла битая крошка мергелистого известняка, перемешанная с лессом. Швы-стыки между блоками тщательно промазывались алебастровой шпаклевкой.

Пандусный (или лестничный) подъем к цоколю ступы у южного фасада и примыкающие к нему пилоны сохранились на наибольшую высоту (40 см) только в месте их примыкания к ступе. Длину пандуса удалось проследить по кладке плитуса на протяжении примерно 5 м; с уверенностью определяется его ширина по основанию — 6,60 м. Подъем ко второй ступени был значительно уже (реконструируемая ширина 3,80 м, прослеживавшаяся длина около 4 м); он также фланкировался пилонами (80x95 см) и, судя по единичным сохранившимся на месте плиткам, имел каменную облицовку.

II период в жизни ступы связан с принципиальным изменением ее планировки: из прямоугольной с одним лестнично-пандус-

ным подъемом (на южном фасаде) она становится крестообразной. К моменту осуществления этой реконструкции первоначальный облик ступы уже пострадал, утратив значительную часть своей каменной облицовки. Перед реконструкцией остатки ранней ступы были расчищены, строительный мусор собран и сброшен на оплывшие развалины расположенного рядом здания. Затем, используя прямоугольный сырцовый кирпич 52-56x25-26x9-10 см (преимущественно зеленоватого или красноватого цвета, в отличие от кирпичей I периода, имеющих, как правило, желтоватый оттенок) и отпавшие каменные плитки, восстановили первоначальный объем ранней ступы. После этого к западному, северному и восточному фасадам были пристроены пандусные (или лестничные) подъемы, фланкированные угловыми пилонами. Отличаясь между собой незначительными колебаниями в размерах, новые подъемные устройства, по существу, повторяли пандус I периода на южном фасаде. Лестницы-пандусы II периода сложены из красноватого кирпича плохого качества, материал для которого брали поблизости — у подножия скалистого останца; размеры — 52-56x25-27x8-9 см. Различия в цвете между основным и ремонтным кирпичом, участки с сохранившейся и повторно использованной каменной облицовкой — все это было затем скрыто под белой ганчевой обмазкой, толстым слоем покрывавшей наружные поверхности крестовидной ступы II периода (в юго-восточном углу ступы сохранились остатки обмазки, перебивавшей каменный плинтус).

Первоначальный фасад западной стороны ступы, сохранившийся благодаря приставленному к нему пандусному подъему, был обнажен в ходе работ 1979 г. Восточный фасад, также закрытый пандусом II периода, остался пока не раскопанным.

Для выяснения конструкции ступы была сделана врезка в ее тело, составлявшая по объему примерно 1/4 всего холма. Предварительно выполненная горизонтальная зачистка вершины холма показала, что аккуратная кирпичная кладка в центре тела ступы нарушена грабительской ямой, затянутой сверху прослойками натеков. По мере углубления четче проступали рваные края этой ямы. Оказалось, что грабители пытались проникнуть внутрь ступы с двух сторон: второй лаз шел от юго-западного угла ступы, примерно с высоты 1 м от уровня древнего горизонта. В рых-

лом заполнении лаза были найдены обломки крупного кувшина с характерным для XI-XII вв. орнаментом по плечикам (розетки из налепных шишечек на значительном расстоянии друг от друга и косые оттиски гребня). Эта находка — единственное, что указывает на возможную дату попытки ограбить ступу. В целом врезка позволила составить ясное представление о том, каким образом сложено кирпичное ядро ступы, как осуществлялись его облицовка камнем и ремонт ступы в начале II периода ее функционирования.

Расположенные к северу от ступы два низких холма и оштукатуренные вокруг них оказались остатками сильно разрушенного здания монастыря-сангхарамы, образовывавшего каре вокруг двора (21,5x20,5 м). "Северный холм" скрывал под собой остатки крамового комплекса (в середине северного фаса двора), состоявшего из квадратной кельи (№ 3), обращенной широким проемом во двор, и коленчатого обходного коридора (№ 5,6,7), имеющего самостоятельный выход во двор.

В северо-восточном углу сангхарамы находились три помещения хозяйственного назначения: длинное коридоробразное помещение № 2, параллельное восточному колену обходного коридора, имело выход во двор и соединялось проходом с двумя смежными небольшими помещениями — № 1 и 7. Далее на юг по восточному фасаду сангхарамы располагалось еще одно помещение (№ 8), вход в которое был со стороны кельи № 9. Келья № 9 начинала собой ряд аналогичного назначения помещений, составлявших восточный фас построек вокруг монастырского двора. В 1979 г. удалось оконтурить еще две такие кельи (№ 10 и 13), но их стены сохранились на высоту одного ряда кирпича. Все три раскопанные кельи имели самостоятельные выходы во двор. Очевидно, по этому же фасаду двора существовало еще две кельи.

"Южный холм" в верхней своей части состоял из мощного пласта (0,7-0,9 м толщиной и площадью 5,5x3 м) строительного мусора, сброшенного сюда в процессе реставрации ступы перед III периодом ее функционирования). Под этим завалом были обнаружены остатки оштукатуренной внешней стены двора, сложенной из квадратного сырцового кирпича (32-34x10-12 см) в три ряда, с толстым слоем глиняной промазки (толщина горизонтальных швов 2-3 см, вертикальных — до 5 см). На стене сохранилась глиняно-смаз-

ная штукатурка, неоднократно обновлявшаяся на протяжении I периода (общая толщина — от 4 до 10 см). Местами прослеживалась зеленоватая обмазка с ганчевым грунтом и следами красной краски (в юго-западном углу двора, на западной стене). Поверхность южной стены со стороны двора была в 1979 г. полностью расчищена. В ней оказалось два прохода в сторону ступы: западный, расположенный почти по оси ступы, имел ширину 142 см и вел в айванное помещение (ширина 3,70 м); его западную и восточную стены удалось проследить на юг на 3 м. Стены айвана лучше всего сохранились в углах, где кладка кирпича прослеживается на 4–6 рядов и хорошо сохранилась штукатурка. Восточный проход в южном фесе двора был более узким (1,10 м) и вел в ту часть "южного холма", которая в отчетном сезоне осталась нераскопанной.

Стратиграфические наблюдения позволили зафиксировать существование во дворе двух полов, относящихся к разным этапам функционирования монастыря (для ступы — I период) и разделенных прослойкой в 10 см. Со вторым этапом связаны небольшие ремонты и достройки. Поверхность нижнего пола сильно выбита, на нем плотный завал с включениями мелких камней и керамики. Полы в проемах и айване, по сравнению с двором, выше за счет выстилки высотой в один кирпич. Ремонтируя пол во дворе и поднимая его на 10 см (второй этап) соответственно поднимали пол в центральном проходе и в айване. Тогда же между проходами к южной стене был пристроен контрфорс шириной в 1,5 м, а в юго-западном углу двора поднимали на высоту кирпича небольшой пристенный постамент-суфу, первоначально сложенный из шести рядов кирпича. Поверхность пола второго этапа относительно ровная, в некоторых местах у стены сохранились остатки его ганчевой обмазки. Вдоль южной стены двора (а, возможно, и по всему периметру его) шел, по всей вероятности, айванный на-вес. Косвенным подтверждением этого служат следы раскраски стен, ганчевая обмазка пола, а также найденные (правда, уже перемещенными с первоначального места) каменные базы колонн: одна — в завале над постаментом в юго-западном углу двора (с усеченно-колоколовидным торсом на квадратном основании), другая — в северной части двора, недалеко от входа в храмовое помещение № 3 (сходной формы, но меньших размеров).

Более сложной и дробной оказывается стратиграфическая картина в храмовом и хозяйственном комплексах монастыря, хотя и здесь четко фиксируются два пола: основной и вторичный, с которыми связаны следы пожара, разрушения и запустения здания. Кроме того, очевидно синхронно II периоду существования ступы, кратковременное обживание или использование здания монастыря, уже лежавшего в развалинах.

Однако по отдельным помещениям удалось проследить и наметить несколько иную последовательность этапов их функционирования. Так, угловое хозяйственное помещение № 7 (3,65 x 2,80 м), также имевшее два уровня пола, на последнем этапе своего функционирования было покрыто слоем алебастровой обмазки (стены и пол), затем вход в помещение был заложен и заштукатурен со стороны помещения № I. В свою очередь, помещение № I (3,60x2,40 м), первоначально проходное, с суфой (ширина 70 см, высота 10 см) вдоль южной стены, после закладки прохода в помещение № 7 перестраивается: вдоль восточного торца комнаты сооружается суфа (она упирается в заложенный проход, ширина ее 106 см), на которой устанавливают и обстраивают кирпичным футляром 2 хума так, что вдоль края суфы остается ступенька шириною в 10-12 см. Хумы, сохранившиеся в непо потревоженном виде лишь на половину своей высоты, были заполнены плотными натеканиями глины, а также обломками своих же стенок. В одном из хумов найдены 3 бронзовых пирамидальных гвоздика, мелкие обломки каменных архитектурных деталей и три чирюга-плоски (одни во фрагментах). Еще два хума были поставлены на полу этого же помещения, в северо-западном углу, чуть вкопанные донной частью. Тулово одного из них сохранилось на высоту 70 см (диаметр хума в этой части 65 см) и изнутри промазано, видимо, починочным слоем алебастра. Для большей прочности пазухное пространство между стеной помещения и нижней половиной хума забито глиной. На полу между хумами была найдена медная "тетрадрахма" кушанского царя Вимы Кадфиза, в завале над полом и суфой - фрагменты керамических сосудов. Керамика и фрагменты архитектурной декорации, найденные здесь в заполнении помещения, явно перестроенные.

Помещение № I функционировало только на протяжении первого этапа жизни монастыря, так как и оно было заложено кирпичной кладкой (со стороны помещения № 2), но не на всю глубину проема, а только в один кирпич; кладка была покрыта толстым слоем саманной штукатурки. Помещение № I было заложено, видимо, в конце первого этапа функционирования здания или непосредственно перед устройством верхнего пола в помещении № 2. К этому времени из трех помещений хозяйственного назначения в северо-восточном углу монастыря продолжал использоваться только коридор № 2 (10,30x2,17 м) с единственным выходом (ширина 1,17 м) в южном торце, который вел во двор.

На протяжении первого этапа стены помещения № 2 были покрыты ганчевой обмазкой, пол перед выходом во двор был выстлан плоскими каменными плитами. Осыпавшаяся штукатурка толстым слоем покрывала нижний пол в северной половине коридора, а 10-15-сантиметровый слой надувного песка в южной части помещения припорошил каменную выстилку у входа: создается впечатление, что между использованием этого помещения на протяжении первого этапа и ремонтными работами в процессе устройства верхнего пола (2-ой этап) эта часть здания была какое-то время заброшена.

Пол второго этапа в помещении № 2 — на 15-20 см выше основного. Видимо, второй этап был здесь непродолжительным. Перекрытие помещения было плоским — с использованием дерева, камышевой прокладки и глиняной обмазки. Жизнь в этой части здания прекратилась в результате мощного пожара: рухнувшее горящее перекрытие сильно повредило поверхность пола и низы стен, прокалились докрасна и стены значительно выше пола. Вероятно, вместе с перекрытием рухнула и верхняя часть кирпичных стен помещения.

Находки выше уровня вторичного пола немногочисленны: обломки каменных облицовочных плит и обожженные кирпичи-плитки, вторично использованные на протяжении 2 этапа для ремонта, но происходящие из слоя первого этапа.

В северо-восточном углу монастыря были раскопаны еще два помещения, имевшие хозяйственное назначение — № 8 и 9.

Помещение № 9 образует в плане квадрат (3,10x3,10 м), имеет выход во двор и, видимо, служило кельей для жилья. Его стены сохранились на высоту от 0,1 до 0,3 м, поверхность пола прослеживается только у стен и в проходах, а там, где она не сохранилась, проступает щебень и скальный массив. От пола и до уровня современной дневной поверхности помещение заполнено обломками камня обожженных плиток (их толщина 2,5-3 см), углем и золой. Пол второго этажа в этом помещении проследить не удалось.

Помещение № 9 дверным проемом (ширина 0,9 м) в северо-восточном углу соединялось с хозяйственным помещением-кладовой № 8 (3,60x2,10 м). Возможно, помещение № 8 на последнем этапе жизни здания выполняло роль кладовой всего монастыря. В западной его части стояли вкопанные донной частью в суфу на разную глубину пять больших хумов (сохранились их обломки и нижние части). Шестой хум находился в юго-восточном углу кладовой, частично загораживая вход в нее. Кроме фрагментов стенок и глины, хумы были также заполнены обломками столовой и кухонной посуды. В одном из хумов были найдены также обломки железной разливательной ложки. В этом же помещении были найдены три обломка колыба, сделанного из ганча, - овальных очертаний (14,5x12 см), с выпуклой тыльной стороной. На рабочей стороне вырезано изображение хищной птицы с распростертыми крыльями; в изогнутом клюве повернутой влево головы птицы держит змею. Остатков скульптурного убранства, для изготовления которого предназначался этот колыб, пока обнаружить не удалось.

В отчетном сезоне были вскрыты также цела храма (помещение № 3 - 6,30x6,37 м) и три колена обходного коридора. Оказалось, что пол центральной части храма почти на 1 м выше пола обходных коридоров, а в северной части помещения он образует ступень шириной в 2 м, поднятую еще на 0,2 м. Стены сохранились на высоту всего 0,1-0,2 м. Они были окрашены в красный цвет поверх белой ганчевой обмазки (сохранились остатки краски). Обмазка имеет четкую выкружку от стены к верхней ступени и от нее - к приподнятому полу. Возле выхода из храма была положена деревянная плита порога (шириной около 22 см) запод-

лицо с приподнятым кирпичным полом. В щелях проема (со стороны, обращенной к помещению) были устроены пазы (глубина 54 см, ширина 29 см) для плахи.

В центре храмового помещения, в полу, было расчищено прямоугольное углубление (140x105 см при глубине 10—11 см), заполненное золой, древесным углем и обгоревшими кусками дерева. Зола, обгоревшие комки глины и угольки покрывали и пол всего помещения. Перед входом в храм, со стороны двора, были найдены в завале обломки ганчевой скульптуры, но окончательная расчистка наружного фасада храмового помещения и прохода в него в отчетном сезоне не производились.

Обходные коридоры (№ 4, 5, 6) имели длину 9 м (при ширине 1,2 м) и только один выход со стороны двора в торце западного колена (№ 6) шириною 0,83 м. Заполнение коридоров состояло из зольных слоев, обрушившихся верхних частей стен, мелкой щебенки и — изредка — единичных фрагментов керамики, обломков железных плиток и фрагментов каменных деталей архитектурной декорации. В южном торце коридора № 4, почти на уровне современной дневной поверхности, были обнаружены остатки двух погребений — детского и взрослого. Кости (очень плохой сохранности) лежали в полном беспорядке. Инвентарь погребений включал маленький узкогорлый кувшинчик с шаровидным туловом (без ручки); полусферическую миску (во фрагментах); несколько бусин (две сердечковидные с травленным рисунком, одна — из прозрачного горного хрусталя, одна пастовая глазчатая, одна — коралловая); лазуритовую подвеску-пронизку прямоугольной конфигурации; обломки кольца с лазуритовой квадратной вставкой; бронзовую серьгу (во фрагментах); костяную цилиндрическую пронизку.

Погребения явно не связаны с обитателями монастыря и относятся к тому времени, когда здание стояло в развалинах; более определенно датировать захоронения имеющиеся материалы не позволяют.

Керамика, относящаяся ко времени функционирования монастыря, немногочисленна и происходит главным образом из хозяйственных помещений (№ 1, 2, 8) и с обоих горизонтов двора. Датировочное значение имеют фрагменты кубков с цилиндроконическим резервуаром на неустойчивой ножке (рис. 3. I); обломок сероглиня-

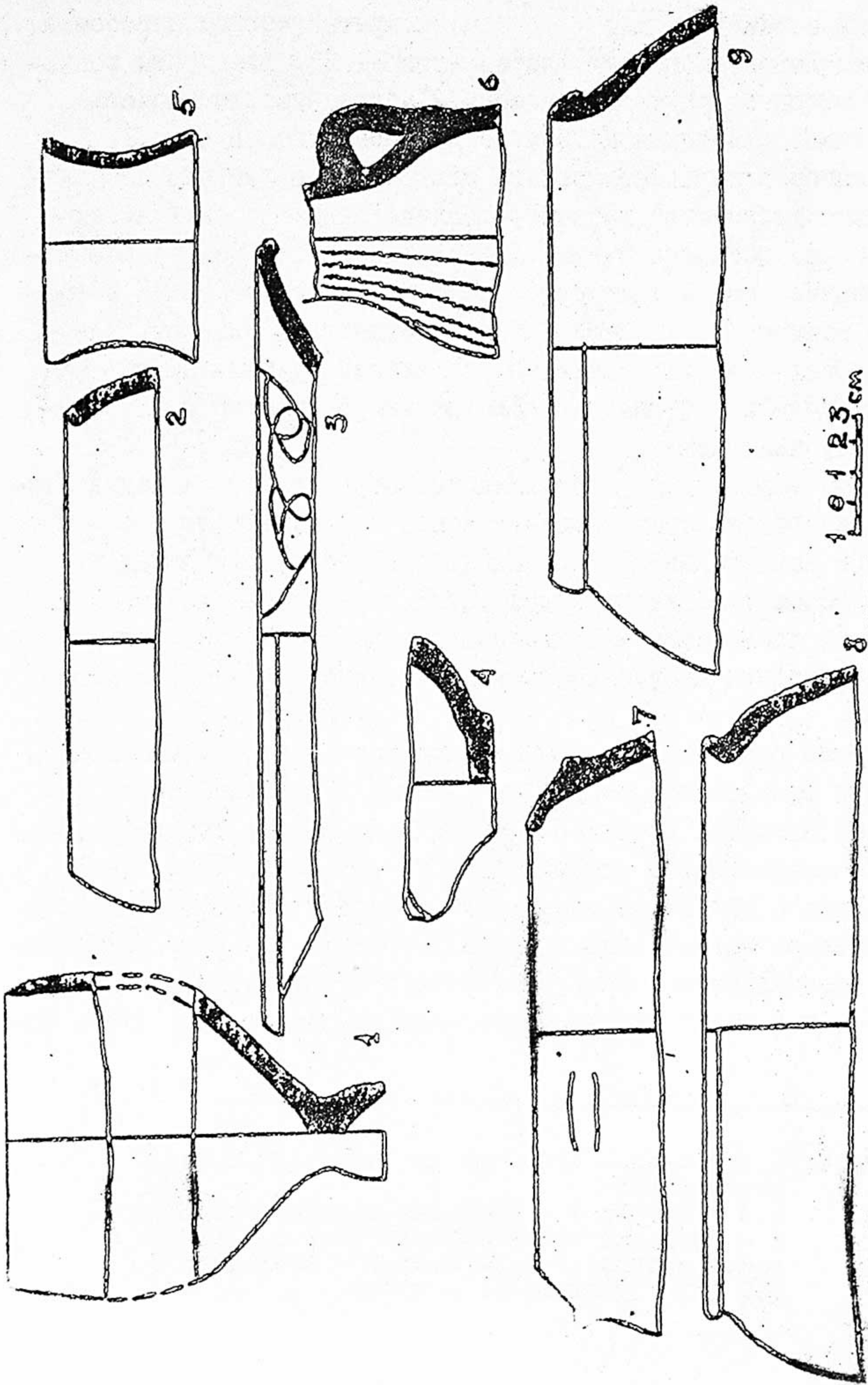

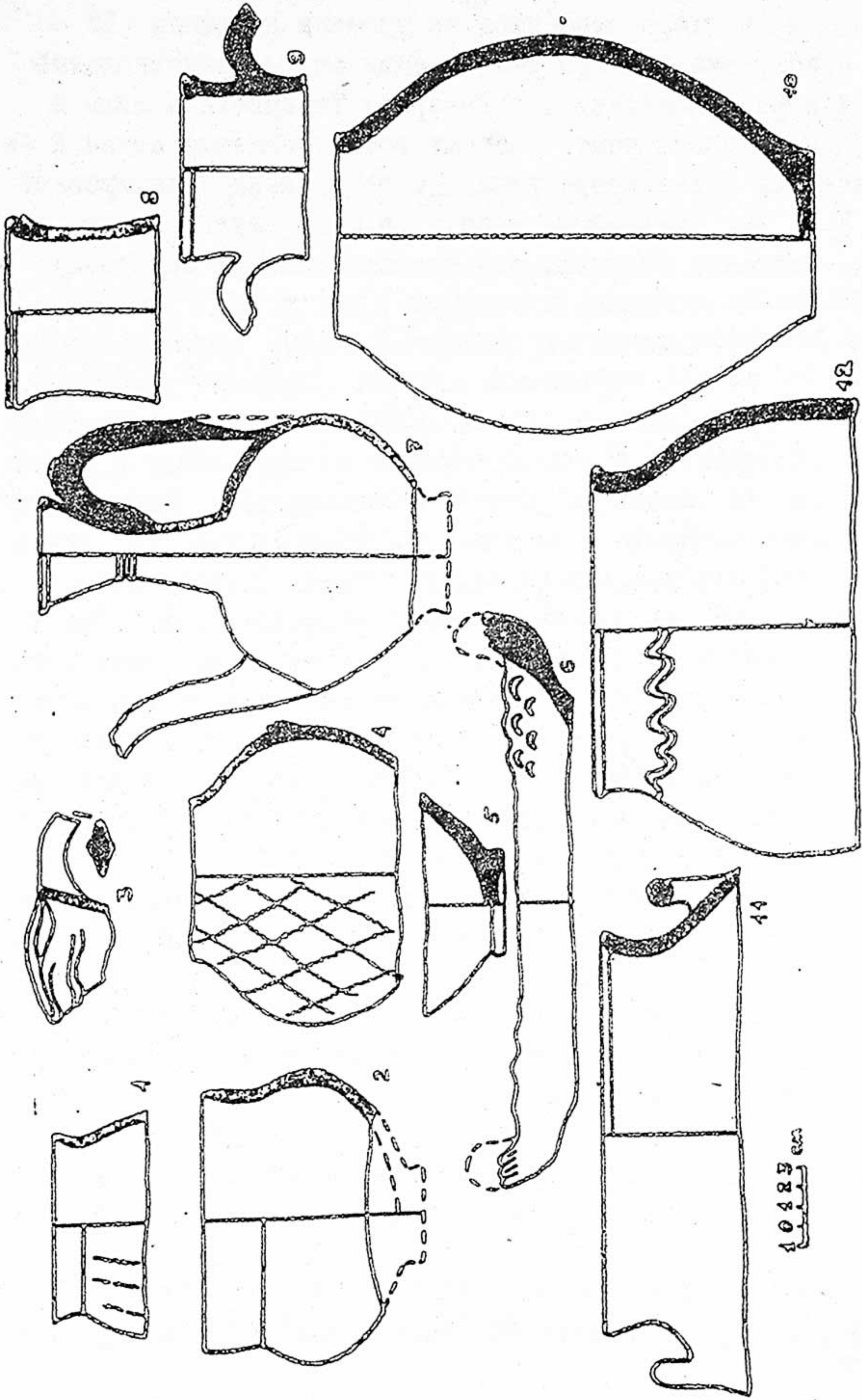
Рис. 3. Шугур Муло. Керамика из помещений и двора сангхарамы:
 1 - кубок; 2, 7 - котлы; 3 - тагора; 5, 6 - кувшины; 8, 9 - широкогорлые сосуды.

ной миски с загнутым внутрь краем, покрытый черным ангобом и блестящим лощением с двух сторон (рис.3. 2); фрагменты тонкостенных мисок с оранжевым ангобом и горизонтальным поясом спиралевидного лощения на внутренней поверхности (рис.3. 3). Форма, ангоб и характер лощения этих сосудов типичны для слесей "великокушанского" времени, исследованных на памятниках Южного Таджикистана и Южного Узбекистана. Но в тех же помещениях были встречены фрагменты сосудов позднекушанского времени (IV- начало V в.): кубки-чаши, сосуды типа энохой, вазы-тагора с вертикально поставленными витыми ручками на верхнем крае, двуручные кувшины с подквадратным в сечении и уплощенным сверху венчиком.

Таким образом, немногочисленные керамические находки позволяют датировать существование монастыря только широко - III-IV вв. (с неизбежными отклонениями при разных вариантах кушанской абсолютной хронологии). Этим же временем должно быть датировано сооружение и функционирование ступы в ее раннем облике - с одним пандусным (или лестничным) подъемом с одной стороны.

Первый период жизни всего комплекса заканчивается мощным пожаром и разрушением сангхарамы. После продолжительного запустения, во время которого развалины монастыря, видимо, были частично использованы для захоронений (не исключено, что из погребального инвентаря происходит и найденный в завале обходного коридора чайниковидный кувшин - рис.4. 7), восстанавливается и переделывается в крестообразную и ступенчатую ступа. Известно, что самые ранние по времени крестообразные ступы та-

Рис.4. Шугур Мулло. Керамика из помещений и двора сангхарамы:
 1, 2 - кубки; 3 - фрагмент венчика энохой;
 4 - фрагмент стенки кувшинчика; 5 - нижняя часть сосуда; 6 - тагора; 7 - польвик; 8-10, 12 - кувшины; 11 - хумча.

10283 cm

Fig. 1.

кого типа в Гандхаре относятся ко времени не ранее IV — V вв.³ Используемый при реставрации ступы прямоугольный сырцовый кирпич появляется в Северном Тохаристане лишь в раннесредневековое время. Поэтому восстановление ступы и ее существование в реконструированном виде следует датировать концом V—VI вв. Дальнейшие работы на Шутур Мулло, можно надеяться, позволят уточнить эту предварительную датировку.

3. H. F r a n z. Buddhistische Kunst Indiens. Leipzig, 1965, S. 100.

В.С.Соловьев

РАСКОПКИ НА КАФЫРКАЛЕ В 1979 г.

Летом 1979 г. были продолжены раскопки на объекте № 3 в центре города.^I Здесь завершена расчистка крупного зала, являвшегося, очевидно, главным помещением одного из жилых домов. Частично вскрыт обходной коридор, огибающий зал с севера и запада, а также участок крытого переулка, отходящего от главной магистрали, и соединяющего с ней, вероятно, несколько жилых домов. Все эти постройки относятся к кроющему слою (КФ-1).

Зал (пом.1) имеет в плане правильную квадратную форму (7,2x7,2 м), диагонали у него также равны. Это свидетельствует о том, что перед началом возведения зала была сделана разбивка его контуров на местности. Стены зала возведены из кирпича, сохранились они на высоту 2-3,5 м. Толщина стен различна: восточной 2 м, северной 1,8 м, западной 1,4 м. На некоторых участках стен сохранилась штукатурка в два слоя. Первый слой имеет толщину около 4 см, он выравнивал поверхность стены. Затем на него был нанесен еще один слой штукатурки толщиной 1 см. После этого стену покрыли тонким (около 1 мм) слоем зеленоватой декоративной глины (рис.1).

В истории функционирования зала выделяется три этапа. На первом этапе он был парадным. Вдоль его стен располагались суфы. У северной, западной и южной стен они образуют ленту, прерывающуюся лишь у входа; у восточной стены южная суфа поворачивает и образует интересный постамент (1,9x0,9 м), который выступает от стены внутрь помещения. Он был оштукатурен,

I. В составе отряда работали следующие сотрудники: В.С.Соловьев — нач. отряда, Ф.Абдуллаев — ст. лаборант и 7 рабочих-землекопов.

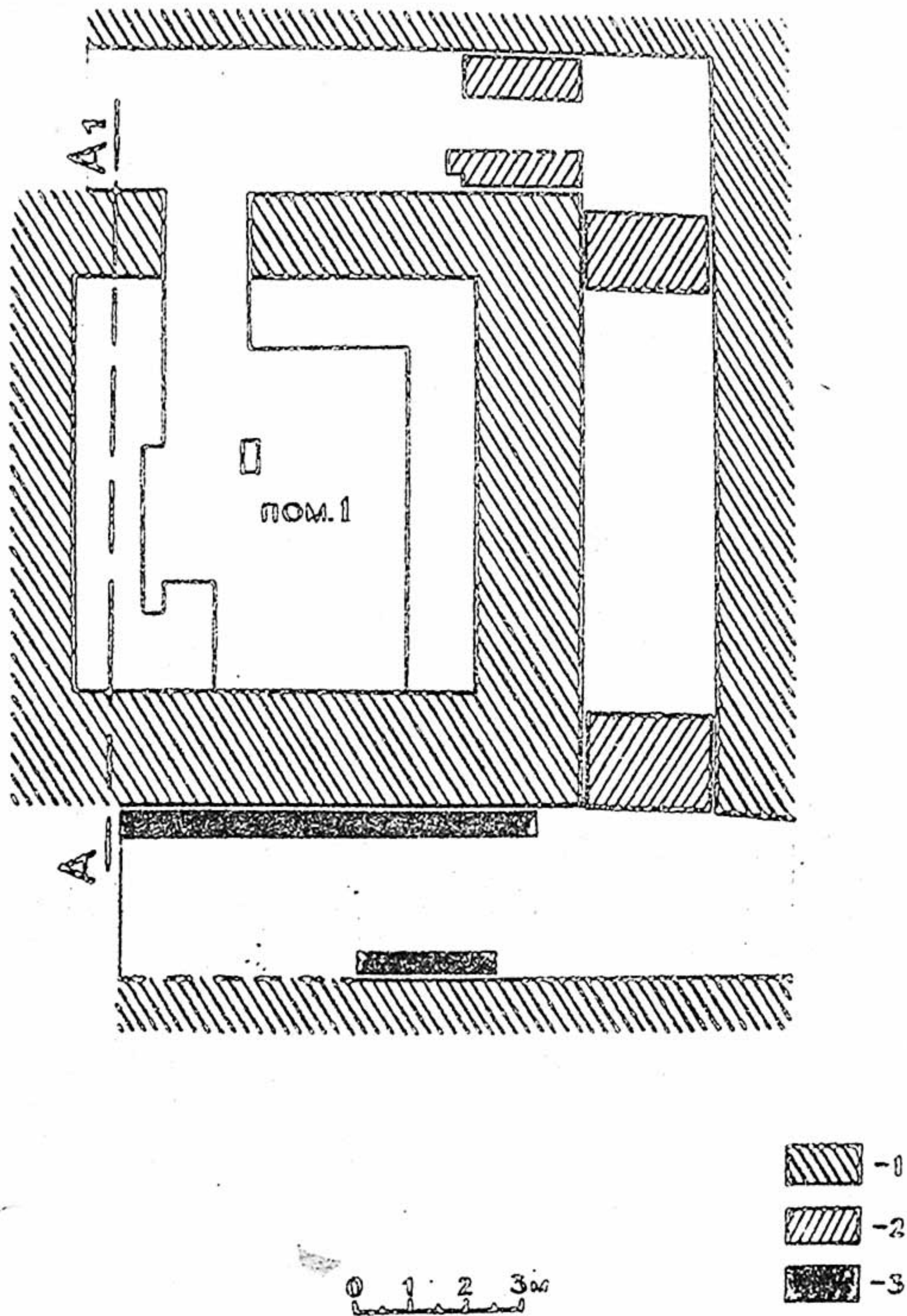

Рис. 1. Кафиркала. План строений объекта № 3:
 1 - стены ранних построек; 2 - ремонтные стены
 дома; 3 - ремонтные стены переудка.

побелен и выкрашен в желтый цвет. Около постаментов найдены мелкие кусочки раскрашенной глиняной скульптуры. Ширина суф равна 1,2 м, высота 0,4 м. Сложены они из прямоугольных сырцовых кирпичей (50x25x8-10 см). Кладка аккуратная: соблюдается чередование тычковых и ложковых рядов кирпича, ряды его строго горизонтальны. Суфы тщательно оштукатурены глиняной штукатуркой; ею же сделана выкружка от суф к стенам.

Вход в зал был оставлен в западной стене, не в центре, а с сильным смещением от оси в южную сторону. Перекрыт он был клинчатой аркой; ширина его 1,5 м. Вход был оформлен в виде тамбура. У внешнего и у внутреннего его краев были найдены остатки двух поперечных деревянных брусьев, расстояние между которыми равно 1 м. Толщина внутреннего бруса равна 15 см, концы его были впущены в щеки входа, а сам он наполовину вкопан в пол. Представляется, что к нему крепилась дверь. Толщина внешнего бруса 12 см, концы его упирались в щеки входа, но не были заглублены в них. Вероятно, он был порогом. Перекрыт зал был, возможно, куполом. При расчистке завала было найдено большое количество упавших "на пода" кирпичей.

Пол помещения хорошо утрамбован и обмазан глиняным раствором. В полу, почти в центре помещения, был устроен очажок — небольшое (60x27 см) углубление, стенки которого нарастили сырцовым кирпичем до 17 см. На полу вскрыт культурный слой толщиной 5 см. Он состоял из сгнивших циновок, которыми устилали пол, черепков, золы, угольков и костей. В слое, в разных местах помещения, были найдены небольшие кусочки синей краски на штукатурке, сердоликовая печать-гемма, костяная пуговица, железный нож, обломки двух медных чаш и др.

Начало второго этапа связано с подъемом уровня пола, вызванного, очевидно, сыростью. К этому времени внутрь помещения упала часть восточной стены. Ее развал, а также битая керамика использовались для подсыпки. На отдельных участках она сменялась кладкой из кирпича-сырца, уложенного "елочкой на пода". Толщина забутовки различна: у северной стены — 70, в центре помещения — 40 см. Новый пол был неровный, но хорошо утрамбованный. Суф на нем возводить не стали. В северной части зала в суфу, оказавшуюся теперь на уровне пола, был врыт танур —

перевернутый вниз горлом хум, диаметр тулова которого равен 70 см. Недалеко от него в пол врыт хум; яма, в которой он стоит, имеет диаметр 1,10 м. Высота хума около 1 м, диаметр тулова 70 см, диаметр венчика 46 см. Сверху его горло было закрыто керамической плиткой (45x45x3 см). Хум заполнен натечными слоями, на дне лежит слой (толщиной около 5 см) сгнившей органики, ничего другого в нем не было. В северо-западном углу был устроен очаг, он имеет простую конструкцию, сделан из сырцового кирпича. Топочная камера у него прямоугольная (40x30 см), глубина ее 10 см. Около очага заложен россыпь обгоревшей пшеницы.

На всей площади второго пола лежит культурный слой толщиной 40 см. Он состоит в основном из золы, в нем большое количество костей животных, черепков (преимущественно обломков хумов), угольков, 7 мелких обломков стеклянных сосудов, а также амулет, вырезанный из морской раковины. Судя по составу культурного слоя, отсутствию суф, наличию танура и очага, можно предположить, что на втором этаже зал был превращен в хозяйственное помещение.

Третий этаж выделяется в зале также благодаря зафиксированному новому подъему уровня пола на 20-30 см, который, вероятно так же, как и первый, объясняется сыростью. Поверхность третьего пола неровная, плохо утрамбованная. Почти в центре зала в пол был врыт хум. Диаметр ямы, в которой он стоит, равен 1 м, края ее обложены сырцовым кирпичом. Высота хума 90 см, диаметр тулова 70, диаметр венчика 42 см. В юго-западном углу на пол были поставлены два танура-хума без дна, перевернутые вниз горлом. Один из тануров с трех сторон был взят в пахсовый кожух толщиной 80-90 см, который придавал ему устойчивость. Когда он почти полностью разрушился, в него вставили новый танур, который сохранился хорошо. Диаметр его тулова в середине 70 см, сохранившаяся высота 50 см. Второй хум, расположенный рядом с первым, был также взят в кожух, выложенный из сырцового кирпича (50x25x9 см) и их обломков. Сохранился он плохо. На верхнем полу найдено большое количество фрагментов хумов и монета с квадратным отверстием.

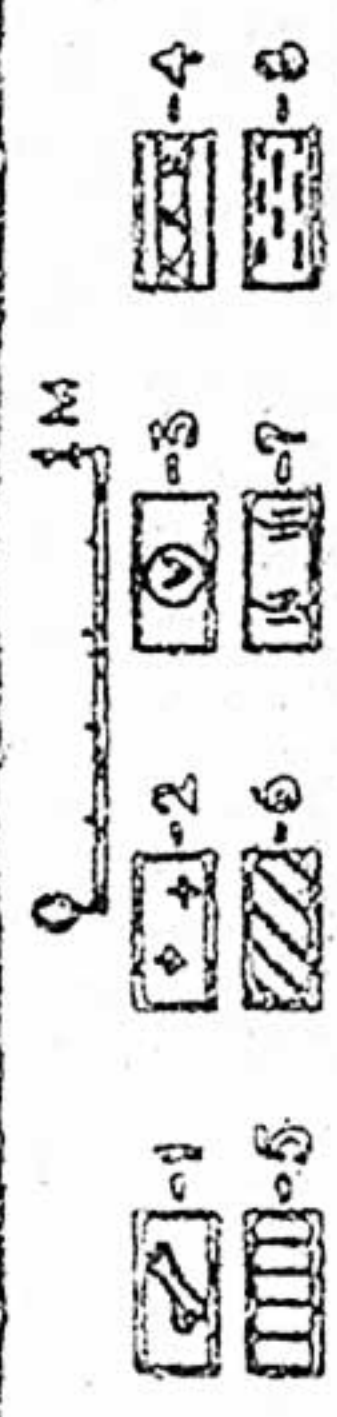
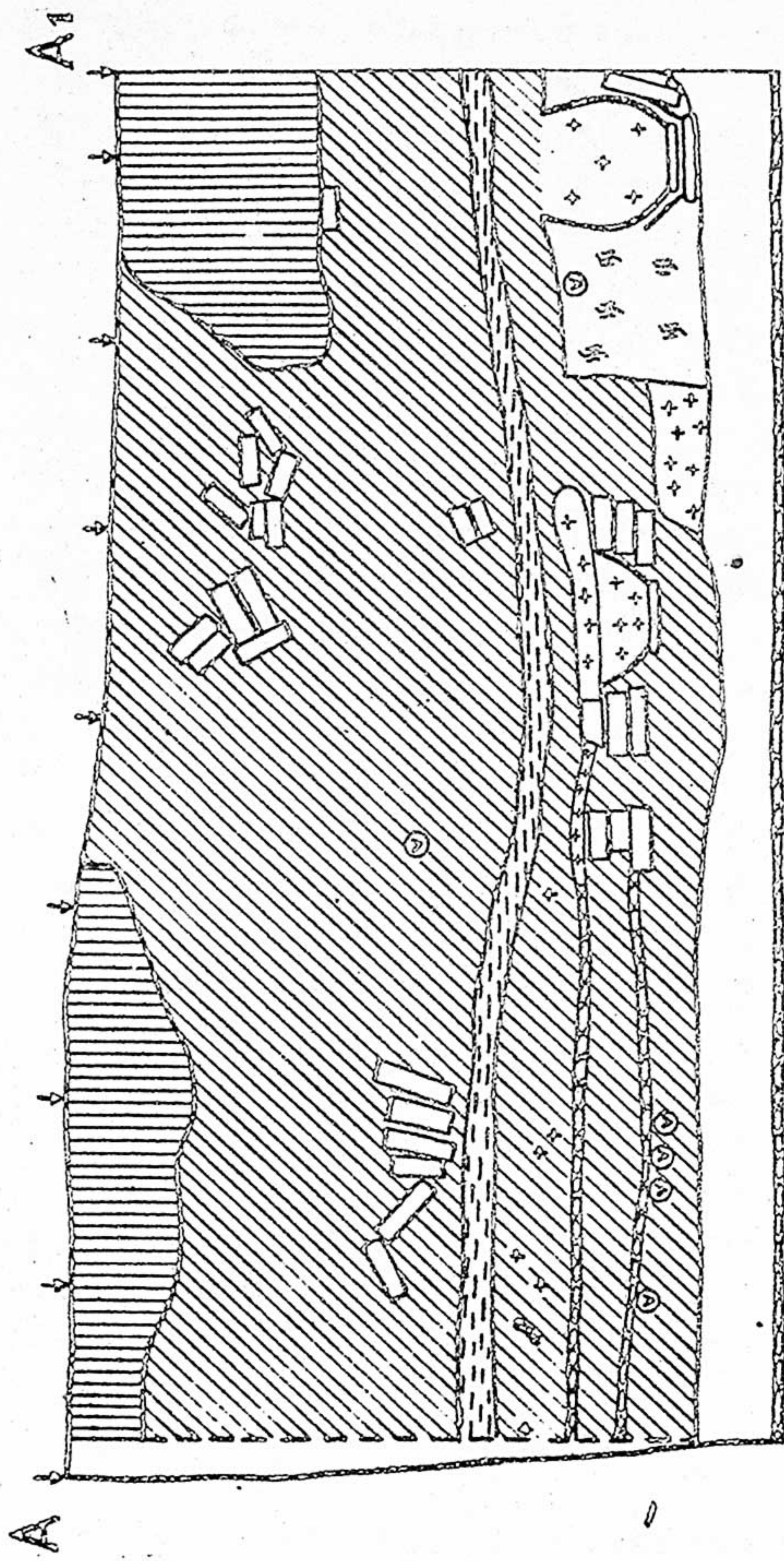

Рис. 2. Кафаркава. Объект № 3. Разрез через помещение 1:
 1 - кости; 2 - угольки; 3 - фрагменты керамики;
 4 - уровень полов; 5 - пашовые блоки; 6 - разло-
 жившиеся строительные остатки; 7 - пашовая клад-
 ка; 8 - пашово-надувной слой.

Зал был заброшен, очевидно, после того, как жизнь в городе прекратилась. Сверху последний культурный слой перекрыт настилами. Затем начали разрушаться перекрытие и верхушки стен. Вначале разрушение шло медленно, затем очень интенсивно. Упали не только кирпичи и мелкие куски пахсы, но большие пахсовые глыбы, целые звенья кирпичной кладки. Завал этот очень плотный (рис.2).

Летом 1978 г. к востоку от зала был заложен небольшой шурф, который в 1979 г. мы расширили. Оказалось, что вдоль всего зала с севера на юг идет крытый переулочек, который первоначально имел ширину 3 м. Он соединял несколько жилых домов с центральной уличной магистралью. Сверху коридор перекрыт завалом из кусков пахсы и кирпича толщиной 0,38 м — остатками рухнувшего перекрытия и верхушек стен. Под ними идут нагнеточно-надувные слои общей мощностью 0,92 м, образовавшиеся после того, как жизнь в городе замерла, перед интенсивным разрушением архитектурных конструкций.

Длина переулочка более 20 м. Он функционировал на всем протяжении периода КФ-I. При этом переулочек неоднократно ремонтировался. На раннем этапе отремонтирована была восточная его стена. Напротив зала к ней был приставлен контрфорс длиной 2,45 м, шириной 0,35 м, сложенный из пахсы. Примерно в середине периода КФ-I на большом участке была отремонтирована западная стена переулочка, общая с залом. К ней была приставлена кирпичная стена толщиной 0,5 м, выложенная из сырцового кирпича (50x25x8-10 см), положенного вперевязку, с чередованием тычковых и ложковых рядов, т.е. она выложена в один кирпич. Оба ремонта были, видимо, вызваны тем, что на стены переулочка падала большая нагрузка: на каждую из стен опиралось два перекрытия. В коридоре вскрыто шесть культурных слоев общей мощностью 1,3 м.

Раскопки обходного Г-образного коридора, огибающего зал с двух сторон, начаты в 1979 г. Он отходил от переулочка под прямым углом около внешнего северо-восточного угла зала, продолжался до северо-западного его угла, поворачивал и шел вдоль всего западного фасада зала. Из него вход вел в зал. Длина каждого колена коридора около 10 м, ширина 2,4-2,5 м.

Сверху на глубину 1,5–1,6 м он заполнен кирпичами и кусками пахсы — остатками стен и перекрытия. Под ними натечно-надувной слой толщиной 1,0–1,3 см. На одном из этапов, который соответствует 2 или 3 этапу жизни в зале, коридор был отгорожен от переулка глухой стеной и стал использоваться для хранения. Затем глухой стенкой его перегородили напротив северо-западного угла зала, отключив тем самым северное колено коридора. В связи с этими перестройками был переориентирован и вход в дом.

В западном отрезке коридора, напротив входа в зал, в прослойке натечно-надувного характера, найдена керамическая плита, разбитая в древности на четыре части. Штампом на ней до обжига оттиснута сцена, изображающая охоту всадника на горного барана. Плита в плане имеет подпрямоугольную форму; боковые его грани немного скошены в сторону тыльной части. Длина плиты 45–43 см, ширина 34–33 см, толщина 4–4,5 см. Она изготовлена в форме из глины, с примесью мелко нарубленной соломы. Обжиг изделия хороший. Тыльная сторона плиты не обработана, поверхность ее неровная, шероховатая. Вероятно, это было сделано специально для того, чтобы она лучше держалась на арке или на стене (рис. 3).

Длина самого штампа 40 см, ширина 22 см. Наиболее четко оттиск получился на нижней части плиты. Сцена охоты очень динамична. Скачущий во весь опор всадник настиг убегающего барана и натягивает лук. На всаднике надет короткий кафтан; смутно различаются ленты головного убора. На левом боку у всадника меч. Тщательно проработана сбруя коня: узда, седло с изогнутой лукой, подпруга. Фигура барана очень крупная.² Чтобы хорошо были видны его рога, мастер, резавший штамп, развернул их так, будто баран смотрит не перед собой, а в сторону.

Этот рельеф представляет для нас большой интерес. В Таджикистане подобный сюжет на древних памятниках искусства

2. По мнению Г.Н. Сапожникова, на рельефе изображен взрослый (лет 7–8) самец-уриал. Именно в это время концы рогов у них загибаются. См. также: Г.Н. Сапожников. Дикие бараны (род *ovis*) Таджикистана. Душанбе, 1976.

Рис.3. Кафиргала. Керамический рельеф со сценой охоты.

встречая впервые. При раскопках Варахши были найдены фрагменты штукатурной декорации, среди которых есть изображения пронзенного стрелой барана, а также двух охотившихся всадников и дерева с плодами.³ К сожалению, нельзя с уверенностью судить о том, какое положение по отношению друг к другу эти рельефы занимали. Не исключено, что они входили в одну композицию. Несомненное сходство кафыркалинский рельеф имеет с изображениями сцен охоты на баранов, имеющихся на сасанидских чашах. На серебряном блюде из Малой Перещелины изображен конный Шапур II, охотящийся с луком на горных баранов. Два из них убиты, они лежат в разных позах под ногами коня; два других барана бегут перед лошадью, причем в одного из них всадник стреляет.⁴

Композиционная схема этого блюда практически идентична композиционным схемам сцен охоты на баранов, имеющимся на двух других сасанидских серебряных блюдах. Одно из них хранится в Метрополитенском музее,⁵ другое — в личном собрании Д. Рабино.⁶ Сходство между этими блюдами столь велико, что можно предположить существование единого образца, по которому они изготовлены. На другом блюде из Эрмитажа в верхней части композиции изображен Хосров I (531–578 гг.) в окружении своих вельмож. Внизу — сцена охоты его сына Ормизда на горных баранов. Здесь изображено три барана, они бегут в противоположную сторону от всадника, который резко обернувшись назад, стреляет из лука в них, т.е. на этом блюде из Эрмитажа представлен иной вариант охоты на баранов.⁷

Кафыркалинский рельеф роднит с сасанидскими чашами прежде всего выбор тематики, но на нем изображена как бы часть

3. В.А. Шишкин. Варахша. М., 1963, с.166–185.

4. И.А. Орбели, К.В. Тревер. Сасанидский металл. М.-Л., 1935, табл.5.

5. P.O. Nagler. The royal hunter. Art of Sasanian empire. New York, 1978, p.40, pl.7.

6. Sasanian silver. The University of Michigan Museum of Art. Ann Arbor, 1967, p.96, pl.7.

7. И.А. Орбели, К.В. Тревер. Ук. соч., табл.13.

той композиции, которую мы видим на этих чашах. Резчик, изготовивший штамп для керамического рельефа, взял минимальное количество персонажей. Этим он добился того, что внимание зрителей, смотрящих на рельеф, было направлено непосредственно на восприятие самого драматического момента охоты; этим резчик придал сцене максимальный динамизм. Отличия между рельефом и чашами наблюдается и в деталях. Сасанидские цари одеты в пышные одежды, на головах у них характерные для каждого из них короны; на лошадях богатая сбруя. Всадник на рельефе изображен в коротком кафтане без украшений; сбруя его ковы намного скромнее. Отличительной особенностью изображения на кафыркалинском рельефе является наличие на нем дерева с крупными плодами, которое, вероятно, было включено в композицию не только как декоративный элемент, но и несло смысловую нагрузку. Несмотря на то что растительность часто изображалась на памятниках сасанидской торевтики для оживления сцен охоты, на указанных чашах ее нет.

Керамический рельеф из Кафыркалы датируется второй половиной III в., т.е. он изготовлен намного позже упоминаемых сасанидских чаш. Это обстоятельство, возможно, свидетельствует о том, что резчик штампа мог заимствовать сюжет из сасанидской торевтики. Бывшие отличия между ними в таком случае говорят о художественной и смысловой его переработке. Возможно, в искусстве Средней Азии, независимо от искусства Ирана, разрабатывалась тема охоты на баранов. Для доказательства нужны материалы, которые датировались бы более ранним временем, не позднее первых веков нашей эры.

В 1979 г. в траншее, вырытой в северной части города экскаватором, был найден обломок венчика хума, на внутренней стороне которого сохранился оттиск печати-геммы (рис. 4). Она имела в плане круглую форму; диаметр ее был равен 2 см; глубина оттиска штампа равна 2 мм. Штамп не очень четкий, некоторые детали геммы поэтому отпечатались плохо, но изображения, имеющиеся на ней, в целом понятны. Хорошо видны фигуры ковы и сидящего на нем всадника, они занимают центральную часть щитка. Сзади и спереди на всадника прыгают два хищника. Всадник протягивает руки им навстречу. Резчик геммы придал всем персона-

Рис. 4. Кафыркала. Оттиск печати-геммы на венчике хума.

жам схематичность и условность; мелкие детали он не проработал; заметно его стремление к симметрии. Сцена, вырезанная на печати, является охотничьей, она необычна в том смысле, что на всадника одновременно нападают два хищника. Обычно же в сценах охоты всадника на хищников (это особенно хорошо видно на памятниках сасанидской тюреттики), один из них изображался поверженным, а другой нападающим. В живописи Варахши есть сцена охоты всадников, сидящих на слонах, на реальных и фантастических зверей. Они нападают как спереди, так и сзади на охотника и погонщика, т.е. здесь — на каждого из них приходится по одному хищнику.⁸

Из остальных находок интерес представляют обломки двух медных чаш, впервые найденных на Кафыркале (рис. 5. I, 2). Одна из них имела плавно суживающиеся ко дну стенки. Дно, вероятно, у нее было округлое. Закрайна диаметром около 20 см. Профиль стенок второй чаши сложнее. Примерно в середине тулова они резко перегибались, в этом месте у чаши ребро. Закрайна приострена и немного отогнута наружу, диаметр ее около 15 см. Первая

8. В. А. Шишкин. Ук. соч., табл. I-II.

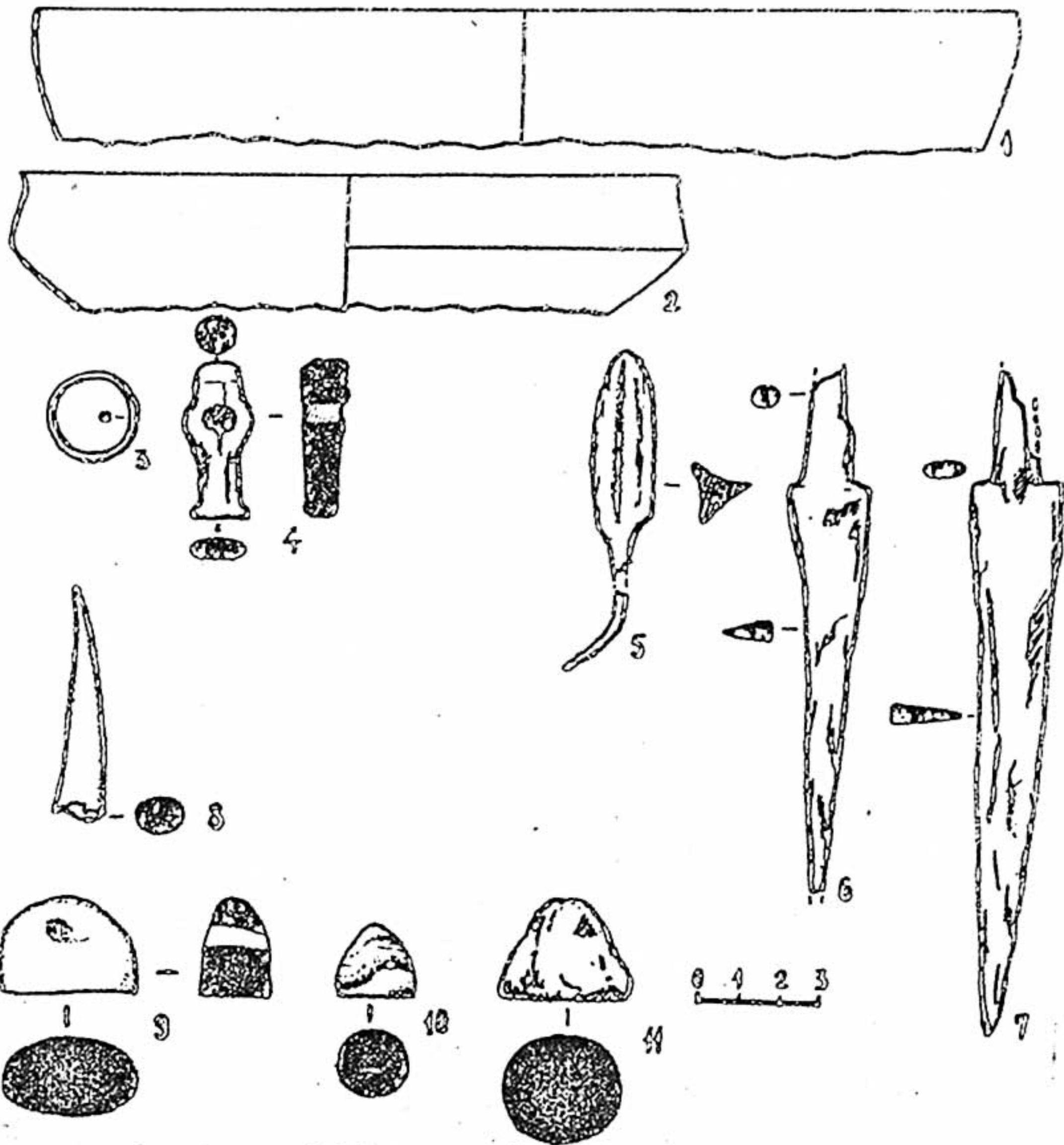

Рис. 5. Кафиркала. Различные находки:
 1-2 - обломки медных чаш; 3 - медное кольцо;
 4 - бронзовый молоточек; 5 - железный наконечник
 стрелы; 6-7 - железные ножи; 8 - обработанный
 рог; 9-11 - заготовки для печатей.

чаша представляет собой наиболее простой вариант такого типа изделий. Среди находок из Пенджикента они преобладают.⁹ Прямых аналогий для второй чаши здесь нет.

Интересен также маленький бронзовый молоточек. Длина его около 3 см, ширина в центре 1,5 см. Для насаживания молоточка на ручку в нем сделано круглое отверстие диаметром 7 мм. Оба конца молоточка были рабочими. Один из них закруглен, другой

9. В. И. Распопова. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 125, рис. 83, 1-12.

уплощен. Молоточек, очевидно, был ювелирным (рис. 5. 4). В разных частях раскопа найдены два железных однолезвийных ножа с черешковым насадом (рис. 5. 6, 7), а также трехлопастный железный наконечник стрелы (рис. 5. 5). В зале найдены также три заготовки печатей (рис. 5. 9-11). Две из них (9, 10) сделаны из камня, третья (11) изготовлена из алебастра. На их штифтах ничего не вырезано. В текущем сезоне найдено большое количество керамики, около 50 бронзовых монет.

Раскопки 1979 г. на Кадыркале добавили новые сведения о структуре раннесредневекового города Тохаристана; получены интересные данные для характеристики материальной культуры и искусства. Массовые находки монет позволяют надеяться, что датировка периодов жизни на городище будет постепенно значительно сужена.

Б.А.Литвинский, В.С.Соловьев

РАСКОПКИ НА КАЛАЙШОДМОН В 1979 г.

В 1978-1979 гг. раскопки на цитадели городища Калай Шодмон в Орджоникидзебадском районе были возобновлены.¹ Северо-восточнее шурфа, заложенного в 1946 г. М.М.Дьяконовым, на большой площади был вскрыт крошечный слой, который, как выяснилось, датируется временем не ранее ХУП-ХУШ вв.н.э.² С этого уровня на небольшом участке сделано углубление, которое позволило выявить на памятнике слой более раннего времени. Летом 1979 г. в самом высоком месте цитадели, на краю обрыва, при зачистке были найдены фрагменты раннесредневековой настенной живописи.³ Осенью того же года раскопки на этом месте были продолжены.⁴ В результате здесь образовался большой раскоп.

1. Эти раскопки велись членами археологического отдела МАН г. Душанбе под руководством В.В.Радилюловского. См. его отчеты в предыдущем сборнике.

2. М.М.Дьяконов сравнил керамику крошечного слоя Калай Шодмон с датированной керамикой, найденной А.Стейном в Восточном Туркестане и датировал ее III-началом IV в.н.э. См.: М.М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. - МИА, № 157. М.-Л., 1950, с.182.

3. Раскопки на месте находки живописи летом 1979 г. велись Ф.Абдуллаевым. Выемку живописи осуществляли В.В.Радилюловский и Н.В.Турлыгин - лаборант реставрационной лаборатории Института истории им. А.Дониша.

4. В составе отряда работали следующие сотрудники ЮТАЭ: Б.А.Литвинский - нач. экспедиции, В.С.Соловьев - нач. отряда, Т.Шеркова - ст.лаборант, Т.П.Удыма - художник, а также рабочие - студенты Душанбинского государственного пединститута им. Т.Г.Шевченко.

Раскопками на цитадели Калаи Шодмон выявлено 4 культурных слоя: I — кушанский, 2 — раннесредневековый, 3 — X—XI вв., 4 — XII—XIII вв. В конце XIX — начале XX вв. цитадель использовалась как место для захоронения умерших жителей кишлака Кипчак. Нужно отметить, что культурные слои на цитадели сильно перемешаны в результате перестроек и позднесредневековыми хозяйственными ямами. В данном отчете публикуются результаты раскопок того участка цитадели, где были найдены остатки настенной живописи. Описание слоев и находок дается в хронологическом порядке.

К кушанскому времени, на вскрытом участке цитадели, относится коленчатый коридор, идущий с запада на восток, а потом под прямым углом поворачивающий на север. Длина западного участка коридора около 15 м (вскрыт участок длиной 12 м). Стены его возведены из сырцового кирпича (40—42х40—42х10 см). Сохранились они на высоту до 2,9 м. Для перевязки швов между кирпичами вдоль внутреннего и внешнего краев стены укладывались половинки кирпичей. Южная стена изнутри имеет вертикальную поверхность, а северная имеет наклон наружу, равный 68° . На стенах сохранилась глиняная штукатурка: на северной стене два слоя общей толщиной около 4 см, на южной — один толщиной 2 см.

Ширина коридора колеблется от 2,8 до 3,1 м. Вход в него располагался в середине западного торца. Ширина его равна 1,25 м, длина 1,20 м. С внешней стороны щеки входа оформлены в виде нешироких (10—14 см) уступов. Внизу между уступами располагался поперечный деревянный порог, концы которого были впущены в щеки входа на 30 см. Ширина углубления в полу, сделанного для укладки порога, 40 см. Дно этого углубления вымощено крупной галькой, лежащей в два ряда.

В северо-западном углу коридора зафиксирован ремонт: приставной клиновидной стеночкой длиной 4,1 м был срезан угол. При этом западный конец стеночки подходил к северной щеке входа. Культурного слоя в коридоре нет, лишь на полу найдено несколько маловыразительных фрагментов керамики.

В раннем средневековье постройки на цитадели, видимо, занимали лишь самую высокую, южную часть ее. Вскрытый учас-

ток коридора кушанского времени был в то время забутован пахсой на высоту около 1,5 м. После небольших перестроек и ремонтов им продолжали пользоваться. Это было возможно благодаря хорошей сохранности его стен. В восточном отрезке коридора, недалеко от угла, возводится арочная ниша, расписанная живописью. Сохранилась часть арки длиной 145 см, высотой около 50 см. Ее дуга состоит из радиальной кладки сырцового кирпича (48x24x10 см). Кладка арки велась таким образом, что два тычковых кирпича чередуются с двумя ложковыми. Этим достигалась хорошая перевязка швов. Арка дважды была покрыта глиняной штукатуркой (толщина первого слоя 1,3 см). Живописью была расписана плоскость ниши и лицевая часть перекрывающей ее арки. На одном из этапов раннесредневекового периода стена с нишей рухнула внутрь коридора, поэтому живопись лежала вниз "лицом". Летом, когда снимались основные фрагменты живописи, ее отпечаток был принят за лицевую сторону.

В X-XI вв. происходит кардинальная перестройка построек на вскрываемом участке цитадели. Характер новых стрессений пока во многом неясен. В том месте, где располагался угол кушанского коридора, была сделана дополнительная пахсовая забутовка. В мощном пахсовом монолите затем было вырублено небольшое помещение и ступенчатый спуск в него. Помещение имело неправильную, подквадратную форму, стороны его ориентированы примерно по странам света. Длина северной стороны равна 1,27 м, южной — 1,68 м, восточной — 1,15 м, западной — 1,51 м. Вдоль четырех стен внутри помещения идет П-образная лента суфы, ширина которой колеблется от 35 до 47 см, высота от 15 до 20 см. Перекрытие помещения имитировало ложный купол; высота его около 2 м. Ступенчатый спуск (см. о нем выше) и помещение были затем забиты мусором: обломками керамики, стекла, железных изделий, костями, золой и угольками. Из обнаруженных при раскопках спуска находок интерес представляет каменная печать.

К сожалению, в помещении не было найдено никаких находок, которые бы могли помочь в определении его назначения. Но, судя по очень небольшим размерам, оно не могло быть хо-

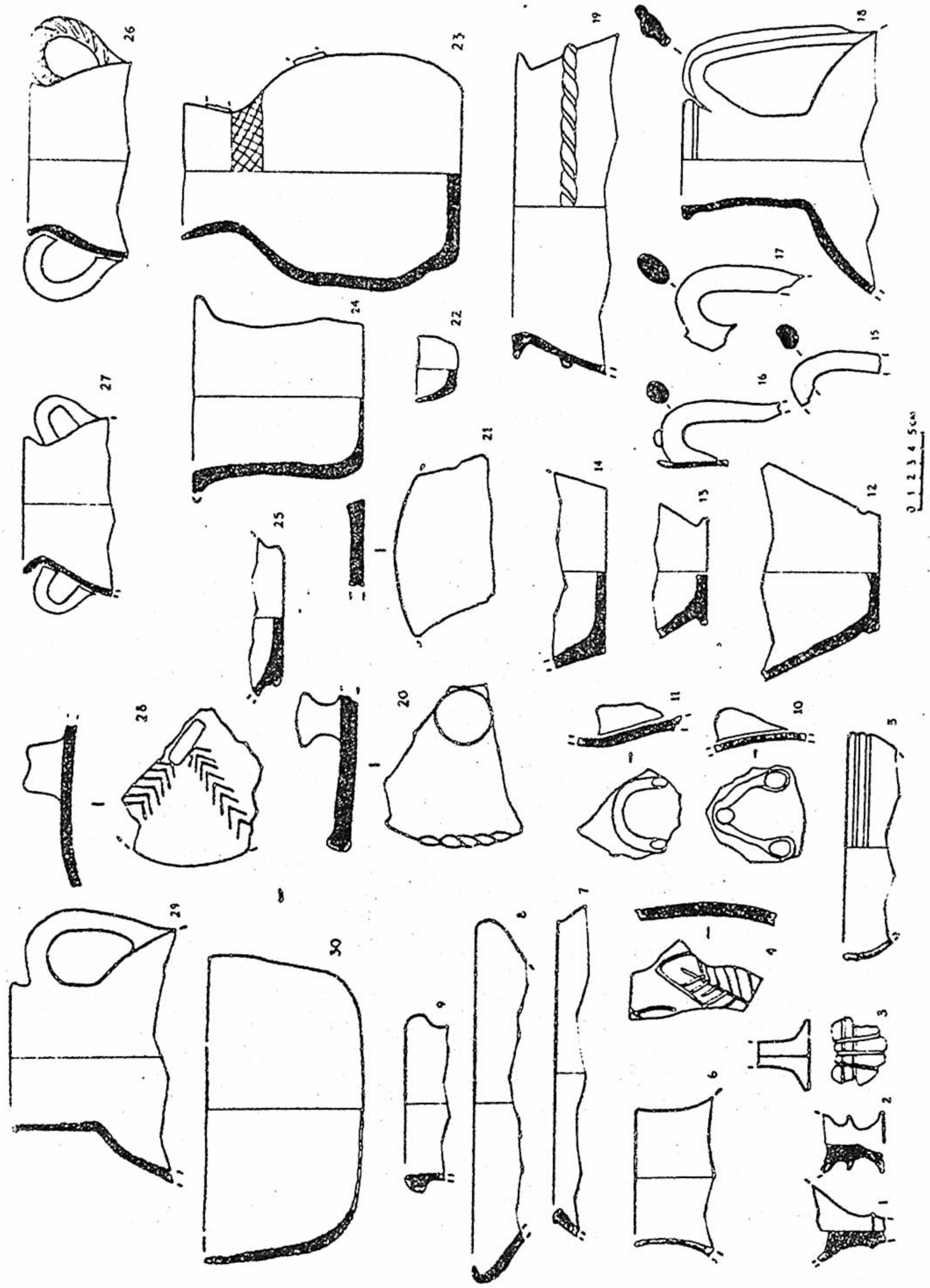
зяйственным или жилым. Не исключено, что помещение являлось чилляхоной.⁵

В западной части раскопа были вскрыты на небольшом участке остатки позднесредневековых построек. Они начинаются сразу же под дерновым слоем. Стены их были возведены из пахсы, сохранились они на высоту 50–60 см, толщина их примерно 50 см. Одно из помещений сохранилось полностью. Это была небольшая (2,5х2,0 м) хозяйственная комнатка с тануром, стенки которого разрушились, сохранилось лишь его дно диаметром около 0,5 м. К западу от этого помещения частично вскрыт двор с двумя хозяйственными ямами. Одна из них диаметром 85 см, глубиной 30 см, вторая соответственно 110 и 65 см. Ямы были забиты золой и черепками. При вскрытии позднесредневекового слоя, имеющего мощность 1,5 м, найдено большое количество керамики.

В позднесредневековый слой были впущены погребения. Они заняли всю территорию цитадели. Датировка могил XIX – начало XX в. основывается как на наблюдениях над стратиграфией, так и на опросах жителей к. Кипчак. Некоторые старики (одному из них 84 года) говорили нам, что они помнят, когда на цитадели еще хоронили. Всего на площади раскопа вскрыто 9 погребений. Могилы грунтовые, без намогильных сооружений. В плане они прямоугольной формы (длина около 2 м, ширина около 0,5 м, глубина около 0,5 м). Ориентированы они по линии СЮ с небольшими отклонениями. В могильных ямах скелеты, лежащие в вытянутом положении на спине головой на север, лицо погребенных повернуто на запад.

Наиболее значительный материал в раскопе найден в позднесредневековом слое, в основном это керамика. Материалов других периодов гораздо меньше. Кушанская керамика представлена небольшим количеством фрагментов кубков с профилированными ножками, мисок, кувшинов, котла и хума. Вся керамика (кроме хума) была формована на круге, хорошо обожжена. Для покрытия

5. Сводка мнений и литературы по этому вопросу содержится в статьях Э. Гулямовой и Ю. Якубова. См.: Э. Гулямова. Раскопки у селения Саят (Пархарский район). – АРТ, вып. 10. М., 1973, с. 222–226; Ю. Якубов. О работах Нурекского отряда в 1972 г. на пещерных средневековых памятниках. – АРТ, вып. XII (1972 г.). Душанбе, 1976, с. 174–180.

0 1 2 3 4 5 cm

Рис. I. Калаишодмон. Керамика: I-9 - кушанская; 10-11 - раннесредневековая; 12-21 - средневековая; 22-30 - позднесредневековая.

посуды применялся красный плотный ангоб; некоторые сосуды лощились. На фрагменте хума — процарапанный орнамент в виде стилизованного листа растения (рис. I. 4). Представляется, что она относится к первым векам нашей эры.⁶

К раннему средневековью можно с уверенностью отнести лишь два фрагмента керамики — ручки котлов. Одна из них подковообразной формы, на концах ее сделаны углубления (рис. I. II). Вторая ручка стрелчатой формы (рис. I. IO), на ее концах и в центре пальцем сделаны углубления. Подобные ручки имеются на котлах из Калайкафирниган, которые датируются концом VII — первой половиной VIII в.

Среди керамики, относящейся к X—XI вв. имеется как ставковая, так и лепная. Хорошей выделки небольшие столовые кувшины (рис. I. I2—I8). Они тщательно формованы на круге, обожжены при высокой температуре. Несмотря на то, что кувшины снаружи белого цвета, ангобом они не покрыты. Белый цвет — это следствие того, что перед обжигом поверхность кувшинов слегка увлажнялась, тонкий слой смоченной глины при обжиге спекался и превращался в белую, сплошную, плотную корочку, очень напоминающую ангоб. Все кувшины снабжены ручкой, крепящейся одним концом к верхней части тулова, другим — под венчиком. Ручки удлиненные, в сечении они округлой и подпрямоугольной формы, некоторые из них профилированы. Горло одного из кувшинов высотой 7 см, оно почти прямое, чуть расширяющееся вверху. Венчики и донца у некоторых кувшинов специально подчеркнуты. Лепкой были изготовлены котлы (рис. I. I9) и крышки для них (рис. I. 20, 21) диаметром около 20 см. Крышки были снабжены ручками; одна из них украшена защипами.

Позднесредневековой керамики найдено довольно много, причем часть из нее целая или археологически целая (рис. I. 22—30). Благодаря этому мы получили более или менее полное

6. Похожая керамика найдена при раскопках датированных памятников Северной Бактрии. См., например, М.М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. — МИА, № 15. М.—Л., 1950, табл. 83; Г.А. Пугачева, Э.В. Ртвельдзе. Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 26, рис. II/6, с. 151, рис. 103.

представление о наборе посуды, которой пользовались в это время здесь в быту. Это чаши разных форм и размеров, кувшины, котлы с крышками, хумы, корчаги, детские горшки и т.д. Почти вся керамика лепная. Одна из чаш (30) была изготовлена в металлической чаше-матрице. Внутреннюю поверхность металлической матрицы облепили слоем глины толщиной 0,5 см. После того как лепка была закончена, глиняный сосуд вынули из чаши, высушили и обожгли. Благодаря такой технике изготовления внутренняя поверхность керамической чаши получилась неровная, а внешняя часть — гладкая и ровная; на дне глиняной чаши отпечатался правильный круг-валик диаметром 13,5 см.

Керамика очень грубая. Создается впечатление, что ее преимущественно изготавливали в домашних условиях мастера-непрофессионалы. Некоторые из лепных сосудов орнаментированы. Для орнаментации хумов использовались деревянные наковаленки и лопаточки с сетчатым орнаментом. Способ такой орнаментации сохранился до наших дней, он подробно описан Б.М.Пещеревой.⁷ Наиболее популярным был геометрический и растительный орнамент, прочерченный на некоторых сосудах до обжига. Фрагменты станковых чаш покрыты ровным тонким слоем коричневой или зеленой глазури.

Некоторые археологически целые сосуды:

1. Лепной кувшинчик с отбитой ручкой (23). Размеры: $h = 18$, $h_1 = 5$, $h_2 = 9$, $h_3 = 4$; $d_1 = 11$, $d_2 = 15,5$, $d_3 = 7,5$, $d_4 = 9$. Толщина черепка от 0,3 см до 1,0 см. Ручка крепилась одним концом к тулову, другим к горлу. На плечике прочерченный орнамент, состоящий из двух параллельных concentрических полос, пространство между которыми заполнено ромбической насечкой.

2. Детский лепной горшочек (24). Размеры: $h = 10,5$, $h_1 = 10,8$, $d_2 = 10,5$, $d_3 = 14$. Стенки у него почти прямые, они переходят непосредственно в венчик, отогнутый наружу под прямым углом. Ширина венчика 3 см.

7. Б.М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л., 1959, с.147-151. В этой книге упоминаются керамические материалы из Калайшодмон, найденные М.М.Дьяковым.

3. Чаша, изготовленная в матрице. Размеры: $h - 10,3$, $d_1 - 17$, $d_2 - 19,5$, $d_3 - 20$. Стенки у нее почти прямые, с небольшим прогибом в центре.

В целом керамический материал из Калаишодмон представляет значительный интерес. Здесь впервые для Гиссарской долины получен значительный позднесредневековый комплекс. Керамики остальных трех периодов найдено гораздо меньше, но и она в какой-то мере дополняет имеющиеся материалы. Кроме керамики в заполнении ступенчатого спуска были найдены фрагменты тонкостенных стеклянных бокалов, а также железные изделия, из которых лучше всего сохранились ножницы. Все эти находки датируются X-XI вв.

Ступенчатый спуск начинается у внутреннего угла кушанского коридора на глубине 355 см от репера. Спуск очень крутой. Вначале он имеет вид слабо наклонной горловины длиной 1 м, шириной около 40 см, затем начинаются ступени, длина которых около 1 м, шириной 20-37 см. Всего 7 ступеней. Сверху спуск перекрыт примыкающими друг к другу арками, которые понижаются в соответствии с падением ступеней спуска. Замочная часть арок сохранилась плохо. В целом это вписанные друг в друга, значительно понижающиеся арки. Высота их различна: четвертая арка 160-165 см, шестая - 150, седьмая - 105-110 см. Щеки арок не параллельны друг другу, они расходятся, т.е. каждая арка в плане раструбообразная, "горловиной" к верхнему входу.

Протяженность щеки арок колеблется от 24 см до 40 - 43 см, причем ширина щек увеличивается у нижележащих арок. Архивольты арок выступают внизу на 4-7 см, вверху до 10 - 12 см. Сами арки по очертанию полуэллиптические. Первые арки восточного края спуска вырублены в кирпичной стене и обмазаны глиняной штукатуркой, остальные вырублены в пахсовом монолите и не обмазаны штукатуркой (рис. 2-3).

В нескольких случаях в древней Средней Азии зафиксировано наличие особого вида сводов, а именно ступенчато-арочных. Так, пролеты лестниц в Кой Крылганкале перекрыты трехступен-

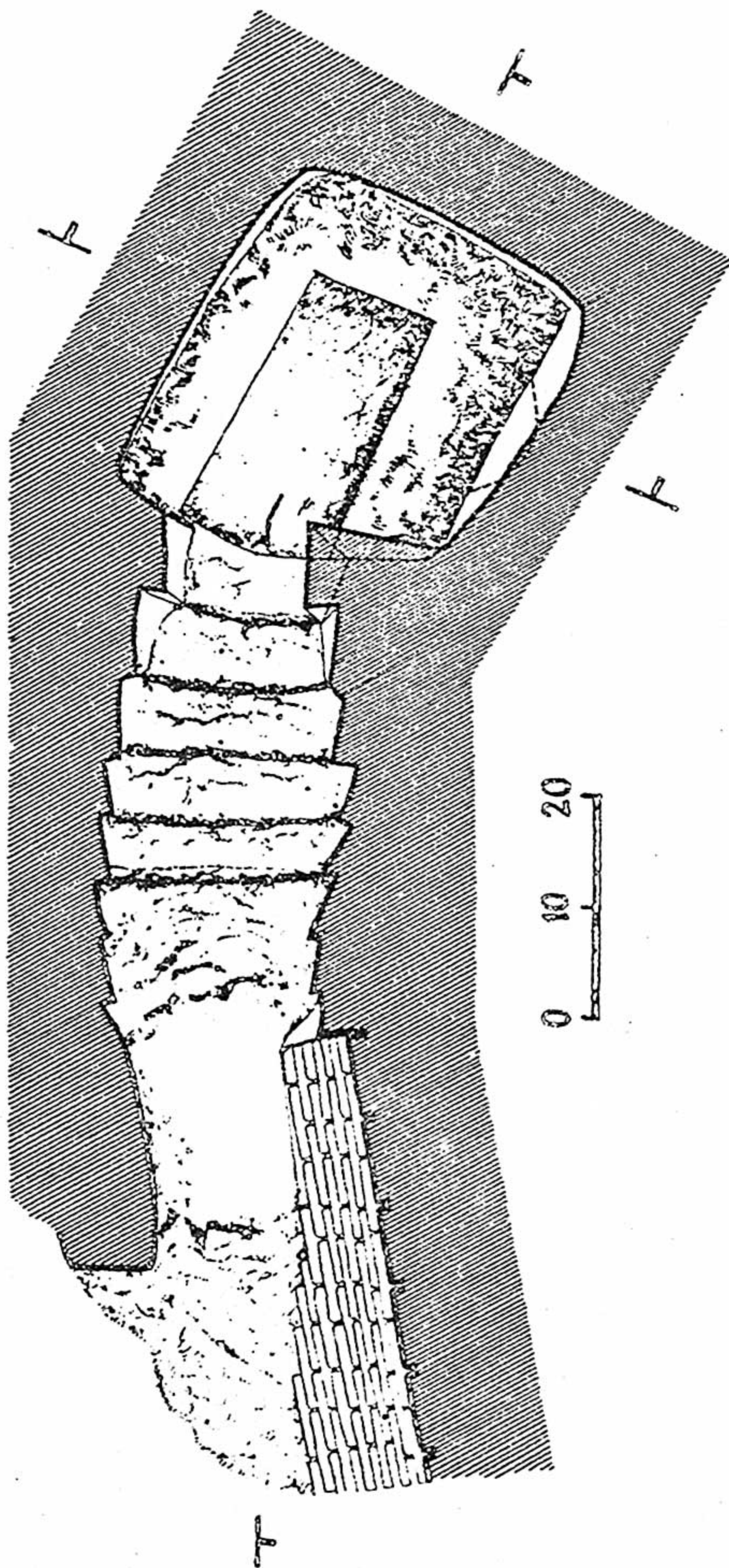

Рис. 2. Калашюмю. План помещения со ступенчатым спуском.

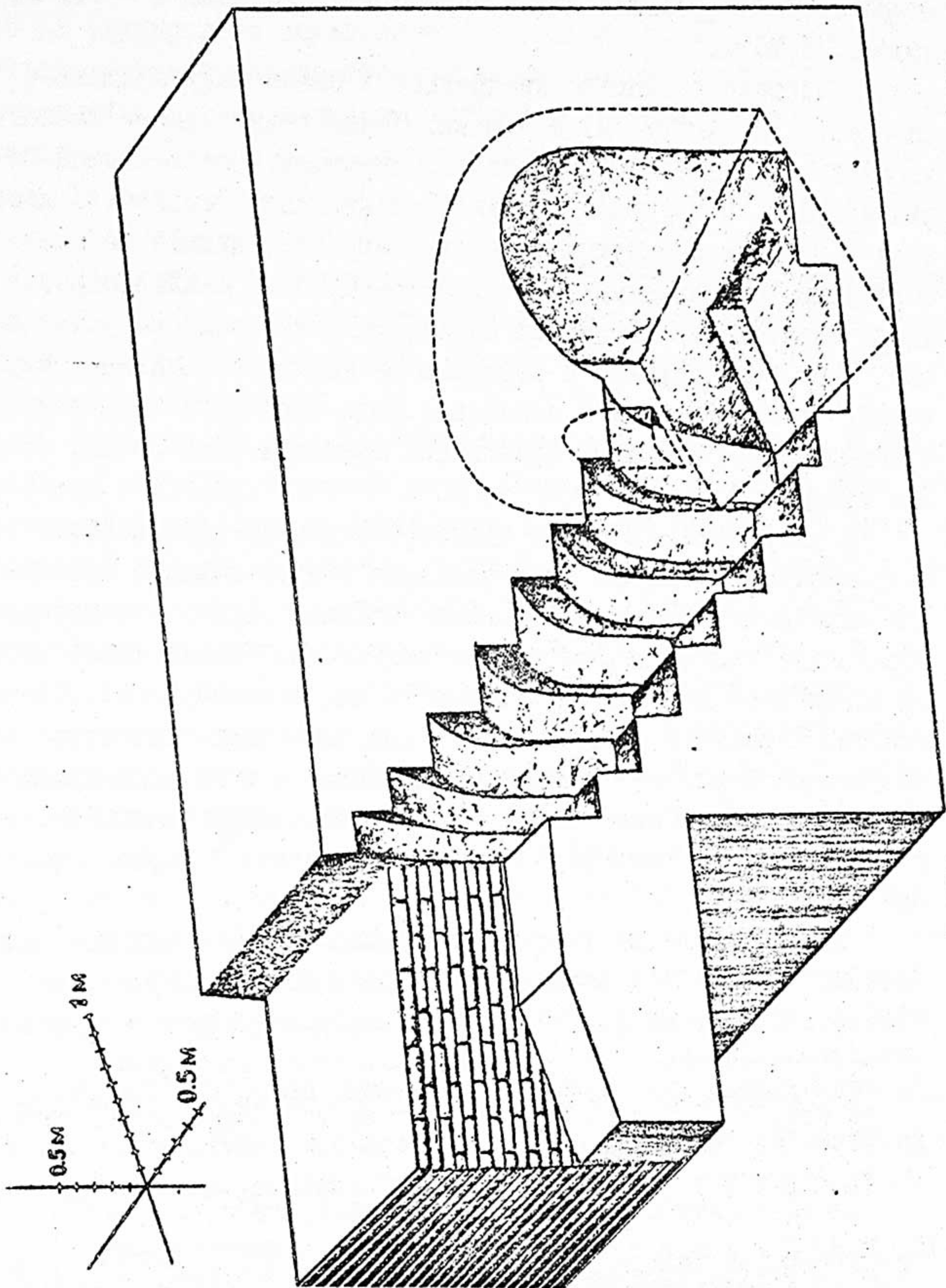

Рис. 3. Калайшолдон. Продольный разрез помещения со ступенчатым спуском.

чатый сырцовым сводом. Длина маршей этих лестниц 4 — 4,1 м, пролет 2,75 м.⁸

В Айртаме раскопано квадратное в плане полуподвальное помещение (2,74x2,74 м) с нишами. Стены помещения из жженого кирпича 36x35x5—6 см. В помещение спускались по лестнице шириной 0,8 м со ступенями из жженого кирпича. Перекрытие лестницы — из двух сомкнутых лекальных кирпичей длиной 68 см, образующих стрельчатый свод пролетом 0,75 м. Каждый отрезок свода имел отступ (всего их семь), так что свод был уступчатым. Ниши были перекрыты сводиком из таких же лекальных кирпичей. Перекрытие всего помещения было сводчатым из жженных трапециевидных кирпичей (основания трапеции 18 и 30 см, боковая сторона — 37 см.⁹

В углубленном в грунт здании в Термезе, раскопанном Л.И.Альбаумом, ведущая вниз лестница и ниши нижнего помещения перекрыты уступчато-арочными сводами, архивольты которых образованы изогнутыми керамическими дугами (длина такой хорошо обожженной дуги 63 см, высота 16 см, толщина 5 см). Совершенство термезских сводов этого типа явно свидетельствует о длительной и широкой практике применения такого рода сводов в Средней Азии. Применялись они и в дальнейшем (сырцовые постройки Малой Кызкала в Мерве, Акуйликошу)¹⁰ — уже в эпоху средневековья.

Среднеазиатские ступенчато-перспективные своды не стоят изолированно. В Месопотамии они зарегистрированы уже для I четверти II тыс. до н.э.¹¹ Были они распространены и в Иране

-
8. Кой Крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. Отв. редакторы С.П.Толстов, Б.И.Вайнберг. М., 1967 (Тр. ХАЭЭ, V), с.35, 290—291, рис.115.
9. Б.А. Тургунов. К изучению Айртама. — Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с.57—59.
10. В.И. Плявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва. — Сообщения Института истории и теории архитектуры. В.8. М., 1947, с.61, рис.13; о н же. Архитектура древнего Мерва. — Науч. тр. Ленинградского инженерно-строительного института, вып.10 (архитектурный факультет) М.-Л., 1950, с.102—103; Г.А. Пугачева. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. — Тр. ЮТАКЭ, т.УШ. Ашхабад, 1958, с.231.
11. D. Oates. The excavations at Tell al Rimah, 1966. — "Iraq", XXIX, 1967, p.81, pl. XXXIV.

эллинистического времени. В Шахри Кумис помещение II объекта УП (датировано находкой монет I в. до н.э.) перекрыто стрельчатым уступчато-перспективным сводом, состоящим из строенных полудуг размером 88x9x18 см. В пом. I объекта IV — десятиступенчатый свод, резко понижающийся к одному из торцов.¹² Традиция возведения таких сводов сохраняется и в парфяно-сасанидское время.¹³

При летних раскопках был найден большой фрагмент живописи (140x125 см), прекрасная цветная копия которого была сделана художником В. Бажутиным. Опишем этот фрагмент — часть большой сцены (рис. 4).

Левую часть занимает фигура мужчины, выполненная в натуральную величину. Персонаж сидит поджав и перекрестив ноги. Сохранились лишь контуры левой руки, опущенной, согнутой в локте и поднятой несколько вверх к груди, и левой ноги (согнутой в колене), часть пояса и подвешенных к нему предметов. Об обведенной черным контуром фигуре сказать практически ничего невозможно. На стиге колена черными округлыми дугами показана драпировка ткани одеяния, под ногой — полуовал свисающей складчатой ткани; судя по остаткам — второй такой полуовал располагался симметрично под другой, правой ногой. Талия была охвачена узким поясом, по-видимому, наборным: на черном фоне — темно-желтые накладки. У левого бока на поясе две сомкнутые кольцевидные желтые накладки, в центре их — синие ромбовидные подвески. От кольцевидных накладок вниз отходит трехчастный выступ, к нему прикреплены два небольших колечка, от которых вниз свисают два соприкасающихся крупных кольца, в верхней части каждого из них — фигурная накладка, служившая для сочленения с вышележащими колечками. Через одно из колец пропущены и завязаны петлей две красные полоски, они идут вниз,

12. J. H a n s m a n and D. S t r o n a c h. Excavations at Shahri-Qumis, 1967. — JRAS, 1970, No. 1, p. 42-43, fig. 6-7.

13. R. d e M e s q u e n e n. Fouilles de Suse, 1933-1939. Fouilles de Suse, 1933-1939. — Memoires de la Mission archéologique en Iran, t. XXIX. Paris, 1949, p. 138, fig. 104.

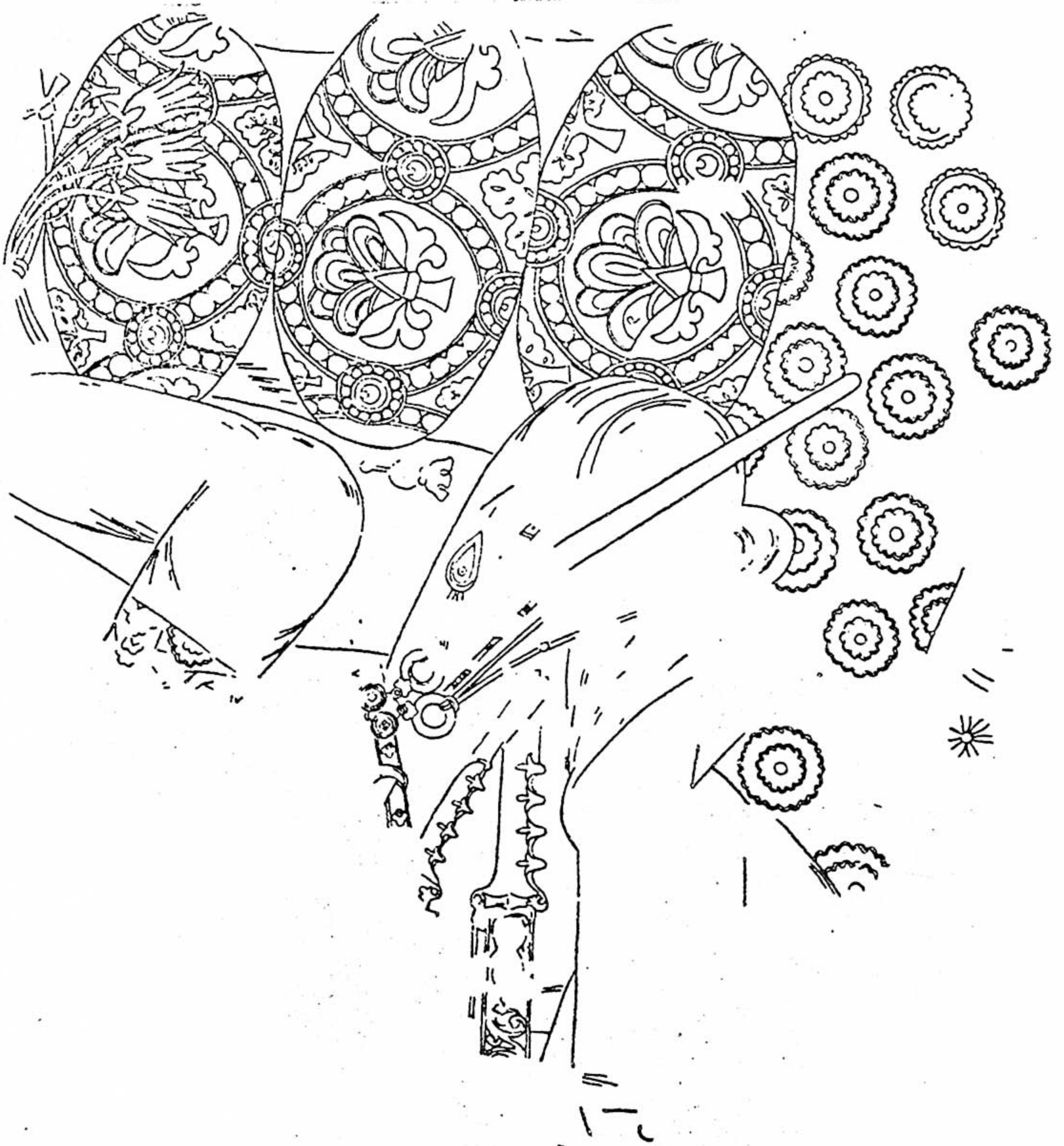

Рис. 4. Калашодмон. Фрагмент живописи.

несколько расходясь; от узла вниз отходит и третья, темная полоска, на которой через регулярные интервалы желтые колечки. Изогнутость этих полосок делает вероятным, что они являлись решетками. С другим из этих двух колец как-то была, очевидно, связана не сохранившаяся в верхней части, пересекающая под углом колесо и спускающаяся ниже его широкая полоса, постепенно суживающаяся вниз. Это, по-видимому, меч. Неясен смысл овально-приостренного медальона вблизи границы бедра.

Другой предмет находится в центральной части фигуры, под поясом. Он положен на колени, под небольшим углом к поясу. Возможно, это кинжал, ножны и рукоять которого украшены накладками в виде трилистника и пластинами с фигурой льва.

Одежда персонажа была орнаментирована — не вполне ясный фрагмент такого орнамента сохранился на рукаве, элементы орнамента окрашены в красный, синий и черный цвет.

Под ногами фигуры изображен ковер фиолетового цвета, на поле в шахматном порядке часто расположенные многолепестковые розетки, ряды которых образуют обращенные вниз выпуклой дугой. Каждая розетка имеет широкий черный внешний контур, внутри повторенный белой полоской, за которой следует красное поле; в розетку вписана внутренняя розетка, где опять черный многолепестковый контур, белая полоска, но поле не красное, а синее, в центре — обведенный черной линией желтый кружочек.

Над ковром, справа от человеческой фигуры, — три соприкасающиеся горизонтально вытянутых линзовидных картуша, причем нижний частично "прикрыт" коленом, а верхний — рукой, правая сторона ни у одного полностью не сохранилась (размеры: высота 28–29, длина ок. 60 см). Судя по среднему картушу, от конца свисали желтые треххвостые кисти. Картуши сделаны одинаково. В центре: большой круглый медальон (почти на всю высоту фигуры). Внешнее кольцо медальона — две пары концентрических линий, между ними, на синем фоне, белые перлы. Внутри, на желто-оранжевом фоне — крупный вазон, с белым основанием, красной средней частью, от которой в обе стороны горизонтально отходят трилистники, с верхним лепестком более длинным и резко загнутым вверх. Вверх же от средней части

отходит пятилепестковый цветок с белыми и синими полосами. Вправо и влево от центрального круглого медальона — такие же круглые медальоны, но попавшие на рисунок в виде сектора. Центральный и боковые медальоны соединены наложенными в месте их наибольшего сближения небольшими круглыми медальонами, наружная окружность которых пересекает внешние кольца больших медальонов (диаметр больших медальонов 27–27,5, маленьких — 7,5–8 см). У маленьких медальонов такой же внешний пояс с перлами, как и у больших, но внутри его, в круге — желтый полумесяц выпуклой вниз. Судя по тому, что малые полукружия посажены не только по линии горизонтального, но и вертикального диаметров, предполагалось, что изображена часть ткани, где такие крупные медальоны следовали по горизонтали и по вертикали.

Поле между медальонами красное. В ромбических фигурах с вогнутыми сторонами, составляющих поле, помещено по дереву с желтым стволом и ветвями, красными приостренными плодами или цветами и черной кроной. Окоятуривающей линией линзовидных картушей дерева как бы обрезаны, так что в каждой картуше по сторонам от центрального круглого медальона внизу — верхушка, сверху — основание дерева.

На верхнюю линзовидную фигуру сверху свисают и находят стебли трех лотосов, завершающихся тремя бутонами с опущенными вниз острыми и длинными лепестками.

Рука персонажа изображена на синем фоне, на который частично находят два верхних картуша. Под верхним картушем — опять синий фон, ограниченный сверху наклонной округлой красной полосой.

Несмотря на фрагментарность сохранившихся частей живописи, можно уверенно сказать, что она выполнена в традициях раннесредневековой живописи Средней Азии. На это указывает как иконография, так и стиль живописи. Остановимся на некоторых деталях.

Так, в живописи Балалыктепе под поясом некоторых персонажей — парные кружки для привешивания.¹⁴ Кинжал, подвешен-

14. Д.И. А л ь б а у м. Балалыктепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960, рис. 103, 114.

ный слева под поясом и слегка наклонный, — на сцене дароносцев в Аджинатепе.¹⁵ В живописи Дильберджина, у стоящих фигур мечи или кинжалы на левом боку.¹⁶

Наличие горизонтально расположенного кинжала и спускающегося вниз меча находит аналогию в живописи Афрасиаба (см. стоящую фигуру на южной стене, где имеется и косая подвязка этого кинжала).¹⁷ Тип же ножен кинжала находит близкие аналогии в варахшинской живописи.¹⁸ Кружки, соединяющие круглые медальоны, известны в согдийских и сасанидских тканях, а также в танских, вытканых по согдийскому образцу.¹⁹

В тканях, изображенных на согдийской живописи, а также в шелках зайданечи имеются круглые медальоны, внутреннее заполнение которых составляет фигура, состоящая из суживающегося вверх ствола, от которого в обе стороны горизонтально отходят трилистники и выше — цветок.²⁰ Это та же (но более простая) схема, что и в калаишодмонской живописи.²¹ Полулуние

-
15. Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. Аджинатепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971, табл. 5-6 (пояс — наборный).
16. М.Т. Кругликова. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина. — Древняя Бактрия, вып. 2. М., 1979, с. 123, рис. 2-3, 15.
17. Л.И. Альбаум. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, табл. XXII.
18. См.: Л.И. Альбаум. Живопись Афрасиаба, табл. XII.
19. А.А. Иерусалимская. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. — Сб.: Иран и Средняя Азия. Л., 1972, рис. 5/I-2; 6, II/I; Л.И. Альбаум. Живопись Афрасиаба, рис. 8, 12, 14, табл. VI, XVI, XVIII, XIX, III, V. Такой узор встречается и на тканях, изображенных в восточно-туркестанской живописи — A. G r u n w e d e l. *Altbudhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan*. Berlin, 1912, S. 79, Fig. 172.
20. А.А. Иерусалимская. Указ. соч., с. 40, рис. 24. В ромбовидных фигурах на тканях в живописи Балалыктепе пальметты, схожие с нашим вазоном.
21. В Таки Бустане на одежде в круглых медальонах более реалистическое изображение цветка с двумя отходящими в стороны веточками с трилистниками — см.: Sh. F u k a i and K. H o r i u s h i. *Taq-i-Bustan, I. Plates*. Tokyo, 1969 (The Tokyo University). *Iran-Iraq archaeological expedition, report 10, pl. XXXIX*.

внутри соединительных кружков можно увидеть на рисунках тканей в живописи Афрасиаба²² и Восточного Туркестана.²³ Дерево в пространстве между круглыми медальонами, помимо Калаишодмона, часто встречается на Афрасиабе.²⁴

Основная часть аналогий и соответствий уводит в согдийский культурный мир, что еще раз подтверждает наличие тесных историко-культурных и экономических взаимосвязей между Тохаристаном и Согдом. Что касается датировки, то вероятной датой калаишодмонской живописи является конец УП- первая пол.УШ в.

Атрибуция этого персонажа, в силу плохой сохранности этого участка живописи, наталкивается на значительные, почти непреодолимые трудности. Вместе с тем кое-какие детали как будто указывают, что персонаж принадлежит к миру буддийской иконографии: поза; свисание одеяния под каждой из ног в виде полукруглого выступа (оно хорошо известно в скульптуре Аджинатепы и Калаикафирниган); ореол - мандала, охватывающая, может быть, двумя лентами тело персонажа; синий цвет внутренней части этой мандалы - рядом с телом,²⁵ трон в виде цветочного ковра.

Конечно, эта фигура не может быть изображением Будды. А бодисатвы? Известен бодисатва Ваджрапани - один из наиболее распространенных персонажей как в искусстве хинаяны, так и махаяны. Ранг бодисатвы он, впрочем, получает в махаянистском

22. Л.И. Альбаум. Живопись Афрасиаба..., табл. LIII (полулуние с точкой), LV (просто полулуние).

23. A. G r ü n w e d e l. Altbuddhistische Kultstätten, Fig. 172.

24. Л.И. Альбаум. Живопись Афрасиаба..., табл. XXX, CV. В Восточном Туркестане место деревьев заняли цветы - A. G r ü n w e d e l. Altbuddhistische Kultstätten, Fig. 172.

25. У изображений сидящих Будд и бодисатв собственно ореол нередко опирается на колени и часто бывает голубого цвета - см., напр.: A. G r ü n w e d e l. Alt-Kutch. Berlin, 1920, Taf. III-IV, XI-XII/1, XIV-XV, XXX-XXXI, XXXVIII-XXXIX; The image of the Buddha. Ed. by Schnelgrove. Paris, 1978, fig. 147. Двучастный ореол также встречается в живописи Восточного Туркестана, причем в полосы помещаются разные изображения.

пантеоне. Есть два иконографических типа Ваджрапани: мирный и воинственный (в качестве защитника буддийского закона), причем с течением времени именно второй тип получает все большее развитие. "Яростный" Ваджрапани изображается как солдат, в доспехах. Его оружием является ваджра — стрела грома.²⁶

Представляет интерес в связи с калаишодмонской живописью символика "космического" Ваджрокана. Как рассказывает в Avatamsaka vūtra, процесс превращений, приводящих к Будде, включает многие природные и искусственные предметы, в частности лотосы, сетки из кружков, сетки из жемчужин и др. Упоминаются, также в связи с Ваджрокана, деревья, формы — не круглые и не квадратные, и наконец, формы в виде панциря черепахи.²⁷

Кое-что из этой символики находит прямые аналогии на калаишодмонском изображении.²⁸ Однако даже предположительно говорить, что это Вайрокана или бодисатва Ваджрапани, нет сколько-либо убедительных оснований. Нимб, ореол делались вокруг и других божеств, а также обожествленных царей — покровителей той или иной области, например вокруг божественного царя Хотана — покровителя шелководства, изображенного сидящим в царской одежде и вооруженного.²⁹

Под упавшей аркой на штукатурке также была обнаружена живопись, лежащая вниз "лицом". Сохранность ее очень плохая,

26. S. G a u l l i e r, R. V e z a r d and M. M a i l l a r d. Buddhism in Afghanistan and Central Asia, pt. I. Leiden, 1976 (Iconography of religions, XIII, 14/I), p. 15, 29-30, figs. 70-76. Ваджрапани, одетый как знатный аристократ, сидящий с ваджрой в правой руке — см.: A. G r u n w e d e l. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan. Berlin, 1912, S. 326, Fig. 635.

27. J. W i l l i a m s. The iconography of Khotanese painting. — "East and West", vol. XXIII, No. 1-2, Roma, 1973, p. 120.

28. Мы имеем в виду лотосы, линзовидные картуши, деревья.

29. B. R o w l a n d. Zentralasien. Baden-Baden, 1970, S. 133, 136; J. W i l l i a m s, op. cit., p. 147-150, fig. 59.

можно различить только отдельные линии и цветовые пятна, а композиция в целом не понятна. Можно лишь понять, что живопись имеет орнаментальный характер.

1. На одном из кусков (41x38 см) виден на желтом фоне орнаментальный рисунок, сделанный линиями красно-коричневого цвета. Композиция, по-видимому, включает прямые параллельные, в том числе спаренные линии (они проходят вдоль края фрагмента, расстояние между линиями 12-13 мм). К ним примыкают вписанные друг в друга окружности большого диаметра. Некоторые из них образуют округлые каймы шириной 5-7 и 25 мм. Вдоль этих кайм и между ними разбросаны пальметты. В композицию входили и другие криволинейные фигуры, например в верхнем левом углу, под сдвоенной прямой линией — полупальметта, внутренний фон которой покрыт оранжевым цветом.

2. На небольшом фрагменте (31x16 см) с желтым фоном — полихромный орнамент. Он состоит из окружности диаметром 9 см, нарисованной красно-коричневой линией. На другом конце фрагмента сохранился круг, заполненный ярко-красной краской. Фрагмент из западной части арки.

3. На двух небольших фрагментах (20x15 см и 25x14 см) сохранились черные радиальные полосы и криволинейные полоски, очерченные с двух сторон линиями толщиной 0,5-12 мм. Некоторые из этих полосок заполнены синей краской. Оба фрагмента из восточной части арки.

4. Большой фрагмент (92x50 см) со следами полихромной орнаментальной живописи, от которой сохранились лишь следы. С трудом различаются полосы, розетки и круги, выполненные черными, красно-коричневыми линиями. Контурные их были заполнены синим и красным. Этот фрагмент украшал центральную часть арки.

Особенностью живописи, покрывавшей арку, является широкое использование желтого фона, графический характер орнамента, скупое использование цветовых пятен. Для всей живописи Калаишодмон характерно отсутствие ганчезового фона. Краски наносились прямо на оштукатуренную поверхность. Представляется совершенно бесспорным буддийское влияние на ее иконографию. Перед нами новый памятник буддийского или созданного под влиянием буддийской иконографии искусства.

Ю.Я.Якубов

РАБОТЫ КАРАТЕГИНСКОГО ОТРЯДА В 1979 г.

Каратегинский отряд в отчетном периоде продолжил работы по изучению археологических памятников Ляхша.¹

I. В отчетном периоде проводилось дополнительное исследование в могиле № 21 Ляхш П. Было обнаружено четвертое захоронение. В могиле № 21 было захоронено пять человек, один на плитах и четыре — под плитами. Кроме того, были вскрыты еще четыре могилы, из них одна — № 28 — оказалась кенотафом, одна (№ 29) ограбленной и только две оказались целыми.

Курган № 27 представлял небольшой холм диаметром С-Ю 4 м и З-В 5,5 м, с каменной оградой. После снятия растительного слоя была расчищена каменная ограда, стороны которой оказались несимметричными. Например, длина по северной стороне оказалась 3,75 м, по южной — 3,40 м, по западной — 2,90 м, по восточной 3,20 м. Камни в ограде выложены в два ряда, иногда ребром, больших и малых размеров. В юго-западной части ограды имеется вход. Могильная яма была обнаружена в центре по линии З-В, она заполнена крупными камнями. Длина могильной ямы 2,40 м, ширина 1,70 м, глубина 2,25 м. Костяк лежал в северной части могильной ямы. Кости сохранились фрагментарно. Череп вообще не сохранился. По определению Т.П.Кияткиной, скелет принадлежал молодому мужчине. Погребальный инвентарь был найден в западной стороне, у места предполагаемой головы. Слева от туловища лежал однолезвийный железный

I. В работах отряда принимали участие: Ю.Якубов — нач. отряда, М.Муллокаядов — зам. нач. отряда, Т.П.Кияткина — антрополог, В.Скачков — художник, Г.Кадошников — шофер, студенты ТГУ.

меч, длиной 107 см. Между левой рукой и ребрами находился железный нож. В правой стороне лежали 5 железных наконечников стрел. Между ногами, у стопы, железные пряжки, по-видимому от сапог.

Курган № 26 представлял холм неправильной формы. После снятия растительного слоя и расчищенных камней, ограда оказалась прямоугольной формы (6x4 м). Внутри ограды имеются еще четыре клетки, создающие впечатление наличия здесь еще четырех могил. Однако после того, как был снят второй слой, камни шли только в центре, где была расположена могильная яма. На глубине 70 см от поверхности был обнаружен каменный ящик, выложенный из больших плит на ребре. Ящик имел овальную форму длиной 2,20 м и шириной 1,05 м. Ящик был перекрыт огромной плитой. На глубине 1,60 м была расчищена еще одна кладка от другого ящика. Одна стенка нижнего ящика сложена из двух крупных камней, другая — из мелких. На этих стенках лежали три плиты, плотно прижатые друг к другу. Костяк лежал в ящике эллипсоидной формы. Кости сохранились фрагментарно, череп не сохранился, у кисти правой руки были найдены два наконечника стрел, других находок нет.

Все раскопанные погребения, за исключением № 29, одиночные. Найденный инвентарь из могильника Дяхш II состоит из металлических изделий (железных, бронзовых и золотой фольги). Возможно, из-за очень сырого и соленого грунта часть погребального инвентаря (в частности деревянный) не сохранилась.

В отчетном сезоне выяснилась конструкция могильных ям. Как отмечалось выше, могильная яма имеет форму эллипса. Дно могилы имеет небольшой наклон к северной стене, причем в северной стене имеется небольшой навес и часть тела покойного находилась под навесом. Для головы в западной стене делали специальный навес или нишу. По всей вероятности, в могиле № 26 было захоронено в двухъярусном каменном ящике два человека.

О захоронениях в каменных ящиках в этом районе сообщает А.М.Мандельштам в своем отчете за 1955 г. Он отмечает, что из-за отсутствия "достаточных вещественных материалов дати-

ровка всех могильников весьма затруднительна. Аналогии в других областях Средней Азии (в конструкции погребального сооружения) позволяет говорить лишь о том, что их, по всей вероятности, следует отнести к I тыс. н.э."²

Исследование могильников Ляхш I и II показывает, что они относятся к IV-VI вв. н.э. Нам кажется, что раскопанные могилы в каменных ящиках А.М.Мандельштамом в селениях Оксай Кашот и Шильбили тоже относятся к вышеупомянутым векам.

2. Могильник Чатрсанг был обнаружен нами во время разведки в 1975 г. Этот могильник расположен на расстоянии 1 км к северу от городища Чоргул на небольшом естественном холме. В юго-западной части холма имеется большой белый камень, который похож на палатку зонта. Слово чатрсанг буквально с таджикского на русский язык переводится "зонт каменный", т.е. камень, который похож на зонт. Киргизское население его называет чатрташ. На холме имеются 20-30 могил с эллипсоидной каменной выкладкой вокруг насыпи. Но есть и просто с каменной насыпью овальной формы. Многие могилы имеют головной камень, ориентированный на север. По этим головным камням мы еще в 1975 г. предполагали, что здесь захоронены мусульмане. Но среди них были каменные надмогильные насыпи овальной формы без головного камня. Поэтому мы считали, что среди мусульманских есть могилы и домусульманского периода.

Исследование могильника Чатрсанг показало, что погребения относятся к IX-XII вв. н.э. Здесь было раскопано II могил. Могилы неглубокие, от 80 см до 1 м. Костяки вытянуты, ориентированы на север и лицом на юго-запад. Три костяка лежат на боку. По-видимому, люди еще плохо знали мусульманский обряд захоронения и вместо того, чтобы класть покойника на спину и повернуть на запад лицо, они поворачивали на киблу и тело. Возможно, здесь захоронены жители Чоргуля.

Несколько могил раскопано на могильнике Джинтепа Ляхша II. Могилы неглубокие - 50-60 см. Костяки лежат то на боку, то на

2. А.М. М а н д е л ь ш т а м. О работах Каратегинского отряда в 1955 г. - АРТ, 1955 г. Труды ИИАЭ, т. LXIII, Сталинабад, 1956, с.92.

животе, руки и ноги тоже находятся в различных положениях. Погребальный инвентарь отсутствует. По определению антрополога Т.П.Кияткиной, в могилах Джинтепа Ляхша II много монголоидов. Могилы Джинтепа, возможно, относятся к более позднему периоду — к приходу киргизов в VIII—XIII вв. н.э.

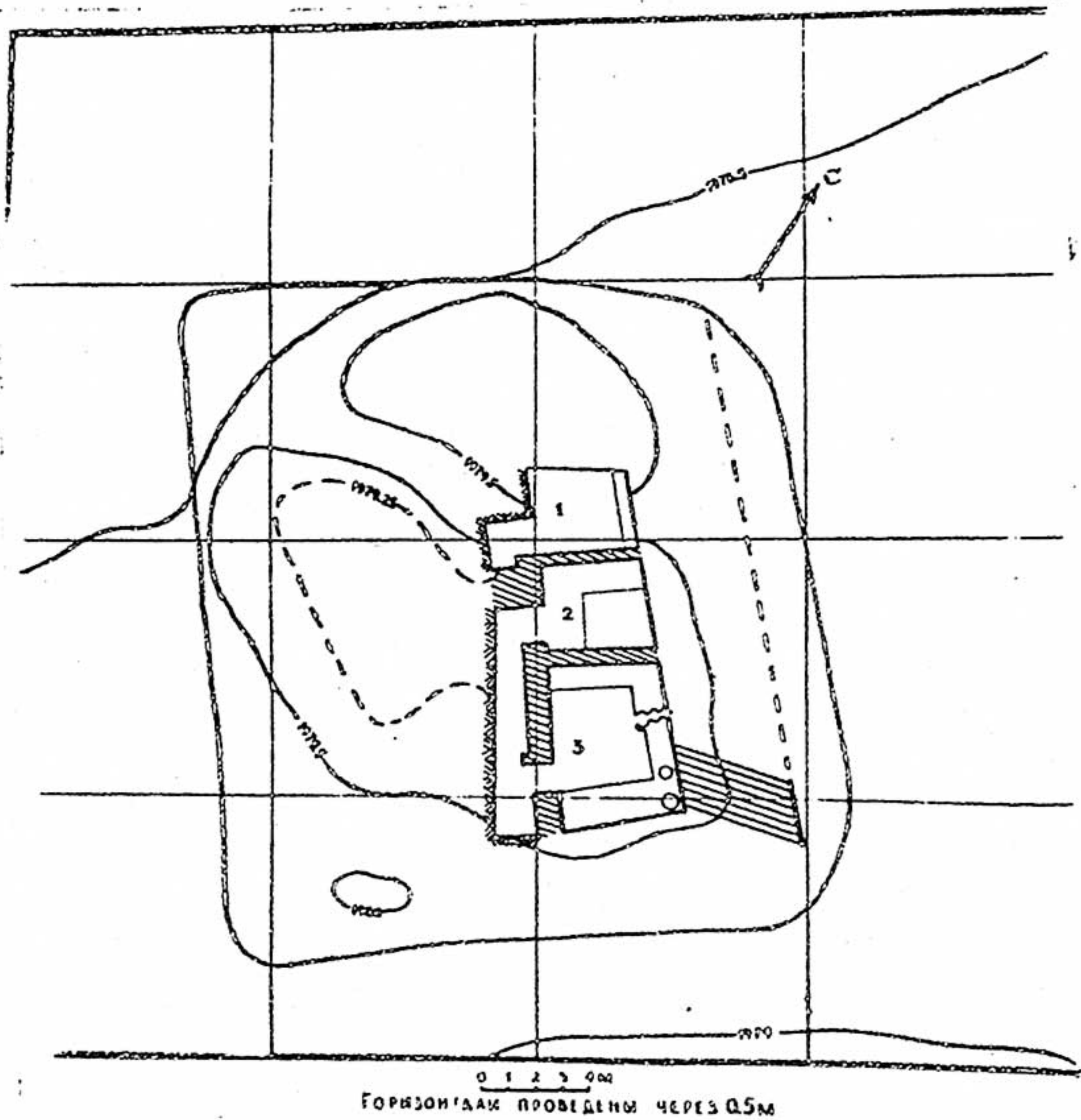

Рис. I. Ляхш. Топографический план усадьбы № I.

Могильники Чатрсанг и Джинтепа Ляхша II дают важные материалы для истории погребального обряда и распространения ислама среди таджиков и киргизов этого района.

3. Усадьба. Во время разведки 1975 г. мною к северу от Чоргула было зафиксировано более шести усадеб, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Когда мы второй раз

в 1978 г. приехали сюда, то сохранилась только одна из них, остальные были снявелированы.

Усадьба № I (рис. I) расположена в 200 м к северу от памятника Чатрсаг. Усадьба представляет собой небольшой прямоугольный холм, вытянутый с севера на юг на 22 м и с запада на восток на 25 м. Стены от современной поверхности поднимаются на 1,5 м. Средняя часть усадьбы углублена. На ее поверхности подъемного материала не было.

Раскопки были начаты в восточной части усадьбы и в результате в отчетном сезоне были раскопаны три помещения, которые занимают всю восточную половину усадьбы. Помещение № I расположено в северо-восточной части усадьбы (3,20x3,85 м). Северная и восточная его стены являются внешними оборонительными стенами усадьбы и сложены из пахсовых блоков. Южная и западная стены сохранились хуже, они сложены из пахсы. Вдоль северной стены есть суфа шириной 60 см и высотой 35 см. В восточной части суфы имеется очаг круглой формы. Западная половина очага разрушена. Заполнение очага — серо-зеленоватая зола и немного древесного угля. Восточная часть очага уходит в стену.

Надо отметить, что жители замка-усадьбы на какой-то период покидали ее. Когда возвратились во второй раз, восточная стена была значительно разрушена и к ней была пристроена тонкая стена толщиной 15–20 см. Вот эта стена охватывала очаг. Возможно, что очаг больше не действовал и он был замурован в суфе и стене. Но так как обмазка на суфе не сохранилась, говорить об этом с уверенностью мы не можем. Но отметим, что та часть пристроенной стены, которая висела над очагом не обожжена, поэтому можно предполагать, что все-таки очаг во втором периоде не действовал.

Почти параллельно замурованному очагу на полу был сооружен очаг круглой формы, типа танура диаметром 60 см. Верхняя часть его не сохранилась, стенки его обмазаны огнеупорной глиной.

Пол ровный и хорошо обмазан глиной. Под полом обнаружен зольный слой (толщиной 35 см), лежавший над полом первого периода. Такой зольный слой обнаружен и в других помещениях.

Помещение 2 (4x3,50 м) расположено к югу от первого. Стенки его сохранились на высоту 70 см (северная, западная и южная). Они сложены из пахсы. На стенках фрагментарно сохранилась обмазка. Вдоль северной и западной стены шла суфа шириной 1,20 м и высотой 30 см. Стены суфы были сложены из кусков кирпича-сырца, а заполнение было из камней (глина с галькой). Поверхность суфы очень сбита и штукатурка на ней не сохранилась. Возможно, суфа была выше, так как на полу у западной суфы стояли два камня, напоминающие ступеньку. Может быть, эти камни служили базой деревянных колонн.

В этой комнате под полом тоже обнаружен зольный слой толщиной 40-35 см.

Самым большим оказалось помещение № 3 (6x4,5 м). Вдоль южной, восточной и северной стен идут суфы. Ширина суфы вдоль южной стены 1,20 м, вдоль восточной и северной — 65 см. Высота суф 25 см. Стены суфы сложены из камней и кирпича-сырца (40x25x10 см) на глиняном растворе. В юго-восточном углу помещения на суфах имеются три ямы, обмазанные ганчем. Самая большая из них диаметром 80 см и глубиной 40 см расположена в углу комнаты. В этой яме был обнаружен кувшинчик.

Другая яма диаметром 60 см и глубиной 25 см расположена в южной части восточной суфы. Третья яма диаметром 40 см и глубиной 15 см расположена в восточной части южной суфы. Возможно, это место от хума.

На расстоянии 90 см от северной стены в восточной суфе имеется двухкамерный очаг. Одна камера от маленького очага с диаметром устья 20 см и глубиной 20 см расположена в стене. Очевидно, этот очаг является более древним, или первоначальным, очагом. Вторая камера, или второй очаг более крупного размера находится в суфе. Его первоначальные размеры: ширина устья 65 см, глубина 40 и высота 50 см. Потом его решили уменьшить и ширину устья довели до 40 см, глубину до 35 и высоту до 30 см.

Кроме этих двух очагов к ним был пристроен еще один очаг типа современного дегдона горных таджиков Каратегина. Размеры: ширина спереди 60 см, глубина 55, устья сверху (место котла) 20, высота 40 см.

Таким образом, очаг стал трехкамерным и на нем можно было установить более двух котлов. Лепешки пекли на дегдоне. При появлении дегдона эта часть суфы расширяется. Дегдон обмазан огнеупорной глиной. В очаге очень много золы без древесного угля. Это свидетельствует о том, что жители Ляхша в основном топили кизяком. Перед очагом на полу есть углубление — видимо, для золы.

В южной части восточной стены сохранились остатки трех ниш. Пол ровный и обмазан глиной. Под полом зольный слой составляет 5–10 см. Это намного тоньше, чем в I–2 помещениях. Дверной проем расположен в юго-западной части западной стены. Возможно, помещение 3 в усадьбе было кухней, столовой и хранилищем продуктов. Заполнение во всех помещениях было очень твердым, из упавшей со стен пахсы. В завале изредка встречались фрагменты керамики, в основном лепной, кости домашних животных.

Все три помещения были раскопаны в 1978 г. В отчет 1978 г. мы не включили раскопки усадьбы, предполагая в 1979 г. полностью раскопать ее. Однако когда мы вернулись в 1979 г., усадьба была уничтожена строителями. Уничтожен очень интересный и наиболее древний памятник оседлого населения этого периода. Керамические изделия, особенно расписная керамика, показывают, что гончары древнего Ляхша с большим искусством расписывали свою посуду геометрическими и растительными узорами (рис. 2).

Среди расписной керамики целых предметов нет, но есть большие фрагменты от верхних частей горшков и кружек. Керамика в основном местная — лепная, изготовлена из грубой серой глины с примесью толченого песка. Но есть фрагменты, которые изготовлены из хорошо отмученной глины. Несмотря на то что керамика изготовлена от руки, стенки очень ровные, тонкие и великолепно обжигаются. Расписана с большим художественным вкусом. Роспись нанесена по естественному серому фону коричневым ангобом. Встречаются фрагменты, которые покрыты коричневым ангобом, а орнамент состоит из оставленных специально незакрашенных мест в виде различного геометрического и растительного узора.

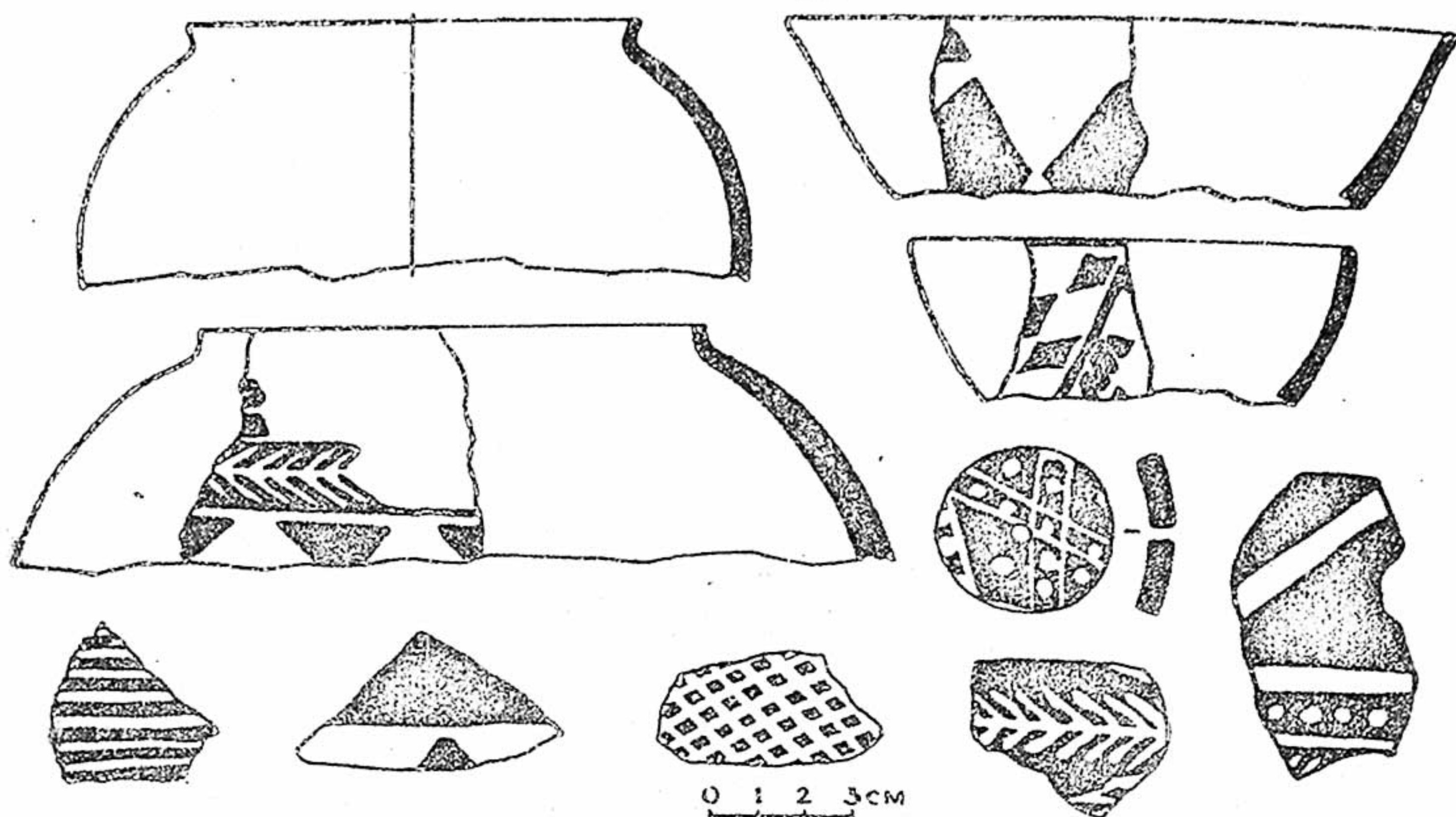

Рис. 2. Дяхш. Расписная керамика из усадьбы № I.

Этот метод орнаментации применяется жителями горных поселений Каратегина, Дарваза и Памира и называется гулбанди. По методу гулбанди места будущего орнамента покрываются водонепроницаемым материалом, а затем вся поверхность — ангобом. После того как ангоб засыхает, закрытые места открываются, и изделия получают с орнаментом.

Расписная керамика Дяхша по форме и технике орнаментации очень близка к керамике из могильников Западного Памира, особенно Зумудг.³

Керамика из могильника Зумудг, как и ляхшская, лепная, лощеная и орнамент нанесен по белому фону черной краской. А. Бабаев эту керамику датирует IY–VIII вв. н. э.

Кроме того, в ляхшской керамике есть красноангобированные фрагменты, похожие на кушанскую красноангобированную керамику, а также имеется керамика серого цвета без ангоба.

3. А. Д. Бабаев. Керамика из погребений Западного Памира. ВКГ, вып. 2. Душанбе, 1971.

Небольшой шурф на юго-восточной части восточной стены с внешней стороны показал, что стены замка-усадьбы имели толщину не менее 5 м. Стены сложены из пахсовых блоков и сохранились на высоту 2 м. На этой высоте на стенах не сохранились бойницы. Если они были, то, возможно, находились выше. Были, вероятно, угловые башни, но они были срезаны до нашего приезда строителями, и вокруг этой усадьбы сеяли пшеницу. Так как усадьба имела очень толстые внешние стены и находится на ровном месте, нет сомнения, что ее стены имели оборонительное значение.

Материалы, полученные из могильников Ляхи I и Ляхи II и усадьбы, синхронны. Возможно, что в позднекушанском периоде, начиная с IV-VI вв., в этом районе появляются земледельческие усадьбы оседлого населения.

4. Чоргул (Тертгел). Городище расположено на расстоянии 2 км к северо-западу от к. Карашура на ровном месте. К западу, метров в 300 от городища, проходит гряда Сангтепа. Это городище впервые упоминается в отчете А.Н.Бернштама под названием Карашура⁴ (возможно, искаженное название селения Карашура). Однако А.Н.Бернштам не привел его описания. В 1955 г. на Чоргуле побывали члены Каратегинского археологического отряда во главе с А.М.Мандельштамом и тогда оно было описано.⁵

А.М.Бернштам называет его Тарткулом. Среди местного населения известно два названия этого городища: таджики называют его Чоргул, а киргизы — Тертгель, что означает четыре цветка. А.М.Мандельштам отмечает, что городище "имеет форму неправильного многогранника; в южной части его, особой, более толстой стеной выделен квадратный участок. Последний частично выступает за линию южной стены, частично вдаётся во внутреннее пространство городища; этим он напоминает цитадели городищ определенной категории, имеющих в долине Зеравшана.

4. А.Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — ВИА, № 26. М.-Л., 1952, с. 221.

5. А.М. Мандельштам. О работах Каратегинского отряда в 1955 г. — АРТ, Тр. ИИАЭ, т. LXXIII (1955 г.). Сталинабад, 1956, с. 91-92.

В северной части городища, внутри его, расположено квадратное сооружение больших размеров, снабженное, судя по нарушенному контуру, башнями на углах... Вход в него расположен на северо-восточном фасае... Внутри городища прослеживаются невысокие всхолмления — вероятно, остатки каких-то сооружений и несколько глубоких впадин, являющихся, вероятнее всего, хаузами".⁶

А.М.Мандельштам отмечает, что местное население добывает себе из городища жженые кирпичи для строительства домов.

На основе подъемного материала и материала из заложенного шурфа на городище, он датирует Чоргул ХУ-ХУІ вв.н.э. А.М.Мандельштам в своем отчете не дает никаких разрезов шурфа или топографического плана Чоргула.

В настоящее время городище очень сильно разрушено. Шахристан с nivelированной бульдозером и на нем давно сеют зерновые злаки. Южная оборонительная стена шахристана и цитадели тоже уничтожены. Верхняя часть оборонительной стены с востока, запада и севера срезана бульдозером и вдоль нее идет оросительный канал. Аналогичному разрушению подверглась и цитадель, внутри нее тоже сеяли культурные злаки.

На западной стене или части цитадели сохранились остатки поздних строений, относящихся к концу ХІХ в. Южная стена цитадели тоже разрушена вместе с южной стеной шахристана, т.е. цитадель имела еще отдельную оборонительную стену с четырьмя башнями.

В восточной стене на значительном расстоянии прорыты несколько крупных траншей для силоса. Кроме того, стены шахристана и цитадели очень разрушены норами сурков. Вдоль оборонительной стены шахристана идет глубокий ров. Здесь найдены два фрагмента от каменного котла с остатками ремонта, напоминающие каменные котлы Хульбука ІХ-ХІ вв.н.э.

Шурф № 4 (2х3 м) был заложен в северо-восточной части шахристана в 20 м к северу от первого шурфа. Углублялись на

6. А.М. М а н д е л ь ш т а м. О работах Каратегинского... с.91.

1,5 м. Культурный слой начинается на глубине 80 см от поверхности. Культурный слой состоит из золы, битых жженных кирпичей, керамики, костей. Среди керамических изделий есть один фрагмент венчика с подковообразной ручкой лепного котла. Судя по форме венчика, котел относится к IX–XII вв. н.э.

Шурф № 5 (2х3 м) заложен в северо-западной части шахристана. Здесь на поверхности было очень много кусков жженого кирпича. Углубились до 1,5 м, культурные слои идут до глубины 1,2 м. В квадрате 1–3, в первом и во втором ярусах, встречалось очень много целых, битых и бракованных жженных кирпичей. Средние размеры жженных кирпичей 28х15х3; 35х20х7; 34х34х4 см. Большое количество кирпичного брака свидетельствует о том, что кирпичи формовались и обжигались на месте. Возможно, в районе нашего шурфа находилось какое-то монументальное сооружение? Три шурфа, заложенные на разных участках шахристана, показывают, что дома стояли на разном естественном уровне, т.е. место шахристана было неровное, отсюда и глубина культурного слоя в шурфах разная.

Шурф № 1 был заложен на северо-восточной части цитадели (4х4 м). Здесь со стороны шахристана очень широкая площадь, наподобие башни. Поэтому мы должны были выяснить, что собой представляет этот угол цитадели и почему здесь такое широкое место. Выше мы говорили, что бульдозером срезана не только верхняя часть стены шахристана, но и цитадели, поэтому мы сразу наткнулись на твердый слой пахсы и кирпича. На глубине 40 см от поверхности нашли целые кирпичи и в результате расчистки появилась кирпичная кладка шириной 1,6 м, идущая по направлению с востока на запад, т.е., очевидно, это оборонительная стена цитадели. Кирпичи квадратные (37х37х7 см), сложены ложком вперевязку на глиняном растворе. Шурф расширили по направлению с севера на юг и превратили его в раскоп. К северу от кирпичной стены на глубине 1 м появился завал из жженого кирпича. Кирпичи лежали беспорядочно. Среди них встречались куски гаяча – раствора. После снятия нескольких слоев выяснилось, что кирпичи лежат в основном наклонно, как будто упали сверху с купола. Кирпичный завал был расчищен на площади 3х3 м, на глубину 1,8 м. На

оборонительной кирпичной стене были обнаружены остатки штукатурки, которые находились под завалом жженой кирпичей помещения. Помещение вскрыть не успели.

К городищу из к. Сарикендж идет канал, который его обеспечивал водой. Этот канал и сейчас действует и орошает земли, расположенные вокруг городища.

В отчетном периоде был снят топографический план городища. Заложили три шурфа на шахристане и на цитадели.

Шурф № 1 заложен в западной части шахристана размером 4х2 м и глубиной 2 м. Шурф показал, что в шахристане толщина культурного слоя на этой части городища составляет около 2 м. На квадратах 4 и 5 на глубине 1,80 м от поверхности была обнаружена каменная кладка, которая стояла на ровной поверхности. Возможно, это суфа. Керамика из этого шурфа однородная, т.е. в основном лепная, лощеная. Из третьего яруса имеется фрагмент горлышка с ручкой от лепного кувшина, очень напоминающий кувшины УП-УШ вв.н.э.

Шурф № 2 (4х4 м) был заложен в северо-западном углу цитадели. Цель этого шурфа заключалась в том, чтобы с внутренней стороны подойти к северо-западному углу оборонительной стены цитадели. Северная линия нашего шурфа оказалась удачной и совпала с внутренней стороной оборонительной стены. Мы начали углубляться до 1 м, шли вдоль стены и нашли поперечные стены.

Впоследствии на месте второго шурфа раскопали целое помещение. Помещение 1 прямоугольное, вытянутое с севера на юг на 5,6 м и с запада на восток вдоль северной стены на 3,45 м, вдоль южной на 3,85 м. Южная часть помещения на 30 см шире, чем северная, так как западная стена на расстоянии 2,5 м от северной стены на 30 см отступает на запад.

Стены были пазовые и, кроме северной, остальные очень плохо сохранились. Штукатурка и поверхности стен разрушены. Вдоль восточной стены идет суфа шириной 45 см и высотой 50 см. Стены суфы сложены из камней, а верх — из кусков кирпичей. Дверной проем шириной 1,16 м расположен в юго-восточной части восточной стены. Под помещения ровный и обмазан. На полу на

расстоянии 2,50 м от северной стены у западной стены заложили шурф I 30x100 см. На глубине 30 см оказался материк. Пол состоит из утрамбованных кусков пахсы, сырцовых кирпичей, даже есть куски жженого кирпича и камней. Под полом оказался зольный слой толщиной до 5 см, возможно, для сохранения тепла. Вообще городище расположено на болотном месте и в помещениях было довольно сыро, об этом свидетельствуют плохой сохранности стены и засоленность почвы. Пепел охраняет почву от сырости и проникновения солей и дольше удерживает тепло.

В северо-восточной части вдоль северной стены и суфы обнаружена отопительная система. Печь подпольная и состоит из четырех каналов, отделенных друг от друга кирпичными перегородками. Глубина отопительных каналов 30-35 см. Размеры печи: длина 130 см, ширина 180 см. Все каналы соединялись между собой общим каналом, который шел по южной части.

Завал в помещении состоял из упавших кусков пахсы. Завал был очень твердым, в нем встречались керамика, кости, куски жженой кирпичей. Находки: в этом помещении много керамических изделий, в том числе на полу несколько фрагментов расписной керамики, напоминающей керамику поселения У - УТ вв., фрагменты чироба с зеленой поливой (такие чироба встречаются на многих памятниках X-XII вв. н.э.). Много железных наконечников стрел листовидной формы. Между боевой частью и черешком имеется уступ.

Для исследования городской стены в ее северо-западной части была заложена траншея, которая не была завершена. Судя по данным траншеи, городская стена целиком сложена из пахсы. Ширина стены 8-10 м, сужается она снизу вверх. Постепенного утолщения стены не обнаружено. По-видимому, стена сразу строилась толщиной 8-10 м.

На городище обнаружено несколько вариантов жженого кирпича: 26x26x4; 27x27x5; 14x14x4 см. Кирпичи хорошего обжига.

Предварительно отметим, что Чоргул в IX-XII вв. являлся крупным культурным центром этого района. Город состоял из шахристана и кухендиза. Площадь Чоргула была более 5 га.

В отчете прошлого года мы отмечали, что недалеко от этого памятника на камне нашли рисунок, по-видимому, изображавший крепость с четырьмя угловыми башнями в виде цветка. Эта находка наводит на мысль, что, может быть, в этом рисунке отражено название городища. Как известно, угловые минареты средневековых мавзолеев, медресе и мечетей называются гулдаста — букет цветов. Эти минареты-гулдаста в какой-то степени в общественных зданиях и в крепостях играли роль оборонительных башен. Поэтому, возможно, название гулдаста, т.е. четыре угловые башни памятника, впоследствии стало названием города.

Сейчас в районе современного Ляхша, а также по Кызылсу и Мугсу, где идет освоение земель, сохранились остатки многочисленных старых арыков, а также следы обработанных старых полей, которые местные киргизы приписывают неким мукам или мыкам, т.е. магам. Обнаруженные нами поселения и полученные материалы из этих поселений свидетельствуют о том, что в первых веках нашей эры здесь жило оседлое население.

М.А.Бубнова

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС В КИШЛАКЕ ВРАНГ
(ЗАПАДНЫЙ ПАМИР)

В 1976 г. Памирский археологический отряд проводил разведки на территории Западного Памира, в долинах Пянджа, Шахдары и Гунта. В результате был обнаружен ряд новых, ранее неизвестных памятников, в том числе культовый комплекс в кишлаке Вранг. Прежде чем перейти к его описанию, следует отметить, что некоторые древние памятники на территории кишлака Вранг уже привлекали внимание исследователей. Первым среди них был датский путешественник О.Олуфсен. Он осмотрел и описал несколько пещер, расположенных в районе кишлака Вранг. Всего, по его словам, пещер было около 20. Они были высечены в вертикальном обрыве высотой около 100 м. Пещерный комплекс О.Олуфсен связал с крепостью, которая расположена выше на вершине склона и в его время состояла из нескольких валов, построенных уступами один над другим и квадратной, хорошо сохранившейся башни, возвышавшейся над крепостью. Валу были обращены к р. Пяндж, а крепость — в сторону выхода из ущелья. От датировки пещерного города, как он его называет, и крепости О.Олуфсен воздержался, отметив лишь, что принадлежали они "сиядушам" (огнепоклонникам).¹

1. O. O l u f s e n. Through the Unknown Pamir. The Second Danish Pamir expedition 1898-99. London, 1904, p.89-92.

Н. Назаршоев. О путешествии датчанина О.Олуфсена на Западный Памир. — Сб. археол. работ, вып. I. Душанбе, 1975, с.45-46 (Тадж. Госуниверситет).

О врангских пещерах писал позднее А.А.Бобринский: "Отвесный обрыв из уплотненных моренных отложений изрыт сверху донизу пещерами. Все пещеры имеют совершенно одинаковую форму, ближе всего приближающуюся к юрте. Размеры пещер 2 1/2 - 3 аршина, диаметр 1,5-2 сажени. В разрезе более или менее правильный полукруг, в плане круг. По бокам вырыты углубления для очага и оставлены небольшие возвышения. Пещеры поражают своей чистотой... Большинство пещер обезображены пробоинами и проходами грубо, кое-как пробитыми то в потолке, то в полу или в стенах, смотря по тому, как ближе и удобнее было пробиться в соседнюю пещеру... Необычайная опрятность полов не дала нам возможность что-либо подобрать в них".² Местные жители рассказывали А.А.Бобринскому (также, как и О.Олуфсену), что пещеры вырыты дэвами. Преданий о них не сохранилось, но сами жители не раз пользовались ими как убежищем, спасаясь от врагов. Последний раз в них укрывались во время раздоров между миром Дат-Али-Шо и его двоюродными братьями. Нередко используют пещеры и для временного жилья в течение 3-4 летних месяцев.³

О пещерном городе около кишл. Вранг упоминает и А.Стейн.⁴

Краткое описание крепости Вранг мы находим у А.Н. Зеллинского. Обследование крепости позволило ему охарактеризовать ее следующим образом: "Крепость Вранг контролировала дорогу, идущую со стороны Шугнана через перевалы Ваханского хребта. В настоящее время... высота отдельных участков стен не превышала 1,5 м. Стены сложены из плит неотесанного камня на глиняном растворе. Их толщина у основания доходит до 2 м, а у верхней части - до 1 м. По приблизительным подсчетам, в среднем Вранг занимает площадь до 500 кв.м. Изредка

2. А.А. Б о б р и н с к о й. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам. М., 1903, с.121.

3. Т а м ж е.

4. А. S t e i n. Innermost Asia, vol.II, Oxford, 1928, p.865.

встречающаяся здесь керамика отличается очень грубой выделкой и не может свидетельствовать о ранней датировке крепости. Можно предположить, что крепость Вранг относится к средневековому периоду".⁵ О врангских пещерах А.Н.Зелинский не упоминает.

Таким образом, подводя итоги тем наблюдениям, которые были сделаны нашими предшественниками, можно заключить:

1. Отмечена крепость, предположительно датируемая средневековым периодом. Анализа материала (керамика) исследователи не приводят.

2. Пещерный город (без датировки) связывается с крепостью. Все связано с деятельностью "сияпушев" (по другим преданиям — дэвов).

В 1976 г. Памирский археологический отряд провел обследование крепости. Застройки позднего периода практически перекрыли древние слои, а подъемный материал (керамика) не дает уверенности в том, что она связана с первоначальными постройками. Без раскопок, на наш взгляд, установить древность подъемного материала в настоящее время не представляется возможным.

Обследование близлежащих к крепости участков обратило наше внимание на четырехугольное основание, сложенное из камней, на котором возвышается остана (место поклонения камню).

При ближайшем осмотре выяснилось, что здесь же есть еще остатки каких-то построек, но почти полностью затянутых слоем земли. Сохранились остатки каменной стены. Пещеры в этот период вызвали интерес у нас в связи с тем, что были получены сведения о том, что это заброшенные древние выработки. Эти сведения после обследования пещер геологами Памирской геологоразведочной экспедиции, не подтвердились.

5. А.Н. З е л и н с к и й. Древние крепости на Памире. — В кн.: Страны и народы Востока, вып.3. М., 1964, с.135; о н ж е. Древние памятники в Вахане (доложено 25 февраля 1963 г.). — В кн.: Доклады по этнографии, вып.1 (4). Л., 1965, с.48 (Гесграфическое общ-во СССР).

Первые пробные раскопки вновь открытого комплекса в кишлаке Вранг Памирский археологический отряд смог осуществить в 1978 г. и продолжить в 1979 г.⁶

Комплекс расположен на краю террасы на выходе Треж Джирав (Джирафи - Вранг, Врангдарья), правого притока р. Пяндж, из ущелья одноименного названия (Ишкашимский район Горно-Бадахшанской автономной области, сельсовет Вранг). Терраса сложена из уплотненных моренных отложений. Район богат нарзанными источниками. Часть из них, особенно тех, которые были расположены северо-восточнее памятника, перестали существовать очень давно. Следы их сохранились на склоне террасы в виде промоин и белых налетов на поверхности почвы, оставленных выступившими минеральными солями.⁷

Комплекс, благодаря расположению на краю террасы, в плане повторяет ее очертания, приближаясь по форме к ломаному вытянутому прямоугольнику (рис. I). Наружная стена длиной около 180 м, шириной 1,10 м была возведена по краю террасы, исключая восточную стену, которая пересекает террасу с севера на юг и практически прямая. Основание стены сложено из нетесаного камня местных пород, верхняя часть из прямоугольного сырцового кирпича (42x27x10 см). Наружная стена была укреплена двумя угловыми и монолитными башнями, которые располагались на северо-восточном (№ 5) и юго-восточном (№ 8) углах. Башни (основательно разрушенные в верхней части) представляли собой, вероятнее всего, усеченные конусы, поставленные на четырехугольный постамент. Все было сложено из нетесаного камня на глиняном растворе и облицовано сырцовым кирпичом (35-36x24x9-10 см). Кладка из сырцовых кирпичей (семь рядов) сохранилась только на западной стороне башни № 5. Кладка из кирпичей вперевязку велась следующим образом: в

6. Отряд работал в следующем составе: М.А. Бубнова (начальник отряда), И.А. Карпушкина - лаборант, Н.И. Кулакова - художник, маршрутные рабочие: Ю. Вишнепольская, В. Жердев, Ф. Холов, Р.Ю. Метейнин и школьники средней школы № 8 кишлака Вранг.

7. Местные жители называют эту землю резг. Кожевенники пользовались ею для удаления волос при обработке шкур.

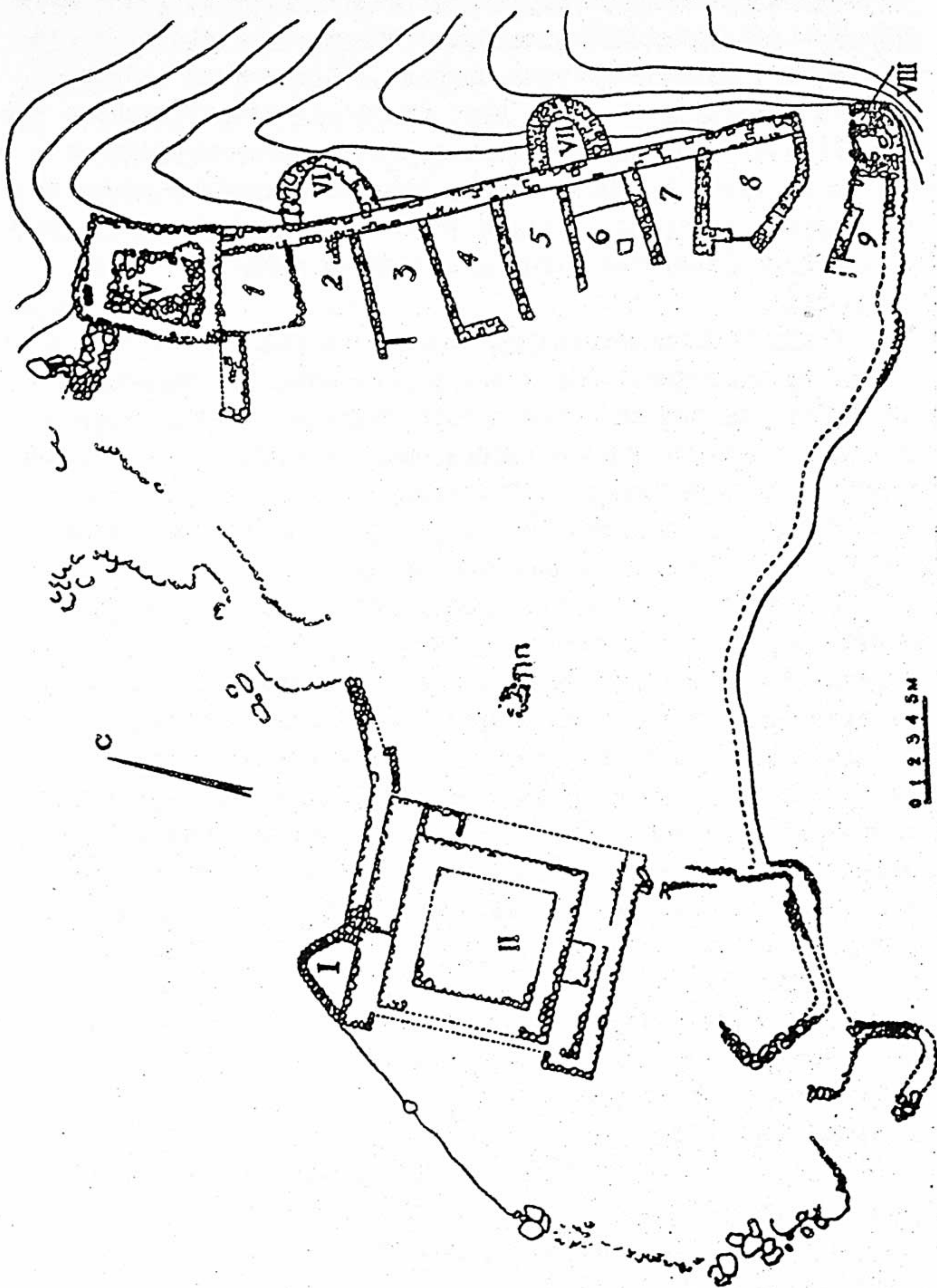

Рис. I. Вранч. План культового комплекса.

ряду клали один кирпич, обращенный наружу ложком, а два следующих — торцом и вновь повторяли эту же комбинацию. В следующем, втором ряду, тот же принцип. Но при этом старались, сохраняя перевязку, класть так, чтобы над ложком нижнего кирпича лежали торцы верхних кирпичей, а над торцами нижних — ложком верхние. Не всегда это удавалось сохранить из-за нестандартных размеров кирпичей и швов (3—4 см), поэтому кладка местами сбивалась, и торцы или ложки кирпичей местами совпадали.

Башня № 8, с четырехугольным постаментом, почти не сохранила верхнюю часть. По нижнему ряду кладки есть основание предполагать, что сама башня тоже была четырехугольной в плане. Возможно, ее конструкция была изменена, по сравнению с башней № 5, в процессе ремонтов.

Кроме двух угловых башен, восточная стена была укреплена еще двумя (№ 6, 7) выносными башнями (?). От них сохранились полукруглые основания. Конструктивно они представляют собой стену, выложенную полукругом (ширина — 1,20 м), сложенную из крупных камней на глиняном растворе (в основании лежали камни до 1х0,6 м). Внутри заполнение состояло из слоев земли, переложенных слоем из крупных веток и стволов облепихи. Всего было отмечено два слоя земли и два слоя дерева. Верхний слой составляли некрупные камни. Были ли на этих основаниях надстройки, как это имело место с башнями № 5 и 8, выяснить не удалось. Расчистка у их основания не обнаружила каких-либо значительных скоплений камней или сырцовых кирпичей, свидетельствовавших о рухнувшем значительном сооружении. Возможно, это были просто выносные площадки, одновременно служившие контрфорсами.

В восточной стене у башни № 8 был расположен вход (не докопая до конца).

Еще одна угловая башня № 2 находилась в северо-западном углу. В отличие от остальных она треугольной формы. В настоящее время висит над обрывом, так как эта сторона террасы подвержена наибольшему разрушению. Ее верхняя часть не сохранилась. Конструкция похожа на конструкцию башен № 6—7. Разница

в том, что внутреннее заполнение состояло из слоев земли и соломы. В верхних слоях были обломки сырцовых кирпичей. Это заставляет предполагать, что верхняя часть башни была сложена из сырцовых кирпичей.

В центре северной стены находился еще один вход, которому предшествовал небольшой коридор-тамбур (длиной около 1 м) с наружной дверью, от которой сохранился деревянный порог.

Юго-западный угол также имел сооружения типа башен, но этот участок не докопан.

Внутри комплекса можно выделить три части.

I. Западная группа построек. Сюда входит центральное сооружение, расположенное в северо-западной, наиболее возвышенной части, практически на краю обрыва. Оно представляет собой двухступенчатый постамент, четырехугольный в плане (нижняя ступень — 11,2х12,2х1,3 м, верхняя — 8,2х8,2х0,5 м). Верхняя часть разрушена. На ее месте построена остана. Однако под нижней кладкой стен останы в нескольких местах были выявлены остатки древней кладки. Это дало основание считать, что постамент был не двухступенчатым, а по крайней мере трехступенчатым, размеры останы могут являться и размерами третьей ступени (5,5х5,5х? м). Раскопки 1979 г. внесли поправку в устройство нижнего постамента. С западной стороны он выступает всего на 40 см, тогда как в остальных случаях его выступающая часть равна 1,3-1,4 м. Такая несимметричность в конструкции объясняется тем, что западная сторона очень близко расположена к краю обрыва. Чтобы предохранить все сооружение от разрушения при возможных обвалах, западную ступень максимально сузили, оставив более широкий проход между краем и западной стеной постамента.

Фасадной для всего сооружения являлась южная сторона, обращенная к р. Пяндж. Она имела дополнительную широкую ступень (2,2 м), в центре которой имелось прямоугольное возвышение (1,2х2х0,5 м). Участок между фасадной частью и наружной стеной, т.е. весь юго-западный угол не раскопан. На выступающей части нижнего постамента с северной стороны, как раз перед башней № I, были обнаружены остатки кладки из сырцового кирпича и деревянный порог от двери на линии башни № I. Боль-

шая часть кладки обрушилась, образовав перед дверью загал из сырцовых кирпичей (28-32x41-42x9-10 см и 22-23x30-32x9 см). Таким образом, пространство нижнего постамента перед башней № I до конца было превращено в крытый коридор с выходом на угловую башню № I. Как осуществлялось сообщение с башней, можно только предполагать, так как верхняя часть ее разрушена. Вероятно, входом служила открытая сторона, смежная с коридором. Порог находился на уровне пола нижнего постамента.

II. Восточная группа построек состоит из 8 смежных помещений, пристроенных к восточной стене. Они располагаются ступенчато (за счет уклона местности) от башни № 5 до восточного входа. По планировке — однотипны, прямоугольные с обогревательными очагами, врытыми в полу. Об их устройстве дает представление очаг из помещения № 6 (в остальных сохранились только зольные пятна). Очаг — четырехугольное (50x32 см) углубление в полу (27 см), по краям обложен хорошо подогнанными каменными плитками, поставленными на ребро. Очаг по конструкции — полная аналогия обогревательным очагам в помещениях поселения Базардара (XI в.).

Суфа отмечена только в помещении № 6, располагалась вдоль наружной стены напротив входа (2,7x1,4x0,4 м). Разрушенная суфа была в помещении № 3, также вдоль наружной стены.

Входы у всех помещений с западной стороны, с выходом во двор. В помещениях № 4 и 8 сохранились *in situ* деревянные пороги, в помещении № 6 порог лежал у входа. Деревянные пороги стандартной конструкции: деревянная плаха, обработанная с наружной стороны, с двумя отверстиями; круглым — для стойки, на которой крепилась дверь и квадратным — для вертикальной задвижки. Размеры помещений представлены в табл. I.

К южной стене тоже были пристроены аналогичные помещения от башни № 8 (начаты раскопки помещения № 9). Обнаружены помещения между северной стеной и башней № 5 (начаты раскопки помещения № 10).

III. Внутренний двор объединяет все постройки, сгруппированные по периметру наружной стены. Во дворе, на расстоянии 5 м от центрального сооружения, расположена группа очагов П-образной формы, сложенных из плоских камней, поставленных

Таблица I

Наименование	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8
Длина и ширина стен, м	3,7x3,3	3,7x2,8	5,2x3,1	5,4x2,7	5,7x2,7	4,9x3,0	4,6x2,3	3,5x3,8
Площадь м ²	12,21	10,36	16,12	14,58	15,39	14,70	10,58	13,30
Ширина входов, м								1,10

на ребро. Камни незначительно углублены в землю. Очаги пристроены один к другому, устья всех обращены на юг, кроме одного с западным направлением.

В северной части двора вдоль наружной стены, до северного входа полоса тонкого слоя навоза (2-5 см).

Таким образом, весь комплекс, огороженный стеной, укрепленной башнями, состоял из центрального 3-ступенчатого сооружения типа зиккурата, жилых смежных помещений, располагавшихся вдоль наружной стены, и внутреннего двора.

Кроме этого в склоне террасы с западной стороны, практически под центральным сооружением, сохранилось II сводчатых "пещер". Напротив, на другом берегу в склоне сохранилось более 60 "пещер", их было значительно больше - нижние погребены под осыпью, но местами еще видны их верхние части.

В процессе раскопок был обнаружен разнообразный вещественный материал, состоящий из фрагментов керамики, поделок из дерева, обрывков тканей, войлока, единичных украшений.

Керамический комплекс сравнительно богат по отношению к другим памятникам Западного Памира. Целых форм нет. Рассмотрим отдельно те группы, которые поддаются реконструкции по фрагментам (рис. 2).

1. Котлы со слабо выраженной горловиной за счет вертикальных стенок закраины. Край плоский. Плавный переход к уплощенно-сферическому тулову (?). На тулове вертикальные налеты - четырехугольные в сечении ручки. Снаружи покрыты сплошным полосчатым лощением светло-коричневого цвета. Тесто с примесью дресвы и толченого кварца. Обжиг неровный. Диаметр устья (в дальнейшем ДУ) - 20-26 см, толщина стенок (ТС) - 0,5-0,9 см (рис. 2. 1).

2. Сосуды типа "корзинки" с широкой перекидной ручкой (рис. 2. 2, 3).

3. Горшки:

а) без горловины, прямой край непосредственно переходит в тулово (рис. 2. 4);

б) короткая горловина, закраина немного отогнута наружу, край плоский (есть с округлым краем). Переход к тулову плавный. Покрывает лощением снаружи (рис. 2. 5);

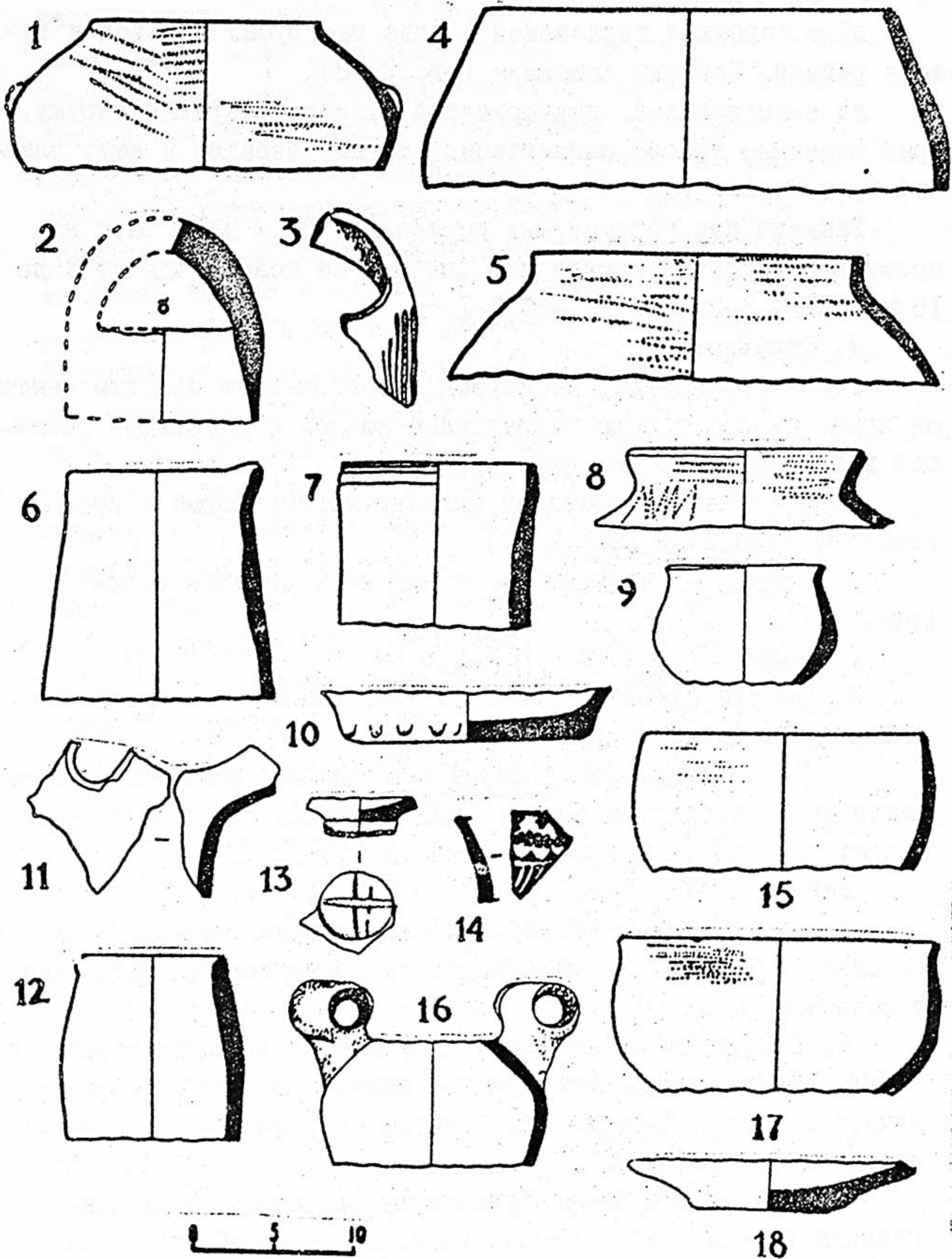

Рис. 2. Вранг. Керамика: I - котлы; 2-3 - сосуды типа "корзинки"; 4, 5, 8, 9 - горшки; 6, 7 - кувшины; II - сосуды "чайники"; 12 - сосуды баночной формы; 15, 17 - миски; 16 - сосуды с ручками, цилиндрические; 10, 13, 18 - поддоны; 14 - орнамент под лощением.

в) с короткой горловиной в виде раструба. Переход к тулову резкий. Покрты лощением (рис.2. 8).

г) с горловиной, подчеркнутой отгибом закраины наружу, край плоский, тулово биконической формы, переход к нему плавный (рис.2. 9).

Размеры для горшков без горловины: ДУ - 5-18 см; для горшков с короткой горловиной (высота ее колеблется от 3 до 16 мм) ДУ - 3-20 см, ТС - 0,3-1 см.

4. Кувшины:

а) без горловины, со сливом, образованным простым смятием края, тулово в виде удлиненного конуса с небольшой разницей в нижнем и верхнем диаметрах (рис.2. 6);

б) с высокой горловиной цилиндрической формы и профилированной закраиной (рис.2. 7).

5. Сосуды - "чайники" - от них есть боковые сливы (рис.2. II).

Размеры: ДУ - ? ТС - 0,4-0,8 см.

6. Сосуды баночной формы. С треугольной в сечении закраиной и скошенным наружу краем (рис.2. I2).

7. Миски сферической формы с округлым, утоньчающимся незначительно отогнутым внутрь краем (рис.2. I5) и отогнутой наружу со скошенным краем закраиной (рис.2. I7).

Размеры: ДУ - 8-20 см, ТС - 0,3-0,8 см.

8. Сосуды типа тагора. Закраина в виде широкой площадки (ширина до 1,8 см), с плоским, выступающим наружу треугольным в сечении краем.

9. Сосуды со своеобразными ручками и шаровидным туловом. Ручки, в виде полых цилиндров, подняты на короткой цилиндрической ножке. Поверхность снаружи покрыта светло-коричневым лощением (рис.2. I6).

Для сосудов и мисок характерны сплошные дисковидные поддоны (рис.2. I8), которые украшали простыми вмятинами (рис.2. I0), а на некоторых ставили знаки в виде креста (рис.2. I3).

Все сосуды лепные, на некоторых отчетливо видны следы ленточной техники. Обжиг, за редким исключением (единичные фрагменты), хороший, ровный. Во всех случаях черепок внутри

черно-серого, серого или бурого цвета. Примесь дресвы, толченого кварца — не редкое явление. Хорошее тесто — редкость. Практически примеси на уровне естественных — обычное явление. Частое включение слюды от мельчайших частиц до очень заметных — тоже результат естественных примесей. Поверхность во многих случаях покрывалась лощением — сплошным, полосчатым, горизонтальным. Преобладают светло-коричневые оттенки, а также более темные и светлые (кремовые), что зависело от глины и обжига. Есть единичные фрагменты с орнаментом (рис. 2. 14). Техника его выполнения состояла в том, что сначала коричневой краской наносился узор, а затем вся поверхность покрывалась лощением. Достигался большой эффект за счет светло-коричневого фона черепка и темного рисунка. Кроме лощения и лощения по орнаменту прибегали к простому покрытию краской (красной) отдельных участков сосуда, например горловины. Об этом приеме можно судить пока по одному фрагменту.

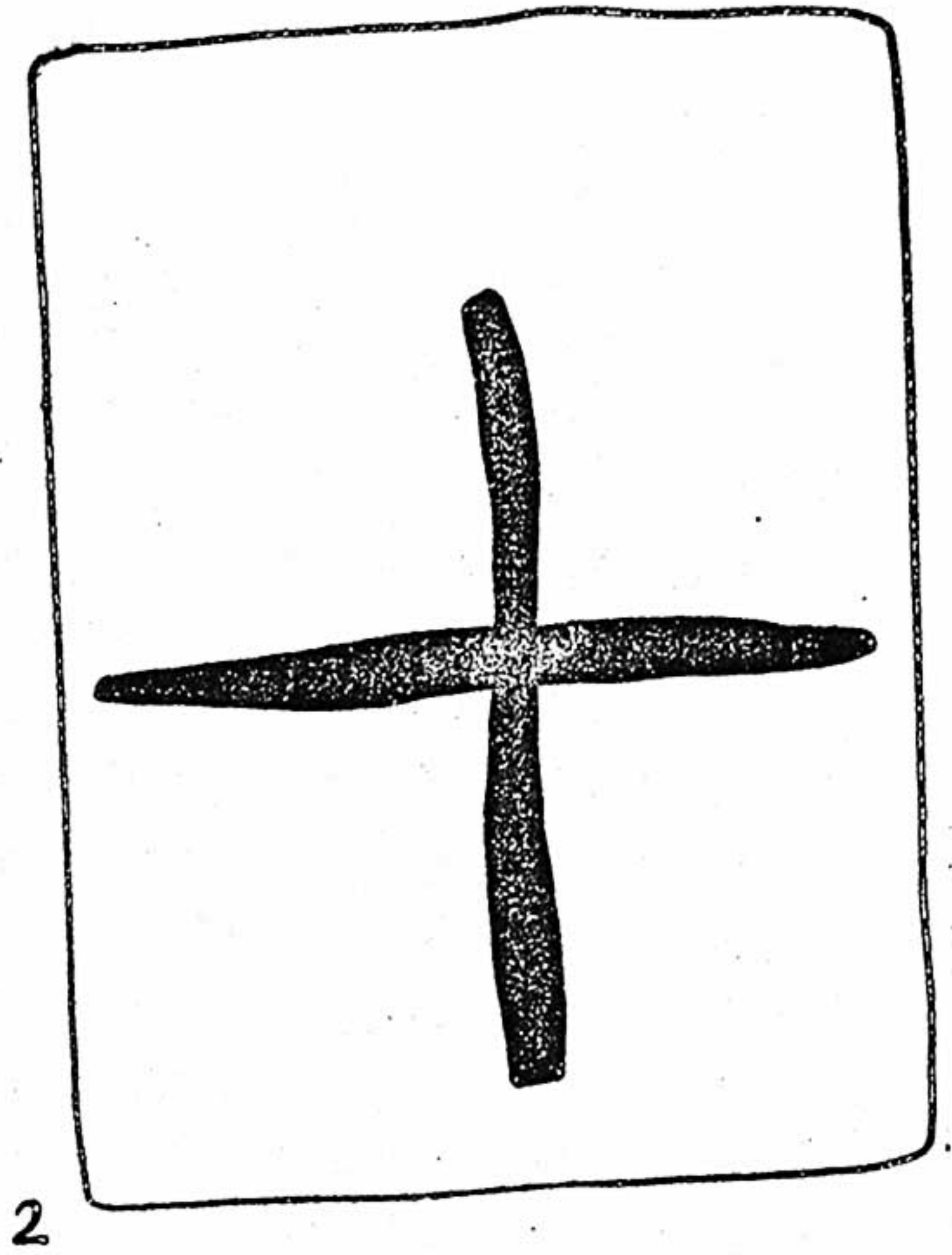
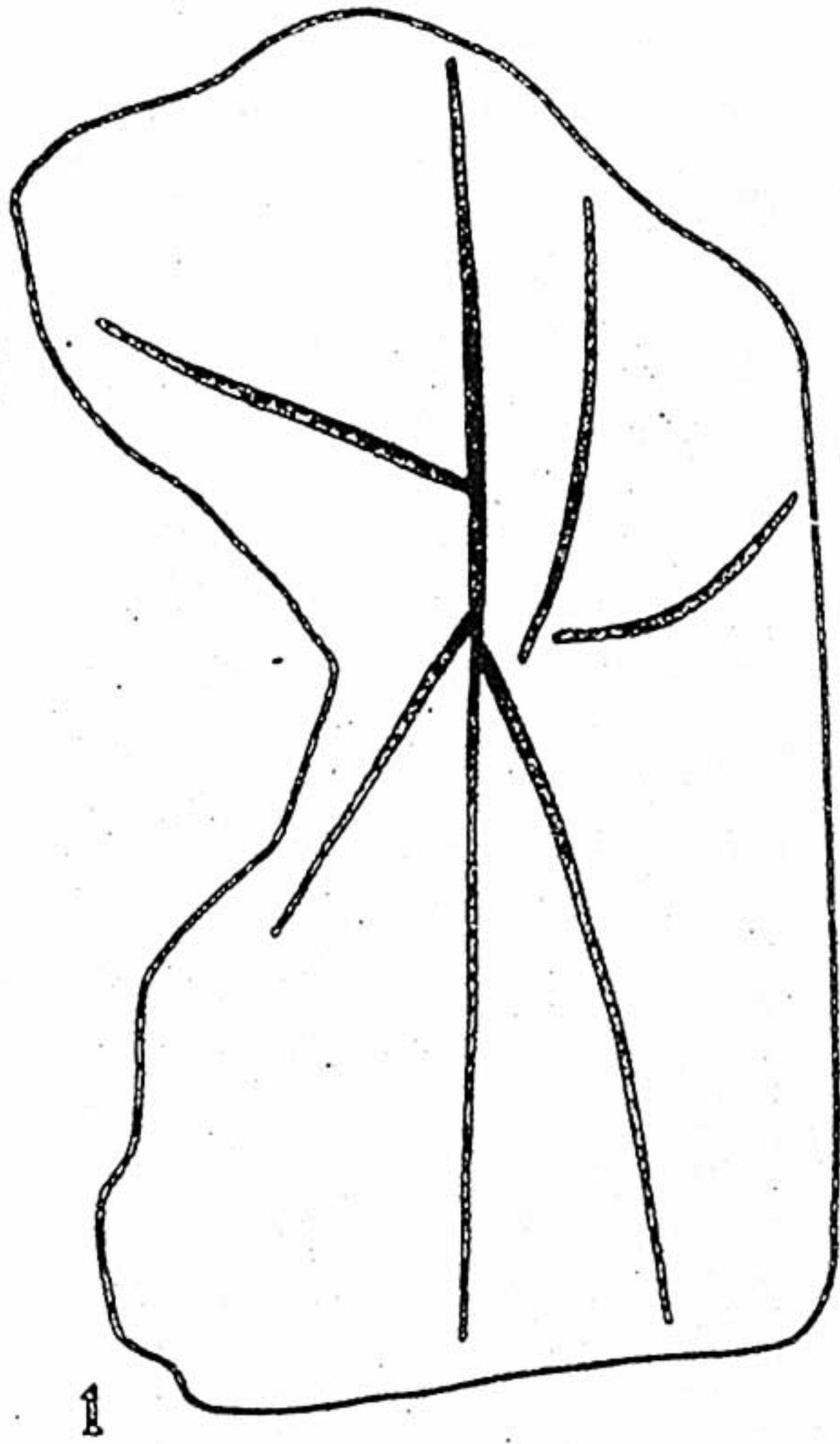
Датировать комплекс можно на основании керамического материала и строительных приемов. В представленных формах горшков и мисок наблюдается сходство с комплексами Пенджикента VI—VII вв. и керамикой крепости Ямчун.⁸ Формат сырцового кирпича — прямоугольный, также характерен для памятников раннего средневековья.⁹ Сырцовые кирпичи с аналогичными размерами есть в крепости Ямчун.¹⁰ Среди кирпичей из врангского комплекса есть кирпичи с тамгами (рис. 3. 1-3).

С учетом имеющихся материалов комплекс можно ориентировочно отнести к V—VI вв. н.э. Вопрос о времени, когда комплекс прекратил свое существование, остается открытым до завершения раскопок и полного анализа вещественного материала.

8. И.Б. Б е я т о в и ч. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VI—VII вв.). — Тр. Таджикской археологической экспедиции, т. IV. М.—Д., 1964, с. 266—298; Б.И. М а р ш а к. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. Там же, с. 184—243; А.Д. Б а б а е в. Крепости древнего Вахана. Душанбе, 1973, с. 86.

9. Б.А. Д а в и д о в и ч. Раскопки замка Калаи Боло (из работ Исфаринского отряда ТАЭ в 1951—1952 гг.). — Тр. Таджикской археологической экспедиции, т. 3, 1951—1953 гг. М.—Д., 1958, с. 73 (МИА № 124).

10. А.Д. Б а б а е в. Указ. соч., с. 121.

0 1 2 3 4 5 CM

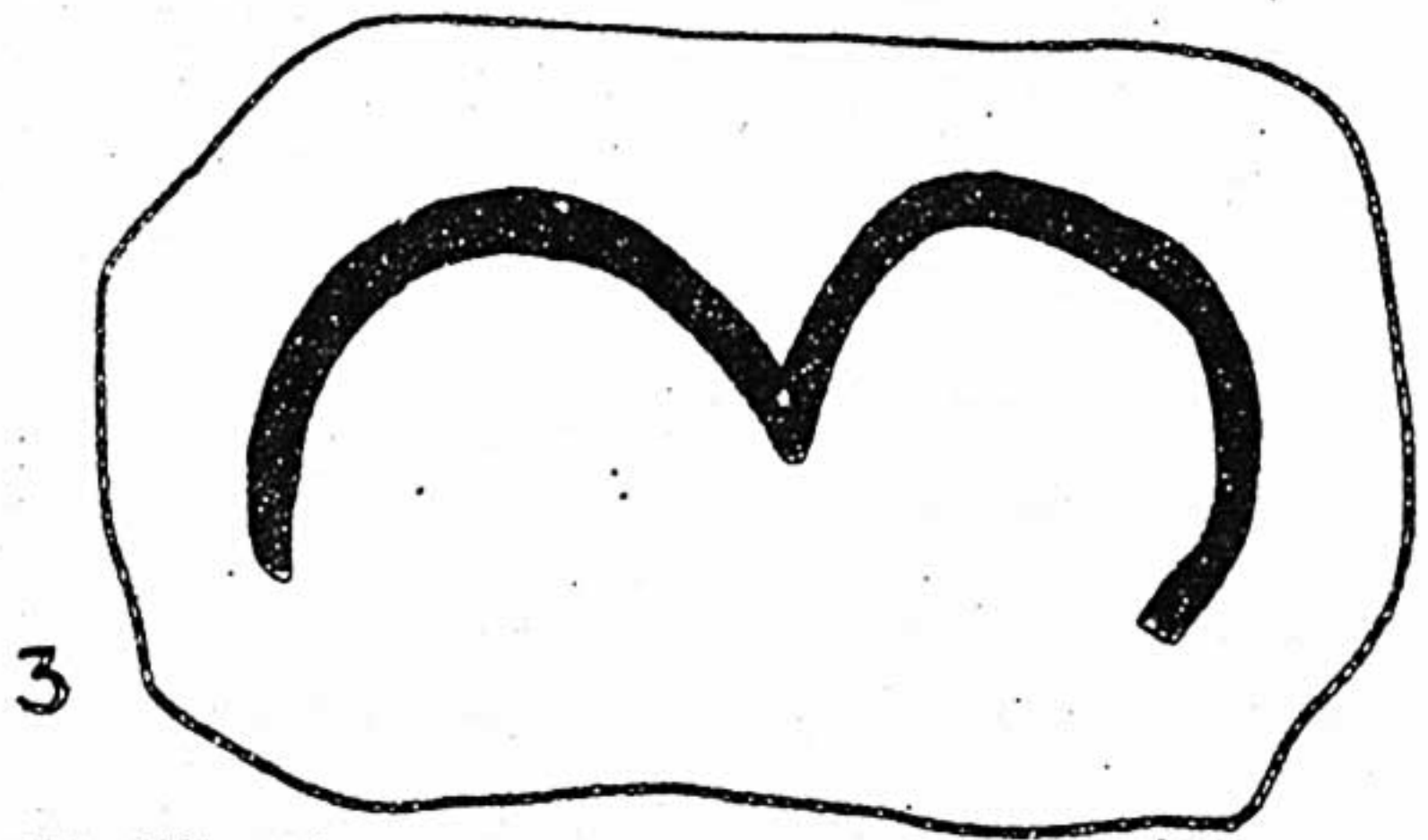

Рис.3. Вранг. Знаки - тамги на сырцовых кирпичях.

Сложным на данном этапе является и решение вопроса о том, какие функции выполнял рассматриваемый комплекс. На наш взгляд, не вызывает сомнения, что это какое-то культовое сооружение, исходя из характера его сооружения, прежде всего центрального, и несомненной связи с "пещерами", в которых следует видеть жилые сводчатые камеры. Центральное сооружение, наличие пещер-келий как будто связывает его с буддизмом. Тем более о наличии буддийских памятников в соседних районах для этого периода сообщают и письменные источники и остатки ступ и монастырей.^{II} Однако в настоящее время мы не находим прямых аналогий раскопанному комплексу среди известных нам буддийских памятников. Учитывая сложность и малую изученность древних религиозных верований Памира, вопрос этот требует более конкретного материала и тщательного анализа.

II. А.М. М а н д е л ь ш т а м. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в.н.э. Сталинабад, 1957, с.24-25 (Тр. Ин-та истории, археол. и этногр., т.53).

Э. Гулямова

О РАБОТАХ ХУЛЬБУКСКОГО И МОСКОВСКОГО ОТЯДОВ
В 1979 г.

На цитадели Хульбука в 1979 г. работы проводились на нижней площадке, которая составляет одну треть всей площади (рис. I).^I Работы здесь были начаты в 1978 г., когда в северо-западном углу мы обнаружили живопись по алебастру, исполненную красной, оранжевой, синей, белой и черной краской: молодой воин в парадной одежде с палицей в правой руке. Теперь раскапывалась площадка перед помещениями западной, северной и южной сторон (ширина 4 м, длина северной, западной сторон 25 м, южная раскопана на длину 5,5 м), которая вымощена плашмя положенными кирпичами. Конфигурация обрамления хауза — внутреннего двора — квадрат, с углов скошенные треугольниками, что в общем образует восьмигранник. С трех сторон вокруг двора размещены помещения, разбитые на серии из 3-5 маленьких комнат, сгруппированных вокруг одной большой. Большие комнаты в пределах размеров 12х7-7,5 м, 12х10 м, маленькие 3х6 м. Впоследствии некоторые из них разгорожены на две смежные комнаты.

Строительный материал гакса. Первоначальные стены толщиной 1,2 м, стены последующих ремонтных периодов, связанные с закладкой или перегораживанием, варьируют в пределах 0,3 — 0,6 м. Ремонтные работы выполнялись кирпичом-сырцом (34х34х6 см) в помещениях 6, 10, 11 и южным (25х25х4,5, 26х19х

I. Отряд работал в составе: Э. Гулямова — нач. отряда, В. Н. Бажутин — художник, Т. Д. Каримов — ст. лаборант, В. В. Радиловский — аспирант, П. М. Окунев и А. В. Медведев — шоферы, А. И. Иванов — архитектор, С. В. Морозов, Л. В. Молдавер, А. С. Ермолаева, Ю. Мотов, А. Шитин, Я. Ш. Клинггенберг, С. Коновалов, А. Веч, С. Бремин — маршрутные рабочие.

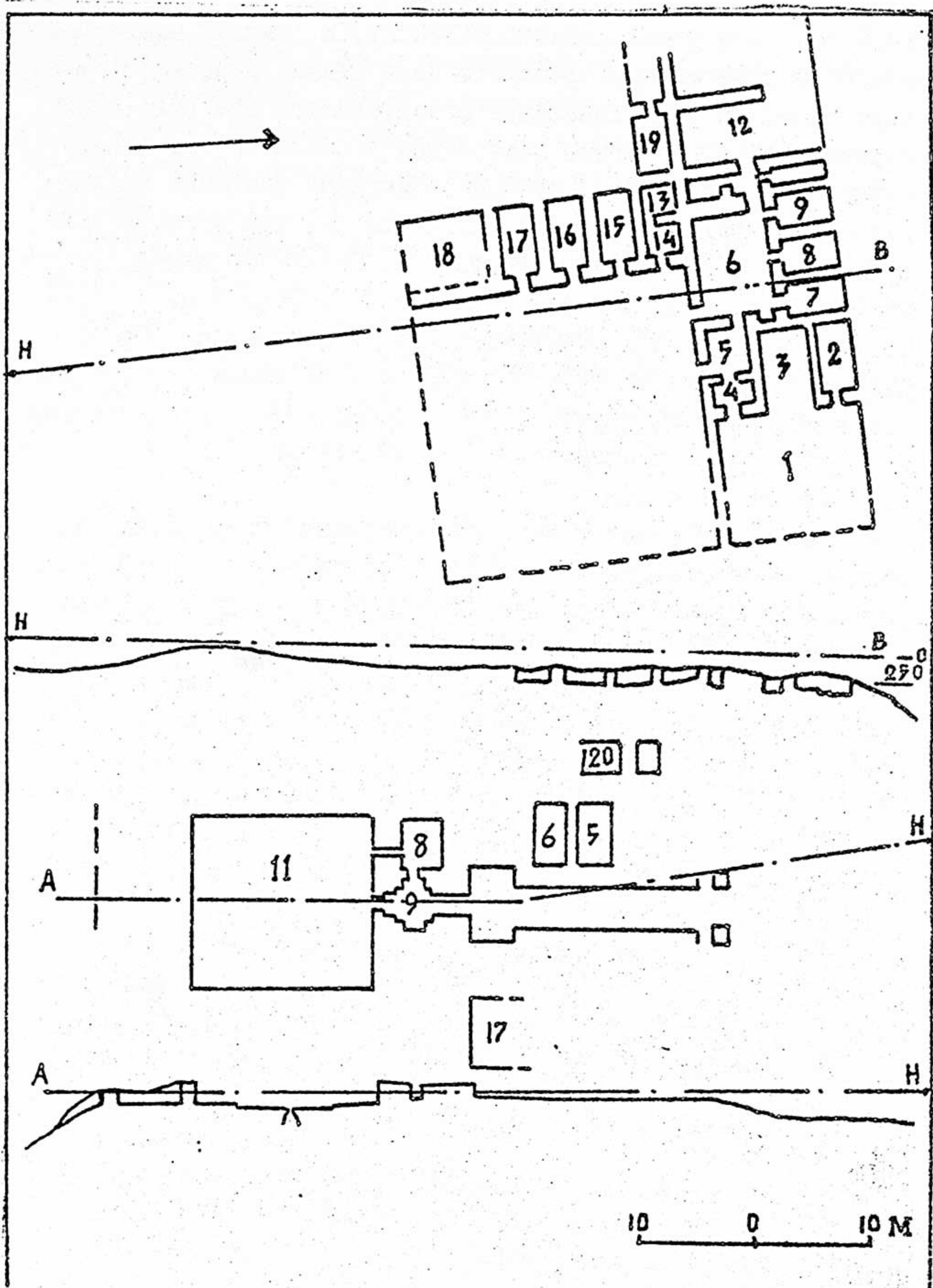

Рис. I. Хульбук. План и разрезы нижней и верхней площадки цитадели.

х4,5 см) — в помещениях I4, I5, I6, I7, I8. Нижняя часть пахсовых стен укреплялась примороженными плашмя кирпичами; в северо-западном углу помещения 6 сохранились два ряда таких кирпичей. Кирпич широко применялся в обкладке суф и порогов, выступающих и утопленных. Полы помещения вымощены жжеными кирпичами. Основные размеры: 25х25х4 см, при перестройках применялся 22х22х4,5, 26х19х4,5 см. Такую кирпичную вымостку пола имело большинство помещений (I, 2, 4, 5, 7, 8, I3, I4, I5, I6, I7), в остальных помещениях пол не сохранился. Особо следует отметить тщательную отделку пола не только внутри помещений, но снаружи перед хаузом и помещениями. Для Хульбука вообще характерна сплошная вымостка жженым кирпичом больших открытых пространств.

Так, в частности, вымощен внутренний двор (50х50 м) между нижней и верхней площадкой, перед хаузом. Наиболее побитые части несут следы частых ремонтов, некоторые участки укреплялись фундаментально — поверх старой выкладки на целых участках настился сверху новый слой кирпичей, что вызвало неровный общий характер всей поверхности пола. Стены помещений и пола несут следы алебастровой обмазки. Обычно новая обмазка серая, толщина 1,5 см. Поверх наносился более тонкий белый алебастровый слой обмазки. Щеки проходов, пилоны и некоторые участки в два слоя толстой обмазки. Полы помещений I, 2, I3, I4, I6 несут следы толстой алебастровой обмазки поверх кирпичей вымостки. Таким же плотным слоем алебастра был обмазан очаг в лолу комнаты I3 и поверхность суфы в пом. I4. Видимо, эти комнаты были каким-то образом связаны с употреблением воды, что требовало такого плотного слоя алебастра. В помещении I6, напротив, пол обмазан тонким слоем белого алебастра.

Стены комнат тоже сохранили алебастровую обмазку, причем в основном обмазка в несколько слоев. На пахсовые стены вначале наносился слой глины с саманом до 5 см толщиной, затем толстый (1 см) слой алебастра и только после него несколько слоев тонкого (0,3–0,5 см) алебастра. В помещении 6 на восточной стене до 15 слоев. Отделка нижней и верхней

площадки отличается — на верхней площадке алебастр, применявшийся при работах, более качественный и белый; то же самое отмечается относительно резного алебастрового штука, который на верхней площадке из хорошего качественного белого алебастра.

Северная торцовая сторона помещений вокруг хауза состоит из групп — два больших зала I и 6 и выходящая в них группа комнат вдоль стен залов. В их компактном плане есть своя логика построения — четкий ритм повтора, но друг от друга эти залы и комнаты, прилегающие к ним, намеренно изолированы так, что каждая группа сугубо обособлена. Ничто не указывает на характер назначения комнат.

Зал I — полностью сохранились западная стена (12 м), северная и южная (6–8 м), восточная не обнаружена; будучи на оплыве цитадели, она смыта. Цитадель со всех сторон оплыла, верхняя площадка сократилась с каждой стороны по крайней мере на 5 м и утратила часть помещения. Нужно думать, что прямоугольный в плане зал с восточной стороны имел выход или выходил широким проемом на восточную сторону. Парадность зала явствует из находок остатков цветной штукатурки северной стены и богатой вымостки пола.

Южная стена отделяет зал от хауза. В юго-западном углу в стене промоина, которую можно принять за проход, но вымостка пола под ней сохранилась и поэтому проход вызывает сомнение.

Северная стена мощная (1,5 м), в западном углу много фрагментов штукатурки со сплошной синей подкраской. По мере продвижения на восток высота стены уменьшается и на гребне сходит на нет. Фрагменты алебастровой обмазки тем не менее продолжают попадаться.

Особенно богато выложен пол зала. Узор паркетный, поставленный на ребро кирпич обрамляет места перепадов высоты или ступеней из комнаты № 3 и в других местах. Разбитый на прямоугольники и квадраты кирпич внутри них положен под углом в шахматном порядке. На расстоянии одного метра от ступи на линии север-юг в полу углубления (50х50 см) для колонны, что подчеркивает особую парадность и указывает на пространст-

венное решение зала. Разрушение восточной части зала не позволяет решить, было ли это целиком перекрытое большое помещение или же оно было открытым и перекрытие имелось лишь в виде козырька над выходами помещений 2, 3, 4, 5. Этот принципиальный вопрос не решен. Сами комнаты, связанные с залом, дают возможность принять оба решения, т.е. открытого типа айвана и крытого помещения. Комнаты 2, 4-5 (последняя пара первоначально была одним помещением, в последний период перегороденным) имеют четко оформленный выход в зал. Помещение 2 со ступенями (высота 30 см), остальные (3 и 4)² одного уровня с полом зала. Все они прямоугольные. Помещение 3, находясь в центре, несет в композиции особую нагрузку, которая не выявлена до конца. Дело в том, что оно выходит в зал широким, на ширину торцовой стороны проемом, хотя возможно, что эта часть стен плохо сохранилась.

До конца расчистить комнату не представлялось возможным, вся площадь ее занята фрагментами полихромной живописи по алебастру. Именно этот последний факт, в сочетании с такой же нарядной вымосткой пола из жженых кирпичей (23x23x4,5; 21x21x4,5; 25x25x4,5 см), подчеркивает парадность всей этой группы.

Особый интерес представляет северный угол этого зала. На высоту одного кирпича от пола в стене своего рода тайничок (длина 0,6 м, ширина 0,3 м), выдолбленный в толще стены. Он был открыт в сторону зала овальным отверстием 0,25x0,6 м. Внутри пол затертый, видно, тайником пользовались или просто складывали в него предметы обихода. Эта группа помещений дает единичное количество находок глиняной посуды. Композиционно планировочная схема этой группы помещений заслуживает особого рассмотрения. Уже в сасанидское время в дворцах на одной из сторон двора устраивалось по три помещения, причем в центре находилось открытое во двор

2. Помещение 4 в последний период было перегородено на две смежные комнаты: 4 и 5, первоначальный план помещений 2, 3, 4 одинаков.

главное айванное помещение. При этом оси боковых помещений были параллельны центральному и проходами открывались во двор (Касри Ширин, здесь был также портик) или же были перпендикулярны ему и в одних случаях были отгорожены от двора глухими стенами (Сарвистан), в других сообщались со двором узкими проемами (Фирузабад).³ Эта канонизированная схема продолжала развиваться и варьировать и позже, уже в арабо-мусульманской архитектуре. Так, в Самаре, в той части двора ал-Мутасима, которую сейчас называют Баб ал-Амма, здание состоит из трех параллельных сводчатых айванных помещений, причем центральное значительно крупнее боковых.⁴

Примеры можно продолжать, но и приведенных достаточно, чтобы показать, сколь древней и устойчивой была традиция устройства парадных дворцовых залов такой схемы. Возможно, что эта композиционная ячейка играла одну из центральных ролей во всем дворцовом комплексе в качестве аудиенц-зала.

Мы не можем здесь рассмотреть вопрос о месте аудиенц-зала хутталян-шахов среди других аналогичных построек IX-XI вв. Средней Азии, Афганистана и Ирана (дворец Термезских правителей, дворец Масуда III в Газни и др.).

Другая группа приходится на юго-западный угол комплекса вокруг хауза. Зал 6 — прямоугольное в плане (12x9 м) помещение с широким (1,6 м) проемом в сторону двора вокруг хауза. Стены сохранились на высоту до 1,8 м в юго-западном углу, но внутри помещения сохранность стен очень плохая. Например, южная стена раскрошилась почти до основания. Качество строительства оставляет желать лучшего — очень сухая масса стен буквально пылью оседает, не давая возможности проследить поверхность. Это может быть объяснимо обстоятельством, что при кладке стен недостаточно смачивали раствор, он почти сухой, комки земли почти не размешаны.

Наиболее тщательно сделана восточная стена, она сохранила алебастровую обмазку на высоту до 1,2 м. Алебастр толстым (1,5 см) слоем наносился на глиносаманную обмазку

3. K. A. C. C r e w e l l. A short account of early Muslim architecture. Penguin books, 1958, p. 147; fig. 28.

4. K. A. C. C r e w e l l, op. cit., p. 260-261, pl. 51.

(5 см), а поверх еще обмазывался несколькими тонкими слоями промазки из алебаstra хорошего качества.

В восточном углу выступающий пилон (1x1 м) образует уголок с алебастровым полом. В этой части пол выше на 30 см, возможно, это остатки суфы вдоль восточной или северной стены, но отсутствие четких границ не позволило определить размеры. У стен глиняная выкружка пола. Около входа с западной стороны земля сильно прокалена и рядом линза с чистой золой. Вероятно, здесь стояла отопительная жаровня.

Прямоугольные (3x6 м) помещения 7, 8, 9 между собой не сообщаются и выходят в зал. В 7 и 8 сохранилась частичная кладка пола, особенно это видно у порога. Из особенностей этой группы следует отметить массивную западную стену помещения 9 — толщина 1,4–1,5 м и то, что западный угол от пола на высоту 45 см укреплен регулярной кладкой из жженого кирпича (21x21x4,5; 25x25x4,5 см) в виде скобы — он не доходит до прохода, а скрепляет только угол. Это может быть в случае, если на эту стену приходилась особая нагрузка перекрытия или последующего укрепления при просадке стены.

Находки в комнатах малочисленны, можно сказать, почти отсутствуют, тогда как в зале много фрагментов столовой парадной посуды.

Западная стена перед хаузом длиной 25 м. От северного угла на юг расположено четыре прямоугольных помещения: I3 и I4 были некогда одним, впоследствии перегородены узкой стеной 0,3–0,4 м, остальные I5, I6, I7 остались без изменений. Первоначально все помещения сообщались между собой. Полы комнат приподняты над уровнем пола вокруг хауза на 0,4–0,5 м и внутри помещения оформлены в виде ступеней.

Помещения I3 и I4 в этом ряду заслуживают особого внимания, потому что устанавливается характер их назначения. В помещении I4 у северной стены суфа (1,9x1,05 м, высота 0,45 м). Восточная торцовая стена закреплена 3 рядами жженных кирпичей, заполнение внутри — комковая насыпная земля. Суфа построена позднее и лежит на полу. Алебастр толстым слоем покрывает пол, поверхность суфы и стены. В соседнем помещении I3 (рис. 2) в полу отопительное восьмигранное сооружение

Рис. 2. Хульбук. Помещение ІЗ на переднем плане.

1,3x1,3 м, от центра каждой стороны отходит рукав 0,45 м (общая длина 2,2x2,2 м). В пол углублен на 0,35 м. В центре круглая тумба: диаметр 0,6 м, высота 0,35 м. Внутри пол вокруг обмазан толстым слоем алебастра. На дне слой золы с угольками. Некоторые рукава забиты золой.

На южной стене, в центре, "кресло", спинкой вплотную к южной стене, на полу. Подлокотники прямые с боков и овально-скошенные внутрь (высота 25 см, ширина 20 см). Таким образом, маленький обрамленный валиками участок пола и является сиденьем кресла. Спинка по форме в виде стрельчатой дуги (высота спинки 1,0 м, ширина по основанию 1,08 м, глубина 0,7 м), сложена из обломков жженных кирпичей на толстом слое алебастра. К креслу вплотную примыкает утопленное (глубина 35 см) в полу отопительное сооружение, угол рукава на 10 см входит за линию подлокотников. Пространство шириной 0,5-0,6 см с западной и южной стороны дает возможность свободного передвижения по комнате. В ряду помещений 15,16,17 эти две смежные комнаты выделяются своим особым назначением: в одной суфа, в другой - кресло с отопительным сооружением. Ясно, что назначение этих двух помещений служило для сна и отдыха. Особую парадность подчеркивает и столовая посуда: полихромные миски и чаши с богатой растительной и геометрической орнаментацией.

За западной стеной помещения 14, до западного гребня цитадели расположено помещение 19. Прямоугольное в плане (6x3 м), оно по назначению сходно с двумя комнатами 14 и 13. Вдоль южной стены суфа (1,9x1,05 м, высота 30-45 см), с глиняной обмазкой боковой плоскости, которая выкружкой переходит на обмазку пола. Это тоже одна из комнат со специальным назначением. На поверхности суфы была найдена бронзовая крышка с шишечкой в центре и с вырезанным отверстием сбоку, возможно, от чернильницы. В юго-восточном углу, под стеной, на суфе были найдены 31 серебряная монета большого (4,5x4,5 см) и малого (2x2 см) диаметров. Монеты клада очень плохой сохранности, на некоторых экземплярах не сохранилось даже следов надписей. Возможно, это свидетельствует о длительном и интенсивном их обращении.

По предварительному определению Е.А. Давидович, подобные крупные монеты — дирхемы чеканили на ряде монетных дворов Северо-Восточного Афганистана и Южного Таджикистана во второй и особенно третьей трети X века при Саманидах и первых Газневидах. Среди монет клада из Хульбука есть экземпляры, которые уверенно можно отнести к третьей трети X века. Клад мелких серебряных монет — Газневиды с упоминанием имени Халифа Кадыра (1031) и Газневида Махмуда (1030). По значимости эти монеты для нижней площадки играют важную роль в датировке. Они найдены на суфе, которая была возведена на полу помещения, после первичного обживания комнаты. Т.е. это второй период, самый последний период обживания этой группы комнат. Возведение комплекса нижней площадки должно относиться к началу X в., возможно и раньше.

Самой парадной частью комплекса нижней площадки являлась собственно четырехметровая площадка перед хаузом. Стены юго-западной стороны были расписаны полихромной сюжетной живописью. Щеки прохода в зал 6 были покрыты резным алебастром с растительным орнаментом, с глубокой резьбой и синей подкраской. Непосредственно на стене был фрагмент 45x30 см с орнаментом, который был заключен в ободок. Высота всего фрагмента 8 см.

Юго-восточный угол обрамления хауза тоже представлял значительный интерес, здесь найдены сползшие со стен прямоугольные кирпичи (26x19x4,5 см), которые расписаны белыми кругами (диаметр 15x15, 18x18 см), в центре шестилепестковые цветы оранжевого и голубого цветов. Таким образом, на айване перед хаузом было использовано три вида декоративного убранства: живопись, резной алебастр и примороженные плитки, составлявшие орнаментальный фриз, напоминающий отголоски фризов античных и раннесредневековых сооружений. На полу, напротив западной стены, в 4 м лунка, углубление для основных колонн.

Это дает основание предполагать, что пространство перед хаузом было перекрыто, по периметру двора шел айванный портик.

Планировка построек нижней и верхней площадки существенно отличалась. На нижней площадке характер застройки особенно выявляется на северной стороне. Две группы помещений, объединенных залами I и 6, по назначению похожи на парадные помещения для приема. Помимо планировочных особенностей богатства декорации — это подчеркивается и характером полихромной посуды. Характерно, что здесь не встречается кухонная посуда (за исключением фрагментов стеватитового котла). Вся посуда носит парадный характер.

Весь характер убранства пространства вокруг хауза уже сейчас дает возможность говорить о парадном назначении этой части, раскопаны большие залы. Теперь, когда выявлена, хотя и частично, планировка всего планировочного облика цитадели Хульбука, есть возможность говорить о принципах строительных замыслов зодчих Хутталя. Вся 150-метровая площадка цитадели разбита на три равные части. В центре большое открытое пространство, вымощенное жженым кирпичом. Постройки севера и юга представляют вполне единый тип. В южной части большой (15x17 м) двор в обводе одного ряда комнат (7x3, 5x4 м).

В северной части та же композиция: в центре большое (25x25 м) открытое пространство в обводе помещений в два ряда. Истоки такой планировки восходят к античным постройкам Хутталя — дворцовому зданию на городище Саксанохур,⁵ а также постройкам Термеза и городища Ай-Ханум.

На городище Сайед (рис. 3) работы на раскопах I и II выявили один тип застройки — открытый двор, необходимый для хорошего освещения комнат в обводе одного ряда помещений. Микрорельеф в сохранившейся части выявляет только такой тип застройки, причем между дворами определенное пространство, которое не читается в микрорельефе и создает впечатление, что это отдельно стоящие дворы; на самом деле на городище Сайед городская застройка была сплошной. Это выявили работы на раскопе I в его северо-западном углу, где четко видна стена

5. Б.А. Литвиняскии, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан). — СА, 1969, № 2, с. 100.

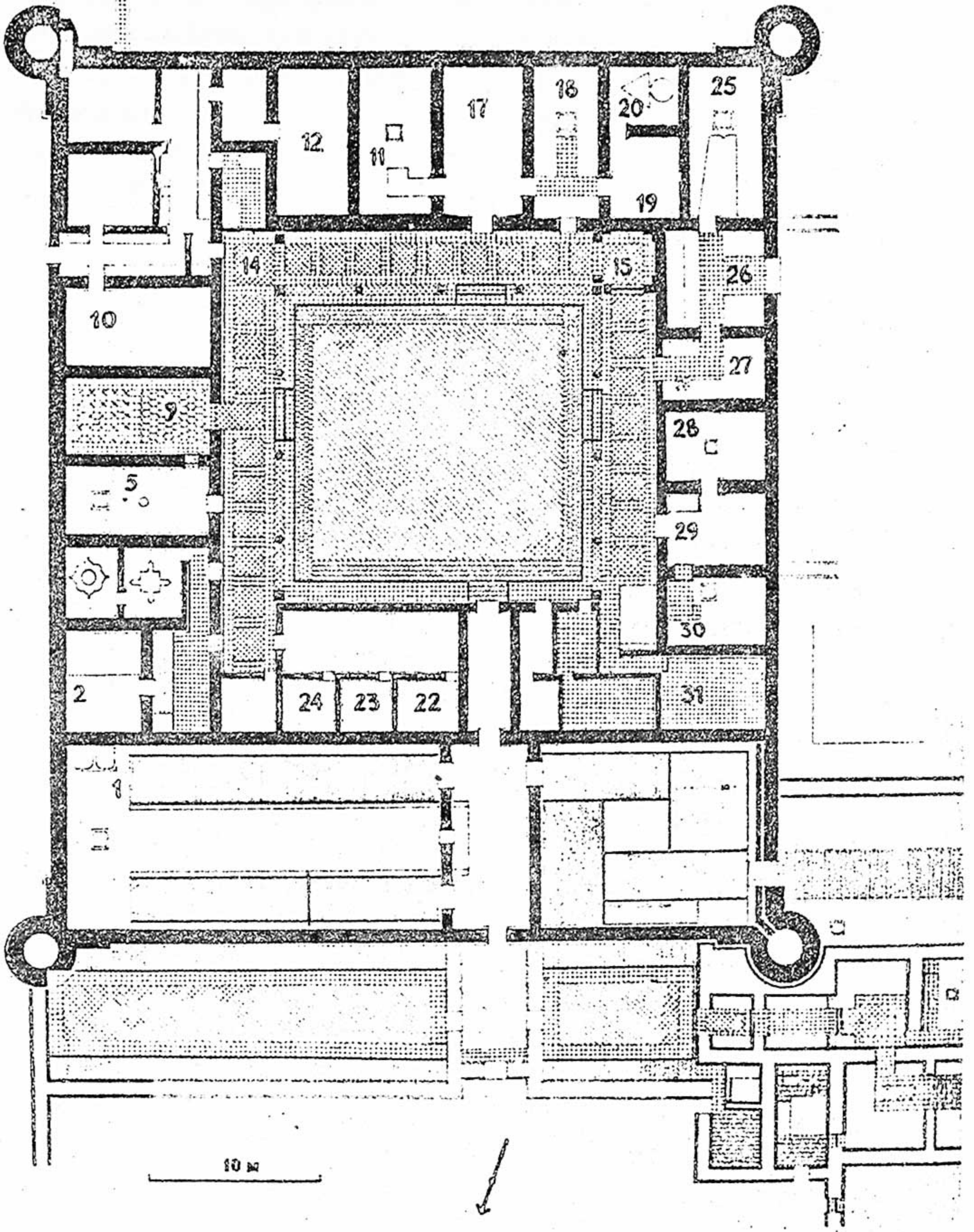

Рис.3. Сайед. План.

(3,5 м), служившая внешней обводной стеной. Стена пахсовая, высота от 1 м в западной части, до 40–50 см.

Вдоль всей северной стены, на протяжении 12 м вплотную к стене примыкают помещения, которые у стены состоят из трех смежных помещений и группы комнат, изолированных, параллельных первым. Смежные комнаты сложены из пахсы, выложены жженым кирпичом, стены и суфы обмазаны белым алебастром. По характеру эти помещения напоминают привратные комнаты, переходящие одна в другую, тем более что широкий (1,5 м) пандусный вход широкими ступенями опускается на кирпичное обрамление двора перед входом. В первом привратном помещении (2,5х3 м) вдоль стен суфы (высота 0,5 м), во втором помещении (4х4 м) у южной стены широкая (4х2 м) суфа (высота 0,45 м), в третьем (3х3 м) — суфа по всей комнате, высота 0,35 м.

Из второго привратного помещения (проход 1 м) можно пройти в параллельную группу помещений. Помещение 4 — большое (4х5 м), с суфой (0,45 м) вдоль всей северной стены (ширина 3 м), остальные комнаты в этом ряду (3х3 м) без признаков обитания. Если говорить о назначении этой группы помещений, то первый ряд, примыкающий к стене, привратные помещения или просто коридор с суфами для ожидания, второй ряд — уже отдельные комнаты. В комнатах и коридорах находок нет. В помещении 5 на полу небольшая лунка, обмазанная алебастром, в ней обломки грубой кухонной посуды и фрагменты лепного котла. Может быть коридор служивший связующим звеном между двумя дворами или отдельными хозяйствами или же второй ряд был комнатами для слуг. Но толстая (3,5 м) внешняя стена говорит о том, что первоначально комплекс раскопа I стоял изолированно. При зачистке линии стены выяснилось, что 3,5-метровая стена имеет шов: он проходит между 2,5-метровой стеной раскопа I и 1-метровой стеной помещений коридора. Кроме того, в толще стены по верху читается угловая трехчетвертная башня (диаметр 3,5 м), которая первоначально обрамляла один из углов раскопа I, в последний период она оказалась внутри стен позднейших построек.

Пока можно говорить о первоначально отдельно стоящих домах Сайеда (раскоп I и II) и последующей застройке

между домами, что могло быть вызвано интенсивной городской застройкой, продиктованной увеличением численности семьи отдельных хозяйств или связанной с плотностью застройки уже сформировавшегося пространства города. Планировка, выявленная в двух раскопах (I и II) так же, как и на цитадели Хульбука, выявляет единый в общем для архитектуры Хутталя II-I вв. план - двор в обводе помещений.

А.И.Маняхина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА МАВЗОЛЕЕ
ХОДЖА МАШАД В 1979 г.

В Шаартузском районе, на окраине кишлака Сайед, расположен хорошо известный памятник средневекового зодчества — комплекс Ходжа Машад.

Входившие в комплекс мавзолееи сооружены из жженого кирпича хорошего обжига. В центре фасада находится портал, сохранившийся примерно на одну треть своей высоты. По бокам портала расположены мавзолееи, увенчанные невысокими ступенчатými куполами. Южные фасады мавзолееев декорированы различно. Стена западного мавзолееа разбита неглубокими декоративными нишами, выложенными фигурной кладкой. Стена восточного облицована спаренными кирпичами с вертикальными вставками. Другие фасады мавзолееев декорированы одинаково — парной кладкой в сочетании с вертикальными вставками.

Оба помещения усыпальниц заполнены намогильными сооружениями. Интерьеры различаются небольшими деталями: очертанием арок и их декоративным заполнением, выемчатыми парусами в основании, куполов (в восточном они перспективно эллиптические, в западном — ступенчатые-ячеистые) и тем, что в восточном зале напротив входа — такой же сквозной проем, в западном — ниша михраба, украшенная резной терракотой.

С северной стороны к зданиям примыкает обширный двор, окруженный остатками сырцовых стен и разрушенных помещений. В глубине руины сырцового портала, а по его сторонам — остатки двух купольных помещений, сложенных из сырца. Двор почти весь заполнен могилами.

Долгое время памятник оставался неизвестным, и только в 1947 г. он был открыт и впервые обследован Таджикской ар-

хеологической экспедицией. Вначале появляются только краткие сообщения в общих статьях по итогам указанной экспедиции,¹ а в 1950 г. выходят работы А.М.Беленицкого, посвященные описанию памятника с планом и обмерным планом.² А.М.Беленицкий предположил, что усыпальницы разновременны: восточный мавзолей он датировал X в., а западный был пристроен позже, в XI-XII вв.³

Иную точку зрения высказал М.М.Дьяконов. Исследованный им памятник он считал единовременным и датировал его XII в.⁴

В 1965 г. археологом Н.Б.Немцевой были проведены археологические работы на архитектурном комплексе Ходжа Машад. Было заложено девять шурфов у стен "двойного мавзолея", а также раскопана часть дворовых помещений с восточной и северной сторон. Результаты шурфов показали, что обе усыпальницы со сводчатым айваном посередине представляют собой единое сооружение одного архитектурного замысла и строительного периода.⁵

В результате археологических работ было также установлено два периода функционирования памятника: конец XII-XIII вв. и середина XV в.⁶

Н.Б.Немцева считает, что полученные данные позволяют

-
1. А.Ю. Я к у б о в с к и й. Работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции 1947 г. КСИИМК, XXVIII, с.52; А.П. К о л п а к о в. Археологические памятники на юге Таджикистана. - Сообщ. Тадж. ФАН СССР, I. Сталинабад, 1947, с.37; о н ж е. Страницы из истории Кобадияна. - Сообщ. Тадж. ФАН СССР, XXXI. Сталинабад, 1951, с.85.
 2. А.М. Б е л е н и ц к и й. Мавзолей у селения Саят. - МИА, № 15. М.-Л., 1950, с.207-209; о н ж е. Мавзолей у селения Саят. КСИИМК, XXXII, 1950, с.134, 138.
 3. А.М. Б е л е н и ц к и й. Ук. соч. (МИА, № 15), с.209.
 4. М.М. Д љ я к о н о в. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кобадиян) (1950-1951 гг.). - МИА, № 37, т. II, 1953, с.269.
 5. Н.Б. Н е м ц е в а. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана. - СА, 1969, № 3, с.173-175, 179.
 6. Н.Б. Н е м ц е в а. Ук. соч., с.181-182.

отождествить его с хонако, включавшее какие-то почитаемые гробницы, кельи и другие подсобные помещения для паломников.⁷

В 1978 г. специальными научно-реставрационными производственными мастерскими Министерства культуры ТаджССР было получено задание на проект реставрации архитектурного комплекса Ходжа Машад. Для составления проектно-сметной документации необходимо было уточнить планировку дворовой части. В мае 1979 г. группа архитекторов провела архитектурно-археологические обмеры на памятнике.⁸ Было раскопано восемь прямоугольных помещений (350x405 см) с западной стороны двора (рис. I).

Помещение № I, или так называемый айван, прямоугольное в плане, ориентировано восток-запад (860x380 см) с двумя довольно мощными пилонами, ширина пилонов 180 см. В южной стене была расчищена ниша. Нишка неглубокая — 8 см, узкая — 13 см, высота 44 см. В верхней части плохо сохранилась. Внутри следы копти, правда, стена тоже закопчена. В двух метрах от нее, к востоку, имеется такое же углубление, но совсем плохой сохранности. Стены в помещении сохранили следы копти и красноватых пятен огня, видимо, там был пожар.

Заполнение в помещении № I отличается от других помещений, поэтому мы остановимся на нем несколько подробнее. Мягкий светло-коричневый лесс наполнен большим количеством гальки разного размера, крупными обломками сырцовых и жженных кирпичей. Местами встречается песок с крупной и мелкой галькой. На глубине 120 см от дневной поверхности обнаружен очень плотный слой. Местами четко видны пятна кирпично-красного цвета, толщина слоя 3-4 см. Под ним песок с галькой разного размера, его толщина — 15 см, а под ним снова лесс и утрамбованная поверхность пола, соответствующая уровню пола двора.

7. Н.Б. Немцева. Ук. соч., с.182-185.

8. В работе принимали участие архитекторы СНРПИ Т.В.Хворых, Н.С.Талбакова, С.В.Репин, В.В.Попугаев, Х.Рахматуллаев, В.Мельчаков, Н.Валиев, археолог А.И.Маяжина.

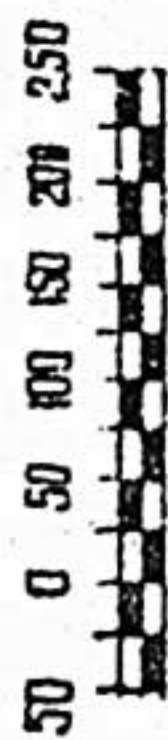
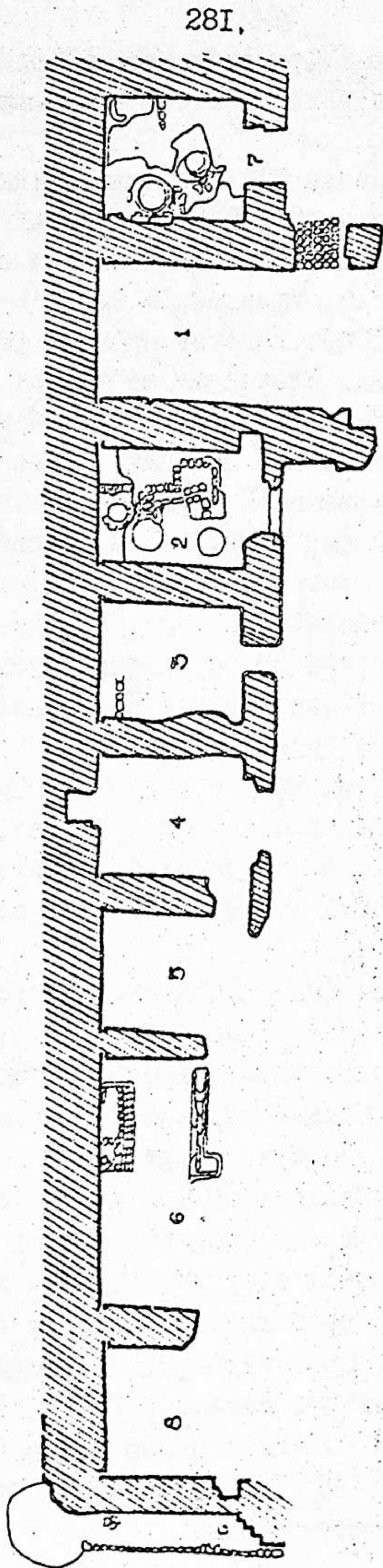

Рис. I. Ходжа Машад. План раскопанных помещений.

Помещение № 2 прямоугольное (350x405 см), расположено с южной стороны айвана (пом. I), ориентировано восток-запад (рис. 2).

Так же, как и в помещении I, на стенах следы пожара. В восточной стене проход, шириной 108 см. Северная щека прохода частично разрушена. Имеется порог, сложенный из сырца (25x25x12 см), высотой 15 см, шириной 26 см.

Почти прямо в центре, недалеко от прохода (90 см) квадратная так называемая ванна, сложенная из жженных кирпичей (25x25x12 см). Пол "ванны" также выложен кирпичами, от которых сохранилось только три. К югу и западу от ванны отходят канальчики, которые сверху закрыты кирпичами. Канальчик идущий на юг, имеет ширину 15 см, длину 96 см, высоту 20 см. Канальчик, идущий на запад, имеет другую конфигурацию — он Г-образной формы, с ориентацией запад-юг. Его длина до поворота 81 см, от поворота до ямы 80 см, ширина чуть больше — 18 см. Рядом с канальчиками две сливные ямы, заполненные мягким, сырым грунтом. Диаметр ям 80—88 см.

При расчистке "ванны" внутри, обнаружены следы ганчевой обмазки, сохранившейся местами, вероятно, "ванна" вся была облицована ганчем. Стенки "ванны" довольно тонкие, всего лишь в один кирпич. Размеры: длина 95 см, ширина 90 см, высота 21 см.

У западной стены помещения расположена невысокая суфа — 9 см, шириной 70 см, в которой прямо в центре расчищен очаг-тонур, сохранившийся не полностью. Удалось расчистить нижнюю часть, которая сложена из жженных кирпичей и обмазана толстым слоем глины, носящей следы копоти. Сверху торчат куски толстостенного хума, вернее сохранились только его стенки. За ними лежат жженные кирпичи. Между стенками хума и кирпичами толстый слой глины. С северной стороны сырцовые кирпичи, которые, видимо, окружали тонур с двух сторон, но с южной от них остались только следы. Промежуток между тонуром и кирпичами (5—10 см) засыпан песком с галькой. Таким образом, круглый в плане тонур построен из жженого кирпича и кожуха из сырца, размеры: диаметр 55 см, толщина обмазки внутри тонура 5 см, толщина стен хума 2 см.

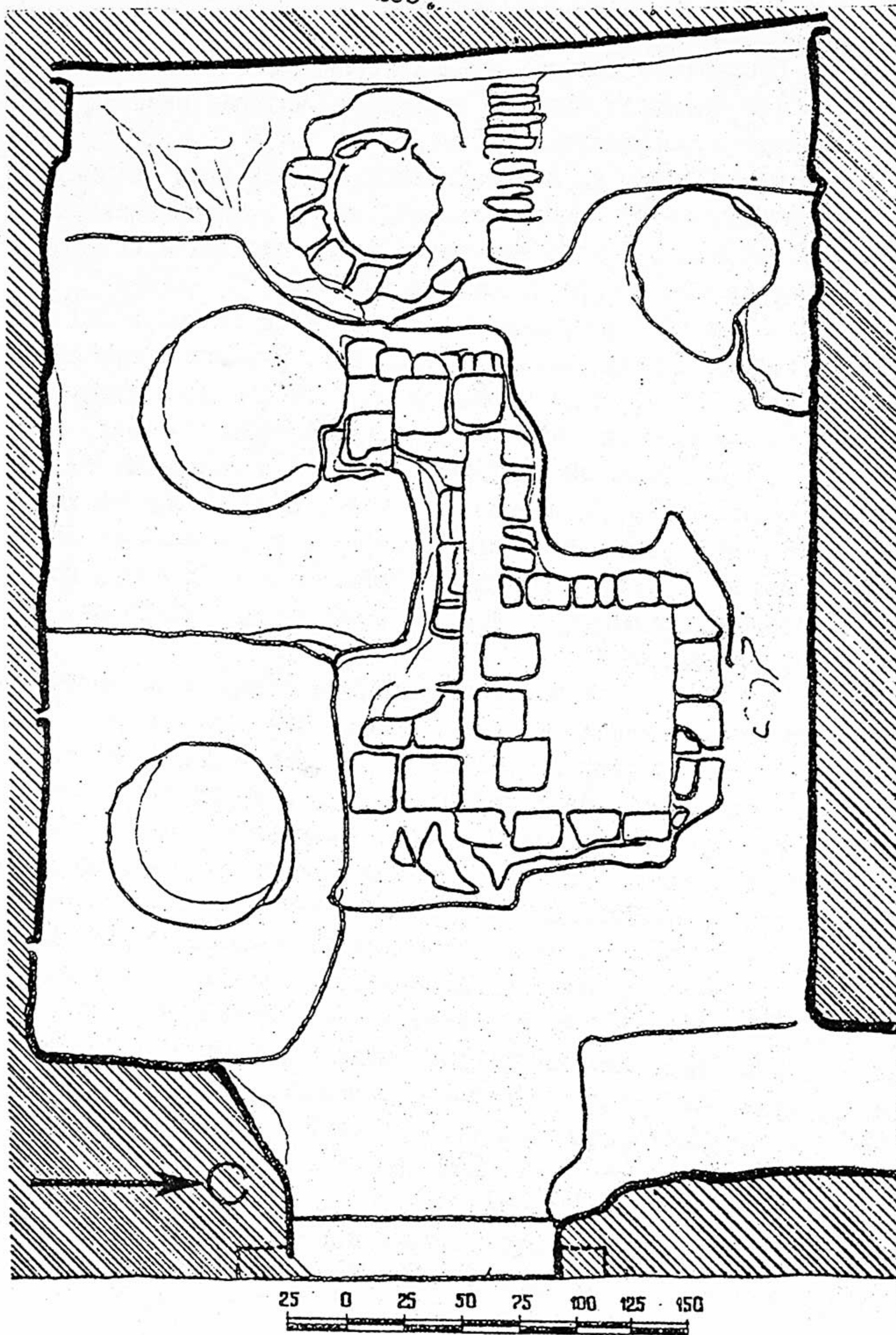

Рис. 2. Ходжа Мамад. Помещение № 2.

Заполнение в помещении мягкое, лессовое, насыщено золой и углем, попадаются обломки жженных кирпичей. Заполнение над тонуром было насыщено золой с угольками, которая местами перемешивалась с обгоревшим лессом.

П о м е щ е н и е № 7 расположено с северной стороны айвана (пом. I) с той же ориентацией, что и вышеописанные помещения (рис. 3). В центре восточной стены проход. В помещении расчищено два тонура и остатки третьего.

Т о н у р № I расположен прямо у южной стены, в 117 см от юго-западного угла, повернут к западу. В плане тонур подковообразной формы, стенки сложены из толстого слоя глины, которая насквозь обожжена и имеет розовато-красный цвет. Сохранился не полностью. Высота тонура разная: в центре 44 см, с южной стороны 34 см, с северной — 20 см. Обмазка внутри двухцветная: сверху розовато-красная, снизу — желтоватая, местами следы копоти. Диаметр 76—82 см. С внешней стороны тонур обложен сырцовыми кирпичами и толстым слоем глины — 20—25 см. Внутри заполнен золой.

Т о н у р № 2 расположен рядом, но повернут на восток. Его сохранность несколько хуже первого. Стены сохранились только с западной стороны (44 см), с севера и юга на 23 см. Такого же диаметра, как и первый, но более круглый в плане. Сложена, как и первый, только обмазка желтоватого цвета. Заполнен также золой. Оба тонура заключены как бы в кольцо из жженных кирпичей (25x25x12 см), заполнение в котором состоит из сырцовых кирпичей (такого же размера) и просто глины. Кожух имеет разную толщину: с южной стороны 35—45 см, с северной — 60 см, высота 27 см. Сверху обмазан глиной.

Остатки третьего тонура расчищены в северо-западном углу, он приморожен прямо к стене. Сохранился только на высоту 13 см, на стенках следы копоти и красноватых пятен.

Остальные раскопанные нами комнаты (пом. 3, 4, 5, 6, 8) мало чем отличаются друг от друга.

Итак, в результате археологических работ были выяснены: планировка дворовой части (западная сторона двора симметрична восточной); элементы дворового фасада (в помещении № 2 обнаружена раскреповка входного проема). Раскопками также вскры-

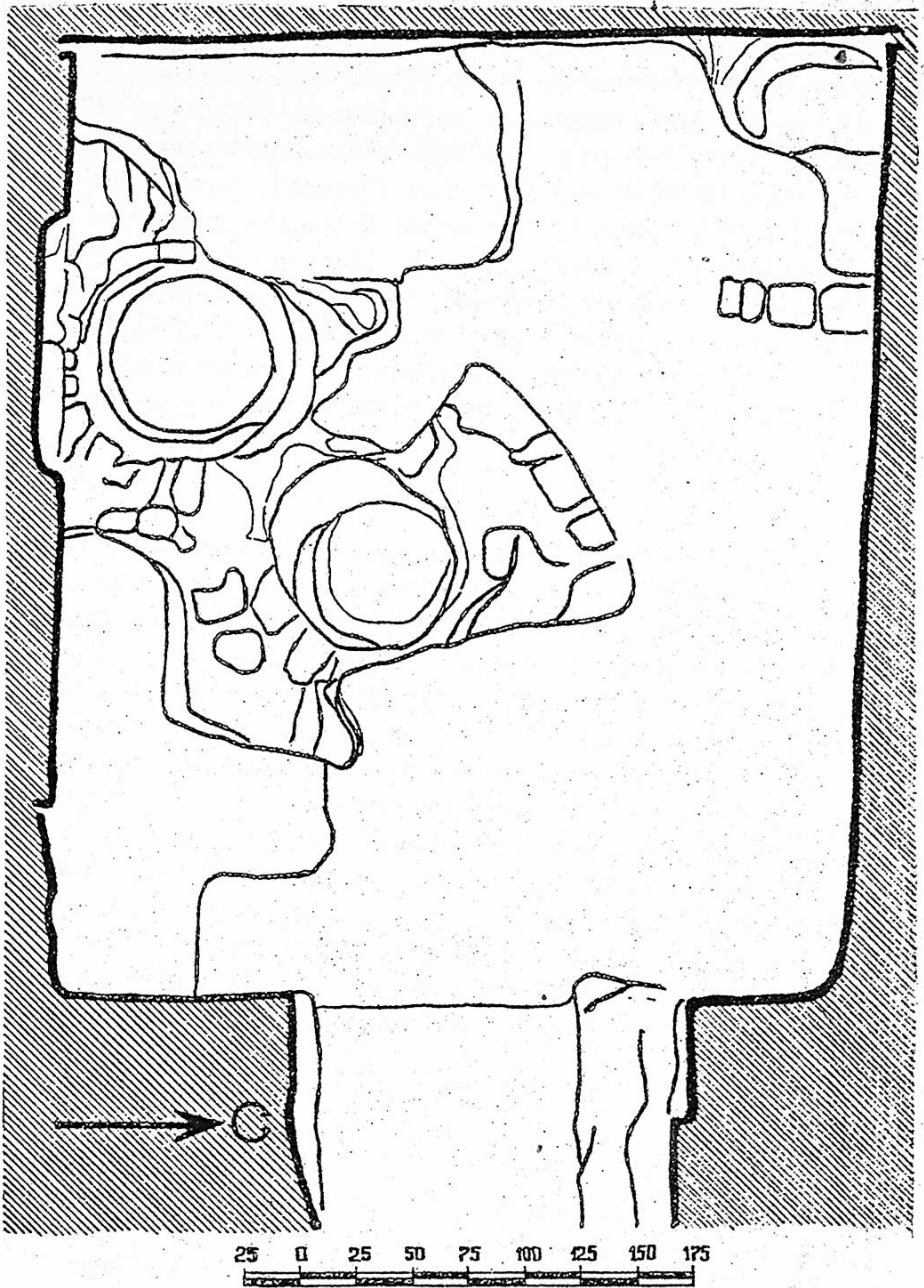

Рис.3. Ходжа Машад. Помещение № 7.

то, что внешние стены (западная, восточная и северная) сложены из пахсы, а торцовые стены из сырца. Фундаменты во дворцовых помещениях отсутствуют так же, как и на мавзолеях. В помещениях 2 и 7 четко прослеживается два жилых периода. Находящиеся там хозяйственные постройки ("ванна" со сливными ямами, тонурь) были возведены во втором полу, уже после того как другие помещения были заброшены. Два периода обживания подтверждаются и керамическим материалом. Посуда из завала и верхнего пола датируется более поздним периодом (XIV-XVI вв.). Для выяснения более четкой стратиграфии и функционального назначения памятника необходимы дальнейшие архитектурно-археологические исследования.

К е р а м и к а

П о л и в н а я представлена очень фрагментарно (венчики, донца, стенки). Наиболее характерными формами являются открытые сосуды типа небольших блюд, мисок, чаш, пиал, кося с прямым слегка вогнутым внутрь венчиком. Черепок в изломе светло-коричневый и красный, тесто хорошо отмученное, без примесей. Полива светлая (белая, кремоватая, желтоватая, светло-салатная), нанесена в основном на внутреннюю сторону сосуда. Гравированный орнамент составляют кольцевые пояски, заполненные спиралевидными завитками.

К этому же комплексу относятся сосуды аналогичных форм такой же орнаментации, но выполненные в другой цветовой гамме: посуда покрыта темно-голубой поливой, по краю венчика темно-синяя кайма с подтеками, внутренняя поверхность украшена гравированными линиями или лентами со спиральными аналогичными мотивами.

Д о н ц а кольцевые и дисковидные, хорошо выделенные, покрыты светлой поливой (белой, светло-салатной). Орнамент растительно-геометрический.

К а ш и н н ы е и з д е л и я - археологически целая миниатюрная чашечка полусферической формы с ребром. Донце высокое, дисковидное. Край чашечки слегка отогнут и украшен зубчиками. Черепок в изломе светлый, пористый. Полива двухсторонняя: глухая, оловянная, дающая стеклянистый слой. С

внешней стороне она бирюзового цвета, с внутренней — беловатого цвета с зеленовато-желтыми и сине-зелеными расплывчатыми пятнами. Размер: диаметр дна 3,5—4 см, высота 5,5 см.

Ч и р о г и — светильники с высоким ребристым резервуаром, длинным граненым носиком, ручки не сохранились. Один покрыт темно-зеленой поливой, другой — бирюзовой.

Два других светильника имеют форму обычной плитки с носиками, грубые, лепные, довольно массивные, внутри сохранились остатки поливы: на одном светло-голубая, другой сильно закопчен внутри, полива непонятного цвета.

Имеются два листовидных держака от ручек светильников, украшенных с внешней стороны рельефным штампованным узором растительного мотива. Покрыты зеленой и темно-бирюзовой поливой.

Н е п о л и в н а я к е р а м и к а представлена очень фрагментарно — венчики сосудов, донца, стенки. Преобладает гончарная посуда, лепная представлена кухонными горшками и котлами.

Х у м ы представлены фрагментами венчиков и стенок крупных толстостенных (2 см в сечении) сосудов, изготовленных на круге. Черепок в изломе розоватого цвета, покрыт светлым ангобом. Тесто хорошо отмученное, без примесей. Венчики валикообразные, снизу украшены волнистым резным налепом. Стенки хумов украшены концентрическими налепами с пальцевыми вдавлениями, глубокими скошенными нарезками и налепом-штампом.

К у в ш и н ы. В этой группе преобладают гончарные изделия светлого цвета, черепок в изломе светлый или красноватый, тесто хорошей отмучки, орнаментированы гравировкой, штампом, налепами и их сочетаниями. Стилизованный рисунок гравированного или нарезного орнамента составляют прямые линии, завитки, кружки, точки, сетки, ленты. К сожалению, ничего нельзя сказать о форме кувшинов, поскольку они представлены только венчиками горла и ручками. Ручки сосудов в большинстве сверху украшены конусовидными или круглыми налепами.

У з к о г о р л ы е к у в ш и н ы — фрагмент кувшина с узким высоким профилированным горлом и округлыми плечиками, покрытыми рельефным орнаментом. Черепок в изломе кремового

цвета, тесто хорошее. Ангоб светло-зеленоватый. Горло орнаментировано волнистыми прочерченными линиями и концентрическими желобками.

Г о р ш к о в два вида: гончарные и лепные расписные. Гончарные представлены очень фрагментарно (только венчики). Черепок светлый и розоватый, ангоб светлый, тесто хорошее, венчики прямые, отогнутые, профилированные. Имеется один фрагмент с манжетообразным венчиком, защипами, шейка сосуда невысокая, иногда отмечается горизонтальным рефлексом в несколько линий, некоторые имеют следы копоти.

Лепные горшки яйцевидной формы, с прямым венчиком, дисковидным уплощенным дном. Черепок розоватого цвета, тесто пористое с добавлением гипса, сверху покрыт светлым ангобом. По венчику и тулову горшка нанесен орнамент решеткой, выполненный широкими неровными полосками темно-коричневого цвета. С внутренней стороны венчика идет орнамент волнистыми линиями светло-коричневого цвета.

К у х о н н ы е к о т л ы — преобладают фрагменты венчиков и стенок лепных сосудов, с двумя горизонтальными полумесячными ручками, в некоторых ручках имеются отверстия для подвески. Черепок светлого цвета, пористый, с большим добавлением кварца, сверху сильно закопчен.

К а м е н ы е к о т л ы — только два фрагмента венчиков. Один имеет широкий прямой край, на котором две чуть наклонные прочерченные линии; другой — с прямым краем и горизонтальной ручкой, концы которой оканчиваются зубцами, сверху прочерчены глубокие линии, оба фрагмента сильно закопчены.

Т а з о о б р а з ы е с о с у д ы — это толстостенные (8-10 мм) конические плоскодонные чаши от 39 до 42 см в диаметре. Черепок светло-коричневый, тесто хорошее, без примесей, ангоб светло-желтый, по венчику идут волнистые прочерченные треугольники.

Ч а ш и — плоскодонные конические чаши, сделанные на гончарном круге, преимущественно светло-желтые, с прямым вен-

чиком, под которым иногда два глубоких концентрических желобка. Сверху венчик украшен концентрическими прочерченными линиями.

Малые чаши пиалы представлены фрагментами донцев кольцевых и хорошо выделенных дисковидных. Черепок в изломе светло-коричневый, тесто очень хорошее. Сверху покрыты светлым ангобом. Диаметр донца 3,7–5,5 см.

Имеется фрагмент ножки гончарного бокала, ножка невысокая, сплошная дисковидная, со следами копти.

Археологически целая гончарная чаша, тонкостенная, конической формы с ребром в нижней части, венчик прямой широкий, оттянут горизонтально. Черепок в изломе желтовато-кремового цвета, тесто хорошее, обжиг неровный, пятнами, по венчику следы красноватого ангоба. Диаметр чаши 10 см, диаметр дна 15 см, высота 9 см.

С ф е р о к о н и к и представлены фрагментом донца со стенкой, в изломе оливковая окраска. Тулово горизонтально каннелировано.

К р ы ш к и – фрагменты дисковидных крышек большого и малого диаметра. Большая крышка с внешней стороны украшена рельефно-выпуклым геометрическим узором. Обжиг кремовато-серый, ангобного покрытия нет, тесто без примесей.

Фрагмент крышки малого диаметра с внешней стороны украшен сложным штампованным орнаментом, обжиг розоватый, без ангобного покрытия. Фрагмент маленькой конической крышечки с блоковидной ручкой в центре. Черепок в изломе кремоватого цвета, покрыт серым ангобом.

К керамическому комплексу относятся также и предметы печного припаса, как их классифицирует С.Б.Лунина.⁹ Они представлены керамическими штырями и треножками подставками.

9. С.Б.Лунина. Гончарное производство в Мерве X–XIII вв. – Тр. ИТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, с. 394, рис. 93.

Имеется несколько керамических подставок (?). Выполнены на круге, обжиг кремовато-желтый, дисковидное сплошное донце переходит в ножку, которая оканчивается таким же дисковидным кругом, но уже срезанным с одной стороны. Диаметр нижнего круга 6,5 см, верхнего — 5 см, высота 6 см. Есть более высокие — 8 см; несколько сплюснутые — 3 см, при таком же диаметре кругов.

Как уже говорилось выше, керамика Ходжа Машада представлена фрагментарно, за исключением кашинных изделий, чирогов и крышек.

Миниатюрная кашинная чашечка полусферической формы с ребром и краем зубчиками с двухсторонней поливой имеет аналогии в керамике Хорезма XII-XIV вв.¹⁰

Светильники-чирогы с высоким резервуаром, длинным гра-
невым носиком, листовидным держакон, украшенным рельефным
штампованным узором растительного мотива датируются XII в.
и находят себе аналогии на средневековых городищах Хорез-
ма.¹¹

Дисковидные крышки, с внешней стороны украшены рельеф-
но-выпуклым геометрическим узором, одна крышка с блоковид-
ной ручкой, безангобного покрытия, известны и в других об-
ластях Средней Азии и относятся к IX-X вв.¹²

После описанных выше типов находит широкие аналогии
в памятниках предмонгольского периода, на территории Фер-
ганы, Термеза, Хульбука, Нисы, Мерва.¹³

10. Н.Н. В а к т у р с к а я. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XIV вв.). Тр. ХАЭЭ, т. IV, с. 320-328.

11. Т а м ж е, с. 319.

12. Т а м ж е, с. 281.

13. Д.Н. М е р е ж и н. Керамика XII-нач. XIII в. из Старого Термеза. — Тр. ТашГУ, нов. сер. 172. Ташкент, 1969, с. 180-185; С.Б. Д у н и н а. Ук. соч., с. 394; Н.Н. В а к т у р с к а я. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XIV вв.). — Тр. ХАЭЭ, т. IV, с. 261; В.А. Ш и ш к и н. "Курган" и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза. — Тр. АН УзССР, сер. I. Ташкент, 1945, с. III; Э.Г. Г у л я м о в а. Штампованная керамика Хульбука. Материальная культура Таджикистана, вып. 2; Г.В. Ш и ш к и н а. Глазурованная керамика Согда. (Вторая половина VII-нач. XIII в.). Ташкент: Сан, 1979.

ПЕНДЖЕНТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

А.М.Беленицкий, Б.И.Маршак, В.И.Распопова

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА В 1979 г.

В отчетном сезоне исследования велись на десяти объектах шахристана^I (рис.1).

Объект II (руководитель В.Г.Шкода). В айване главного здания продолжались работы по изучению ранних строительных периодов (рис.2). В прошлом сезоне были выявлены стоящие на материке стены, из которых одна шла параллельно восточному фасаду храма, а другая отходила от нее на восток. Представлялось, что эти хорошо оштукатуренные стены были внутренними стенами помещения, позднее включенного в платформу храма,

I. В раскопках 1979 г. участвовали помимо руководителей объектов, названных в тексте, старшие реставраторы Государственного Эрмитажа Г.И.Тер-Оганян, Т.С.Василенко, художник-реставратор В.В.Шацкий, реставратор Пенджикентской археологической базы М.А.Исакова. Экспериментальную работу с фиксативами, которые используются при закреплении росписей в полевых условиях, провела старший реставратор Государственного Эрмитажа М.П.Винокурова. Обмеры архитектурных объектов под руководством Б.И.Маршака проводили студенты архитектурного факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Б.Репина Академии художеств СССР И.В.Баранова, М.В.Евстигнеева, Д.Д.Свирский, А.Б.Ситников. Росписи копировали Т.С.Василенко, Б.И.Маршак, С.И.Блохин, Н.П.Иванов, М.П.Кижоть, О.Р.Петряевская. Полевую фотофиксацию проводила В.И.Распопова. Кроме того, в раскопках принимали участие археологи Н.В.Федорова и Т.А.Шпак, студенты кафедры археологии Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова О.А.Щеглова, Н.А.Чувило, М.И.Иванов, Л.В.Козловская, О.В.Сажина, Д.И.Фоняков, студенты других кафедр университета А.П.Шпак, В.В.Носков, В.Г.Данченко, Л.А.Сластникова, в работах экспедиции принимали участие Т.Н.Дегтярева, М.А.Морозова, В.В.Романин. Как и в другие годы, раскопки на городище были возможны лишь при участии учеников старших классов школ г. Пенджикента. Большую помощь экспедиции оказали шофер А.С.Султонов и бульдозерист У.Кодыров. Благодаря содействию руководства ПМК 14, в особенности Х.Артнкова, силами ПМК 14 с городища были удалены отвалы земли между объектами I-X и XVI.

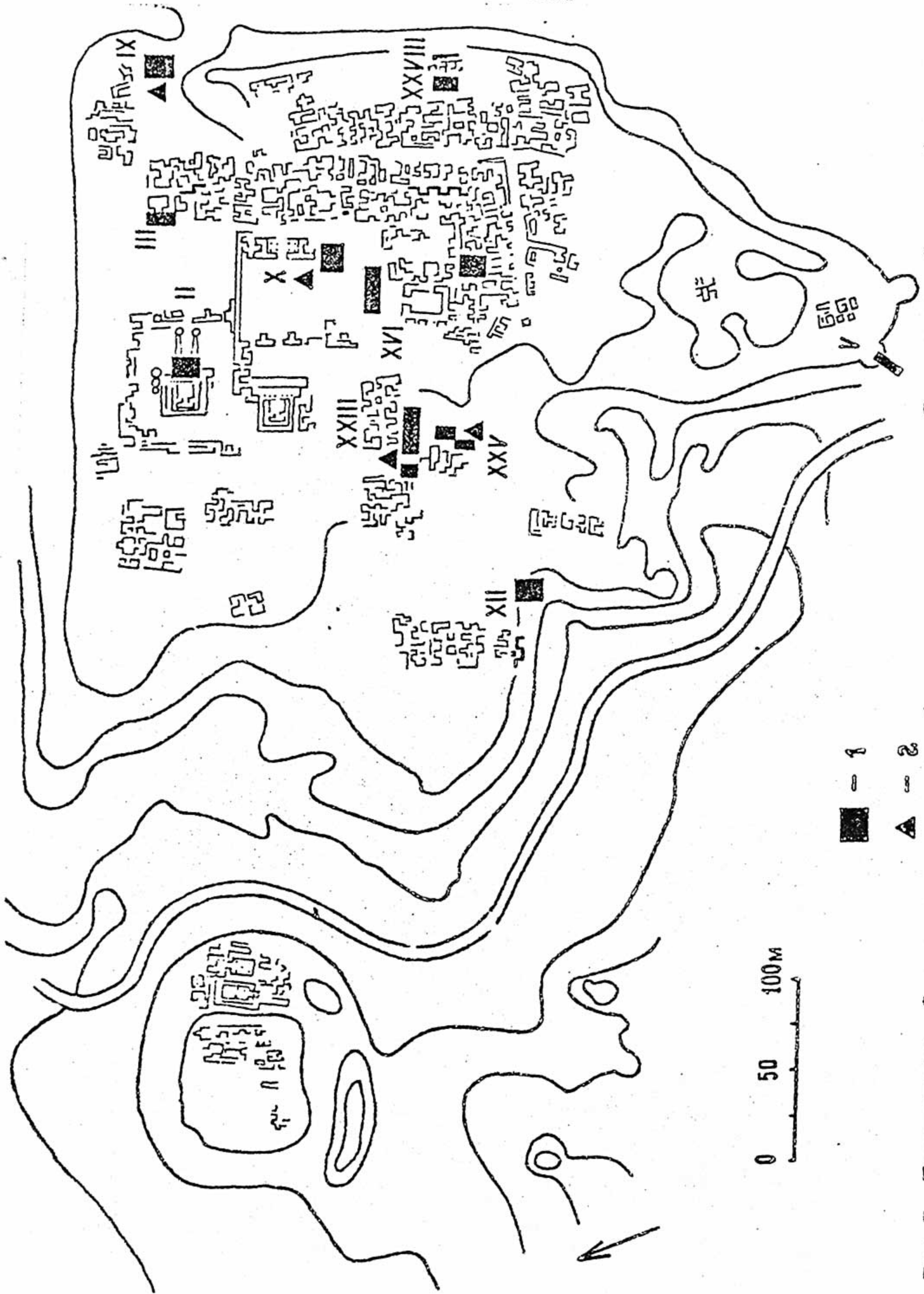

Рис. I. Пенджент. Схема расположения объектов на городище. Римскими цифрами обозначены номера объектов. Сплошной заливкой показаны участки, раскопанные в 1979 г.

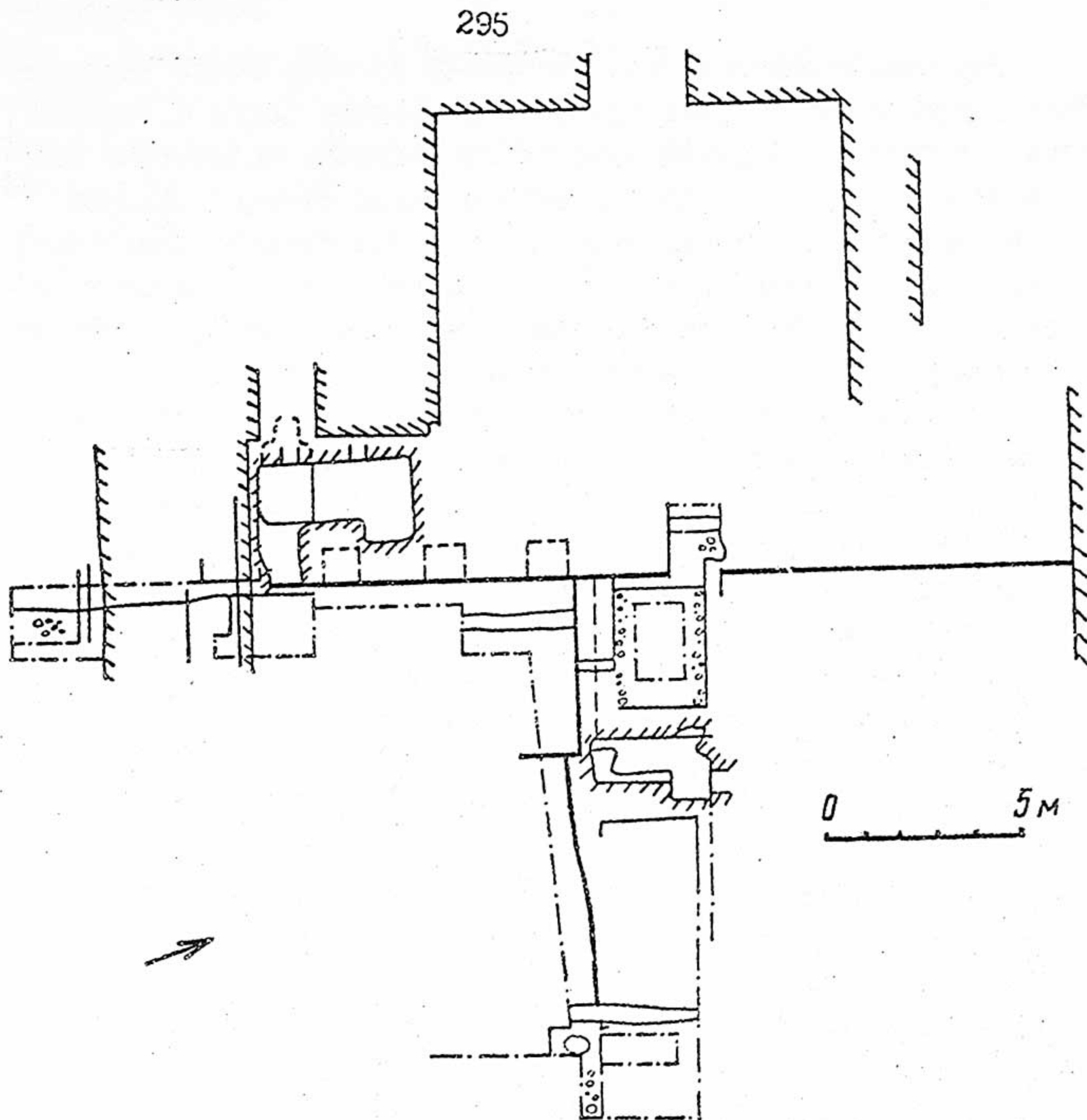

Рис.2. Пенджикент. Объект II. План пандуса и платформы в V-III вв.

но общий характер раннего здания оставался неясным. В этом сезоне выявились основные особенности ранней планировки. То что выглядело как часть помещения, оказалось углом между фасадной стеной стилобата раннего храма и пандусом, ведущим с востока на этот стилобат. Стилобат состоял из сырцовых клеток с плотной галечной забутовкой. В нем была устроена небольшая комната (помещение № I), раскопанная в прошлом сезоне. Высота платформы от материка 2,8 м. Длина пандуса 8,8 м, ширина 3,15-3,20 м. Вдоль фасада шла суфа, которая неоднократно ремонтировалась.

Несколько позднее были построены боковые стены внутреннего двора храма, ширина которого совпадала тогда с шириной главного здания. В узком дворе стала заметна асимметрия расположения пандуса. В связи с этим с южной стороны пандуса пристроили еще 0,5 м сырцовой кладки, что сделало планировку строго симметричной. Вскоре после этого двор был снова перепланирован. Его северная и южная стены были снесены и от них сохранились лишь незначительные остатки. На этот раз к юго-восточному углу стилобата была пристроена стена, отходящая на юг, а севернее главного здания разместилась "капелла", в которой в 1970 г. была открыта роспись с богиней и донаторами.² В этот период двор стал широким, но, как и предыдущий, он зрительно замыкался по линии храмового фасада. Для датировки существенно, что в слое, подстилающем стену к югу от фасада, был найден поддон от чашевидного кубка V в.

Северная "капелла" существовала довольно долго, а стена на юге через короткое время разрушилась или была снесена. Затем последовала решительная перестройка самого главного здания храма. Все, что возвышалось над платформой, было снесено так же, как и большая часть пандуса. Стилобат был расширен на восток, к нему на прежнем месте пристроили новый пандус шириной более 4 м. Помещение № I при этом было заполнено сырцовой кладкой, но в теле пандуса устроили маленькое (потайное?) помещение № 3 с выбеленными стенами, которое позднее тоже было забутовано. Керамика из помещения № 3 относится к VI-VII вв. Забутовка этого помещения связана с одним из поздних ремонтов, когда удлиннили до 9 м пандус и усилили приставными стенами с наклонной наружной стороной боковые фасады стилобата, однако эти ремонты уже не вносили существенных изменений в общий облик сооружения. Можно говорить о двух больших этапах истории главного здания храма и о нескольких более дробных строительных периодах. Теперь стало очевидным принципиальное сходство обоих этапов: выяснилось, что раннее здание, как и позднее, имело массивный стилобат и узкий пан-

2. А. Б е л е н и ц к и й, Б. М а р ш а к. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 г. на городище древнего Пенджикента. Сообщ. Гос. Эрмитажа, XXXVI. Л., 1973, с. 58-61.

дус. Изменились представления и о более позднем здании: во-первых, его пандус не был таким же широким, как весь восточный фасад храма, что предполагали ранее,³ а проходил узкой полосой по оси храма,⁴ во-вторых, айван главного здания второго этапа был настолько глубоким, что его перекрытие должны были нести два ряда колонн. Все это существенно меняет предложенные ранее реконструкции пенджикентских храмов.

Датировка второго этапа остается прежней — здание построено около рубежа V—VI вв. Дата первоначального здания пока не ясна. От декора раннего здания сохранилась база глиняной колонки, найденная под поверхностью поздней платформы над полом раннего пандуса. База шаровидная, облицованная резным шtukом на матерчатой прокладке (рис.3). Подобные каннелированные базы известны по более поздней росписи объекта XXIV.⁵

Кроме главного здания объекта II на территории храмов также продолжались работы на внешнем дворе храма I и в прилегающих к этому двору помещениях (объект X, руководитель В.Г.Шкода). Были доследованы начатые раскопками в предыдущем сезоне помещения № 8,9,10. Первоначально на их месте был переулок, который соединял улицу, окаймлявшую с востока храмовый участок, с двором храма I. Вдоль южной и северной стен шли невысокие "тротуары", а посередине тянулся неглубокий желоб. В массиве тротуаров найдена керамика как V, так и VI в., но на полу, над которым они устроены, обнаружена только характерная керамика комплекса II, т.е. не моложе конца V — начала VI в. В VI в. переулок превращают в три отдельные помещения, которые затем несколько раз перестраивались.

3. В.Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии. — СА, 1959, № I, рис.6.

4. Сходное композиционное решение — узкие лестницы по оси храма в Сурхкотале см.: D. Schlimbeger. L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie non Méditerranéenne. Paris, 1970, p.60-63.

5. А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распов. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г. — АРТ, вып.14 (1974 г.). Душанбе, 1979, с.265.

Рис. 3. Пенджикент. Объект П. Штуковая база декоративной колонны.

Остатки такого же позднего перегороденного переулка были обнаружены в 1974 г. на границе участков храмов I и П. Оба переулка шли с востока на запад, тогда как большинство других переулков Пенджикента имело меридиональное направление.

Из деталей отметим нишу в южной стене помещения 9. Глубина ниши 40 см, ее длина 55 см. Ее стенки и пол были обмазаны алебастром. На полу VI-VII вв. была найдена алебастровая обмазка несохранившегося арочного верха ниши. Ниже ниши на стене - алебастровый грунт со следами красной краски. Боковые стороны оформлены уступами. Эта необычная ниша могла иметь культовое назначение.

Из находок отметим амфору-ритон, найденную в слое с керамикой VI - начала VII в.

В юго-восточном углу внешнего двора вдоль восточной стены двора продолжалась разборка завала расписной глиняной шту-

катурки. Общая композиция, как и в предыдущем сезоне, не восстанавливается. Были найдены новые фрагменты от крупномасштабного изображения дракона и от связанного с ним также крупномасштабного изображения воина в кольчуге. Из нескольких фрагментов собирается верхняя часть фигуры донатора, во многом сходная с прошлогодней. Художник показал некоторые отличительные черты изображаемого персонажа и в частности его лысый лоб и волосы на затылке. Донатор держит в руке кошелек, а не чашу с монетами, которая была показана в руке во многом аналогичной фигуры, обнаруженной в прошлом сезоне. Надо отметить также фрагменты изображения оседланного коня.

Росписи внешнего двора храма (объекты I и X) по иконографии и манере исполнения отличаются от живописи как первой половины III в., так и конца V-VI в. Поэтому, несмотря на отсутствие стратиграфических аргументов, их наиболее вероятная дата — VII в.

На объекте III были проведены небольшие работы по уточнению планировки комплекса, в состав которого входит раскопанный в 1953-1954 гг. парадный зал (помещение № 50).⁶ Оставалась неясной связь зала с улицей и соседними помещениями. В отчетном сезоне расчищен вестибюль между залом и улицей, проходившей перед храмами, с выходом в сторону улицы. Проходов в другие помещения обнаружено не было, так что создается впечатление, что весь комплекс состоял только из зала и вестибюля. Однако предстоит еще доследовать южную часть вестибюля, а также проверить, нет ли между вестибюлем и улицей еще одного помещения. Комплекс, состоящий из айвана, зала и еще одного помещения, был открыт на том же III объекте (помещения № I2, I2a) и определен как общественное сооружение.⁷ Зал сгорел во время пожара 722 г. и с тех пор не восстанов-

6. А.М. Б е л е н и ц к и й. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г. — АРТ в 1954 г. Сталинабад, 1956, с.19-21.

7. В.Л. В о р о н и н а. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. — СА, 1957, № 4, с.85, рис.1а.

ливался, но в вестибюле через некоторое время жизнь возобновилась. В северо-восточном углу поместили танур, а в юго-восточном на суфу поставили хум. В 760-770 гг. помещение стало местом свалки.

На южном выступе городища продолжено исследование оборонительных сооружений (объект У, руководитель Г.Л.Семенов). В прошлом сезоне здесь были обнаружены крепостные стены двух строительных периодов и связанные с ними два рва. В этом году внешний (более поздний) ров был прорезан до материка поперечной траншеей, продолженной на юг через галечную насыпь на его наружном берегу. Стенки рва имеют уклон около 80° . Ширина дна рва всего 0,75 м при глубине 3,5 м в материке. На уровне верха материковой гальки ширина рва также 3,5 м. Однако ров был более серьезной преградой, поскольку есть еще слой лессового материка и галечная насыпь над ним (общая высота 1,65 м). В древности насыпь была выше, поскольку заполнение рва состоит в основном из гальки, а материковые стенки рва хорошо сохранились. Глубина рва достигала приблизительно 5,5 м, а его ширина на уровне верха галечного вала — около 7 м, но стенки наверху были уже не такими крутыми, как в материке.

Датировка позднего рва и соответствующей ему мощной стены с круглыми башнями затрудняется скудостью находок. На поверхности лессового материка под галькой, выброшенной при копке рва, было найдено всего 12 фрагментов керамики. Они как будто не моложе VI в., но у них нет признаков, которые позволяют давать более точные даты. Керамика из заполнения рва также немногочисленна, но в ней есть характерные фрагменты сосудов, датируемых как началом VI в., так и, с другой стороны, серединой или второй половиной VI в.

На объекте XXVIII в восточной части города второй ров и синхронная с ним стена относятся к VI в. Возможно, что тогда же была построена стена с башнями и вырыт внешний ров и на юге древнего поселения, но для окончательного суждения пока еще слишком мало данных.

Объект IX (руководитель Г.Л.Семенов). Жилые постройки в северо-восточном углу городища (объект IX) в 1952-1956 гг.

раскапывал А. Джалилов. Оказалось, что здесь жилая застройка заходит за линию гребня восточной городской стены. Поэтому в связи с задачей изучения фортификации пришлось заложить новый раскоп, чтобы исследовать роль северо-восточного выступа в системе оборонительных сооружений города. В 1979 г. работы на этом участке не были завершены, однако определена южная граница выступающей жилой застройки. К югу от ранее раскопанных частей объекта IX, как выяснилось, проходила с запада на восток улица шириной 2,2 м, а еще на 8 м южнее начиналась кладка городской стены. Между этой стеной и улицей размещалось двухэтажное здание. Таким образом, северо-восточный выступ состоял из улицы и двух окаймлявших ее домов.

Улица, вероятно, выводила из города в наружное пространство. В 1979 г. раскоп был доведен до основания стен домов, и поэтому ранние слои на этом участке пока не изучены. Исследованные напластования улицы и полы построек относятся к 740-770 гг. Предстоит выяснить, был ли весь выступ неукрепленным жилым массивом, образовавшимся после частичного разрушения городской стены в 720-х гг. или он существовал и ранее, был укреплен и имел оборонительное значение, фланкируя длинную и прямую восточную городскую стену.

Частично исследованы три помещения, расположенные к югу от улицы. Помещение 2, вытянутое с севера на юг, имело проход на улицу в северной стене. Ширина помещения 1,9 м. Судя по сохранившемуся карнизу, перекрытие было сводчатым. Помещение, вероятно, было перестроено из более раннего здания. Эта перестройка (или даже постройка здания) датируется монетой Тургара в сырцовой кладке, упавшей на пол. На самом полу найдено несколько монет и в том числе фельс 768 г. Вдоль уже оштукатуренной западной стены была пристроена суфа шириной 0,3 м и высотой 0,45 м. У восточной стены находился очаг со щелевидным дымоходом. Выше основного пола лежат припольные прослойки, затем сырцовый завал и верхний уровень обживания, с которого был вкопан хум. Верх припольных прослоек над основным полом (условно названный вторым

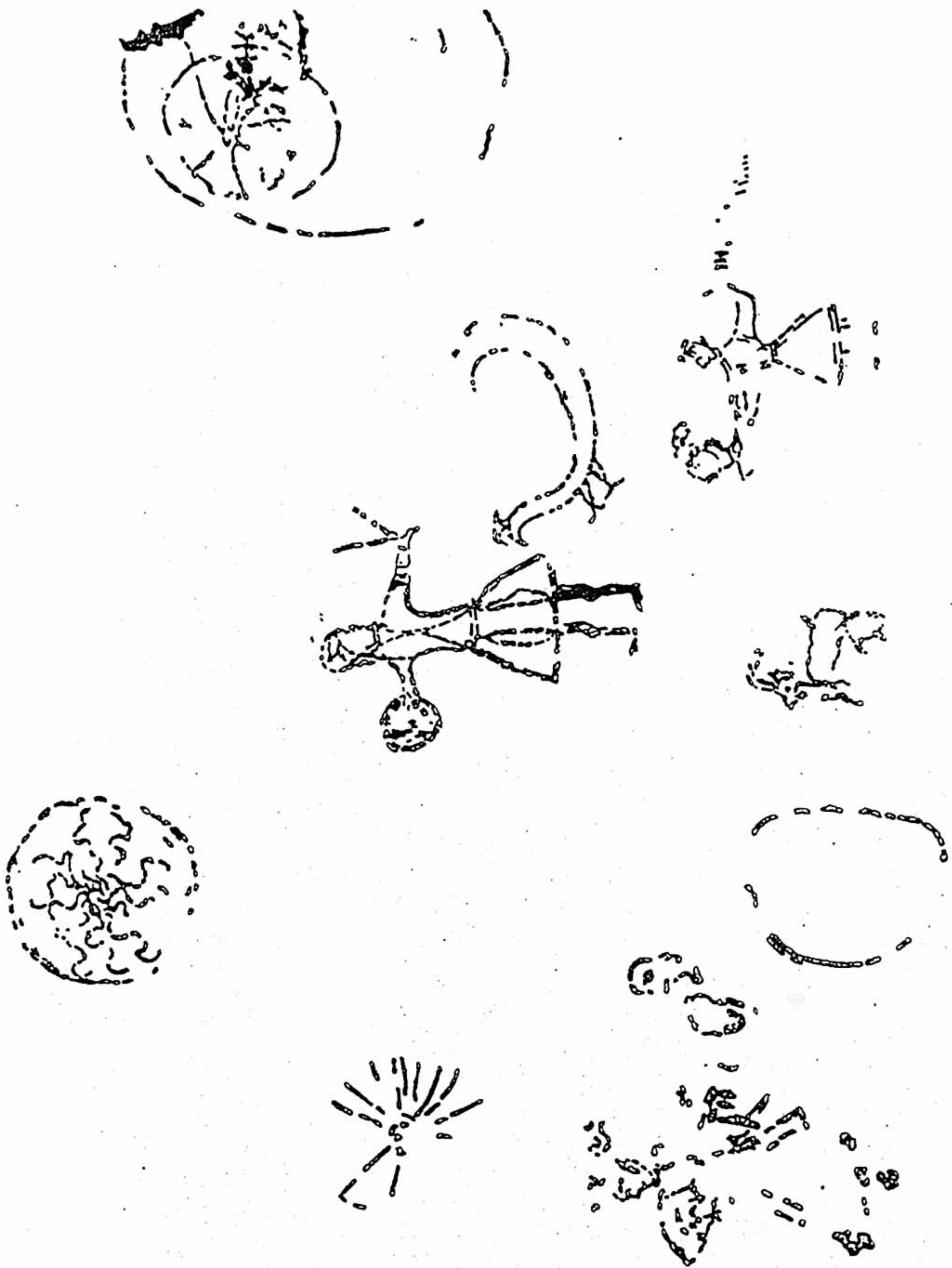

Рис. 4. Пенджикент. Объект IX. Помещение 2. Рисунки на западной стене. Прорисовка Т.С.Василенко.

полом) совпадает с верхом суфы вдоль западной стены. Эта поверхность заметно понижается к востоку.

На западной стене имеются рисунки, которые располагаются полосой высотой около 0,7 м (рис. 4). Эти рисунки, нанесенные на верхний слой штукатурки, выполнены красной краской по серому фону. Некоторые детали нанесены черной краской, а одно из изображений представляет собой граффити. Ни по стилю, ни по иконографии рисунки из помещения 2 не находят аналогий в других пенджикентских росписях.

В верхней части рисунка помещен круг с вихревой розеткой из волнистых линий внутри. Возможно, что это изображение солнца. Ниже и левее находится процарапанный рисунок: небольшой круг (?) с отходящими от него прямыми лучами. Правее и также ниже "солнца" краской нарисован большой овал. В него вписан круг с радиальными линиями внутри. Если думать, что здесь также показано какое-то светило, то остается непонятным наружный овал. В центре раскрытого участка композиции помещен человек с расставленными руками. В правой руке человека — щит или бубен, в левой — какой-то предмет в виде двух расходящихся прямых линий (может быть, изображение си-стра). От виска спускается длинная коса, переданная мазком черной краски. Необычна одежда: короткий кафтан с расширяющимися вниз полами, узкие штаны и сапоги. Позади человека нарисован павлин. В нижнем ярусе под человеческой фигурой нарисована дикая (?) коза. Перед ней овал, над которым показана человеческая голова в профиль или скорее маска. Под ней неясные очертания, напоминающие еще одну голову. Перед маской находится еще одна человеческая фигура в широкополом кафтане. Правая, согнутая в локте рука, возможно, держала рукоять меча, висевшего на левом боку. Левая рука отведена назад в сторону "маски". Позади козы под павлином нарисована третья фигура в таком же кафтане. У нее в правой руке, по-видимому, маска, а от левой руки отходит ряд коротких штрихов, которые могли передавать развевающуюся ленту. Все фигуры обращены вправо.

Сюжет остается не вполне ясным. Наиболее вероятно, что изображено какое-то театрализованное представление с масками и животными. Большие овалы тогда могли бы означать мешки с реквизитом. Лица персонажей нижнего яруса совершенно необычны. Рисуя их, художник стремился подчеркнуть, что носы этих персонажей отличаются особенно горбатым профилем. Какие-то театрализованные представления, связанные с обрядами, были зафиксированы росписями, обнаруженными в предыдущие годы на объектах I, XXI и XXVI, но там показаны совершенно другие атрибуты.

Стилистическое своеобразие рисунков IX объекта особенно примечательно. Это, безусловно, не профессиональная живопись достаточно хорошо известной пенджикентской школы, но это и не детский рисунок. Рисовальщик, безусловно, обладал определенными навыками, имел твердую руку и отработанные приемы передачи деталей. Особенно удачно изображение козы. Такого рода непрофессиональное рисование было, очевидно, достаточно распространено, о чем свидетельствуют, в частности, рисунки на нескольких пенджикентских хумах. Однако настенные росписи вплоть до середины III в. всегда выполнялись специально обученными художниками. Роспись помещения 2 относится к последним десятилетиям существования древнего Пенджикента, когда в городе уже не было аристократических заказчиков, и следовательно, прекратился платежеспособный спрос на труд художников, которым, вероятно, пришлось покинуть Пенджикент. Между тем у населения сохранился вкус к изобразительной деятельности и это привело к появлению настенных рисунков, выполненных "самодельным художником". Необычный костюм персонажей связан скорее со спецификой театрального костюма, а не с более поздней датировкой, поскольку он не похож на костюмы более поздних, чем пенджикентские, шахристанских росписей. Возможно также, что изображены скomorохи-иноплеменники.

К востоку от помещения 2 расчищено помещение 3, ограниченное с юга кладкой городской стены. Это помещение второго этажа, построенное над сводчатой комнатой первого этажа. В помещении 3, судя по алебастровой обмазке стен и пола, находилось зернохранилище. В этом помещении было найдено

Монеты из раскопок городища древнего Пенджикента в 1979 г.

Место находки :	У I в. :	Вторая :	Рубеж :	Первая :	Середина :	Третья :	Неопределен-
:	поло- :	У II- :	чет- :	У III в. :	четверть :	не имею-	ные монеты
:	вина :	У III вв. :	верть :	У III в. :	У III в. :	щие твер-	
:	У II в. :	У III в. :	У III в. :	У III в. :	У III в. :	дой даты :	

I : 2 : 3 : 4 : 5 : 6 : 7 : 8 : 9

Объект II, про-
моина в галеч-
ном заполнении
пандуса

Скифатная,
неопреде-
ленная

Объект III

Пом. 50а, слой
под суфой

Биджан

305 .

Пом. 50а, из за-
сыпки хума в
северо-восточ-
ном углу

Биджан

Пом. 50а, верх-
ний слой за-
вала

Царица

Согдийская,
с квадратным
отверстием

Объект IX

Пом. I, кирпич-
ный завал

Фельс (?);
Фельс Самар-
канд 144/76Г-
62 гг.
(2 экз.)

Согдийская,
с квадратным
отверстием

Продолжение табл.

I : 2 : 3 : 4 : 5 : 6 : 7 : 8 : 9

Пом. I, на уровне провалившегося пола II этажа

Фельс неопределенный

Пом. 2, основной пол.

Тургар I
Тургар II
Фельс Бухара 151/768 гг.
Типа № 747 (?)

Пом. 2, верхний пол

Фельс Самарканд 143/760-61 гг.

Пом. 2, в кладке из вертикально стоящих кирпичей между верхним и основным полом

Тургар II деградировавший тип

Пом. 2, над верхним полом в проходе на восток

Фельс Самарканд 144/761-62 гг.

Пом. 2, кирпичный завал

Тургар II

Типа № 747

Пом. 2, уличный слой

Царница

Продолжение табл.

I	2	3	4	5	6	7	8	9	
Пом. 3, пол вто- рого этажа	∞	∞	∞	∞	∞	Фельс Бухара 151/768 гг. Фельс неопреде- ленный (4 экз. х) Фельс (? х) Фельс Самар- канд 144/761- 62 г. (2 экз.) хх; Фельс Балх 149/766-67 гг. хх; Фельс Бухара 151/768 г. (2 экз.) хх; Фельс Самар- канд 153/770 г. хх; Фельс нового ти- па хх; фельс нео- пределенный (4 экз.) хх; фельс Са- марканд 144/161- 62 гг. (3 экз.); Фельс Балх 149/766-67 гг.; Фельс Бухара 151/768 г.; фельс нового типа; фельс неопределенный (5 экз.)	∞	∞	Монета без отверстия, фрагмент согдийской с квадратным отверстием

Продолжение табл.

I	2	3	4	5	6	7	8	9
Пом.3, завал ниже уровня пола второго этажа	-	-	-	-	Тургар	П Фельс Самар- канд I44/76I- 62 г; фельс Са- марканд I53/ 770 г.; фельс неопределенный; фельс (?) 2 экз.	-	-
Пом.3, завал свода I этажа	-	-	-	-	-	Фельс Самар- канд I53/770 г.	-	-
Пом.3, завал кирпичей ниже уровня балки у западной стены	-	-	-	-	-	Фрагмент фель- са (?) (2 экз.)	-	Без отвер- стия
Пом.3, завал над полом вто- рого этажа	-	-	-	-	-	-	-	Согдийская, с квадратным отверстием
Пом.3, завал	-	-	-	Гурек II	-	Фельс неопре- деленный	-	-
Улица, верхний уровень	-	-	-	-	-	Фельс неопре- деленный	-	-
<u>Объект X</u>								
Пом.8, подземный материал	-	-	Биджан (2 экз.)	-	-	-	-	-

Продолжение табл.

I	2	3	4	5	6	7	8	9
Пом. 8, пол с монетами Бидяна, — 4, 2 м от +0 городища	—	—	Бидян (2 экз.)	—	—	—	—	Согдийская, с квадратным отверстием
Пом. 8, верх забутовки между суфами	—	—	—	—	—	—	Серебряная с изображением лучника	
Пом. 9, между полами, над нижним полом, 4, 10 м от +0 городища	—	—	—	—	—	—	Серебряная с изображением лучника	
Пом. 9, натек, образовавшийся за 1978/79 гг. под полом первой четверти УШ в.	—	—	—	—	—	—	—	Согдийская, с квадратным отверстием
Пом. 9, прослойка пола под полом первой четверти УШ в.	—	—	Бидян	—	—	—	—	—
Псм. 9, уровень с камнями	—	—	—	—	—	—	—	Монета серебряная

Продолжение табл.

I	2	3	4	5	6	7	8	9
Пом. 10, пол с сухой второго периода	-	-	-	-	-	-	Кушанская	-
Двор, завал с росписью	-	-	Бидян	-	-	-	-	-
<u>Объект XII</u>								
Из отвалов	-	-	Рамчи-- так	Гурек П	Тургар П деградировавшие го типа	-	-	-
Раскоп П, золь-- ник в северо-- восточном углу, у городской стены	-	-	Рамчи-- так Бидян	-	-	-	Сатачари	-
<u>Объект XIII</u>								
Пом. 16, в кирпи-- че из завала в хуме в ю-з углу помещения	-	-	-	-	-	-	Уструшан-- ская (?) на ав. -- лицо, на г. в. -- над-- пись	-
Пом. 16, завал	-	Варху-- ман	-	-	-	-	-	-
Пом. 17, из раз-- реза антресолей	-	-	-	-	-	-	Согдийская, с квадратным отверстием (2 экз.)	-

Продолжение табл.

I	2	3	4	5	6	7	8	9
Пом. 33, завал на 3 м ниже пола помещения второго этажа	—	Типа № 30I	—	—	—	—	—	—
Пом. 84, завал в 0,5 м выше пола	—	—	Пенджикентского литья	—	—	—	—	—
Пом. 84, между алебастровыми обмазками антенно-ресолей	—	Варху-ман	—	—	—	—	—	—
Пом. 84, завал второго этажа	—	—	—	—	—	—	—	Согдийская, с квадратным отверстием
Пом. 75, шурф в северо-западном углу двора, из забивки над четвертой сверху поверхностью улицы	—	—	—	—	—	—	—	Согдийская, с квадратным отверстием
Объект XXIII								
Пом. 49, лессонный завал сверху	—	—	—	—	—	—	—	Согдийская, с квадратным отверстием

Продолжение табл.

I	2	3	4	5	6	7	8	9
Пом. 49, завал леса с уголь- ками, на глуби- не 3,20 м	∞	∞	∞	∞	Тургар II	∞	∞	∞
Пом. 50, в про- ходе в пом. 49, на нижнем полу	∞	∞	∞	Гурек II	∞	∞	∞	∞
Пом. 53, завал леса на глу- бине I, IO м	∞	∞	∞	Гурек II	∞	∞	∞	∞
Пом. 54, II этаж, завал	∞	∞	∞	∞	∞	Фельс Самар- канд I53/770 г.	∞	∞
<u>Объект ХХУ</u>								
Пом. I9, в тесте пахсы западной стены	∞	Варху- ман	∞	∞	∞	∞	∞	∞
Пом. I9, в тесте Китай- ...ирпича, сто- явшего в сво- де	∞	∞	∞	∞	∞	∞	∞	∞
Пом. I9, завал	∞	∞	∞	Гурек I Тургер II (2 экз.)	Фельс Самар- канд I44/76I- 62 гг.	∞	∞	∞
Пол (?) помеще- ния второго этажа над поме- щением I9	∞	∞	∞	∞	Тургар I	∞	∞	∞
Пом. 20, завал ни- же зольника	∞	∞	∞	Гурек II	∞	∞	∞	∞

Продолжение табл.

I	2	3	4	5	6	7	8	9
Пом. 20, завал, глубина I, 20 м	-	-	-	-	Тургар II	-	-	-
Пом. 21, на уровне не верхнего пола	-	-	Биджан	-	-	-	-	-
Объект ХХУШ								
Пом. 7, завал свода	-	-	Пенджикентского литья	-	-	-	-	-
Пом. 7, в проходе в пом. 5, второй пол	-	-	-	-	Тургар II	-	-	-
Пом. 6, завал свода	-	-	-	-	-	-	Типа № 747	-
Пом. 8, нижний пол	-	-	-	Царица	-	-	-	-
Пом. 9, горелый второй пол	-	-	-	-	-	-	-	Согдийская, с квадратным отверстием

Примечание. х) монеты, входящие в состав клада;

хх) монеты, входящие в состав другого клада.

много монет, в том числе фельсы почти всех встречающихся в Пенджикенте типов, выпущенные в 761–770 гг. (табл.).

Первый на городище древнего Пенджикента разрез городской стены был исследован в 1958–1959 гг. на объекте в юго-западной части городища.⁸ Здесь были обнаружены остатки стены У в. с прямоугольными башнями и более поздние стены. В 30 м к востоку от этого разреза городская стена поворачивает к югу и затем снова на восток, образуя прямоугольный выступ с главными городскими воротами, который пока остается недатированным. С целью исследования его укреплений на новом участке объекта XII близ самого угла южной городской стены и западной стены выступа с воротами был заложен раскоп (руководитель Г.Л.Семенов). В 11 м к западу от угла была проведена траншея шириной 4 м, в которой до основания была обнажена поверхность городской стены. Здесь она сохранилась на высоту 7 м и до высоты 5,5 м сохраняет наклон, близкий к первоначальному. Стена сложена из кирпича и пахсы на глинобитной платформе, которая на 3 м выступает за плоскость стены. Край платформы окаймлен крупными валунами. В завале перед стеной сохранился блок кладки из рядов кирпича и прослоек глины от упавшего верха стены толщиной 0,75 м и высотой около 3 м.

В платформе перед стеной прослежены три последовательно сменявших друг друга русла канала, по которому из-под стены выводилась вода с территории города (рис.5). Нижнее русло шириной 2 м поверху и глубиной в 1 м относится к более раннему периоду, чем фасад, который открыт в этом сезоне. При постройке этого фасада часть раннего русла заложили камнями и пахсой. Новое русло несколько меняет и свое направление. Его ширина поверху 1,25 м при глубине 0,6 м. Над руслом устроено перекрытие из балок длиной 1,75 м и сечением 24 х 12 см, от которых сохранились гнезда в боковых стенах. Попе-

8. Б.И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. – МИА № 124. М.–Л., 1964, с.184–186, 190–192, рис.1–3.

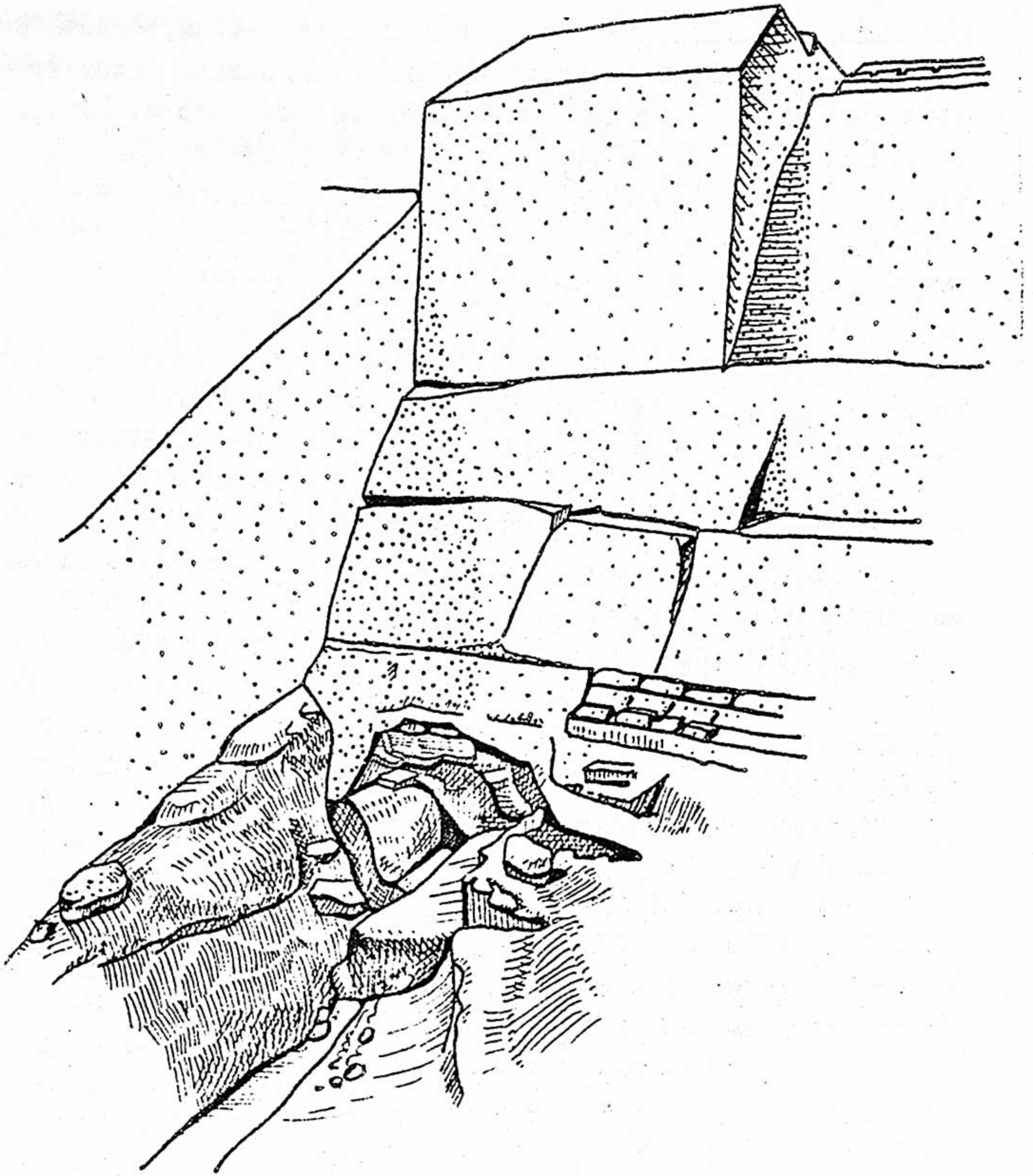

Рис.5. Пенджикент. Объект XII. Вид городской стены с устройством для вывода воды.

рек балок были положены горбыли диаметром 5-6 см, отпечатки которых сохранились на глине раствора под нижним рядом кирпичей перекрытия. От дна до перекрытия было 0,85 м. Габариты русла, если оно не сужалось под толщей стены, таковы, что по нему мог проникнуть в город неприятель. Вероятно, поэтому это русло забутовывают почти на всю высоту крупными камнями с глиной и устраивают новое, третье русло высотой всего в 0,25 м.

Кирпичное основание кладки южной стены не находит аналогий на соседнем участке, раскопанном в 1959 г., где низ стены пахсовой. Возможно, что применение сырца связано с необходимостью устройства перекрытия. Керамика из заполнения первого русла - V-VI вв., из второго русла - VI-VII вв.

В самом углу стены сохранились лучше, чем около канала. На уровне верха останца стены над каналом здесь на южной стене проходит открытый со стороны города пристенный ход шириной 1,8 м. Перед ним на высоту около 3 м сохранилась стена с наклонной наружной поверхностью. На уровне пола хода она имеет толщину 1,5 м, а на высоте 2 м от пола сужается до 0,75 м, т.е. до толщины блока упавшей стены над руслом канала. Если прибавить к двум метрам сохранившейся стены еще три метра (высота упавшей части стены), то получим высоту тонкой стены перед ходом не менее 5 м, что примерно соответствует реконструируемой высоте упавшего внутрь верха крепостной стены в расколе 1958 г. на участке приблизительно около 30 м к западу.⁹ Если материк в углу был не выше, чем рядом около канала, то общая высота стены достигала не менее, чем 12 м.

Ход на стене был позднее заложен пахсовой кладкой, к которой затем пристроили со стороны города еще одну стену.

Западная стена выступа с городскими воротами была перестроена с лицевой стороны. Сырцовая кладка ремонтной стены была вставлена в специально подрубленный угол более ранних конструкций, она сохранилась на высоту в 3 м и имеет внизу

9. А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г...., с.263.

вертикальный, а наверху наклонный под углом $30 - 35^\circ$ фасад.

До проведения разреза нельзя говорить об абсолютных датах обнаруженных перестроек стены. Если наружный фасад южной крепостной стены датируется так же, как в разрезе 1959 г., то его сооружение могло бы быть отнесено к VI в. Этот же фасад, вероятно, сохранялся вплоть до начала VIII в.

На объекте ХУІ (руководитель В.И.Распопова) работы велись на двух участках: в центре последовался жилой дом, в котором под помещениями второго этажа А и Б, исследованными в 1961 г.,¹⁰ начаты раскопки помещений первого этажа (83 и 84) и докопаны помещения 15-17, а на севере объекта продолжалось исследование арыка вдоль улицы, отделяющей объект ХУІ от храмов.

Вдоль помещения 82 и двора (помещение 75) арык раскопан на длину 31,25 м (в отчетном сезоне на длину 14,75 м), далее арык поворачивает на север почти под прямым углом. Этот поворот неслучаен, а связан с тем, что течение воды в арыке было очень быстрым: русло извилистое, дно резко понижается с востока на запад, перепад на длину 31,25 м составляет 1,25 м. При повороте левый берег арыка, верх которого укреплен камнями, служил своего рода дамбой, гасившей скорость течения. Далее на север арык исследован на длину 6 м. Здесь дно арыка почти горизонтально.

Стена двора, стоявшая на берегу арыка, была укреплена от размывания рядом крупных камней. На некоторых участках в непосредственной близости от стены берега также укреплены камнями. Далее на запад берега лессовые, высокие, крутые, ширина арыка иногда сужается до 0,3 м.

В 2 м от места поворота арыка на север был заложен шурф с целью выявления стратиграфии этого участка. Последо-

10. А.М. Беленицкий и И. Работы Пенджикентского отряда в 1961 г. - АРТ, вып. IX (1961 год). Душанбе, 1964, с. 61, 72, рис. 2, 15; план этого комплекса см.: В.И. Распопова. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда. - СА, 1972, № 4, рис. 3.

вательность наслоений в шурфе такова: материковая галька перекрывается материковым лессом, на котором лежала зеленая прослойка, в ней найдена ножка кубка, обточенная на гончарном круге, типичная для V в. Выше шел слой пахсы без находок, на нем зафиксированы остатки кузнечной мастерской, в ее пол вкопан низ кушина или широкогорлого сосуда, датировать его затруднительно. Остатки мастерской перекрываются слоем пахсы, из которой происходит венчик котла, слепленного из полос, его можно датировать VI в. Далее шел слой камней и черепков, связанный с выравниванием этого участка древнего города. Здесь получен богатый комплекс керамики второй половины VII в. Дно арки проходит по этому слою. Выше зафиксированы те же наслоения улиц, что и в прошлом году.

Таким образом, в результате раскопок этого года выявлена северная граница домовладения на период первой четверти VIII в., которая проходила по арке.

На раскопе в центре квартала выяснено, что помещения 15-16 первоначально представляли собой длинное сводчатое помещение, своего рода вестибюль, в него попадали с улицы, скорее всего через проход в восточной стене. Проход в западной стене связывал это помещение с маленькой (всего 4,5 кв. м) комнаткой, из которой проходили в кладовку под пандусом. По пандусу из вестибюля попадали в помещения второго этажа А и Б, а через проход в северной стене около северо-восточного угла в сводчатое помещение 83 первого этажа, расположенное под помещением А. Помещение 83 было связано проходом в западной стене с помещением 84, также сводчатым, расположенным под помещением Б второго этажа.

В северной торцовой стене помещения 83 под сводом сохранилось окно трапециевидной формы высотой 0,65 м, шириной в основании 0,5 м, поверху 0,2 м. Сверху было балочное перекрытие. Остатки окна также трапециевидной формы зафиксированы в западной торцовой стене помещения 84. В пожарнице помещения Б второго этажа был найден фрагмент архитектурного украшения — округлый сырцовый кирпич с также округлым отверстием посередине. Диаметр кирпича 23 см, ширина 12 см. Кирпичи такой формы венчали фасад здания в сцене осады, украшавшей

стены тронного зала дворца цитадели.¹¹ Это второй случай находки фигурного кирпича от фасада здания в Пенджикенте. Декоративный фриз из фигурных кирпичей впервые был обнаружен *in situ* на фасаде помещения 32 дворца правителя Пенджикента.¹²

На основании плана комплекса и наблюдений, сделанных в поле в 1979 г., можно высказать предположение, что первоначально жилой комплекс, занимающий центр объекта, представлял собой отдельно стоявший дом из 4 комнат по первому этажу, пандуса, кладовки под пандусом и двух помещений второго этажа. Помещения второго этажа использовались в качестве жилых, одно из помещений первого этажа было вестибюлем, а другие служили для хозяйственных целей. Как выяснено при раскопках на XII объекте, первоначальная застройка города У в. представляла собой отдельно стоящие дома.¹³ Дом, послуживший центром позднейшего квартала, выявлен на объекте ХХП,¹⁴ открыта также фасадная стена дома, вошедшего в состав домовладения, расположенного на севере объекта ХУТ, о котором шла речь выше.¹⁵

Исследуемый дом претерпел несколько перестроек. Проход в восточной стене был заложен западной стеной выстроенного вновь соседнего дома. Были пробиты проходы в южных стенах помещений I5 и I7 (какой из них раньше, пока не установлено). В вестибюле под свод была подведена стена, разделившая его на два помещения — I5 и I6.

11. А.И. Исakov. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977, рис.61.

12. Там же, с.101-102, рис.27.

13. Б.И. Маршак. Отчет о работах на объекте ХП..., рис.3, с.189.

14. А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распорова, А. Исakov. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г. — АРТ, вып.ХШ (1973 г.). Душанбе, 1977, с.174.

15. Там же, с.166-167.

В какой-то период, во всяком случае до 722 г., к дому с юга были пристроены помещения. Дом подвергся пожару. Помещения I5-I7, 83, 84, А и Б после пожара восстановлены не были. Проходы в южных стенах помещений I5 и I7 заложены со стороны восстановленных помещений I4 и I8. Все помещения нижнего этажа в последний период жизни, за исключением помещения I7, играли роль хранилищ, оборудованных антресолями. В помещениях 83 и 84 своды, стены и полы антресолей имели алебастровую обмазку. Зерно хранилось в них в мешках или навалом. Зерно из этих помещений не было вывезено и погибло во время пожара. В помещениях I5, I6 также были антресоли, но здесь для хранения продуктов использовали хумы. В завале помещения I5 найдены венчики от 12 хумов, которые могли находиться на антресолях. На полу в юго-восточном углу стоял хум. В помещении I6 вдоль южной стены были расположены 3 хума, а на антресолях — не менее 6. Вдоль западной стены был устроен ларь из сырцового кирпича.

При раскопках этого года у северной стены помещения А зафиксирован очаг прямоугольной формы, врезанный в кирпичи свода помещения 83. Он был перекрыт суфой, пристроенной позднее к северной стене. В завале пожара помещения второго этажа найден нижний жернов из крупнозернистого гранита, предназначенный для крупного помола.

В 1961 г. был расчищен вход в помещение Б с пандуса, с юга. В отчетном сезоне в восточной щеле прохода зафиксировано гнездо от бруса порога, а выше него на 1 м остатки ниши от бруса замка "желудевого" типа.¹⁶ При разборке пожара были найдены обуглившиеся яблоки, разрезанные пополам, которые, видимо, были положены на крышу для сушки. Интересной находкой в помещении 84 является хум, обнаруженный во фрагментах в завале конструкций антресолей. На его венчике

16. В.И. Распорова. Металлические изделия ранне-средневекового Согда. Л., 1980, с.127-129; Н.Н. Брешов. Домашние промысла и ремесла. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966, вып. I, с.276.

имеется процарапанная после обжига согдийская надпись, состоящая из одного слова "сутра". Хум по профилю венчика датируется VI в. Надпись, как считает В.А.Лившиц, прочитавший ее, по палеографии также относится к VI в. Вероятно, в течение какого-то времени этот хум служил местом хранения буддийских рукописей. Это первое столь определенное свидетельство о буддизме в Пенджикенте.

Для периода первой четверти VIII в. помещения этой части дома четко распадаются на хозяйственные, расположенные на первом этаже, и жилые на втором этаже. Помещение А одновременно играло роль домашнего святилища. У его восточной стены был очаг-алтарь. Стены помещения были покрыты росписью.

В центральной части городища продолжались исследования жилой застройки на объектах XXIII и XXV (рис. 6). На объекте XXIII (руководитель И.Рахматуллаев) работы проводились на средства Пенджикентского музея им. А.Рудаки сотрудниками музея в составе Пенджикентской экспедиции. Здесь исследовано несколько помещений одного обширного дома. Были завершены работы в квадратном зале (помещение 49) и смежной с ним прямоугольной комнате с росписями (помещение 50), раскопаны два помещения второго этажа (54 и 56) и начаты раскопки сводчатых помещений, находившихся под ними (54 и 55).

Хотя раскопки дома еще не завершены, некоторые необычные черты его планировки уже сейчас находят объяснение в связи с выявляющейся историей домовладения. План состоит из трех структурных ячеек, из которых две соответствуют довольно типичным для Пенджикента жилым домам горожан среднего достатка. Это прямоугольные блоки из трех одинаковых параллельных между собой сводчатых помещений, пандуса и вестибюльного сводчатого помещения перед пандусом. Первый блок имел сводчатые помещения (46-48), вытянутые с севера на юг, пандус к востоку от них и вестибюль (помещение 39) к югу от пандуса. Во втором блоке сводчатые помещения (34, 54, 55) расположены торцами на запад и восток, а пандус (помещение II) размещен в северо-восточном углу. Третья структурная ячейка состоит из двух парадных залов (49, 50), которые занимают прямоугольную площадку между южной наружной стеной первого

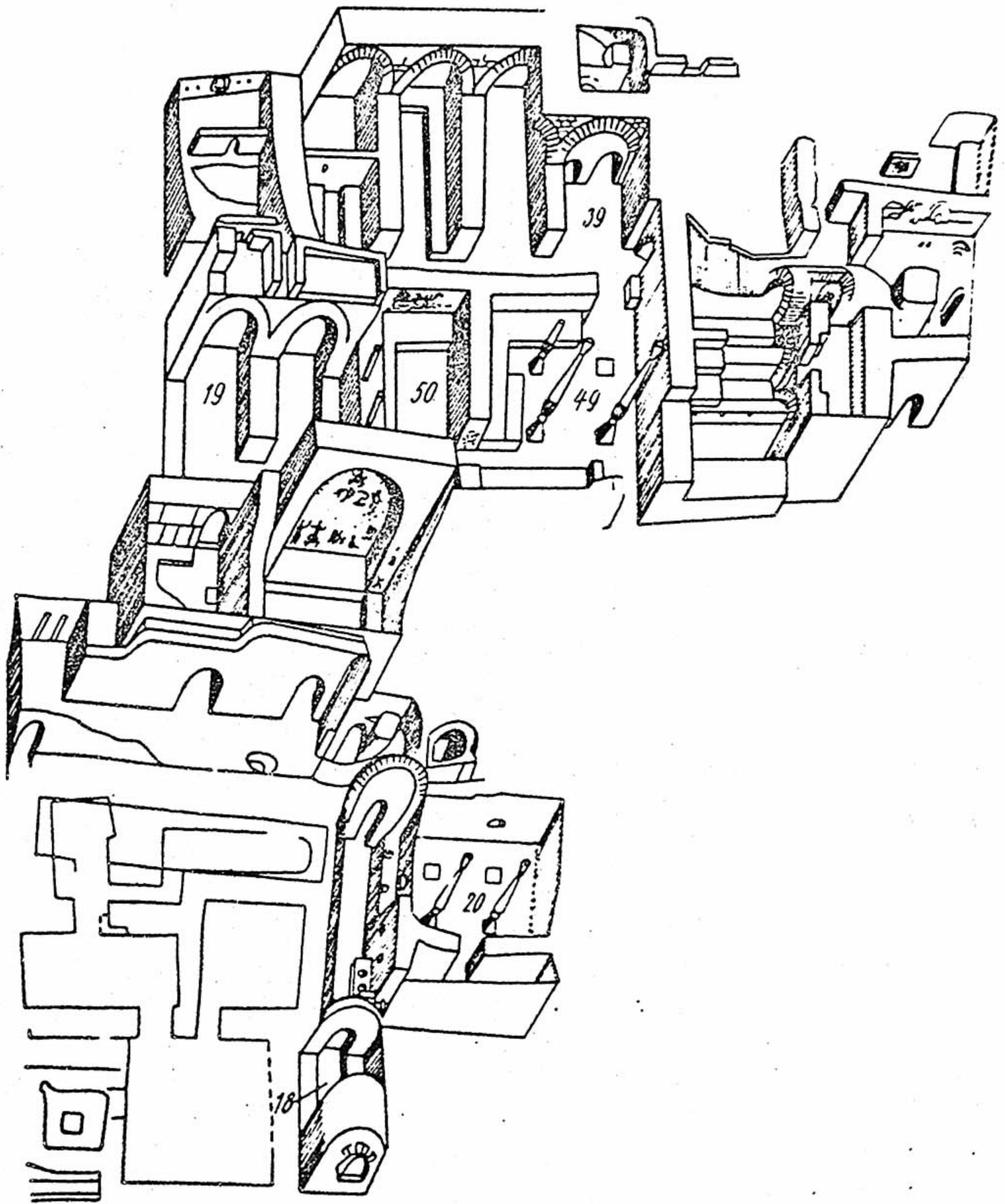

Рис. 6. Пенджикент. Объекты XXIII, XXV. Аксонометрия раскопанных жилищ.

блока и западной наружной стеной второго. Очевидно, сначала существовали два отдельных дома и свободная площадка, на которую выводил вестибюль одного из домов. Позднее, но еще до пожара 722 г., в восточной стене помещения 39 пробили проход в помещение 34, соединивший два дома, а с юга к вестибюлю 39 и соседним к ним сводчатым помещениям пристроили залы 49, 50, заполнившие площадку в углу, образованном фасадами домов. В данном случае жилище представителя городской знати создано в результате объединения двух рядовых домовладений. Соседнее с ним богатое жилище примерно в то же время было расширено за счет присоединения соседнего рядового дома.¹⁷ Таким образом, в центральной части города во второй половине II — начале III в. засвидетельствованы уже два случая включения домов рядовых горожан в крупные домовладения городской знати. Вероятно, в дальнейшем раскопки в Пенджикенте дадут более обширные данные о движении земельной собственности в ранне-средневековом согдийском городе.

После пожара 722 г., который оставил заметные следы в помещениях 39, 49 и 50, здание восстанавливается без особых изменений в планировке. Был только заложен проход из помещения 34 на пандус (помещение II), поскольку пандус отшел к кардинально перестроенному около 740 г. домовладению, находившемуся к востоку от того, о котором идет речь в этой статье.

В зале 49 к сильно обгоревшей западной суфе был пристроен так называемый парадный выступ. Колонны и вообще деревянные конструкции были выполнены заново. Штукатурка обновлена, полы расчищены. В помещениях второго этажа (54, 56) остались на своих местах обгоревшие балки порогов, но они были перекрыты новыми наслоениями пола. Какое-то время после пожара здание разрушалось. В частности, тогда была размыта восточная стена зала, ее затем отремонтировали с уровня первого пола, который, видимо, был расчищен после запустения.

¹⁷ И. Рахматуллаев. Зернохранилище начала III в. в Пенджикенте. — Успехи среднеазиатской археологии, вып. 4. Л., 1979, с. 57.

Восстановление можно отнести ко времени около 740 г. В ходе этого восстановления было расписано помещение 50, но большой парадный зал так и не был расписан. Возможно, новое убранство не успели завершить к моменту серьезных изменений в жизни Согды в середине VIII в., когда в связи с движением Абу-Муслима началась широкая исламизация местной знати и населения городов.

Росписи помещения 50 (7,2x3,65 м), частично раскрытые в 1978 г., были полностью расчищены и сняты со стен в отчетном сезоне. Под живописью на южной стене местами видна сильно прогоревшая или закопченная штукатурка. Очень сильно обожжены кирпичи кладки там, где горела дверная коробка между помещениями 49 и 50. Поверх этих кирпичей лежит новая обмазка с живописью.

В предыдущем сезоне оставалось неясным, связаны ли между собой сюжеты росписей западной и восточной стен: их разделяла крупномасштабная композиция с богиней на троне в виде лежащего льва, а персонажей, изображенных на разных стенах, не удалось идентифицировать. Сейчас мы получили возможность, несмотря на довольно большие лакуны, судить о сюжете основного яруса росписей. На западной стене размещены четыре эпизода одного сказания. В них действуют три основных персонажа: трехголовый бог или, как теперь выясняется, скорее демон, едущий на колеснице, запряженной двумя кабанами; всадник в шлеме, украшенном звериными ушами; девушка на черном коне. В первом эпизоде трехголовый держит повод коня девушки. И у него, и у нее нимбы вокруг голов. Во втором эпизоде всадник сражается с трехговым. В третьем — они продолжают борьбу, спешившись, а за ними, тоже спешившись, наблюдает девушка. Наконец, в последнем четвертом эпизоде герой поражает трехголового кинжалом в живот, из которого вываливаются внутренности. Доспехи и шлем сняты с трехголового и сложены на его колесницу. В последних сценах у трехголового уже нет нимба. На южной стене продолжается то же повествование. Победитель здесь показан стоящим на коленях перед горой. Позади него стоит девушка, у нее теперь также нет нимба. За горой лицом к колеснице

преклоненному герою изображен простирающий к нему руку всадник в кафтане из шкуры леопарда, сидящий на красном коне с белой мордой и белыми "чулками". Далее изображена процессия воинов, несущих в руках предметы вооружения: луки и колчаны. Поскольку в этом ярусе нет других победителей, кроме главного героя, и нет других побежденных, кроме трехголового, у которого не было такого оружия, можно думать, что воины, несущие луки и колчаны, связаны с каким-то непроиллюстрированным эпизодом сказания или, что эти предметы обозначают трофеи битвы всадников с демонами, помещенной ярусом выше. В таком случае их битва относится к тому же сюжету. Надо отметить, что ярусы не были разделены какими-либо бордюром. Возможно, что ниже был показан бой предводителей, а выше - сражение их спутников. Далее до юго-восточного угла основной ярус не сохранился. Над ним есть остатки еще одной сцены того же сражения всадников с демонами, сидящими верхом на зверях. В завале около южной стены найдены небольшие фрагменты штукатурки с изображениями женского лица, головы дракона, ткани, украшенной крупными медальонами с головой кабана, и довольно большой фрагмент с изображениями пяти воинов (рис. 7). Необычно убранство коня одного из этих воинов: шея этого коня закрыта узорной попной. К сожалению, этот фрагмент по своему размеру не соответствует лакуне в росписях основного яруса. Он, как и более мелкие, принадлежа к верхним ярусам росписи. В находящемся в юго-восточном углу проходе боковые стены (и, вероятно, несохранившийся арочный верх) были расписаны несложным орнаментом в виде кривой ромбической сети с дисками в ромбах. Подобные орнаменты хорошо известны по росписям сводов.¹⁸

Продолжение основного яруса росписи на восточной стене дает сначала изображения двух всадников, которых из-за плохой сохранности нельзя идентифицировать. Затем помещена группа стоящих мужчин и женщин, впереди которых находится более круп-

18. Например: В. Д. В о р о н и я а. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. - Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959, с. 96-98, рис. 7, табл. XXV.

Рис. 7. Пенджикент. Объект XXIII. Помещение 50; фрагмент росписи из завала перед южной стеной. Воины. Прорисовка Н. П. Иванова.

ная фигура воина в леопардовом кафтане, очевидно, это персонаж, к которому обращался коленопреклоненный победитель трехголового. По этой фигуре устанавливается, что на восточной стене находятся иллюстрации к тому же повествованию, которое начиналось на западной и продолжалось на южной стенах. Воин в леопардовом кафтане и другие стоящие персонажи обращены лицом в сторону шатра, где на троне сидит некий царь. Перед царем склонили колени юноша и девушка. У подножия трона и в ру-

как у сидящих в шатре слуг или придворных показаны оружие и доспехи. Юноша в этой сцене одет не так, как победитель трехголового, но девушка ничем существенным не отличается от девушки в предыдущих эпизодах. Правда, у нее нет нимба, но и до того нимб был показан только в начальных сценах, а на южной стене там, где девушка стоит позади победителя, нимба у нее уже не было. Если коленопреклоненный юноша рядом с девушкой — это победитель трехголового, что, как Судто, следует из развития событий, изображенных в росписях, то перед нами редкий в средневековой живописи случай, когда один герой в разных сценах предстает перед нами не в одинаковой (обычно позволяющей безошибочно опознавать его) одежде. Такое "переодевание" оправдано тем, что в сценах боев герой был в соответствующем ситуации боевом снаряжении, а здесь он показан в мирной обстановке, и поэтому одет в парадный костюм.

Еще более сложно узнавать персонажей разных росписей по их атрибутам. Трехголовый с его нимбом и трезубцем, как отмечалось в отчете за 1978 г., очень близок к образу согдийского бога Вешпаркара. Однако трудно представить себе ситуацию, в которой одного из наиболее почитаемых богов ждала бы гибель от руки героя. Возможно, для согдийцев были существенными небольшие иконографические отличия, позволяющие отличать трехголового бога, у которого только одно из трех лиц было демоническим, от похожего на него демона с тремя злобными уродливыми лицами. Главный герой "докладывает" о своем подвиге сначала не царю, а воину в леопардовом кафтане, одеяние и масть коня которого соответствуют иконографии Рустама. Вполне возможно, что в роли главы борющихся с демонами героев в этом повествовании выступает именно Рустам, но надо отметить, что художник, столь смело обращавшийся с иконографией божества, мог придать атрибуты Рустама и какому-то другому персонажу, которого читавший или слышавший предание согдийский зритель отличал не столько по облику, сколько по его роли в событиях. Дело в том, что обширная "Рустамиада", включенная в Шах-намэ, не знает сказания, подобного тому, которое отражают росписи помещения 50. Перед нами иллюстрации к какому-то несохранившемуся произведению согдийского эпоса,

скет которого можно, хотя и в общих чертах, восстановить на основании росписей. Мы видим, как герой побеждает могущественного демона, добывает девушку, освобождая ее от власти этого демона, главного богатыря, почитаемого героем, эпического царя, ко двору которого прибывает победитель со своей спутницей и захваченными в бою трофеями, и, наконец, целое Богатырское войско, побеждающее полчища демонов.

Нижний ярус росписей отделен от основного бордюром из перлов. Над суфой, идущей вдоль западной стены, как и в прошлом сезоне, открыты фигуры бегущих друг за другом зверей: газелей, грифонов, козла, льва, горбатого быка, медведя. Там, где суфы нет, ярус становится вдвое выше, что усложнило задачу художника, стремившегося к композиционному единству всего нижнего яруса. На этом более высоком участке он показал охотничьи сцены. Среди деревьев изображены два охотника: конный вонзает копьё в бросившегося на него кабана, и пеший, замахивающийся мечом на зверя. Из-за кабана выбегает в противоположном направлении второй кабан, или какое-то другое животное.

Нижний ярус в отличие от основных росписей зала имеет красный фон. Сохранившиеся в завале обломки штукатурки с бегущими зверями на красном фоне, видимо, находились на самом верху стен. Таким образом, живопись с синим (теперь почти везде ставшим черным) фоном была окаймлена краснофонными фризами. Около двери найдено несколько профилированных и расписанных архитектурных деталей. Эти детали относились к орнаментальному панно над проходом и к узкой тамбурной стенке у его северной щеки. Живопись местами двухслойна. В нижнем ярусе под изображением всадника открыты контуры другого всадника, показанного скачущим в другую сторону.

После завершения росписи в парадных помещениях начались перестройки. Был сужен проход из зала 49 в помещение 50. Вместо не имевшего дверей арочного прохода была устроена обычная дверь. Затем уже с уровня второго пола была заменена одна из колонн зала. Этот второй пол отделен от первого только напластованиями припольных прослоек. Однако между вторым и третьим полами зала находится уже слой свалки. Эта свалка

и перекрывающий ее третий пол относятся к 760–770-м гг., когда в разных частях города наблюдается упадок аристократических жилищ. В сводчатых помещениях дома жизнь еще продолжалась, но парадные комнаты оказались уже ненужными.

В завале сводчатых помещений 54,55 найдены упавшие со второго этажа обломок тигля и кусок стеклянной массы, поэтому не исключено, что на втором этаже в последний период жизни здания находилась какая-то мастерская.

На объекте XXV (руководитель Д.Абдуллаев) продолжалось исследование обширного и сложного по плану жилища, которое обходит с севера и востока целиком исследованный дом.¹⁹

В южной части объекта раскопаны три помещения 18,20 и 21, связанные проходами с открытым в прошлом сезоне сводчатым помещением 16. Полы этих помещений расположены на разной высоте, но все они выше, чем полы помещения 16, из которого на юг в помещение 18 ведут две ступени, а на восток в помещение 21 выводит целая лестница. Сводчатое, вытянутое с севера на юг, помещение 18 имело хозяйственное назначение. В нем находился обрызг в виде врытого венчиком вниз хума с отбитым дном. Сложенные из сырца боковые стены и свод помещения даже не были оштукатурены. К южной торцовой стене приставлены боковые, она сохранилась от более раннего здания. Оштукатурена и состоит из двух частей: пахсовой (на западе) и сырцовой с арочной нишей (на востоке). Сырцовая стена была пристроена к уже сильно разрушенной пахсовой, причем промоины в пахсе были замазаны глиной, нанесенной вместе со штукатуркой. В нише (шириной 1,40 м, высотой 0,90 м и глубиной 0,30 м) и около нее обнаружена живопись очень плохой сохранности. Остальная поверхность стены, однако, не была расписана. Живопись датируется временем до возведения западной стены, пристроенной к штукатурке южной. Между тем западная стена своей другой стороной выходит в помещение I соседнего дома и поэтому, как и

19. А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распов. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г..., с.181–183, рис.6.

весь соседний дом, надежно датируется первыми десятилетиями УШ в. по найденной в кладке свода помещения 8 монете пенджикентской царицы²⁰ и по стратиграфически ясным наслоениям УШ в. на полах. Живопись датируется более ранним временем — УП в.

Арка ниши обрамлена архивольтом из обычных для согдийского орнамента листьев аканта. Под аркой на стене показан ковер из шкуры тигра с каймой из узорной ткани, украшенной кругами перлов. На восточной щеке арки показана вырастающая из сосуда виноградная лоза, на западной щеке — человек, как будто наливающий вино в хум, а над ним — тоже лоза. На торцовой стене ниши находилось изображение сидящего, откинувшегося и заложившего ногу за ногу, мужчины. Позади него видны гроздья винограда, впереди — чаша и еще какой-то предмет. В этом полуобнаженном человеке с толстым животом нетрудно узнать Силена или, вернее, местное божество с иконографией, близкой к иконографии этого греческого бога. Такое божество хорошо известно по согдийским, ферганским, хотанским, североиндийским изображениям.²¹ В живописи помещения 12 того же объекта, т.е. главного зала исследуемого дома, в сцене пира один из пирующих держит в руках ритон в виде подобного Силена, в свою очередь, держащего над головой ритон.²² Сюжет росписи ниши не нов. Ее значение главным образом в том, что она позволяет отнести среднеазиатского "Силена" не просто к известным в Согде образам, но к числу богов, которым был посвящен особый культ. Помещение 21 — проходная прямоугольная комната, через которую попадали в квадратное и четырехколонное помещение 20. Это помещение по своей планировке очень похоже на обычные для Пенджикента квадратные залы, но отличается от них тем, что не имеет никакого декора. Две невысокие

20. А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г..., с.283.

21. В частности, довольно близкую аналогию дает серебряная чаша, найденная в Пенджабе. Я.И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, № 41.

22. Об этом изображении см. нашу статью в АРТ, вып.ХУ.

ниши в его гладкоштукатуренных стенах напоминают ниши, обычные в интерьерах мастерских и лавок, которые, однако, во-первых, были гораздо меньше по площади, а, во-вторых, широко раскрывались наружу в сторону улицы или площади. Надо впрочем учесть, что зальный характер помещения 20 сложился в результате перестройки и что первоначально оно имело только три стены. Восточная стена встроена между южной и северной. Она стоит на верхнем полу, отличается прокладкой гальки у основания и размером кирпича (33х?х10 см). Находки нескольких гирь в помещении 20 и соседних с ним также свидетельствуют в пользу предположения о том, что здесь в течение какого-то времени располагалась лавка, может быть капон, где развешивали зерно.²³ В помещении 20 на полу найдены гири в виде галек весом 2000 г, 2150 г, 2240 г. В надписях на них указан вес: "четыреста пятьдесят драхм", "четыреста восемьдесят пять" (в надписи есть поправки, первоначальный текст: "четыреста семьдесят семь"), "пятьсот". Из этих надписей следует, что весовая драхма была близка к аттической и к каноническому мискалю. В помещении 18 была найдена гиря с надписью "тринадцатиразовая" (вес 10 кг 400 г), а в помещении 21 — обломок гири.

На севере объекта раскапывалось сводчатое помещение 19 и начато соседнее с ним также сводчатое помещение. Над ними есть остатки построек второго этажа, в том числе помещение со следами живописи. Через второй этаж проходили на север в кухню, дворик и хозяйственное помещение, раскопанные в 1978 г. (помещение 51 объекта XXIII).

В кладке пахсовой стены помещения 19 найдена монета Вархумана, датирующая строительство не ранее середины VII в. В кирпиче свода того же помещения найдена весьма редкая монета династии северной Чжоу, выпущенная в 574 г. (определение Н.В.Ивочкиной). Помещение 19 имело антресоли и, видимо, было хранилищем.

23. Подобный капон ранее был обнаружен на объекте XVI: В.И. Распорова. Отчет о раскопках XVI объекта городища древнего Пенджикента в 1970 г. — АРТ, вып. X (1970 г.). М., 1973, с. 138-139.

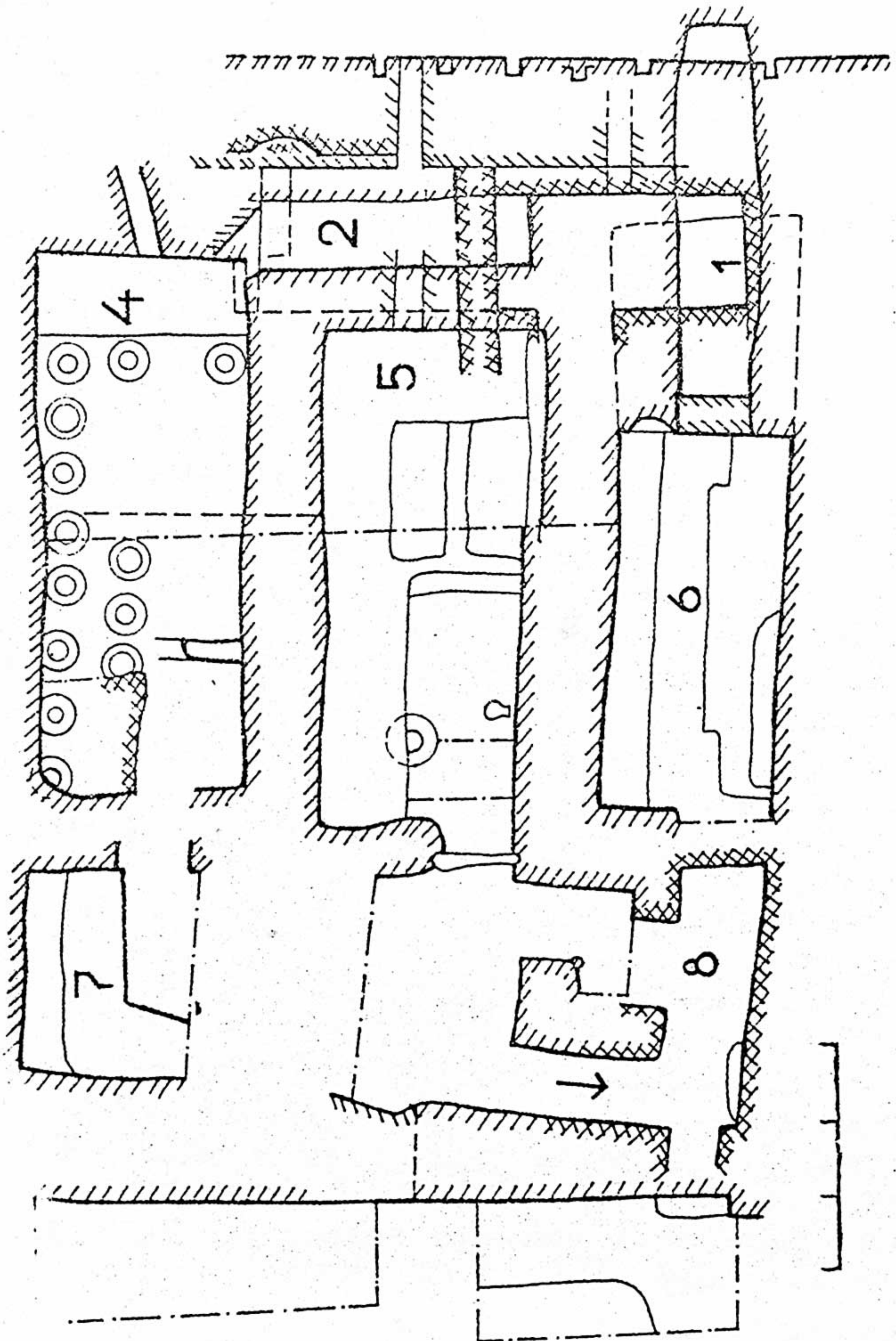

Рис. 8. Пенджикент. Объект XXUШ. План жилища у городской стены.

Домовладение, вероятно, возникло в результате соединения нескольких участков. Как единое целое оно сложилось около начала УШ в. Приблизительно в 740 гг. после запустения происходит восстановление с частичными перестройками. В третьей четверти УШ в. помещения I8,20,2I запустели и превратились в место свалки.

В восточной части города были в основном завершены раскопки двухэтажного жилища (рис.8) у городской стены - объект ХХУШ (руководитель Г.Л.Семенов). Это дом с параллельным улице вестибюлем, пандусом в его торце и тремя перпендикулярными вестибюлю помещениями. Все комнаты первого этажа сводчатые, и все они служили хранилищами. Кроме того, были две небольшие кладовые: помещение 2, служившее зернохранилищем, и узкий коридор, уходящий в толщу городской стены из помещения 6. Жилые комнаты находились на втором этаже. По монете Шишпира в кирпиче свода помещения 4 постройка дома датируется не ранее середины УП в. В конце УП-начале УШ в. дом был перестроен. В 740-770-е гг. безусловно использовали вестибюль, пандус и второй этаж. К концу этого периода уровень улицы подвинулся, так что вход пришлось перенести из вестибюля к началу второго марша пандуса. Из находок надо отметить согдийскую надпись тушью на кости. В.А.Лившиц читает этот текст, как согдийский алфавит.

В результате раскопок 1979 г. получены новые данные по ранней истории храмов и их архитектуре, а также по истории и конструкции городских стен. Существенные наблюдения сделаны по гидротехническим сооружениям. Особо надо отметить пополнение наших сведений по динамике развития жилой застройки и движению земельной собственности в раннесредневековом городе. Вновь обнаруженные росписи оказались не только прекрасными памятниками искусства, но и важным источником сведений по культам и сказаниям Согда. Нельзя не упомянуть и вновь найденные согдийские тексты, имеющие большое историко-культурное значение.

А.И.Исаков

РАСКОПКИ ТРЕТЬЕГО СЕЗОНА НА САРАЗМЕ (1979 г.)

В отчетном 1979 г. археологические работы на поселении Саразм были продолжены на раскопе II и III.¹ Их исследование было начато соответственно в 1977 и 1978 гг.²

РАСКОП II (рис. I). До начала работы площадь будущего раскопа была разделена на два сектора: северный и западный. Площадь северного сектора — 54 кв.м, западного — 152 кв.м. В свою очередь, эти сектора были разделены на отдельные большие квадраты 4x4 м. Далее раскопочные работы производились послойно с фиксациями отдельных находок и остатков элементов застройки, очагов, ям и линии стен.

Как и в предшествующие годы, в нынешнем сезоне на раскопе II удалось обнаружить остатки трех строительных периодов с отдельными линиями стен жилищ эпохи бронзы.

К первому периоду (Саразм III) на этом раскопе, как и в предшествующие годы, относится верхний культурный слой, где не прослеживалось остатков каких-либо стен. Однако в слое встречено, правда, незначительное количество, фрагментов керамики, различные каменные и костяные изделия. Среди них зернотерки, подпятник, терочник, лоцила. Полностью отсутствуют

1. Раскопки производились в следующем составе: помимо руководителя работ, автора отчета, старшие лаборанты Пенджикентской археологической базы Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР А.И.Исаков и У.Эшонкулов, архитектор Ленинградского зонального научно-исследовательского института экспериментального проектирования О.А.Туманов, шофер базы А.Султанов и 5 рабочих.

2. А.И.Исаков, У.Эшонкулов. Работы Косатарошского отряда. — АО, 1977, с.558. А.И.Исаков. Раскопки в Саразме. — АО, 1978, с.578.

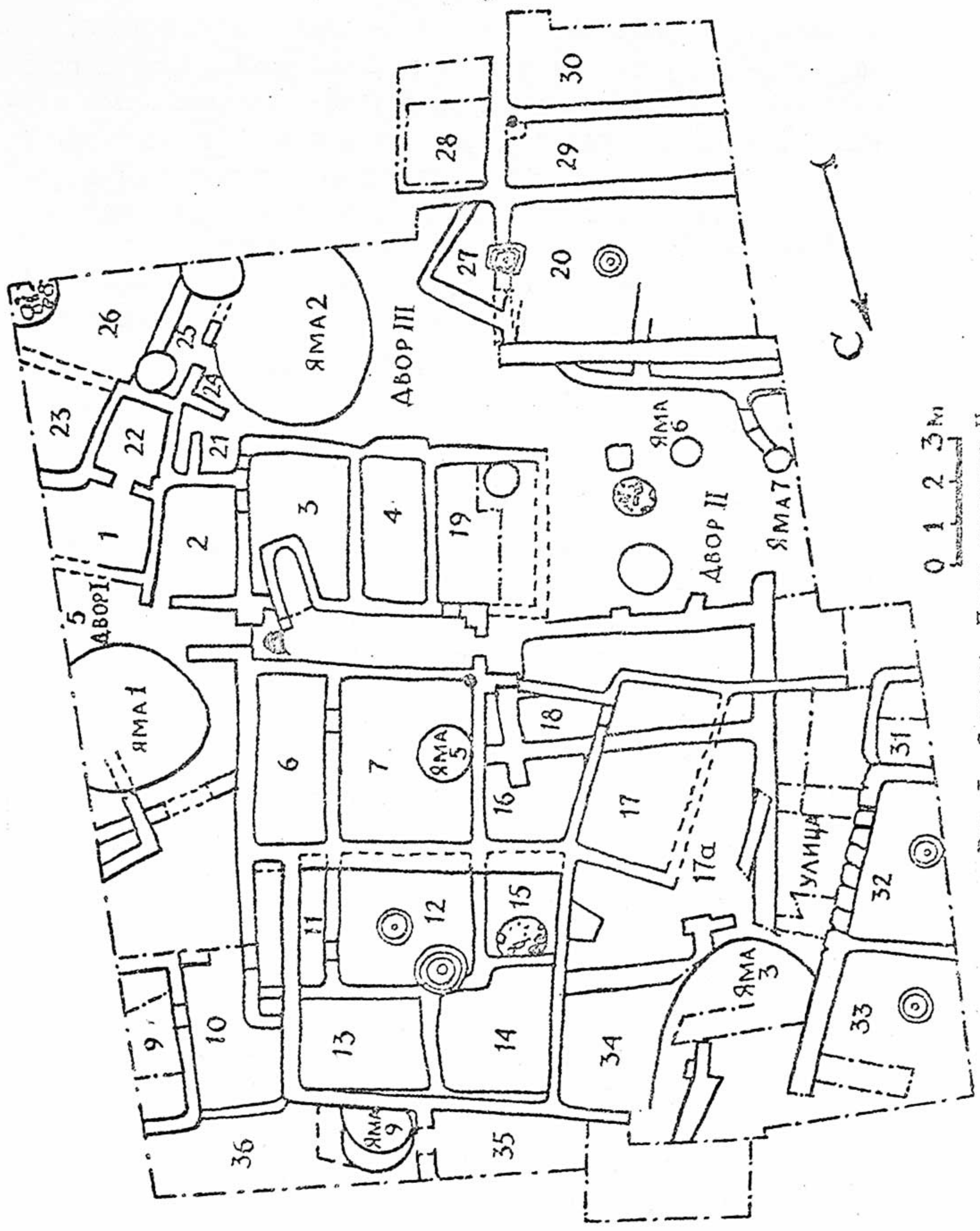

Рис. I. Саразм. План раскопа II.

металлические изделия. Завал от дневной поверхности до пола плотный, состоит из лесса с корнями трав и других органических остатков. В отдельных случаях прослеживаются крупинки известковых пород и древесного угля. Пол на глубине 20–30 см в ряде мест имеет обожженную до красноты поверхность. Поверхность пола в основной части площади раскопа отделяет верхний жилой горизонт от последующих.

Второй строительный период (Саразм II). Основные строительные остатки раскопа II относятся к этому периоду. В результате планомерного раскопа в двух упомянутых секторах были обнаружены и оцифрованы остатки 8 помещений. В западном секторе – пом. 20, 29, 30, 31, 32, 33, а в северном – пом. 35, 36. Соответственно с расширением площади раскопа, шире раскрылась и площадь двора II.

В северо-западной части раскопа обнаружен отрезок улицы. Она длиной 14 м, шириной от 2,25 до 1,25 м, вытянута с севера на юг. Отметим, что в будущем имеется возможность проследить расположение и планировку отдельных зданий вдоль улицы.

Раскопанные помещения делятся на три отдельно друг от друга расположенные группы комнат. Согласно установленной методике, мы разделяем их также на три самостоятельных комплекса. Помещение первого комплекса расположено в юго-западной части раскопа. Оно состоит из трех параллельно друг к другу расположенных помещений (пом. № 20, 29, 30). Ниже коротко представлены их описания.

Помещение 20. Оно прямоугольное, вытянутое в плане с запада на восток и является самым большим помещением раскопа II (5,5х3,5 м). Из стен удалось обнаружить северную, восточную и западную. Все эти стены сохранились на высоту от 20 до 55 см. Толщина стен равна 40–45 см. На поверхности стен хорошо сохранилась штукатурка, которая к полу плавно образует выкружку. Связывающий с другими помещениями проход не обнаружен. Возможно, он мог быть устроен в западной стене помещения, которую мы еще не раскопали.

Из других сооружений обнаружен круглый в плане очаг с бортиком и лункой посередине. Диаметр очага равен 30 см.

Центральная лунка стандартная, диаметр 18 см, глубина 16-17 см. Стенки очажной лунки сильно обгорелые. Если считать, что очаг выполнял функции культового сооружения, то помещение это, возможно, было культовым.

Помещение 29. Оно параллельно помещению 20, расположено к югу от последнего. В плане относительно узкое, напоминает вытянутый коридор размером 5,25х1,50 м. Из стен здесь также были обнаружены северная, восточная и южная. Все эти стены сохранились высотой до 45 см и имеют у основания такую же толщину. Некогда тщательно оштукатуренные поверхности стен сильно пострадали. Они прослеживаются лишь на отдельных местах поверхности северной стены.

Помещение 30. Это помещение раскопано не до конца. Судя по плану сохранившейся части, оно было также прямоугольное. В плане расположено рядом и параллельно с помещениями № 20 и 29. Возможно, что оно также является одним из крупных помещений этого комплекса и раскопа II в целом. Площадь его в раскопанной части равна 10 кв.м.

В этой части раскопа из жилищ второго строительного периода было начато вскрытие еще одного помещения (в плане № 28). Но оно пока вскрыто на незначительной площади.

К последнему жилому комплексу периода относятся помещения № 31, 32, 33. Эти группы помещений обнаружены в северо-западной части раскопа, к западу от упомянутого отрезка улицы.

Помещение 31. Оно расположено в южной части комплекса и привязано тоненькими стенками к более ранним стенам (пом. № 32), ввиду чего можно предположить, что помещение это появилось несколько позже и было включено в общий план комплекса. К юго-востоку от пом. № 32 улица сделала поворот на запад. Таким образом, пом. № 31 является самым крайним (южным) помещением этого комплекса.

Помещение 32. По устройству стен представляется, что оно, возможно, является центральным помещением комплекса. Одна из стен, восточная, обнаружена полностью, а две — северная и южная, отрезками. Первая стена толще других

(50 см). Она сложена из пахсы, разделенной на блоки, между которыми хорошо расчищаются швы. К сожалению, сохранилась лишь нижняя часть стен, высотой со стороны улицы 50-55 см, а изнутри помещения — 75-80 см. Стена эта со стороны помещения вертикальная и тщательно оштукатуренная. Две другие стены, толщиной 40-45 см, сохранились высотой до 50 см. Круглый в плане очаг с бортиком и с лункой посередине устроен почти в центре помещения. Однако ввиду того, что обследуемое помещение до конца не раскопано, пока трудно что-нибудь сказать о его назначении.

Помещение 33. Пока оно является последним помещением этого комплекса. Прямоугольное в плане помещение, расколочено с севера от пом. 32, располагаясь на одной оси с двумя (пом. 31, 32) помещениями. Размер раскопанной части равен 3x2,75 м. Из стен хорошо прослеживались восточная и южная. Первая из них значительно массивнее, чем вторая. Толщиной в 50 см она была сооружена, как и восточная стена пом. 32, из пахсы со швами. Южная стена, толщиной 45 см, возведена также из пахсы, но она не была разделена на отдельные блоки.

Северная, третья стена, обнаружена на небольшом отрезке. По сохранившимся у основания остаткам, можно представить, что она была значительно толще других (75 см). Судя по тому что западная часть этой стены полностью разрушилась, трудно представить ее устройство.

Здесь также был обнаружен круглый очаг с бортиком и лункой. Теперь вместе с очагами прошлых сезонов в раскопе II были найдены шесть круглых очагов с центральной лункой. На их назначения остановимся несколько ниже.

Отметим также, что полы помещений этой группы расположены на 25 см ниже поверхности улицы и на 35 см ниже полов помещения и дворов второго строительного периода. Завал всех трех помещений состоял из зольных прослоек и мусора с костями, камнями и сильно фрагментированными черепками. Судя по рельефу, площадь раскопа II и завалу сильно повышается; очевидно, это и сказалось на строительстве пом. 31-33, полы которых находятся относительно глубже по

сравнению с полами других помещений (№ 20, 29, 30) и уровня двора II, который также относится ко второму строительному периоду.

Третья группа помещений (пом. 35, 36) расположена к северу от пом. II и I2. Пока раскопана частично. По незначительно сохранившимся пахсовым стенам, можно предположить, что северная группа помещений сильно пострадала. Видимо, здесь в скором времени мы выйдем к незастроенной части поселения. Оба помещения были связаны между собой неширокими проходами. В юго-западном углу помещения 36 была обнаружена яма, заполненная золой.

Таким образом, раскопки помещений второго строительного периода дали весьма ценные сведения о характере строительного дела в эпоху бронзы. Застройка, обнаруженная в раскопе II, представляет отдельный крупный жилой массив поселения, часть планировки которого, очевидно, представляет улицы, переулки, дворы и жилые кварталы.

Из других элементов архитектуры второго строительного периода значительный интерес представляют круглые в плане очаги. В отчетном году, как уже отмечали, были найдены три очага, аналогичные очагам Южного Туркменистана.³

Третий строительный период (Сарази I). Это самый ранний период. Постройки этого периода были обнаружены под полами и стенами второго периода. В отчетном году нам удалось раскопать остатки еще двух помещений этого периода (в плане № 27 и 34). По сильно разрушенным стенам, очевидно связанным с последующими строительными работами, нам не удалось полностью очертить их со всех сторон. Тем не менее мы имеем факты о том, что жилые помещения раннего периода были возведены на материке без предварительных планировочных работ на неровной с покатым рельефом местности. Кроме того, по сохранившимся отрезкам стены упомянутых помещений, можно сказать о том, что в раннем периоде стены были мощнее, чем в последующем. Толщина ранних стен достигает 55-60 см с высоким порогом, появившемся с этого периода.

3. И.А. Ходяков. Модель круглого жертвенника из Яландже. — КСИА АН СССР, вып. 98, 1962, с. 48.

Любопытен тот факт, что этому периоду свойственна малочисленность керамики и других изделий. Однако и эти незначительные фрагменты весьма близки керамике верхнего второго периода.

В связи с этим, нам кажется, что оба нижних периода хронологически могут быть близкими друг к другу: их длительность — с начала до середины II тысячелетия до н.э. Что касается последнего периода, то он, возможно, относится ко второй половине II тысячелетия до н.э.

РАСКОП III (рис. 2). В отчетном году здесь было раскопано еще 6 помещений (№ 8, 9, 10, 11, 13, 14),⁴ расположенных к востоку и западу от анфилады (пом. 3, 4, 5, 6) и двух складских коридорообразных помещений (№ 1, 2). Помимо вышеуказанных, нам удалось продолжить раскопочные работы на северном и южном фасаде.

Помещение 8. Оно прямоугольное, размером 3,12x2,90 м, расположено к северу от пом. 7 и к востоку от пом. 5. Все стены возведены из сырца, размерами 58x26x11, 59x27x12. Поверхность стен оштукатурена. Стены сохранились высотой до 1,50 м. Два прохода с высокими глиняными порогами по восточной и западной стене связывают это помещение с коридором-вестибюлем пом. № 11 и с одним из помещений анфилады (№ 5). Завал плотный из обломков кирпича. Кроме фрагментов керамики, были найдены три мелкие бусины из лазурита.

Помещение 9. Размер 2,75x2,37 м, также прямоугольное. Расположено к северу от пом. 8 и к востоку от пом. 4. Здесь также два прохода. Первый, восточный, ведет в коридор (пом. 11), второй — в пом. 4. Оба прохода шириной 0,70 м, с высоким глиняным порогом. Однако плотный кирпичный завал, а у пола натечные прослойки, не содержали вещественного материала. Из стен, сохранившихся на высоту до 1,50 м, сильно пострадала восточная. Направление этой стены было определено у самого пола, где сохранились нижние ряды.

Помещение 10. Также расположено в одном ряду и параллельно пом. 8 и 9. Размер его равен 3x2,75 м. Но, к со-

4. Помещение № 12 в отчетном году полностью не раскопано, поэтому и не дается его описание.

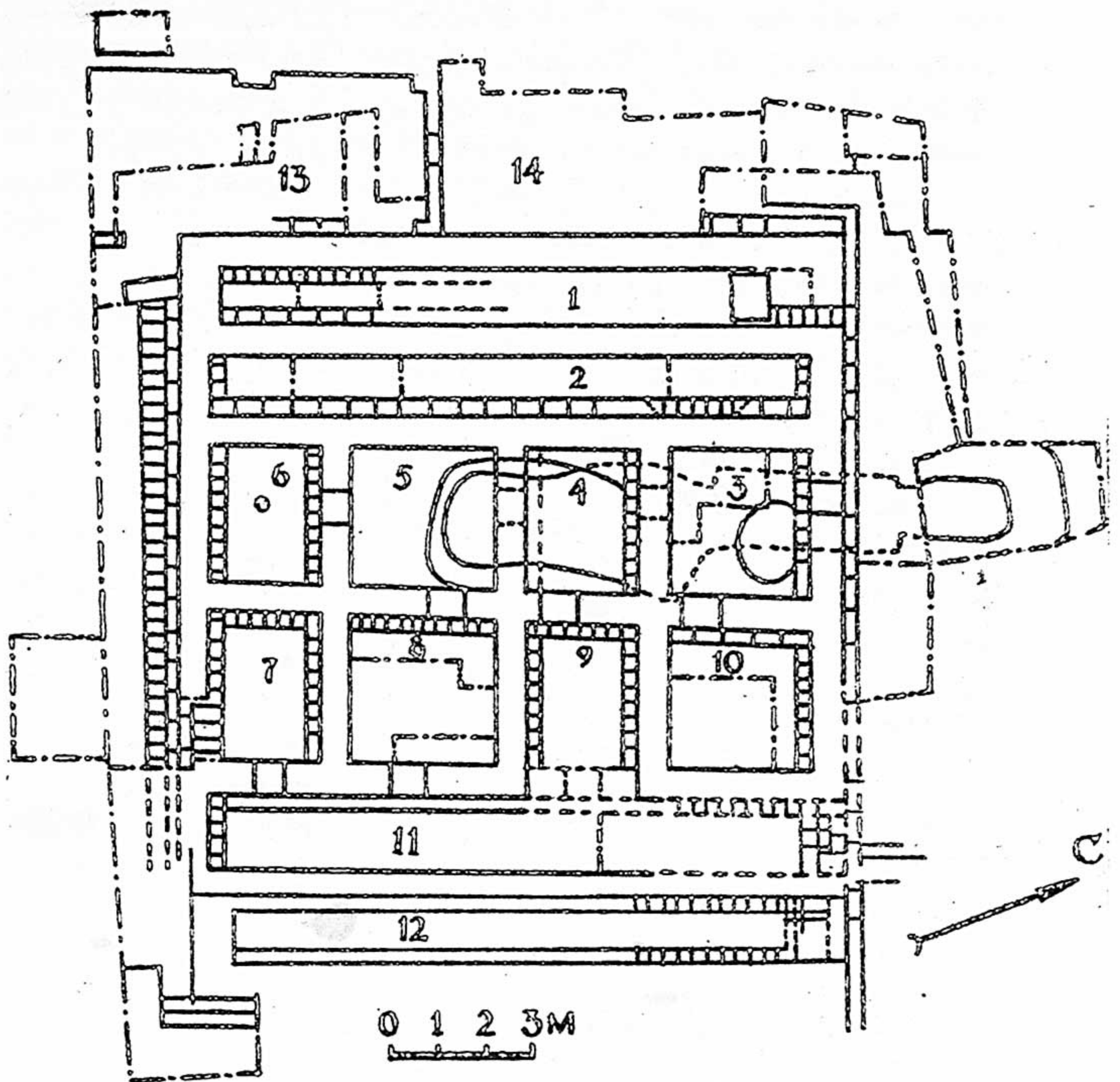

Рис.2. Саразм. План раскопа III.

личие от двух предшествующих, это помещение имеет лишь один проход и связано с пом. 3. Все четыре стены пом. 10 сохранились на большой высоте. Она колеблется от 1,30 до 1,70 м. Завал плотный, без каких-либо находок. Лишь на полу встречены десятки фрагментов керамики. Пол на отдельных участках имеет красный цвет. Здесь некогда разводился костер.

Помещение II. Это своеобразный коридор-вестибюль шириной 1,20 м, вытянут с севера на юг не более чем 13 м. Поскольку северная половина еще не раскопана, мы пока не можем полностью охарактеризовать устройство и назначение этого коридора. Возведенные из стандартного сырца для раскопа Ш. стены сохранились высотой от 60-70 см (южная стена) до 1,20-1,50 м (западная стена).

Еще два помещения (№ 13 и 14) были раскопаны в западной части раскопа Ш. Но полы этих помещений не соответствуют полам раскопанных в 1978-1979 гг. помещений. Данные раскопок показали, что эти помещения были застроены несколько позже и не имеют никакого отношения к помещениям здания с анфиладой.

Помещение 13. Оно прямоугольное, размером 7,25x3,10 м. Заполнение однородное, состоит из лесса. Лишь ближе к полу был встречен достаточно плотный завал из обломков кирпича. Обнаружены три линии стен: западная, восточная и северная. Южная разрушилась до основания. Все остатки стен сложены из сырца на саманном растворе. Западная стена сохранилась также очень плохо. Высота ее колеблется от 70 до 20 см. По середине западной стены внутри помещения обнаружен плотно приставленный к стене прямоугольный контрфорс размером 50x60 см. Восточная стена сохранилась на высоту от 0,80 до 1,10 м. Северная стена сохранилась на незначительную (60 см) высоту. Почти посередине этой стены расположен проход шириной 50 см с глиняным порогом (20 см).

Помещение 14. Оно расположено к северу от пом. 13. Обнаружены пока две стены: южная с проходом, о которой уже писали, и восточная, которая является западной стеной пом. I.

При зачистке полов (которых обнаружено два) были установлены строительные периоды двух упомянутых помещений. Най-

более ранний пол соответствует полам помещений здания и расположен на глубине 20 см, ниже полов пом. I3 и I4. Во время существования анфилады и других помещений к западу от них на месте пом. I2 и I3 был расположен неизвестный нам пока по площади двор. Затем, несколько позже, этот двор был слегка утрамбован и приподнят на 20 см, на котором и были построены обнаруженные нами пока два помещения.

В связи с этим установили также процесс существования и ряда других помещений этого здания. Вероятно, с появлением застройки последующего этапа (пом. I3 и I4) два коридора (пом. I и 2) и культовое помещение (пом. 6) были превращены в свалку, с большим скоплением золы, а в помещении 6 кроме зольных скоплений, мусора с костями животных и фрагментами керамики найдены два детских скелета в хаотически разбросанном виде, смешанные с мусором.

Зачистки южного и северного фасада показали, что здание, обнаруженное в раскопе III, с севера и юга имеет фасадные стены, выполнявшие роль крепостных. Эти стены в северной части раскопаны на 7,50 м, а в южной — на 8 м.

По характеру сооружения помещения раскопа III сильно отличаются от помещений раскопа II. Стены помещений последнего сложены из пахсы, в то время как стены помещений раскопа III возведены из сырца вышеуказанных размеров. Кроме того, если помещения раскопа II устроены без предварительного архитектурного плана, то застройки раскопа III появились по заранее продуманному плану, где были учтены симметричность помещений и фасадов здания.

КУЛЬТОВЫЕ ОЧАГИ. Из обнаруженных архитектурных деталей третьего периода интерес представляют устроенные на полу помещений очаги. Один — обычный подковообразной формы, с высокими стенками. Другие очаги — иного типа. Они расположены в середине комнат и представляют собою круглые в плане сооружения с бордюром по краям и с глубокой лункой посередине (рис. 3). Очаги этого типа хорошо известны по памятникам эпохи энеолита и бронзы Геоксюра и Айнадепе Южной Туркмении.⁵

5. В. И. Сарияниди. Культовые здания поселений аяауской культуры. — СА, № I, 1962, с. 49-51; И. И. Хлопкин. Модель круглого жертвенника из Ялангачдепе. — КСИА АН СССР, вып. 98, 1964, с. 47.

Рис. 3. Саразм. Культовый круглый очаг.

В связи с находкой модели жертвенника на поселении Ялангачдепе И.И. Хлопца в качестве аналогии обратил внимание на круглые очаги Геоксюрского оазиса. В то время (1964 г.) такие очаги были известны в науке лишь по памятникам Южного Туркменистана, где их было найдено восемь. Теперь к этому числу можно будет присоединить и пять саразмских круглых очагов, которые однотипны с Геоксюрскими.

Относительно назначений помещений с круглыми очагами посередине в литературе было высказано мнение о том, что

в этих помещениях производились жертвоприношения с последующей кремацией жертв.⁶ Возможно, так и было в помещении № 31 поселения Геоксюр, где нижние части стен, пол, порог и круглый очаг сохранили следы некогда бушевавшего здесь сильного пожара.⁷ К тому же здесь к западу от диска (круглого очага — А.И.) были обнаружены обожженные кости от двух человеческих скелетов, а к востоку от диска — сожженная плетенка. Очажный диск в Саразме является как бы копией Геоксюрского, но на этом сходство кончается.⁸ Здесь, как уже отмечалось, кроме следов розовато-охряной краски поблизости очага в ряде мест пола и нижней части стенки, ничего не встречено. Однако возникает мысль, не является ли упомянутый цвет символом кровавых жертвоприношений при погребальных церемониях, которые исследователи называют "алтари-эсхары".

Круглые очаги со сквозным отверстием посередине были встречены в отдельных некрополях Греции.⁹ Но более близкие аналогии к очагам Геоксура и Саразма встречены в Юго-Западном Иране, в древней Сузиане.¹⁰ Один из очагов этого памятника был круглой формы, с бортиком по краям и отверстием посередине.

В литературе известно, что у древних индийцев круг — это движение и развитие. Земля представлялась подвижной и круглой. И этот круг — земной мир — противопоставлялся квадрату небесного мира. В древне-индийском религиозном сочинении "Шатапатха брахмане" (УП, I, I, 37) говорится: "Гархатья (круг) есть этот мир; а этот мир круглый". Возможно, саразмские и другие круглые очаги имели свою символику, неизвестную пока нам.

Вещественные находки. Они представлены в значительном количестве. Помимо многочисленных фрагментов расписной и нерасписной керамики в отчетном году были найдены ряд бронзовых, костяных и каменных изделий.

6: И.А. Хлопин. Модель круглого жертвенника... с.49.

7: В.И. Сараян и др. Культовые здания... с.50.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же.

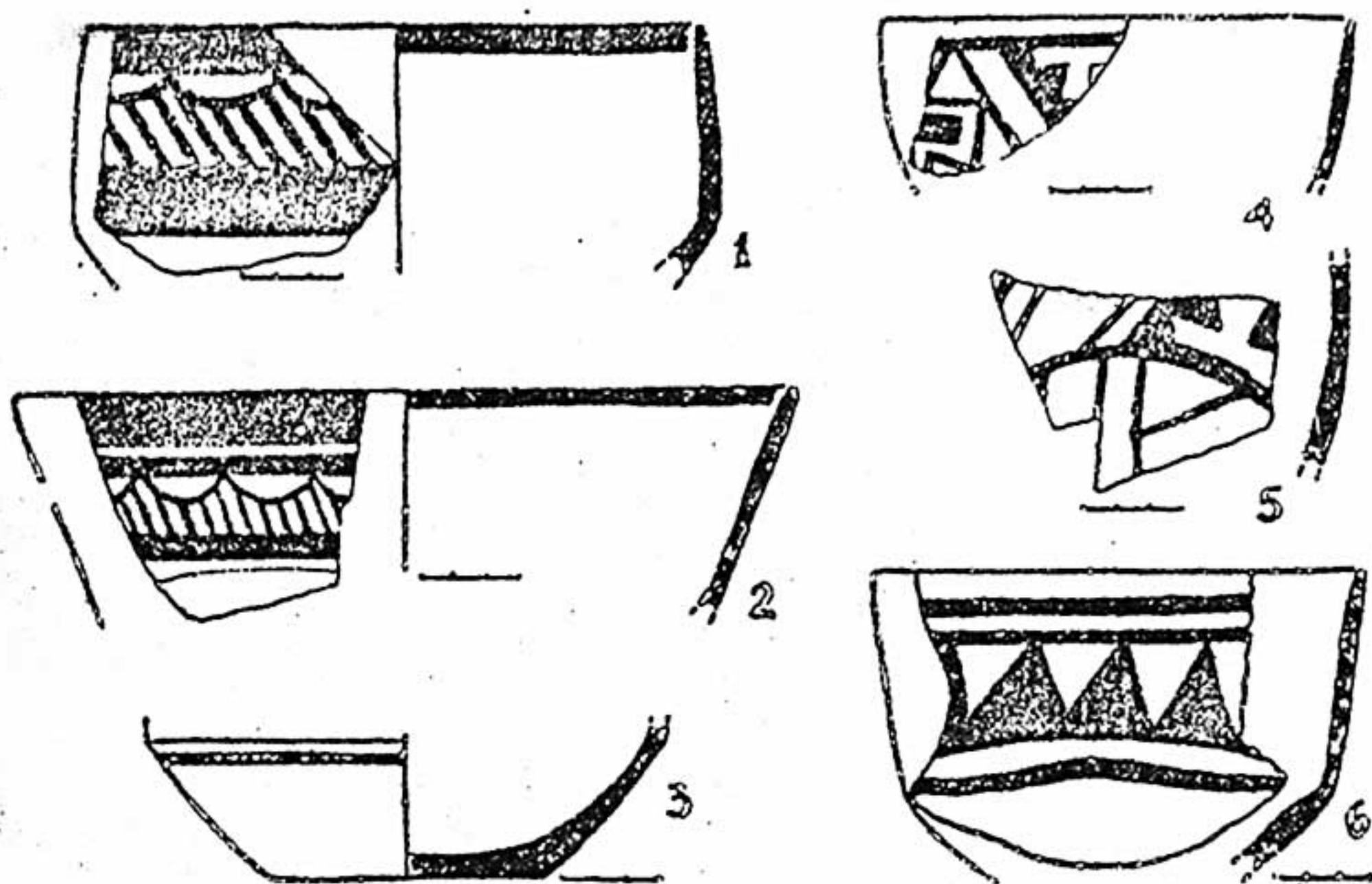

Рис. 4. Саразм. Расписная керамика: 1, 3, 6 - монохромная; 2, 4, 5 - полихромная.

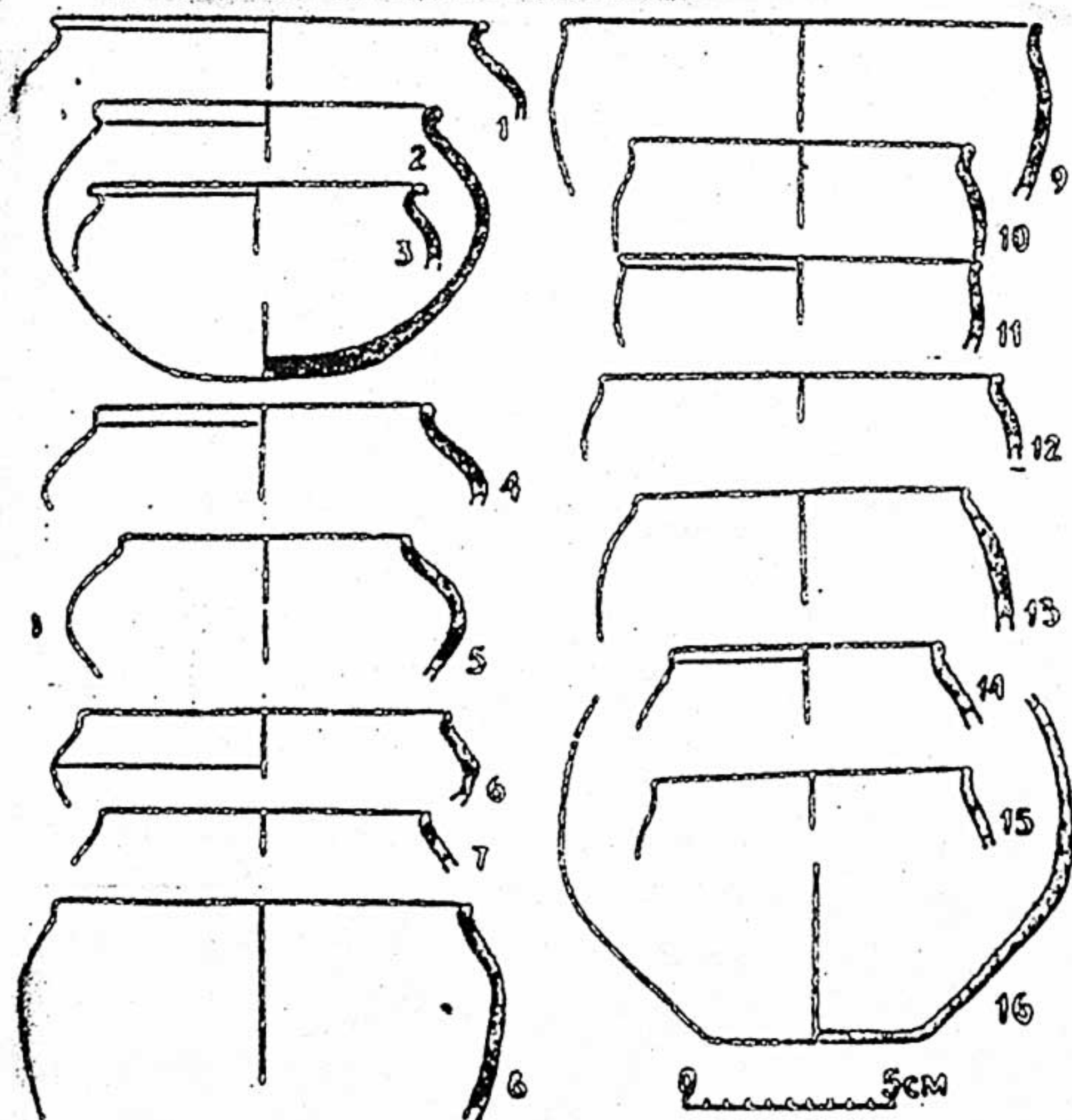

Рис. 5. Саразм. Нерасписная керамика: 1-7 - горшки; 8-16 - котлы.

Керамика (рис. 4, 5). По своему характеру она делится на полихромную и монохромную. Первая группа керамики — полихромная; здесь орнамент темно-коричневый и темно-розовый, красный, нанесен по красноангобированному и светлому фону. Вторая группа керамики монохромная, где темно-бурая краска нанесена на светлый фон. Все представленные расписные фрагменты керамики Саразма имеют весьма широкие аналогии с керамикой южнотуркменского комплекса; прежде всего, с керамикой Намазга IV.^{II} Отдельные полихромные росписи с треугольниками и пиловидными орнаментами внутри прямоугольника сближаются с керамикой верхних слоев Геоксюра^{I2} и Карадеде.^{I3}

Кроме того, было много фрагментов нерасписной керамики. От расписных они отличаются помимо прочего цветом и фактурой теста. Наряду с крупными хумами можно встретить различные формы котлов, горшков, мисок, чаш и других миниатюрных сосудов. Нерасписная керамика изготовлена из светлой, красной, серой и черной глины. В соответствии с фактурой поверхность посуды ангобирована. Почти половина сероглиняной и черноглиняной керамики столового назначения покрыта двухсторонним лощением. Отдельные экземпляры красноглиняных чаш покрыты красным или темно-красным ангобом, некоторые из них лощением доведены до зеркального блеска.

Бронзовые изделия (рис. 6). Саразмское поселение отличается от других древнеземледельческих памятников Средней Азии многочисленностью находок бронзовых изделий. В настоящее время (с учетом случайных находок) мы имеем 30 экземпля-

II. Б.А. Д и т в и н с к и й. Намазгадеде по данным раскопок 1949-1950 гг. — СЭ № 4, 1952; Б.А. К у ф т и н. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. — Тр. ЮТАКЭ, т. УП. Ашхабад, 1956; В.М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина. — Тр. ЮТАКЭ, т. УП, табл. XXXI, 7 и XXXII, 13.

I2. В.И. С а р и а н и д и. Энеолитическое поселение Геоксюр. — Тр. ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, с. 270, табл. III, IV и V.

I3. В.М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении, с. 346, табл. XX, XXI.

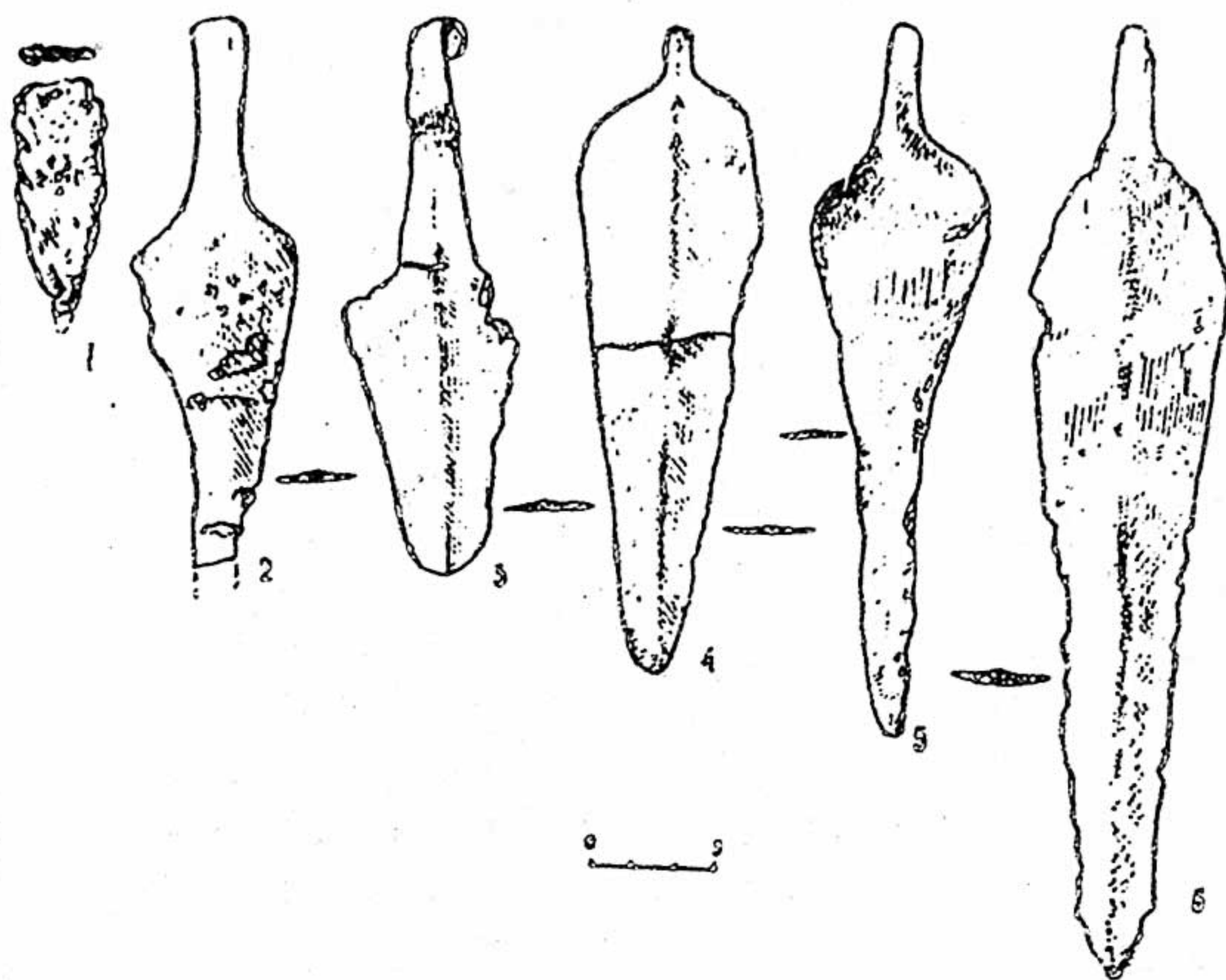

Рис. 6. Саразм. Бронзовые изделия: 1, 4-6 - ножи; 2, 3 - кинжалы.

ров различных предметов. В отчетном году были найдены 3 экземпляра двухлезвийных ножей, 2 кинжала, спица, булавка и рыболовный крючок.

Костяные предметы. Как и в предшествующие годы, при раскопке упомянутых объектов Саразма были найдены десятки экземпляров костяных изделий. Они представлены в виде пробойника и иглы. Материалом для изготовления упомянутых предметов служили трубчатые и бедренные кости баранов и коз. Среди предметов из костей встречено два экземпляра рогов горного козла, джейрана. Они также имеют заостренный конец со слегка зашлифованной поверхностью. Многие другие предметы этого рода сильно пострадали.

Каменные изделия представлены грузилами различного веса, на которых имеются поперечные и продольные желобки для прихвата, ступки, песты, навершия булав, пряслиц, зернотерки, терочники, подпятники дверей и т.д. В отчетном году были найдены еще две гири. Одна из них также дисковидная, а

вторая имеет подпрямоугольную форму. В отличие от предшествующих гирь¹⁴ две последние изготовлены из пород известковых камней.

Среди каменных изделий особое место занимают каменные сосуды. Найденны более 10 фрагментов венчиков и днищ каменных чаш, из которых две археологически целые. Именно по двум последним находкам нам удалось представить первоначальную форму и других находок такого рода. Таким образом, каменные чаши Саразма делятся на два типа: конусовидные с плоским дном и полусферические. Первый тип чаш с различным диаметром (от 10 до 20 см) изготовлялся из так называемых жилчатых мраморовидных камней. Их поверхность с двух сторон тщательно отшлифована. Второй тип чаш (диаметром до 11 см) более миниатюрные. Одна такая чаша изготовлена из серо-дымчатого цвета мрамора. Двухсторонняя аккуратная шлифовка придавала сосуду тонкость и блеск.

Предварительно решен вопрос с хронологией памятника. Представленный для радиокарбонной датировки уголь из-под пола помещения 2 раскопа III дал возраст 3790 ± 80 , или 1840 г. до н.э. (шифр ЛБ-1420).¹⁵ Эта датировка говорит о том, что поселение Саразм является одним из древнейших памятников Среднеазиатского междуречья.¹⁶ Известны в науке памятники эпохи бронзы этого региона: Чуст - конец II - начало I тыс. до н.э.; могильник "Тигровая Балка" - 900 ± 60 до н.э. (ЛБ-715); Сапаллитепа 1380 ± 60 до н.э., 1690 ± 90 до н.э. (ЛБ-916). Добавим дату Дашли I (ЛБ-975) - 1570 ± 45 . Однако нам кажется, что полученная дата еще не является окончательной датой исследуемого памятника. Дело в том, что среди вещественных находок, которые состоят из керамических, металличе-

14. До этого найденные две дисковидные гири были изготовлены из песчаника и гранита.

15. Следует заметить, что нельзя считать стратиграфически доказанным соответствие угля, найденного под полом помещения III, и собственно горизонтов бронзы Саразма, поэтому предложенную автором дату можно принять лишь условно (Ред.).

16. М.С. А с и м о в. Исследование этнической истории древней Центральной Азии (II тыс. до н.э.). - В кн.: Этнические проблемы древней истории Центральной Азии. М., 1970, с. 24.

жих и каменных изделий, встречаются материалы, имеющие широкие аналогии среди памятников материальной культуры Южной Туркмении, Ирана, Афганистана и Индии, датированных III тысячелетием до н.э.

Таким образом, Саразмское поселение представляется как новый центр культуры расписной керамики в центральной части Средней Азии. Население этого региона, бесспорно, является носителем высокоразвитой самобытной культуры с ярко выраженной этнокультурной спецификой.

Раскопки Саразмского поселения, где хорошо прослеживаются архитектура, материальная культура, характер и уровень развития хозяйства, являются бесспорным подтверждением факта о том, что носители культуры ираноязычных племен, обитавшие на юге внешней Туркмении, на юго-востоке Узбекистана и в некоторых районах Северного Таджикистана — были оседлые земледельцы.

СЕВЕРО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Н.Н.Негматов

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАКЭ В 1979 г.

Северо-Таджикистанская археологическая комплексная экспедиция¹ Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР полевые работы 1979 г. проводила в составе Ходжентского, Куркатского, Шахристанского и Западно-Ферганского отрядов и продолжала раскопки ряда памятников античного и средневекового периодов Ленинабадской области.

Ходжентский отряд² продолжал раскопки на Арке цитадели Ходжента-Ленинабада, где вскрывались: а) культурный горизонт IУ южного Раскопа I с остатками постройки из сырцового кирпича и пахсы; б) яруса ХХХ-ЛП нижнего горизонта Арка в Стратиграфическом шурфе № 29. На площади 100 м² Раскопа I расчищены четыре помещения, сложенные из пахсы и сырцового кирпича (25x25x5 см), время функционирования которых по стратиграфическому залеганию и керамическому материалу с полов отнесено к середине ХУI в. Сбросовые ямы, спущенные сверху, с культурного горизонта Ш, дали комплекс гончарной продукции середины ХУП в. В итоге здесь получена возможность составления хронологической колонки керамического производства периода позднего средневековья, а также истории жизни на Арке в этот период. Примечательны зафиксированные три стены в нижнем горизонте Стратиграфического шурфа № 29. Первая из них расчищена в пределах ярусов ХХХIХ-ХLIIУ. Она сложена из сырцового кирпича 57x34xII-12 см и

1. Начальник СТАКЭ — член-корреспондент АН Таджикской ССР, доктор исторических наук, профессор Н.Н.Негматов.

2. Начальник отряда — младший научный сотрудник Т.В.Белыева, младший научный сотрудник Э.М.Махамиджанова, студенты IУ курса ТашГУ им. В.И.Ленина Т.Мкртычев, Т.Дружинина, А.Дружина, студенты II курса ЛПИ им.С.М.Кирова Урзабаев, Гафаров, Абдурахимов, Кодиров.

покоится на галечной вымостке. Вторая стена из сырцового кирпича 57x37x13 см и приходится своим основанием на XLIX ярус. В кирпичи этой стены примешаны мелкорубленный саман и фрагменты керамики V—III вв. до н.э. Еще ниже выявлена третья более древняя стена, тело которой включает спрессованный мельчайший песок и лесс с вкраплениями мелкой керамики. Из такого же лессового спрессованного песка были оформлены кирпичи аналогичной стены ранее вскрытой под восточным фасом цитадели и датированной V—IV вв. до н.э. Три стены античного периода середины и второй половины первого тысячелетия до н.э. — убедительное свидетельство древнейших страниц истории Ходжента-Ленинабада.

Куркатский отряд³ продолжил исследования на двух объектах, расположенных к северо-западу от селения Куркат Науского района. На юго-восточном склоне горы Ширин выявлены и раскопаны очередные три склепа — X, XI и XII. В целом склепы аналогичны предыдущим, однако беднее краниологическими и другими находками. Первый склеп состоит из входной камеры и погребальной ниши, имеет у северной стены две вырубленные прямолинейные погребальные ниши — углубления, второй — однокамерный с неглубоким, почти метровой ширины погребальным углублением на полу вдоль основания всей южной стены, третий сохранился до нас в виде полуовальной площадки с рухнувшими стенами и сводом. В склепах обнаружены остатки от XI человеческих черепов и множество других костных остатков, предметы украшений (бусы, амулеты, железный наконечник стрелы). На городище Ширин I раскопками начато выявление мощной внутренней крепостной стены, отделявшей особо укрепленный северный внутренний комплекс построек от остальной южной части городища. Стена сложена из крупных глинобитных блоков толщиной 2,3 м при сохранившейся высоте 3,1 м.

3. Начальник отряда — старший научный сотрудник, кандидат исторических наук А.К. Мирбабаев, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Ш.Т. Ксупов, младший научный сотрудник М.А. Абдурасулов, группа маршрутных рабочих, шофер Б. Малаев.

Шахристанский отряд⁴ продолжал раскопки городища Калаи-Кахкаха I, расположенного близ пос. Шахристан Уратюбинского района. В отчетном году был расширен раскоп УII в центральной части городища на южном холме пологой возвышенности, протянувшейся от северной городской стены к южной, и заложен новый раскоп УIII на северном холме этой же возвышенности.

Работами на раскопе УII в 1977—1979 гг. была выявлена и околонтурена часть внутренней городской стены толщиной 3,8 м и вскрыто примыкающее к ней помещение при глубине культурного слоя 1,6—2 м. Стена выполнена комбинированной кладкой: в своей нижней части — из небольших пахсаблоков, а в верхней — из кирпича-сырца.

В ходе работ было выявлено два строительных периода: нижний, относящийся к УI—УIII вв., и верхний — IX—XII вв. Культурный слой нижнего строительного периода выявлен в примыкающем к пахсовой стене помещении и беден находками. Из керамических находок найдены целая миска, фрагмент тулова кружки с сохранившейся ручкой, фрагменты мелких красно-ангобированных блюдец и несколько венчиков кухонных горшков. Для культурного слоя верхнего строительного периода характерен мощный завал из сырцовых кирпичей (часто лежат целыми пластами), который начинаясь от уровня дневной поверхности, достигает забутованной поверхности и включает многочисленные следы пожара и разрушений. В завале найдена головка женской терракотовой скульптуры, которую венчает высокий сложный убор с солярными символами и спускающимися по вискам лентами. В целом культурный слой верхнего периода весьма насыщен находками, в том числе четыре медные караханидские монеты и одна местного уструшанского чекава, фрагмент слива сосуда в виде стилизованной головы барана.

Раскоп УIII прорезал по ширине тело той же внутренней стены, которая, как предполагалось, делала городище двух-

4. Начальник отряда Н.Н.Негматов, младшие научные сотрудники З.А.Малаева и С.М.Мамаджанова, группа студентов-практикантов ЛПИИ им. С.М.Кирова, группа студентов-архитекторов ТПИ, шофер Б.Малаев.

частным. Здесь работа еще не завершена. Выявленная пока высота стены — 2,4 м. Полученный разрез стены хорошо фиксирует ее разрушения, соответствующие двум этапам функционирования и последующие ремонты.

Таким образом, на объектах УП и УШ устанавливается наличие внутренней фортификационной стены, делящей городище Калаи Кахкаха I на две части, а также существование пристенных строительных остатков на объекте УП. Зачищенная пахсовая стена раскопа УП и поперечный разрез другого отрезка той же стены раскопа УШ, характер культурных напластований на этих раскопах позволяют сказать, что это остатки одной и той же стены. На основе анализа керамического материала и монет общие хронологические границы культурного слоя на объектах УП—УШ колеблются в пределах раннего и развитого средневековья — VI—XII вв.

Западно-Ферганский отряд⁵ продолжал раскопки второго строительного горизонта холма Тиркаштепа в районе пос. Табошар Ходжентского района, где ранее почти полностью был вскрыт интересный архитектурный комплекс замкового типа IV—VI вв. н.э. Это почти квадратное в плане многокомнатное с большим залом здание (21,5x20,5 м) с угловыми округлой формы башнями с щелевидной формы бойницами и массивными наружными стенами с расположенными в шахматном порядке сквозными стрелевидной формы бойницами. Основные работы отчетного сезона были проведены в южной части объекта, за внешней стеной замка. Здесь предполагаемого коридора вдоль южной стены замка и прорубленного входа в него не оказалось. Все межбашенное пространство (между башнями № I и № 3) было занято вновь возведенной и приставленной вплотную к южной стене замка кирпичной стеной с поверхностью, покрытой толстым слоем белой алебастровой штукатурки. В стене имеются расположенные в шахматном порядке узкие щелевидной формы ложные бойницы с

5. Начальник отряда — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Е.Д.Салтовская, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук У.П.Пуллатов, младший научный сотрудник Р.З.Авзалов, художник В.К.Джумаев, группа студентов-практикантов историко-филологического факультета ЛПИ им. С.М.Кирова, группа маршрутных и местных рабочих, шофер Б.Малаев.

оштукатуренными белой ганчевой обмазкой боковыми стенами. Были зафиксированы ремонтные работы, связанные с башней №1. Вокруг нее в радиусе 3 м от старой стены, вплотную примыкая к ней, построена новая кирпичная стена, выполняющая роль кожуха-обкладки, покрытая слоем белой ганчевой обмазки. В 3 м к югу от восточной половины стены с ложными бойницами частично вскрыто интересное по конфигурации помещение, скорее относящееся к хозяйственно-кухонным постройкам дворика.

Таким образом, СТАКЭ вскрыты впервые части стен середины и второй половины первого тыс. до н.э. под Арком цитадели древнего Ходжента, почти полностью вскрыт выдающийся архитектурно-фортификационный многокомнатный комплекс замкового типа второго строительного горизонта холма Тиркаштепа раннесредневековой горной области Илак, изучен ряд новых скальных склепов горы Ширин Северной Уструшаны, выявлены остатки внутренней городской стены городища Калаи Кахкаха I — шахристана столицы Уструшаны города Бунджиката.

Особенно выдающиеся сенсационные находки сделаны в 1979 г. в гравийных карьерах ложи речки Исфарасай близ с. Рават работниками завода ЖБК-5 г. Исфара во главе с Х.С. Киллоевым. Это две уникальные в археологии Средней Азии великолепно выполненные головы горных баранов от крупных в натуральную величину бронзовых скульптур животных, 18 разновесных железных криц с удлиненными петлевыми ручками для подвешивания и железный кинжал сакского (скифо-сарматского) облика, ориентировочно второй половины I тыс. до н.э.

В целом полевые работы 1979 г. дали значительный материал по истории, фортификации и культуре Таджикистана.

В полевых работах СТАКЭ кроме коллектива научных и научно-технических работников Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР приняла участие большая группа студентов-практикантов отделения истории, историко-филологического факультета Ленинабадского государственного педагогического института им. С.М. Кирова во главе с кандидатом исторических наук, доцентом С.Ш. Марафиевым.

Уже опубликованные краткие информативные заметки об исследованиях СТАКЭ⁶ воспроизведены в помещенных ниже в сборнике статьях руководителей отрядов и групп экспедиции.

6. Т.В. Б е л я е в а. Новые результаты работ на Ходжентском Арке. - Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980; А.К. М и р б а б а е в. О работах Курнатовского отряда СТАКЭ. - Там же, с.474; Н.Н. Н е г м а т о в. Раскопки на городище Калам Кахкаха I. - Там же, с.475; Б.Д. С а л т о в с к а я. О работах Западно-Ферганского отряда СТАКЭ. - Там же, с.478.

Н.А.Москаленко

ШАХРИСТАНСАЙСКИЙ ПАЛЕОЛИТ (к постановке проблемы)

Первым указанием о следах деятельности первобытного человека в районе Шахристана (Ура-Тюбинского района, Лени-набадской области) была крупная пластинка из белого сильно патинизированного кремня. Она находилась в дверном проеме одного из помещений и была обнаружена в ходе раскопок средневекового замка Уртакурган в 1958 г.¹

Затем последовали находки, состоящие из нескольких обработанных кремней, собранных В.Я.Сергиным на пахоте рядом с Уртакурганом.²

В 1961-1963 гг. В.А.Ранов открыл и изучил местонахождение Джаркутан, доставившее коллекцию из 670 номеров каменных изделий мустьерского времени.³ В эти же годы сотрудниками Актангинского археологического отряда были выявлены пункты и палеолитические изделия на междуречье Шахристан-сая и Янгиарька, на окраине селения Уяз, около селения Сарымсакли, на мысу Каримсая.⁴

Дальнейшие поиски следов деятельности первобытного человека в районе Шахристана были прекращены, хотя границы распространения выявленной здесь культуры окончательно не установлены.

1. Н.Н. Н е г м а т о в. Работы Ходжентско-Уструшанского отряда в 1958 г. - АРТ, 1958, ТИИ, т. XXII, Сталинабад, 1961, с. 120, рис. I, 3.

2. В.А. Р а н о в. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.

3. Т а м ж е, а также см.: В.А. Р а н о в, С.А. Н е с м е я-н о в. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973, с. 40-43.

4. Т а м ж е, с. 43.

Во время раскопочных работ СТАКЭ на Калаи Кахкаха в 1977 г. нами были случайно найдены два отщепа и скребло из темного песчаника. Находки залегали в линзе палевого суглинки, в траншее на глубине до одного метра. Техника обработки каменных изделий, их размеры и типология указывали на мустьерский возраст. Так начался второй этап поисков памятников каменного века на территории Шахристанского плоскогорья и окрестностях Калаи Кахкаха.

В сезоны работ СТАКЭ 1978 и 1980 гг. нами обнаружено 27 палеолитических местонахождений и пунктов, на которых собрано всего 310 каменных изделий мустьерского облика. Эти палеолитические местонахождения и пункты находятся на останках раннеплейстоценовых террас и приурочены преимущественно к обоим бортам р. Шахристансай. Поэтому выявленная здесь палеолитическая культура, своеобразие которой отличается от синхронных ей палеолитических культур, изученных в Таджикистане, условно названа Шахристансайской.

Собственно р. Шахристансай своими истоками уходит к северному водоразделу Туркестанского хребта. К северу от него раскинулось обширное Шахристанское плоскогорье, местами изрезанное постоянными и временными протоками, впадающими в Шахристансай. Как склоны Туркестанского хребта, так и прилегающая к ним оконечность Шахристанского плоскогорья, покрыты зарослями арчовника и другими дикорастущими.

Имеется целый ряд письменных источников, указывающих на то, что в раннем средневековье арчовники покрывали все предгорье Туркестанского хребта и вплотную подходили к нынешнему городу Ура-Тюбе. Лишь в X в., в связи с изменившимися климатическими условиями, арчовники отступили к югу.⁵

Надо полагать, что в плейстоценовую эпоху эти места, вероятно, изобиловали дичью, арчовыми лесами, дикорастущими кустарниками, водными источниками, были благоприятными для заселения первобытными людьми. В этой связи представляется неслучайным и то, что в районе Шахристана сконцентрирова-

5. Н.Н. Негматов, У.П. Гулатов, С.Г. Хмельницкий. Уртакурган и Термизактепа. — Материальная культура Уструшаны. Вып. 2. Душанбе, 1973, с. 32, прим. 34.

на хронологическая цепь археологических культур, начиная с первобытной эпохи и кончая средневековьем.

Самая многочисленная группа палеолитических местонахождений и пунктов приурочена в основном к Шахристанскому плоскогорью. Его северная оконечность ограничивается холмистой грядой, тянущейся с востока на запад. На данной холмистой гряде, соответствующей пятой и шестой надпойменным террасам р. Шахристансая, и находится в основном группа первобытных стоянок или временных охотничьих лагерей.

У подножий краевой высоты Термизактепа (ее абсолютная высота 1500 м) р. Шахристансай веерообразно разворачивается по молодому ложу Шахристанской котловины, а поэтому древние террасы здесь не сохранились. Лишь через узкие протоки, пересекающие горную гряду Кух, имеются выходы названной реки в Голодную степь. В предверии этих выходов сохранился целый ряд раннеплейстоценовых террас, но их чехлы перебиты, вероятно, более поздними осадками. Характерно, что у подножий этих террас встречаются рассеянные палеолитические каменные изделия, синхронные Шахристансайскому палеолиту. За пределами горной гряды Кух, уже на территории Голодной степи, имеется серия раннеплейстоценовых террас, но каменных изделий на них не обнаружено.

При установлении границ распространения Шахристансайского палеолита, по направлениям Север-Юг-Восток-Запад, установлены соответственно конечные пункты: Чашмасар-Калаисар, Новобод-Увак, приуроченные к р. Шахристансай территориально до 100 кв. км.

Однако это приблизительная территория распространения Шахристансайского палеолита. Вдоль северных, северо-восточных склонов Туркестанского хребта также сохранилась серия древних террас, идущих в сторону Ганчинского района. К сожалению, обследовать эти места, вплоть до Пролетарского района и селения Аучи-Калачи, в сезон 1980 г. не удалось. Отмеченные районы важны в том отношении, что в них, по имеющимся данным, можно проследить возможные связи, существовавшие в древности между Шахристансайским и Кайракумским палеолитом.

Результаты обследования 27 местонахождений и пунктов указывают на то, что все каменные изделия, собранные на них, находятся в переотложенном состоянии. Для установления геологической позиции собранных находок была выбрана несколько обособленная от остальных конусовидная высота, условно названная Калаикахкаха 7 (рис. I). Ее южное подножие

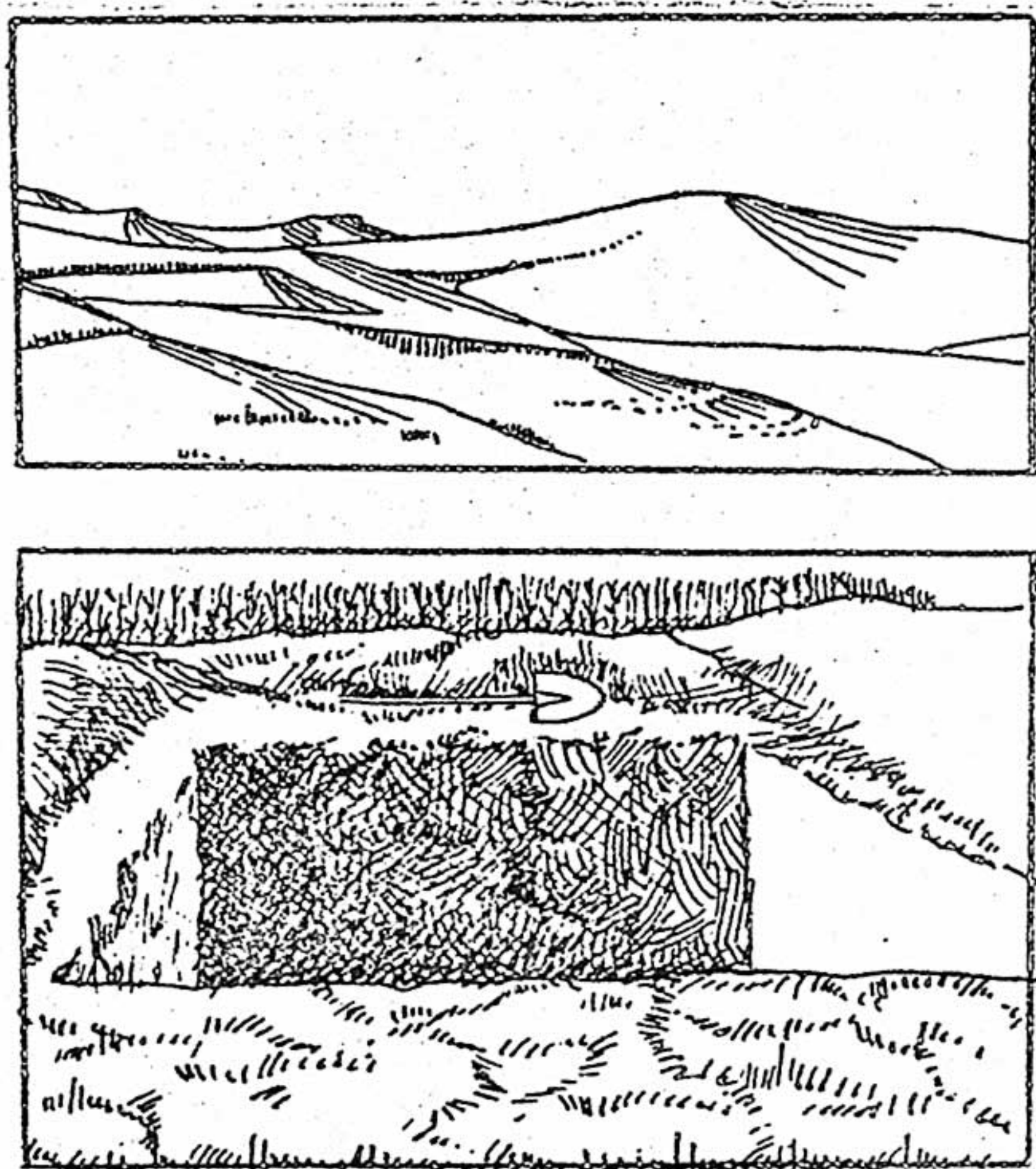

Рис. I. Шахристансайский палеолит. Калаикахкахинская 7 (вверху), шурф № I (внизу).

смыкается с местонахождением Калаи Кахкаха 6; северная, восточная и западная стороны, начиная от вершины к подножию высоты, имеют пологий спуск. На северной пологой стороне, близ вершины высоты (на вершине забит нулевой репер), были заложены три разведочных шурфа.

Шурф № I вытянут по линии север-юг в длину 3 м., по линии восток-запад в ширину 2 м. Отметка от нулевого репера до юго-западного угла 515 см., от нулевого репера до северо-западного угла 815 см.; глубина: от репера до выхода коренных пород в юго-западном углу 49 см., соответственно

в северо-западном углу — 101 см; в середине шурфа коренные породы выходят на глубине 150 см от речера.

Геологическая позиция двух культурных слоев в данном шурфе представлена следующим образом (снизу вверх).

1. Коренные сланцевидные породы углублены до 20 см.

2. Кора выветривания (эллювий) — 15 см. Она состоит из мелкой сланцевой шелухи с небольшими примесями розово-коричневых лессовидных частиц и угловатых зерен кварца. Аналогичная структура эллювия прослежена и в остальных шурфах.

3. Линза серо-коричневого лесса толщиной 35 см (в середине шурфа) перекрывает эллювий.

4. Уплотненная линза светло-серой супеси толщиной 25 см, перекрывающая серо-коричневый лесс.

5. Сланцевая осыпь толщиной до 5 см, состоящая из небольших угловатых и тонких обломков сланца, перекрывает светло-серую супесь.

6. Сверху осыпь подстилает до 5 см прослойка палевого суглинка, на который налегает культурный слой 2 толщиной 10–15 см. Последний перекрывается палевым лессовидным суглинком с конкрециями, толщиной 15–20 см.

7. На подстилающий палевый лессовидный суглинок налегает культурный слой I толщиной 5–10 см, поверхность которого перекрывается лессовидным суглинком серо-желтого цвета толщиной 20–30 см.

8. Гумусный слой, или дерновый слой до 5 см.

Каменных изделий в культурном слое 2 всего 15 шт. Из них: нуклеусов 2, один подпрямоугольный (серый песчаник), другой дисковидный (из белого кремневого мела); пластинчатых отщепов 2, одну из них — пластину с выемкой у основания — условно можно отнести к скреблу (рис. 3.3); отщеп в виде проколки (рис. 3.4). Остальные невыразительные обломки и отщепы.

Большой интерес вызывает угольная пыль и микроуголек, найденный у ее основания, а также плоская округлая закопченная галька, обнаруженная в 45 см от угольной пыли к северу. Закопченная галька лежала прямо на осыпи вместе с

ШАХРИСТАНСАЙСКИИ ПАЛЕОЛИТ

СХЕМА МЕСТАНАХОЖДЕНИЯ И ПУНКТЫ
НАХОДОК КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

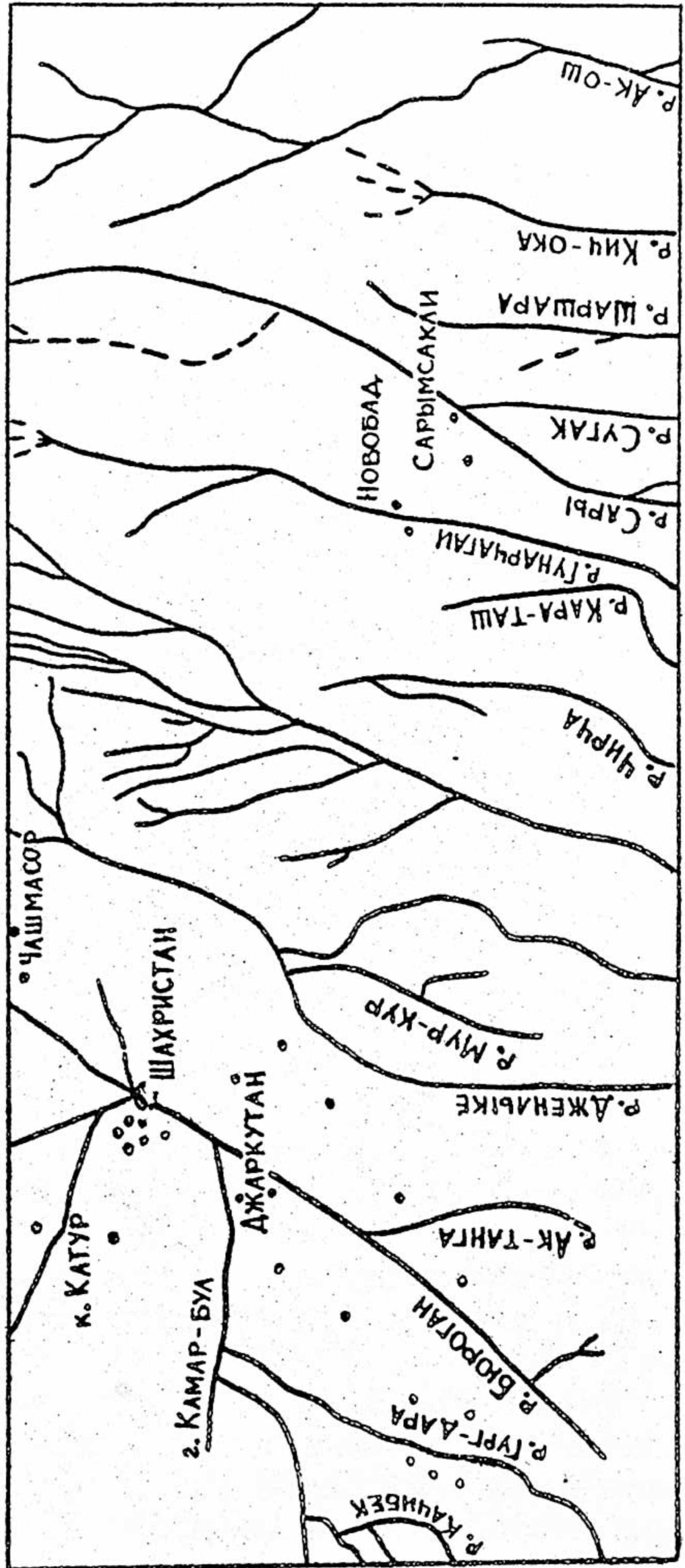

Рис. 2

отмеченным выше дисковидным нуклеусом. Диаметр гальки 10 см, толщина 2 см, с обеих сторон сохранились темные прокопченные пятна, указывающие на ее связь с огнем. Показательно, что аналогичные гальки часто встречались на Сай-Сайеде в горизонте 2. Причем здесь они, как правило, были связаны с очагом. Поэтому есть основания считать, что и на Калаикахкахинской стоянке 7 плоская галька имела какую-то связь с костриком. Диаметр последнего 20 см, его следы отмечены на глубине 65–70 см от современной дневной поверхности и, что очень важно, он был связан с культурным слоем 2 (рис. 4).

Каменных изделий в культурном слое I всего 5 шт. Из них только один очень выразительный отщеп треугольной формы, снятый с дисковидного нуклеуса (серый песчаник). Остальные три — невыразительные обломки из серого песчаника и один обломок из темного кремня.

Шурф № 2 выработан параллельно с шурфом № I, в 5 м к западу от него. Следует лишь отметить, что на глубине 20–30 см от современной дневной поверхности шурф № 2 сел на коренные породы. Каменных изделий в нем найдено 5 шт., один треугольный нуклеус из серого песчаника, одно поддисковидное скребло, один обломок треугольных очертаний и два пластинчатых отщепа. Отметим также, что указанные находки из шурфа № 2 залегали прямо на коренных породах, а сверху перекрывались палевым лессовидным суглинком; лессовидный суглинок серо-желтого цвета здесь не сохранился.

Шурф № 3 вытянут по линии север-юг в длину 220 см и по линии восток-запад в ширину 200 см, ниже шурфа № I и на расстоянии 430 см от него. Отметка от нулевого репера до коренных пород 163 см у юго-западного угла и соответственно у северо-западного угла 209 см.

Геологическая позиция двух культурных слоев в этом шурфе представлена снизу вверх в следующем.

Рис. 2. Шахристансайский палеолит. Стоянка Калаикахкахинская 7. Разрезы шурфов № I–3.

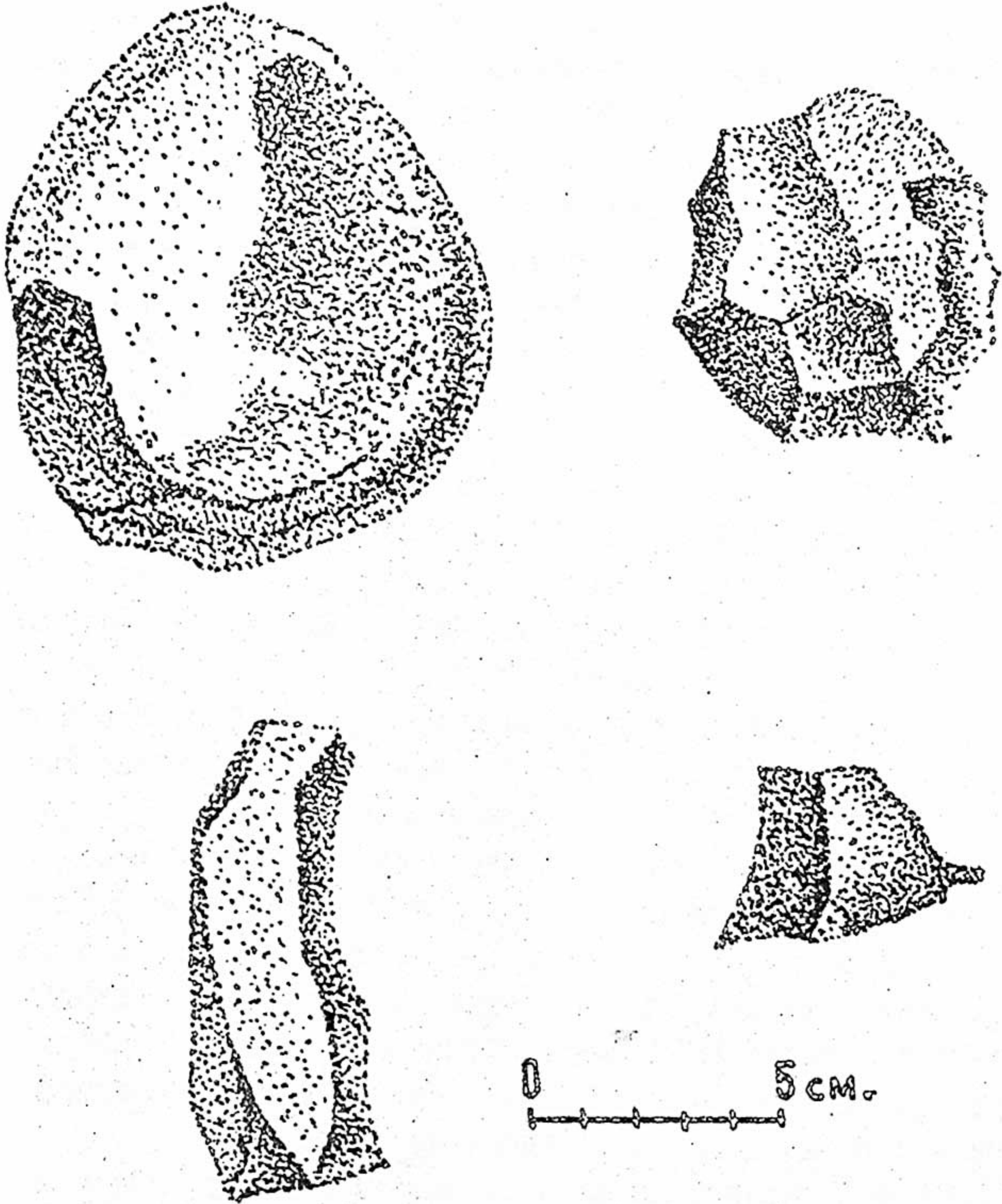
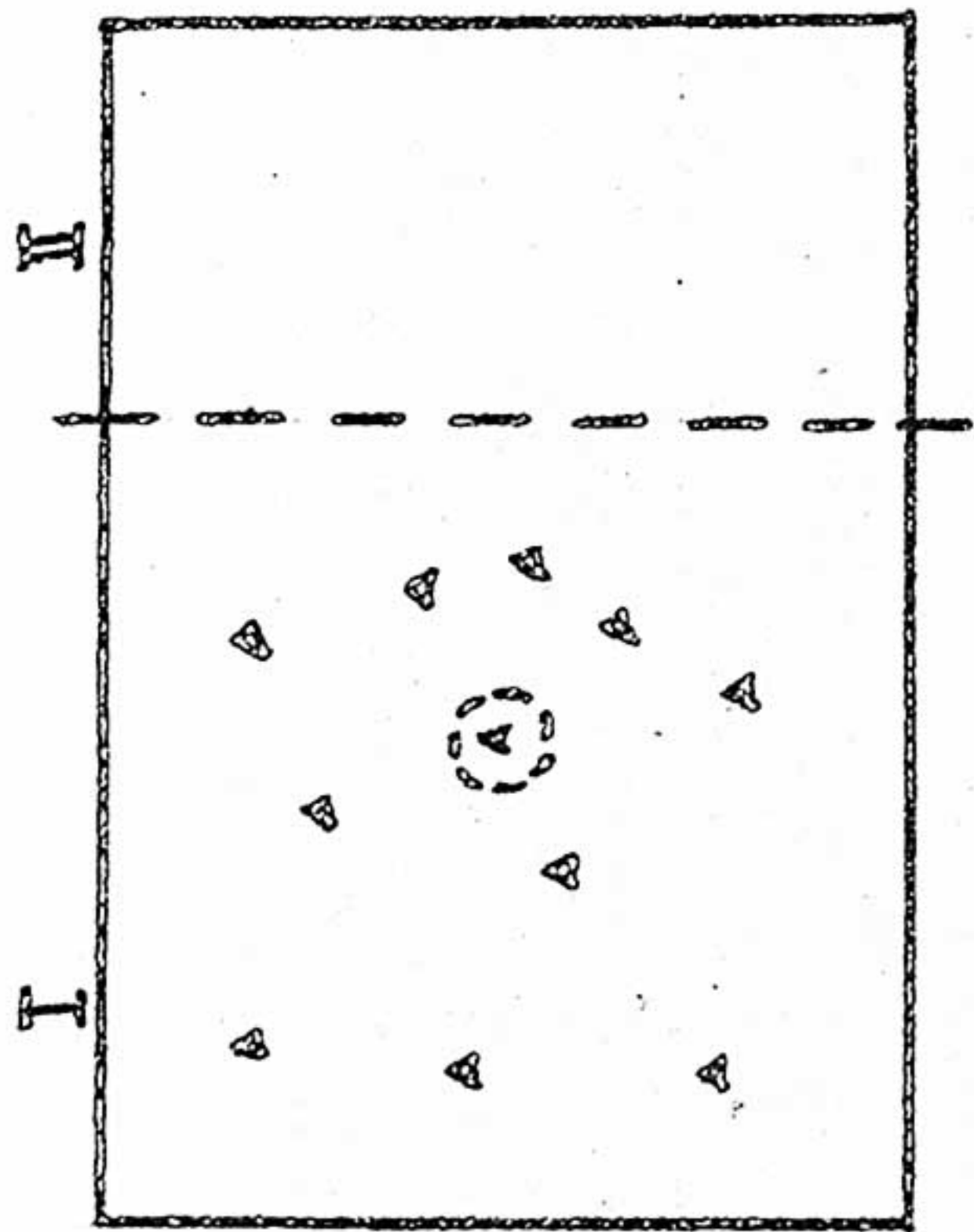
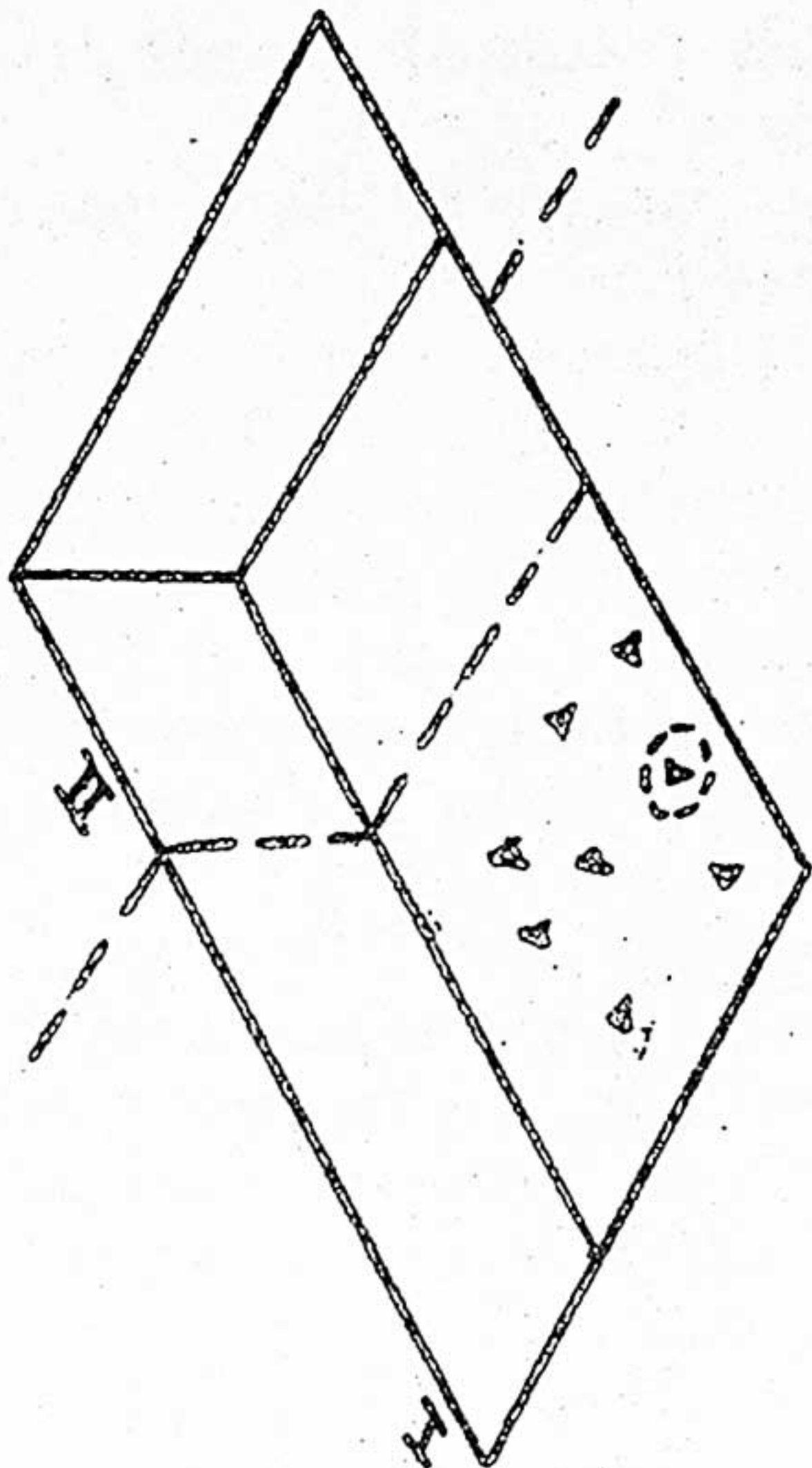

Рис. 3. Шахристансайский палеолит. Стоянка Калайках-
кахинская 7. Шурф № I. Каменные изделия.

АКСОНОМЕТРИЯ

ПОЛОЖЕНИЕ КОСТРИКА И КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ
НА КАЛАЙКАХКАХИНСКОЙ СТОЯНКЕ №7.

Рис. 4. Шахрестансайский палеолит. Стоянка Калайка-
кахинская 7. Щурф I. Очажное пятно и камен-
ные изделия вокруг него.

1. Коренные сланцевидные породы.

2. Кора выветривания (эллювий) у южной стенки шурфа — 30 см, у северной — 5 см.

3. Слой лесса серо-коричневого цвета толщиной у южной стенки шурфа 50 см, у северной — 75 см.

4. Слой палевого лессовидного суглинка толщиной у южной стенки шурфа 35 см, у северной — 50 см.

5. Культурный слой толщиной примерно 25–30 см.

6. Слой палевого лессовидного суглинка толщиной у южной стенки 20 см, у северной — 25 см.

7. Культурный слой I толщиной примерно 5–10 см.

8. Слой лессовидного суглинка серо-желтого цвета, у южной стенки 30 см, у северной — 15 см.

9. Гумусный или дерновый слой — 20–10 см.

Всего каменных изделий в культурном слое 2 выявлено 24 шт., из них нуклеусов 2, один — поддисквидный, другой — подпрямоугольный, причем оба из темно-серого песчаника.

Хорошо выраженный остроконечник левадуазского типа I шт. Это полупервичный скол пластины, на одной стороне которой со стороны спинки сохраняется валунная корка, а на противоположном выпуклом крае со стороны брюшка нанесена заостряющая ретушь (рис. 5.1).

Скребел встречено 5 шт., в том числе выемчатых 2 шт., одно выемчатое орудие со следами вторичной обработки (рис. 5.2–3). Пластина можно выделить 3 шт., пластинчатых и подтреугольных отщепов 8 шт., обломков и осколков 5 шт.

В слое I всего каменных изделий 9, из них: нуклевидных сколов, видимо, применявшихся в качестве скребел 2 шт., скребков 2 шт., отщепов 3 шт., осколков 2 шт.

В шурфе № 3 отсутствуют следы огня, по крайней мере достаточно отчетливо, но некоторые признаки указывают на его присутствие и здесь. Так, во время обработки каменных изделий со второго культурного слоя, в результате реакции раствора соляной кислоты на патину, на поверхность всплывали иногда сажистые частицы темного цвета. По-видимому, некоторая часть каменных изделий в древности находилась в углистом слое или побывала в огне, а образовавшаяся со временем патина законсервировала следы огня.

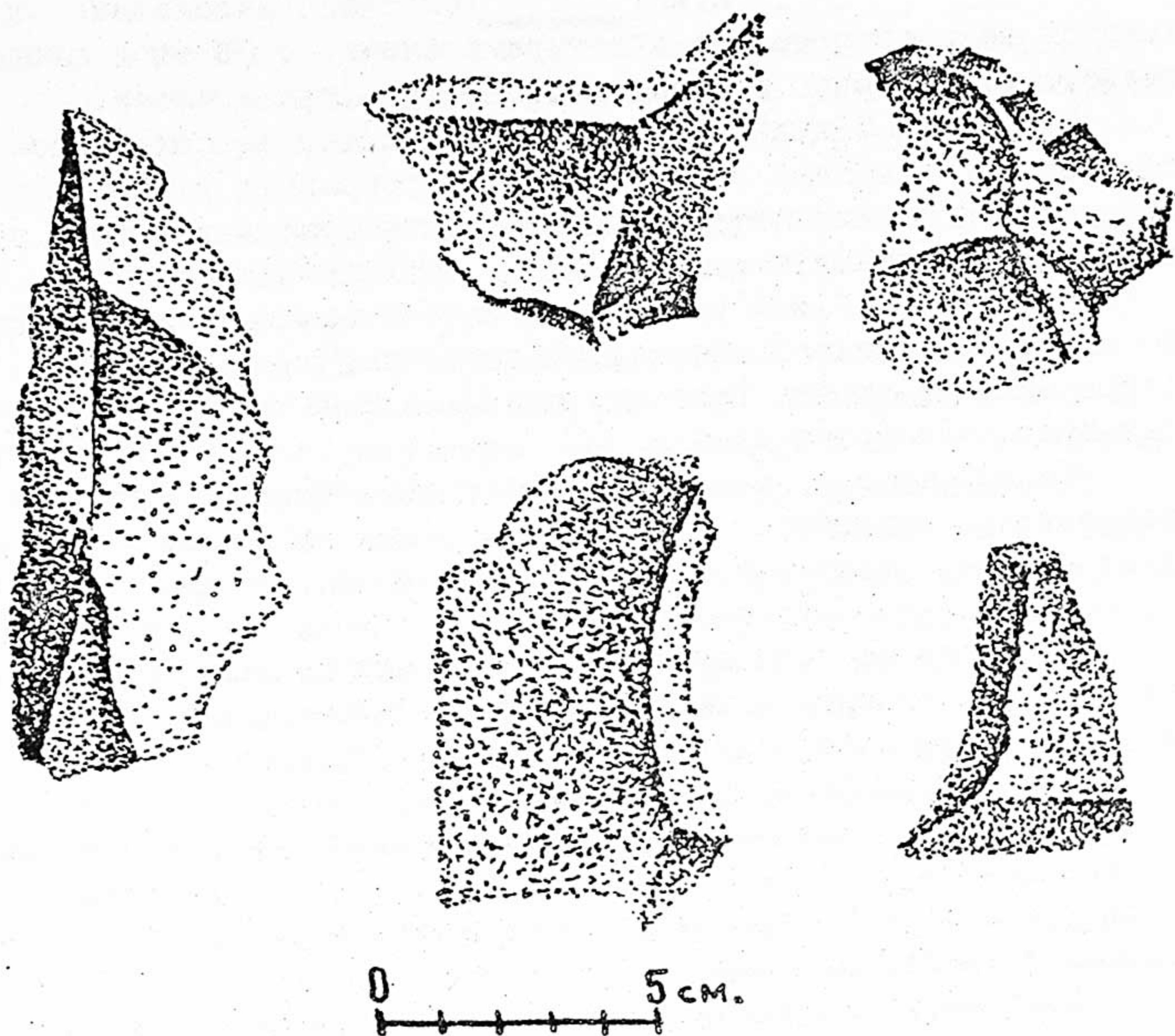

Рис. 5. Шахристансайский палеолит. Стоянка Калаи-кахкахинская 7. Шурф 3. Культурный слой 2. Каменные изделия.

Все каменные изделия изготовлены из серого или темного кварцитового песчаника, их поверхность одинаково покрыта плотной, серо-желтой с розоватым оттенком патиной, чаще всего со спинки. Краевые грани изделий острые, естественный цвет совершенно свежий, изделий с окатанными гранями не встречено. Эти признаки указывают на то, что каменные изделия из Калаи Кяхкаха 7 лишь незначительно смещены от первоначального своего положения по склону высоты.

В шурфах № 1 и 3 культурные слои очень маломощные и кажутся несколько моложе культурных слоев 2. Об этом свидетельствует в первую очередь позиция культурных слоев.

В шурфе № 2 культурный слой I, видимо, не сохранился, так как обнаруженные здесь находки перекрывает палевый суглинок, а суглинок серо-желтого цвета прослеживается в виде тонкой пленки в гумусе.

В шурфах № 1 и 3 культурный слой I залегает на глубине 50 см от современной дневной поверхности, затем следует стерильная прослойка палевого суглинка и на глубине 70 см залегает культурный слой 2.

Таким образом, между палевым лессовидным суглинком и лессовидным суглинком серо-желтого цвета несомненно существует какой-то возрастной период, но определить его в полевых условиях конечно невозможно.

Обращают на себя внимание и стерильные слои, отделяющие культурные слои один от другого. Причем культурный слой 2 захват в середине палевого суглинка, а культурный слой I лежит на поверхности последнего.

Другим хронологическим признаком является присутствие дисковидных нуклеусов и более крупных каменных изделий в культурном слое 2, при отсутствии первых и меньше размером вторых в культурном слое I.

Третьим характерным признаком является мощность культурных слоев 2 и I. Толщина первого в обоих шурфах превышает второй примерно в два раза, причем в шурфе I выявлены следы действия огня, что говорит о длительном функционировании стойбища в период культурного слоя 2. И наоборот, маломощный культурный слой I в обоих шурфах указывает на кратковременность посещения мустьерцами стойбища в этот период. Причем это посещение произошло после того, как завершилось формирование палевого лессовидного суглинка и началось образование лессовидного суглинка серо-желтого цвета.

В этой связи любопытные результаты дает сопоставление условий залегания культурных слоев из Калаи Кахкаха 7 и в траншее, давшей наибольшее число находок в Джаркутане. На последнем "обработанный камень распределяется следующим

образом: 0-10 см — наибольшее число находок (20 экз.), 10-20 см — количество находок уменьшается; 20-30 см — находок мало (всего 6 экз.). Ниже изделия каменного века не встречаются".⁶

Другими словами, траншея в Джаркутане как бы проецирует геологическую позицию каменных изделий в шурфах Калаи Кахкаха 7 в перевернутом виде. Отсюда можно предположить, что верхний культурный слой в Джаркутане либо полностью смыт и на уступе зафиксированы остатки культурного слоя 2, либо, что наиболее вероятно, оба слоя находятся в смешанном состоянии. Поэтому в связи с изложенным, представляются правдоподобными выводы о Джаркутане С.А. Несмеянова, считающего, что "стоянки или кратковременные охотничьи лагеря располагались не на сырых глинистых поймах, а на ближайших к реке возвышенностях. Такими возвышенностями, по его мнению, были раннеташкентские и более древние террасы".⁷

Данные выводы С.А. Несмеянова в настоящее время подкрепляют 27 местонахождений и пунктов, расположенных на возвышенностях соответствующих раннеташкентским и более древним террасам.

По всему видно, Джаркутан представлял собой в древности долговременное, может быть "базовое" поселение неандертальцев открытого типа. Остальные вышеотмеченные местонахождения и пункты несомненно относятся к типу кратковременных охотничьих лагерей мустьерского времени. Показательно в этой связи, что почти весь собранный нами каменный инвентарь на 27 местонахождениях и пунктах абсолютно идентичен джаркутанскому.

Вместе с тем джаркутанский каменный инвентарь хотя и представляет собой значительную в количественном отношении часть, но все же только часть Шахристансайского палеолита в целом. Другую, качественно новую, часть демонстрируют сборы и отчасти раскопки из 27 местонахождений и пунктов.

6. В.А. Раянов, С.А. Несмеянов. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии, с. 41.

7. Там же, с. 42-43.

В частности, на Джаркутане каменный инвентарь представлен в основном режущими, колющими и скоблящими орудиями на пластинах леваллуазского типа. Это послужило В.А.Ранову основанием отнести Джаркутан к памятникам группы А и противопоставить его группе Б.

Однако местонахождение Джаркутан, как можно предположить, это поселение открытого типа, где его насельники принимали участие главным образом в потреблении готовой охотничьей продукции. Поэтому закономерным представляется и то, что каменный инвентарь на Джаркутане демонстрирует неполный набор охотничьего инвентаря. На кратковременных охотничьих стоянках, где в основном функционировала производящая сфера, каменный инвентарь выявляется более разнообразный и дополняет джаркутанский. Так, на стоянке Калаи Кахкаха 7 и в местонахождении Калаи Кахкаха 2 встречены великолепные вогнутые орудия, отсутствующие в джаркутанской коллекции (рис.5). А на Калаи Кахкаха 4, Калаи Кахкаха 7 и Калаи Сар 5 найдены галечные орудия типа кливеров, чопперы, чоппинги, тесловидные орудия (рис.6). Данные орудия, вероятно, применялись первобытными охотниками для обработки дерева, добываемого в арчевых лесах здесь же на месте.

Напомним, что в местонахождении Клектон на юге Англии в свое время было найдено острие копья, изготовленного из тиса и рядом лежащее вогнутое кремневое скребло, возможно, использованное для его изготовления.⁸ При этом клектонское скребло, датируемое средним ашелем, по всем имеющимся признакам очень напоминает аналогичные каменные изделия из стоянки Калаи Кахкаха 7 (рис.5). Не исключено, что первобытные насельники Шахристансая использовали указанные скребла в аналогичных целях.

На Джаркутане В.А.Рановым также были встречены пять галечных скребел, в том числе чоппинг, найденный им близ основного памятника. В результате чего Джаркутан оказался

8. П.И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. Изд. второе. М., 1980, с.77, рис.26.

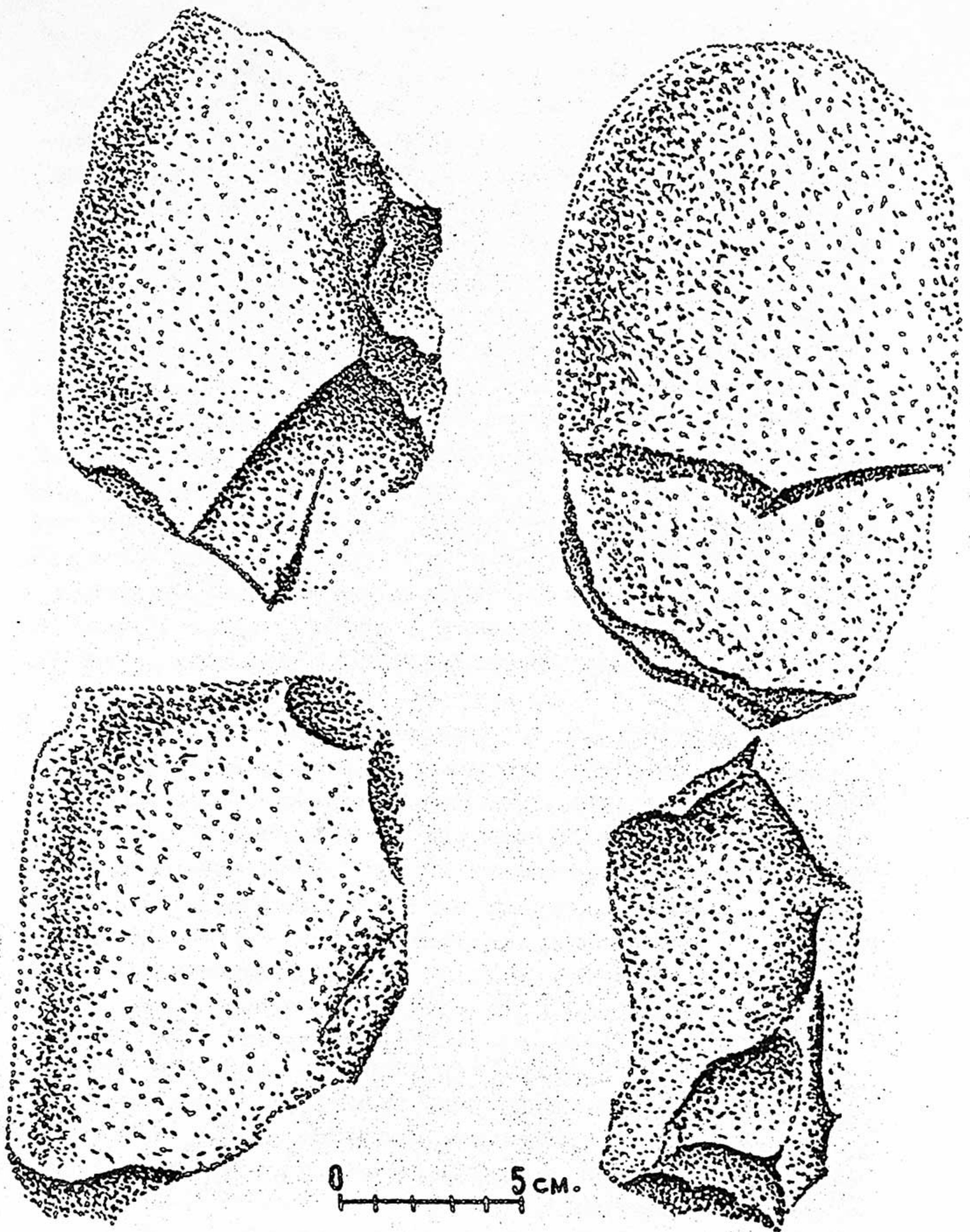

Рис. 6. Шахристансайский палеолит. Стоянки Калак-
кахкахинские 4, 6 и Калаи Сар 5. Каменные
изделия.

не самым леваллуазским памятником в Средней Азии, как считает В.А.Ранов.⁹ На нем, как и во всем Шахристансайском палеолите в целом, каменные изделия, относимые В.А.Рановым к группе А, на самом деле оказались смешанными с так называемой группой Б. Найденные в Джаркутане галечные скребла, которые, по В.А.Ранову, были "оставленными другими пришельцами",¹⁰ по-видимому, относятся не к локальным находкам.

Как показали наблюдения и раскопки на Калаи Какхаха 7, обнаруживаемые различия внутри Шахристансайского палеолита могут объясняться не локальными, а хронологическими различиями и разнохарактерностью стоянок.

Вместе с тем Шахристансайский палеолит в целом можно отнести и к локальным вариантам первобытной культуры, отличающейся от Кайраккумской выработкой иных технических приемов: набором орудий, вероятно, обусловленных особенностями форм хозяйственной деятельности, окружающей природной средой. Его специфической чертой является наличие галечных рубящих орудий типа чопперов, чоппингов, кливеров, очень близких позднесоанским соответствующим изделиям, но неравнозначные им.

В настоящее время встречаются затруднения в определении возраста Шахристансайского палеолита. Они усугубляются еще и тем, что датировка Кайраккумского палеолита решается учеными неоднозначно. Геологическое строение урочища Кайраккум подробно описано в целом ряде исследовательских работ.¹¹

Как показал С.А.Несмеянов, граница неогеновой и четвертичной систем Средней Азии располагается внутри Коктюрюкской и других свит, базальные горизонты которых содержат кости ископаемой фауны, в том числе и кжного слона.¹²

Ссылаясь на целый ряд опорных местонахождений верхнеплиоценовой фауны Ферганы, коррелируемой с верхневиллафранкским фаунистическим комплексом Европы, С.А. Несмеянов установил, что верхи коктюрюкской свиты датируются "как верхи

9. В.А. Ранов, С.А. Несмеянов. Палеолит и стратиграфия Средней Азии, с.14.

10. В.А. Ранов. Каменный век Таджикистана, с.47.

11. Н.П. Васильковский. Геология гор Супетау, Акбелъ и Акчоп. — Тадж. база АН СССР, Сталинабад, 1935;
В.А. Ранов, С.А. Несмеянов. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии; и др.

12. В.А. Ранов, С.А. Несмеянов. Ук. соч., с.54-55.

плиоцена — низы нижнего плейстоцена". Абсолютный возраст коктюрлюкской (верхневиллафранкской) эпохи определяется им около 1,5 млн. лет назад.¹³

Однако рубеж антропогенной истории Кайраккумов, во-видимому, можно удревнить костными остатками кжного слона, найденными в 1978 г. близ Дома отдыха "Кайраккум". Предварительное определение указанных остатков, находящихся в экспозиции Ленинабадского областного историко-краеведческого музея, произведено группой геологического факультета ТашГУ во главе с преподавателем А.Ф.Брошкиным. По мнению последнего, возраст вмещающих отложения и находки толщ как по геологическим, так и по палеомагнитным и палеонтологическим данным соответствует границе плиоцен-эоплейстоцена в современном представлении около 1,8-2 млн. лет назад. Эту датировку А.Ф.Брошкин обосновывает тем, что несколько выше указанной находки работами ТашГУ в 1978 г. выявлен палеомагнитный эпизод Гильса.

Соответственно с отмеченными новыми данными по палеохронологии, при учете общего облика каменных изделий из вышерассмотренных местонахождений, их геологической позиции, Шахристансайский палеолит, по-видимому, можно отнести к варианту леваллуа-мустье с ашельской традицией. Этому не противостоят архаичные чопперы, кливеры, вземчатые орудия, в отдельных случаях имеются и зубчатые орудия и т.д.

Однако данный вариант Шахристансайского палеолита имеет своеобразный характер, он не является копией западноевропейского. По имеющимся некоторым признакам, например по наличию архаичных кливеров, отдельных экземпляров чопперов Шахристансайский палеолит находит параллели в позднесоанской культуре Северо-Западной Индии. В целом Шахристансайский палеолит очень близок Кайраккумскому и вместе с тем не является его вариантом. Об этом свидетельствуют приемы скальвания и обработки каменных изделий, их типология, различная на каждом из указанных памятников.

Можно надеяться, что обследования предгорий Туркестанского хребта, начиная от Шахристана и до Кайраккумов, позволит в ближайшее время найти следы каких-то связей между обе-

Геологическая позиция костных остатков южного слона из урочища "Кайраккум", согласно палеомагнитного метода (по А.Ф.Эрошкину)

БРЮНЕС	<p>σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o</p>	
Эпоха	<p>σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o</p>	Эпизод Гильса (1,8-2 млн. до н.э.) урочище Кайраккум
МАТУЛМ	<p>σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o</p>	Ренъюон
Эпоха	<p>σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o</p>	
ГАУСС	<p>σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o</p>	
Эпоха	<p>σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o</p>	
ГИЛЬБЕРТС	<p>σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o</p>	
	<p>σ σ σ σ σ σ σ σ /o/o/o/o/o/o/o</p>	
	<p>Эпоха " Y "</p>	<p>n - 2 n - 1</p>

σ σ - прямо намагниченные породы.
 = = - обратно намагниченные породы.

ими культурами. Правда длительное сосуществование леваллуа-мустьерских памятников с ашельской традицией, при большой неточности их датировок, сильно затрудняет решение этого вопроса. Сейчас могут быть лишь отмечены некоторые пути, указывающие на существование может быть прямых, постоянных связей между двумя группами мустьерцев.

Обращает на себя внимание найденное В.А.Рановым в 1956 г. на Шуркуле (Кайраккумы) древнейшее домустьерское рубило с поперечным лезвием.¹⁴ Оно не находит аналогий в Кайраккумском палеолите, но по некоторым признакам имеет сходство с кливером из Калаи Сар-5 (рис.6.4).

Осенью 1979 г. на одной из древнейших террас в Аучи Калачи нами были найдены единичные каменные изделия, имеющие прямые аналогии с соответствующими изделиями из Калаи Каххаха 4.

Еще в 1954 г. близ селения Аучи Калачи, на левом берегу Ходжабакыргансая А.П.Окладников обнаружил нижнепалеолитический чоппер.¹⁵ Аналогичный чоппер, но в иных геологических условиях, найден автором на стоянке Калаи Каххаха 7 (рис.6.1).

Отмеченные находки, обнаруживающие отдельное сходство с изделиями Шахристансайского палеолита, как будто указывают на существование вышеуказанных связей, или даже на генезис Шахристансайского палеолита. В этой связи представляет интерес устное сообщение главного геолога Северо-Таджикской ГРП Бойкова о нахождении сотрудниками данной партии костных остатков верхнеплейстоценовой фауны, в том числе и черепа примата. Находки обнаружены в 1979 г. в обнажениях Ингиарька и отправлены для изучения в Палеонтологический институт АН СССР.

Взятые в целом отмеченные каменные и костные находки не имеют прямой связи с Шахристансайским палеолитом. Однако отдельные отмеченные выше параллели все же не случайны и позволяют предположить, что генезис Шахристансайского палеолита следует искать в Северном Таджикистане.

14. В.А. Ранов. Каменный век Таджикистана, рис.2.

15. А.П. Окладников. Исследование памятников каменного века Таджикистана. — МИА, 66, М.-Л., 1958, с.68; см. также В.А. Ранов, С.А. Несмеянов. Ук. соч., рис.1.

Т.В.Беляева

РАСКОПКИ НА ХОДЖЕНТСКОМ АРКЕ В 1979 г.

Многолетние работы ведутся Ходжентским отрядом СТАКЭ на средневековой Цитадели и Арке под руководством профессора Н.Н.Негматова. На Арке вскрываются планомерно два объекта: Раскоп I в юго-западном углу и стратиграфический шурф (Ш-29) на северном участке.

Стратиграфический шурф (Ш-29) размером 16x4 м с открытой северной стороной по XXIII ярус раскапывается ступенчатой системой. Первая ступень в кв. Ia, 2a оставлена на XXIII ярусе. Вторая, основная, в кв. I, 2, 3 вскрыта по XXIV ярус. Третья площадка находится в кв. 4 на уровне XXXI яруса. Четвертая ступень в кв. 5, 6 в западном участке оставлена на XXXII ярусе, а в восточном прорезается шурфом и доведена до XLII яруса. К сожалению, после очень дождливой зимы верхние слои на западном срезе шурфа в пределах кв. I, 2, 3 обрушились и засыпали основную ступень шурфа до XXII яруса. Сильно засыпались и другие ступени, а нижняя часть шурфа еще и оказалась закиданной крупными галечными камнями. Долго пришлось очищать ступени в кв. 4, 5, 6, поэтому основную площадку убирать не стали. Вскрытие повели в трех квадратах. В кв. 4 опустили до XXXIV яруса. Здесь на XXXII ярусе хорошо стало видно основание пахсовой стены, а в западном срезе - ее южную грань. Возведение этой пахсовой стены предварительно относим к VIII-IX вв.

В кв. 5, 6 на западном участке вскрыли сырцовую кладку кирпичей размером 57x34xII-12 см. Как отмечалось уже, здесь проходят кладки двух стен, из которых раньше появилась западная. На ней есть глиняная штукатурка с зеленоватой побелкой. Кирпичи из плотной коричневатой глины с добавлением

самана и фрагментов керамики. По обработке керамику эту можно отнести к IV—III вв. до н.э. Она гончарная и лепная, красноангобированная и с беловатым покрытием. Эту ступень довели до XLII яруса. На восточном участке продолжили шурфование. Было вскрыто до XLVII яруса. Отмеченная кладка кирпичей того же размера, что и в западном участке, имеет основание на XLVII ярусе и положена на галечную вымостку в один ряд. Ниже лежат сырцовые кирпичи, но уже по формату и структуре иные. Формован из песчаной глины, в которую добавили мелкие фрагменты керамики. Черепок у них плотный, красновато-коричневый, покрыт густым беловатым ангобом. Несколько фрагментов от лепной посуды. Один фрагмент от лепного горшка. Черепок его красного тона с добавлением песка. Снаружи покрыт плотным беловатым ангобом и расписан карминной краской. Узор состоит из угольников, расположенных вершинами вверх, идущих в два ряда. Один угольник заштрихован кривой линией, другой оставлен пустым, и так они чередуются. Керамика характеризует период ее бытования в пределах VI—IV вв. до н.э. и могла попасть в глину в этот же период при возведении кладки. Основание этой кладки находится в XLIX ярусе, но оно не очень четко выражено. Слабая линза зольника указывает на уровень. Шурфование приостановили на I ярусе.

Таким образом, нам удалось зафиксировать в шурфе уже три стены, возведенные в античный период. Две идут рядом, а восточная еще лежит ниже. Все три стены покоятся на более древней. Она иная по формату и структуре. Больше эти кирпичи по структуре похожи на кирпичи, зафиксированные в восточном фасае цитадели.¹ Там такая кладка лежит на галечной вымостке и лессовом вале. Самую нижнюю стену предварительно можно отнести к V—IV вв. до н.э.

Раскоп I. Территория, вскрытая на раскопе, постепенно уменьшается и культурный горизонт IV вскрывался на площади 100 м² (рис. I). Он залегает на глубине 3—4 м и содержит ар-

1. Т.В. Б е л я е в а. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада. — В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 41—49.

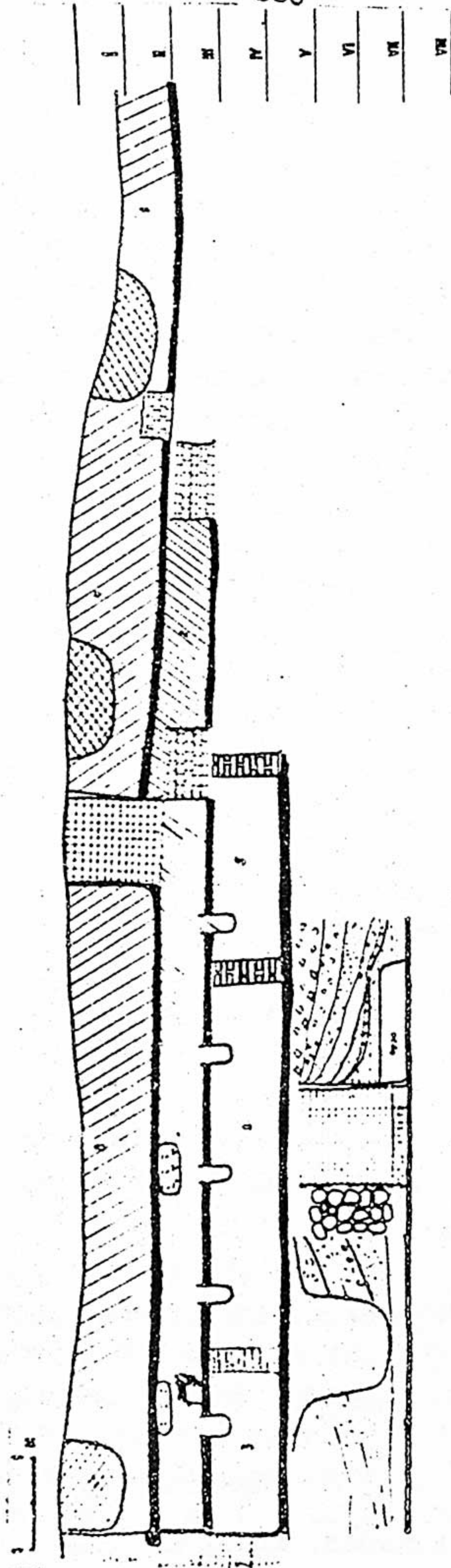

Рис. 1. Ходжентский Арх. Раскоп I. Разрез В-3.

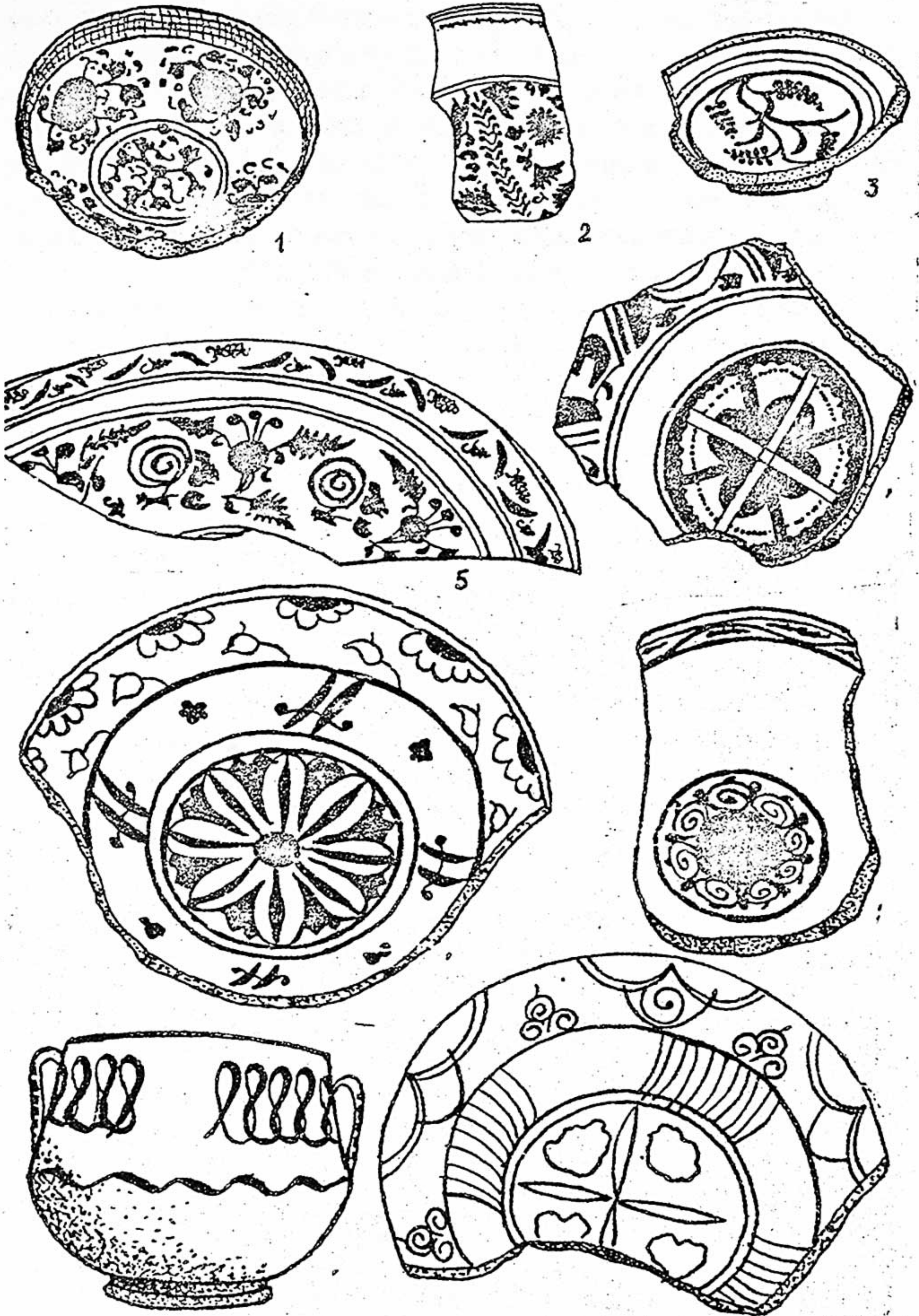

Рис. 2. Ходзентский Арк. Раскоп I. Керамика.

хитектурное строение, от которого расчищено только 4 помещения. Стены выведены из пахсы толщиной 0,6 м, а также из сырцового кирпича 25x25x5 см. В пом. 4 вдоль западной стены проходит суфа (в=0,2 м, ш=1 м). Пол в помещениях глиняный, утрамбованный. На полах накоплен небольшой культурный слой, в котором содержались фрагменты от чаш, тарелок. Собранный керамика с полов составила набор посуды периода обживания и начального его запустения. Опишем ее (рис. 2).

Фрагмент от блюда, изготовленного из кашина (рис. 2. I). Черепок толстый, беловатый, рыхлый. С двух сторон покрыт стекловидной глазурью с зеленоватым оттенком. Внутри кобальтовым и черным красителями нанесен узор. Даны две крупные розетки, из которых одна нарисована черной толстой линией, где по краю тесьмой даны рядом расположенные спирали, а середина заполнена черными точками. Вторая розетка нарисована тонкой кобальтовой линией и заполнена сеткой из спаренных линий кобальтовой и черной. По узору это блюдо было оформлено ближе к мотиву архитектурных орнаментов. Черепок толстый, рыхлый, указывает еще на поиск мастеров в технологии. Такая структура черепка и художественная обработка характерна для второй половины X в. в материалах Северного Хорасана, а в материалах Нисы зеленоватая подцветка глазури появляется в начале XI в.² Наше блюдо, видимо, было изготовлено в конце X — начале XI вв. в северо-хорасанском керамическом центре.

Несколько фрагментов от одной тарелки. Она изготовлена из кашина. Черепок тонкий, белый, рыхлый. Глазурь прозрачная, фон чисто белый, узор выполнен кобальтовой краской. На внутренней части широкой клетчатой каймой пространство разбито на большие ромбы, а в каждом ромбе размещена ветка с листочками. Эта тарелка выполнена в художественной манере Мавераннахра и встречаются подобные среди материала из Самарканда X в.³

2. Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы X—XI вв. — Тр. ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, с. 415.

3. Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика X в. — Тр. САГУ, вып. XI, кн. 3. Археология Средней Азии. Ташкент, 1950, с. 91—121.

Фрагмент от блюда, черепок желтоватого тона, кашинное тесто, уже плотнее. Рисунок внутри выполнен кобальтом. Он размещен в двух плоскостях: в середине и на борту. В центре свободно размещены букеты цветов. На борту в чередовании нарисованы крупные спирали и растительный узор, где можно увидеть веточку с вишенками, листочками вокруг пятна. По краю блюда проходят черные тонкие листочки в треугольном расположении, а между ними — волнистая линия кобальтовой краски. На перегибе стенки к бортику проведена широкая бирюзовая полоса. Снаружи по бортику вертикально — спаренные полоски черной и бирюзовой красками. В таком оформлении посуда, где в основном весь рисунок выполнен кобальтсвой краской, а дополнительные элементы в виде тонких линий, черточек черной и бирюзовой красками, наблюдается среди керамики Ташкента. Там она определяется ХУ — нач. ХУІ в.⁴

Почти целая коса, изготовлена из глины, черепок плотный, желтоватый. Фон у рисунка белый. Он выполнен кобальтовой краской с добавлением в деталях черной. В центре размещены шесть листков на стерженьках, соединенных по два. Между ними вписаны усики. На стенке такие же листочки размещены вокруг крупного шара. По краю проходит клетчатая тесьма. Снаружи проведены полоски и клетчатая тесьма. Узор схематичный и определяет стиль конца ХУ — нач. ХУІ вв.

Два больших фрагмента от тарелки, точнее часть стенки и борта. На белом фоне кобальтовой краской дан рисунок в виде веточек с листочками, размещенными на стенке тарелки.

По краю проходят параллельные линии, которые огибают заштрихованные полуовалы. Тарелка выполнена в стиле гончарной продукции Самарканда ХУ в.

Этот набор керамики хоть малочислен, но довольно четко характеризуется периодом конца ХУ в. — началом ХУІ в. Он еще и своеобразен, так как находит сравнительные элементы в самаркандском, северо-хорасанском, ташкентском центрах. Скорее всего блюдо северо-хорасанского стиля могло быть привозным,

4. Д.П. Вархотова. Художественная керамика ХУ — нач. ХУІ вв. из Ташкента. — ОНУ, вып. 8-9. Ташкент, 1969, с. 86.

а другие представляют свой центр. У нас в подъемном материале, в слоях шурфа на Арке, шурфах по городу достаточно много керамики, оформленной кобальтовой краской на белом фоне.

Так, архитектурные остатки IV культурного горизонта относятся к строению, возведенного в конце XV в. и функционировавшего до сер. XVI в. По залеганию слоев на Раскопе I, особенно в северном срезе видно, что строение медленно подвергалось разрушению. Все помещения выше культурного слоя заполнены линзами хозяйственных отходов, натеками и засыпкой землей. И только когда произошла нивелировка этого места, другие три сбросовые ямы прорезают эти слои и стены. Однако этот уровень лежит ниже уровня III культурного горизонта, в котором вскрыли часть дома гончара и его бракованную продукцию. Поэтому материал, собранный из сбросовых ям, особенно для нас важен, так как он скапливался в промежутке между XVI в. и последней четвертью XVII в. Опишем несколько крупных фрагментов.

Фрагмент от косы, выполненный из желтоватой глины и покрытый с обеих сторон белым ангобом. В середине черной краской нарисована розетка, а в центре ее крупное пятно, заполненное бирюзовым цветом, а вокруг идут мелкие спиральки. По бортику проходит тесьма. На ней нарисованы волнистые линии с затухающим концом. Тесьма покрыта бирюзовой полоской. Снаружи в два ряда начертаны колечки в близком размещении друг к другу, а между ними — горизонтальные бирюзовые полоски.

Коса почти целая, выполнена из глины, черепок розового тона, плотный. Покрыта она белым ангобом, жидким по консистенции. Рисунок выполнен тонкой линией коричневого тона. В центре нарисован кружок и такие же рядом. На стенке с четырех сторон даны по три удлиненных листочка. Они в середине перечеркнуты тонкой линией с петельками на концах. Листочки и петельки заполнены бирюзовой краской. Снаружи по бортику проходят косые насечки. Подобных кос есть еще четыре штуки.

Фрагмент от косы выполнен из глины с красным черепком, но рыхлым по плотности. Внутри и наполовину снаружи покрыта

слабым белым ангобом. В центре марганцевой краской, разбавленной до коричневого тона, нарисован многолепестковый цветок и фон заполнен этим же раствором. На стенке ритмично расположены трилистники, направленные по часовой стрелке. Между ними нарисованы завитки бирюзовой краской. По бортику с двух сторон проходит бирюзовая полоска и две тонкие коричневые линии. Снаружи по стенке нарисованы крючки и линии коричневого цвета.

Тарелка глубокая, с отогнутым бортиком. Внутри по белому ангобу выведен узор тонкой фиолетовой линией и проведены круги, разделяющие поле чаши на дно, стенку, борт. В середине размещен многолепестковый цветок с крупной сердцевинкой. На стенке с четырех сторон проведены вертикальные два листка, а между ними нарисованы стилизованные цветочки. По бортику даны бутоны в чередовании с листком. Бирюзовым цветом заполнен фон центрального цветка, а также листки, цветочки и проведены широкие дуги по бортику. Тарелок с похожим узором несколько штук. На другой тарелке с такой же тройной разбивкой в центре начертан шестиугольник с пересекающимися линиями, а в середине его размещен стилизованный цветок с крупной сердцевинкой. Между углами проведены дуги. Шестиугольник, стилизованный цветок и его сердцевина заполнены бирюзовой краской. Таких узоров на тарелках очень много.

Хурма. Эта форма не встречается в ранних комплексах, представлена крупными и маленькими по размерам экземплярами. Крупные имеют в диаметре венчика 22–24 см при высоте 17 см, а маленькие — по диаметру 12 и высоте 12 см. Верх у них вертикальный, в виде широкой полоски переходит в круглое тулово, которое посажено на толстую высокую ножку. Снаружи прикрепляются две или четыре ручки. Они приготавливаются в виде узкой ленты и вертикально приделываются только к бортику с придавленной серединой. Такие ручки очень неудобны для руки и служили, скорее всего, петлями для подвешивания сосуда. Внутри и часть снаружи хурма покрывается белым ангобом и глазурью. Рисунок в виде равномерной волнистой линии выводится по бортику и ручкам. Он наносится марганцевым красителем и сверху еще проводится бирюзовая полоска.

Тарелка выведена из глины, черепок красный. Внутри в центре тонкой линией проведен квадрат (6х6 см), разделенный двумя диагоналями. Он вписан в другой квадрат так, что его углы прикасаются в середине. Из точки касания выведены трезубцы. Все поле квадратов заполнено точками. Сверху рисунок покрыт подкрашенной голубой глазурью.

Весь этот набор посуды совершенно отличается от предыдущего комплекса как по стилистике, так и по колориту. Почти не применяется в узоре кобальтовая краска. Рисунок выполнен тонкой линией слабо разбавленным марганцевым красителем. Бирюзовый цвет заполняет крупные участки в узоре и дополняет concentрические линии на разбивке. Колорит всей этой посуды бирюзовый. Узор от растительного переходит в стилизованный геометрический. На примере этого набора видно постепенное угасание мастерства работы калямом. По стратиграфии он оказался между керамическим комплексом первой половины ХУІ в. и культурным слоем с комплексом последней четверти ХУІІ в.

Таким образом, набор посуды из сбросовых ям характеризует керамическое производство первой половины ХУІІ в. Комплекс этот полных аналогий не имеет. Это, видимо, от слабо разработанной керамической колонки. Некоторые коса, где в центре просто крупное пятно, цветковая сердцевина, заполненные бирюзовой краской, находят аналогии в ташкентском материале, но там они относятся к ХУІ в., среди керамики ХУІІ в. из Рабати Малик Бухарской области.⁵ Четко зафиксированный стратиграфией ходжентский комплекс может быть хорошим датирующим материалом для других памятников.

Итак, вскрытый ІУ культурный горизонт Раскопа І оказался сложным в отношении стратиграфии. Он охватил период от конца ХУ в. до сер. ХУІІ в. Удалось собрать два керамических комплекса, очень отличимых друг от друга. На их анализе наблюдается постепенное угасание художественного мастерства, прекращение доставки кобальтового красителя и кашинной мас-

5. С материалами Рабати Малика любезно нас ознакомила Н.Б.Немцева.

сы. Вероятно, эти изменения надо связывать с историческими событиями, выпавшими на долю Средней Азии с сер. ХУІ в. после Великих географических открытий торгового морского пути между Востоком и Западом. Караванный путь, функционировавший тысячелетиями, утрачивает свое международное значение. Средняя Азия оказалась в изолированном положении, а это повлекло к сокращению объема и качеству продукции целого ряда ремесел. Еще один существенный фактор — это смена династий в Мавераннахре. После неоднократных военных походов кочевых племен под предводительством Шейбанихана правление Тимуридов сходит на нет. Шейбанидская династия не смогла удержать начавшийся процесс распада феодального строя. Многочисленные междоусобицы истощали страну, ввели ее в экономический кризис. И только постепенные торговые связи с Россией и восстановление частично прежних караванных путей выводят к ХУІІ в. Мавераннахр из полосы разрухи. В городе и Арке ведутся многочисленные строительные работы. Он, как и многие города, быстро восстанавливает свой экономический потенциал.

Е.Д.Салтовская, У.П.Пулатов

РАСКОПКИ ТИРКАШТЕПА В 1979 г.

В нынешнем полевом сезоне были продолжены исследования на холме Тиркаштепа, расположенном на окраине поселка Табошар (юго-западные предгорья Карамазара). В прошлом году здесь почти полностью вскрыт квадратный в плане замок с округлой формы угловыми башнями.¹ Работы начали с выяснения целого ряда вопросов, связанных с замком, относящимся ко второму строительному периоду. Для этого были осуществлены дополнительные раскопки и расчистки в самом замке и на прилегающих к нему участках. Прежде всего была докопана северо-западная угловая башня № 2. Произведенные внутри нее работы выявили уровень пола башни. Поверхность его, небрежно оштукатуренная глино-саманной обмазкой, неровная, с сильным наклоном к западу. У западной стены башни глубина пола соответствует середине VII яруса, т.е. примерно на 0,5 м ниже уровня пола основных помещений здания. Из проема, соединяющего башню с помещением 5, вел пологий пандус с оштукатуренной поверхностью.

Стены башни за счет наклона к западу слегка покороблены. Отвалившаяся местами штукатурка обнажила кладку стен из прямоугольных сырцовых кирпичей (42-45?х10-12 см). В стенах расчищено было 13 узких щелевидной формы сквозных бойниц, расположенных в шахматном порядке с приблизительно одинаковым интервалом. Стенки нижнего ряда бойниц сложены из поставленных одна на другой узкими сторонами кирпичей, верхнего ряда — из одного кирпича. Соответственно высота бойниц

1. Е.Д. Салтовская. Начало раскопок Тиркаштепа. — АРТ, вып.ХУШ (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1983.

85–90 см, 42–45 см. Ширина их колеблется от II до I6 см. Часть бойниц покрыта внутри тонким слоем белой ганчевой штукатурки, остальные – серой глиняной обмазкой.

Кроме бойниц в северо-западной части башни расчищено прямоугольной формы сквозное отверстие более крупных размеров. Оно располагается параллельно нижнему ряду бойниц. Высота его 85 см, ширина в основании 40 см, кверху оно постепенно сужается до 25 см и заканчивается формой стрелы, образованной двумя поставленными под углом половинками кирпичей. Стены этого, по-видимому, светового или вентиляционного проема покрыты тонким слоем серой глиняной обмазки. Уже было отмечено, что башня № 2, как и остальные, в последующие периоды стала служить местом выброса разбитой посуды, золы, костей животных, а позднее вход во внутрибашенное помещение был заложен кирпичной кладкой. При расчистке надпольного слоя в нынешнем сезоне найдены многочисленные фрагменты кухонных котлов из черно-серой глины с мелким белым песком, стенки и венчики хумов, несколько закраин мисок с тусклым красновато-желтым ангобом, стенки белофонных кувшинов с прочерченными волнистыми линиями, две зооморфные ручки от кружек.

Удалось определить толщину стены башни № 2 на наиболее сохранившемся участке, равную I,2–I,35 м. Для этого пришлось в месте стыка стены башни с западной внешней стеной замка убрать приставки-контрфорсы. На открывшейся внешней поверхности башни было отмечено несколько слоев серой глино-саманной штукатурки, нанесенных на кирпичную кладку. Примыкающий с юга отрезок стены башни оказался сложенным вперевязку с западной стеной замка, что свидетельствует об одновременности их возведения. Освобожденный от ремонтных приставных стен участок западной внешней стены здания оказался конструктивно интересным. Он был выведен из кирпича-сырца красного и серого цвета (50–53х28–30х10–11 см). Поверх кладки нанесен тонкий слой белой алебастровой штукатурки. Возможно, стена была сильно наклонена наружу, к западу, с самого момента возведения и специально укреплена сложенным с ней вперевязку выступом-пилоном из сырцовых кирпичей розоватого и серо-желтого оттенка глины (42–45?х10–12 см). Поверхность

этого выступа, зафиксированная у стены на глубине 2,7 м от репера и постепенно понижающаяся к западу, как и стена, была покрыта тонким слоем белой ганчевой обмазки. Ширина выступа на глубине 3,3 м от репера равна 1,6 м. Спустя какое-то время за западной стеной замка были произведены существенные ремонтные работы: над выступом-пилоном, полого спускаясь с него, был сооружен кожух-обкладка из ярко-красных сырцовых кирпичей, по всей видимости, несущий функцию приставной стенки-контрфорса. Он на 80 см ниже сохранившегося гребня стены (глубина от нулевой точки раскопа 1,5 м). Ширина приставки-контрфорса в раскопанной части (глубина 3,3 м от нулевой точки) равна 3 м. Над этой приставной стеной, на глубине 0,6 м от поверхности, под дерновым слоем была рассчитана идущая в направлении север-юг стена из сырцовых кирпичей. Без сомнения, это остатки кладки, относящейся к более позднему строительному периоду.

При дополнительной расчистке интересным оказалось перекрытие проема, соединяющего помещения 2 и 5 (рис. I). Восточ-

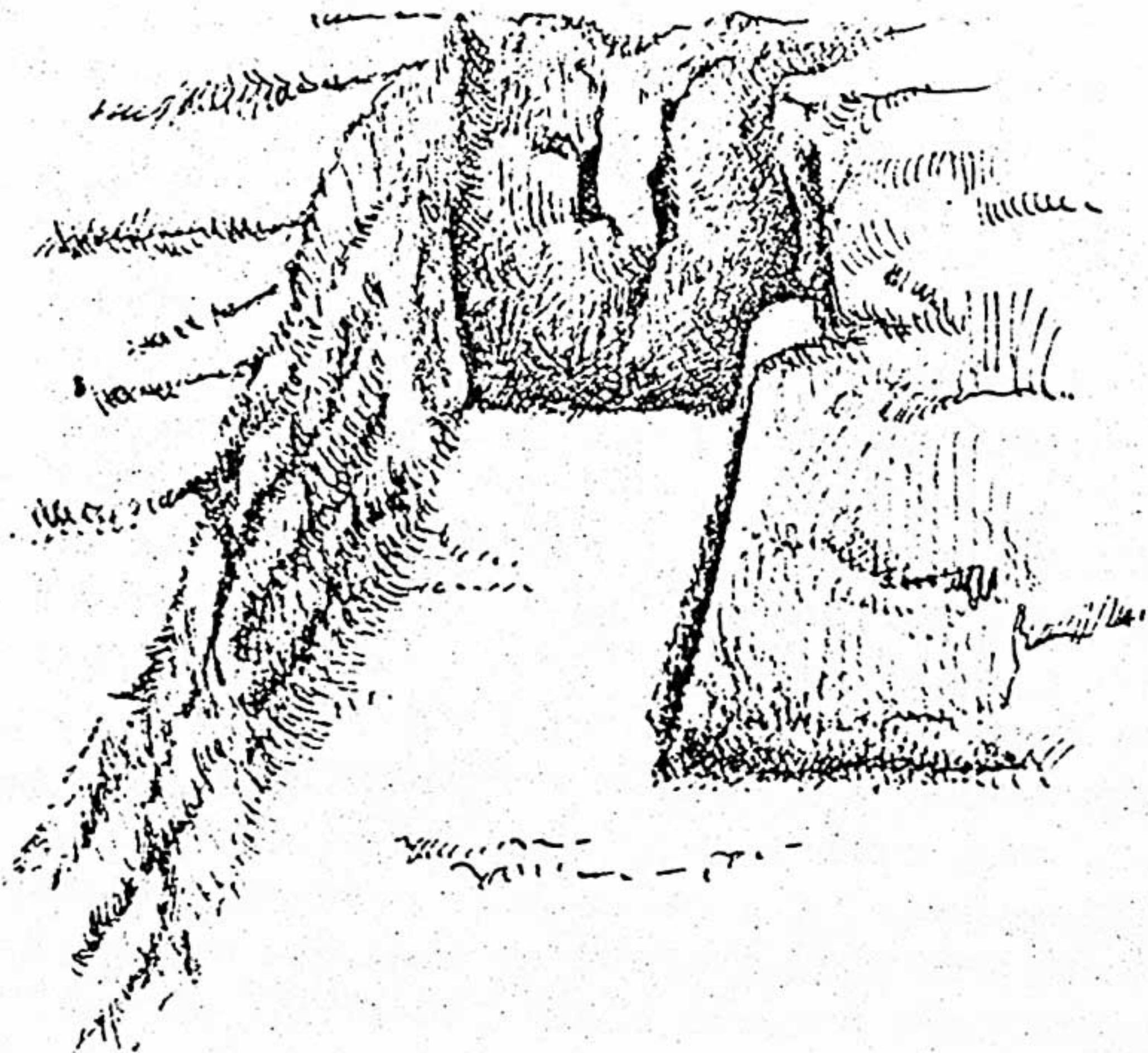

Рис. I. Тиркаштепа. Проем между помещениями 2 и 5. Вид с севера.

ной стеной этого проема является стена здания, общая для комнат I,2,5. Она строго вертикальна. Западная стена проема по характеру двухчастная. Основание ее на высоту I,25 м от пола выложено из ленточной пазы. Внизу, над полом, эта щечковая часть стены сильно выступает и зауживает проем. Завершается основание наклонной полочкой, образованной за счет плашмя положенного под углом сырцового кирпича. Выше стена, сложенная из кирпичей, имеет ровную поверхность. Оставшийся кирпич, по всей вероятности, служивший основанием, пятой свода, свидетельствует о возможности сводчатого перекрытия над проемом. Кирпич, принятый нами за пяту свода, отстоит от пола на высоту I,35 м. Наклон кирпича говорит скорее о характере клинчатой кладки в своде. С противоположной стороны (восточной), куда должна была опираться вторая дуга свода, пята отсутствует, и даже не имеется признаков, которые бы говорили об остатках кладки свода. Сохранившаяся высота стены в этом месте около 2 м. Вероятно, свод с этой стороны опирался выше, не нарушая вертикальности восточной стены. Таким образом, характер опоры кладки с разницей высот пят "ползущего" свода свидетельствует о том, что нагрузка перекрытия падала в основном на западную щечковую стену проема. Проводились работы в узком, имеющем форму вытянутого с севера на юг коридора, помещении 6, недокопанном в своей северной половине и принятом нами за центральный вход в здание. В прошлом сезоне в восточной стене этого "вестибюля" был открыт входной проем шириной I,8 м. Толщина сложенной из сырцовых кирпичей (39-40?x9-10 см) восточной внешней стены помещения равна I,2-I,4 м. Сквозные щелевидной формы бойницы высотой 40 см, шириной 18-20 см расположены в шахматном порядке. Сохранившаяся длина восточной стены входного коридора вместе с проемом равна 9,5 м. Уже отмечалось, что в своей северной части он был уничтожен поздними земляными работами вместе с угловой башней № 4 и восточной (меньшей) половиной помещения 7.

Эту разрушенную часть здания удалось восстановить по аналогии с полностью сохранившейся это-восточной четвертью замка (башня № 3, помещение 4, южная половина входного ко-

ридора 6). Оказывается, первоначально коридор-вестибюль был значительно шире. Западная стена его, за счет которой был образован коленчатой формы вход из помещения 4, была сооружена позднее, вероятно, в качестве ремонтной приставной стены. Она выведена из сырцовых кирпичей 40—42х?х9—10 см, положенных длинными сторонами вперевязку, в кладке встречаются и обломки кирпичей. Эта приставная стена, значительно уменьшившая площадь коридора, короче основной западной стены его. За счет хорошо сохранившегося северо-восточного угла ремонтной приставки удалось определить длину ее, равную 7,8 м, ширина 1,15 м. После снятия ремонтной приставки была расчищена поверхность первоначальной стены коридора 6. Она покрыта тонким слоем белой ганчевой штукатурки, нанесенной поверх глиняной обмазки. В центре замка была начата расчистка надпольного слоя в помещении с монолитной кирпичной выкладкой (субструкция), вероятно, первоначально выполнявшим роль зала. Поперек него по линии восток-запад была заложена метровой ширины траншея с целью выяснения стратиграфии наслоений, связанных с полом зала и основанием субструкции в центре него. В западной половине траншеи, под основанием стены зала были расчищены кирпичи свода, выложенного в технике наклонными отрезками, относящегося к нижнему строительному периоду. У восточной стены зала траншея была заглублена на 1 м от уровня пола. Под основанием восточной стены помещения открыта слегка наклонная поверхность пахсовой стены нижнего строительного периода. Параллельная восточной стене зала она слегка выступает из-под нее внутрь. Пространство между остатками стен нижнего строительного периода, зафиксированное при помощи траншеи, было плотно забутовано золой, обломками и целыми сырцовыми кирпичами (40—41х?х10—11 см). Поверх этой забутовки было настелено 2 ряда кирпичей, образующих пол зала. Размер их: 52—53х27—30х10—11 см. Уровень пола помещения по отметке от репера соответствует середине VI яруса, т.е. одинаков с уровнем полов соседних комнат.

Основные работы, как и предполагалось заранее, были проведены в южной части раскапываемого замка, за его южной

внешней стеной со стреловидной формы бойницами. Исследования этого года привели к неожиданному результату. Предполагаемого проема в южной стене замка не оказалось. После более тщательного анализа также не подтвердилась и версия о наличии стрелкового коридора вдоль южной стены здания. Все межбашенное пространство (между башнями № I и № 3) было занято вновь возведенной и приставленной вплотную к южной стене замка (со стреловидными бойницами) кирпичной стеной. Кладка стены регулярная, вперевязку, выведена из прямоугольных сырцовых кирпичей размером 35-37х?х9-II см; 45-50х?х9-II см. Вновь открытая стена сохранилась на ту же высоту, что и первоначальная южная стена замка. Поверхность пристроенной стены от нулевой отметки была расчищена на глубину 4,9 м, но это еще не основание ее. Толщина стены по верху равна 3 м. К низу, к основанию, она наклонена наружу и слегка расширяется. На глубине 3,9 м от репера ширина стены равна 3,1 м. Поверхность стены покрыта слоем белой алебастровой штукатурки толщиной в 1 см. В стене имеются расположенные в шахматном порядке узкие, щелевидной формы ложные бойницы. В восточной половине стены сохранились 3 бойницы верхнего ряда, в нижнем ряду насчитывается 7 бойниц. Высота их 1,35; 1,4; 1,7 м, ширина - 10-12 см. Основание нижних бойниц - на глубине 3,9 м от нулевой точки. Боковые стенки бойниц тоже имеют белое ганчевое покрытие. Они расположены примерно на одинаковом расстоянии друг от друга - 1,7-1,8 м (рис.2).

При расчистке приставной стены с ложными бойницами была открыта нижняя половина примыкавшей к ней вплотную с востока башни №3, сложенная из прямоугольного кирпича-сырца. Верхняя половина башни до начала раскопок была снесена бульдозером во время производившихся здесь земляных работ. Уцелевшая поверхность башни находится на глубине самого начала УП яруса от нулевой точки раскопа. На этом уровне в стене башни расчищены две бойницы щелевидной формы. По всей вероятности, в верхней срезанной половине башни также имелись бойницы, составлявшие верхний ряд шахматного порядка. В башне № I, замыкавшей юго-западный угол замка, были выявлены следы

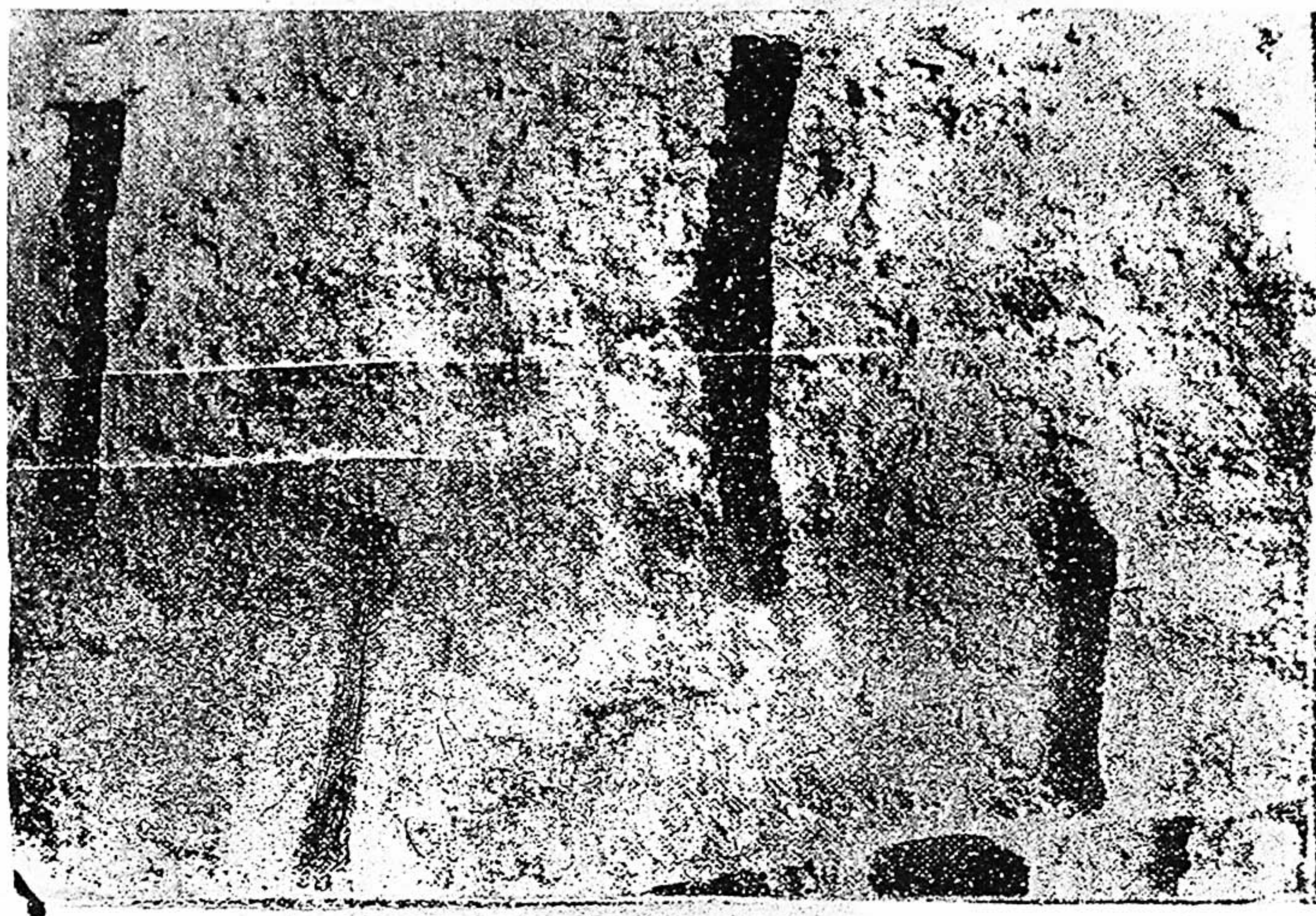

Рис. 2. Тиркаштепа. Приставная стена с щелевидными бойницами.

существенного капитального ремонта, связанного с какими-то сильными разрушениями. По-видимому, вскоре после возведения кирпичной стены с ложными бойницами, занявшей пространство между угловыми юго-западной и юго-восточной башнями, у башни № I были произведены ремонтные работы: вокруг нее, в радиусе 3 м от первоначальной стены башни, вплотную примыкая к ней, была пристроена новая кирпичная стена. По всей вероятности, она выполняла роль кожуха-обкладки. На поверхность этой выведенной из кирпичей приставной обкладки был нанесен слой белой ганчевой обмазки толщиной в 1 см. В обкладке были расчищены две ложные бойницы щелевидной формы, высотой около 1 м, шириной 15 см (рис. 3). С севера кожух-обкладка вплотную примыкала к кирпичной стене с ложными бойницами. В двух метрах к югу от восточной половины этой приставной стены было частично вскрыто интересной конфигу-

рации помещение (№ 9). Пол его находится на глубине начала IX яруса. Стены его сложены из прямоугольного сырцового кирпича. Поверх нанесено несколько слоев глино-саманной штукатурки, последний, самый верхний слой обгорел дочерна. Длина полностью расчищенной северной стены комнаты равна 4,15 м.

В западной стене помещения, ближе к северо-западному углу, имеется щелевидной формы сквозное отверстие высотой 1,7 м, шириной 0,15 м. Скорее всего, это световой или вентиляционный проем.

Выход из помещения находится в восточной стене. Сохранилась только северная щековая стена проема (рис.3). В северо-восточном углу комнаты двухступенчатый уступ. Помещение заполнено средней плотности завалом с включением обломков и целых сырцовых кирпичей, мелких древесных угольков, костей животных, керамики. В завале найдено около 10 ладьевидной формы каменных зернотерок средних размеров. Керамические находки существенно не отличаются от найденных в самом замке: фрагменты венчиков и стенок хумов, кухонной посуды, несколько закраин мисок с тусклым красновато-желтым ангобом.

Снаружи северо-восточный угол полностью повторяет конфигурацию внутреннего угла комнаты с двумя уступами. Все пространство между северной внешней стеной комнаты 9 и приставной стеной с ложными бойницами оказалось сплошь заложеном прямоугольными сырцовыми кирпичами размером 48x36x15; 36-37-40x?x?x9-10 см; 47x33x15 см. Частично вскрытое помещение (9) не вписывается в основной архитектурный комплекс - квадратный в плане четырехбашенный замок - представляющий собой классический образец раннесредневековой сельской усадьбы замкового типа, - а, скорее, относится к остаткам помещений дворовой застройки. Судя по сильно обгоревшим стенам и внутреннему заполнению, комната эта выполняла функции хозяйственного помещения и вполне могла быть кухней. Подобную картину мы наблюдаем при раскопках раннесредневекового замка Чильхуджра в Уструшане, где "замок сообщался с внешним

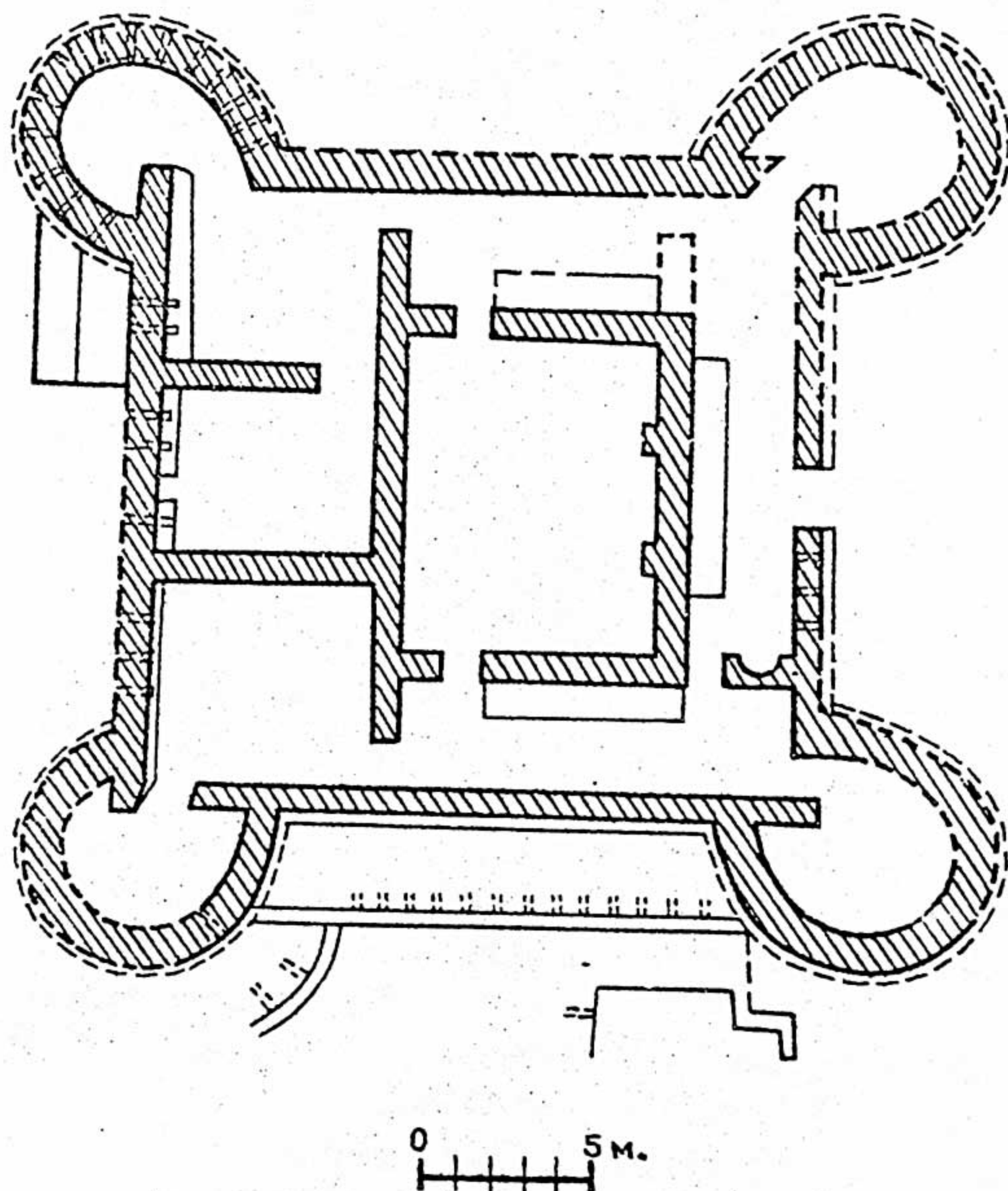

Рис.3. Тиркаштепа. Общий план замка с помещением двора.

миром без посредства двора", имеющего в основном хозяйственное назначение.²

Коротко остановимся на находках этого сезона. Представляет интерес случайная находка, обнаруженная при расчистке внешней стены башни № 3, в шве кирпичной кладки.

2. У.П. Пулатов. Чильхудкра. Материальная культура Уструшаны. Вып.3. Душанбе, 1975.

Это черешковый, лавролистной формы наконечник стрелы из стеатита с шлифованной поверхностью. Черешок в сечении подпрямоугольный, длина черешка 1,7 см, длина головки 3,5 см. Прямые аналогии находке пока не обнаружены. Предположительно она может относиться к времени поздней бронзы. Как нам указали, каменные наконечники стрел подобной формы на территории Таджикистана известны, но совершенно иной техники обработки — плоской ретушью.

Здесь же была найдена нижняя часть стеклянного бокала на невысокой устойчивой ножке с плоским поддоном.

Найдено несколько изделий из камня: косметическая палочка — сурьматаш, ядро, два пряслица дисковидной формы, заготовка-подвеска из халцедона.

Интересна дисковидной формы керамическая подвеска-амулет с обеими орнаментированными поверхностями (Д — 3 см, толщина — 1 см). На одной изображены вписанные один в другой два concentрических круга, выполненные в неглубокой резьбе. Обратная сторона предмета разделена двумя перпендикулярными неглубокими желобками на 4 сектора, в каждом из которых имеются неглубокие ямки, сделанные пунсонной техникой. Семантика изображений на подвеске довольно проста: concentрические круги легко отождествляются с солярным символом. Трактовка изображения на обратной стороне: две перекрещивающиеся линии могут вполне служить символом солнца, либо отождествляться с четырьмя сторонами света.

Немногочисленные керамические изделия, встреченные при земляных работах внутри основного здания и остатков дворовой застройки, не противоречат принятой ранее датировки слоя — IY—VI вв. н.э. Преимущественно это фрагменты и целые сосуды, аналогичные тем, которые были найдены при раскопках замка в прошлом полевом сезоне.³

Полученные дополнительные данные по стратиграфии памятника подтверждают ранее высказанные предположения о том, что раннесредневековый замок был возведен на развалинах здания, которое предстоит еще изучить.

3. Б.Д. С а л т о в с к а я. Начало раскопок Тиркаштепа...

З.А.Малаева

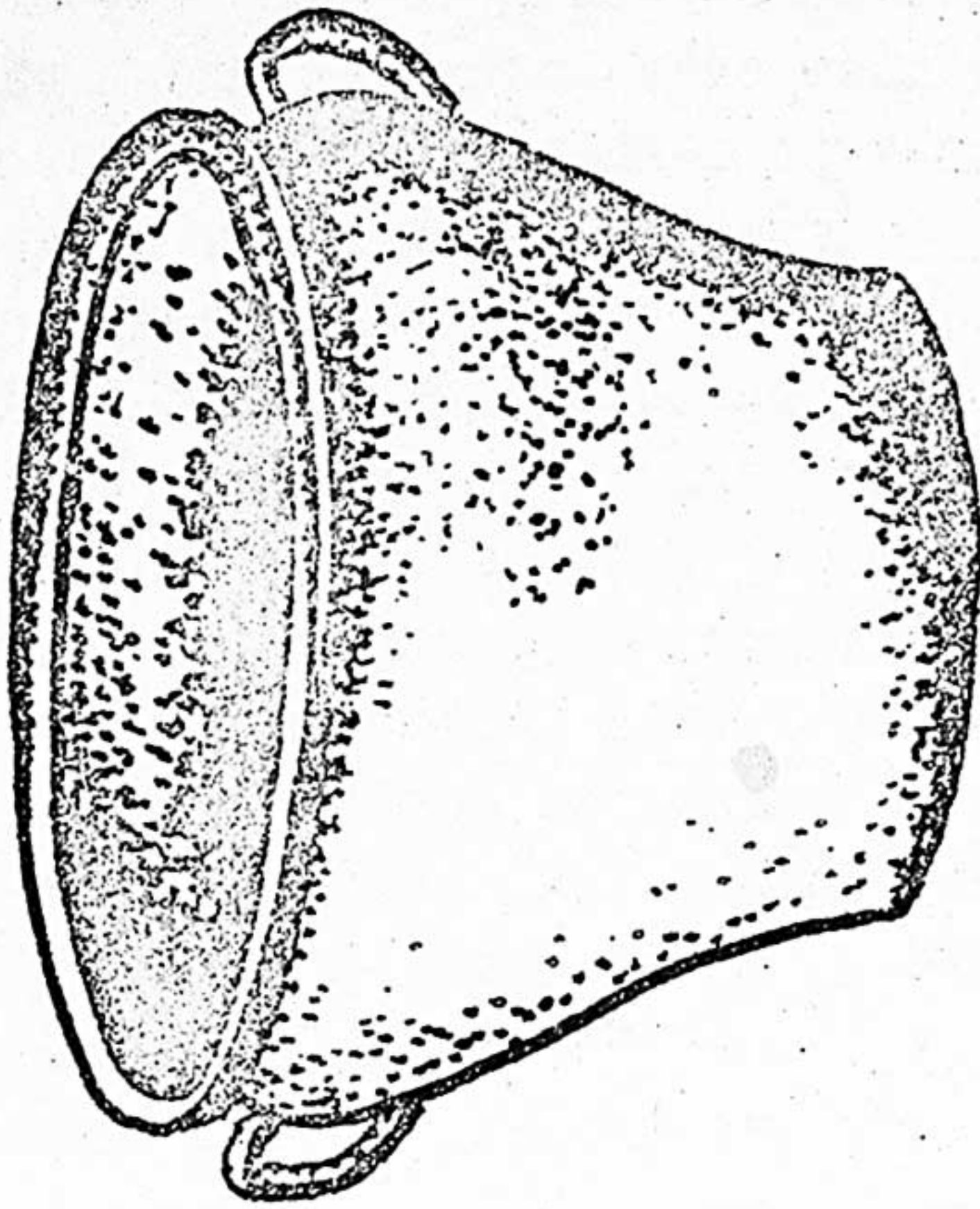
О РАСКОПКАХ НА ОБЪЕКТАХ УП И УШ
КАЛАИ КАХКАХА I В 1977-1979 гг.

На средневековом городище Калаи Кахкаха I — памятнике многолетнего стационарного изучения в течение трех сезонов 1977-1979 гг. проводилась работа на новых раскопах УП и УШ. Цель исследования — выявление строительных комплексов и определение их назначения, изучение стратиграфии центральной части городища.

Раскоп УП был заложен в 1977 г. на южном холме невысокой пологой возвышенности, которая протянулась по центральной части городища от северной фортификационной стены к южной. Раскоп УШ был разбит в 1979 г. на северном холме упомянутой возвышенности. В отношении этой возвышенности, преобладающей над микрорельефом городища, предполагалось, что это остатки внутренней стены, когда-то делившей городище на две части.

Раскоп УП. В 1977 г. были вскрыты три небольших прямоугольных помещения при глубине культурного слоя 130-150 см, относящиеся ко второму этапу жизни на городище. Стены помещений плохой сохранности; хорошо фиксируется глиняная поверхность, условно названная полом, покрытая толстым слоем побелки. Культурный слой помещений характеризуется частыми следами пожара и различным археологическим материалом: керамика (чан, фрагменты кухонных котлов, хумов, кувшинов, кубура, пряслица, несколько фрагментов тонкостенной красноангобированной керамики), стекло, строительная керамика, железные изделия, монеты.

В одном из помещений зафиксирован очаг, выложенный из прямоугольных жженных кирпичей (45x22x5 см). Со стороны

2

1

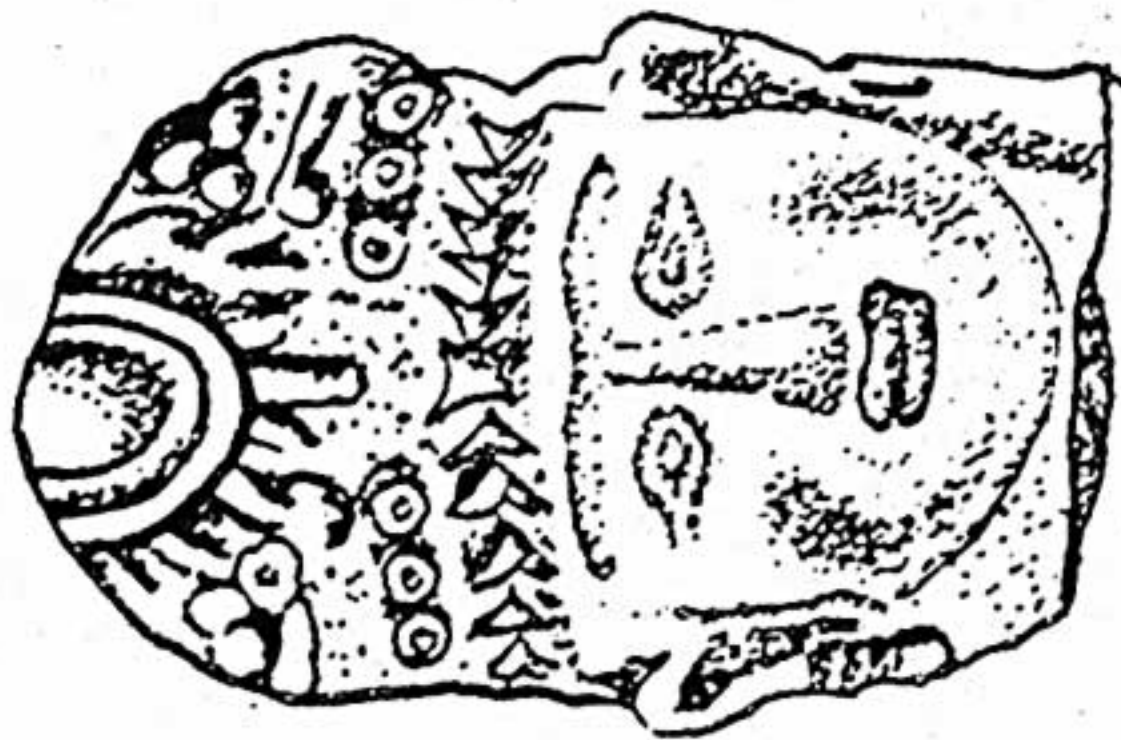

Рис. 1. Калаи Кахкаха I. Находки с УП объекта: 1 - терракотовая головка, 2 - сероглиняный чан.

топочной части он имеет по одному конусовидному кирпичу с полукруглым основанием, что делает очаг похожим в плане на букву "П" с закругленными во внутрь концами. Рядом с очагом найдены закопченные фрагменты толстостенного горшка. В этом же помещении обнаружены четыре медные монеты караханидского времени. Из керамических находок этого сезона интересен сероглиняный чан с двумя ручками по бокам, гончарного производства (рис. I.2). Чан стоял на полу и был огорожен барьером из сырцовых кирпичей (25x13x5 см), сохранившемся на высоту в один ряд кирпича. Здесь же найден большой фрагмент штампованной чаши. Она была изготовлена из серой глины, по тулову проходит широкий орнаментальный пояс. Рисунок рельефный, геометрический в сочетании с растительным и состоит из ромбов с кружочками по центру и веток — елочек. Несколько выше поддона проходит нижний пояс — наклонные вправо линии, заключенные в две параллельные полосы.

Как известно, штампованная керамика в большом количестве встречается на памятниках средневекового периода. Время ее массового производства датируется в пределах IX—XIV вв.¹, а в XI—XII вв. техника орнаментации штампом в Средней Азии достигла особенного развития² и широко применялась гончарами. Не составляют исключения в этом плане и памятники Шахристана, где на городищах Калаи Кахкаха I, II, III встречается штампованная керамика. Отметим также находку фрагментов сфероконических сосудов и пряслиц, изготовленных из донца поливной косы. В связи с этими находками вспомним, что в изучаемом районе довольно многочисленны фрагменты сфероконических сосудов и на территории Шахристана зафиксирован клад сфероконусов³; затем подобные пряслица⁴, вырезанные

1. Э. Гулямова. Штампованная керамика Хульбука. — В сб. Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971, с. 143.

2. Э. В. Сайко. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966, с. 110.

3. Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. — Материальная культура Уструшаны. Вып. I. Душанбе, 1966, с. 166.

4. Там же, с. 189—190.

из керамических обломков, встречались и ранее на городищах Калаи Кахкаха I, II, III и относятся ко второму периоду жизни на этих городищах.

Раскопанные в 1977 г. помещения, судя по комплексу найденных предметов, имели хозяйственное назначение. На основе керамического материала и монет их можно датировать временем развитого средневековья, т.е. XI-XII вв.

В 1978 г. были вскрыты еще два помещения при глубине культурного слоя I, 60-2 м, относящиеся к более раннему строительному периоду. Стены помещений сохранились на максимальную высоту (до 2 м) и начинаются сразу от дневной поверхности. Общая для этих помещений западная стена раскопа выполнена комбинированной кладкой: в своей нижней части — из пахсаблоков, в верхней — из кирпича-сырца. На глубине I, 60 м прослеживается поверхность пола, выложенная плоским бесформенным камнем (сланец). На одном из камней впритык к западной стене обнаружена тонкостенная миска (предположительно II-III вв.). Из других находок можно отметить каменный жернов, керамические и каменные пряслица различной формы, астрагал с подтесанным боком и отверстием, бусины, раковины каури, фрагмент слива сосуда в виде стилизованной бабьей головы. Общий характер заполнения помещений — завал из сырцовых кирпичей и пахсаблоков, который начинается сразу же от дневной поверхности. Часто кирпичи лежат большими неразделенными плитами. В этом завале на глубине 0,5 м от дневной поверхности найден фрагмент терракотовой скульптуры — женская головка (рис. I. I). Голову статуэтки венчает высокий сложный убор с солярными символами и спускающимися по вискам лентами, в ушах — серьги. Можно предположить, что это фрагмент скульптуры божества местного пантеона.

В 1979 г. была зачищена с внешней стороны западная стена раскопа II, выполненная, как указывалось ранее, комбинированной кладкой. Толщина стены оказалась равной 3,80 м. В восточной части раскопа из хозяйственной ямы была извлечена хорошей сохранности медная монета уструшанского чекана.

В целом для культурного слоя данного раскопа характерна хозяйственная керамика. Наиболее часто встречаются венчики кухонных котлов, горшков, кувшинов, днища толстостенной посуды, вероятно, хумов, крышки, пряслища. На фоне подобной керамики наиболее интересными находками были фрагмент длинного узкого горлышка кувшина со следами красной раскраски и фрагмент тулова изящной кружки с сохранившейся ручкой. Часто попадаются прямоугольные и квадратные жженые кирпичи, имеющие на одной из поверхностей неглубокие бороздки, нанесенные пальцами руки по сырой глине. Размеры кирпичей варьируют в пределах: 25х15х4; 27х14х4; 22х22х4; 23х23х4 см.

Характер и назначение данного объекта прояснились лишь после того, как был заложен новый раскоп УШ. Он был разбит к северу от раскопа УП, параллельно ему и на той же самой возвышенности. По своему месторасположению он пришелся на отрезок внутренней городской стены без каких-либо дополнительных построек.

Раскоп УШ прорезал по ширине тело стены, которая вместе с зачищенным отрезком западной стены раскопа УП составляет одну внутреннюю стену, делящей городище на две части. Из-за окончания экспедиционных работ дойти до основания стены и промерить ее ширину на данном участке не удалось. Хотя можно думать, что ее ширина будет аналогичной ширине стены на раскопе УП. Выявленная высота стены 2,4 м. Полученный разрез данной стены хорошо фиксирует ее разрушения, соответствующие разным этапам функционирования и последующие ремонты. Ясно видны полуразрушенные нахсовые кирпичи в нижней части стены (на глубине 2 м от дневной поверхности). Нетолстая зольная прослойка вперемежку с гравием отделяет эту разрушенную часть стены от новой верхней части. В тело стены было замешано незначительное количество костей животных и керамики. Керамика в основном представлена венчиками кухонных котлов, горшков, хумов. Наибольший интерес представляют находки венчиков от двух мелких тонкостенных блюдечек, венчик энеолитического сосуда и фрагмент тулова кружки с сохранившейся ручкой. Все эти фрагменты были по-

крыты красно-коричневым ангобом и отличаются хорошей техникой изготовления.

Подводя итог полевым сезонам 1977-1979 гг., следует сказать, что работы на раскопах УП и УШ предоставили возможность определить назначение данных объектов. Зачищенная западная стена раскопа УП, остатки хозяйственных помещений, примыкающих к ней, и поперечный разрез стены на раскопе УШ позволяют сказать, что это остатки одной и той же внутренней стены, разделяющей городище на примерно равные две части. Значительная толщина стены (3,8 м) говорит о ее фортификационном назначении. На основе анализа керамического материала и монет общие хронологические границы выявленных строительных остатков на объектах УП и УШ соответствуют двум этапам жизни на Калае Кахкаха I. и определяются ранним и развитым средневековьем - УП-УШ вв.

ОБЖИГАТЕЛЬНЫЕ ПЕЧИ БУНДЖИКАТА (IX-XI вв.)

В течение ряда лет при осмотре невысоких естественных всхолмлений у восточной окраины селения Шахристаня нами нередко встречались куски шлака. В месте, где местные жители берут глину для обмазывания стен, в 1970 г. была отмечена прокаленность грунта на значительную глубину, но остатков сооружений с ошлакованными стенками не наблюдалось. Визуальное наблюдение поверхности всхолмления также ничего не дало.

В 1972 г. вновь осматривая этот район (место "карьера"), нами снова была замечена сильная прокаленность грунта на значительную глубину. На незначительном участке была видна ошлаковка поверхности. Стало очевидным, что мы имеем дело с обжигальной печью.

Ученик средней школы № 10 им. Н.Островского поселка Шахристаня Деливроня Хасан, осматривавший вместе с нами отмеченное место, вызвался показать еще такие места в другом районе. В результате были обнаружены остатки еще одной печи и две ямы со значительным количеством фрагментированной керамики. На значительной площади вокруг вновь обнаруженной печи и ям было много шлака, спекшихся при обжиге кирпичей.

Так как ранее в районе поселка Шахристаня обжигальные печи обнаружены не были, оставалось полагать, что мы имеем дело с "кварталом" Гончаров г. Бунджиката.

Для полноты представления о месте расположения обнаруженных остатков сооружений остановимся на описании местности.

К востоку от поселка Шахристаня, почти параллельно Шахристансаня проходит второй - так называемый Гургохонсаня

(сай Волчий дом). Против поселка на обоих его берегах и были найдены печи. Первая на левом берегу, вторая — на правом. Этот район стоит вне древних городских стен (рис. I).

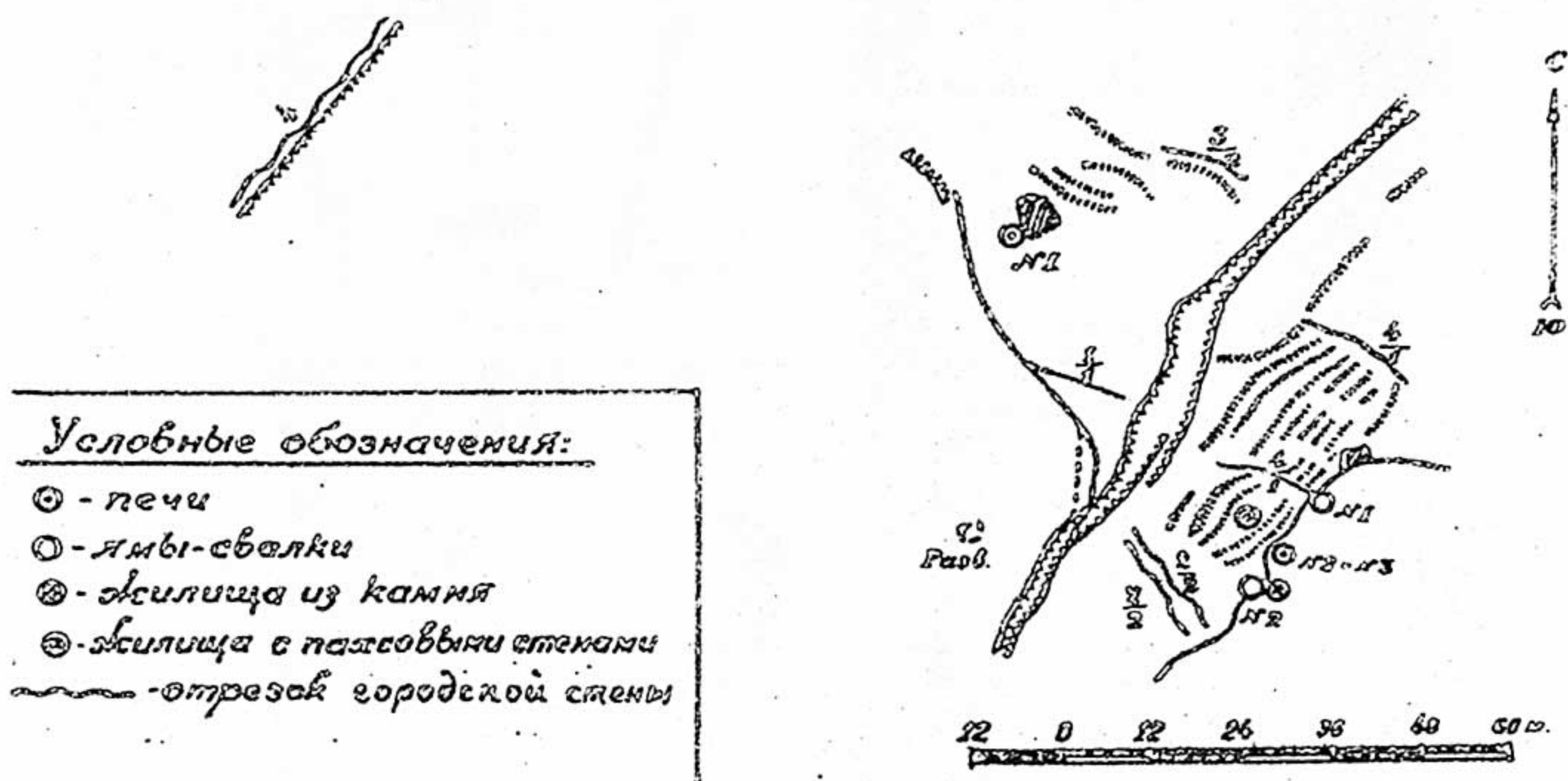

Рис. I. Гургхонасай. Схема расположения печей, ям — свалок и жилищ гончаров.

Осенью 1972 г. Северо-Таджикистанским отрядом ТАЗ, руководимым доктором исторических наук Н.Н.Негматовым^I, было изучено три обжигательные керамические печи и две ямы-свалки.

Печь № I была двухкамерной (топочная и обжигальная). Топочная камера призматическая (прямоугольная призма), по форме с сводчатым верхом. Под прямоугольный в плане (рис. 2). Горячий воздух поступал из топочной камеры в обжигальную через 16 продухов, расположенных по восемь штук симметрично у краев пода (северный и южный края). Длинной осью печь ориентирована восток-запад. С западной стороны находится топочное устье, расположенное в верхней части камеры. Топочная камера и под полностью вырублены в лессовом массиве.

I. Отряд — аспирант Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР Самойлик П.Т., рабочие Самадов У., Азбов З., Оришов У.

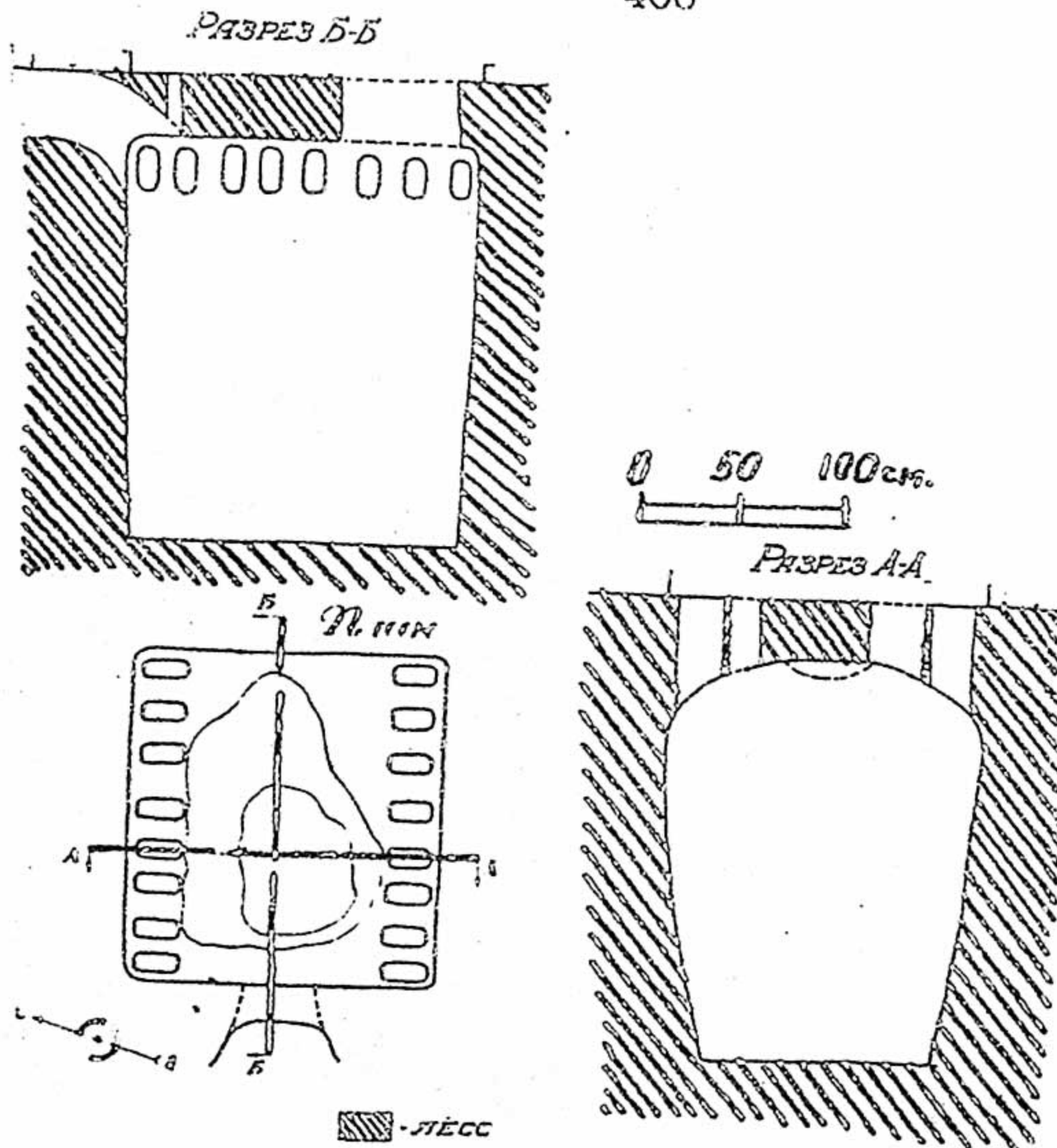

Рис. 2. Гургхонасай. Печь № I. План, разрезы.

По сохранившимся незначительным остаткам можно заключить, что стенки обжигальной камеры были сложены из кирпича сурца².

Преобладающая сторона ветров в августе — запад.

Размеры: длина обжигальной камеры (пода) 190 см; ширина 170 см, длина топочной камеры (у основания) 150 см, ширина 120 см; высота от низа топочной камеры до верхней границы пода 260 см. Высота топочного устья 60 см, ширина — 40 см. Наименьшая толщина пода 30–35 см. Продуки: 25х10; 23х12.

Находки: в заполнении топочной камеры обнаружено много целых и фрагментированных кирпичей. На одном из них имеется знак в виде эллипса. На поверхности другого, представленного

2. Полный размер кирпича, использованного для возведения стенок установить не удалось.

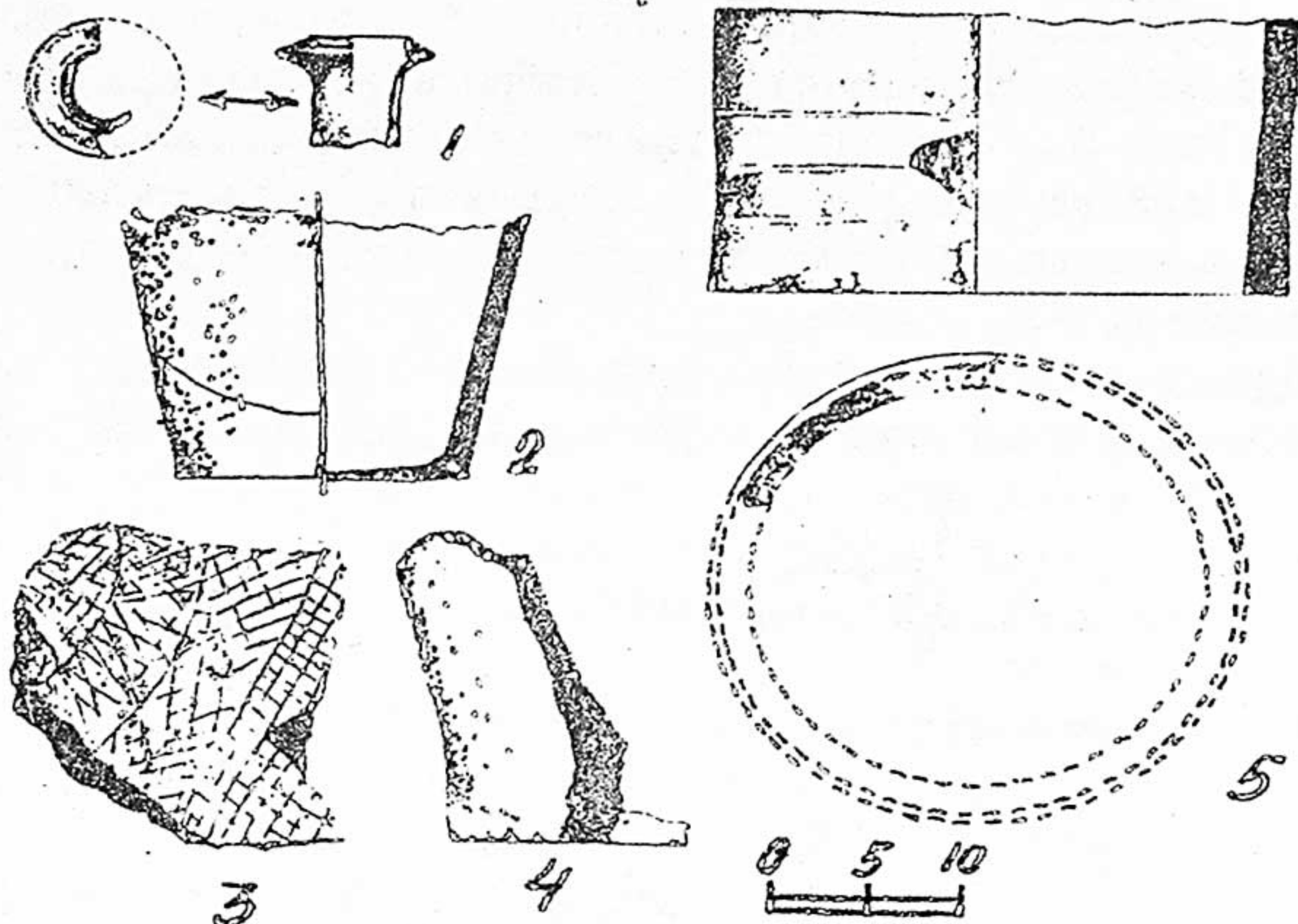

Рис. 3. Гургхонасай. Печь № I. Керамические изделия из заполнения топочной камеры.

фрагментом, одна из поверхностей полностью покрыта сетчатой заштриховкой (рис. 3.3). Размеры целых форм: 20x20; 19x20 см; 18x20 см; толщина 3 и 3,5 см, фрагменты: 20x25x5 см; 20x10x3 см, 20x22x3-4 см (с эллипсовидным знаком).

Другие находки (рис. 3): горловина узкогогорлого кувшина с невысоким горлом. Венчик треугольный в сечении, фрагмент дощца, стенки светлоангобированного хума, фрагмент нижней части кувшина, три фрагмента кобура больших размеров. Весь керамический материал, кроме кирпичей, кружального изготовления.

В заполнении топочной камеры содержалось много обугленных остатков топлива, которые также были взяты на определение. Было взято две пробы: в верхней части заполнения и в нижней. Позже образцы были сданы на определение в Ордена Трудового Красного Знамени Институт ботаники АН Таджикской ССР. Определение производилось в Секторах живых растений и палеоботаники. Приводим заключение.

Образец № I - остатки угля травянистых растений при-

надлежат пшенице с примесью сорняков (горчака). Найдены обгоревшие зерна пшеницы, остатки колосьев, семена сорняков.

Образец № 2 — уголь травянистых растений, состоит из остатков той же пшеницы, но с большим процентом сорняков (янтак) и примесь зола от соломы нута. Сохранились спекшиеся стручки янтака и нута.

Печь № 2 (рис. 4) была обнаружена к востоку от печи № 1 на противоположном правом берегу сая. При расчистке было ус-

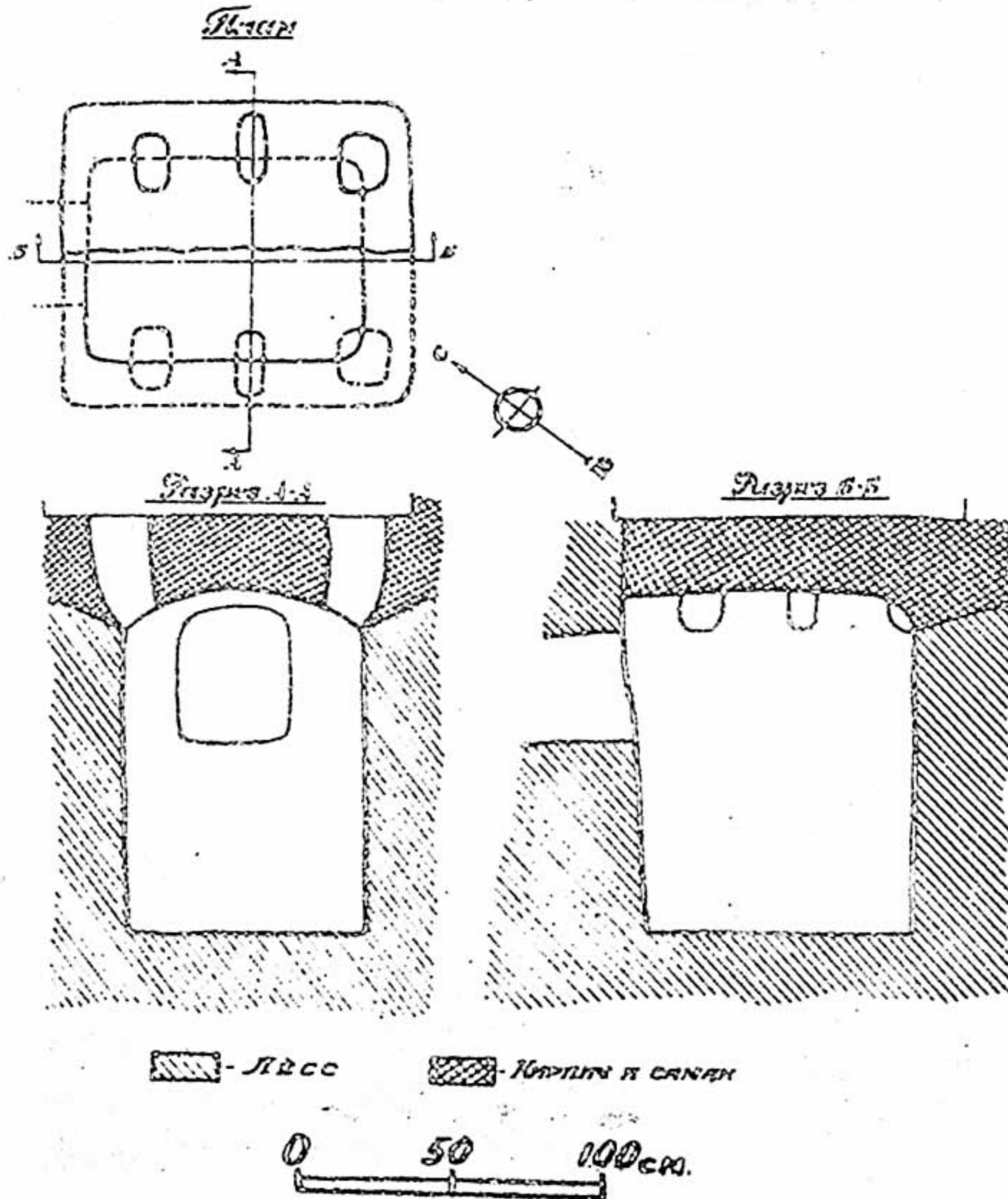

Рис. 4. Гургонасай. Печь № 2. План, разрезы.

становлено, что она была двухкамерной. Под в плане квадратный. Топочная камера прямоугольная с купольным верхом. Воздух поступал в обжигальную камеру через шесть продухов различных форм и размеров, расположенных по три у края двух сторон симметрично. Продухи по форме квадратные, прямоугольные, овальные. Топочное устье находилось в середине север-

западной стены вверху. Оно представляло собой округлое отверстие, плавно спускающееся сверху и заканчивающееся на высоте 35 см от пола топочной камеры.³

Сама обжигальная камера выдолблена в лессовом массиве. Под возводился из кирпича сырца размером 50x25x10-12; 52x25x10-12 см. При решении закладки пода использовался прием возведения клинчатых арок (центральная часть) и полуарки (юго-восточная часть). Пятой арки в одном и другом случаях является наклонно подтесанная поверхность лесса (29° и 18°). Обжигальная камера была разобрана ранее, поэтому о материале, использованном при ее возведении, говорить не приходится.

Размеры: под 140x140 см, толщина пода в центре 35 см, длина топочной камеры у основания 10,5, ширина 90 см, высота 150 см, ширина топочного устья 55 см, высота 60 см, продухи размером 25x20; 30x10; 25x15 см.

Находки: в заполнении топочной камеры обнаружено значительное количество фрагментированных керамических изделий (рис. 5). Преобладают верхние части высокогорлых кувшинов с узкой горловиной. Плечико одного кувшина орнаментировано отпечатками штампа (серия кружков и точек). Отмеченный орнаментальный мотив получил широкое распространение в IX-X вв. и был известен также и в керамике Шахристана ранее.

Печь № 3. При расчистке площади, непосредственно прилегающей к печи № 2 было установлено, что с юго-востока к ней примыкает еще одна обжигальная печь (рис. 6), но меньших размеров. Под прямоугольный в плане, вытянут по оси юго-восток-северо-запад. От этой же оси печи № 2 ее край сдвинут на 50 см, отстоит она от печи № 2 на 40 см к юго-востоку.

Под прямоугольный в плане, топочная камера прямоугольная, со сводчатым верхом. Воздух поступал в обжигальную камеру через восемь овальных продухов, расположенных по четы-

3. В данном месте в конце августа стороной преобладающих ветров является север, северо-запад.

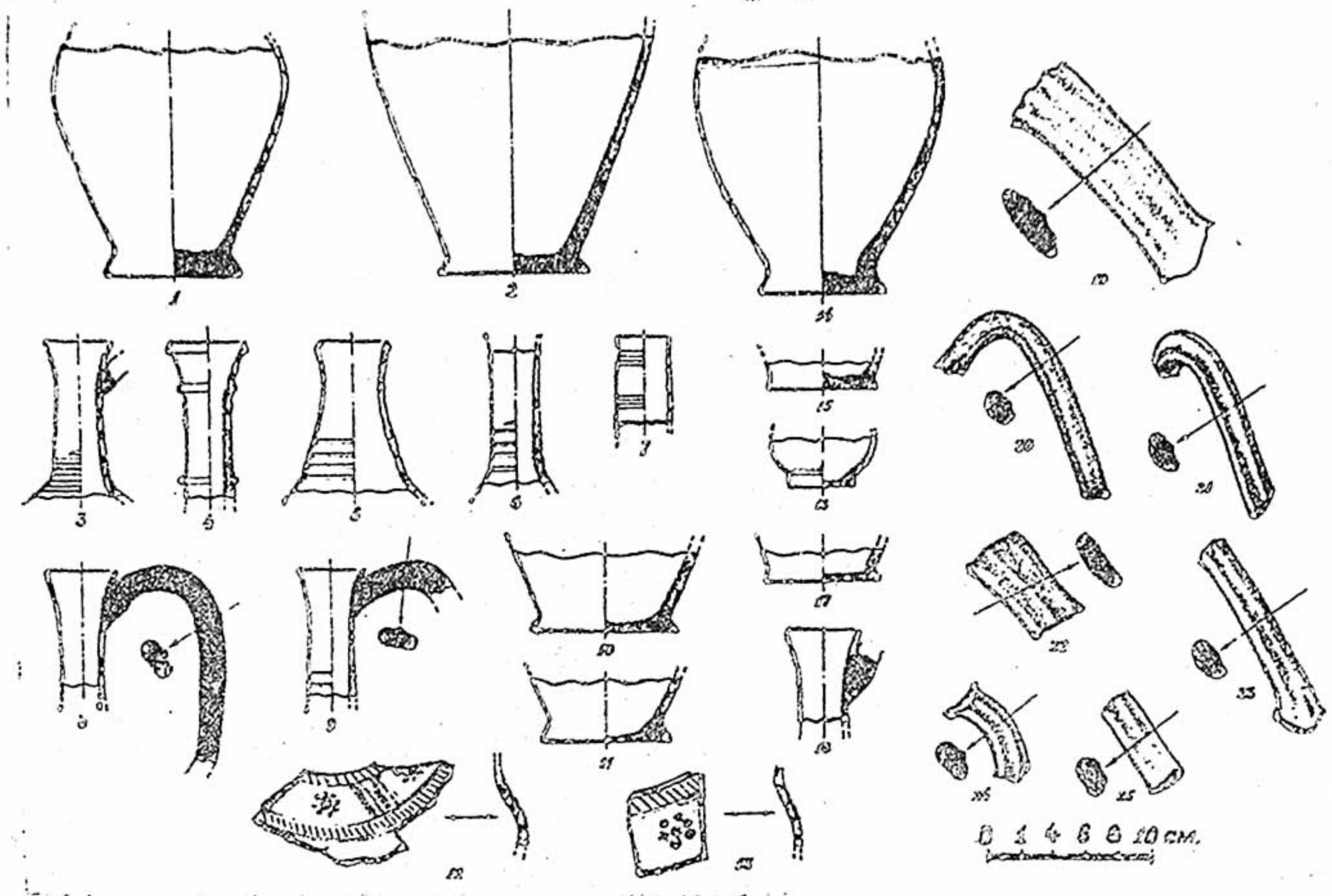

Рис. 5. Гургхонасай. Печь № 2. Керамические изделия из заполнения топочной камеры.

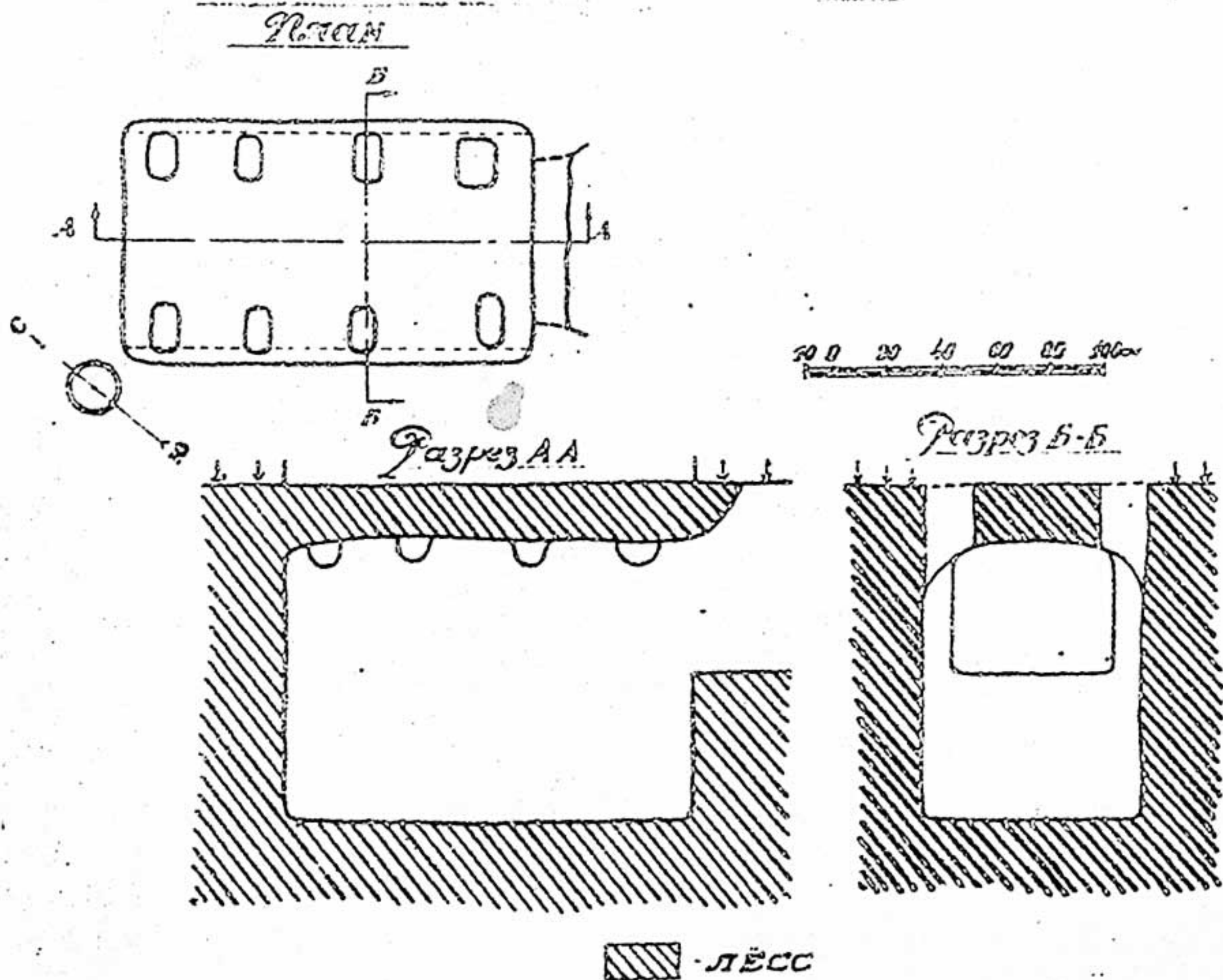

Рис. 6. Гургхонасай. Печь № 3. План, разрезы.

ре симметрично у края двух сторон. Топочное устье⁴ располагалось в юго-восточной части топочной камеры внизу. Вся сохранившаяся часть (топочная камера и под) целиком выбита в лессовом массиве.

Размеры: длина пода 150 см, ширина 90 см, длина топочной камеры 150 см, ширина 80 см, высота 105 см, толщина пода в центре 20-25 см, ширина топочного устья 60 см, высота 50 см, продукты: 17x10 см, 18x15, 16x10, 15x10, 19x10 см.

Находки: в заполнении топочной камеры печи № 3 обнаружено значительное количество керамики, фрагментированных керамических изделий. Всего обнаружено шесть ручек кувшинов.⁵ Все они эллипсоидные в сечении, наибольшая ширина 4 см, наименьшая 2 см, наибольшая толщина 1,5 см, наименьшая - 1,2 см.

Имеются целые и фрагментированные донные части от шести кувшинов.⁶ Донца плоские. В одном случае⁷ имеется четко выраженный поддон-щиток. Диаметр поддона 11 см, высота поддона 1,3 см. Четыре экземпляра сосудов красного обжига, один светло-коричневого цвета и один темно-серого (дымчатого) цвета. Наибольший диаметр донцев 11,5 см, наименьший - 9 см.

Найдены также фрагменты плечиков от шести кувшинов.⁸ Три из них украшены резным, прочерченным и штампованным орнаментом. Для орнаментации использовались различные штампы; давшие изображения: подковообразная двойная линия с точечным заполнением промежутка; двойной кружок с точкой во внутреннем кругу; двойной кружок меньших размеров, чем первый без точки в центре внутреннего круга; подковообразный штамп, многозубчатая гребенка, используемая в одном случае как

4. Топочные устья печи № 2 и № 3 имеют противоположную направленность, что не исключает предположения о том, что здесь мы имеем выражение знаний керамистов об изменяемости сторон преобладающих ветров в различные времена года.

5. КП 94I/4811; 94I/4812; 94I/4813; 94I/4814; 94I/4815; 94I/4816.

6. КП 94I/4817; 94I/4818; 94I/4819; 94I/4820; 94I/4821; 94I/4822.

7. КП 94I/4819.

8. КП 94I/4825; 94I/4826; 94I/4827; 94I/4828; 94I/4829; 94I/4831.

штамп (использовались и для нанесения прямых линий и зигзагов).

Обнаружены также фрагменты венчика узкогорлого кувшина⁹, часть корпуса сильно обгоревшего сфероконуса,¹⁰ фрагмент венчика сосуда с широким устьем (подойник?),¹¹ фрагмент лепной части кувшина (?) с вырезанной центральной частью дна.¹²

В непосредственной близости к печам № 2 и № 3 было расчищено две ямы свалки. Полученный керамический материал, в том числе поливная посуда, при сравнении с ранее отмеченным дает возможность уверенно датировать¹³ время использования печей - IX-XI вв. н.э.

9. КП 941/4808.

10. КП 941/4830.

11. КП 941/4809.

12. КП 941/4823

13. В яме-свалке № I была обнаружена донная часть блюда на поддоне, наружная поверхность которого была полита почти полностью, что характерно для поливной керамики IX-X вв.

Н.Н.Негматов, А.К.Мирбабаев

НАХОДКИ СКУЛЬПТУРНЫХ ГОЛОВОК И ДРУГИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ИСФАРИНСКОЙ ДОЛИНЫ

В середине марта 1979 г. в 2 км восточнее селения Ра-ват Канибадамского района, в древнем ложе р. Исфарасай, в карьере по добыче гравия, на глубине 5-6 м от дневной поверхности машинист экскаватора В.Б.Мещериков неожиданно задел ковшом машины два металлических предмета, оказавшимися головками скульптур дикого барана, отлитых из бронзы. Через некоторое время в том же карьере, в 180-200 м восточнее места находки скульптурных головок, на глубине 6-7 м машинист экскаватора И.Ф.Смирнов обнаружил большое количество железных слитков. На том же месте был обнаружен железный кинжал. Часть находок вначале была растаскана жителями окрестных селений. Однако при энергичной помощи работников Исфаринского ГК КП Таджикистана, а также начальника ЖБК № 5 г. Исфары, большого энтузиаста и любителя истории Х.С.Киллоева и старшего мастера карьера Н.Т.Волкова все находки были возвращены и доставлены в г. Душанбе в Институт истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР.

Во время двухкратной поездки в октябре и ноябре 1979 г. в осмотра района находок А.К.Мирбабаевым был обнаружен дополнительно еще один бронзовый обломок овальной формы с отбитым каким-то навершием, видимо являющийся фрагментом одной из скульптур.

Карьер расположен у острогов северо-восточной конечности Туркестанского хребта, на месте выхода речки из узкого каньона, откуда вода широко разливалась в направлении Ферганской равнины (рис. I). Современные водозаборные и гидротехнические сооружения на пойме реки немало укротили водную стихию и неузнаваемо изменили рельеф местности. Гресте

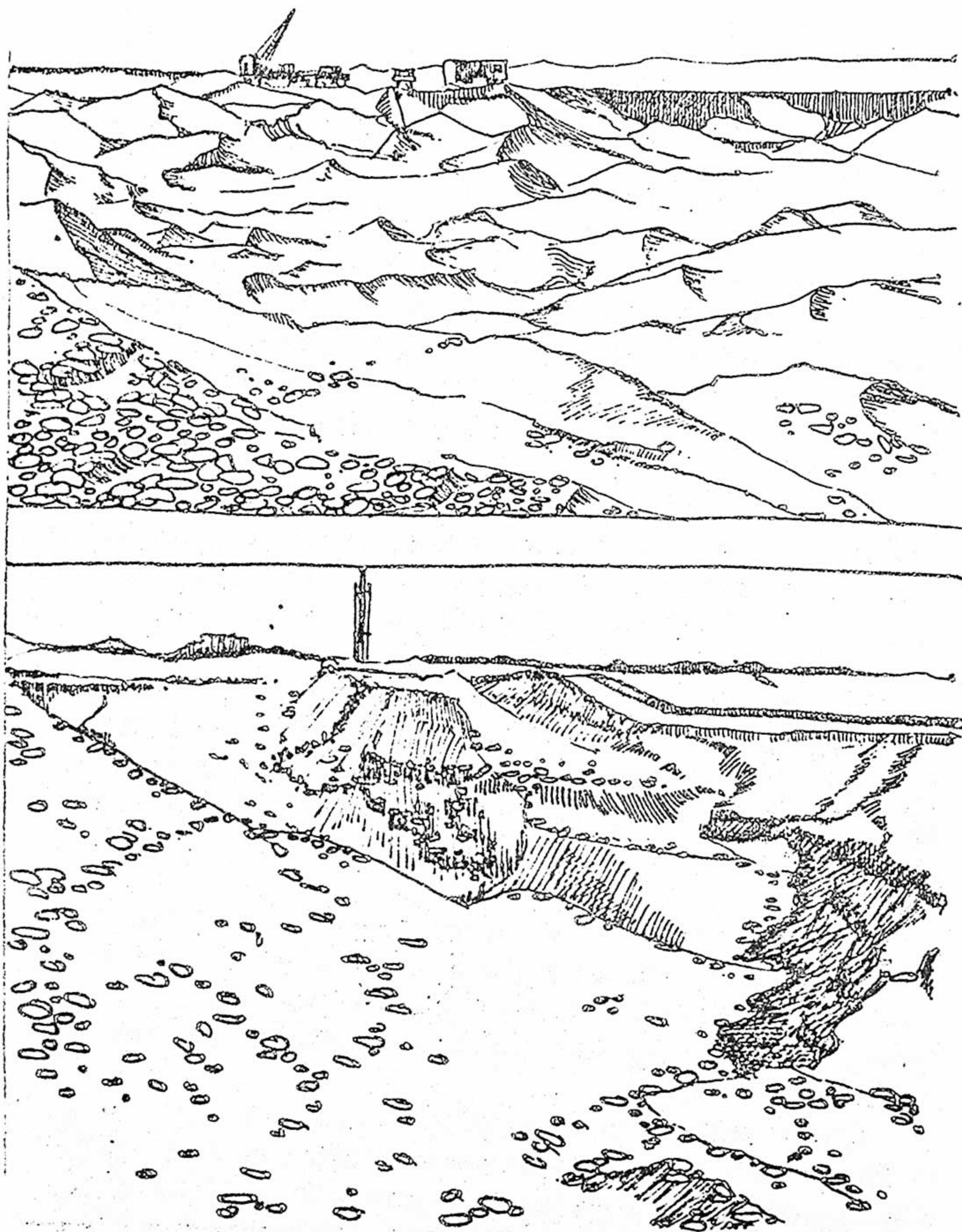

Рис. 1. Речка Исфарасай. Гравийный карьер. Место находок.

с тем на карьере, на разрезах вырисовывается старое русло речки с отложением песка, не исключено, что на том месте некогда пролегалo древнее русло Исфаринки или один из крупных рукавов, а найденные находки, видимо, были принесены потоком воды в результате размыва прибрежного древнего городища или какого-либо другого памятника, расположенного выше по течению в Исфаринской долине. По опросам местных жителей, самым близким к карьере населенным пунктом является древнее селение Зархок в северо-восточной части Канибадамского района, на правом берегу реки. Осмотр береговой части селения, название которого "Золотой лёсс", не выявил остатков какого-либо древнего сооружения. Время размыва, судя по глубине залегания головок, уходит вглубь веков.

Скульптурные головки № 1 (большая) и № 2 (меньшая) (рис. 2,3) с целью сохранения структуры поверхности металла и налета древности были подвергнуты лишь предварительной механической, а наиболее плотно загрязненные места — химической чистке в Реставрационно-технологической лаборатории Института истории им. А. Дониша реставратором-химиком Г. Каратаевой, а вторая из них побывала несколько месяцев в руках местных жителей, начисто соскоблена местами острым металлическим инструментом. По нашей просьбе головки подвергнуты также формально-биологическому осмотру и анализу кандидатом биологических наук, заведующим Отделом охраны и рационального использования природных ресурсов АН Таджикской ССР Г. Н. Сапожниковым, любезно предоставленные определения которого использованы нами с благодарностью в нижеследующем описании находок.

Головка № 1. Вес 14,8 кг, пустотелая, в шейной части четко прослеживаются следы рубки. Рога плавно загнуты назад, их концы отбиты. Нижние ободки у основания рогов отмечены выпуклым кольцом с нарезками, а годовые кольца на рогах тоже заштрихованы под острым углом вниз. Уши также отбиты почти у основания. Голова удивительно реалистичная, поза статичная, вырез глаз очень четкий, зрачки выпуклые, надбровные дуги выразительны. Ноздри вздуты. В скульптурной головке достаточно четко выделяются признаки диких баранов: отсут-

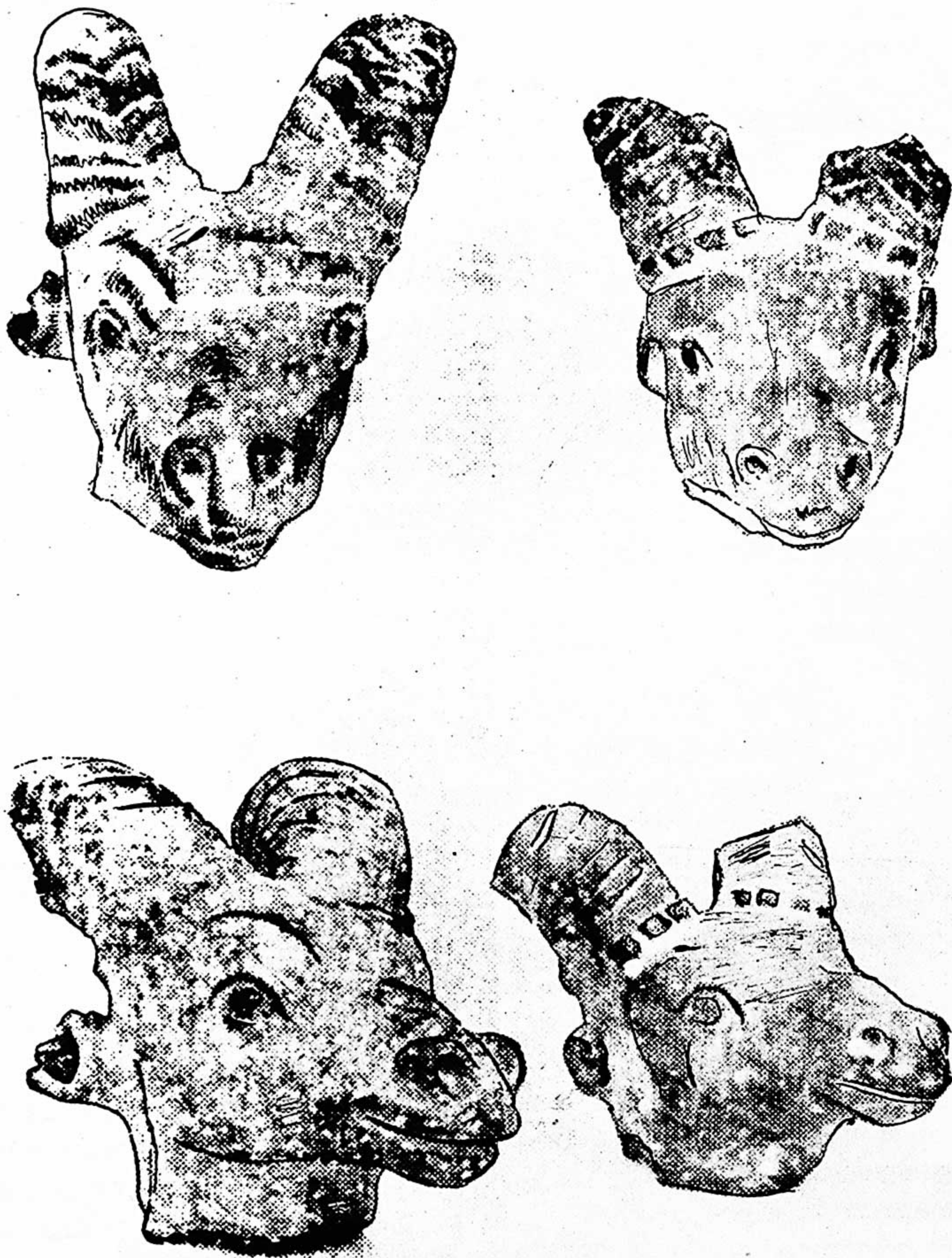

Рис. 2. Речка Исфарасай. Гравийный карьер. Головки бронзовых скульптур баранов. Анфас и профили.

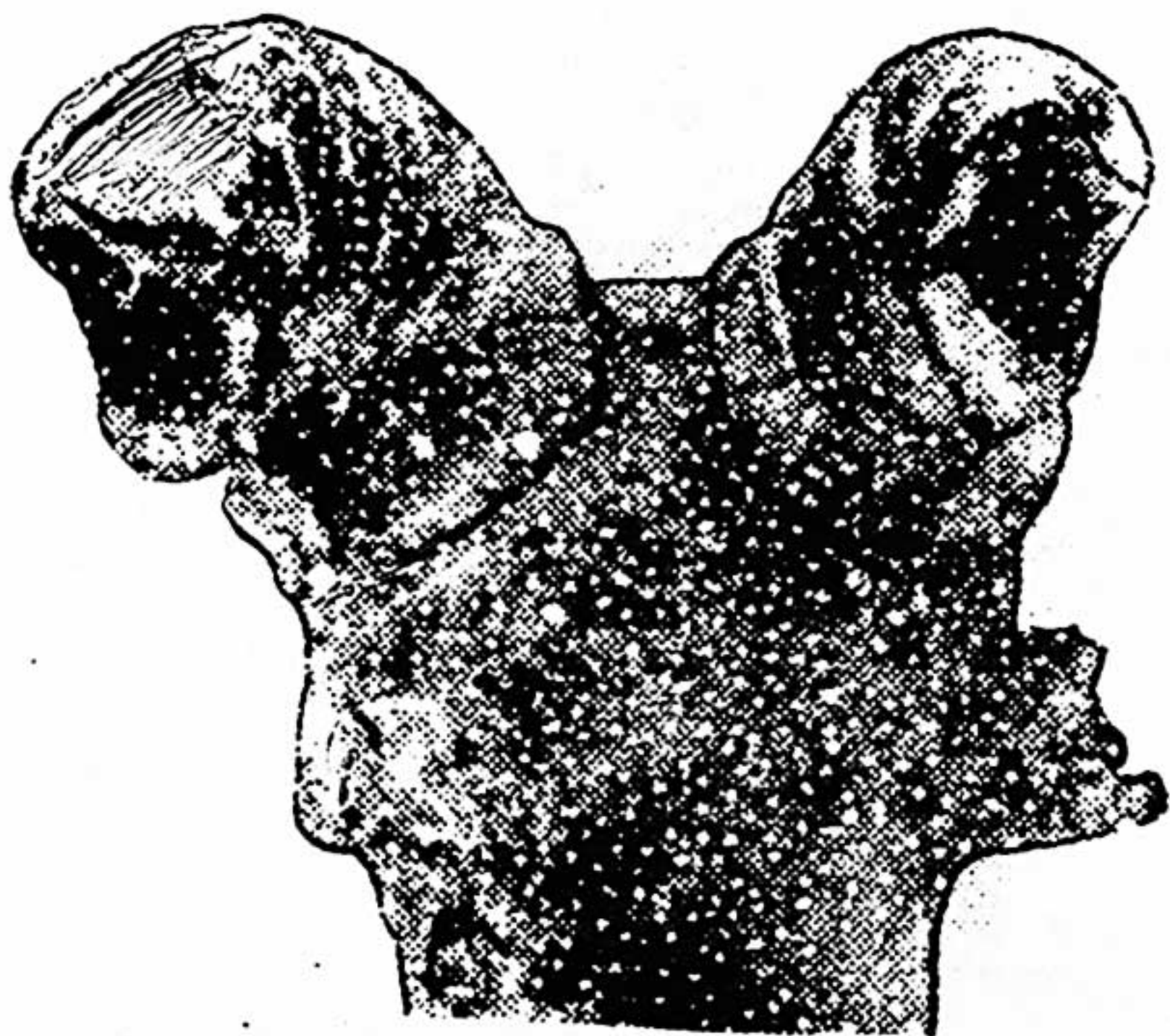
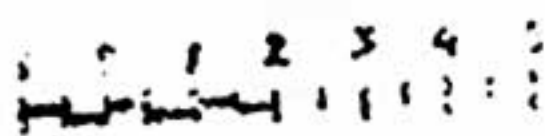
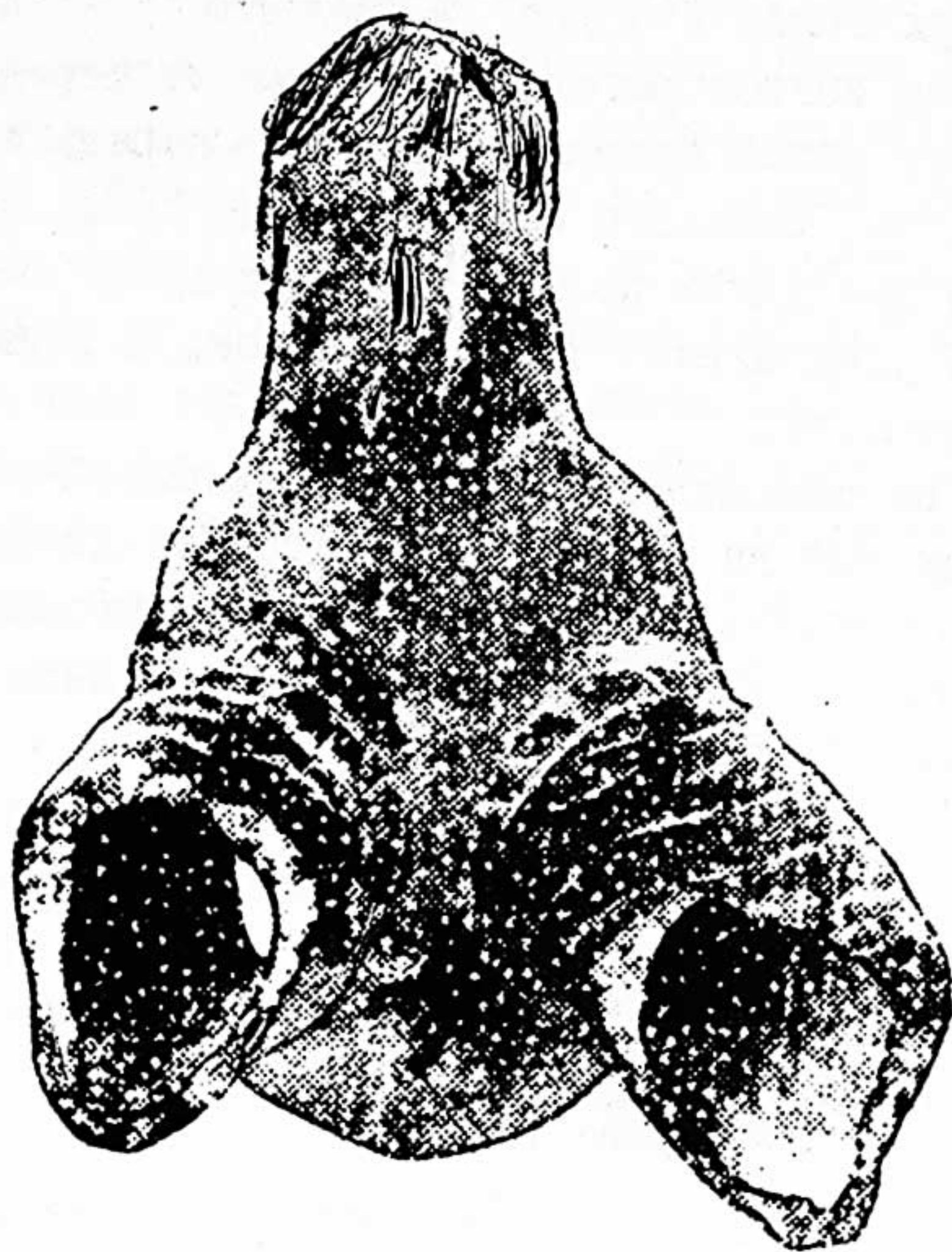

Рис. 3. Речка Исфарасай. Головки бронзовых скульптур баранов. (Сверху и сзад.).

ствие удлиненных волос ("бород" и "подвеса") на нижней части головы, форма изгиба рогов, штриховка на передней поверхности последних, общий профиль морды. Но наряду с этим угол расхождения рогов довольно острый (около 32°), что характерно особенно для диких козлов, а среди диких баранов круторасходящиеся рога бывают только у самок, а также самцов 3-4-летнего возраста.

В целом, по определению Г.П.Сапожникова, головка № I ближе всего походит на головы двух подвидов диких баранов *Ovis orientalis cucloceros* Hutton — копетдагский баран и *Ovis orientalis severtzovi* Nasonov — баран Кызылкумов, или баран Северцова. Первый из названных подвидов в настоящее время обитает в Хорасанских горах, Больших и Малых Балханах (Юго-Западная Средняя Азия и Иран), а также в Афганистане.¹ Второй подвид сохранился на Алайском, Туркестанском, Зеравшанском и Гиссарском (включая Байсунские горы) хребтах, хребте Нуратау и небольших возвышенностях Южных и Центральных Кызылкумов.²

Головка № 2. Вес 8,1 кг, пустотелая, в отличие от первой головки, годовые кольца заштрихованы углом вверх. Головка по большинству признаков также напоминает головы выше названных подвидов диких баранов из вида *Ovis orientalis* Smel. — азиатский муфлон.³ Однако имеются и отличия: "большая горбоносость", наличие на подбородке небольшого утолщения, иная штриховка лобной поверхности рогов. Данные отличия, вероятно, можно объяснить стилистической трактовкой мастера-художника.

Особенностью обеих найденных бронзовых головок являются широко раздутые ноздри. Подобная форма фиксирует обычно состояние после длительного и быстрого бега или в период гона. По подсчетам Г.Н.Сапожникова, у муфлонов в природе

1. И. И. С о к о л о в. Фауна СССР. Млекопитающие. Копытные звери. М.-Л., 1959.

2. Г. Н. С а п о ж н и к о в. Дикие бараны (род. *Ovis*) Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976.

3. Г. Н. С а п о ж н и к о в. Заключение по осмотру бронзовых головок... с. 3.

вес головы с рогами составляет 10% веса тела. Если предположить сохранение естественных пропорций в бронзовых скульптурах, то учитывая вес первой головки (около 15 кг) и обломанность рогов (т.е. вес головы должен составлять 7-8% веса тела), можно примерно определить вес первой скульптуры — около 200 кг. Соответственно вес второй скульптуры мог равняться 110-120 кг. Хотя черепа диких баранов с Туркестанского хребта всегда отличались массивностью.⁴

Зона обитания отмеченных подвидов диких баранов захватывает и районы, близко прилегающие к месту находки. Еще в середине 20-х гг. XX в. известный зоолог Н.А.Бобринский видел большие стада диких коз и баранов на озере Сари Чилек, недалеко от Намангана.⁵ Останки рогов и черепов, как и сами живые дикие бараны, до недавнего времени встречались на отрогах Ферганских гор в местностях селений Яйпан, Ворух, Риштан, Сох.⁶

Находка на редкость уникальная, не имеет прямых аналогий в искусстве и археологии Средней Азии. Однако тема изображения баранов была широко распространена в древности среди скифо-сарматских и сако-массагетских племен евразийских степей и их этнокультурных наследников от кушан до кангюйцев, согдийцев и парфян, до таджиков и осетин, особенно древних насельников Сырдарьинского бассейна — носителей каунчинско-джунской культуры. В литературе делались уже неоднократные попытки найти семантику многочисленных зооморфных изображений на керамике и мелкой металлической пластике, воспроизводящие часто и образ барана, а также интерпретации слова "фарн" как божественного покровителя племени, рода, дома, семьи и отдельной личности, каковым выступает также и баран, на широком историко-культурном фоне.⁷ Эти изображения

4. Г.Н. Сапожников. Дикие бараны Таджикистана... с.53.

5. Н.А. Бобринский. Животный мир и природа СССР. Изд. 3-е. М.: Наука, 1967, с.305.

6. Г.Н. Сапожников. Дикие бараны Таджикистана... с.92-93.

7. Б.А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе: Дониш, 1968. Там же литература вопроса.

были связаны со сложной системой мифологических и религиозных мировоззрений скифо-сакской и в целом ираноязычной среды⁸.

Исфаринские головки несомненно представляют собой подлинный образец сакского фарна, воплощенного в образе барана. Они являются фрагментами близких к натуральной величине скульптур или деталями важного крупного предмета из дворцового интерьера — типа трона. Как известно, в различных областях древней доисламской Средней Азии троны местных владетелей изображали различных животных. По сообщениям древних хроник правители Ферганы, Кушании, Мерва, Персии восседали на троне, представлявшем золотого барана⁹. По данным тех же источников, в других владениях также основу престола составляли священные звери — атрибуты царского фарна. Тем самым подчеркивалось сверхчеловеческое, божественное происхождение владетеля¹⁰. Например, престол правителя Куча имел вид золотого льва¹¹, Бухары — золотого верблюда¹², Уструшаны — золотого коня¹³ и т.д. Эти символы, уходящие корнями к тотемизму, были традиционными, передавались по наследству, превратившись в фарн парствующего дома. В Фергане, откуда происходят скульптурные головки, таким символом как раз служил баран. Не вдаваясь подробно в анализ иконографии и атрибуции скульптур животных (этой темой занимались уже многие ученые), лишь отметим, что исфаринские головки несомненно представляют божество местного

8. Д.С. Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, ГРВЛ, 1977; С.С. Сорокин. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры. — Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Сб. ст., Л.: Аврора, с. 172-191.

9. Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2, с. 3, М.-Л., 1950, с. 261, 274, 275.

10. В.А. Шшкнин. Варахша. М., 1963, с. 203.

11. Н.Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. 2, ч. 3, с. 256.

12. Там же, с. 272.

13. Там же, с. 276.

Фергано-сакского пантеона, зафиксированного теперь не только в письменных источниках, но и в материальной культуре, причем в данном случае обобщенный образ священного животного являлся конкретным покровителем династии владетелей. Отметим также, что воплощение Фарна в образе барана у кочевых и полукочевых ираноязычных народов северной части Средней Азии выработалось намного раньше, чем у оседлых народов в сасанидском искусстве.¹⁴ И не только в искусстве, само официальное становление зверей, животных символами зороастрийских божеств в Иране были связаны с реформаторской деятельностью Картира. И только в период семидесятилетнего царствования Шапура II (309-379) образ барана - символ бога - Фарна приобретает каноническую форму.¹⁵ В эпоху Хосрова (Ануширвана) (531-578) священные животные становятся важными атрибутами официального искусства. Так, на одном блюде из коллекции Гос. Эрмитажа Хосров изображен в окружении своих вельмож. Царь восседает на тахте (плоской форме доска), поддерживаемый по обе стороны скульптурами животных,¹⁶ видимо, коней. Такие же троны с восседающими на них владетелями, как наиболее поздние отголоски сакской традиции, можно наблюдать в живописи Варахши, Пенджикента, Бунджиката и в поэме "Шахнаме". В частности, в Пенджикенте в помещении объекта Ш на настенной живописи изображен помост, поддерживаемый "фигурами крылатых баранов с закрученными назад мощными рогами, четко разделенными на годовые кольца. Окраска этих подножий - золотисто-розовый цвет - говорит о том, что они металлические - бронзовые или золотые".¹⁷ Варахшинский царский трон покоился на грифонах - крылатых верблюдах,¹⁸ что также явля-

14. Б.А. Литвинский. Кангуйско-сарматский Фарн... с.90.

15. В.Г. Луконин. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с.95-97.

16. И.А. Орбели и К.В. Тревер. Сасанидский металл. М.-Л., 1935, илл.13.

17. А.М. Беленицкий. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. - АРТ, вып.6. Сталинабад, 1961, с.97.

18. В.А. Шишкин. Варахша, с.159.

ется замечательным подтверждением древней хроники о троне владетеля Бухары в виде верблюда. В Бунджикате — столице раннесредневековой Уструшаны трон, опирающийся на фигуры коней, изображен на западной стене малого зала дворца афшинов (палат) на Калаи Кахкаха I за главной царской суфой напротив входа¹⁹, что также подтверждает вышеотмеченное сведение о троне уструшанского владетеля в виде золотого коня. Тахта — сиденье с собаковидными опорами зафиксирована в известной живописной композиции с двумя человеческими младенцами" на стене центрального коридора того же дворца Калаи Кахкаха I.²⁰ И, наконец, в "Шахнаме" Кейкавус дарит Рустаму бирюзовый трон (тахт) в виде барана²¹.

Фарн в образе барана присутствовал не только в храме или дворцовом интерьере, он был неизменным спутником сака и сармата всюду — в быту и сражениях, в земной и загробной жизни. Во всех известных сакских и сарматских бронзовых котлах, происходящих из Ферганы²², Южного Урала²³, Поволжья²⁴, Крыма²⁵ и других мест неизменно фигурируют скульптурные изображения козла или барана, которые, быть может, имели не только значение "оберега и покровителя", но и считались символом "обилия и плодородия" (по-таджикски № фарзу баракат). Рельефные головки и скульптуры козла и барана на навершии кинжала, тринны или ножа также имели магическое свойство,

19. В.М.С о к о л о в с к и й. О живописи "малого" зала дворцового комплекса городища Калаи Кахкаха I (Шахристан). — Сообщ. Гос. Эрмитажа, XXXIX. Л.: Аврора, 1974, с.49.

20. В.Л.В о р о н и н а. Открытие Уструшаны. — В кн.: Наука и человечество. М., 1975, с.69.

21. А.М.Б е л е н и ц к и й. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии. — Изв. АН ТаджССР, ООИ, вып. I (28), 1962, с.17.

22. Ю.А.З а д н е п р о в с к и й. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118, М.-Л., 1962, с.163.

23. Т.В.С а в е л ь е в, К.Ф.С м и р н о в. Ближневосточные древности на Южном Урале. — ВДИ, № 3, 1972, с.115.

24. А.С.С к р я г и н. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области. — Советская археология, 1970, № 4, с.207.

25. А.П.М а н и н е в и ч. Бронзовые котлы в собрании Гос. Эрмитажа. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с.146.

они в изобилии найдены в зоне обитания сакских племен²⁶, а также у сарматов Южной Сибири.²⁷ Скифы, напротив, редко изображали барана.²⁸ Нужно отметить и универсальный характер настоящего образа.

Таким образом, исфаринские скульптуры можно отнести к произведениям ферганской ветви сакской культурной среды с его сложной и многоплановой системой мышления и мифологического воззрения.

Весьма важен и труден вопрос интерпретации и датировки скульптурных головок. Прежде всего заметим, что у нас не вызывает сомнений принадлежность скульптур элементам дворцового или храмового трона, или что они представляли собой самостоятельный объект почитания в храмовом или дворцовом здании. Несомненно также, что эти объекты находились в Исфаринской долине, так как потоком воды они могли быть принесены только оттуда.

Отметим также, что Исфаринская долина одна из самых освоенных и заселенных земледельцами и скотоводами поперечных долин Туркестанского хребта, выходящих к юго-западной части Ферганской долины. До сих пор в этой долине археологически выявлены и изучены остатки деятельности людей каменного века,²⁹ памятники оседлой культуры (замок Калаи Боло, серия "крепостей на скалах" и др.) и кочевой и полуседлой скотоводческой культуры (большая серия курганных могильников), показывающие почти непрерывную жизнь в долине (кроме каменного века) в течение первого и второго тысячелетий н.э.³⁰

26. М. И. Артамонов. Сокровища саков. М., 1973, с. 15, 16, 24.

27. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XX, XXI, XXII.

28. История искусства народов СССР. Т. I. М., 1971, с. 121.

29. А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана. — Тр. ТАЭ, т. 3, МИА № 66, М.-Л., 1958, с. 64-66.

30. Б. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. — Тр. ИИА и Э АН Таджикской ССР, т. XXV. Сталинабад, 1955; Б. А. Литвинский и И. Могильники Западной Ферганы. М., 1972; П. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973; Ш. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973; Ю. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978; и др.

Как уже отмечалось выше, исфари́нские скульптурные головки уникальны и не имеют прямых аналогий в искусстве, позволяющих ориентироваться при попытке их датировки. Традиция скульптурного изображения баранов в искусстве очень древняя, продолжительна и пространственно широка, а в близком к нам регионе охватывает комплекс скифо-сибирского звериного стиля на северо-востоке и средне-ближневосточные центры древних бронз (Луристан и др.) на юго-западе, относящиеся к середине и второй половине первого тысячелетия до н.э. Особенно широко традиция изображения скульптурок баранов в еще более близком районе отмечена для второй половины первого тысячелетия н.э. в керамике каунчинско-джунской культуры Средней Сырдарьи. Такие скульптурки присутствуют как декоративно-оберегательные элементы на множестве изделий сакской культуры (бронзовых котлов и пр.),³¹ фарн барана зафиксирован также для того же большого хронологического периода — от Авесты через монеты кушан и реалии сасанидов до тронов средневековья. Среди имеющихся в древневосточном искусстве скульптурных изображений баранов исфари́нские скульптуры наиболее близки к скульптуре барана из бронз Луристана (УП-УІ вв. до н.э.), музея при Пенсильванском университете (г. Филадельфия, США), фигуре барана на бронзовой подставке ахеменидского времени (У в. до н.э.), бронзовой голове барана У в. до н.э. из коллекции бронзовой скульптурной детали сосуда или ритона У-ІУ вв. до н.э. из коллекции Оскара Рафаэля,³² изображению барана на навершии Луристана УШ-УП вв. до н.э., скульптурке барана ІУ-У вв. до н.э. из музея в Бруклине (Нью-Йорк, США)³³ и бронзовому сосуду в виде скульптуры ба-

31. Сводку см. Б.А. Литвинский. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.

32. Persian Art. An Illustrated souvenir of the exhibition of Persian Art at Burlington House London, 1931. First Edition. Printed for the executive committee of the Exhibition by Hudson Vearys LTD. (Каталог выставки персидского искусства в Лондоне, 1931 г.).

33. Sept Mille ans d'Art en Iran. Octobre 1961. Janvier, 1962, № 472, p. 361 (Каталог выставки).

рана на подставке из Мидии.³⁴ Исфаринские скульптуры несколько более отдаленную, но несомненно историко-художественную общность имеют со скифо-сакскими бронзами, среди образцов которых следует отметить бронзового барана на обушке чекана из района озера Боровое Кокчетавской области из Казахстана (Гос.Эрмитаж), фигурки баранов на навершии ручки бронзового ножа из Турбино на Каме (Пермский музей) и особенно две круглые скульптурки баранов из Минусинской степи (Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград) и из Ордоса (Британский музей, Лондон), относящиеся к эпохе бронзы и раннего железа.³⁵

Следует заметить, что исфаринские скульптуры отличаются значительно большим реализмом пропорций и исполнения в общем и в деталях по сравнению со всеми вышеперечисленными памятниками, что может свидетельствовать об раннеантичной традиции в искусстве. С другой стороны, уход от реализма в изображении баранов наблюдаем в памятниках материальной культуры первого тысячелетия н.э., в частности в уже отмечавшихся скульптурных изображениях на керамических изделиях каунчинско-джунской культуры.

Исходя из указанных выше аналогий и высказанных суждений, исфаринские скульптуры следует скорее всего отнести ко второй половине I тыс. до н.э., может быть точнее к V-III вв. до н.э. и считать их произведениями местной фергано-сакской культуры эпохи постепенного перехода этих кочевников-скотоводов к оседлости и начала образования древнеферганской народности.

Весьма ценным является находка железного кинжала удовлетворительной сохранности (рис. 4). Кинжал хороших пропорций, двулезвийный, в форме вытянутого к вершине треугольника, по центру клинка имеется ромбическое отверстие, рукоятка завершается серповидной дугой навершия. Общая длина кинжала 257 мм, клинка 156 мм при ширине в середине 45 мм, ширина эфеса 69 мм, длина рукоятки 68 мм, ширина дуги навершия рукоятки 59 мм.

34. SPA, T. 1, fig. 81.

35. Б. И. Артамонов. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973, илл. № 29, 113, 147, 166.

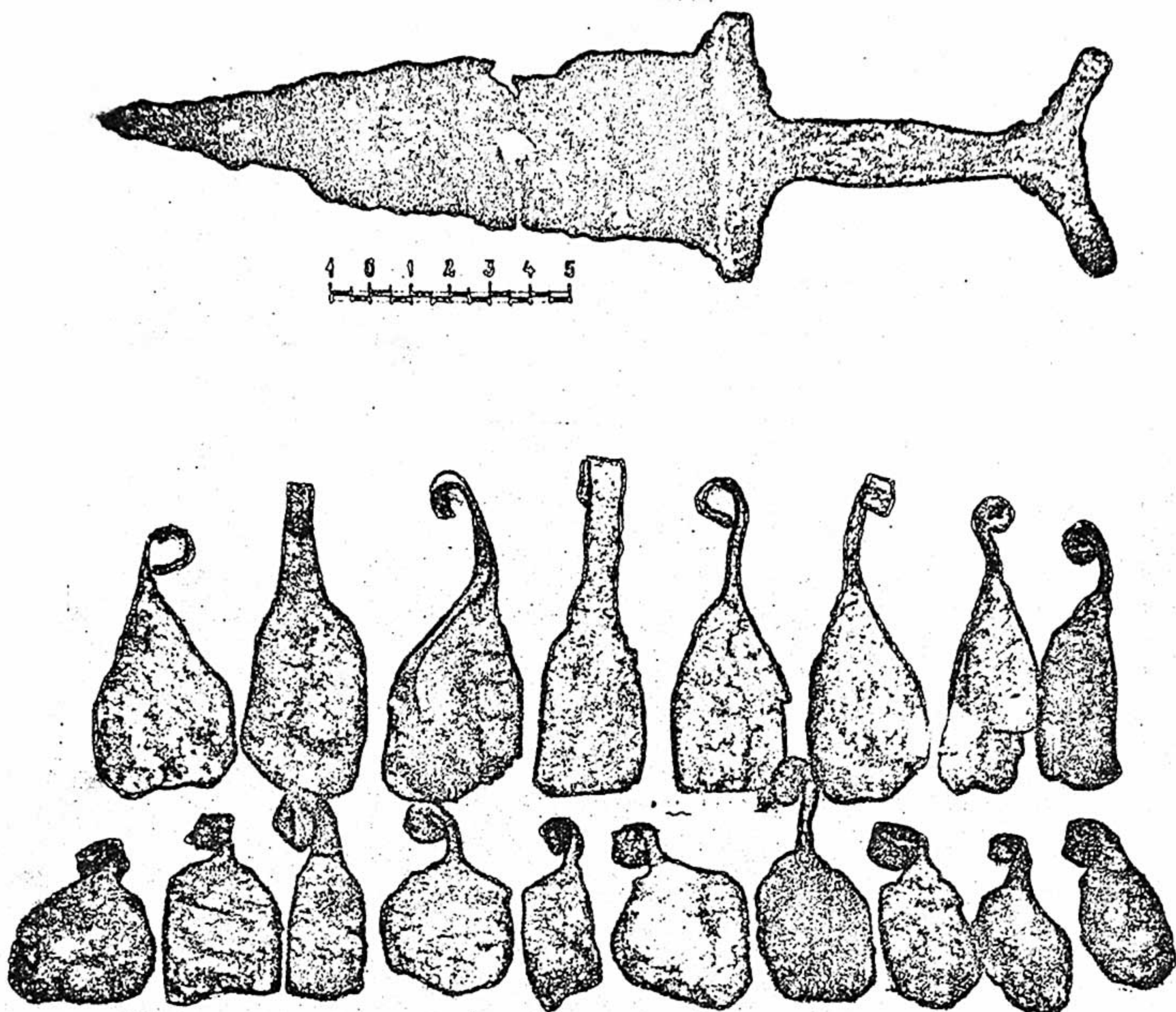

Рис. 4. Речка Исфарасай. Гравийный карьер.
Железные кинжалы и слитки.

По своему назначению подобные кинжалы-акинаки так же, как и короткие мечи, представляют собой распространенное и типичное оружие ближнего боя, бывшее в широком употреблении у скифских, сарматских племен евразийских степей и сакских племен Средней Азии и Казахстана. Ближайшие аналогии исфаринскому кинжалу встречены в сакском кургане 9 могильника Памирская I,³⁶ в сакских курганах Казахстана.³⁷ Тако-

36. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — ВИА СССР, № 26, М.: Л., 1952, с. 305, рис. 132(5).

37. Б. А. Литвинский. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. — Материальная культура Таджикистана. Вып. I. Душанбе, 1968, с. 83, табл. 3(5, 6).

вые имеются среди вооружения поздне-савроматских³⁸ и ранне-прохоровских погребений,³⁹ которые довольно твердо датированы I в. до н.э.⁴⁰ Серия таких кинжалов с серповидным навершием обнаружены в Башкирии, отнесены к раннесарматскому времени и датированы I-II вв. до н.э.⁴¹ Очень близкий к исфаринскому кинжал найден в сарматском впускном погребении I2 кургана 3 у пос. Рыбный Николаевского района Волгоградской области. Он отнесен к I-II вв. до н.э.⁴² Исходя из имеющихся аналогий и учитывая фергано-сакскую историко-культурную ситуацию, исфаринский кинжал скорее всего можно отнести к I-III вв. до н.э. Более твердо выявляемая дата кинжала укрепляет также выше названную предположительную дату исфаринских бронзовых скульптур.

Как уже упоминалось, там же в карьере было обнаружено большое количество железных слитков подтреугольной, овальной и вытянутой прямоугольной формы с загнутым хомутом для поддержания или подвешивания при использовании и транспортировке (рис. 4). Железо высокого качества, пористое, без коррозии. Доставленные в Институт истории им. А. Дониша 19 слитков имеют следующие весовые и объемные характеристики, которые представлены в табл. I.

Внимательное рассмотрение этих слитков, особенно наличие у них ручек-хомутов для подвешивания, наводит минимум на три варианта их функционального назначения. Во-первых, они могли быть крицами-заготовками для последующей обработки в ремесленных мастерских, во-вторых, могли выполнять функции весовых гирь, и в-третьих — подвесных оттягивающих

38. К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. — МИА СССР, № 101, М., 1961, с. 26-27.

39. М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. — Свод археологических источников. М., 1963, с. 33.

40. Б. А. Литвинский. Оружие населения Памира и Ферганы... с. 82.

41. В. С. Горбунов, Р. Б. Исмагилов. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии. — Советская археология, 1976, с. 242-243, рис. 2 (13, 17, 18, 20).

42. А. С. Скрипкин. К датировке некоторых типов сарматского оружия. — Советская археология, 1980, № 1 (6). Автор серповидное навершие кинжала считает антеонovidным.

№ : п/п :	Вес в : кг :	размеры в мм : (длинахтолщина) :	№ : п/п :	Вес в : кг :	Размеры в мм : (длинахтолщина) :
I	3,165	260x85x60	II	2,240	245x80x37
2	2,600	240x100x40	I2	1,840	185x55x45
3	2,500	240x85x45	I3	1,730	235x66x35
4	3,240	230x90x50	I4	1,740	200x60x40
5	2,240	220x80x40	I5	1,700	225x60x35
6	2,680	250x80x50	I6	2,000	205x50x40
7	2,340	205x95x55	I7	1,460	200x55x32
8	2,365	235x90x40	I8	1,000	200x70x30
9	2,660	200x105x45	I9	1,175	205x45x35
10	1,850	170x95x35			

грузил витков основ при ткации ковров или других большегобаритных шерстяных или других изделий. Прямых аналогий мы не имеем, хотя имеются этнографические свидетельства об использовании в качестве подвесных грузил обычных камней в 2-3 кг.⁴³ Попытки сравнения каждого исфаринского слитка с зафиксированными в Средней Азии и на мусульманском Востоке в средневековье и новое время единицами веса⁴⁴ так же, как и их дробительное и множительное сопоставление с последними, ни к чему не привело. Может быть, если они все же представляют собой гири, ключ к разгадке функции и весового значения исфаринских находок следует искать в долевах вариациях местных фергано-исфаринских единиц веса прошлого (особенно в маннах, ратлах и сангах), еще не выявленных и не изученных в науке.

Однако наиболее вероятным является определение исфаринских находок в качестве слитков-криц, отлитых в рудошла-

43. Свидетельство информатора Турдыходжаевой Б., 1904 г. рождения, жительницы г. Ленинабада, ул. Себзор, 15.

44. В. Х и в ц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему; Б.А. Д а в и д о в и ч. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1970.

вильном центре близ самих горных разработок и источников топлива для последующей транспортировки и использования в городских металлургических мастерских. Крицы такого веса, объема и формы с ручками были весьма удобны и рациональны для последующейковки. Абурайхон Бируни (X-XI вв.) упоминает о подобных яйцевидных "удлиненных с округлыми концами, по форме тиглей" стальных крицах, из которых мастера Герата "куют индийские и другие мечи".⁴⁵ Большой знаток средневековой металлографии Бируни о железе и его разновидностях пишет следующее: "Природное железо делится на две разновидности: одно - мягкое - нармахан, называется оно женским; другое - твердое - шабуркан, называется оно мужским из-за твердости, оно принимает закалку и не поддается и малому сгибанию. Нармахан, в свою очередь, делится на два вида: один из них - собственно нармахан, другой - жидкость (букв.: вода) его, вытекающая из него при плавке и очистке от камней, называется она даус, по-персидски - аста, а в области Забулистан - рау, из-за быстроты, с которой она отделяется (от породы), опережая текущее железо при плавке; даус - твердый (металл), белый с серебристым оттенком. Из шабуркана (сделаны) мечи румийцев, русов и сакалибов (славян); иногда его называют кала' или кал'. И говорят, что в кала' слышен звон, а в других (видах) - скрип".⁴⁶ Эта классификация железа у Бируни в основном совпадает с классификацией знаменитого ал-Хинди (VIII-IX вв.), который пишет: "Железо, из которого куют мечи, распадается на две группы: на находящее в рудниках (природное, ма'дини) и нерудничное (искусственное). Природное железо, в свою очередь, распадается на два вида: шабуркани - мужское, твердое, поддающееся по своей природе закалке, и нармахани - женское, которое по своей природе не поддается закалке. Мечи изготавливаются из каждого вида железа в отдельности. Имеется вид железа, сложный из первых двух видов.

45. Абу-р-Райхан Мухаммед ибн ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Пер. А.М.Беленицкого. М., 1963, с.235.

46. Там же, с.231.

Таким образом, имеется три вида "природных" мечей; из сабуркана, нармахана и один — из смеси первых двух. Для каждого вида имеется отдельный шлифовальный камень".⁴⁷

Исходя из приведенной классификации ал-Кинди-Бируни, исфаринские слитки-крицы скорее всего следует отнести к категории нармахан (таджикское: "мягкое железо"). В ближайшей части Туркестанского хребта были известны два места разработок железных руд — в ферганском округе Верхняя Неся (рядом с долиной Исфара) и в уструшанском округе Минк, в главном городе которого Марсмагда происходила ежегодная международная ярмарка по продаже железного оружия, а в самом округе Асбара (Исфара) была "гора из черных камней, которые горят как (древесный) уголь", т.е. угольные копи.⁴⁸

Интересен и следующий факт письменных источников: Хорасанская и Мавераннахрская провинции Аббасидского халифата при правлении Тахиридов в 826/827 г. в числе денежных и натуральных налогов вносили в казну халифа 1300 "кусков железа",⁴⁹ думается как раз в форме исфаринских слитков-криц, очень удобно транспортабельных.

В этом же плане интересна уже сделанная сводка М.Б. Массона: "Некоторые ферганские железные руды в X веке обозначались термином "санги магнатис" — "магнитный камень". В Фергане добыча железа упоминается в округе Несья (бассейн Соха) со включением крупного месторождения Дякан... Особенно значительная по размаху разработка магнетитовой руды велась по Гавасаю в Северной Фергане, где недавно в развалинах одного укрепленного пункта была обнаружена крупная крица весом почти в 30 кг... "Превосходное железо" добывалось в горах Северо-Восточнее Шаха, где производилась и его плавка. Неподалеку от одного такого эксплуатировавшегося в

47. А л - К и н д и. Рисала фи джавахир ас-суйуф. Цит. по А.Бируни, ук. соч., с.482.

48. Н.Н. Н е г м а т о в. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). Душанбе: Дониш, 1977, с.71.

49. Там же, с.120.

средние века месторождения на склоне горы против станции ж.-д. Тюллубас была как-то найдена железная крица весом около 18 кг".⁵⁰

Таким образом, каково бы ни было функциональное назначение исфаринских железных слитков совершенно очевидно, что они — продукция местного металлургического производства. Видимо, в пределах исфаринской долины существовал крупный железоплавильный центр, работавший на базе сохских руд и исфаринских углей, а его продукция вывозилась в разных видах, в том числе в виде слитков — криц, в ремесленные центры Ходжента и Ферганы. О дате обнаруженных железных слитков сказать определенно трудно. Они найдены в одном месте со скульптурными головками и кинжалом (кстати, также железным), время которых нами предположительно определяется в пределах V—III вв. до н.э. Однако время наибольшего развития добычи железа данного района приходится на средние века, особенно на IX—XII вв.

Значение исфаринских находок — уникальных бронзовых скульптур, железного кинжала и железных слитков огромно, они проливают значительный свет на древнюю историю Таджикистана, на состояние его экономики и культуры.

50. М.В. М а с с о н. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947, с.31.

О.В. Панфилов

ПОИСКИ И ФИКСАЦИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ
СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА В 1976-1979 гг.

Северный Таджикистан как часть обширной территории горной Средней Азии в разное время привлекал внимание многих археологов, краеведов, путешественников, нашедших и описавших впоследствии в научной литературе наскальные изображения.

Первые заметки М.С. Андреева,¹ И.А. Кастанье,² М.Б. Массона³, а в дальнейшем статьи А.Н. Дальского⁴, В.А. Ранова⁵, А.М. Мандельштама⁶, А.Б. Маджи⁷ и других исследователей, явились основой в деле изучения памятников наскального искусства Западной Ферганы и Верхнего Зарафшана.

За период с 1976 по 1979 гг. автором статьи при содействии кафедры живописи и рисунка художественно-графичес-

-
1. М.С. А н д р е е в. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. - Средне-Азиатский вестник, май 1896. Ташкент, с.7-8.
 2. И.А. К а с т а н я е. Современные успехи спелеологии и мои спелеологические поездки по Туркестану 1913 и 1914 гг. - Изв. Турк. отделения Имп. географ. общества, т.ХI, вып.П, ч.2. Ташкент, 1915, с.17.
 3. М.Б. М а с с о н. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л., 1934, с.73-74.
 4. А.Н. Д а л ь с к и й. Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшан. - МИА, 1950, № 15, с.232-240; е г о ж е. Наскальные изображения Таджикистана. - ИВГО, 1949, т.81, вып.2, с.183-197.
 5. В.А. Р а н о в. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте. - ТИИ АН Тадж.ССР, 1960, т.29, с.121-142.
 6. А.М. М а н д е л ь ш т а м. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верховьев Зарафшана. - ТИИАЭ АН Тадж.ССР, 1956, вып.42, с.195-201.
 7. А.Б. М а д ж и. Наскальные рисунки в горах Моголтау. - ИООН АН ТаджССР, 1957, вып.14, с.76-86.

кого отделения Ленинабадского госпединститута им. С.Кирова, Ленинабадского областного историко-краеведческого музея, а также в составе Средне-Азиатской археолого-этнографической экспедиции МГУ им. М.В.Ломоносова были найдены и зафиксированы наскальные изображения ряда районов Северного Таджикистана. Во время полевых работ проводилась фотофиксация, калькирование и описание петроглифов. Составлялись планы-схемы расположения валунов и скал с учетом рельефа местности.

Собранный нами материал вместе с известными данными о петроглифах интересующего региона был обобщен в нашей работе.⁸

"Большой козел" — небольшое скопление из 18 рисунков, выбитых на отвесной южной 5-метровой высоты стене — части скальной гряды, протянувшейся с востока на запад в восточной оконечности хребта Моголтау⁹. В 2,5-3 км на запад по ущелью находится пос. Чорух Дайрон.

Название группа получила из-за выделяющегося из общей массы рисунков уникальной по исполнению фигуры горного козла (рис. I). В этом рисунке не чувствуется та скованность формы тела, деталей, которая ощущается в рисунках как ранних, так и поздних. В совершенно неискаженных пропорциях показаны ноги, голова, хвост, рога. На изображенной морде хорошо прорисован глаз, общие контуры. Фигура профильная, повернута вправо.

Ту же ориентацию имеют и другие рисунки. Рядом, с правой стороны от козла, выбита фигура оленя (рис. I.2), также отличающегося необычной передачей фигуры животного: дви-

8. О.В. П а н њ л о в. Наскальное искусство Северного Таджикистана. Дипл. раб. Ленинабадский госпединститут им.С.М.Кирова, 1979.

9. Полевые работы сентября 1976 г.

Рис. I. Хребет Моголтау. Группа "Большой козел":
1 - большой козел, 2 - олень, 3 - птица.

жение оленя как бы направлено вверх, туловище повернуто к зрителю крупом в развороте три четверти. Голову зверя обрамляют большие крутые рога.

Ниже выбита фигура птицы, чуть поднявшей голову (рис. I.3). Отметим, что рисунки птиц — крайне редко изображаемый сюжет в наскальном искусстве Средней Азии.

Три описанных и два расположенных рядом изображения выполнены в контурном стиле.¹⁰ Остальные рисунки представляют собой изображения горных козлов, исполненных более схематично, причем два изображения вообще не читаются.

Скалы (выходы базальта) покрыты густой, почти черной патиной. Сами рисунки имеют светло-коричневый, ржавый цвет. Степень загара изображений одинакова. Глубина точек выбивки 1,5–2 мм. Орудие выбивания, видимо, металлическое.

Группа представляет интерес как место, где на одной плоскости нанесены изображения различного стиля выполнения с одинаковой выбивкой и разной степенью патинизации.

Окташ (Белый камень) — так называется холм, расположенный в 500 м западнее пос. Чорух Дайрон.¹¹ Возвышенность сложена из выходов базальта. Черные камни в отблеске солнца видятся издали блестящими, белыми — отсюда и необычное название холма. Здесь, на скальной гряде и обломках скалы, обнаружено 125 изображений. Основной сюжет — горный козел. Животное встречается как одиночное, так и участвующее в массовых сценах.

Исполнение изображений различно и, как замечено, при более детальной мелкой и глубокой выбивке — реалистичнее тех, что исполнены в технике глубокого скола поверхностей камня или скалы. На одном из камней выбит рисунок верблюда (рис. 2.4) с подчеркнуто заввышенными двумя горбами. Особое внимание обращает сцена из семи копытных, не связанных между собой композиционно (рис. 2.5). Из них два рисунка пока-

10. Здесь и далее применяется терминология, предложенная А.Н.Бернштамом. См.: А.Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. — СЭ, № 2, 1952.

11. Полевые работы февраля 1979 г.

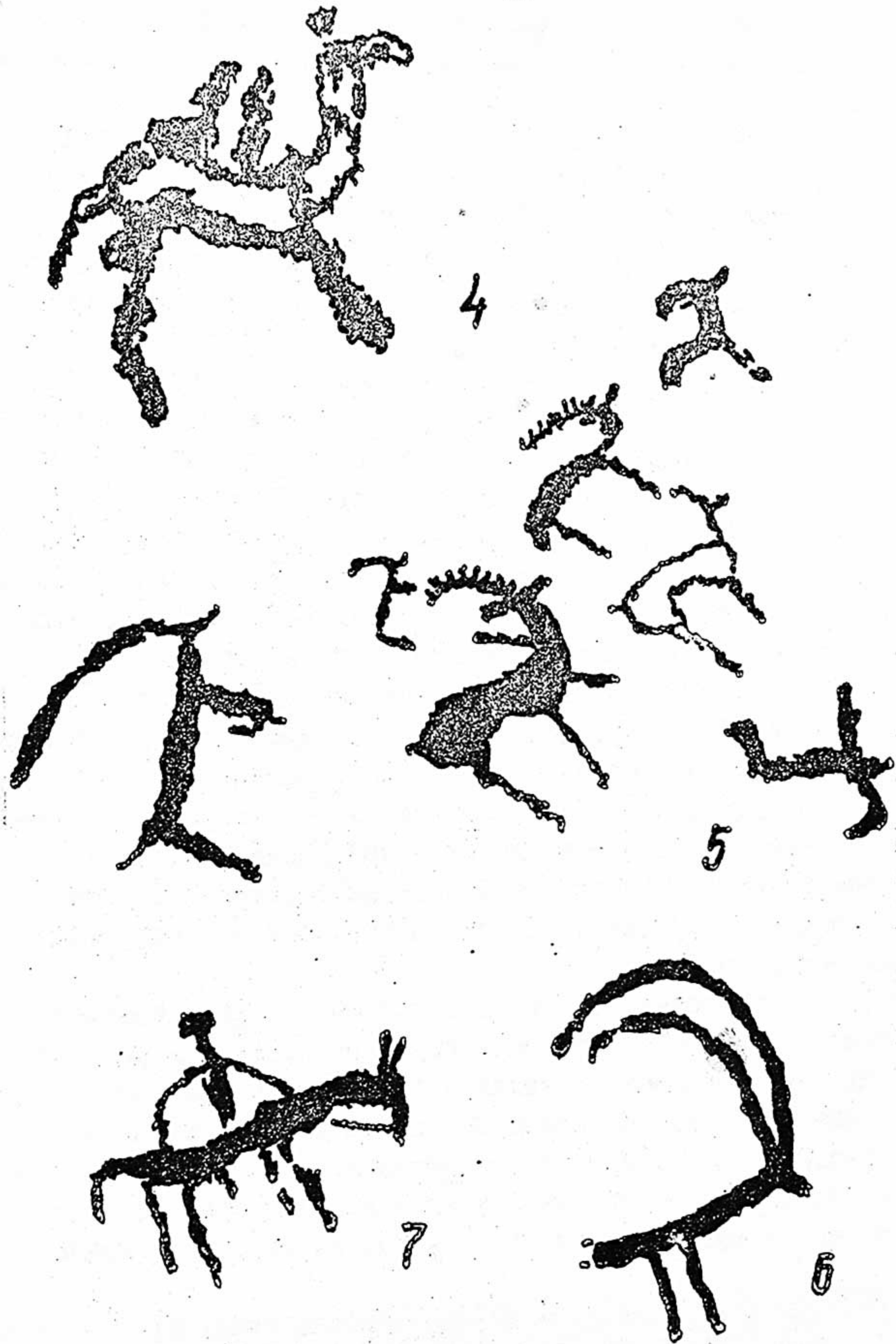

Рис.2. Хребет Моголтау. Группа Окташ: 4 - верблюд, 5 - группа Бешкотая, 6 - козел, 7 - всадник.

зывают оленей. Эти изображения отличны от соседних более мелкой тщательной выбивкой. Применена "теневая" передача тела.

Учитывая некоторые определения специалистов в установлении датировки и разную пластику "звериного" стиля, можно отнести рисунки к сакскому кругу памятников.

Патина на всех изображениях относительно одинаковая. Резких отличий для составления градаций нет. Цвет патины — красно-коричневый.

Бешкотан (Пять стад). Большое количество петроглифов находится у входа в ущелье Учбог и на его протяжении в 1,5–2 км, в центральной южной части хребта Моголтау.¹²

Как следует из названия местности (Бешкотан), эта часть ущелья пользуется большой популярностью у пастухов. Скорее всего рисунки выбиваются чабанами на валунах гранита и вертикальных плоскостях скал и в наше время, что подтверждается обилием схематичных, грубо выбитых фигур козлов и баранов (рис. 2.6).

Наиболее интересный пункт скопления рисунков — валун гранита высотой 3 м и шириной 4 м. Его западная плоскость сплошь покрыта, иногда наслоившимися друг на друга, изображениями. В основной массе козлов видны рисунки верблюдов, идущих караваном. На шее у возака — колокольчик. Здесь же встречен солярный знак — свастика в трех- и четырехлучевом исполнении.

На отмеченном валуне и в нескольких местах на скалах обнаружены рисунки всадников, восседающих на лошадях и ослух и держащих в руках камчу или поводья (рис. 2.7).

Петроглифы "Бешкотан" не калькировались. По визуаль-ному подсчету здесь около тысячи изображений. Выбивка различной глубины скола поверхности — в зависимости от плотности материала и твердости валунной корки. Патина большей частью светлая, чуть покрытая желтым налетом. В местах, где рисунки наслаиваются друг на друга, нижние имеют более темный загар.

¹². Полевые работы августа 1977 г.

Дахана I, II – скопление рисунков, получившее название от селения Дахана Аштского района.¹³ В этом месте отроги Кураминского хребта раздвигаются, образуя широкую горловину. Изображения выбиты на южных и восточных плоскостях хорошо окатанных валунов розового и серого гранита. Камни составляют небольшую площадку (110х45 м) на правом берегу Даханасая, в том месте, где сай разделяет кишлак на две части, у моста.

На 18 камнях Даханы I зафиксированы 95 изображений, разнообразных по стилю исполнения. Особого внимания заслуживают сцены, выбитые на нескольких камнях, где центральные места занимают фаллические изображения человека (их по нескольку в каждой стене). Ноги расставлены, хорошо поставлены ступни и указывающие на голову утолщения в верхней части фигуры. Руки в большинстве случаев сомкнуты на поясе, образуя круги с точками внутри (рис. 3.8). Рисунки людей дополняют изображения горных козлов, верблюдов.

На западной окраине площадки лежит продолговатый валун, на южной стороне которого выбита извилистая линия, обозначающая, видимо, сай (рис. 3.9). По берегам "сая" расположены фигуры козлов, змеи, собаки и животного, по внешнему виду напоминающего медведя. Тело последнего зверя обозначено линиями-контурами. Это единственное изображение в Дахане, исполненное контуром.

Многие рисунки козлов даны в теневой трактовке тела. Большинство изображений схематичны. Техника точечная, глубина скола 2-3 мм. Цвет патины различен: на розовом граните рисунок красно-коричневого цвета, на сером – темно-коричневого. Имеются и слабо загоревшие, желтого цвета изображения.

Перевяв опыт этнографического интервьюирования, мы

13. Фиксация проводилась в августе 1978 г. Ранее эти изображения были отмечены. См.: В.А. Р а н о в. Изучение наскальных изображений Западного Памира в 1972 г. – АРТ, вып. XII (1972 г.). Душанбе, 1976, с.5.

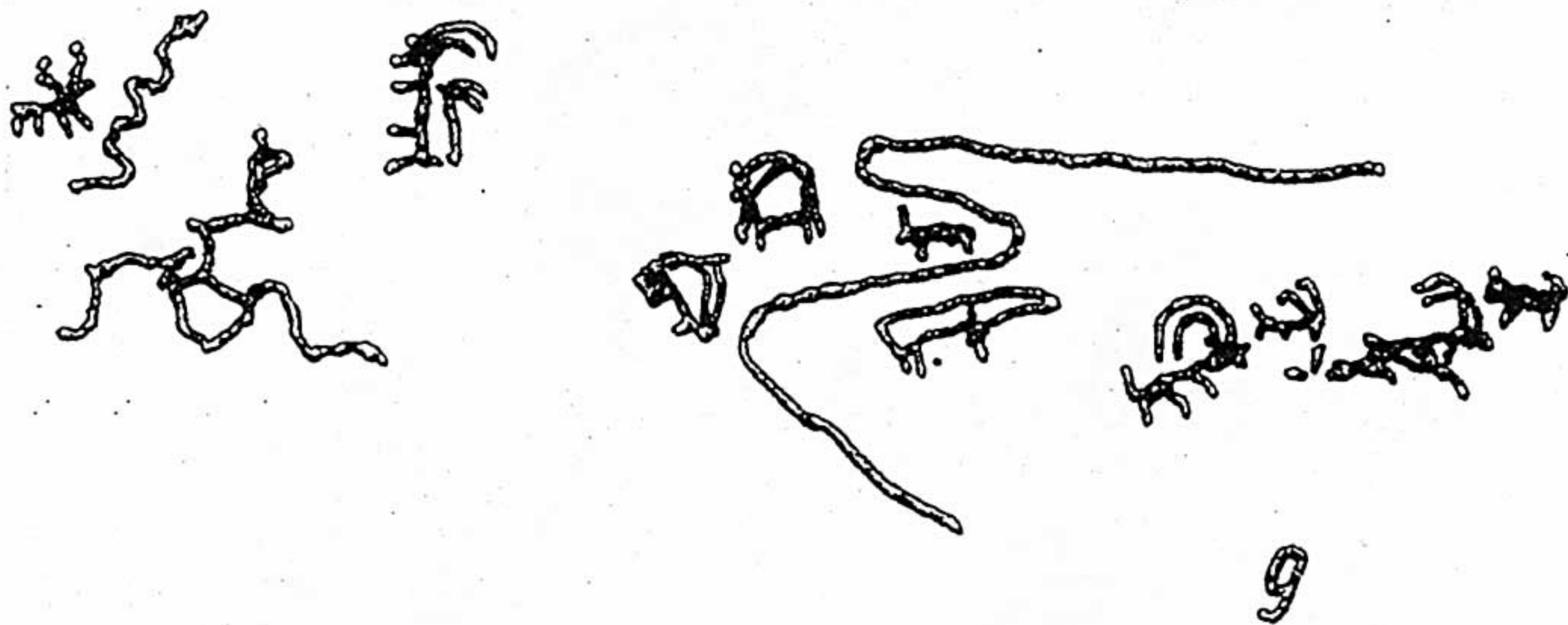
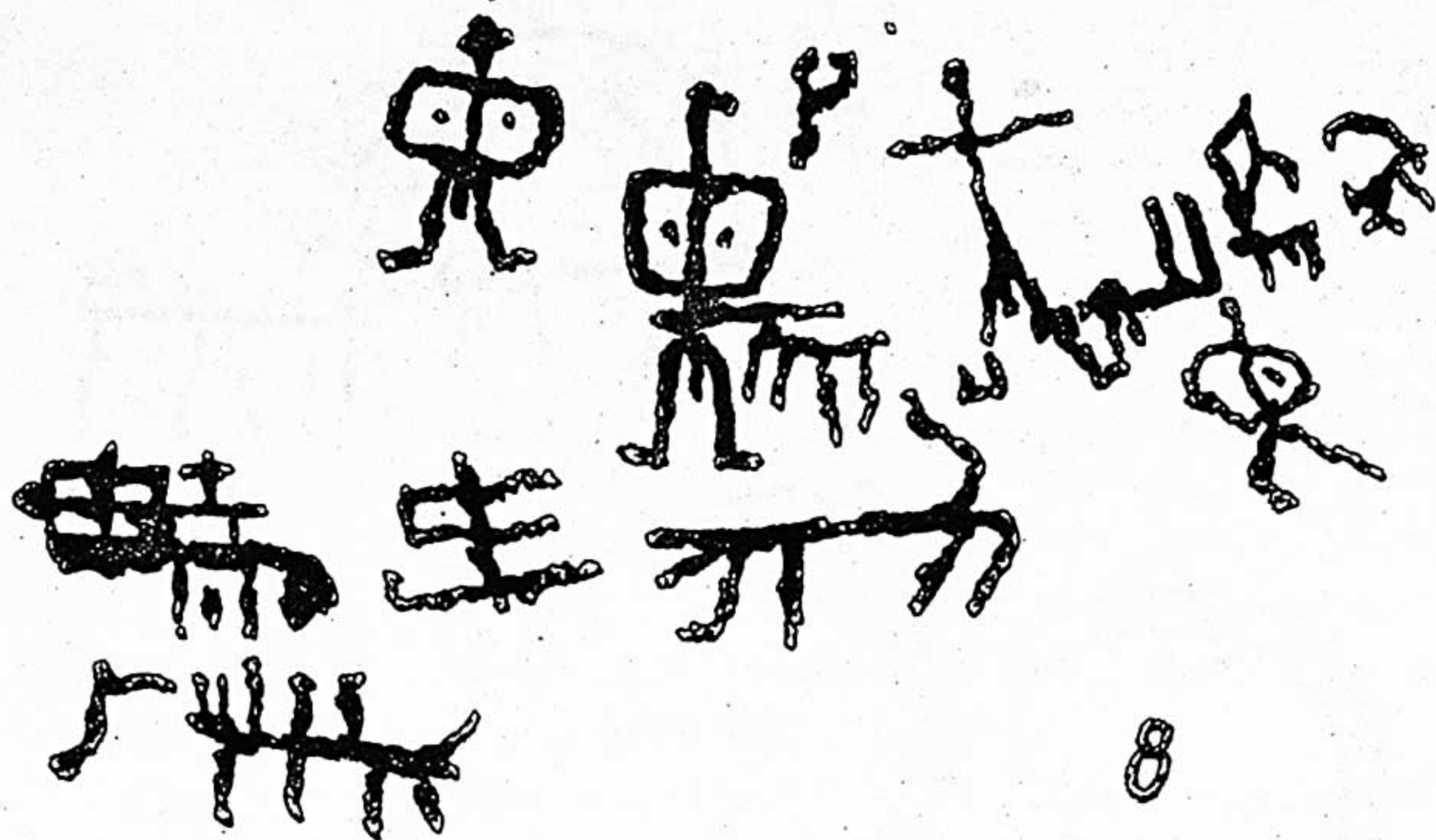

Рис.3. Кураминский хребет. Группа Дахана I:
 8 - сцена с фаллическими фигурами лю-
 дей, 9 - сцена с "саян".

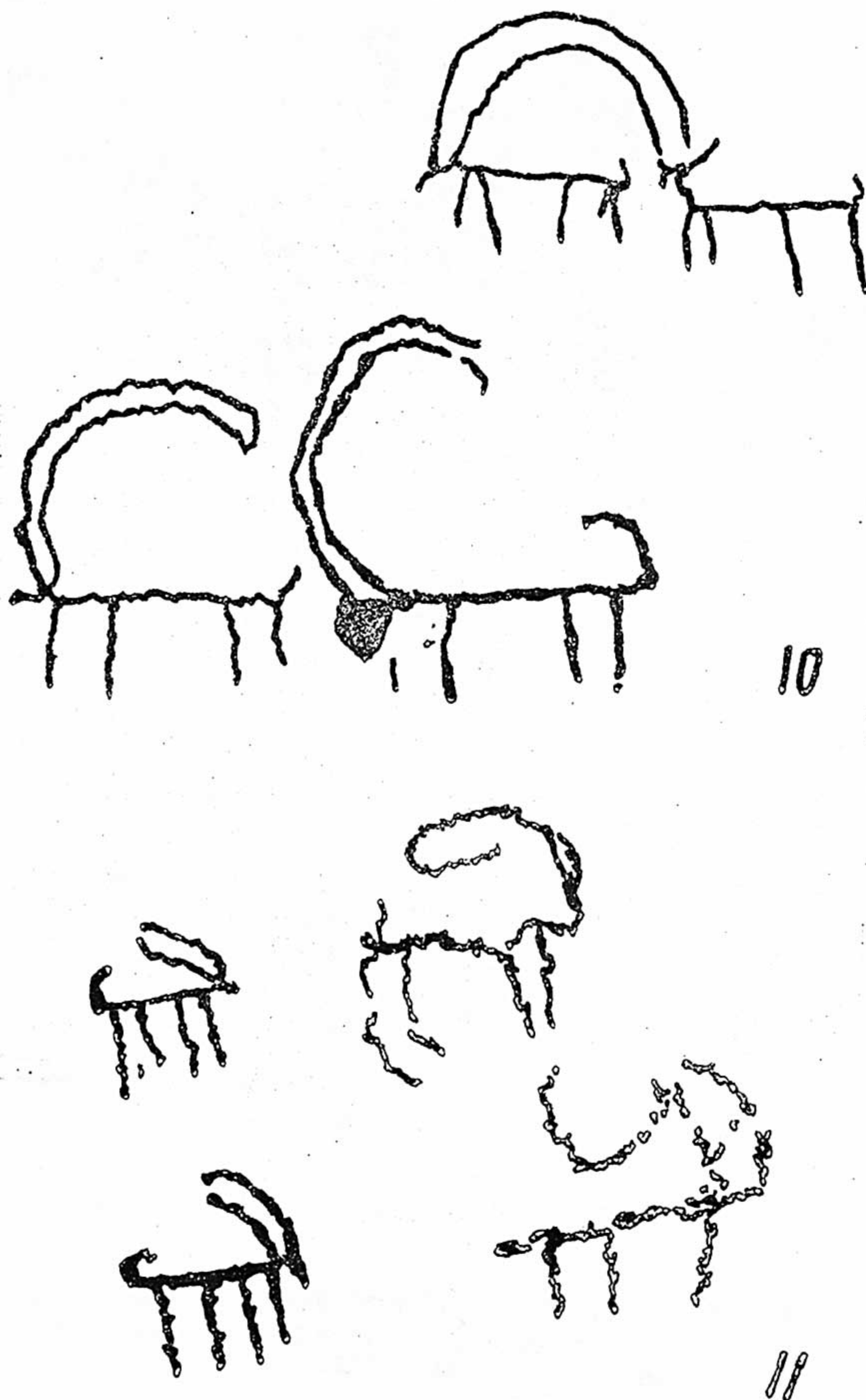

Рис. 4. Кураминский хребет. Группа Дахана II:
 I0 - изображения козлов. Пангаз: II -
 изображения козлов.

получили от местных жителей^{I4} сведения о поздних схематичных рисунках. Их возраст около 50 лет.

В процессе дальнейшего изучения петроглифов Даханы, сопоставляя поздние и ранние (по стилю) рисунки, возможно решение ряда вопросов, связанных с изучением техники выбивки.

Второе скопление из пяти рисунков обнаружено на отвесной скале на левом берегу Даханасая в 300 м выше кишлака (рис. 4.10). Изображения схематичны. Тело, ноги, рога показаны тонкими линиями. Рядом со скалой построено несколько каменных загонов для содержания коз. Возможно, что изображения пяти козлов появились недавно.

Пангаз. Во время ознакомительной поездки по руслу Пангазсая на участке Пангази Боло Пангазского сельсовета, на скале, обращенной к дороге, отмечены 4 изображения козлов, выполненных схематично (рис. 4.11).

Чашмасор. В 2,5-3 км от селения Чашмасор вниз по руслу Шахристансая, на скальных выходах и отдельных глыбах базальта (рис. 5.12) обнаружено около 50 изображений^{I5}.

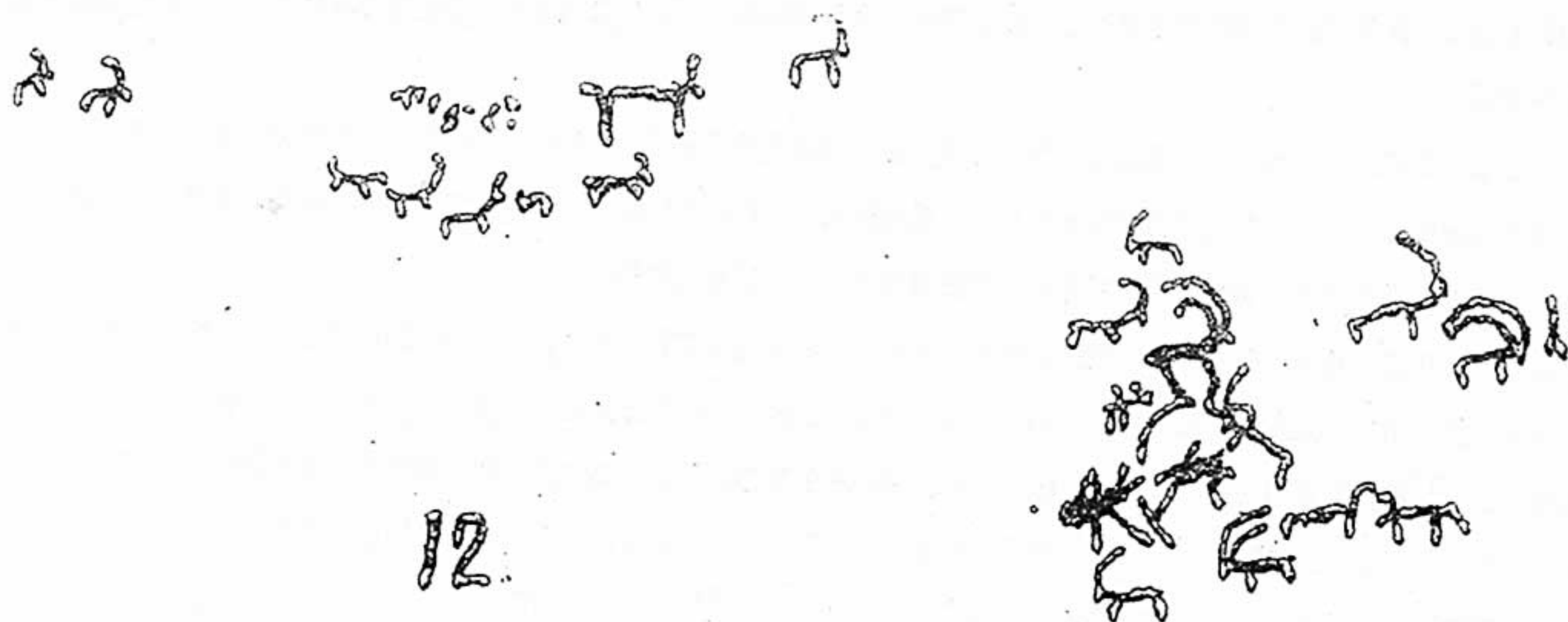

Рис. 5. Бассейн Шахристансая. Группа Чашмасор:
12 — скопления изображений козлов.

I4. Информаторы Маркабой Кенджаев 1888 г.р., Бекназар Имамов 1887 г.р., Рустам Сулайманов 1926 г.р.

I5. Фотофиксация и первичный осмотр были проведены в мае 1979 г.

Основной сюжет — горный козел. Многие рисунки близки к реализму, что определяет "теневого" стиль. Рисунки сгруппированы в семь сцен. Большинство изображений покрыты густой патиной, близкой по цвету с загаром самого базальта. Техника исполнения точечная.

Кроме вышеописанных работ по поиску наскальных изображений нами проведено калькирование¹⁶ ранее известного скопления древних рисунков у селения Урмитан Айнинского района в бассейне Верхнего Зарафшана. Это "весьма значительное количество наскальных изображений... Дашти Эйматк"¹⁷

Исходя из вышеизложенного, можно отметить обилие памятников наскального искусства Северного Таджикистана, о чем говорят и постоянно поступающие сведения о петроглифах южных склонов Кураминского хребта (селения Пискокат, Пангаз, пос. Такели), малоисследованной части северных склонов Туркестанского хребта (ущелье Шаршары, Басмандасай, селение Чорку), Фанские горы Зарафшанского хребта.

В поисках аналогий отмечена сходность в сюжетах и стиле с подобными известными памятниками на территории Киргизии, Узбекистана, Казахстана, горных районах Центральной Азии.

На данном этапе трудно выделить особенности наскальных рисунков исследуемого нами региона. Для этого необходимо детальное изучение каждого пункта.

Однако мы не считаем эту задачу неразрешимой. В Таджикистане наибольшее количество наскальных рисунков зафиксировано в Бадахшане, где, вероятно, существовал своеобразный центр наскального искусства. Особенности петроглифов Памира уже показаны в ряде работ и сейчас можно сказать, что они прежде всего заключаются в сюжетах рисунков и композициях и в определенной степени в стилистических особеннос-

16. Полевые работы июля 1977 г.

17. А.М. М а н д е л ь ш т а м. Несколько замечаний... с.197-199.

тях. Значительно труднее определить локальные особенности изображений Северного Таджикистана, Ферганы, Пришкентского района. Не исключено, что эти особенности будут связаны с этнической пестротой древних племен, населявших данные регионы, хотя нельзя не учитывать и стойкие художественные традиции, существовавшие, например, в стиле изображения горных козлов.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

А. Мухтаров

О РАБОТЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА
В 1974-1980 гг.

Археографический отряд сектора истории средних веков Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР функционирует с 1959 г. Предварительные отчеты о его работах за 1959-1973 гг. были опубликованы.¹

Основным районом поисковых работ отряда в 1974 г. стала территория Горно-Бадахшанской автономной области.² В течение одного месяца наши сотрудники обнаружили и сняли эстампаж нескольких надписей на скалах и камнях, приобрели 48 актов. За этот год архивный фонд сектора пополнился 125 актовыми документами, содержащими новые сведения по истории Памира и других районов Таджикистана в XIII- начале XV вв. Кроме того, на территории ГБАО были обнаружены замечательные фрагменты резного дерева, образцы работы профессиональных мастеров-резчиков разных времен.

В 1975 г. основное место работы археографического отряда³ сектора - Айнинский и Пенджикентский районы Таджикской ССР. У жителя кишлака Дарх Айнинского района Саидмурада нами были приобретены 49 литографий и 16 рукописных книг, которые были переданы библиотеке Института истории им. А. Дониша. За полтора месяца были приобретены 400 актовых документов, относящихся к истории феодального землепользо-

1. См. А. Мухтаров. Хроника полевых работ отряда сектора истории средних веков (1963-1973). - АРТ, вып. XIII (1973). Душанбе: Дониш, 1977, с. 240-258.

2. Отряд работал в составе А. Мухтарова (начальник), К. Эльчибекова, Т. Матюшенко, З. Юсупова.

3. Отряд работал в составе А. Мухтарова (начальник), Н. Касимова и С. Очилова.

вания, семейных отношений, истории культуры и некоторым древним народным обычаям ХУП–ХІХ вв.

В 1976 г. отряд в составе А. Мухтарова (начальник отряда), Н. Касымова, К. Эльчибекова и Г. Давидова (шофер) 50 дней работал на территории Ленинабадской области Таджикской ССР и Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР. Нами приобретены 123 уникальных документа по социально-экономическим отношениям истории народов Средней Азии в ХУП– начале ХХ вв., несколько десятков эпиграфических памятников, датируемых ХУ–ХУШ вв. и рукописные книги ХІІ и ХУШ вв.

Старший сотрудник Ш. Юсупов, работая в Дангаринском районе, собрал опросные сведения о событиях накануне победы Октябрьской революции на территории Кулябской области.

Из материалов, обнаруженных и приобретенных в этом году несомненно заслуживают внимание следующие.

Список расходов на туй: три больших чарика мяса (стоимость не указана). Вероятно, это баранье мясо, ибо в список включены два больших чарика говядины стоимостью 4 танга. Далее следуют 2 больших чарика бараньего сала стоимостью 10 танга, хлеба на семь танга, сладости на 8 танга, рис на 7 танга, нимхурд муки из яровой пшеницы на 5 танга, пять мискалов чая – 3,5 танга, халатов (джома) – 13 танга, 4 кулаха (головной убор) – 6 танга, 8 вышитых головных уборов – 6 танга, 11 шелковых головных уборов – 11 танга, два лошадиных вьюка дров – 3 танга. Всего расходы на туй составили 83,5 танга, исключая стоимость бараньего мяса. Этот документ, не имеющий паспорта, нами был приобретен в кишлаке Косатарош Пенджикентского района. Однако он мог быть составлен на территории Пенджикентского или соседних с ним районов в конце ХІХ– начало ХХ вв. Независимо от этого список продуктов и вещей, расходованных на туй, свидетельствует о скромности этих расходов. Тем не менее они были чувствительны для бюджета семьи и, возможно, поэтому требовали тщательного учета. Об этом свидетельствуют памятки на полях или на свободных листах рукописей или печатных книг, которые попадаются при просмотре нами личных библиотек. Например, в кишлаке Варганза, Китабского района Уз-

бекской ССР на полях книги "Шарх-и-акоид" ("Разъяснение веры"), изданной в Лакнау в 1311 г.х. (1893) имелось несколько памятных заметок и расходов на свадьбу. На одной из них речь идет о доли матери невесты, которой предназначалось 130 олчина различной материи (ситец, сатин, плюш и пр.) стоимостью 67 тенги. Другие записи более скромные.

Поголовная бедность в прошлом не могла не диктовать условия и расходы на свадьбу или другие народные обычаи. Об этом свидетельствует еще одна запись неизвестного лица на обороте одного юридического документа, приобретенного нами у жителя того же кишлака Варганза Ахунова Исматулли. Согласно записи, имущество принадлежало некоему Сайфулле: одна курпа (стеганное одеяло), один якандоз (тюлячки), три чойджуша, одна лула (подушка), один джамасар (накидной халат), одни сандали, два сундука, три чайника, три пиялы, один фарфоровый тавак, две фарфоровые касы (чашка), одна тарелка, одна кошма, два подноса, один большой котел, одна сковорода (яглогу), один кафкир, около 2 килограмм ваты.

Среди приобретенных нами документов имеются несколько частных писем, в которых также затронуты вопросы, представляющие научный интерес. В частности, в письмах слушателей мадрасы речь идет об их учебниках и очередность освоения каждого из них в годы пребывания муллабачей в мадрасе.

В одном документе сообщается о землетрясении в Каратаге во вторник 14 месяца Рамазина, 1325 г. (7(20) октября 1907 г.) в 8 часов и о весьма скромной помощи эмира (в размере 300 тыс. танги) пострадавшим каратагцам. В 1980 г. в кишл. Модавра сельского совета Рудаки Пенджикентского района нами получено другое письменное свидетельство о последствиях этого землетрясения в Самарканде, о повреждении нескольких мадраса, жилых домов, о числе жертв в горде и пр.

Кроме актов документов и памятных записей сотрудниками отряда выявлены два десятка ранее не зарегистрированных эпиграфических памятников, установлено место добы-

чи, заготовки и обработки надгробных мраморных плит на окраине кишлака Варганза.

В историческом плане заслуживают внимания памятники на территории кишлака Башир или Бешир того же Китабского района. В 50-х годах в этом кишлаке побывали московские этнографы и сотрудники искусствоведческого отряда Института искусствоведения Узбекской ССР. "По стилю" мраморное надгробие на кладбище вокруг мечети Хазрати Башир и деревянный кенотаф внутри этой мечети ими были датированы XV веком.⁴ Нам удалось разобрать дату на надгробии — II месяца Зулкада 928 г.х. (3 октября 1522 г.). Оно было установлено на могиле эмира Сеиди сына эмира Джахангира.

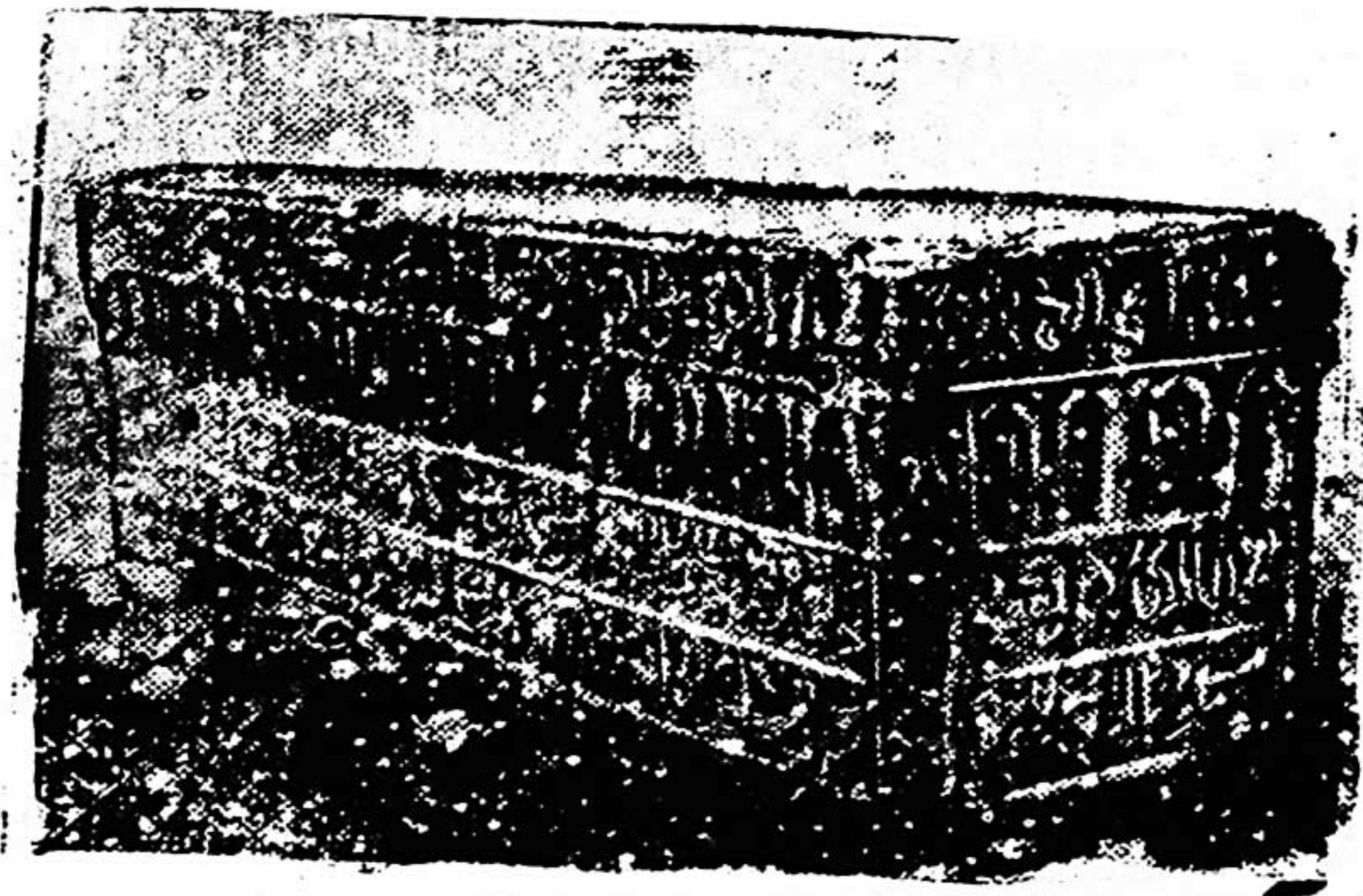

Рис. I. Надгробие 928 г.х. (1522) из кишл. Башир. Фото А. Мухтарова.

Интересны мраморные надгробия на территории трех огромных кладбищ кишлака Варганза. По всей вероятности, часть жилых построек этого густо населенного кишлака, растянув-

4. Г.А. Пугаченкова. Неизвестные архитектурные памятники горных районов Узбекистана. — Искусство зодчих Узбекистана, вып. III. Ташкент, 1965, с. 83; П.М. Енъковск. Деревянный кенотаф XV в. из кишлака Бешир. — Общественные науки в Узбекистане. 1969, № 8-9, с. 93.

Рис. 2. Надгробие 928 г. х. (1522) из кишл. Башир. Фото Б. Х. Кармишевой.

Рис. 3. Раскопки надгробных камней на территории кишл. Варганза. Фото А. Мухтарова.

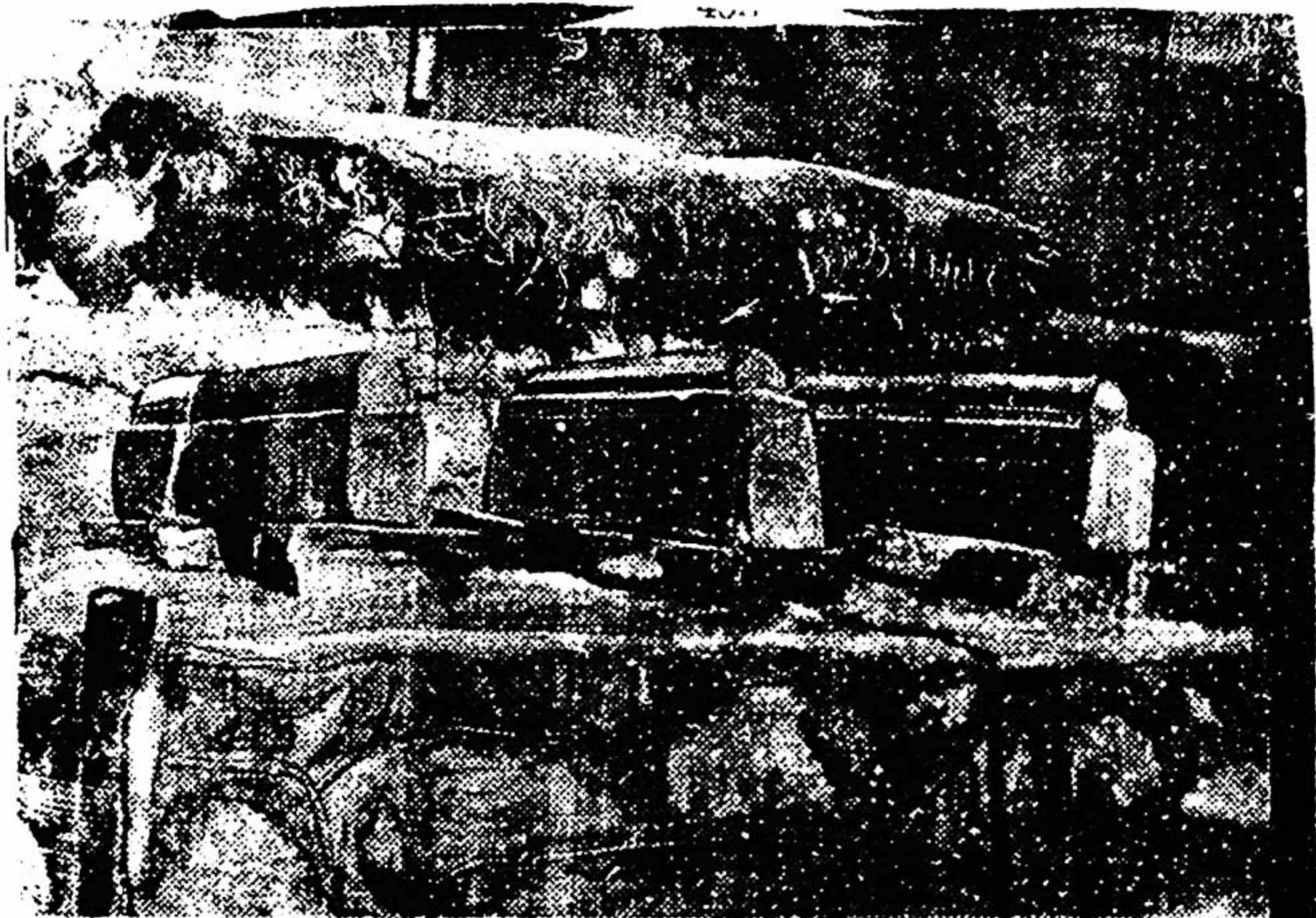

Рис. 4. Надгробия XV—XVI вв. после установления их на специальной площадке в центре кишлака Варганза. Фото Н. Суханова.

Рис. 5. Надгробие XV в. из кишла. Варганза. Фото Н. Суханова.

шегося на несколько километров вдоль речки, постепенно были воздвигнуты на месте старого кладбища. Не случайно местные жители при хозяйственных и других работах часто извлекают из-под земли осколки обработанных камней или надгробия с надписями. На центральной улице кишлака, на участке под названием "Мазори Лунда" нам вместе с учителем этого кишлака М.Худойкуловым удалось раскопать несколько надгробий.

Одно из надгробий датировано 857 г.х. (1356-1357) и было установлено на могиле Абдулджамала сына Садраддина. Другое надгробие разбито. На сохранившейся ее части удалось разобрать следующее:

وفات الامام مغفور امير جاني بيگ ابن امير بولاس في تاريخ
سنه سته عشر و ثمانماية

т.е. "Скончался имам покойный эмир Джанибе б. эмир Барлас в пору года 816" (1413-1414).

Третье надгробие было установлено на могиле женщины по имени Олихабике, сестры Мухаммадкулла. Она скончалась 17 месяца, Раби-ал-аввал года 955 (2 апреля 1548 г.). Впервые встречается факт, когда на надгробии покойной женщины приведено не имя ее отца, а имя ее брата. По всей вероятности, Олихабика осталась малолетней сироткой и воспитывалась у своего состоятельного брата Мухаммедкулла, который и установил на ее могиле такое большое надгробие, сопровождающееся следующими стихами на таджикском языке:

عرض نقش است که ما یاد ماند
کمی هستی را نمی بینم بقای
مگر صاحب دلی روز بر حوت
کند بر جان مکنان دعای

Рис. 6. Надгробие XV в. из кишлака Варганза.
Фото Н. Суханова.

Рис. 7. Женское надгробие ХУІ в. типа санги сандук. из кишл. Варганза. Фото Н. Суханова.

Цель (настоящего) текста — чтобы после нас осталась память.

Потому что мы не видим постоянства в (нашем) бытии.
И может быть какой-нибудь добрый человек по (своему) состраданию, когда-либо,

Помолится за нас бедняков.

Эти стихи из "Тулистана" Саъди. Они украшали также бытовые предметы⁵ и впервые встречаются на надгробии первой половины ХУІ в.

5. А. А. Семенов. Персидский судок ХУІ в. для пряностей. ЭВ, У, 1951, с. 60; А. А. Иванов. Данные эпиграфики и вопросы датировки иранских изделий ХІХ в. ЭВ, ХУІ, 1966, с. 67. На женском надгробии, в отличие от двух опубликованных текстов на сосудах, в четвертой строке слово "миския" заменено словом "дервиш".

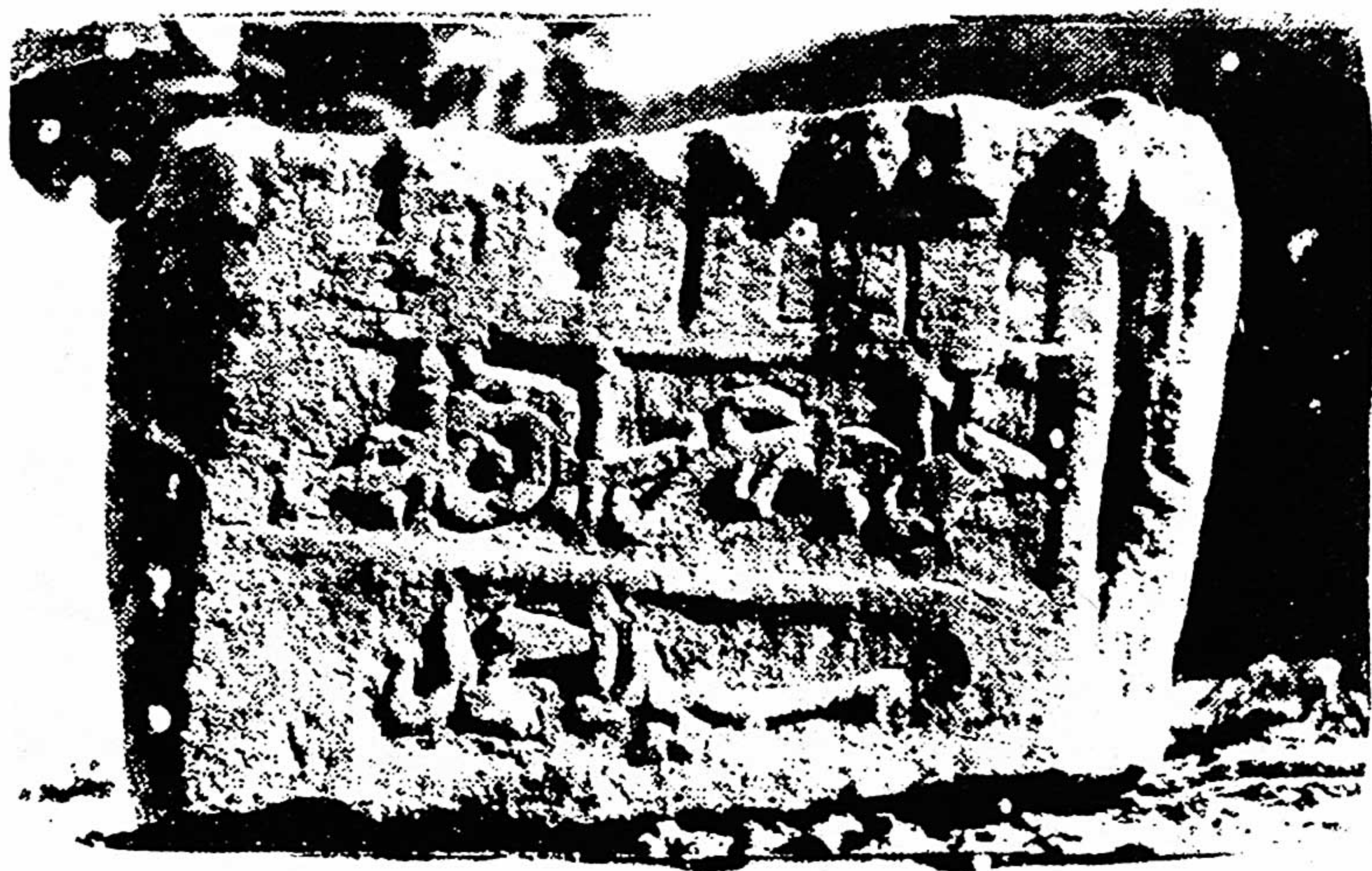

Рис. 8. Фрагмент надгробия из кишл. Варганза.
Фото Н. Суханова.

Кроме трех крупноразмерных надгробий типа "санги сандук" и "тахворасанг" в Мазари Лунда были обнаружены два фрагмента надгробий, на одном из которых сохранились следующие имена:

خواجہ عرب ابن خواجہ سید احمد

Ходжа Араб сын Ходжа Сейид Ахмада.

Несколько надгробий или их осколки, датируемые ХУІ-ХІХ вв., оказались на территории кладбища Сангмаст, расположенной по соседству с кишлаком Варганза. На них прочитаны следующие имена: Суфи тагма (без даты); Хурматбиби дочь уста Мавляна 1333 г. (1914-1915); Касимбай сын Бакибая, 1335 (1916-1917).

Осмотрены кладбище и мазары других кишлаков Китабского района. На надгробиях кладбища кишлака Сумак разобраны следующие имена усопших: "Карим марзабаша сын Алим мирахура,

надгробие установлено женой покойного по имени Биби Саида". Здесь интересно фиксирование инициативы женщины в установке надгробия и имя мастера-резчика Мухаммада. На надгробии 1333 г.х. (1914-1915) выбито: Хабибуллах сын Абдулхалика чул-агаси. Впервые нам встречается термин "Чул-агаси", носитель которого Абдулхалик несомненно был сельским должностным лицом конца XIX- начала XX вв. Однако функции лица, удостоенного этой должности, предстоит уточнить, ибо в известных нам источниках и литературе этот термин не встречается.

На двух остальных надгробиях выбиты следующие имена и даты: Абдулхалик караулбеги сын Толиббая, 1334 (1915-1916); Кабилбай сын Бекмухамед угли 1335 (1916-1917). На эти имена необходимо обратить внимание при обнаружении и исследовании актов документов, касающихся территории кишлака Сумак или Китабского района в целом.

У старожилов многих кишлаков Китабского района большой популярностью пользуется мазар Ходжа Неймати. О нем сохранилась и легенда. Мазар, носящий его имя, расположен на живописной окраине одноименного кишлака, ныне пустующий. Большая часть жителей кишлака Ходжа Неймати погибли от повальной болезни, а оставшиеся в живых переселились в другие места. По словам жителей соседнего кишлака Мурул (Могол), Ходжа Неймати, могила которого ныне посещается ими, был современником Тимура. Однако надгробие на его могиле (размером 29 см х 54 см х 1 м 76 см) более поздней работы. На верхней части надгробия выбито изречение из корана, в окружности - стихи на таджикском языке, на изголовии - имя покойного Сеид Ахмад. Любопытно, что имя отца отсутствует, на этом месте оставлена лакуна.

По всей вероятности, каллиграфу не сообщили имя отца Сеид Ахмада. Дата на камне - месяц Зульхиджа, год 1064 (октябрь-ноябрь 1650). Текст на всех частях этого весьма крупного надгробия плохо сохранился.

На окраине кишлака Окбой Паян, по дороге из Китаба в кишл. Варганза, расположено большое огороженное кладбище. На одной из его окраин возвышается современное здание

с куполом из жженого кирпича. В этом помещении сохранилось мраморное надгробие, почитаемое жителями. На нем выбито: Исмаил сын Ибрагима, год 1108 (1696-1697). По форме это надгробие очень похоже на пять надгробных плит на территории кладбища кишлака Сайроб, Байсунского района УзССР. Эти надгробия нами были осмотрены в 1961 г. При повторном исследовании в мае 1977 г. мы сняли их размеры и пытались разобрать тексты надписей.

Два надгробия 98 см высоты и 1 м 58 см длины, третье без текста - 56 см высоты и 2 м 20 см длины. Два других

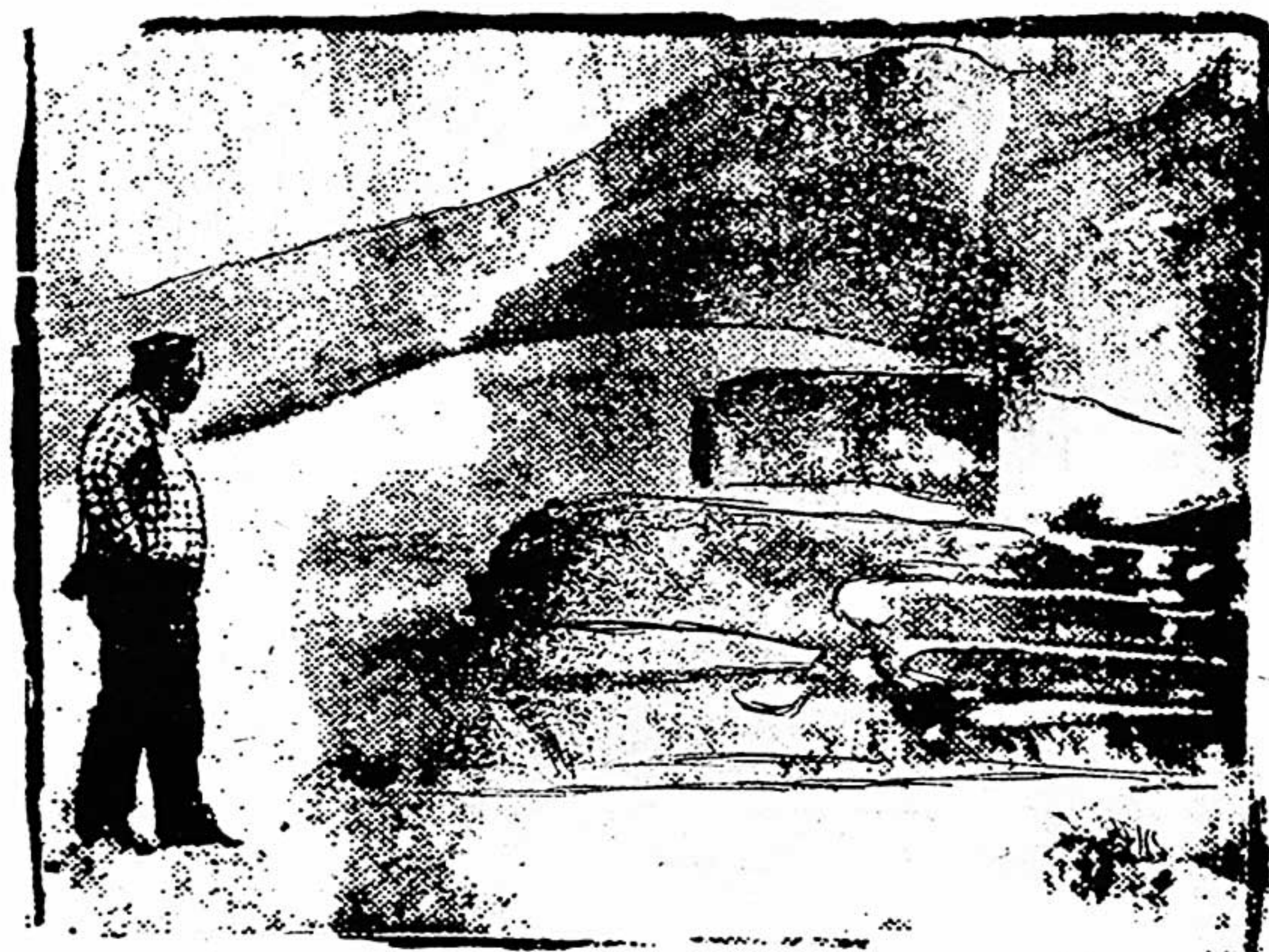

Рис. 9. Надгробие из кишл. Сайрон. Фото К.Эльчибекова.

надгробия с красивым орнаментом, но без текста, замурованы в стенах небольшого мазара на территории этого же кладбища. Тексты на двух первых надгробиях плохой сохранности. На одном из них удалось разобрать кораническое изречение и имя покойного Убайдуллаха сына Абдул-кайюма сына Зии. Даты на всех пяти надгробиях отсутствуют. Форма надгробий, стиль почерка, орнаменты на них могут свидетельствовать о том, что они выполнены приблизительно в ХУП или ХУШ вв.

Рис. 10. Надгробие из кишлака Сайрон. Фото А. Мухтарова.

В 1977 г. наш отряд в составе А. Мухтарова (начальник отряда), Н. Касимова, К. Собирова, Ш. Шарипова и Г. Давидова (шофер) работал на территории Ура-Тюбинского, Ганчинского и Пенджикентского районов Ленинабадской области Таджикской ССР. Мы преобрили 130 актовых и других документов. Среди них заслуживают внимание частные письма, в которых нашли отражение вопросы социально-экономического, политического, культурного состояния северных районов Таджикистана в дореволюционный период, документ о голоде, охватившем северные районы Таджикистана в 1919 г. и пр. О ценах на продукты питания в тяжелый голодный 1919 г. личные записи очевидца были обнаружены и в 1980 г. в кишл. Мадовра. У нас оказался также и документ о составе учащихся, с указанием их социального происхождения.

В Ура-Тюбе были приобретены письма поэта Зуфархана Джавхари, адресованные каллиграфу второй половины XIX — первой половины XX вв. Мирхусайну Хусайни Истравшани. Это один из замечательных представителей каллиграфической школы ука-

занного времени. Искусство письма Мирхусейна его современники ценили наравне с искусством замечательных мастеров XV-XVII вв. — Миралием Хирави и Мирумадом Казвини.

Среди приобретенных официальных и неофициальных документов заслуживают внимания запись имущества муллабачи в худжере медреси, книга прихода и расхода по Офтобруинской волости Пенджикентского участка и т.д.

Большой интерес представляет список служителей одной мечети, обнаруженный в кишлаке Ери Пенджикентского района, где аккуратно записаны имена жителей каждого из 95 дворов, которые вносили известную плату сельскому имаму различными сельскохозяйственными продуктами (с каждого жителя — разный размер взноса). Такой уникальный документ нами приобретен впервые. Такого же содержания документы нами были приобретены и в 1980 г. Неравномерное поступление налога дает достоверные сведения о социальном составе верующих, подвластных одному сельскому обществу.

Из эпиграфических памятников, обнаруженных в 1977 г. следует остановиться на надгробных мраморных плитах типа санги сандук и гахворасанг на территории кишлака (а также кладбища) Бобо-Таго на западной окраине г. Ура-Тюбе. Реставрируемый памятник на территории этого кишлака — отлично расписанная мечеть, датируется XVI в. При подготовке к реставрационным работам и расчистке вокруг мечети были обнаружены два надгробия, одно из которых датируется 815 г.х. (1412-1413). По времени настоящее надгробие — самое старое из обнаруженных эпиграфических памятников на территории Ура-Тюбинского района.

Другое надгробие, датированное 1200 г.х. (1785-1786), было установлено на могиле Сонли бая сына Нияз Хафиза, т.е. отец покойного был певцом, возможно, одним из мастеров-исполнителей нашего классического наследия — шашмакома.

На территории кладбища кишлака Бобо-Таго нами прочитаны надписи на мраморных плитах следующих должностных лиц: Давлятар бий сын Тухтасин баходура, 1321 (1903-1904). Инициатором установления этого надгробия (сохиб ат-таъмир).

Рис. II. Надгробие XV в. (типа гахворасанг) из Ура-Тюбе. Фото А. Мухтарова.

был Ходжамурад туксабо сын Давлат баходур бия; Кулмухаммад мирахур сын Бута бахадур, 1257 (1841-1842); Ишанбай сын Тагай бая, 1201 (1786-1787).

В 1978 г. наш отряд объектами своих поисковых работ выбрал кишлаки Пенджикентского района, расположенные на правом берегу р. Зеравшан.

Из приобретенных в этом году документов большой научной ценностью, на наш взгляд, представляют записи чиновника гиссарского бека о сборе разнообразных налогов и податей с жителей Регара, Каратага, Гиссара, Сари-Асии и других амлядарств. В этих записях имеются данные об отпуске определенного количества зерна судейскому учреждению, местной администрации, полицейскому участку и другим эмирским учреждениям в Гиссаре. Следует отметить, что такого содержания официальный документ, касающийся налоговой системы на территории Гиссарского бекства обнаружен впервые.

Рис. 12. Надгробие XV в. из Ура-Тюбе.
Фото А. Мухтарова.

Житель кишлака Колхозчиян Шералиев Шариф любезно подарил сотрудникам отряда несколько листов записей, которые оказались фрагментами из "Дневника Искандаркульской экспедиции 1870 г." Известно, что в экспедиции участвовали русский востоковед А. Л. Кун и в качестве переводчика самаркандский таджик Мулла Абдулатиф. "Дневник экспедиции" хранится в г. Ленинграде. Он представляет большой научный интерес для изучения истории горных бекств.

долины Зеравшана. Сопоставив приобретенные в 1978 г. листы с известным текстом "Дневника", можно уточнить отдельные моменты из маршрута этой экспедиции и жизни горцев Зеравшанской долины. Шералиев Ш. подарил нам и уникальные документы, рассказывающие о добыче золота местными старателями на р. Зеравшан в дореволюционное время.

Любопытным является документ о сборе налога "Кошпули", который взимался с владельцев рабочего скота. В нем речь идет о том, что этот налог с жителей кишлака Бри был снижен на 25 процентов. Возможно, народные волнения заставили администрацию пойти на уступки.

В другом документе речь идет о земельных участках каждого из 176 хозяйств жителей одного из неизвестных кишлаков Зеравшанской долины. Этот документ — письменное свидетельство о дифференциации крестьян накануне победы Октябрьской революции в Туркестане.

Как и в прошлые годы, среди собранных нами документов оказались частные письма, в которых нашли отражение политическая жизнь и социально-экономические отношения в долине Зеравшана в конце XIX — начале XX вв.

Для нас представляет интерес один документ, составленный на русском языке, о ремонте Самаркандских медресе Шердор, Тиллакори и Шейбани Хана в 1907 г. Ремонтные работы были проведены под наблюдением специальной комиссии, с участием русских специалистов — 4 местных мастеров-реставраторов. В документе оговорены расходы на каждое медресе и что рабочие будут подобраны самими мастерами.

Почти в каждый сезон нашей работы к нам попадают и документы по истории Советского Таджикистана. В 1978 г. бывший учитель, ныне пенсионер из кишла. Хурми, передал нам более 30 документов своего личного архива, которые относятся в основном к первым годам установления и упрочения Советской власти в долине Зеравшана. В одном из этих документов речь идет о недостатке учебников и учебных пособий. Поэтому местные учителя через труднодоступные горные перевалы ездили в Ташкент, откуда вьючным транспортом доставляли учебники для своих школ. Для этого периода ин-

терес представляет также документ о деятельности местного комитета бедноты "Союзкошчи", обращение Первого съезда Советов Таджикистана опубликованное типографским способом, решение общего собрания колхозников в первые годы образования коллективного хозяйства, партийный билет образца 1919 г. и пр. Документы по истории советского общества, на наш взгляд, раскрывают историю борьбы трудящихся за преобразование одного из глухих уголков Таджикистана — долины Зеравшана.

Объектом работы нашего археографического отряда в 1979 г. были высокогорные кишлаки Пенджикентского района — Магиан и Фараб.⁶ У населения этих кишлаков нами приобретены 150 актов документов XIX — начала XX вв., касающихся истории феодального землевладения, налоговой системы, раскладки налогов, собираемых по отдельным кишлакам, расположенным в долине Магиана, документы о разделе наследства, семейных отношениях и др.

К уникальным нашим приобретениям следует отнести деревянную скульптуру — идол (датируемый VI—VII вв.) из горной пещеры вблизи средневековой крепости Сарвода в Айнинском районе; античную греческую гемму из горного хрусталя из кишл. Фараб размером в трехкопеечную монету, а также

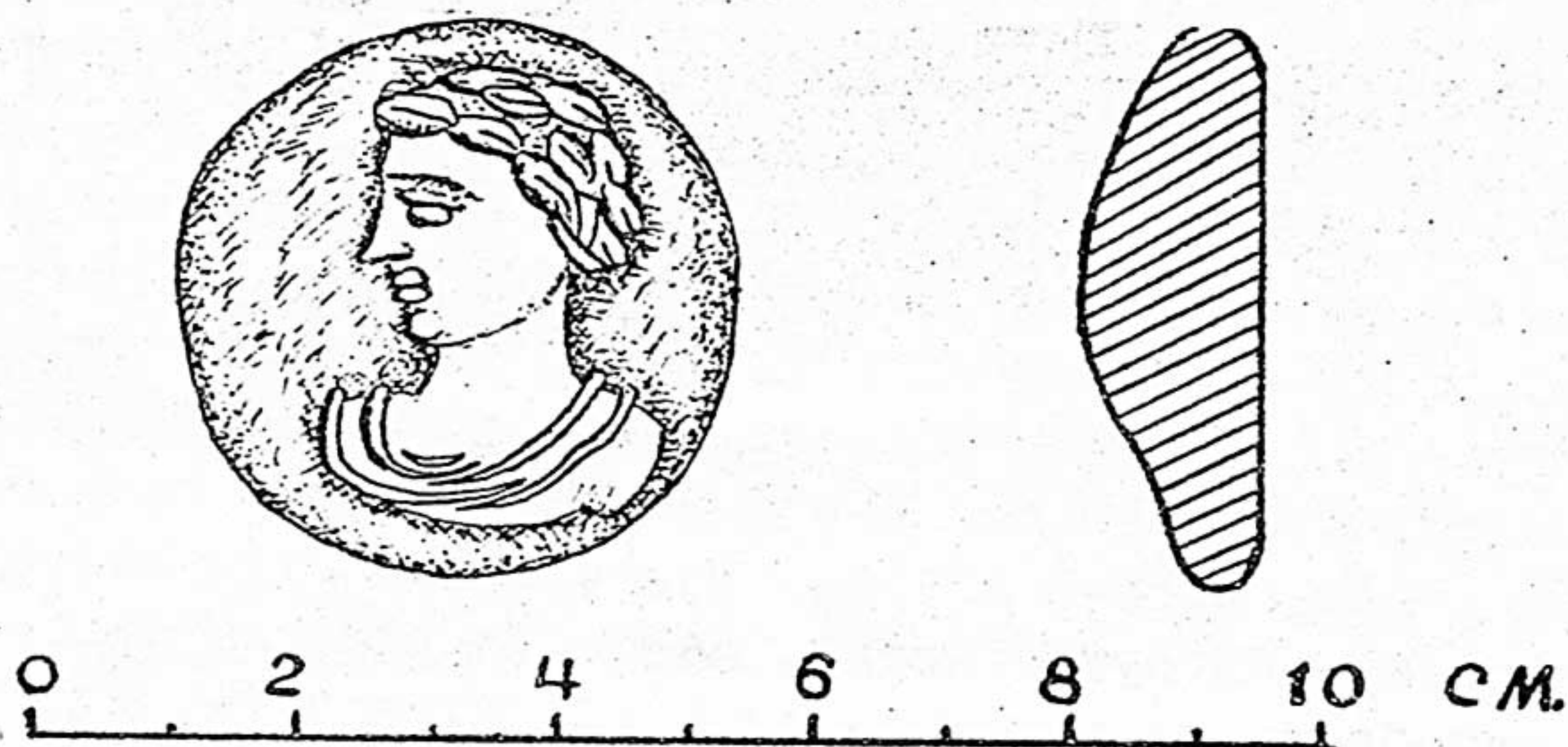

Рис. 15. Греческая гемма из кишлака Фараб. Рис. Б.Наимова.

6. Отряд работал в составе: А.Мухтаров (нач. отряда), мл. научные сотрудники К.Эльчибеков, К.Собиров.

сердоликовую гемму с изображением коня сасанидского времени (размером в двухкопеечную монету). На обороте геммы нанесена куфическая надпись, которая является одной из древнейших мусульманских надписей, обнаруженных на территории Средней Азии.

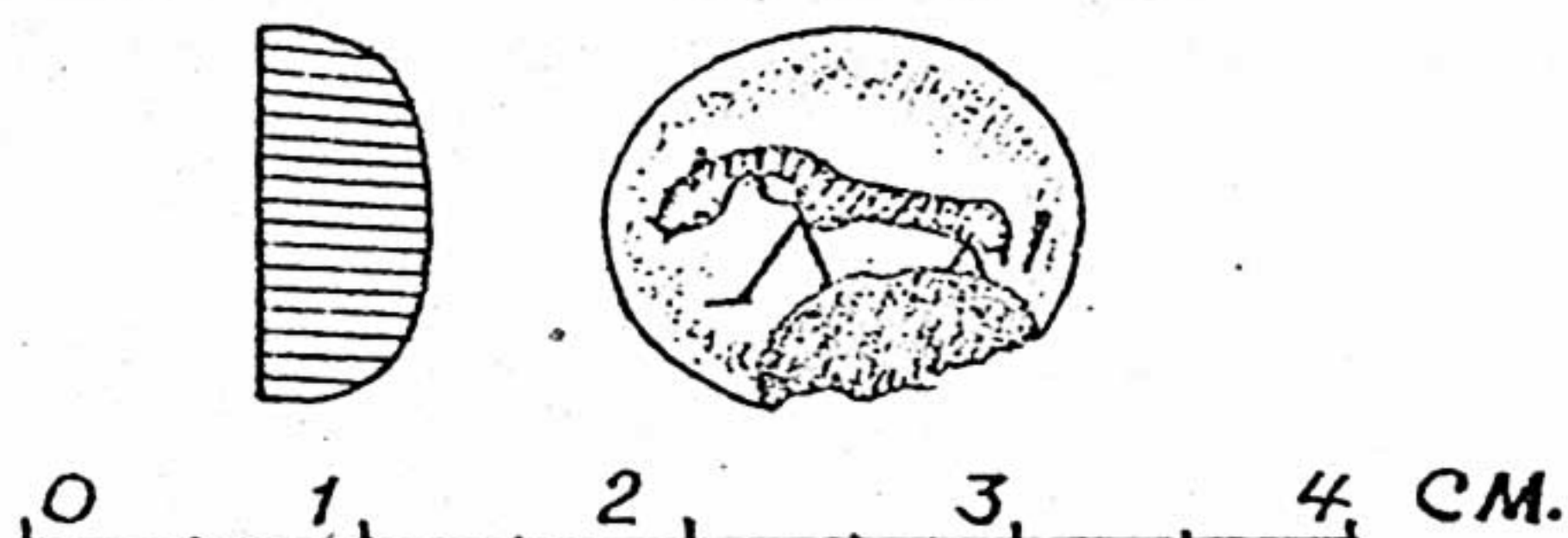

Рис. 16. Сасанидская гемма из кишл. Фараб.
Рис. Б. Наимова.

Из числа эпиграфических находок ценной оказалась надгробная надпись, обнаруженная туристами в Сибири в районе г. Новосибирска. Фотографию этой надписи мы получили от академика А. П. Окладникова, за что мы ему очень признательны. Необработанный кайрак с текстом датируется II94 г. и завершается двумя строками стихов на таджикском языке.

В 1980 г. основным местом исследования нашего отряда был выбран Ургутский район Самаркандской области.⁷

На территории старого кладбища под названием Ок-Тош в колхозе М. Горького было обнаружено мраморное надгробие типа санги сардук размером 30x70 см. Текст во многих местах отбит, из-за чего полное его чтение исключено. Не сохранилась также дата надписи. По форме надгробие можно отнести к ХVI или началу ХVII вв. Из фрагмента стихов на таджикском языке можно заключить, что оно было установлено на могиле юноши его отцом, который назвал своего сына "Тули ношукуфта" (нераспущенный бутон розы). На сохранившемся фрагменте удалось разобрать следующие имена: Абу Мутули сын Миракана сын эмира Сагира.

7. Отряд работал в составе: А. Мухтарова (нач. отряда), мл. научн. сотр. Ш. Шарипова, аспиранта Ф. Абдуллаева и сотрудника Ш. Бахмадшоева.

На территории старого кладбища под названием Теппай Шахидов (возвышенность мучеников) в колхозе "Правда" сохранились две надгробные мраморные плиты, с текстом, трудно поддающимся чтению. Надгробие по форме санги сандук и по палеографическим признакам может быть датировано ХУП-ХУШ вв.

В кишлаке Камонгарон на глухой окраине кладбища под названием "Қабристонӣ кӯҳна" сохранились два огромные мраморных надгробия типа санги сандук размером 35х1м 80 см, высотой 50 см. Одно из этих надгробий было установлено на могиле царевича (амирзода) по имени эмир Тагайбек сын эмира Ядгари, который скончался 20 месяца Раджаб года 844 (15 декабря 1440). Текст на втором надгробии плохой сохранности. По палеографическим данным, оно несколько позднего времени. Оба текста надгробия двуязычные — на арабском и таджикском языках.

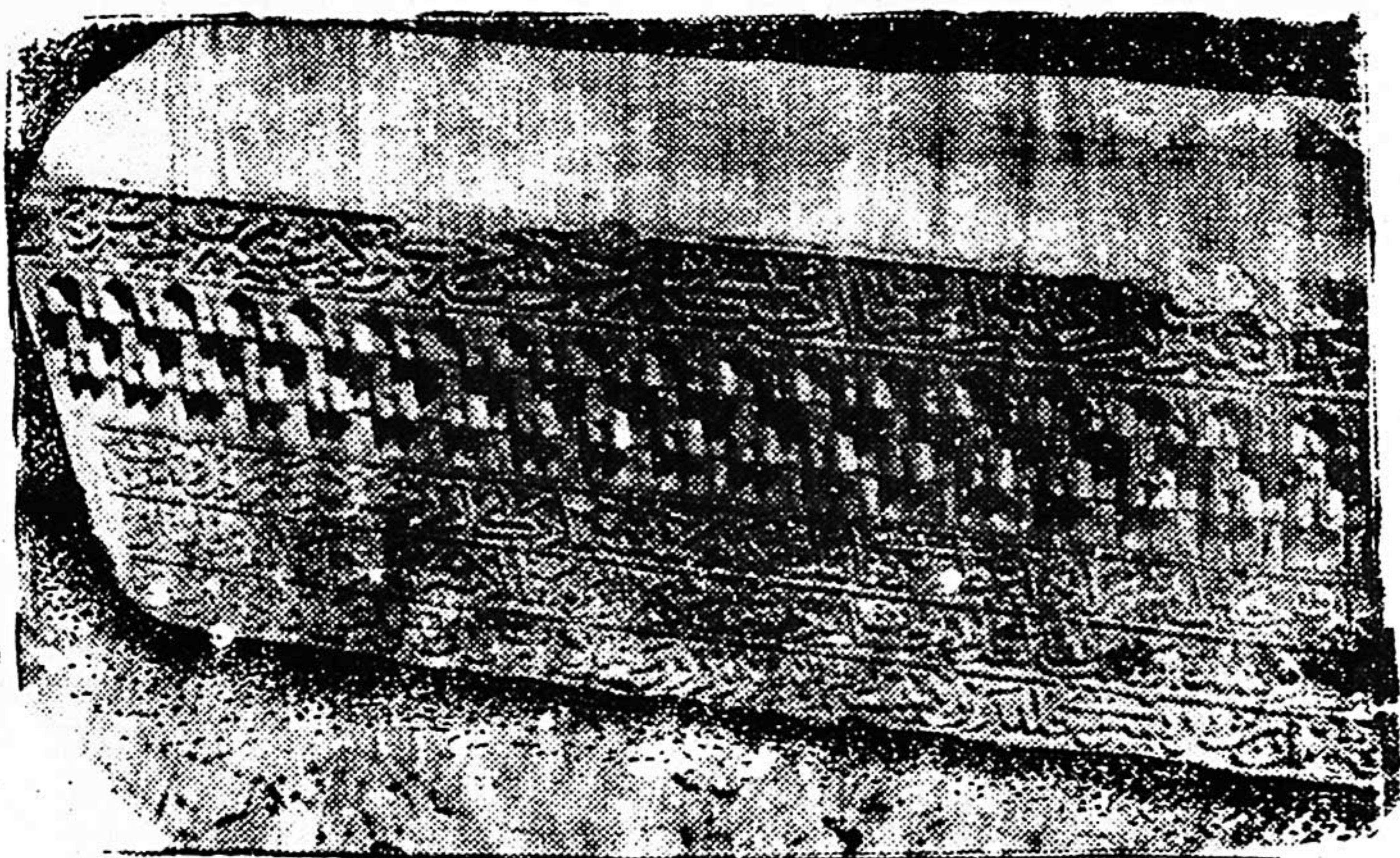

Рис. 17. Надгробие ХУ в. (санги сандук) из кишл. Камонгарон. Фото А. Мухтарова.

На окраине Бойкишлака, на территории огороженного старого кладбища под названием Кукташ Бобо сохранились 14 мраморных надгробий.

морных надгробных плит, 12 из которых типа санги сандук и два — гахворасанг. Тексты на этих камнях неодинаковой сохранности, части из них выбиты или стерлись. Из сохранившихся частей удалось установить, что одно из 14 надгробий было установлено на могиле женщины по имени Хурбике дочери Саъид шейха. Она скончалась в 1015 г.х. (1606—1607).

Самое большое надгробие на этом кладбище было установлено на могиле Мирза... Бобосуфи сына Мирзы Мирбобо. Он скончался в месяц Раби второго года 1006 (ноябрь—декабрь

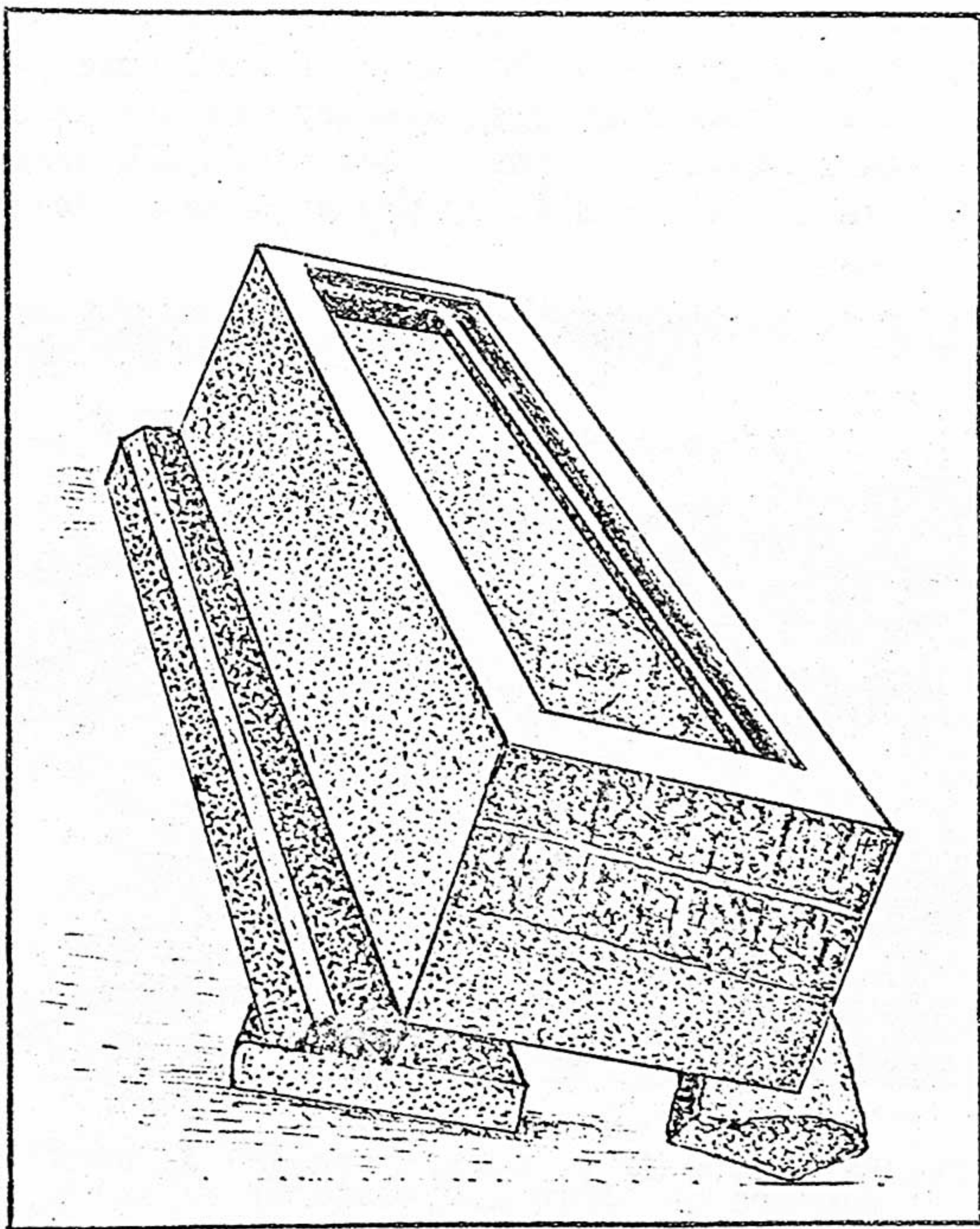

Рис. 18. Надгробие XVI в. (санги сандук) из кишл. Бойкишлак. Фото А. Мухтарова.

1597). Возможно, его имя дало название этому кладбищу. Вокруг этого надгробия много пиалок для питья чая и разная другая посуда. Согласно рассказам старожилов кишлаков Камонгарон и Бойкишлак, детей, заболевших коклюшем, приводили на старое кладбище кишл. Камонгарон на надгробие XV в., наливали воду, а затем вычерпывая ее ложкой поили больных детей. Если это не помогало, то детей возили за два десятка километров на кладбище Кукташ Бобо, наливали воду на надгробие Мирзи Бобосуфи и таким же образом поили там больных детей.

На территории кладбища Кукташ Бобо, недалеко от надгробия Мирзи Бобосуфи сохранилась часть небольшого надгробия типа гахворасанг (без даты). Оно было установлено на могиле Мирзи Шарифа сына Бобосуфи. Возможно, он был сыном первого и это место было их фамильным кладбищем. На соседнем с ним надгробии сохранилась дата — 1001 (1592–1593).

Разобранные нами даты на надгробиях кладбища Кукташ Бобо, форма надгробий и палеографические данные надписей могут свидетельствовать о том, что это кладбище в конце XVI–начале XVII вв. было местом захоронения влиятельных религиозных деятелей или должностных лиц местной администрации. Это были зажиточные лица, о чем свидетельствуют роскошно обработанные надгробия и название самого кишлака — Бойкишлак (Богатый кишлак или кишлак богачей).

Здесь с благодарностью мы упоминаем имя заслуженного учителя кишлака Шамтич Айнинского района Таджикской ССР Шарипова Абдуджалила, который на южных отрогах Туркестанского хребта разыскал наскальную надпись XVI в. Текст состоит из четырех строк стихов неизвестного автора, которые выбиты резчиком-каллиграфом Абдували,⁸ и двух строк поэта-классика таджикско-персидской литературы Саъди, выбитых неизвестным резчиком Кучкали или Кумакали.

Несторианские надписи на территории Ургутского района в науке были известны ранее. Они упоминаются В.В. Бартоль-

8. С нем см. А. М у х т а р о в. Эпиграфические памятники Кухистана, кн. I. Душанбе, 1978, с. 163.

дом⁹ и одна из них (наскальная, а не намогильная) опубликована М.Б.Массоном.¹⁰ Она дает самый крупный текст из сохранившихся несторианских надписей. На этой же огромной скале в местности Кутурбулак сотрудниками нашего отряда разысканы и сняты на полиэтиленовые пленки более 25 ранее неизвестных несторианских надписей. Эти надписи очень мелкие, покрыты красным подтеком и находятся на высоте 3–5 м. Возможно, по этой причине они не были ранее обнаружены. На этой же скале выбиты 6 больших разной формы крестов и множество мелких. Мелкие кресты вырезаны преимущественно перед началом несторианских текстов.

В 1980 г. нами были приобретены 130 актов документов, касающихся разных сторон хозяйственной, общественной и личной деятельности населения Ургутского района и долины Зеравшана в XIX– начале XX вв. В документе из кишлака Мазари Шариф Пенджикентского района были упомянуты имена 25 жителей этого кишлака с указанием размеров их пахотных земель. В кишлаке Пагна этого же района благодаря любезности вышеупомянутого Шералиева Ш. и старика по имени Мулла Нурулла мы оказались обладателями 23 интересных документов. На одном из них (без даты) речь идет о том, что во время перегона скота на горные пастбища с каждого гурта полагался один баран. В другом документе за 1273 г.х. (1856–1857) перечислены отдельные участки 435 танабов земли вместе с коранда – крестьянами их обрабатывающими в местности Чихил–Тут, более известной под названием Чала Курган, в тумане Сугди Калон, относящейся к Самарканду. Эти земли и крестьяне были проданы другому владельцу.

У жителя Ургута Ю.Пулатова нами сняты копии девяти документов второй половины XIX– начала XX вв. Восемь из них касаются имущества должностного лица Хакима Караулбеги.

9. В.В. Бартольд. Соч. Т. I., с. 145; т. IV, с. 110; т. VII, с. 391–392, 394.

10. М.Б. М а с с о н. Происхождение двух несторианских намогильных галек Средней Азии. – Общественные науки в Узбекистане, № 10, 1978, с. 50–55. (В этой статье дано сравнительно подробное описание местности с несторианскими надписями).

Опись его имущества свидетельствует о богатстве. Земли, сады, кони в золотом убранстве и прочее его имущество были оценены сотнями тысяч тенги и были распределены между наследниками (в 1895 г.). Из других документов, относящихся к началу XIX в., видно, что эти наследники сами стали должниками других лиц.

Учитель школы № 8 кишлака Магиан Пенджикентского района Х.Бабаев доставил нам регистрационную книгу, на обложке которой на русском языке написано: "Всего в этой книге пронумерованных, прошнурованных, скрепленных и припечатанных сорок четыре листа. Книга сия выдана из канцелярии Зарафшанского округа Болаи Варзи-Манорскому казию для вынесения совершаемых разделов имуществ, переходящих по наследству. Сентябрь 12 дня 1872 г. гор. Варзи-Манор.

Помощник начальника Зарафшанского округа полковник Яфимов (?)

Переводчик, губернский секретарь Александров".

Из других записей видно, что эта книга была составлена в феврале 1872 г. в г.Самарканде, затем месяц февраль был заменен месяцем октябрь, а г.Самарканд - Болои Варзи-Манором (современный райцентр Айнинского района Таджикской ССР).

Первоначально эту книгу вел казий по имени Эсан, который, согласно опросным сведениям, был из кишл. Урметая Айнинского района, а с февраля 1875 - кази Мир Баховаддинходжа. Последние записи этой книги датированы 1879 г. Они касаются различных сторон жизни населения обширной территории - от старой Матчи до Самарканда и Шахрисябза. Из зарегистрированных дел видно, что к казиям по различным вопросам обращались жители 9 кишлаков современного Айнинского района, 24 кишлаков Пенджикентского района, двух кишлаков Ургута, двух кишлаков Шахрисябза, а также жители кишлаков Матчи, Самарканда и Китаба. Из других записей этой книги видно, что месячный оклад аксакала составлял 6 руб.

Регистрационная книга дел, подсудных казию, представляет большой интерес для изучения имущественного по-

ложения трудящихся (при разделе наследства), семейных отношений, причин разводов и пр.

Юсуфбеков Нусратулло, врач-хирург из кишлака Мадовра, сельского совета Рудаки Пенджикентского района временно дал нам солидную книгу-тетрадь с множеством записей различного содержания — от математических и геометрических до стихов известных и неизвестных поэтов. Эта книга-тетрадь принадлежала служителю одного из Самаркандских медресе. Им, по всей вероятности, был Мулла Мавлан Ибрагимзаде, который, по словам отца Н. Юсуфбекова, 41 год жил и преподавал в медресе городов Бухары и Самарканда.

Из памятных записей неизвестных лиц в этой книге помимо вышеприведенных сведений о землетрясении 1907 г. в Самарканде можно получить сведения о годах смерти некоторых должностных лиц Бухары, Самарканда, Пенджикента, о ремонтных работах исторических памятников, познакомиться со стихами поэтов на разные темы, в том числе посвященных этим ремонтным работам и пр. В книге оказались три стихотворных текста (70 бейтов) известного поэта Накибхана Туграла, два из которых в ранее опубликованных его сборниках стихов не встречаются.^{II} К тому же одно из этих стихотворений на узбекском языке и является первым образцом наследия поэта на этом языке.

Рукописные книги, обнаруженные в частных библиотеках.

Коран XIII в. был обнаружен в развалинах мечети горного кишлака Сумак в 1976 г. Дата рукописи отсутствует, колофон, то место, на котором обычно переписчик оставлял свое имя, не сохранился. Рукопись плохой сохранности, нет начала и конца, не сохранились листы и в других местах. Всего книга должна была состоять примерно из 450 листов (размером 24x40 см), утеряны 173 листа. Из сохранившейся части два десятка листов добавлены позднее при многократных реставрациях. Одна из этих работ была выполнена в XVII в. Об этом мы узнаем из надписи на ромбическом медальоне, тес-

II. А х р а р и Т у г р а л. Диван. Каган, 1916; Туграл. Мунтахаботи ашзор. Душанбе: Ирфон, 1964.

ненном на хорошо орнаментированном переплете — "Мулла Ортук", сын суффи Турсуна, переплетчика. 1095 г.х." (1683—1634).

За семьсот лет эту книгу читали и перелистывали бесчисленное число людей. Но сохранилось имя только одного из ее владельцев. Им был Амонбек сын Мухаммаджара, который в 1211 г.х. (1796—1797) пожертвовал эту рукопись в вакуф. Об этом мы узнаем из именной печати этого лица, приложенной через каждые 9—10 листов, в том числе и на некоторых реставрированных листах, что свидетельствует о том, что реставрация имела место до того, когда книга была пожертвована в вакуф. Содержание книги—арабско-таджикский словарь, подстрочный перевод корана на таджикский язык.

Ценность рукописи — в ее древности и в этом переводе, а также в высокохудожественном оформлении книги красочными заставками разных форм и размеров.

В 1976 г. в кишлаке Шамтич (Айнинского района) в личной библиотеке Мулла Касыма были просмотрены следующие рукописи.

1. Янобеъ ул-улум (Источник науки), датированная 746 г.х. (1345—1346). Рукопись переписана почерками насх, сульс и куфи. Почерк куфи местами имеет прибуквенные знаки.

2. Далоил ул-хайрот ва шаворик ал Анвор была переписана Мухаммед Назаром б. Ходжи Нема туллахом уротеппаги, Хавзи Сангини в возрасте 71 года за очень короткое время по поручению Саид Абдулнабй ал-мулакаб (прозванный Турахан ходжа). Время переписки — зима 1260 г.х. (1844), в снежную погоду.

Рукопись хорошей сохранности, текст заключен в синюю и золотую рамки и украшен золотыми брызгами, переплет кожаный с медальонами.

Настоящая приписка в Колофоне интересна тем, что переписчик, сообщая место переписки — г. Ура-Тюбе, одновременно приводит и название городского квартала — Хавзи Сангин, где он проживал в это время. В таком возрасте так красиво переписывать рукописи могли не все каллиграфы. Здесь нельзя не вспомнить знаменитого каллиграфа Султан Алия Мешкеди, ко-

سورة التوبة

Рис. 19. Страница рукописи XIII в. Фото Н. Суханова.

торый в возрасте 63 лет писал так же красиво, как и в свои молодые годы. Текст в колофоне интересен еще и тем, что каллиграф Мухаммад Назар сообщает имя и прозвище заказчика — Абдулнабы ал-мулакаб Турахан ходжа. По актовым документам, обнаруженным в г. Ура-Тюбе и опубликованным нами в 1963 г., известно, что ишан-феодал Турахан ходжа был одним из крупных должностных лиц, землевладельцем, имения которого

были освобождены от государственных налогов.¹² Эта приписка — еще один штрих в биографии феодала XIX в.

Рукопись XVIII в. по фикху приобретена в г. Пенджикенте. В ней подшито 20 актов документов XVIII-XIX вв., имеются статистические сведения по г. Балху. Эти сведения включены в нашу работу "Позднесредневековый Балх".¹³

В одном из 20 официальных документов, закрепленных печатями, речь идет о феодальной иерархии в следующем порядке: падишах, кази, муфтий, мухтасиб, мударрис. Эти люди являются, написано в этом документе, духовными должностными лицами и на собраниях должны были сидеть только в перечисленной очередности. Настоящая рукопись весьма ценна для юристов, которым интересны различные стороны юриспруденции в Средней Азии до XIX в.

Автор рукописи не установлен. На первом листе сохранилась приписка "Фавоиди Самаркандӣ ибн и Мулло Калон". Возможно, это название книги и имя ее составителя.

"Рисола дар баени тасаввуф ва ахли тасаввуф" (Трактат о суфизме и его последователях). Рукопись, по всей вероятности, конца XIX — начала XX вв. Ее фотокопия нами была приобретена у жителя кишла. Ходжако Ганчинского района Ксупова. В этой рукописи помимо легендарных эпизодов приведены и некоторые исторические факты из истории г. Ура-Тюбе и окрестных областей до XVIII в.

В Ганчинском районе сохранился мазар, построенный из жженого кирпича с своеобразным куполом. Кроме двух световых проемов стены помещения глухи, не имеют входных дверей. Согласно легенде, которая бытует у местных жителей, внутри мазара должны быть какие-то рукописи. С согласия местных жителей при участии ныне покойного старика Акмалхана мы пробили стены мазара и проникли во внутрь. Под слоем земли были обнаружены три эк-

12. А. М у х т а р о в. Материалы по истории Ура-Тюбе. М.: Изд-во восточной литературы, 1963, с. 54, 68-69.

13. А. М у х т а р о в. Позднесредневековый Балх (материалы к исторической топографии города в XVI-XVIII вв.). Душанбе: Дониш, 1980.

земляра Корана (в том числе рукописный экземпляр), фрагменты сборника стихов поэтов Соиба, Нозима, датируемые ХУІ-ХУШ вв., и стихотворный сборник менее известных, возможно, местных поэтов (таких как Шайдо и Махмуд). Время и сырость сделали свое дело и бумага у всех перечисленных книг, к сожалению, пришла в негодность.

Наличие вышеназванных рукописных книг у жителей сельских мест и в общественных местах (мазары, мечети) свидетельствуют о том, что богатое наследие нашего народа все еще ждет своих исследователей. Выявление подобных ценных письменных памятников и изучение их специалистами на местах должно быть первейшим долгом наших ученых.

За 1974-1980 гг. нашим отрядом собраны 1198 актов документов ХУІ- начала ХХ вв., десяти эпиграфических памятников, часть из которых упоминается в этом предварительном отчете и много других уникальных вещей. Все эти находки еще более обогатили фонд сектора истории средних веков. В будущем они позволят исследователям с уверенностью прийти к важным выводам по многим вопросам истории социально-экономической и политической жизни народов Средней Азии в разные исторические периоды.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
КЕНО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	
В.А.Ранов. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лаху- ти I в 1979 г.	II
А.Г.Амосова, С.П.Ломов. О работе по изучению каменно- го века Бешкентской долины	37
В.А.Жуков. Раскопки пещеры "Истыкская (1978-1979 гг.).	51
А.Х.Юсупов. Разведки каменного века на юге Таджикис- тана в 1979 г.	65
Н.М.Виноградова. Работы отряда по изучению памятни- ков эпохи бронзы ЮТАЭ весной 1979 г.	77
И.Г.Равич. Технология изготовления кельта из Карим- берды	86
Л.Т.Пьянкова. Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г.	89
Б.А.Литвинский, И.Р.Пичикян. Тахти Сангин - Каменное героидище - 1979 г.	104
А.Абдуллаев. Отчет о работе в Яванской долине в 1979 г.	136
Е.Денисов. Раскопки в Дангаринском и Кобаджанском районах.	147
А.В.Седов, А.П.Керзум. Работы в Бешкентской долине в 1979 г.	164
Б.В.Зеймаль. Археологические работы в Шахринау	173
Т.И.Зеймаль. Буддийский комплекс Шутур Мулло	186
В.С.Соловьев. Раскопки на Кадыркале в 1979 г.	203
Б.А.Литвинский, В.С.Соловьев. Раскопки на Калаи Шод- мон в 1979 г.	216
Ю.Я.Якубов. Работы Каратегинского отряда в 1979 г. . . .	235
М.А.Бубнова. Культурный комплекс в кишлаке Вранг (Западный Памир).	249
Э.Гулямова. О работах Хульбукского и Московского отрядов в 1979 г.	264
А.И.Маняхина. Археологические работы на мавзолее Ходжа Машад в 1979 г.	278

ПЕНДЖИКЕНТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

- А.М.Беленицкий, Б.И.Маршак, В.И.Распопова. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1979г..... 293..
- А.И.Исаков. Раскопки третьего сезона на Саразме(1979г.). 334

СЕВЕРО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

- Н.Н.Негматов. Полевые исследования СТАКЭ в 1979г. 353
- Н.А.Москаленко. Шахристанский палеолит(к постановке проблемы)..... 359
- Т.В.Беляева. Раскопки на Ходжентском Арке в 1979г.. 378
- Е.Д.Салтовская, У.П.Пулатов. Раскопки Тиркаштепа в 1979г..... 388
- З.А.Малаева. О раскопках на объектах УП и УШ Калай Каккаха I в 1977-1979гг.. 398
- П.Т.Самойлик. Обжигательные печи Бунджиката (IX-XIV). 404
- Н.Н.Негматов, А.К.Мирбабаев. Находки скульптурных головок и других изделий из Исфаринской долины. 413
- О.В.Панфилов. Поиски и фиксация наскальных изображений Северного Таджикистана в 1976-1979гг. 422

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

- А.Мухтаров. О работе археографического отряда в 1974-1980 гг..... 447

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

Ответственные редакторы:
Борис Анатольевич Литвинский,
Нуман Негматович Негматов,
Вадим Александрович Ранов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ Вып. XIX (1979 г.)

Редактор издательства Л.Г.Котунова
Технический редактор В.Н.Щемелинина
Художественный редактор Г.Цирулиев
Корректоры: Абасьева Э.М., Рохман Т.А., Саенко Г.Г.

ИБ № 1207

Сдано в набор 21.09.1985 г. Подписано в печать 25.10.1985 г. КЛ 05847. Формат 60 х 84 1/16. Бумага писчая № 2. Офсетная печать. Усл.печ.л. 27,9. Усл.кр.-отт. 2. Уч.-изд.л. 22,0. Тираж 555. Заказ 369. Цена 3 руб. 30 коп.

Издательство и типография "Дониш", 734029, г.Душанбе, ул.Айни, 121, корп. 2.

3 руб. 30 коп.